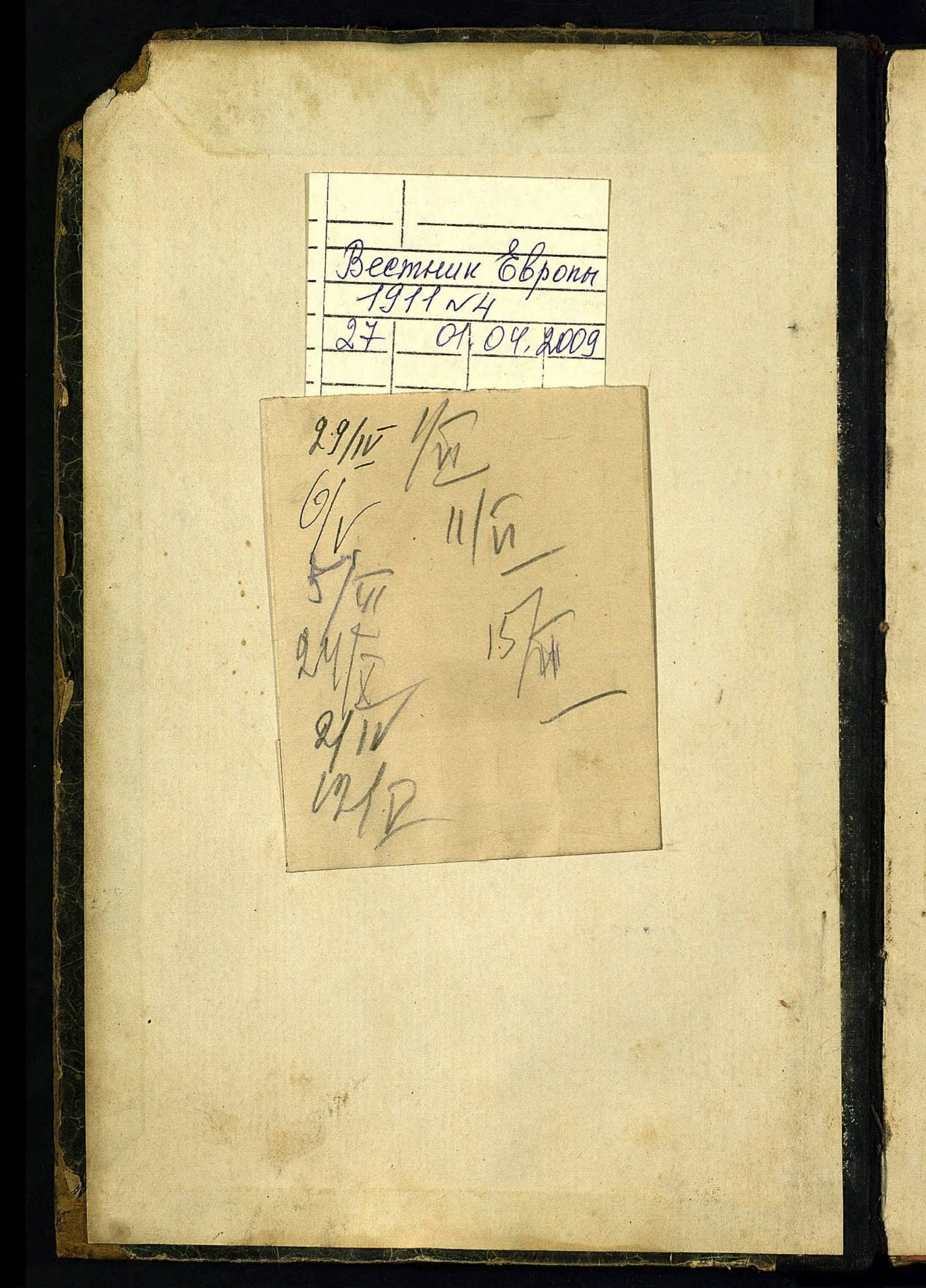
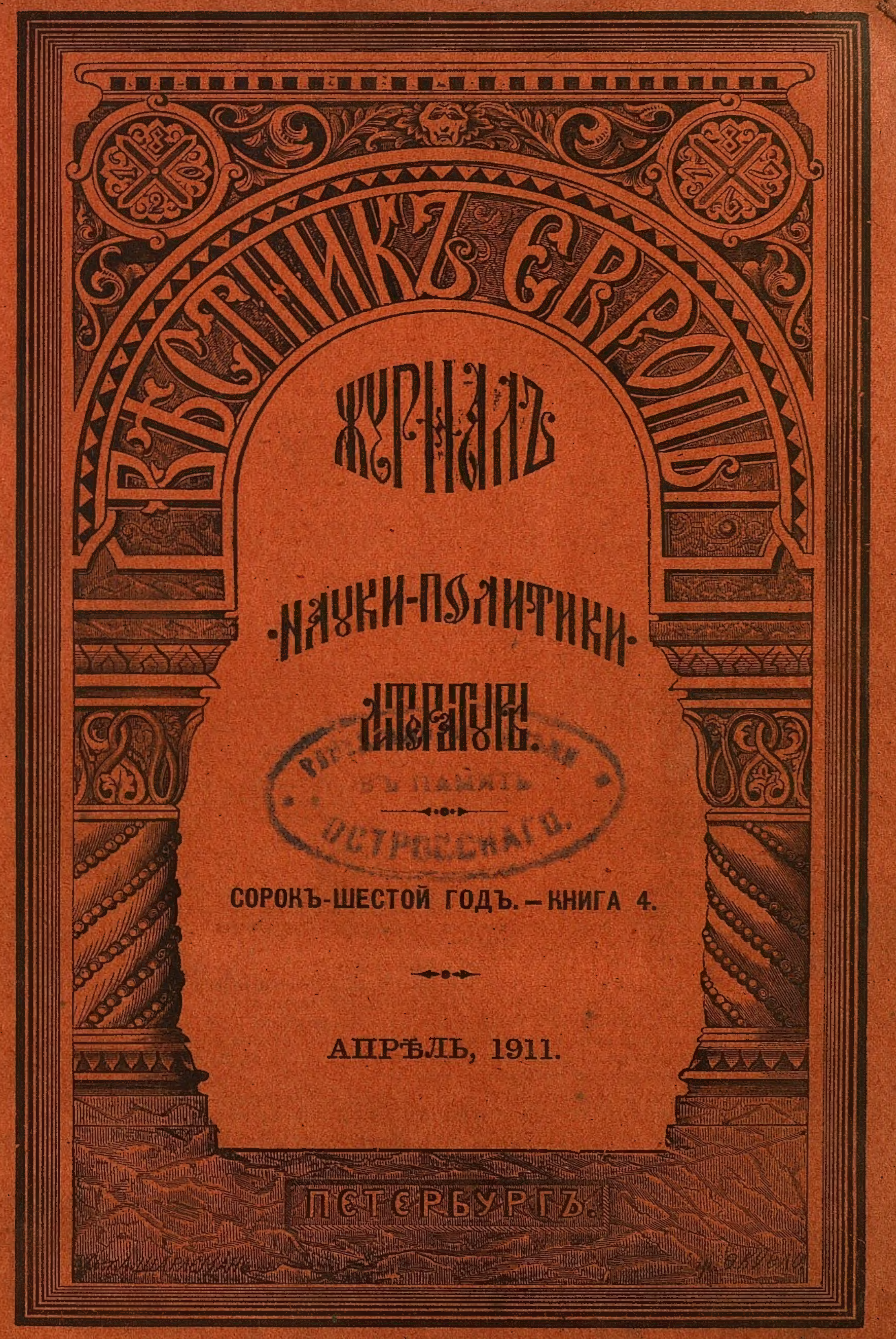

Вестник Европы
1911 №4
27 01.04.2009
29/IV 1/VI
6/V 11/VI
5/VII
24/IX 15/VII
2/IV
17/IV

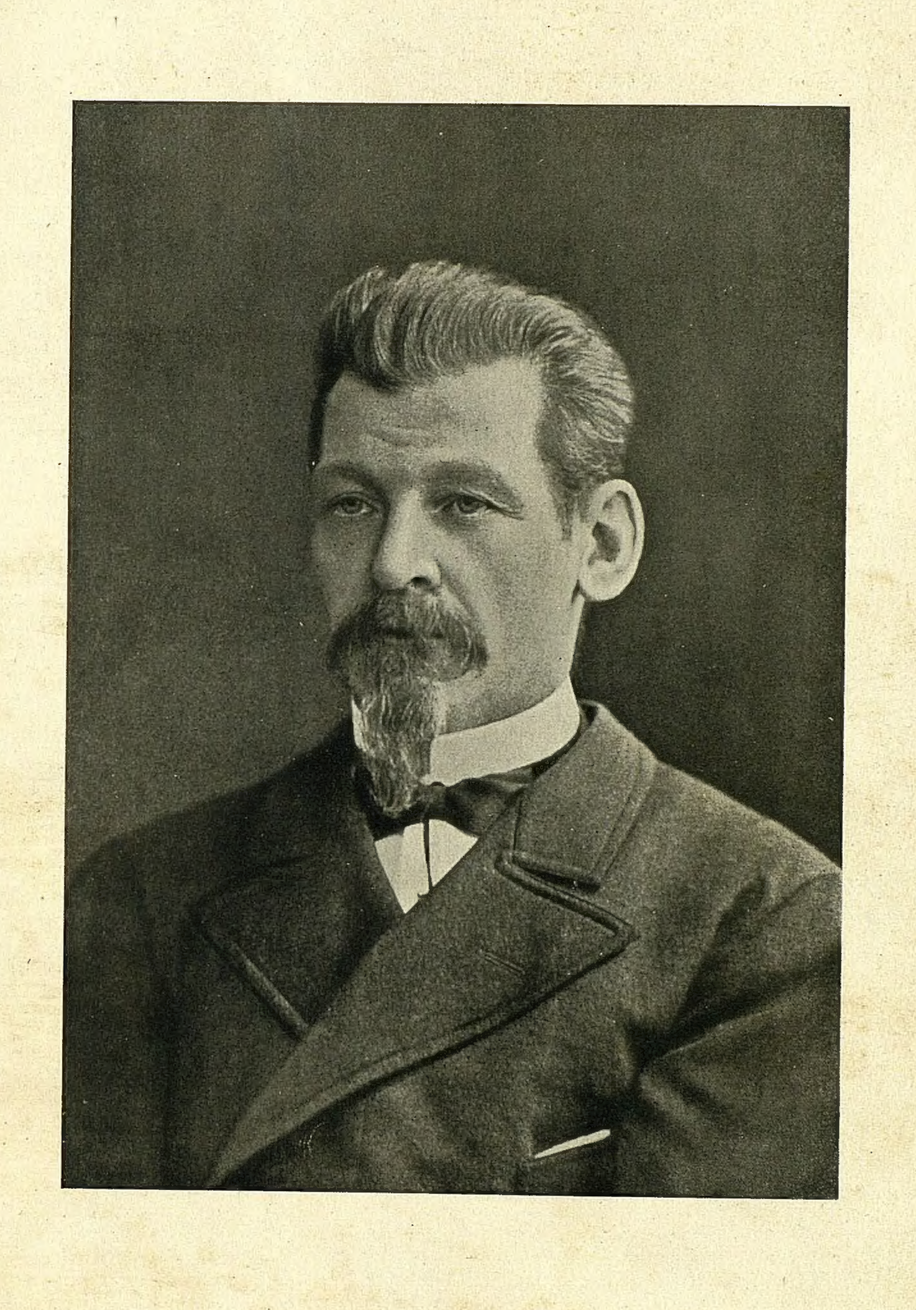
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

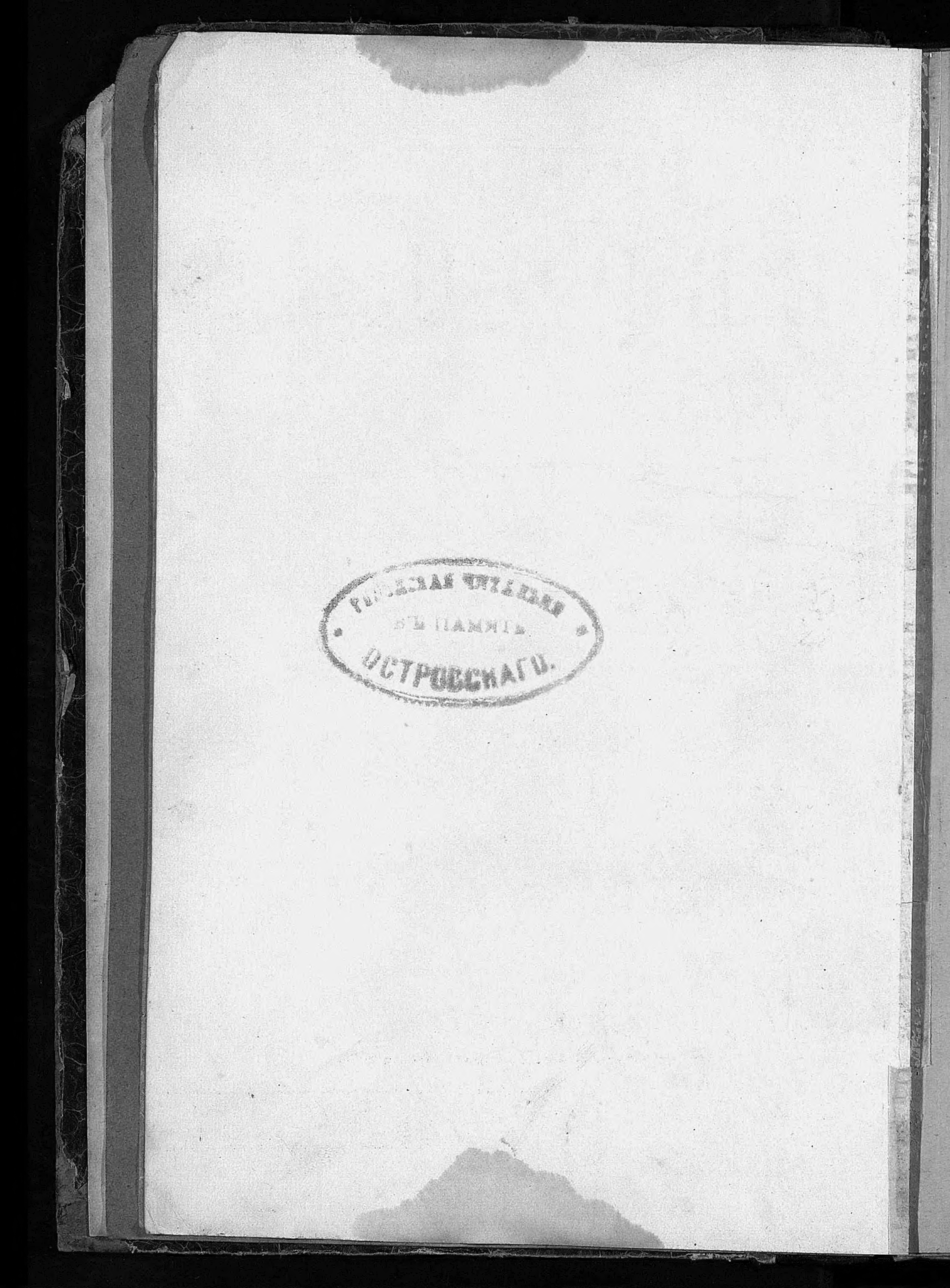
КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1911.

Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

Увеличенный снимокъ съ современной фотографіи.

«Вѣстникъ Европы», 1911 г.

ВЪ ПАМЯТЬ
ОСТРОВСКАГО.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

АПРѢЛЬ

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

4186

ЮНОСТЬ

РОМАНЪ

VII *).

Жаркій полдень. Монотонно звенятъ колокольчики подъ дугой; еле перебираютъ лошадки ногами, подбрасывая пыль по дорогѣ и поматывая мохнатыми головами въ тактъ бѣгу. Покачивается плетушка изъ стороны въ сторону, подскакивая на выбоинахъ, и голова откидывается назадъ и раскрываются глаза. Все то же: безконечныя зеленыя полосы, то узкія, то широкія, то блѣдныя, то яркія, черная пахота, на горизонтѣ—вѣтрянки-мельницы съ простертыми къ небу крыльями и кайма далекаго лѣса... Всѣ разомлѣли—и сѣдокъ, и ямщикъ, и лошади: я—въ сонной дремѣ грежу о темной ночи на пароходѣ, о золотистой косѣ, о синихъ глазахъ; ямщикъ — въ полной нирванѣ; лошади, должно быть, мечтаютъ о прохладной конюшнѣ, душистомъ сѣнѣ, овсѣ и холодной водѣ... Жарко. Раскрывъ рты и распустивъ крылья, сидятъ на пахотѣ вороны и лѣниво, нехотя поднимаются при нашемъ приближеніи... И такъ идетъ часъ и другой... Вдругъ лаютъ собаки. Что такое? Раскрываю глаза: деревня.

— Какая деревня?

— Не узналъ? Овинники!

— А Ключи?

— Проѣхали. Вонъ они гдѣ остались!..

Скоро домъ. Улетаетъ дрёма, мысли о родномъ домѣ начи-

---

*) См. мартъ, стр. 174.

наютъ мѣшать мыслямъ о прошломъ... Поднялись на гору, въѣхали въ сосновый боръ.

Здравствуй, боръ! Ты все тотъ же, такъ же вѣчно рвешься вершинами къ небесамъ и ползаешь корнями по землѣ, протягиваешь на дорогу къ людямъ свои мохнатыя лапы и щедро разбрасываешь желтыя смолистыя шишки... Ты все тотъ же, а вотъ я... я—другой! Раньше я больше всего любилъ побыть наединѣ съ тобой, послушать, какъ ты шумишь въ вѣтеръ и шепчешься съ дождемъ. Больше всего на свѣтѣ любилъ я тебя, ружье и собаку, бѣлую умную Джальму!.. А теперь... Измѣнилъ я всѣмъ вамъ: больше всѣхъ и всего на свѣтѣ я люблю теперь одну дѣвушку—ее зовутъ Зоей!..

— Зо-я! — закричалъ я въ боръ, и онъ началъ шептать что-то, бросилъ въ меня сухой желтой шишкой и ударилъ мохнатой колючей лапой по шляпѣ.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь: судьба!

— Ну-ну, шагайте по лошадински! Недалечко ужъ... Дождичка бы, баринъ, надо...

— Съ удовольствіемъ бы, да не могу, братецъ!..

— Хм... Чудно̀й! Я про Бога, а ты... Что человѣкъ можетъ? Пыль мы съ тобой... Хм... Ѣхалъ я намедни съ вашей сродственницей, съ... Какъ ее? Мудрено зовутъ. Чай, знаешь?

— А-а! Съ Калеріей Владиміровной?

— Вотъ-вотъ!.. Имячко придумали.

— Ну!

— Ну, разговорились. То да се... Въ Елшанкѣ молодой мужикъ свою бабу топоромъ зарубилъ... По этому случа̀ю разговоръ-то... За что?—спрашиваетъ. Съ другимъ, баю, пыма̀лъ, съ парнемъ. Кого—спрашиваетъ—жалѣешь: жену, али мужа? Я тоесть.—Мужа, баю. Почему? За ея грѣхъ, баю, страданіе приметъ и на земли, и на небеси: здѣсь въ каторгу, а тамъ въ огонь вѣчный. А она, стерва, смертью, кровью своей на томъ свѣту оправдается: получила свое!..

— Ну!

— А она, эта твоя сродственница-то, и говоритъ: коли мужа не любишь, такъ можно съ другимъ... то-есть путаться... А Богъ-то, баю! А что, баетъ, Онъ, Богъ-то, исправникъ, что-ли? Кого хочу, того и люблю... Это, баетъ, моя воля...

Съ этого начался нашъ разговоръ съ ямщикомъ о любви.

— Одна любовь, баринъ, отъ Бога, а другая отъ чорта. Коли заслужилъ передъ Господомъ—Онъ тебѣ хорошую бабу предоставитъ, а не заслужилъ, за это дѣло чортъ возьмется..

— Ну!

— Онъ, чортъ-то, такую тебѣ подсунетъ, что либо самъ повѣсишься, либо ее прикончишь. На землѣ всю жисть промаешься, да и на тоёмъ свѣту поплачешь. Баба, братъ, дѣло сурьезное!..

Захотѣлось мнѣ сказать ямщику, что я уже полюбилъ, что я уже получилъ отъ Бога „бабу“ и счастливъ.

— Я, братъ, понимаю... Невѣста у меня есть... Хорошая, красивая, умная...

— Дай Богъ! А только то въ разсчетъ прими, что покуда не поживешь съ ней—не хвастайся: оно послѣ откроется—отъ Бога, али отъ чорта твоя любовь. Чортъ, братецъ, такого туману напуститъ, что не сразу разберешься...

Я разсердился на ямщика:

— Дуракъ не разберется, а если въ головѣ кое-что есть...

— Да вѣдь и чортъ-то, братецъ, не дуракъ, а пожалуй и поумнѣе насъ съ тобой... Выбирай—которая стѣснительная, которая глазъ зря не пялитъ на тебя и Бога боится... А ужъ которая говоритъ: „Богъ не исправникъ, а я—вольная“,—отъ той надо подальше... А тоже—красивая изъ себя эта гостья у васъ! Тоже, поди, какой-нибудь думалъ, что Богъ ему въ награду послалъ... Сказываютъ — мужня жена бѣглая... А я поглядѣлъ: чортъ въ ней сидитъ...

— Какъ же ты это узналъ?

— Я-то? Хм!.. Смѣхъ у ней нехорошій и въ глазахъ одинъ блудъ... Изъ себя черная, какъ воронъ, языкъ стыда не знаетъ и глаза—тоже... И душа въ ней—черная, повѣрь моему слову!.. Вотъ этакихъ-то чортъ и подсовываетъ нашему брату... Въ грѣхѣ сгоришь съ этакой... Отъ ея такъ и палитъ огнемъ... Сижу на козлахъ, разговариваемъ, а въ спину отъ ея глазу да отъ языка грѣхъ входитъ...

Ямщикъ сплюнулъ и потихоньку замурлыкалъ тягучую грустную пѣсенку...

А мои мысли опять полетѣли назадъ и кружились около моего бѣлаго голубя... Бѣлая!.. Она вся бѣлая, свѣтлая, чистая! Она—отъ Бога... Я перекрестился и прошепталъ:

— Благодарю Тебя, Господи!

Потомъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку и трясущимися руками досталъ спрятанный здѣсь портретъ Зои. Чѣмъ дольше я смотрѣлъ на портретъ, тѣмъ онъ болѣе оживалъ... Милое, дорогое лицо!.. Кротко и довѣрчиво смотрятъ на меня радостные глаза, и легкая тѣнь улыбки привѣтствуетъ и ласкаетъ встрепенувшуюся душу. Я приближаю портретъ къ

своему лицу, и мнѣ чудится, что глаза раскрываются шире и губы начинаютъ вздрагивать и что-то хотятъ сказать мнѣ...

— Здравствуй, голубь! Ты меня помнишь, не забыла? Да!.. Конечно!..

Прикладываю портретъ къ губамъ и закрываю глаза.

— Вонъ она! верхомъ... какъ мужикъ!

Проворно прячу портретъ...

— Она и есть!..

— Кто?

— Гляди впередъ! Во̀на!.. Ровно казакъ. Хм!..

Далеко впереди, навстрѣчу намъ, чрезъ ровные стволы высокихъ сосенъ, выѣзжалъ верхомъ на гнѣдой лошади гордый всадникъ, похожій на пажа изъ оперы: желтые ботфорты, шляпа съ перомъ, лѣвая рука на таліи, на груди ярко-красное пятно...

— Не мужикъ и не баба...—промычалъ ямщикъ.

— Это... развѣ это—женщина?

Ямщикъ обернулся и бросилъ злымъ шопотомъ:

— Она это, ваша гостья!..

— Калерія?

Всадникъ пришпорилъ лошадь и галопомъ помчался намъ навстрѣчу. Не знаю, почему—я почувствовалъ вдругъ робость и опустилъ глаза. Звонко постукивали подковы о переползавшіе черезъ дорогу корни старыхъ сосенъ, и мой страхъ возрасталъ по мѣрѣ приближенія всадника. Словно навстрѣчу намъ мчался поѣздъ и грозило неминуемое столкновеніе. Уже близко... Слышно, какъ храпитъ взмыленная лошадь...

— Тпру! Здравствуй, Геня!

Круто повернула лошадь и поѣхала совсѣмъ рядомъ, протянула руку, крѣпко затянутую темной лайковой перчаткой.

— Созрѣлъ? Поздравляю! Я выѣхала тебя встрѣчать... Ты недоволенъ?

— Благодарю!.. Мама здорова?

— Да... Не совсѣмъ, какъ всѣ дамы на возрастѣ, но... Посмотри на меня! Мнѣ хочется хорошенько разсмотрѣть своего братца... хоть и троюроднаго... А, уже усы! Молодцомъ! Ты выглядишь совсѣмъ мужчиной...

Меня разбирала злость: она говоритъ со мной, какъ съ мальчикомъ, на „ты“, прищуриваетъ глаза, разсматривая меня, какъ неодушевленный предметъ, забрасываетъ глупыми вопросами и хохочетъ на весь лѣсъ.

— Ты любишь верхомъ?

— Нѣтъ. Я предпочитаю прогулки пѣшкомъ, съ ружьемъ и собакой.

— Надѣюсь, что иногда ты не откажешься, кромѣ этихъ своихъ друзей, захватить еще и третьяго, т.-е. меня? Я люблю скитаться по лѣсу.

— Я охотникъ серьезный. Вы за мной не угонитесь.

— Почему же—„вы“? Я тебѣ разрѣшаю говорить мнѣ „ты“.

Я окончательно разсердился:

— Изъ женщинъ я говорю на „ты“ только съ матерью да еще съ...

— Съ кѣмъ еще?

— Съ той, которую люблю...

Она весело расхохоталась:

— Ну хорошо: давай на „вы“!.. Вы кого же любите?

— Калерія Владиміровна! Вы мнѣ не нравитесь.

— Почему? А мнѣ всѣ говорятъ, что я очень красива.

— Я — не о наружности... Я не люблю шутить надъ... Вообще я серьезнѣе, чѣмъ кажусь вамъ... Вы меня простите, но я просто не умѣю поддерживать пустыхъ разговоровъ....

— Вы даже не умѣете быть вѣжливымъ... Но со временемъ мы этому научимся...

— Хорошо. Только не теперь...

Калерія больно ударила свою лошадь хлыстомъ и помчалась вихремъ по дорогѣ. Заклубилась впереди пыль, засверкали лошадиныя ноги подковами, и скоро пропалъ въ соснахъ этотъ странный всадникъ.

— Видѣлъ? Чортъ, а не баба!..—обернувшись, сказалъ ямщикъ и, покачавъ головой, добавилъ:

— Ловко ты ее отбрилъ! До новыхъ вѣниковъ не забудетъ! Давай покуримъ что-ли...

Ямщикъ пустилъ лошадокъ шагомъ и, свертывая цигарку, все радовался и хихикалъ. А я молчалъ и все еще не могъ опомниться отъ нападенія. Думалъ о ней. Дѣйствительно, красивая. Не русскій типъ. Лицо смуглое, матовое, глаза какъ у красивой японки, волосы черные, какъ смола въ расколѣ; на верхней губѣ—усики. Длинная шея слегка наклонена впередъ; капризный, раздражающій голосъ и смѣхъ... Что-то непріятное есть въ этомъ смѣхѣ. Просто нахальный смѣхъ.

— А тоже учитъ вѣжливости!—вслухъ проворчалъ я.

Выѣхали изъ лѣсу: сразу масса свѣта и необъятный просторъ. Зеленые луга перерѣзаны, словно парчевой серебряной лентой, рѣкою, а за рѣкой—пологія горы и на нихъ—верхушка

церкви и верхушки вѣтряныхъ мельницъ. А вонъ и нашъ липовый паркъ, въ которомъ прячется наша старая усадьба!..

— Вонъ ужъ гдѣ она, шельма, скачетъ!—сказалъ ямщикъ, показывая кнутомъ за рѣку. — Чортъ, а не баба... Ей Богу!.. Ну-ка, милыя, повеселѣй!

Онъ ударилъ по кореннику, подхлестнулъ пристяжку — и бодро запѣли подъ дугой колокольчики, и плавно и быстро покатился тарантасъ по гладкой и ровной дорогѣ...

VIII.

Я помѣстился въ садовой бесѣдкѣ, плотно окруженной густой разросшейся сиренью. Здѣсь лучше. Въ старомъ домѣ мрачно, тамъ притаилось разрушеніе. Все покосилось, скрипитъ, шатается, полнó старыми тетками, отъ которыхъ пахнетъ лампаднымъ масломъ и нафталиномъ. Тамъ постоянно кричитъ благимъ матомъ грудной ребенокъ Калеріи Владиміровны, котораго она отучаетъ отъ материнскаго молока чуть не съ самаго дня рожденія; тамъ—и она, Калерія...

А здѣсь спокойно, тихо и одиноко. Самъ себѣ господинъ: живи по своему. Никому не мѣшаешь и тебѣ никто. Да и привыкъ я къ маленькимъ комнатамъ. Бесѣдка на половину изъ стеколъ; есть много побитыхъ. Заклеилъ газетами почти всѣ стекла, а цѣлая и незаклеенная сторона обращена къ забору въ переулочекъ, заросшій репьемъ, лопухами и крапивой. Турецкій диванъ—моя постель, двѣ липовыхъ кадочки изъ-подъ меда—мои пуфы, огромный старомодный письменный столъ и... качалка! Это—мама: „мало, говоритъ, у тебя мебели"...

— Въ другой разъ сядешь да покачаешься... Любилъ ее покойный отецъ... А ей она не нужна... Я думала, ребенка будутъ качать, а она... Она противъ качанія... По новому... Голодомъ моритъ...

— Ты отняла ее у Калеріи? Ей Богу, мнѣ она не нужна, эта качалка!..

— Ну, все равно... Пусть лучше у тебя... Не хочу...

Въ общемъ недурно. Ружье и охотничьи принадлежности на стѣнѣ, коврикъ и на немъ собака, бѣлая Джальма, а въ окно глядятъ кусты сирени. Но главное—столъ. Тутъ—уголокъ души: портретъ Зои и любимыя книги. Портретъ всегда въ цвѣтахъ, въ массивной рамкѣ изъ бѣлаго клена. Ахъ, еще—гитара! Здѣсь, въ бесѣдкѣ, въ тихую теплую ночь, когда все уснетъ, струны

гитары звучатъ какъ-то особенно мягко и нѣжно, и я люблю иногда въ лунную ночь прислушиваться къ минорнымъ аккордамъ струнъ и потихоньку, чтобы никто не слыхалъ, пожаловаться тихой ночи на свою тоску по Зоѣ и на свое одиночество: тихо и жалобно подпѣваю плачущей гитарѣ... импровизирую, обращаясь съ упреками къ Зоѣ и къ Богу... Все нѣтъ еще письма!.. Забыла... Ставлю передъ собой портретъ Зои, беру гитару, настраиваю ее на миноръ и, слабо трогая струны, грустнымъ теноркомъ тяну:

„Ты не могла понять меня, понять моей любви...“

И мнѣ такъ жалко дѣлается себя, что слезы начинаютъ медленно катиться по щекамъ.

„Зачѣмъ, зачѣмъ ты не сказала, что...“

Обрываю романсъ, облокачиваюсь обѣими руками на столъ и пристально, съ укоромъ, смотрю на портретъ Зои...

— Смѣешься?.. Эхъ, ты!

Однажды, вотъ именно въ такой моментъ и въ такомъ настроеніи, въ тихую звѣздную полночь, я брянчалъ на гитарѣ и жалобно подпѣвалъ „ты не могла понять меня, понять моей любви“; вдругъ прозвучалъ ироническій возгласъ подъ раскрытымъ окномъ:

— Недурно!

Словно оборвались струны гитары... Я смолкъ и прикрылъ огонь лампы. Къ сожалѣнію, ночь была лунная, и я еще явственнѣе увидалъ то, отъ чего хотѣлъ спрятаться: въ рамѣ окна, въ освѣщенной луннымъ свѣтомъ листвѣ, стояла смуглая Калерія и насмѣшливо улыбалась.

— Подслушиваете? Очень благородное занятіе!

— Подслушиваютъ, когда люди — вдвоемъ. А вы—одинъ... впрочемъ съ гитарой!..

— Ну, подглядываете. Это все равно.

— И опять неудачно: подглядываютъ молча, а я не молчу и не прячусь. Мнѣ просто скучно, не спится... Я гуляла по саду и испугалась ежа или ящерицы... Увидала у васъ огонь и вотъ... стою. Если помѣшала—скажите; уйду...

— Собственно... нѣтъ. Я ничего не дѣлалъ, чтобы жаловаться на...

— Вы играли на гитарѣ. Поэтому я и не побоялась помѣшать вамъ...

Калерія облокотилась на подоконникъ, вдвинулась всѣмъ корпусомъ въ мою комнату, обвела ее взглядомъ.

— По-студенчески... Моя качалка! А я думаю, куда она дѣлась?..

— Это—мама... Мнѣ она не нужна. Возьмите и качайтесь!

— Мерси! Качайтесь сами. Я успѣла уже въ жизни покачаться... А вотъ чему можно позавидовать, такъ это вашему дивану. Такъ и тянетъ посидѣть... съ ногами... Можно?

— Пожалуйста! — сказалъ я и торопливо поднялъ фитиль лампы.

Зашаталась и заглянула сирень въ окно, а Калерія исчезла. „Вотъ чортъ принесъ!"—подумалъ я со злостью и только-было намѣревался спрятать портретъ Зои, какъ распахнулась дверь и появилась Калерія. Приподнявъ надъ головой ярко-пунцовый шолковый шарфъ, она манерно раскланялась и подошла къ столу:

— Она?

— Что—„она"?

— Которой вы говорите „ты"?.. Въ цвѣтахъ—это хорошо, а рамку надо поизящнѣе.

Она склонилась надъ столомъ и стала разглядывать портретъ; ея плечо касалось моего и, косясь вбокъ, я видѣлъ ея щеку и губы съ черненькими усиками.

— Миленькая... Хотя... ничего загадочнаго... „Ты будешь — вѣрная супруга и добродѣтельная мать"... А впрочемъ, не по хорошему—милъ, а по милу — хорошъ... Я лучше посижу на этомъ великолѣпномъ диванѣ, а вы побрянчите на гитарѣ и спойте жестокій романсъ...

— Ничего я не спою. Не такъ настроенъ.

— Будетъ дуться!

— Почему вы такъ презрительно говорите о добродѣтельныхъ матеряхъ?

— Потому что сама я очень скверная... Не знаю, почему, но я, Геня, не чувствую никакой любви къ своему ребеночку... Такъ, кусочекъ мяса... Хотѣла бы, но нѣтъ... Иногда обманываю себя, мусолю ему щеки, лялькаю, говорю „милый", а въ душѣ чувствую, что не трогаетъ... Такъ же я любила своего мужа... Полялькаю и поймаю себя на лжи передъ собою... Вы созрѣли? Васъ не смущаетъ такой разговоръ? — спросила она вдругъ, подбирая подъ себя ноги.

— Нѣтъ. Я достаточно выросъ и... вообще...

— Здѣсь страшно говорить съ людьми искренно. Всякая

правда встрѣчается съ удивленными глазами, словно о ней никогда въ жизни ничего никто не зналъ и не слыхалъ. А иногда такъ хочется кому-нибудь сказать именно то самое, что думаешь... Пусть это будетъ глупо, неприлично, не принято... Когда вы при первой же встрѣчѣ сказали: „вы мнѣ не нравитесь“,—сперва мнѣ было немножко обидно, а потомъ, когда я ускакала отъ васъ и стала обдумывать, — мнѣ страшно понравилось... Вы—храбрый!..

— Такая храбрость не требуетъ особенной храбрости...

— Однако! Не всякій скажетъ въ глаза красивой женщинѣ, что... Вѣдь я все-таки красива? Посмотрите!

Она сбросила съ головы пунцовый шарфъ за шею и, опираясь на него, неподвижно остановила на мнѣ глаза. Я взглянулъ и потупился...

— Да, вы...

— Красивая? Ну, конечно! Я красивѣе той, которая тамъ... у васъ на столѣ...

— Нѣтъ!—твердо и убѣжденно кинулъ я къ дивану.

— Не разглядѣли еще... Ну, для перваго визита довольно!..

Она встала съ дивана, потянулась и накинула шарфъ на голову.

— Не хочется спать... Боюсь одна, а ужасно люблю бродить по саду ночью... Все странно въ саду ночью: и деревья, и дорожки, и шорохи, и тѣни... И сама жизнь начинаетъ казаться какой-то загадкой. Хотите, погуляемъ?..

Я не хотѣлъ, я уже снова злился и возмущался, какъ это она не видитъ...

— Я?.. Пора бы собственно спать...

— Ну, немножечко!.. Тура два по старой аллеѣ... Тамъ такъ страшно!

Она подхватила меня подъ руку и повлекла къ двери.

— Позвольте! Шляпу надо...

— Совершенно излишне. У васъ цѣлый стогъ волосъ... какая тамъ шляпа!

Пошли.

— Ахъ, какъ страшно!—шептала Калерія и крѣпко прижималась къ моей рукѣ.—Идемъ туда, подъ горку, въ старыя липы, гдѣ баня... Бррр! Въ банѣ—черти... оборотни... Ай!

Она вдругъ вскрикнула, шарахнулась въ сторону и потянула за собой меня.

— Что вы! Это—лягушка.

— Тише: кто-то идетъ вонъ тамъ, между деревьями...

— Кустъ это, кустъ!

— Держите меня крѣпче: тогда не такъ страшно... Говорите что-нибудь!

— Не о чемъ.

— Тсс! Что это... пищитъ? Слышите?

— Кошка.

Мы пріостановились и прислушались.

— Ахъ, это—мой Вовка! Проснулся... Ѣсть проситъ... Проводите... Скорѣй!..

Мы повернулись къ дому и быстро зашагали по аллеѣ.

— Спокойной ночи! Думайте обо мнѣ!—небрежно кинула Калерія и, выдернувъ свою руку, быстро вбѣжала по ступенькамъ крыльца и пропала.

„Сумасшедшая или просто... дрянь"—думалъ я, возвращаясь къ себѣ въ бесѣдку. А когда раздѣлся и легъ, то вспомнилъ, что забылъ проститься съ Зоей.

— Милая! Святая моя! Спокойной ночи!..

Вскочилъ съ дивана, поцѣловалъ портретъ и вернулся.

Шелестѣла за окномъ листва сирени, и мнѣ все чудилось, что тамъ, за окномъ, кто-то стоитъ и смотритъ...

IX.

Письмо! Письмо!..

Отъ нея! Отъ нея!..

Я бросилъ обѣдъ, убѣжалъ въ садъ и, спрятавшись въ кустахъ, разорвалъ конвертъ. „Милый, родной мой! Забылъ ты меня. Грѣхъ тебѣ такъ мучить... А можетъ-быть ты нездоровъ?—тогда прости мой глупый упрекъ, но я изстрадалась. Мама, глядя на мою печаль, сердится и все разспрашиваетъ, что случилось. А я ношу втайнѣ печаль. Вчера ночью поплакала. Вотъ какой ты нехорошій! А говорилъ, что"...

Что же это значитъ? Я написалъ ей уже два огромныхъ письма.

— Геня, иди! Мы тебя ждемъ.

— Не ждите!

„Разстраивается наше счастье: мама и слышать не хочетъ о томъ, что я осенью снова уѣду въ Казань на курсы... Можетъ-быть, нескоро уже увидимся, а то и никогда..."

— Геннадій!

— Кушайте, Калерія, безъ меня!

„Напиши, утѣшь!.. Господи, что-то съ нами будетъ? Папа

словно догадывается, что я жду твоего письма: велѣлъ всю почту класть къ себѣ на столъ..."

Воруютъ письма папочка съ мамочкой. Теперь понятно.

„Не придумаю, что дѣлать... Тоска, тоска, тоска!.. Сильно люблю, цѣлую, часто вижу во снѣ и благословляю тебя. Твоя Зоя".

— Мама велѣла приводомъ!

Я, какъ воръ, спряталъ письмо въ рукѣ и вышелъ изъ кустовъ злой, что мнѣ мѣшаютъ, а Калерія подхватила меня подъ руку и повлекла на террассу.

— Что же это вы, какъ собака съ костью, убѣжали съ письмомъ въ кустики...

— Пустите меня!..

— Не пущу! Мама велѣла привести и посадить мальчика на мѣсто.

— Оставьте! Не хочу.

Я злобно вырвалъ руку и пошелъ быстро впередъ.

— Геннадій, вы мнѣ сдѣлали больно... Противный мальчишка!.. Получилъ письмо отъ своей курносенькой и думаетъ, что...

— Не ваше дѣло!

За столомъ два пустыхъ стула рядомъ. Ничего не подѣлаешь: сажусь рядомъ съ Калеріей. Смотрю только въ тарелку. Избѣгаю прикосновеній, но это не всегда удается. Пролилъ на скатерть соусъ. Калерія раскатилась звонкимъ хохотомъ:

— Мы словно супруги въ счастливомъ бракѣ!

— Избави, Господи!—ворчу, косясь на сосѣдку.

— Ему еще рано объ этомъ думать—одобряетъ мама, видимо разсердившаяся на неумѣстное сравненіе. Это задѣваетъ мое самолюбіе и тайное сознаніе себя женихомъ Зои.

— Думать, мама, никому и ни о чемъ не возбраняется.

Калерія посмотрѣла на меня прищуреннымъ взглядомъ и улыбнулась—одобрила. Уронила ножъ.

— Поднимите пожалуйста!

Наклоняюсь, она гладитъ меня по головѣ теплой рукою:

— Пай-мальчикъ! Мерси!

Это и злитъ и рождаетъ пріятность. Всетаки она очень красивая... Смотрю бокомъ на Калерію... Какія губы... румянитъ она ихъ, что-ли? Оригинальный цвѣтъ кожи и... усики на приподнятой губѣ... Какъ это странно... Бываютъ персики розовожелтые, съ пушкомъ... Какіе волосы красивѣе: черные, какъ смола, или блѣдножелтые, отливающіе золотомъ?.. Нѣтъ, золо-

тистые—лучше!.. Замѣтила... Состроила гримасу и высунула кончикъ языка.. Воображаетъ, что залюбовался... Отвернулся, смотрю въ окно черезъ головы сидящихъ напротивъ:

— Что вы тамъ увидали?

— Ничего особеннаго.

— Отъ кого, Геня, письмо?

— Отъ товарища, мама.

Опять хохочетъ.

— Завидую вашей веселости.

— А я вашему товарищу!

— А что такое, почему завидуетъ Калерія?

— Объ этомъ вы, мама, спросите у нея.

— Я?.. потому что у меня нѣтъ подруги и не съ кѣмъ переписываться...

Вывертливая, какъ налимъ. Никакъ не ухватишь. Смотритъ и ядовито ухмыляется, вздрагивая верхней губой... У, животное! Красивое животное.

— Вовка плачетъ!..

Вылѣзаетъ изъ-за стола и толкаетъ ногу,—я увѣренъ, что нарочно: производитъ опыты... Ушла. Мама качаетъ головой:

— Вовка у нея скоро умретъ, а ей все смѣшно.

Послѣ обѣда я ушелъ въ свою келью, заперъ дверь и принялся снова за письмо; перечитывалъ, повторялъ: „милый, родной мой!", всматривался въ строки, въ буквы, въ бумагу, словно хотѣлъ прочесть еще что-то ненаписанное, тайное, что скрывалось отъ глазъ... „Вчера ночью поплакала"... Вчера! Сколько времени шло письмо?.. Когда послано?.. Раскидываю умомъ. Плакала въ ту самую ночь, когда здѣсь, на диванѣ, сидѣла эта... съ усами! Вѣрю въ предчувствіе. Въ ту ночь былъ такой моментъ, когда я подумалъ, кто красивѣе: Зоя или эта... съ усами?.. Какой я негодяй! Ты—святая, ты чистая, какъ цвѣтокъ послѣ дождя, а эта... съ усами—она только красивое животное, пожалуй умное, хитрое, но всетаки животное. Какъ я, негодяй, смѣлъ васъ сравнивать? Прости меня, прости! Нѣсколько разъ я вздрагивалъ отъ взглядовъ этого животнаго и въ душѣ моей становилось грязно... Ты прости мнѣ это! Я не виноватъ. Ты добрая, какъ свѣтлый ангелъ-хранитель, а я... я уже испорченъ грязными мыслями. При тебѣ нѣтъ ихъ, не будетъ, клянусь всей жизнью!—Я легъ на диванъ и, уткнувшись лицомъ въ подушку, заплакалъ тихими покаянными слезами... Потомъ почувствовалъ облегченіе. Она простила... Сталъ писать письмо...

„Голубь, серебряный голубь съ золотыми крыльями! Я ни

на минуту не забывалъ тебя: ты со мной и днемъ, и ночью. Я пишу тебѣ уже третье письмо. Негодяи воруютъ мои письма. Кто они—не знаю, но если и на этотъ разъ письмо попадетъ имъ въ руки, то пусть они знаютъ, что мы связаны жизнями такъ крѣпко, что никто не можетъ украсть нашу любовь. Скверно, что твои папа и мама мѣшаютъ тебѣ учиться, а намъ любить и видѣть другъ друга. Но вѣдь съ этимъ мы не можемъ мириться? Да? Мы не дѣти: тебѣ—семнадцать, а мнѣ осенью будетъ двадцать одинъ. У насъ—своя жизнь... Осенью плюнь на все и прiѣзжай въ Казань. Чтобы оградить тебя отъ всякихъ насилiй—повѣнчаемся и конецъ...“

Я соскочилъ со стула и, поглаживая себя по закинутымъ назадъ волосамъ, сталъ ходить крупными шагами по комнатѣ... Я былъ серьезенъ; мнѣ казалось, что я уже женатъ, имѣю заботы и обязательства охранять любимое существо отъ обидъ, и это рождало во мнѣ гордость и самоуваженiе.

— Моя жена—прекрасный человѣкъ!..

Я перебиралъ въ памяти и обдумывалъ разные вопросы, связанные съ превращенiемъ холостого въ женатаго, и ходилъ, ходилъ по комнатѣ... Много заботъ и хлопотъ налегло вдругъ мнѣ на плечи. Придется всетаки прямо сказать матери: женюсь и кончено!

— Мамочка, было бы тебѣ извѣстно, что осенью—свадьба...

— Чья?

— Моя-съ!

— Ты съ ума сошелъ?!

— Пока еще нѣтъ.

И т. д.

Подсѣлъ къ столу, продолжаю письмо:

„О подвѣнечныхъ платьяхъ, вуаляхъ и всякой ерундѣ—не заботься. Мы съ тобой пойдемъ въ какую-нибудь церковь вечеркомъ и скажемъ попу: такъ и такъ, окрутите, батюшка, безъ особенныхъ церемонiй; а упрется, такъ споемъ ему: „Насъ не въ церкви вѣнчали“.

— Правильно!

Соскочилъ со стула, довольный своей рѣшимостью, и запѣлъ:

Насъ вѣнчали не въ церкви,
Не въ вѣнцахъ, не съ свѣчами,
Намъ не пѣли ни пѣсенъ, ни обрядовъ вѣнчальныхъ.

И вдругъ въ саду—продолженiе: Калерiя поетъ:

Вѣнчала насъ полночь средь темнаго бора,
Свидѣтели были земля съ небесами...

А хорошій у нея голосъ! Она пѣла, а я слушалъ. Замолчала. Она воображаетъ, что я буду продолжать. Ужасно хитрая баба. Лѣзетъ... Не знаетъ, что придумать... Латинскимъ хочу заниматься!.. На кой тебѣ чортъ—латинскій?.. „Созрѣть желаю“... Учи, долби себѣ! Показать, объяснить, что понадобится, я не откажусь, но чтобы сидѣть съ тобой каждый день и смотрѣть въ латинскую грамматику—слуга покорный!.. Не на такого напала. „Созрѣвай“ одна, а съ меня достаточно: девять лѣтъ долбилъ... Опять запѣла... Бархатный голосъ... Вотъ шла бы на сцену... въ оперетку... А то—латинскій!..

Вечеромъ велѣлъ запречь лошадь въ бѣгунки: собираюсь отвезти письмо на почту,—до нея восемь верстъ. Подали лошадь, усаживаюсь, взялъ въ руки возжи. Калерія выходитъ на крыльцо и идетъ къ бѣгункамъ:

— Я тоже ѣду.

— Во-первыхъ, вдвоемъ на бѣгункахъ неудобно; во-вторыхъ, зачѣмъ ѣхать двоимъ, когда можно поручить всѣ дѣла одному?..

— Прекрасно. Оставайтесь, а я исполню ваше порученіе. Давайте письмо!

Махнула рукой, чтобы я слѣзалъ, а сама приготовилась усѣсться.

— Ну, слѣзайте!

— Я долженъ самъ...

— Не довѣряете? Въ такомъ случаѣ и я вамъ не довѣряю...

Устраивается позади меня.

— Я сѣла, можете ѣхать!..

Я злобно стегнулъ лошадь, она разомъ рванулась съ мѣста, и Калерія скатилась на траву.

— Дуракъ!—презрительно бросила она, поднимаясь на ноги, и пошла къ крыльцу. А я еще сильнѣе ударилъ лошадь и уѣхалъ...

X.

Умеръ Вовочка!..

Въ большомъ залѣ, въ переднемъ углу, подъ образами, лежалъ на ломберномъ столикѣ замолчавшій, наконецъ, Вовочка, и въ старомъ домѣ какъ-то сразу стало тихо-тихо... Весь въ бѣломъ, въ кружевномъ капорчикѣ съ голубыми бантиками, онъ походилъ на сломанную игрушку, большую куклу, закрывшую глазки. Какъ маленькій старичокъ, онъ сморщилъ и нахмурилъ свое личико и втянулъ посинѣвшія губки въ беззубый ротъ. Никто не плачетъ, только говорятъ шопотомъ и ходятъ на ципоч-

кахъ. Кротко мерцаетъ лампадка и ласково смотритъ на Вовочку Спаситель, благословляющій маленькаго гостя земли въ далекій невѣдомый путь. Пришелъ, поплакалъ и ушелъ. Зачѣмъ?

Раскрыты окна. Солнышко золотитъ крашеный полъ зала. Поютъ въ саду птицы. Золотисто-розовый вечеръ не зоветъ къ радостямъ жизни: все тянетъ въ угрюмый большой залъ къ Вовочкѣ, все тянетъ смотрѣть въ это желтое восковое личико и понять что-то тайное въ его выраженіи. Кто-то идетъ сюда мягкими шагами... Отхожу въ задній уголъ, за рояль, и стою здѣсь понуря голову. Тонкая, стройная Калерія, въ черномъ платьѣ, съ опущенными руками, медленно подходитъ къ Вовочкѣ, не замѣчая моего присутствія... Остановилась, наклонилась надъ ребенкомъ, поправила кружевца и выпрямилась, застыла съ опущенной головой...

— Прости меня, Вовочка!—прошептала она, и бѣлый платокъ мелькнулъ въ ея рукѣ и закрылъ лицо... Плачетъ тихо, беззвучно, только вздрагиваніемъ плечъ...

— Я скверная...

Жалко, безконечно жалко эту тихо страдающую красивую женщину въ черномъ, раньше гордую своей красотой, а теперь кроткую, шопотомъ умоляющую маленькаго мертваго человѣка о прощеніи, втихомолку страдающую и плачущую беззвучными слезами... Какъ-то стыдно быть теперь въ залѣ и смотрѣть... Калерія опустилась на колѣни, а я тихо, незамѣтно вышелъ на ципочкахъ изъ зала... Пусть побудетъ наединѣ съ Вовочкой и подѣлится съ нимъ своими тайнами... Какая она несчастная! Никто ея, видимо, не любитъ и ей тоже некого любить... Кто знаетъ, что̀ прячется въ душѣ этой, и отталкивающей, и притягивающей женщины?.. Быть можетъ, она совсѣмъ не такая дурная, какъ о ней думаютъ...

Ничто не измѣнилось въ привычкахъ нашей жизни со смертью Вовочки; все шло обычнымъ порядкомъ. Только Калерія не появлялась за столомъ во время чая, завтрака и обѣда. И я какъ-то чувствовалъ ея отсутствіе и замѣчалъ прежде всего пустой стулъ рядомъ. Какъ-то смутно безпокоилъ меня этотъ пустой стулъ и невольно заставлялъ думать о Калеріи.

— Позовите Калерію Владиміровну!—сказала однажды мама горничной, и я вздрогнулъ.

— Онѣ у Вовочки—прошептала горничная и не пошла.

— Ѣсть всетаки необходимо—сказалъ я мимоходомъ.

— Онѣ не приказываютъ ихъ безпокоить, когда у Вовочки.

Мама вздохнула и сказала:

— Что имѣемъ не хранимъ, а потерявши, плачемъ. Когда живъ былъ, такъ—не надо, а теперь...

— Какъ это жестоко, мама, говорить такъ!..

Всѣ тетки поддержали маму: начали торопливо шопотомъ перечислять недостатки и грѣхи Калеріи. „Эхъ, вы, галки!"—подумалъ я, и мнѣ захотѣлось наговорить имъ дерзкихъ, обидныхъ словъ и заступиться за Калерію:

— Достойнымъ и добродѣтельнымъ теперь слѣдуетъ помолчать и предоставить судъ надъ матерью Богу и мертвому сыну!..

— Защитникъ какой!.. Присяжный повѣренный.

— Должно быть, по любовнымъ дѣламъ...—въ два голоса затараторили тетки. И это было такъ противно, что я всталъ изъ-за стола и, рѣзко двинувъ стуломъ, ушелъ изъ столовой.

На второй день вечеромъ ко мнѣ въ бесѣдку вошла Калерія. Лицо у нея было строгое, глаза какъ-то тускло мерцали подъ полуопущенными рѣсницами и во всей фигурѣ, тонкой и гибкой, какъ и въ походкѣ, была утомленная покорность и тихая печаль предъ свершившимся...

— Геня!—сказала она просто и ласково:—могу я попросить васъ...

— Конечно, Калерія!..

— Мнѣ хочется похоронить ребенка на оградѣ. Надо переговорить объ этомъ съ батюшкой. Мнѣ тяжело самой... Можетъ быть, васъ не затруднитъ...

— Конечно!.. Сейчасъ поѣду и...

Калерія опустилась на диванъ и, закрывшись платкомъ, вдругъ заплакала.

— Прости... Мнѣ такъ тяжело... И некому сказать объ этомъ!..

Я смотрѣлъ на нее и думалъ: такъ недавно еще ты сидѣла на этомъ самомъ диванѣ, весело смѣялась, играя краснымъ шарфомъ и сверкая въ темнотѣ черными безстыдными глазами, а теперь сидишь и безпомощно, какъ маленькая наказанная шалунья-дѣвочка, плачешь... Я тихо приблизился къ ней и, положивъ руку на ея склоненную спину, сказалъ:

— Бѣдная!..

— Поѣзжай!—прошептала она, отнявъ отъ глазъ платокъ, и неподвижно устремила взоръ въ пространство.

— Теперь — одна! — прошептала она и, вставъ съ мѣста, постояла на порогѣ.

— Что-то еще я хотѣла сказать тебѣ... Забыла... Поѣзжай!

И вышла, потирая лобъ тонкими пальцами.

Я самъ запрегъ лошадь и поѣхалъ. И всю дорогу думалъ о Калеріи, о Вовочкѣ, о смерти и о жизни... Лѣтнія сумерки на поляхъ, поросшихъ ржаными всходами, безлюдныхъ, безкрайныхъ, во всѣ стороны бѣгущихъ до синихъ и розовыхъ тумановъ вечерняго неба, пробуждали въ душѣ нѣжную печаль и желаніе быть добрымъ и кроткимъ... Подъ этимъ настроеніемъ я пріѣхалъ и говорилъ съ батюшкой, и въ первый разъ въ жизни, не любя поповъ принципіально, почувствовалъ въ немъ добраго, милаго старичка, понимающаго человѣческое горе и желающаго утишать человѣческія скорби...

Возвратился я ночью. Было страшно въ темномъ морѣ полей, пугали темныя колыхающіяся пятна рѣдкихъ встрѣчныхъ телѣгъ, пугали шумы то и дѣло срывавшихся изъ придорожныхъ травъ перепеловъ, пугали верстовые столбы... Все стоялъ предъ глазами маленькій гробикъ и желтое восковое личико Вовочки, окруженное тремя горящими восковыми свѣчками... И радостно стало и покойно на душѣ, когда впереди вздрогнули огни родной усадьбы и потянулись плетни огородовъ... А когда вдали залаяла Джальма, я почувствовалъ къ себѣ презрѣніе. „Какой ты, однако, трусъ!“—думалъ я про себя, распрягая лошадь.—„Стыдно, братецъ!..“ — Иду мимо оконъ зала: все та же сжимающая горло скорбь... Бѣлый гробикъ, полевые цвѣты, огоньки восковыхъ свѣчъ и окаменѣвшая черная фигура съ молчаливой скорбью на прекрасномъ лицѣ...

Похоронили Вовочку около самой церкви, между тремя старыми наклонившимися березами. Мы всѣ ушли, а Калерія осталась и долго не возвращалась въ усадьбу. Ей забыли оставить лошадь; она вернулась пѣшкомъ и заперлась въ своей комнатѣ. Было тоскливо за вечернимъ чаемъ съ тетками и не хотѣлось говорить. Я бродилъ по молчаливому залу, гдѣ все стояло уже на своемъ мѣстѣ, и прислушивался къ тихому покашливанью прячущейся Калеріи. Нѣсколько разъ я прошелъ мимо ея окна и смотрѣлъ на опущенную занавѣску. Вечеромъ въ этотъ день привезли мнѣ письмо съ почты:

„Милый, родной мой! Я безумно счастлива: наконецъ-то я получила отъ тебя вѣсточку. Словно чувствовало мое сердце, что есть письмо: сама поѣхала въ волостное правленіе и, дѣйствительно, получила. Прости за упреки!.. Господи, какъ прыгаетъ у меня сердце! Это отъ того, что ты любишь... Да, я должна ѣхать въ Казань, я не могу жить съ тобой въ разлукѣ... И если папа съ мамой будетъ противъ... я убѣгу изъ дому. Будь, что будетъ!... Скоро напишу тебѣ длинное-предлинное

письмо, а теперь нельзя: сижу въ правленьѣ и тороплюсь: сейчасъ мое письмо поѣдетъ къ тебѣ. Не тоскуй же, чаще вспоминай меня и пиши! Видишь ли ты меня во снѣ? Цѣлую, цѣлую и благословляю моего... Догадайся самъ!... Твоя навсегда З."

Не перечитывалъ я на этотъ разъ письма и не почувствовалъ умиленія. Почему-то радость письма мнѣ показалась теперь неподходящей. Словно на похоронахъ кто-то запѣлъ веселую пѣсню... Встали въ воображеніи два образа: свѣтлый, радостный, со счастливою улыбкой на лицѣ, весь въ золотѣ блѣдно-желтыхъ волосъ, и другой—печальный, съ молчаливой скорбью въ черныхъ очахъ, съ склоненной головою и опущенными руками, весь въ черномъ сіяніи волнистыхъ, непослушныхъ волосъ...

Любовь и жалость... Гдѣ любовь и гдѣ жалость? Почему я смотрю на портретъ бѣлой дѣвушки, а думаю о черной женщинѣ?... Неужели... Нѣтъ, нѣтъ!... Не можетъ этого быть, не можетъ быть!... Я люблю тебя, Зоя, люблю, люблю!...

Схватываю портретъ и смотрю на него долго и пристально...

Почему ты такъ грустно улыбаешься, милая бѣлая дѣвушка?... Вѣдь ничего еще не случилось. Я люблю тебя! Только тебя... Клянусь тебѣ въ этомъ... Вѣрь мнѣ!

XI.

Умеръ Вовочка—и что-то оборвалось въ нашей общей жизни. На этомъ маленькомъ человѣкѣ, какъ на тоненькой ниточкѣ, держалось въ старомъ домѣ все внѣшнее благополучіе во взаимоотношеніяхъ его обитателей. Оборвалась ниточка и все сразу разсыпалось. Старый домъ лицомъ къ лицу очутился съ новой, чуждой и враждебной ему женщиной... Вовочка унесъ съ собою все, что еще примиряло старый домъ съ Калеріей. Раньше Калерія была мать. Скверная, но мать. Теперь она—только женщина, оскорбляющая установленныя здѣсь привычки и традиціи.

Всѣ тетки зашипѣли, какъ змѣи, и начали жалить...

— Малабарская вдова!...

— Замужняя невѣста...

— Г-жа „Милости просимъ"!

— Почему она не разведется съ законнымъ мужемъ? Опять бы дѣвицей стала...

— Не желаетъ на себя вину принимать... Сама сблудила, а желаетъ эту пакость на спину мужа взвалить...

— Вовочка-то у ней не отъ мужа...

— Приблудный!

Такіе разговоры велись вполголоса въ моемъ присутствіи за семейнымъ столомъ, когда не было Калеріи. Шептались, посмѣивались и моментально смолкали, когда появлялась Калерія.

— Тише! Идетъ г-жа „Милости просимъ".

„Ехидны!"—думалъ я о теткахъ и, на зло имъ, проявлялъ къ Калеріи подчеркнутую внимательность. Мама заражалась тѣмъ же настроеніемъ. Она хмурилась на Калерію и подозрительно посматривала въ мою сторону. Что-то подозрѣвала она и говорила, какъ Пиѳія:

— Тебѣ надо, Геня, сбрить усы.

— Почему?

— Рано еще... Усы въ свое время...

— И на своемъ мѣстѣ!—добавляла тетка помоложе, а тетка постарше зло ухмылялась и, поднимая глаза къ небу, шептала:

— Богъ шельму мѣтитъ.

— Не понимаю, тетушка!

— Подумай — поймешь!... У насъ усы не выростутъ... Господь не допуститъ.

Я вскакивалъ изъ-за стола.

— А уши уже выросли!...

— Какъ же это понять?

— А про какую шельму вы, тетушка, говорите? Какъ это понять?

— Не понялъ?

— Отлично понялъ... и прошу, при мнѣ по крайней мѣрѣ, не издѣваться надъ Калеріей. Однѣ — сколько душѣ угодно, а при мнѣ прошу...

— Скажите, какой присяжный повѣренный! Смотри, братъ, что-то ты очень...

— Не ваше дѣло!

— Не забывай, что не мы, а она у насъ живетъ...

... Зачѣмъ она остается въ этомъ домѣ, гдѣ къ ней такъ враждебны? Почему она не порветъ съ этими ненавидящими ее людьми?... Неужели она не замѣчаетъ и не чувствуетъ всей унизительности такого положенія въ домѣ? Странно: какъ будто бы неглупая женщина, а вотъ поди!

А униженія становились все болѣе рѣзкими и частыми. Я страдалъ за Калерію... Вѣрнѣе, не за Калерію, а за человѣка вообще... Странно и обидно. Что, однако, удерживаетъ ее въ этомъ догнивающемъ домѣ? У нея, по словамъ мамы, есть хо-

рошія средства, есть полная воля и никакихъ заботъ и обязанностей. Какъ птица: вспорхнула и полетѣла, куда захотѣла, за лѣса, за море, за синія горы туманныхъ далей... Эхъ, Калерія!...

— Тебѣ письмо.

Отъ кого это? Незнакомая рука... А-а, отъ отца Зои! Въ чемъ дѣло?

„Симъ увѣдомляю васъ, милостивый государь, что документъ, въ которомъ"...

— Что за чепуха! Какой документъ?

...„въ которомъ вы дѣлаете гнусное предложеніе моей дочери— бѣжать изъ родительскаго дома и вступить въ незаконное сожитіе съ вами, милостивый государь"...

— Фу, какая гадость!...

...„представленъ мною Г. Начальнику губерніи, а засвидѣтельствованная нотаріальнымъ порядкомъ копія съ него—Его Преосвященству, Архіепископу Симбирскому. При семъ имѣю честь присовокупить, что если вы"...

Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и хохоталъ. Однако, рѣшительный человѣкъ. Что ему отвѣтить? Должно быть, у него скопилось много документовъ, въ которыхъ я, въ теплыя звѣздныя ночи, когда тоска по любимой дѣвушкѣ разгоралась особенно ярко, изливалъ передъ ней въ стихахъ и прозѣ восторги своихъ чувствъ. „Документы"! Красиво сказано. Взялъ въ руки Зоинъ портретъ. Тускло и печально смотрѣлъ онъ на меня изъ рамы, обвитой увядшими васильками. Скоро вянутъ васильки! Вынулъ изъ ящика Зоины письма. Вотъ они, розовые и голубые „документы"! Всѣ начинаются одинаково:

„Милый, родной мой"...

И кончаются благословеніями. Даже г. начальникъ губерніи и преосвященный не могли бы найти въ нихъ ничего предосудительнаго.

— Баринъ! Письмецо вамъ...

— Отъ кого?... Вотъ повезло на письма...

— А ужъ сами увидите...

Я подошелъ къ окну и взялъ изъ руки горничной небрежно свернутый клочокъ бумаги. Торопливый некрасивый почеркъ:

„Черезъ три дня я уѣзжаю. Сегодня—девятый день Вовочкѣ. Не пойдешь ли ты со мной на могилку отслужить по немъ панихиду? Одной скучно. Я уже пошла. Если хочешь, догонишь, я пойду тихо и посижу за околицей у мельницы. Калерія."

Я бросилъ Зоины письма въ ящикъ, захватилъ шляпу и почти выбѣжалъ изъ бесѣдки. Почему я такъ обрадовался и

почему не иду обычнымъ путемъ: мимо стараго дома, въ ворота, а лѣзу черезъ заборъ сада? Тамъ увидятъ галки-тетки и поднимутъ въ своемъ гнѣздѣ обычный галочій содомъ...

Вонъ она, черная и стройная, стоитъ, какъ маленькая изящная фигурка изъ чернаго мрамора, на горѣ, подъ крыльями мельницы... Я покрутилъ въ воздухѣ шляпой. Замѣтила, махнула краснымъ шарфомъ и тихо пошла впередъ... Почему вздрогнуло сердце, а на ногахъ словно выросли крылья. Вотъ уже два дня я не видалъ, Калерія, твоихъ странныхъ печальныхъ глазъ, въ которыхъ грѣхъ борется со святостью... Почему иногда ночью, когда птица качнетъ подъ раскрытымъ окномъ моей бесѣдки вѣтку сирени, я весь встряхиваюсь и долго смотрю въ зеленыя сумерки освѣщенной свѣтомъ лампы листвы за окномъ? Не тебя ли жду я, Калерія, въ своей одинокой бесѣдкѣ, обманутый птицей?... Я думаю о далекой и вдругъ, съ тайной надеждою, начинаю ждать близкую...

— Калерія! подожди же меня!... Я задыхаюсь, торопясь на гору...

Обернулась, махнула краснымъ шарфомъ и уходитъ... Скрылась за горою.

Догналъ...

— Какъ ты бѣжишь!

— Почему ты такъ тяжело дышешь?

— Я бѣжалъ въ гору...

— Сядь на траву и отдохни. Вотъ здѣсь, на травкѣ! А я буду собирать васильки для Вовочки...

Она пошла по межѣ, межъ двухъ зеленыхъ стѣнъ ржаного поля, и рвала цвѣты, то скрываясь, то вновь появляясь, черная, съ красной чалмой изъ шолковаго шарфа на головѣ. Я лежалъ на травѣ, курилъ и ловилъ взоромъ моменты, когда ярко вспыхивала красная голова Калеріи надъ волнующимся зеленымъ моремъ.

— Идемъ, я отдохнулъ!

Она вышла на дорогу, съ васильками и пунцовыми гвоздиками; поровнявшись со мной, пошла рядомъ и на ходу плела вѣнокъ. Ничего не говорила и не смотрѣла на меня.

— Дай, я понесу цвѣты, они тебѣ мѣшаютъ.

— На!

Она протянула цвѣты и мелькомъ взглянула мнѣ въ глаза тепло и ласково... слегка улыбнулась... Давно она не улыбалась; я успѣлъ забыть, какъ она улыбается. И теперь только я увидалъ, какая это удивительная сложная улыбка, озаряющая все

лицо красивой печалью и властной гордостью прячущейся души. Я обрадовался и испугался этой мимолетной улыбки.

— Хочешь, пойдемъ подъ руку?—сказалъ я.

— Нѣтъ, я буду плести вѣнокъ. Сегодня я въ послѣдній разъ побываю въ гостяхъ у Вовочки. Можетъ-быть, никогда уже больше не приду...

— Почему?

— Послѣ завтра я уѣду и никогда не вернусь къ этимъ жесткимъ людямъ. Отъ нихъ перестаешь любить жизнь...

Мы тихо, очень тихо шли и говорили о людяхъ стараго дома, и тутъ я понялъ, почему она не сразу порвала съ ними.

— Отецъ умеръ рано—мнѣ было два-три года. Мать, какъ и я, не любила маленькихъ дѣтей. Не помню, чтобы она когда-нибудь ласкала меня. Съ девяти лѣтъ меня отдали въ институтъ, въ другой городъ, и когда я вернулась уже взрослой дѣвушкой домой—я нашла вмѣсто матери совершенно чужую женщину... Когда мнѣ было лѣтъ семь-восемь, у насъ гостила твоя мама. Она по цѣлымъ днямъ возилась со мною: играла, гуляла, ласкала и разсказывала сказки про Бабу-Ягу, про звѣрей и про Аленушку... Такъ съ той поры и хранилось въ моей душѣ воспоминаніе о доброй тетѣ, которая меня крѣпко цѣловала въ дѣтствѣ. И теперь, когда я страстно захотѣла погрѣть душу теплотой и лаской близкаго человѣка, я вспомнила про добрую тетю и, сломя голову, помчалась сюда...

Калерія смолкла и вздохнула.

— Да, ты ошиблась,—прошепталъ я—тебѣ надо уѣхать...

— Тебѣ не будетъ жаль меня?

И опять поднялись на меня печальные глаза, и опять та же улыбка промелькнула на лицѣ и заставила вздрогнуть мою душу...

— Будетъ жаль.

— Правда?

— Да, правда.

— Скажи мнѣ правду: я перестала тебѣ *не* нравиться?

— Да. Ты...

— Ну! Почему ты замолчалъ?

— Не знаю, ничего не знаю... Можетъ быть, я люблю тебя...

— Нѣтъ, нѣтъ... Этого не надо, не надо... Не будемъ говорить объ этомъ...

Я долго шелъ съ опущенной головой и боялся смотрѣть на Калерію.

— Не грусти! О чемъ? Послѣ завтра я уѣду, и ты быстро

забудешь про нашу случайную встрѣчу и про этотъ... разговоръ въ полѣ... И будешь любить ту милую дѣвушку, которая стоитъ у тебя на письменномъ столѣ... А я... я — случайный эпизодъ на твоемъ пути... Обо мнѣ забудь. Да? Такъ?

— Нѣтъ, Калерія...

— Я, голубчикъ, скверная... Ты не долженъ меня любить...

— Нѣтъ, ты — хорошая... Я не сразу понялъ это... А теперь... Ахъ, зачѣмъ ты пріѣзжала сюда! Лучше бы намъ не встрѣчаться...

— Не будемъ пока говорить объ этомъ. Я тебя очень прошу объ этомъ.

И мы шли по тропинкѣ около ржи, другъ за другомъ, почти молча... Я—позади, съ опущенной головой. Иногда я такъ близко настигалъ ее, что у меня предъ глазами появлялся подолъ юбки и мелькали тонкіе каблучки ея лакированныхъ туфель. Тогда я задерживалъ шагъ и поднималъ съ земли глаза: ярко ослѣплялъ ихъ красный шолковый шарфъ съ спущенными за спину концами, и вѣтерокъ наносилъ на меня какой-то особенный ароматъ, тонкій и опьяняющій, который, казалось, шелъ, какъ и я, по слѣдамъ этой странной женщины...

Когда батюшка облекся въ старенькую ризу, и дьячокъ, раздувъ угли въ кадилѣ, подалъ его священнику, а самъ началъ зажигать свѣчи, я незамѣтно вышелъ за ограду и, оставшись здѣсь, сталъ смотрѣть чрезъ рѣшетку на Калерію... Кроткимъ теноркомъ взывалъ и пѣлъ батюшка; иногда къ нему подмѣшивался угрюмый голосъ дьячка; синеватый дымокъ крутился изъ кадила и, плавая въ воздухѣ, таялъ въ синевѣ утра. Калерія стояла недвижно, какъ черное изваяніе, надъ свѣжей могилкой и безъ слезъ, съ упрекомъ, смотрѣла на маленькій холмикъ земли, скрывшій Вовочку... Только одинъ разъ она посмотрѣла вокругъ и снова застыла... Когда все кончилось и батюшка съ дьячкомъ ушли, Калерія сѣла около холмика и стала наряжать его цвѣтами; что-то шептала она губами и скорбно улыбалась землѣ; потомъ поцѣловала ее и быстро пошла къ воротамъ.

— Я думала, ты ушелъ отъ меня...

Оглянулась, вытерла слезки, нѣсколько разъ кивнула могилкѣ головой и сказала:

— Теперь пойдемъ... Дай руку,—я устала...

XII.

Послѣдній день! Послѣдній день!..

Завтра тебя не будетъ.

Ахъ, если бы я раньше встрѣтилъ тебя на пути своей жизни!.. Зачѣмъ ты поздно пришла и рано уходишь? Зачѣмъ я грубо оттолкнулъ тебя, когда ты шла навстрѣчу, когда черные глаза твои, и черные волосы твои, и тонкія кисти рукъ твоихъ протягивались ко мнѣ и просили отклика? Ахъ, я былъ какъ слѣпой!.. Сердце смутно угадывало, что ты, только ты, а не другая, будешь владѣть моей душой. Еслибы знать! Когда ты, вотъ въ такую же темную звѣздную ночь, вдругъ, какъ сказочная греза, появилась за окномъ въ лиственной чащѣ сирени, сколько ласки и призыва трепетало въ твоихъ черныхъ глазахъ! И когда ты сидѣла вотъ на этомъ диванѣ и спрашивала, красива ли ты, — развѣ ты не звала любить тебя?.. Слѣпой, слѣпой...

Послѣдній день!.. Нѣтъ, и день этотъ прошелъ уже... Тихо плыветъ ночь... Завтра ея не будетъ... У меня останется только портретъ, который она обѣщала дать мнѣ на память о нашей случайной встрѣчѣ и коротенькомъ знакомствѣ...

Не могу спать въ эту послѣднюю ночь. Тихая, синяя, она полна звѣздныхъ мерцаній, таинственныхъ шопотовъ и осторожныхъ вздоховъ земли, цвѣтовъ и деревьевъ... Ахъ, безпокойныя птицы за окномъ въ сирени!—вы все пугаете мое сердце, обливая его горячей радостью надежды. Обманываете вы меня, птицы: не придетъ!.. Нѣтъ силъ оставаться въ одинокой бесѣдкѣ и прислушиваться къ затаеннымъ трепетамъ темной звѣздной ночи. Пойду въ садъ, буду до разсвѣта бродить въ синемъ сумракѣ глубокихъ аллей...

Еще не спятъ въ старомъ домѣ: какъ глаза огромнаго темнаго чудовища въ лѣсу, горятъ въ саду два окна желтымъ свѣтомъ. Это ея окна. Тамъ — Калерія... Еслибы подойти и тихо постучать въ окно, позвать ее въ садъ и сказать:

— Калерія, я люблю тебя и не могу жить безъ тебя... Что мнѣ дѣлать?—И ноги тянутъ меня къ окну. Я только пройду по дорожкѣ мимо окна... Тамъ говорятъ... Ея голосъ. Почему онъ дрожитъ и такъ обрывается? Теперь говоритъ мама... А теперь— мама и тетка... Какъ мнѣ стыдно и больно, что такъ неласково говорятъ съ Калеріей мои родные! Она уѣзжаетъ, оставьте ее въ покоѣ!..

— Ради Бога, оставьте меня! — дрожитъ прекрасный голосъ...

Я быстро отхожу прочь. Лучше ничего не знать и не слышать... Пойдемъ, Джальма, въ садъ!.. Здѣсь такъ тихо и такъ хорошо думать о Калеріи, о ея черныхъ глазахъ, ея печальной

улыбкѣ, ея красивой головѣ, которой тяжело отъ огромнаго узла непослушныхъ, сверкающихъ чернымъ сіяньемъ волосъ... Пойдемъ, Джальма, дальше, подъ старыя липы, чтобы не было видно огней въ старомъ домѣ... Что мы будемъ съ тобой дѣлать, Джальма, завтра, когда уѣдетъ Калерія? Эхъ, Джальма! Сколько разъ она просилась съ нами на охоту, и мы ей отказывали... Должно быть, раскрыли окна: даже сюда долетѣлъ пропитанный злобою, визгливый голосъ тетки...

Мы ушли въ самый дальній уголъ сада, подъ горку, къ заросшему бурьяномъ оврагу, и долго сидѣли здѣсь въ глубокомъ молчаніи. Я смотрѣлъ на вздрагивающія звѣзды и укорялъ кого-то въ вышинѣ: „Зачѣмъ Ты заставляешь любить и страдать? Зачѣмъ смѣешься надъ нашей любовью?" Нѣтъ и не будетъ отвѣта... Плыветъ въ загадочномъ молчаніи ночь надъ землей и пристально смотритъ на землю дрожащими звѣздами... Эхъ, лучше бы ты не пріѣзжала сюда, Калерія... Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?..

Я медленно побрелъ по аллеѣ. Джальма побѣжала впереди, бѣлымъ, сверкающимъ пятномъ мелькая въ темнотѣ межъ деревьями... Пріостановилась и заворчала... Испугала меня...

— Впередъ!

Джальма побѣжала и пропала въ темнотѣ. Не лаетъ Джальма: кто-нибудь „свой"... Не ускоряя шага, иду къ бесѣдкѣ... Кто-то сидитъ на крылечкѣ. Джальма лежитъ на травѣ, около. Должно быть, мама пришла опять „объясняться" со мной... Ахъ, какъ надоѣли эти ненужныя „объясненія"! Они только еще болѣе запутываютъ всѣхъ насъ въ обидахъ и непониманіи другъ друга...

— Ты, мама?..

Не отвѣчаетъ. Кажется, плачетъ... Боже мой, да это...

— Ты, Калерія? Плачешь?

— Я больше не пойду туда... Не могу!.. Я до утра просижу здѣсь, у тебя...

— Что случилось?..

— Все равно... Не спрашивай!.. Иди спать... Я буду здѣсь до утра. Когда взойдетъ солнце,—поѣду... Богъ съ ними!..

И опять, какъ въ тотъ день, когда она просила меня похлопотать у батюшки за Вовочку, я положилъ на ея склоненную спину свою руку и прошепталъ:

— Бѣдная!

И мнѣ было безконечно жаль эту тихо плачущую женщину. Но теперь въ чувство жалости властно врывалось и побѣждало его новое.

— Милая, милая!.. Я люблю тебя, Калерія, и не могу жить безъ тебя...

— Погоди, не цѣлуй!.. У меня мокрыя щеки...

— Не стоитъ плакать, Калерія!.. Бѣдная голубка моя... Я никому не дамъ тебя обидѣть... Мнѣ казалось, что ты сперва... любила меня. Скажи: правда это или я ошибался и этого никогда не было?..

— Погоди, Геня... Я скажу... все... Дай мнѣ немного успокоиться... Такъ обидно, такъ обидно... Что я имъ сдѣлала?..

— Пойдемъ ко мнѣ... Посиди у меня въ послѣдній разъ...

— Хорошо... Ты иди и зажги огонь... Я немного посижу здѣсь одна и все пройдетъ... И тогда приду...

— Ты меня не обманешь?

— Какой ты смѣшной!.. Нѣтъ, не обману...

— Я тебѣ вѣрю...

Словно въ лихорадкѣ, вбѣжалъ я въ бесѣдку и, натыкаясь въ темнотѣ на мебель, съ трудомъ отыскалъ спички и лампу. Потомъ я началъ наскоро прибирать въ комнатѣ, на столѣ. На мгновеніе остановился предъ портретомъ Зои: вмѣсто прежней нѣжности къ нему, теперь шевельнулась непріязнь. Я шумно выдвинулъ ящикъ письменнаго стола и бросилъ туда портретъ...

— Ну вотъ... видишь: не обманула. Хорошо у тебя... тихо...

— Какая ты красивая!..

— И ты разглядѣлъ?.. А помнишь тогда...

— Я былъ слѣпъ, Калерія.

— И, можетъ быть, это было лучше для насъ обоихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Оставь мои руки!..

— Онѣ безумно красивы!..

— Сто разъ слышала я эту фразу... Какъ мало въ жизни новаго! Сядемъ и давай говорить... о чемъ хочешь... искренно... не боясь словъ... А гдѣ же портретъ той милой дѣвушки? Почему онъ исчезъ съ твоего стола?—спросила вдругъ Калерія и остановила на моемъ лицѣ пристальный взглядъ.

Я опустилъ глаза.

— Это была ошибка... Я люблю тебя, только тебя, Калерія!..

Калерія вздохнула, укоризненно покачала головой и спросила:

— Теперь ты поставишь мой портретъ?

— Да... Тотъ, который ты мнѣ обѣщала...

— И настанетъ такой часъ, когда ты вотъ такъ же уберешь мой портретъ и скажешь, что это была ошибка. И поставишь третій... Потомъ четвертый...

— Никогда, Калерія! Это—на всю жизнь... Клянусь тебѣ...

— Милый мальчикъ... Обманывайся и вѣрь, пока не разучишься...

Калерія погладила мои волосы и усѣлась на диванъ. Отъ этого прикосновенія кровь бросилась къ сердцу, къ головѣ, къ лицу, и радость полилась по всему тѣлу... Я вдругъ рванулся съ мѣста и, опустившись на колѣни около Калеріи, разрыдался и, покрывая поцѣлуями ея ноги, сталъ въ восторженномъ изступленіи шептать о своей любви и страданіи...

— Я не могу, пойми, что не могу тебя потерять... Ты мнѣ дороже всѣхъ... дороже жизни!.. Безъ тебя мнѣ не нужна жизнь... Ты не хочешь понять, Калерія... Еслибы ты знала, какъ я несчастенъ... Лучше не жить...

Я опустилъ голову ей на колѣни и сталъ тихо всхлипывать. А она ласкала мои волосы и ласково, съ испугомъ и слезами въ голосѣ, тихо говорила:

— Перестань... успокойся... Ты славный... Ты добрый и такой умница.... Будь мужчиной!.. Я не люблю, когда плачутъ мужчины... Будь сильнымъ и гордымъ, какимъ я тебя встрѣтила...

— Ты не любишь меня... Нѣтъ, не любишь...

— Милый! я не умѣю любить такъ, какъ ты хочешь... Только разъ въ жизни я жестоко обманулась въ любви и теперь... не умѣю, мой чистый, честный, хорошій!.. Ты мнѣ нравишься... очень... можетъ быть, я... ну, какъ тебѣ сказать...

— Правду, правду!—шепталъ я, не поднимая головы.

— Можетъ быть, я могла бы тебя любить такъ, какъ я умѣю... Но тебѣ надо другое... Вѣдь тебѣ мало моихъ глазъ, моихъ волосъ, рукъ, моихъ губъ... А я больше не сумѣю дать тебѣ... Я... моя любовь, какъ подснѣжникъ: быстро пропадаетъ... Бери себѣ твою Маргариту... А я... я.

— Это была ошибка!.. Клянусь, только ошибка...

— А я красивая... но невѣрная... „Карменъ"... Понялъ? Да?

— И всетаки я люблю тебя, только тебя... Какая бы ты ни была...

— Я пустая... гадкая... неумная... Ты присмотришься къ моей красотѣ, и ничего у тебя не останется... Ты моложе меня...

Заворчала вдругъ Джальма и уставилась на дверь... Мы стихли, но я не могъ поднять головы съ колѣнъ Калеріи... Открылась дверь.

— Подлая тварь! Убирайся вонъ! Пощади мальчика!

— Мать! Уходи вонъ! Не смѣй ее оскорблять!—закричалъ я, поднявшись на ноги.

— Мерзкая, развратная...

— Молчи!

— Гадина!—задыхаясь, прохрипѣла мать и, выйдя за дверь, громко сказала:

— Я позову кучера, чтобы онъ вытащилъ тебя за волосы...

— Ахъ, вы вотъ какъ! Хорошо... Идите...

Я схватилъ со стѣны ружье и дрожащими руками сталъ вкладывать въ него патроны...

Калерія захохотала, вскочила съ дивана и, приблизившись, обвила руками мою шею сзади: крѣпко поцѣловала въ щеку и шепнула на ухо:

— Да, меня такъ еще не любили... На, цѣлуй мерзкую, развратную гадину... въ глаза, въ губы... во что хочешь... Ахъ, какой ты красивый!.. Скоро разсвѣтъ... Посмотри въ окно: уже вздрагиваетъ небо и потухаютъ звѣзды... Цѣлуй!..

. . . .

Розовымъ полымемъ загоралось небо на востокѣ. Проснулись въ саду птицы и, попискивая, стали покачивать подъ окномъ вѣтки сирени. Предутренней прохладой тянуло изъ окна. Было странно тихо, словно пробуждающійся день боялся еще уходящей ночи и осторожно крался по мягкой росистой травѣ и сыроватымъ землянымъ дорожкамъ, приглядывался и прислушивался...

— Пора... Занимается утро.

— Милая, милая!.. Какъ ты красива!.. Не могу оторваться отъ твоихъ затуманенныхъ глазъ...

— Опять слезы?.. Ты уронилъ одну слезку мнѣ на плечо... Горячо и щекотно... У, какой... бяка!.. Пора, пора... Сказка кончилась.

— Ты не поѣдешь... сегодня.

— Не могу, голубчикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не поѣдешь. Теперь ты... моя ты! Не отдамъ!.. Никому...

— Я, голубчикъ, не могу оставаться здѣсь ни одного дня... Ты это и самъ понимаешь... Я подарила бы тебѣ еще нѣсколько дней жизни... своей, а ты мнѣ — своей, но... вѣдь это невозможно...

— Я хочу отдать тебѣ всю свою жизнь и душу отдать, а ты...

— Смѣшной... Мальчикъ... У меня нѣтъ души, чтобы обмѣняться съ тобой... А жизнь... Нельзя брать чужую жизнь, когда не знаешь часто, что дѣлать со своей...

— Не любишь ты меня!...

— Какъ умѣю... Я тебѣ говорила... Бери, какая есть...

— Калерія, ради Бога прошу—останься еще!.. Я не могу разстаться съ тобой... не могу... Ахъ, ты не понимаешь этого... не хочешь понять...

Я припалъ къ ней на грудь и не хотѣлъ оторваться...

— Ты какъ... ребенокъ у матери... Я тебѣ говорю, что осталась бы еще, но гдѣ...

— Я поѣду съ тобой... Ты смѣешься?

— Нѣтъ... Этого не могу... Нельзя.

— Ты... кого-нибудь любишь?

— Меньше, чѣмъ тебя... Не дѣлай мнѣ больно.

— Я могъ бы убить тебя, Калерія!..

— За что?

— Не знаю... не знаю...

— Негдѣ... Негдѣ спрятать нашъ грѣхъ... Вѣдь люди это называютъ грѣхомъ...

— Еслибы ты... Нѣтъ, тебѣ это покажется смѣшнымъ...

— Ну, говори!..

— Мнѣ хочется быть съ тобой... только съ тобой... Я унесъ бы тебя на край свѣта, на необитаемый островъ, я не знаю—куда... Тебѣ смѣшно...

— Какой ты милый... Я смѣюсь потому, что твои слова пробуждаютъ во мнѣ дѣтскую радость... Я смѣюсь отъ восторга... Говори же!

— Въ старомъ бору, на берегу озера, живетъ лѣсникъ. Старикъ. Онъ рыбакъ и охотникъ... Мы—друзья... Ты смѣешься?..

— Ахъ, капризникъ! Я слушаю, слушаю... И, кажется, немного понимаю... Ты хочешь, чтобы тамъ, въ лѣсу, былъ нашъ „Край свѣта"? Да?

— Да. Тамъ есть домикъ. Старикъ живетъ лѣтомъ въ землянкѣ, а мы... Ты не захочешь...

— Хочу! Это мнѣ страшно нравится... Почему ты не вѣришь?.. Тише, тише, ты задушишь меня... Ну, пусти же!.. Взошло солнце.

Яркая полоса золотисто-розоваго свѣта ударила вдругъ въ окно и вмѣстѣ съ улыбкой заиграла на смугломъ лицѣ Калеріи...

Гдѣ-то далеко игралъ на свирѣли деревенскій пастухъ. Калерія прислушалась.

— Какъ хорошо... Можно снова повѣрить въ счастье...

Обернулась, ласково посмотрѣла мнѣ въ глаза:

— Помнишь, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“?

И, грустно, качая головой, потихоньку пропѣла:

„Пастухъ играетъ... А я-то, я-то“...

XIII.

Яркозеленый, съ бѣлыми, красными, желтыми и голубыми цвѣточками, лужокъ. Кругомъ—старыя сосны. Только съ одной стороны—голубой просвѣтъ: тамъ, подъ горой—круглое притаившееся озеро, какъ огромное овальное зеркало въ рамкѣ изъ камышей и кустовъ: въ неподвижныхъ глубинахъ его—голубое небо, съ повисшими въ немъ бѣлоснѣжными облачками. Съ горы—безконечный синеватый туманъ далекихъ лѣсовъ... Молодыя елки и сосенки, выбѣжавъ изъ стараго хмураго бора, словно малыя дѣти, побѣжали подъ гору и, разсыпавшись по склону до самаго озера, остановились въ изумленіи предъ яркимъ свѣтомъ и далекимъ горизонтомъ... На краю бора, подъ соснами, стоитъ и смотритъ двумя окошечками на озеро новая смолистая избушка лѣсника, а пониже, на спускѣ—зеленый холмъ, съ темной обросшей плѣсенью дверкой и крошечнымъ окошечкомъ. Это—землянка, первоначальное жилище старика, гдѣ онъ скрывался и зимой, и лѣтомъ, пока не выстроилъ, наконецъ, избушки. Бережетъ онъ ее... Для кого? Богъ его знаетъ. А можетъ-быть, просто привыкъ къ своей землянкѣ и жалѣетъ бросить ее. Въ землянкѣ—все немудреное его хозяйство; тамъ пахнетъ овчиной, дымомъ, печенымъ хлѣбомъ и кислымъ квасомъ, а въ избушкѣ—все новенькое: золотятся свѣжеструганной сосной стѣны, лавки, косяки, скамейки, божница, а на полу—половичокъ изъ золотой соломы; печка выбѣлена, жерло ея прикрыто пестрядинной занавѣсочкой... На полкѣ—самоварчикъ и тоже точно сейчасъ изъ лавки: блеститъ, словно золотой. Сизый глиняный рукомойникъ на веревочкѣ. Крылечко съ перильцами—на лужокъ. Нѣтъ двора, нѣтъ забора, загородки... Зачѣмъ? Все—Божіе и все—твое... И небеса, и сосны, и вода въ озерѣ, и лужокъ съ цвѣточками, и грибы, и ягоды, и дикая птица, укрывающаяся въ лѣсныхъ трущобахъ...

Благодарной примиренностью и безмятежнымъ покоемъ наполняется душа отъ уединенной близости къ землѣ и къ небу. Чисто такъ и ясно и въ головѣ, и въ сердцѣ, и все думаешь: зачѣмъ люди хоронятъ себя и свои души въ каменныхъ мѣшкахъ, ограждаются стѣнами, рѣшетками, запорами, занавѣши-

ваются отъ солнца и другъ отъ друга и всю жизнь боятся жизни и портятъ ее себѣ и другимъ?..

Какъ удивительно пріятно, мелодично позваниваютъ здѣсь колокольчики; пара лошадокъ, помахивая мордами, стоитъ подъ соснами и оглядывается: что тамъ замѣшкался ямщикъ, привезшій насъ съ Калеріей?

— Тпру, милыя лошадки! Вашъ ямщикъ пошелъ искупаться въ озерѣ...

Глубокую благодарность чувствовалъ я и къ лошадкамъ, и къ тарантасу, въ которомъ мы пріѣхали, къ желтому чемодану и къ картонкамъ Калеріи.

— Ба! Джальма! И ты здѣсь? Вѣдь я тебѣ не позволилъ!..

Джальма припала къ землѣ и виновато смотритъ на меня умными глазами.

— Ну, ладно ужъ, прощаю... Ахъ, ты шатущая! Пронюхала-таки...

Ружье и гитара. Гитару захотѣла Калерія.

— Геня! Какъ здѣсь дивно хорошо! — кричитъ съ крылечка Калерія, — что-то напѣваетъ и бѣжитъ помогать.

— Я самъ, самъ...

Оглянулась, схватила за шею, поцѣловала крѣпко-крѣпко и, откинувъ голову, побѣжала въ боръ. Тамъ она пѣла, и голосъ ея уносился подъ гору, къ сизымъ туманамъ далекихъ лѣсовъ:

„Насъ вѣнчали не въ церкви, не въ вѣнцахъ, не съ свѣчами“...

Вернулся ямщикъ. Это — тотъ же самый мужикъ, который везъ меня домой.

— Разгуляться пріѣхалъ?..

— Да.

— Эхе-хе... дѣла, дѣла!.. Голосистая... На весь лѣсъ безпорядку надѣлала...

— Никому не говори, что я здѣсь...

— А что мнѣ... говорить-то?!. Не махонькій... Самъ понимаешь...

— Матери не говори, что оба здѣсь слѣзли...

— Понимаю... Ну, надо ѣхать... Хороша бабеночка... Прощай! Въ среду пріѣду...

— Рано въ среду... Пріѣзжай въ пятницу или въ субботу...

— Она наказала въ среду... къ вечеру. Она, братъ, не похвалитъ за это...

Зазвенѣли колокольчики и разсыпались по лѣсу, словно засмѣялись... Куковала гдѣ-то кукушка и все дальше смѣялись

колокольчики. Кружились надъ цвѣтами бабочки. Трещали въ травѣ кузнечики. Тихо, какъ далекое море, шумѣлъ старый боръ вершинами, а внизу, подъ горой, пѣла моя Калерія... Неизъяснимая благодать ворвалась въ душу, и, упавъ на траву, я сталъ смѣяться и цѣловать землю...

— Господи, благодарю Тебя... Какъ я счастливъ... какъ безконечно счастливъ!.. Джальма, ты не понимаешь, отчего эти слезы... Ты лижешь мнѣ руку, думая, что я несчастливъ? Дурочка! Я теперь самый счастливый человѣкъ на всемъ свѣтѣ!..

— Женился, что ли?

— А-а, дѣдушка! Откуда ты взялся?..

Я отвернулся и отеръ слезы счастья.

— Я изъ-подъ земли... Пришелъ узнать, не наладить ли вамъ самоварчикъ... Сижу въ своей норѣ, какъ кротъ, услыхалъ— поетъ твоя-то и вспомнилъ: не надо ли чего...

— Хорошую избу ты поставилъ.

— Ничего... Всю жисть копилъ на нее: не доѣдалъ, не допивалъ. Самъ-то не наживу, а внучкѣ пойдетъ. Мнѣ и землянка хороша, передъ могилой-то.

— Хорошо здѣсь!

— Плохо ли! Благодать Божія... Карасиковъ не сварить ли? Живыя, только сегодня пымалъ... Молодуху-то покормить надо. Вишь, какъ она разливается... Эхъ, молодое-то дѣло!.. Все съ пѣсней: и горе, и радость... Когда женился?

— Недавно.

— То-то не слыхать было... Господа больше подъ старость женятся, а вотъ ты по нашему... Да вѣдь пока молодъ—только и погулять съ красивенькой бабочкой, а тамъ „бери—не надо"...

— Не стѣснимъ мы тебя—въ избѣ-то поживемъ?

— Что ты! Живите!.. Отъ васъ только радость одна въ избѣ останется... Давно я тебя не видалъ... Отколь взялъ жену-то?

— Въ городѣ... Нравится?

— Не вредная... Для васъ вѣдь не бабу, а пичужку нужно: не въ работу, не въ заботу, а чтобы пожарче приголубить да пѣсенку спѣть... За охотой-то ходишь, аль бросилъ? Не до охоты, поди, съ молодой бабочкой-то?

— Нѣтъ, не бросилъ, и ружье привезъ.

— То-то! На озерѣ выводки есть, лётныя ужъ. Какъ заря— всѣ на родину слетаются. А собачка все та же у тебя.

— Та же. Джальма.

Джальма подняла голову и вопросительно посмотрѣла сперва на меня, потомъ на старика, хлопнула по землѣ хвостомъ.

— Спать-то вамъ будетъ неладно, пойду травки накошу. Что твоя пуховая постелька... У меня въ избѣ чисто: ни блохи, ни таракана, ни какой этой погани... Гдѣ у меня коса-то... Покричи меня, коли что. Я недалечко буду. Вонъ тамъ, подъ горкой, околь озера...

— Ладно. Спасибо, старикъ!

Ушелъ. Добрый старикъ, съ синеватыми, уже выцвѣтшими глазами. Всѣхъ любитъ, весь мiръ. Приручилъ зайца: съ нимъ въ землянкѣ живетъ вмѣстѣ съ ежомъ, — „насъ трое“ — говоритъ—„я, ежъ да заяцъ“.

Гдѣ же Калерiя?.. Не могу безъ нея такъ долго...

— Калерiя!

— А-у!

Какъ валторна разносится по лѣсу дорогой, любимый голосъ. Пусть крикнетъ еще разъ:

— Кале-рiя!

— А-у!

Зачѣмъ ты, голубка, уходишь такъ далеко?.. Заблудишься въ темномъ бору. Безпокоится за тебя сердце. Иду въ ту сторону, гдѣ прозвучала валторна. Выхожу на круглую лѣсную полянку, пеструю отъ цвѣтовъ, звонкую отъ гудящихъ насѣкомыхъ... Здѣсь! Какъ огромный красный макъ—голова въ красномъ знакомомъ шарфѣ... Присѣла, ползаетъ по травѣ.

— Ты?.. Здѣсь много земляники: давай ротъ!

— Я найду...

— Я нарвала для тебя. Иди же!

Сѣла въ траву, улыбается и манитъ глазами. Ахъ, эти глаза! Они и ласкаютъ, и мучаютъ; нѣтъ силъ и нѣтъ словъ, чтобы передать, какъ они прекрасны. Смотришь и тонешь въ ихъ притягивающей глубинѣ, и горишь въ ихъ истомной ласкѣ.

— Ну, будетъ смотрѣть. Иди ближе! Словно въ первый разъ увидалъ меня...

— Да, Калерiя, въ первый разъ, всегда въ первый разъ...

— Приглядишься...

— Никогда!

Опускаюсь около и кладу голову на ея колѣни.

— Все смотришь на небо... Ѣшь!

— Нѣтъ, я смотрю на тебя... Въ тебѣ — небо, и черныя звѣзды—глаза твои...

— Я — земля, а не небо. Понялъ?..

Наклоняется и цѣлуетъ въ губы долгимъ поцѣлуемъ... И оба закрываемъ глаза.

— Земляника!.. Разсыпалъ ты всю землянику... Подбирай же!
— Хорошо... Милая, какъ ты прекрасна...
— Тсс!
— Это—птичка...
— Тише, ты мнешь землянику...
— Глаза, мои глаза... мои губы...

Тихо шумитъ старый боръ вершинами и звенитъ лѣсная поляна отъ радостнаго славословія жизни птицами, насѣкомыми, миріадами крохотной твари.. И плыветъ тихій ликующій день надъ нашими головами...

XIV.

Весь день бродили по лѣсу, нашли много бѣлыхъ грибовъ и земляники; Джальма спугнула тетеревиный выводокъ, истерически визжала, гоняясь за зайцемъ. Нехорошо, если собака зря гоняетъ зайцевъ, да ужъ Богъ съ ней, пусть порѣзвится... Забрались въ такую чащу, что долго не могли выбраться: крутой оврагъ весь заросъ кустами орѣшника, крапивой, шиповникомъ, цѣпкимъ хмѣлемъ; внизу, по оврагу, бѣжитъ прячущійся въ зелени ручей, словно булькаютъ бубенчики. Калерія жадно бросилась къ ручью и страшно перепугалась: огромная глухарка, съ сердитымъ клохтаніемъ, забила вдругъ крыльями и вырвалась почти изъ-подъ ногъ Калеріи. Она завизжала и бросилась ко мнѣ:

— Кто это?.. Какая страшная птица!.. Какъ дико она кричитъ! Зачѣмъ ты не взялъ ружья?..
— Нельзя теперь убивать.
— Почему?
— У нея дѣти... маленькія еще...
— А-а!.. А зайцевъ можно?
— Нѣтъ, тоже—дѣти...
— У всѣхъ дѣти... Значитъ, мы не будемъ охотиться?
— На утокъ можно: у нихъ дѣти лётныя...
— А-а-а!.. А ты... ты—лётный?

Калерія засмѣялась...

— Лётный!
— Значитъ, на тебя можно охотиться?..

И снова тихій лѣсной оврагъ огласился звонкимъ смѣхомъ Калеріи и кого-то напугалъ въ чащѣ: вдали захлопали крылья улетающихъ птицъ... Отыскали мѣстечко, гдѣ поглубже и пошире ручей, гдѣ онъ бѣжитъ въ песчаныхъ бережкахъ. Напились и

умылись прохладной водицей. Калерія брызнула мнѣ въ лицо пригоршню воды... Шалитъ какъ ребенокъ... Сбросила туфли, стащила чулки и, приподнявъ платье до колѣнъ, стала бродить по ручью. Стройныя тонкія ноги заигрывали съ водой и камешками, и въ этомъ было столько милой безпечности и безсознательной граціи, что хотѣлось побѣжать, схватить этого взрослаго ребенка на руки и вынести изъ воды...

— Что ты! Уронишь!..

— Нѣтъ.

— Какой ты силачъ, однако... Принеси мои чулки и туфли... Вонъ они, подъ кустикомъ...

Принесъ, поцѣловалъ чулокъ:

— На!

— Посмотри: красивыя у меня ноги...

Только къ вечеру выбрались на знакомый лужокъ, гдѣ нашли давеча много земляники. Теперь ужъ не заплутаемся... Вотъ и примятая трава, гдѣ мы сидѣли... Солнце уже садится: по лужку — длинныя тѣни сосенъ, позади, въ оставленной чащѣ, уже ползаетъ мракъ, а впереди, гдѣ боръ рѣдѣетъ, голубой просвѣтъ и толстые стволы старыхъ сосенъ кажутся золотыми...

— Ой, устала!.. Пить хочу, ѣсть хочу, лечь хочу... Возьми грибы: надоѣли...

— А гдѣ же Джальма? Джальма! Джальма!.. Скрылась...

— Ой, скоро ли нашъ „Край свѣта"!..

— Возьми мою руку!..

— Нѣтъ, не надо: хочется махать руками...

— Вонъ наша избушка золотится новенькой крышей...

— Будто мы—братецъ Иванушка и сестрица Аленушка, а тамъ — избушка Бабы-Яги. Ой, братецъ Иванушка, пить хочу, ѣсть хочу, поваляться хочу... понѣжиться на постелькѣ...

Ахъ, какъ хорошо у насъ въ избушкѣ! Славный дѣдушка. Какъ онъ заботится о насъ: на столѣ — горячій свѣтлый самоваръ, полкаравая чернаго хлѣба, кувшинъ устоявшагося молока... Откуда молоко?—у него нѣтъ коровы. Неужели успѣлъ сходить въ деревню за пять верстъ отсюда?.. Чистая набойная скатерка; новенькія деревянныя ложки, желтыя, блестящія отъ лака, берестовый туисъ съ сотовымъ медомъ... А весь уголъ за печью заваленъ только что скошенной травой... Милый дѣдушка!

— Ой, какъ хорошо!—крикнула Калерія и съ размаха упала въ пышную груду травы и раскинула руки. Распустилась прическа и двѣ толстыхъ черныхъ змѣи поползли около ея плечъ. Прикрыла лицо кистью руки и сказала лѣнивымъ голосомъ:

— Похозяйничай, голубчикъ, а я чуть-чуть подремлю...

— Подремли, голубка...

Осторожно, на ципочкахъ, ходилъ я по избѣ и готовилъ чай. Злобно погрозилъ прибѣжавшей Джальмѣ, боялся стукнуть посудой, сдерживалъ дыханіе. Изрѣдка бросалъ взоръ на траву: мѣрно поднималась высокая, свободная отъ обычнаго панцыря грудь и чуть слышалось ровное спокойное дыха̀ніе... Голубка, она уже уснула... Положить бы ей подъ голову подушку—боюсь,—разбудишь... Боже мой, какъ я люблю эту спящую женщину!.. Тише, не гуди такъ громко, шмель, на окошкѣ! улетай скорѣй на волю, скажи тамъ всей твари: „заснула наша Царица“!..

— Тише, дѣдушка, не стучи...

— А-а, заснула твоя пичужка... Нагулялась, натрудила ноженьки... У меня уха̀ изъ карасей поспѣла... Поѣли бы, да тогда ужъ и полегли бы!..

— Это кто пришелъ, Геня?..

— Эхъ, дѣдушка, разбудилъ!..

— Рано легла, молодуха. Во что ночь-то спать будешь? Чай, поѣсть хочешь?

— Очень!

— Ну, вотъ видишь... Скажи спасибо, что напомнилъ, а то такъ бы неѣмши и улеглась. А ночью забезпокоилась бы... Вставай: сейчасъ уху приволоку, а ты хлѣба нарѣжь, справь свое бабье дѣло. Самоваръ подогрѣла бы... Привыкать тебѣ надо.

Дѣдушка вышелъ, я бросился на траву, сжалъ Калерію въ объятіяхъ и сталъ цѣловать.

— Вставай! вставай! вставай! вотъ тебѣ!..

— Я пойду къ озеру... искупаюсь и буду снова бодрой...

— Утонешь...

— Не бѣда, если это и случится...

— Одну не пущу.

— Скажите пожалуйста! Однако, ты быстро входишь въ роль... дрожащаго супруга...

Звонко смѣется, бросаетъ на плечо простыню и уходитъ... Умѣетъ свистѣть по-мужски.

— Джальма, пойдемъ купаться!

— Ушла. Боюсь... А вдругъ утонетъ? Не успѣешь спасти: далеко. Не знаетъ мѣста. Запутается въ водоросляхъ... И не услышишь... Тихо иду подъ гору, пробираясь кустиками, поближе къ озеру. Прилегъ въ кругу изъ елокъ, слушаю... напѣваетъ что-то, разговариваетъ съ Джальмой, съ лягушкой... Стихла, а

потомъ—звонкій визгъ и шумный всплескъ воды: бросилась прямо въ озеро и поплыла...

— Не плавай далеко! утонешь! — кричу, полный страха и безпокойства.

— Какъ хорошо! Гдѣ ты? Иди купаться...

Кровь бросается въ щеки. Почему мнѣ стыдно?..

— Иди! я уже одѣваюсь...

Опять поетъ. Иду навстрѣчу. Бѣжитъ мокрая Джальма, встряхивается: она тоже купалась. А вотъ и Калерія... И опять другая, новая какая-то: на головѣ—бѣлый платокъ, повязанъ какъ повойникъ у молодыхъ крестьянокъ. Еще глубже и чернѣе сдѣлались отъ него глаза и рѣзче обрисовались на капризно-приподнятой губѣ черные усики, а лицо—бронзовое, какъ у египтянки. Въ бѣлой кружевной кофточкѣ, подъ которой вздрагиваетъ при каждомъ шагѣ грудь... Какая-то высокая стала, словно выросла. На плечѣ свернутая простыня, въ рукѣ—бѣлыя съ желтымъ кружечкомъ въ срединѣ водяныя лиліи на длинныхъ стебляхъ...

— Вотъ теперь давай руку... Жаль, что ты не искупался... Я немножко озябла...

Она прижалась къ моей рукѣ и задрожала.

— Ребятиш-ки-и-и! Уха просты-нетъ!

— Дѣдушка кричитъ. Идемъ скорѣе... Бѣгомъ!

Никогда уже больше въ жизни я не ѣлъ такой удивительной ухи. Мы сидѣли другъ противъ друга и съ жадностью поглощали уху полными новенькими деревянными ложками. А потомъ принялись за жирныхъ озерныхъ карасей. Переглядывались, улыбались, начинали безпричинно смѣяться. А дѣдушка стоялъ у притолоки, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на насъ, причмокивалъ губами и приговаривалъ:

— Онъ, карась-то, вкусный живетъ... Кушайте на доброе здоровье!.. Не жалко. А самоварчикъ я сызнова наладилъ... горяченькій... Подушечки-то захватили?.. Вотъ это умненько... Мы, вѣдь, на своемъ кулакѣ спимъ... А изъ гнилого угла тучки набѣгаютъ: не было бы дождя ночью-то. Не пойдешь на зорю-то утокъ покараулить?.. Сѣло никакъ солнышко-то...

— Сегодня что-то не хочется...

— Эхъ, ты!.. Обабился, братъ... Дай-ка мнѣ ружьецо-то: я отъ скуки посижу. Убью, такъ вамъ же на жарёху завтра пойдетъ... Сейчасъ стайка пролетѣла...

— Калерія! Хочешь—пойдемъ, посидимъ... Ты вѣдь просилась какъ-то...

— Иди, голубчикъ, а я что-то устала...

— Это отъ чистаго воздуху, бабынька милая... Съ лѣсного воздуха... Наглоталась его, тебя и маритъ, разомлѣла... Вишь, какъ у тебя щеки-то разгорѣлись, словно зарево ночью...

— Одному не хочется.

— Ужъ какая съ ней охота!.. Съ ей вонъ на травѣ поваляться...

Отдалъ дѣдушкѣ свое ружье. Ушелъ онъ.

— Счастливо вамъ!

— Спасибо, спасибо, дѣдушка!..

Напились чаю, молча посидѣли на крыльчикѣ, прижавшись другъ къ другу. Почернѣлъ старый боръ, нахмурился, сильнѣе заворчалъ вершинами. Стала чутко настораживаться въ темноту лѣса Джальма, тревожно втягивать носомъ воздухъ, поварчивать. Посинѣли небеса надъ боромъ, замигали звѣздочки. Притихли птицы. Только кузнечики не переставали трещать въ травѣ, да гдѣ-то на озерѣ глухо стонала выпь. И не хотѣлось двигаться съ мѣста, не хотѣлось снять головы съ теплыхъ колѣнъ любимой женщины, когда она, погладивъ меня по волосамъ, сказала:

— Пусти, я хочу лечь...

Ахъ, какъ хорошо у насъ въ избушкѣ! Пахнетъ сосной, травами, медомъ...

— Не будемъ зажигать огня...

— Ой, какъ я устала! Ну, я—бай-бай...

Какая мягкая, душистая трава! И ты, Калерія, пахнешь тоже цвѣтами, травами, озеромъ, сосной, а твои волнистые волосы опьяняютъ меня непонятнымъ ароматомъ.

— Дай, я обовью ихъ вокругъ своей шеи и задушусь ими... Какъ сверкаютъ въ синемъ сумракѣ твои глаза... Мои черные огни, въ которыхъ горитъ, какъ свѣча подъ вѣтромъ, моя душа...

Шумитъ за окномъ старый боръ, баюкаетъ и ласкаетъ... Тихо-тихо въ избушкѣ... Уснула моя голубка... А я не могу... Нѣтъ, не могу... Я склонился надъ ней и не могу оторваться отъ прикрытыхъ темными рѣсницами глазъ, отъ полураскрытыхъ губъ, за которыми прячутся бѣлые мелкіе зубы, отъ этихъ странныхъ усиковъ, отъ мѣрно вздымающейся груди... Не могу... Я тихо-тихо, такъ что ты не услышишь, поцѣлую тебя, едва коснувшись губами твоей смуглой щеки...

Ахъ, какъ пахнетъ цвѣтами, травами, медомъ и твоими волосами, Калерія!

XV.

Раскрываю глаза: яркій свѣтъ радостнаго утра и улыбающіеся черные глаза... За раскрытымъ окномъ звонко поютъ птицы... Не могу вспомнить, тотъ же это день, или новый... Ослѣпляетъ солнечный свѣтъ, но сильнѣе его черный свѣтъ твоихъ глазъ, Калерія...

— Съ добрымъ утромъ! Я уже искупалась... Дѣдушка убилъ утку...

Наклонилась къ лицу, показала кончикъ языка и встала съ колѣнъ.

— Вотъ тебѣ утка!

Бросила на траву мертвую дикую утку.

— Жаль мнѣ ее...

— Поплачь надъ ней...

— А тебѣ... не жалко?

— Жареную жалко...

Весело хохочетъ. Подбѣжала Джальма, жадно обнюхиваетъ утку, качаетъ хвостомъ, поглядываетъ на меня, словно говоритъ: „Эхъ, ты!..“ Умница! Взглянулъ на Калерію; какъ молнія, пронизало меня воспоминаніе о чемъ-то недалекомъ и далекомъ, и безграничная радость облила душу, и мнѣ захотѣлось посмотрѣть въ черные глаза и что-то напомнить имъ...

— Ты въ бѣломъ...

— Да. Жарко въ шерстяномъ.

— Какой странный костюмъ... Съ крыльями...

— Это матинэ.

— Ахъ, милое матинэ!.. Бѣлая паутина кружевъ.

— Ты сегодня съ косами. Какія у тебя косы! Тяжелыя косы. Дай мнѣ поднять ихъ на рукѣ.

Я приблизился, подержалъ въ рукѣ косу, прижалъ къ ней губы.

— Мнѣ хочется расчесать твои косы...

Заглянулъ ей въ глаза и молча спросилъ, помнитъ ли? Опустила рѣсницы и улыбается... Не могу... Я долженъ обнять тебя крѣпко-крѣпко...

— Иди купаться. Простыня на перилахъ крыльца...

— Хорошо, хорошо... Джальма! Идемъ!

Дѣдушка сидитъ на бережку озера съ длиннѣйшимъ удилищемъ.

— Клюетъ ли, дѣдушка?

— А-а, Енадій! Купаться?

— Да.

— Ну и смѣлая у тебя баба!..

— А что?

— Заплыла на тотъ берегъ... Какъ рыба плаваетъ. Попала въ тину, насилу вылѣзла... И все хохочетъ. Смотри, тутъ дохохочется. Дна тамъ нѣтъ...

Купаюсь, переговариваюсь съ дѣдушкой.

— Долго ли прогостите у меня, милёнки?

Напомнилъ, что—недолго. Такъ и сжалось сердце холодомъ. Неужели она уѣдетъ и... Вѣдь не можетъ же это кончиться тѣмъ, что она уѣдетъ...

— Погостимъ, дѣдушка!

— Хлѣба у меня только каравай... Надо въ деревню... Съ недѣльку погостите, поди?...

— Хотѣлось бы...

Купался и думалъ: „Что мнѣ дѣлать, когда наступитъ время разлуки?.. Разлука! Неужели она придетъ и скоро? Что же дѣлать?.. Что дѣлать!..“ Вернулся въ избушку печальный отъ этой мысли и вздрогнулъ: Калерія возилась около своего дорожнаго чемодана...

— Ты... ты что дѣлаешь?

— Навожу порядокъ...

— Зачѣмъ?

— Чтобы потомъ было легче уложиться...

— Ты думаешь объ отъѣздѣ?

— Да, завтра вечеромъ пріѣдутъ лошади...

— Не пріѣдутъ...

— Почему?

— Потому что я не велѣлъ.

— Очень глупо, голубчикъ, сдѣлалъ. Придется посылать тебя же... или дѣдушку. Пей чай! Я уже напилась.

— Что ты читаешь?

— Такъ... письмо...

— Отъ кого?.. Дай прочитать!...

— Нельзя.

— Я отниму...

— Не дѣлай мнѣ сценъ ревности... Иначе я разсержусь...

— Ты нарочно мучаешь меня... Ты не любишь меня!...

— Я тебѣ говорила, что люблю, какъ умѣю, и, кажется, ты могъ въ этомъ убѣдиться. Другихъ доказательствъ дать тебѣ не

могу. Не порти недолгихъ часовъ, которые мы съ тобой проведемъ здѣсь... Живи настоящимъ, а не прошлымъ и будущимъ. Прошлое—для стариковъ, а будущее...

— А будущее?

— Будущее... для чего хочешь, только не для любви. У ней—только настоящее...

— Однако, ты очень ужъ просто смотришь на... на... на...

— А зачѣмъ надо „не просто"?... Если будешь дуться, можно и скорѣе сдѣлать настоящее *прошлымъ*...

— Какъ спокойно говоришь ты объ этомъ!.. Да, это не языкъ любви...

Смолкли. О чемъ она думаетъ? Не узнаешь. Гдѣ-то далеко ея мысли, не со мной. Можетъ быть, она кого-нибудь любитъ, вотъ такъ же, какъ меня. Какъ-то, однажды, она сказала мнѣ: „Моя любовь, какъ и сама я, капризна".

— Вотъ языкъ любви,—сказала она, подошла, поцѣловала и прибавила:—Другого я не знаю... Говорю только на своемъ родномъ языкѣ...

И опять показала кончикъ языка...

— Не ревнуй! Напрасно... Тебѣ позавидовали бы очень многіе...

Хотѣлось рыдать... О чемъ? — не знаю... Безсильная тоска проползла въ душу. Безумное желаніе слить въ одномъ трепетѣ свою душу съ душой Калеріи и почувствовать, что и душа ея — моя душа!..

— Я не могу овладѣть твоей душой, какъ овладѣла ты — моей...

— Что же, милый, я могу сдѣлать?.. Пройдетъ... Все пройдетъ!.. И скоро душа твоя будетъ опять свободна...

Я схватилъ руки Калеріи и сталъ съ злобой ломать. Мнѣ захотѣлось сдѣлать ей физическую боль, потому что я не могъ сдѣлать ей другой.

— Больно! Больно! Опомнись!...

— Я могу убить тебя...

Вырвалась, разсердилась... На глазахъ слезы.

— Ты, пожалуй, захочешь бить меня, противный мальчишка!

Ушла въ боръ, а я упалъ на смятую траву и сталъ метаться, задыхаясь въ тоскѣ и безсильной злобѣ...

— Я убью тебя... убью!.. убью!.. Господи, Господи, что мнѣ дѣлать? что дѣлать!...

Не знаю, сколько прошло времени... Я плакалъ горячо и

долго. Потомъ стихъ и только долго еще не могъ остановить спазмы въ горлѣ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ... И забылся въ странномъ полуснѣ: слышалъ пѣніе птицъ за окномъ, шумъ въ бору, похожій на далекій морской прибой, слышалъ гудящую на стеклѣ муху, но все это было гдѣ-то далеко, непонятно, странно. Я плавалъ въ волнахъ какихъ-то воспоминаній, прошлыхъ, далекихъ и близкихъ, и все путалось: и радость, и горе, и смѣхъ, и слезы, и не зналъ я, счастливъ или несчастливъ я... Грезился смутно образъ какой-то женщины, а можетъ-быть дѣвушки, то свѣтлый, то темный... бесѣдка въ палисадникѣ, столикъ, алгебра, золотая коса... бесѣдка въ саду, окно въ гущѣ сирени, сидящая на крыльчикѣ печальная фигура матери... То склонялась надо мной бѣлая, то черная, и одна плакала, а другая смѣялась, и когда я протягивалъ губы къ бѣлой, она вдругъ превращалась въ черную. Отчего у тебя одна коса золотая, а другая — черная, какъ смола? Гудитъ пароходъ... Нѣтъ, это — муха... Смѣшно... Кто-то сильно толкнулъ избушку, какой-нибудь великанъ...

— Одинъ? А гдѣ твоя краля-то?

— Ахъ, это ты, дѣдушка!

— Жареху принесъ: уточку... Пора обѣдать...

Я оглянулся и сразу вспомнилъ все, что пережилъ, и прежде всего почувствовалъ, что нѣтъ Калеріи...

— Не видалъ, дѣдушка, Калеріи, моей Калеріи?.. Ахъ, какой ты безтолковый!

— Не пойму слово-то...

— Жены, жены!..

— А-аа! Утромъ видѣлъ, какъ она въ боръ ушла... Неужели съ тѣхъ поръ не вернулась? Не заблудилась бы... Эко дѣло-то! Надо бы поискать, покричать... Кабы скоро дождичекъ не пошелъ: вся измокнетъ...

— Да, да, надо искать, надо искать... Пойду...

— Возьми рожокъ у меня. Поиграешь, его далеко въ лѣсу слыхать... Вѣтерокъ подувать началъ, грозы не надуло бы на ночь-то...

Забѣжалъ въ землянку за рожкомъ и съ томящей тревогою въ душѣ пошелъ въ боръ искать Калерію...

— Калерія!

Шумитъ, ворчитъ боръ и безсильно бьется мой голосъ въ стѣнахъ угрюмыхъ сосенъ.

— Калерія!

Нѣтъ. Вотъ и памятная полянка, гдѣ мы ѣли землянику... Неужели это было только вчера? Да, вчера. А кажется, что это

было давно-давно, когда не было тоски, а только одна радость, смѣхъ, счастье... Вотъ пучокъ забытыхъ нами маргаритокъ... Увяли. Такъ скоро...

— Калері-я!

Играю въ рожокъ, прислушиваюсь. Нѣтъ. Ускоряю шаги, рвусь впередъ, продираюсь сквозь чащу лѣса, царапаю лицо колючими иглами хвои. Бьется въ тоскѣ и тревогѣ сердце... Что это? Дождь? Да. Словно заговорщики зашептались кругомъ меня... Теперь не услышитъ уже: заглушаетъ шумъ дождя и шумъ раскачивающихся вершинъ мой рожокъ... А можетъ-быть она уже въ избушкѣ и съ безпокойствомъ ждетъ моего возвращенія... Нѣтъ, она не безпокоится. Сидитъ и улыбается, а можетъ-быть, перечитываетъ свои старыя любовныя письма... и укладываетъ въ желтый чемоданъ платья, кофточки, рубашечки съ ленточками и бантиками... У нея нѣтъ сердца. Она жестокая... Она сжигаетъ огнемъ своихъ глазъ, но не любитъ.

— Калері-я!

Пропало солнце въ тучахъ. Не знаю, въ какой сторонѣ наша избушка... Не разберешься въ потемнѣвшемъ лѣсу. Непривѣтливый онъ сталъ, безрадостный, враждебный... А дождь все сильнѣе. И все ворчливѣе старый боръ. Я шелъ напрямикъ, кричалъ и вслушивался—и вдругъ перемѣнялъ направленіе... Напрасно не послушалъ старика: не надѣлъ охотничьей куртки. Рубаха уже мокрая, липнетъ къ тѣлу и холодитъ. Со шляпы прыгаютъ крупныя водяныя капли... Нельзя закурить папиросы: вымокли спички... Начинало овладѣвать отчаяніе. Словно я уже навсегда потерялъ мою милую жестокую Калерію... Мучай меня, какъ хочешь, а я всетаки люблю тебя; въ страданіяхъ, которыя ты даешь мнѣ вмѣстѣ съ твоей любовью, бездна счастья...

— Калерія! Калерія! Калерія!...

Голодный, промокшій до костей и дрожащій отъ холода, я бродилъ уже безъ надежды по лѣсу, не зная самъ, куда иду: къ дому или отъ дома. Вышелъ на какую-то дорогу. Богъ ее знаетъ, куда она приведетъ. Не знаю, сколько времени: темно уже... Притихъ дождикъ. Заигралъ въ рожокъ, потомъ закричалъ:

— Ка-ле-рі-я-я-ааа!

— А-уууууу!

Неужели она! Кажется, ея голосъ...

— Калері-яяяяя!

— Гейняяяя!

Она, она!.. Нѣтъ сомнѣнія... Вонъ она бѣлѣетъ на дорогѣ...

Дурочка, она, кажется, въ одномъ своемъ кружевномъ матинэ... Такъ и есть!...

— Иду-уу!

А самъ бѣгу, скользя по грязной и мокрой дорогѣ, спотыкаюсь, падаю... Хохочетъ... Да, заливается, словно случилось что-то очень смѣшное...

— Уфъ! Зачѣмъ ты такъ далеко...

— Ты виноватъ... Но на что мы оба похожи?.. Мокрыя курицы!.. Не смотри на меня: я прямо неприлична... Все прилипло... Бррр!.. Холодно и ужасно хочется кушать... Амъ! — я съѣмъ тебя, поросенокъ...

И прошло все сердце... Нельзя на нее сердиться... Ее можно только любить.

— Я тебя ищу очень давно уже...

— Ну и отлично: въ другой разъ будешь умнѣе...

— Ты хочешь, чтобы и въ другой разъ...

— Не со мной, такъ съ той, которую будешь любить послѣ меня...

— Погоди: кажется, кто-то ѣдетъ...

— Мужикъ.

— Вотъ еслибы онъ посадилъ насъ!.. Ой, какъ холодно и какъ хочется кушать... Наймемъ его! У меня промокли волосы, ноги, все, все...

— Мужичокъ!

— Тпру! Что вы за люди?.. Откòль?..

— Православные! — съ хохотомъ отвѣчаетъ Калерія...

Ну, можно ли сердиться на эту женщину?.. Мужикъ недовѣрчиво оглядѣлъ Калерію:

— Хм... Съ усами... оба!.. Чисты сосульки... Ей Богу! Садитесь ужъ...

— Намъ надо къ лѣснику.

— Эге, куда забрели... Это вѣдь въ сторону... Я васъ до дороги довезу, которая туда... А тамъ еще съ версту... Добѣжите ужъ... Лучше прогрѣетесь... Вишь, какъ дѣвчонка-то дрожитъ! На-ка кафтанъ, прикройся!.. Только бы до грозы-то вамъ поспѣть...

— А будетъ?

— Будетъ... Вонъ, съ той стороны агромадная туча ползетъ... Нагоняетъ... Слышь: ворчитъ?..

— Да, слышу...

— Ну-ка, милая, до грозы-то поспѣть бы!..

Мужикъ нахлесталъ лошадь, и она побѣжала галопомъ, под-

брасывая высоко телѣгу. Мы съ Калеріей колотились другъ о друга и радостно смѣялись...

— Ой, душа выскочитъ, ой, ой, ой, тише!

А черная туча нагоняла. Все ближе и громче ворчалъ громъ, перекатываясь по лѣсу...

— Эхъ, Илья по небу прокатывается! — говорилъ мужикъ и, покрутивъ возжами въ воздухѣ, нахлестывалъ мохнатую лошаденку...

XVI.

— Генёкъ! Зажги огонь и не смотри сюда, за печку, а я не буду смотрѣть туда... Будемъ переодѣваться. Бррр!.. Холодно. А всетаки хорошо! Я очень довольна этимъ приключеніемъ...

Хохочетъ тамъ, за печкой. Подплясываетъ босыми ногами по полу и весело приговариваетъ:

— Холодно, Генёкъ, холодно; голодно, Генёкъ, голодно.

Вязко падаетъ мокрое бѣлье на полъ, сухо шелестятъ свѣжія юбки, кофты... Я тоже тороплюсь принять благообразный видъ. Ударилъ и покатился по лѣсу громъ и строго заворчалъ старый боръ. Близко гроза.

— Генёкъ! Закрой окно, а то молнія залетитъ... А умирать не хочется еще...

Набѣжалъ сердитый вѣтеръ, рванулъ створку окна и разбилъ стекло.

Дѣдушка принесъ клокочущій паромъ самоваръ и жарёху изъ утки, хлѣба. Долго онъ ахалъ около разбитаго стекла и ругалъ вѣтеръ. Вкусно пахло жаркимъ и коркой свѣже-испеченнаго черного хлѣба...

— Ты готовъ?

— Да.

— Можно выходить?..

Появилась вся въ черномъ, тонкая, хрупкая, похожая на молоденькую послушницу изъ монастыря. Волосы распущены, на голову наброшенъ черный платокъ-шаль, не знаю, какъ назвать... Изъ-подъ шали лукавые глаза. Подошла, сбросила шаль и, наклонивъ голову, перебросила ловкимъ движеніемъ всѣ волосы на грудь... Стоитъ босая.

— Генёкъ! Заверни мои волосы въ полотенце, свѣй жгутомъ и выжми, какъ дѣлаютъ женщины, полоская бѣлье. Понимаешь?

— Понимаю.

Крѣпко, съ непонятнымъ раздраженіемъ, крутилъ я мокрые черные волосы, а она кричала:

— Будетъ! Больно!

Опять наклонила голову, встряхиваетъ каскадомъ черныхъ волнъ.

— Смотри: достаютъ мои волосы до полу?

— Волосъ дологъ—ухмыляясь, сказалъ дѣдушка.

— А умъ, дѣдушка, коротокъ. Да?

— А кто тебя знаетъ!.. Васъ вѣдь трудно разобрать-то... Все, чай, умнѣе меня, старика... Все-то ты смѣешься... Веселая головушка!.. Съ тобой не соскучишься... Ну, я пойду домой... Заприте дверь-то: не раскрыло бы вѣтромъ ночью: хлопать будетъ... Все глядѣлъ бы на ваше счастье!..

Я проводилъ старика, постоялъ на крылечкѣ... Все на душѣ какъ-то неспокойно и тоскливо... Словно потерялъ настоящую Калерію, а это — не она, другая... Послушалъ, какъ страшно шумитъ боръ и какъ онъ скрипитъ подъ вѣтромъ сломанной сосною. Словно кто-то все качаетъ воду изъ журавельнаго колодца. Ну, опять дождь, крупный, торопливый... Подъ свѣтомъ изъ окошка онъ кажется косымъ пучкомъ прозрачныхъ веревокъ. Вернулся. Съ тоской смотрю на Калерію, красивую, любимую и всетаки чужую. Облокотился на руки, подперъ ими щеки и смотрю въ ея лицо: на душу набѣгаетъ невыразимая грусть, похожая на грусть, рождаемую Бетховенскими сонатами... Грусть о чемъ-то недостижимомъ, вѣчно манящемъ и недающемся, прекрасномъ, но далекомъ, о чемъ нельзя разсказать другому нашими словами...

— О чемъ взгрустнулъ, милый?

— Не знаю, Калерія...

— А я знаю... О той, съ золотыми косами!..

— Нѣтъ. Клянусь тебѣ, что и самъ не знаю...

— Разлюбилъ уже меня?..

— Нѣтъ, Калерія, клянусь тебѣ... Безумно люблю тебя и... безумно тоскую о твоей любви... Не знаю, Калерія, самъ не знаю...

Она подсѣла близко, заглянула въ глаза и прищурилась.

— По мамѣ соскучился?

— Не шути такъ! Не надо. Я хотѣлъ бы тебѣ разсказать, отчего я грустенъ, но не умѣю...

Калерія замолчала и задумалась. Шевельнулась у нея верхняя губа и улыбочка скрытой обиды скользнула и спряталась подъ черной шалью. Вздохнувъ, она тихо сказала:

— Несчастный я человѣкъ, Геня.

— Почему?

— Вмѣсто счастья и радости я даю только страданіе и...

— Это зависитъ только отъ тебя, Калерія...

— Нѣтъ... Напрасно мы съ тобой сюда пріѣхали... Разстались бы сразу и каждый унесъ бы съ собой радостное воспоминаніе... А теперь...

— Развѣ тебѣ *это* надо?

— А ты какъ же думалъ?.. Ужъ не такая я скверная, чтобы мнѣ было ненадо *этого*.

Она отвернулась къ окну и замолчала. Мнѣ чуть-чуть былъ виденъ профиль ея лица: нервно вздрагивала верхняя губа и вдругъ капнула слезка, большая, тяжелая... Въ памяти ярко всталъ пустынный залъ стараго дома, гробикъ съ Вовочкой, огоньки восковыхъ свѣчъ и стоящая около прекрасная женщина съ скорбнымъ лицомъ... Опять она, Калерія, моя потерянная было Калерія! Я нашелъ тебя снова и снова безумно люблю...

— Прости меня, если я тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ...

— Ничего... Пройдетъ... Джальма! поди сюда!

Собака вылѣзла изъ-подъ стола и положила морду ей на колѣни. Калерія ласкала ее въ какомъ-то странномъ экстазѣ и скормила ей почти весь хлѣбъ, называла нѣжными именами и вдругъ поцѣловала въ голову.

— Когда-нибудь вспомнитъ... Вспомнишь, Джальма? Да?

Я подошелъ къ Калеріи, склонился къ ея лицу:

— Какая ты сейчасъ милая. Какъ я сейчасъ люблю тебя... Ты—разная...

— Когда-нибудь и ты вспомнишь... и пожалѣешь о моей любви, которая тебѣ кажется теперь такъ... совсѣмъ и не любовью даже!.. Когда уйдетъ весна, какъ жалко бываетъ, что пропали подснѣжники и отцвѣли ландыши, хотя цвѣтовъ много, даже больше, чѣмъ весной... Ты юнъ и не умѣешь цѣнить цвѣты, которые топчешь мимоходомъ... Ты хочешь, чтобы я была лиліей, а я—подснѣжникъ... Ты издали ошибся... и сердишься на меня. За что? За то, что я—не лилія?

Встала, ходитъ и смѣется.

— А всего больше я похожа на... Если тебѣ такъ хочется, чтобы я называлась лиліей, то пусть я буду *болотной* лиліей, какихъ я принесла вчера съ озера... Въ водѣ онѣ прекрасны, издали—тянутъ сорвать... А когда сорвешь—свернутъ вѣнчики, сожмутся, потеряютъ сразу снѣжную бѣлизну... И думаешь тогда: „гдѣ же красота, и зачѣмъ я лѣзъ въ болото?“ На! Погляди!..

Калерія взяла съ лавки поблекшую водяную лилію и швырнула ее мнѣ.

— Это—я... Выкинь за окно!

Я сидѣлъ, сжавъ голову обѣими руками, и всѣ нервы моего тѣла дрожали, какъ тронутыя струны. Я готовъ былъ снова разрыдаться, какъ это было утромъ на травѣ. Но страшный громовой ударъ, ярко-синяя молнія и крикъ Калеріи спасли меня. Встрепенулась избушка, мигнулъ на столѣ огонь и я почувствовалъ на шеѣ горячія руки Калеріи.

— Ой-ой! Боюсь...

Какъ дѣвочка, она взобралась ко мнѣ на колѣни и цѣпляется руками...

— Бѣдная моя, мой подснѣжникъ, ландышъ, лилія, все, все...

— Болотная!.. Да?

— Черная лилія... Сказочная черная лилія...

— Изъ сказки, которой вѣришь только до тѣхъ поръ, пока она не досказана...

— Красивая, захватывающая сказка!

— Сегодня я доскажу тебѣ конецъ и... и... и конецъ!

— Ты не хочешь ее продолжить?

— Нѣтъ. Не люблю повторяться...

— Неужели же всему конецъ?!..

— Кто знаетъ! Быть можетъ, когда-нибудь... Я хотѣла бы встрѣтиться съ тобой, когда ты...

— Когда?

— Когда ты поймешь меня... А поймешь ты тогда, когда пройдетъ весна и настанетъ лѣто...

— Не скоро, что-ли?

— Кто знаетъ! Все въ жизни случайность... И сейчасъ — только случайность... Ахъ, Геня!.. какой ты молодой еще, слѣпой котеночекъ...

Она стала ласкаться, какъ кошка, потираясь щекой о мое лицо, и заглядывала въ глаза лукаво и загадочно, словно о чемъ-то тайномъ спрашивала меня, боясь словъ... Опять ударилъ громъ, вспыхнули сосновыя стѣны избушки синимъ отблескомъ молніи и сердито заворчалъ старый боръ.

— Пугаетъ...

Она встала и краснымъ шолковымъ шарфомъ завѣсила окно.

— А теперь я хочу досказать тебѣ сказку о болотной лиліи... Будешь слушать? А чтобы было страшнѣе и сказка казалась волшебнѣе...

Калерія потушила огонь...

. . . .

Всю ночь гремѣла гроза и точно тысячи всадниковъ проносились по мосту, стуча кованными лошадиными ногами. Стонала гдѣ-то сломанная сосна, вздрагивала избушка и безпрерывныя молніи и трепетныя зарницы рождали въ завѣшанномъ красной шалью окнѣ призраки пламенныхъ пожаровъ... Казалось, что вся земля объята пламенемъ и обречена на гибель...

— Ахъ, Калерія! Мы съ тобой сгоримъ въ этомъ огнѣ...

— Пусть!.. пусть!.. Вѣдь это сказка!.. И она еще не кончилась...

Рано утромъ Калерія уѣхала... А солнце ярко блистало на вымытой травѣ, на цвѣтахъ, на деревьяхъ, переливаясь и играя въ безчисленныхъ капляхъ вчерашняго дождя... И птицы какъ-то особенно громко и радостно звенѣли въ лѣсу, гордо вздымающемъ къ голубымъ небесамъ свои вершины... Въ избушкѣ осталось все такъ же, какъ было съ ночи: самоваръ на столѣ, недопитая чашка чаю, полотенце на стѣнкѣ, ружье, подъ столомъ — Джальма, а за бѣлой печью—повядшая смятая трава... На полу валялась черная роговая шпилька... Но въ углу на лавкѣ была страшная пустота: тамъ не было желтаго чемодана...

— Калерія, Калерія! Что ты со мной сдѣлала...

Я бросился въ траву и, цѣлуя ее, горько плакалъ...

Евгеній Чириковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПЫЛЬ ВѢКОВЪ

Моя душа вмѣстить не въ силахъ
Вечернихъ вѣяній тоски.
О неоплаканныхъ могилахъ
Пустынно шепчутъ ей пески.

Объ утомленіи великомъ
Ей говорятъ кресты путей,
Предъ ней невинно-страшнымъ ликомъ
Встаютъ страданія дѣтей.

Какимъ смирю я заклинаньемъ
Рожденный отъ начала страхъ?
И утолю какимъ молчаньемъ
Весь крикъ, пронесшійся въ вѣкахъ?

Къ моимъ уныніямъ все строже,
Какъ съ ядовитыхъ лепестковъ
Ты въ душу мнѣ свѣваешь, Боже,
Всю скорбь земли, всю пыль вѣковъ!

П. Соловьева.

КИРА БАРСЮКОВА

ПОВѢСТЬ

I.

Веселящіеся, зажиточные русскіе, упорхнувшіе въ Парижъ отъ своей безпокойной, въ долгомъ бреду стонущей, родины, встрѣтили французскій 190* Новый годъ, по послѣдней модѣ, шумнымъ, нарядным ужиномъ-Réveillon въ ресторанѣ. Затѣмъ они провели въ хлопотахъ нѣсколько дней, стараясь ничего не пропустить изъ французскаго ритуала, но лишь убѣдились въ томъ, что въ мѣстную жизнь, съ ея прочными семейными и общественными традиціями, войти не такъ легко и что кромѣ широкой раздачи на чай прислугѣ и всякому мелкому люду ничего отъ нихъ не требовалось. Уличныхъ торжествъ не было. Парижане какъ бы обратились въ одну большую семью, дарили другъ другу цвѣты и бездѣлушки. Домашніе очаги пріобрѣли на время высокое значеніе: въ городѣ царила сантиментальная скука. Но унывать и чувствовать себя оторванными пріѣзжіе не хотѣли, принялись праздновать свое русское Рождество, радовались благолѣпію своей церковной службы и развлекались на всѣ лады, то подражая французамъ, то вдругъ проникаясь презрѣніемъ къ нимъ и веселясь по своему, съ оттѣнкомъ ухорства и затаенной тоски.

Единенія среди русскаго общества не было. Держались группами, стороной наводили другъ про друга справки, знакомились туго. Общимъ было только недовѣріе къ единовѣрной и въ особенности къ еврейской молодежи, массами ютившейся на лѣвомъ

берегу Сены, въ мансардахъ, дощатыхъ мастерскихъ или тѣсныхъ меблированныхъ комнатахъ. Этой молодежи инстинктивно чуждались, старались ее игнорировать: на улицахъ избѣгали говорить по-русски, изъ страха выдать свою національность какому-нибудь нуждающемуся или опасному соотечественнику. Не только петербуржцы, но даже москвичи соблюдали осторожность, что въ значительной мѣрѣ отравляло имъ пребываніе за границей.

Болѣе предпріимчивыми и простодушными оказались настоящіе провинціалы, въ особенности кіевская группа. Главнымъ лицомъ въ этой группѣ, не по красотѣ, а по талантливости и необыкновенной жадности къ жизни, была двадцатилѣтняя маленькая, смуглая и дерзкая Кира Барсюкова, пріѣхавшая съ опредѣленной цѣлью учиться пѣнію и весьма быстро, съ помощью матери, очень еще моложавой и красивой, Ольги Андреевны, освоившаяся съ Парижемъ.

Отецъ Киры, Ѳедоръ Александровичъ Барсюковъ, помѣщикъ кіевской губерніи, умеръ, когда ей было шестнадцать лѣтъ. Онъ былъ гораздо старше своей жены, дѣльный, на видъ холодный; дочери предоставлялъ большую свободу и мирился съ ея своенравіемъ, говоря, что молодое существо должно быть эгоистичнымъ, что это—законъ природы, съ которымъ спорить глупо и жестоко. Ольга Андреевна также мало мѣшала дочери, и просто жила для себя, никому зла не дѣлая; а когда дочь выросла, по добродушію и безпечности стала во всемъ подчиняться ей. Переѣздъ на неопредѣленное время въ Парижъ, осенью только что истекшаго года, состоялся по желанію Киры. Здѣсь онѣ завели кое-какія связи. Кира своими восторженными письмами вызвала свою любимую подругу, Котю Волкову, которая поселилась съ больной матерью въ ихъ сосѣдствѣ. Явился и женихъ Киры, Николай Петровичъ Сиверсовъ.

Немного портило настроеніе Ольги Андреевны присутствіе въ ея домѣ Насти Барсюковой, ея племянницы по мужу, которую она легкомысленно, передъ самымъ отъѣздомъ, пригласила, разсчитывая на отказъ. Матери своей Настя не помнила, а отецъ обрадовался этому случаю развлечь дочь и сложить съ себя попеченіе о ней. Онъ боготворилъ ее, баловалъ, какъ могъ, но былъ не прочь отдохнуть отъ нея. И теперь Ольга Андреевна иногда тяготилась гордой, неразговорчивой и строгой дѣвушкой. Но Кира съ Настей ладила, и въ общемъ жизнь Барсюковыхъ въ Парижѣ устроилась очень пріятно.

У Киры былъ прелестный голосъ и несомнѣнное артистическое дарованіе. Она училась пѣть въ Кіевѣ, затѣмъ одну зиму

въ Москвѣ, и теперь училась въ Парижѣ. Достигнуты были довольно блестящіе результаты, и Кира ужъ давно стала поговаривать объ артистической карьерѣ, но Ольга Андреевна не вполнѣ вѣрила въ серьезность этого рѣшенія и съ нетерпѣніемъ ждала, когда наконецъ будетъ назначена вѣчно откладываемая свадьба съ Николаемъ Петровичемъ. Но оказать давленіе на дочь она не рѣшалась и даже пріучила себя думать объ этой свадьбѣ только между прочимъ, когда почему-либо на душѣ было не совсѣмъ спокойно и хотѣлось твердаго оплота, якоря спасенія. Теперь же у всѣхъ дамъ было одно увлеченіе—Парижъ. И Ольга Андреевна, и Кира, и подруги Киры, и всякаго возраста пріятельницы усердно передѣлывали себя на парижскій ладъ, присматривались и примѣнялись къ француженкамъ, которыя казались имъ всѣмъ изящнѣе, дѣльнѣе, ловчѣе ихъ и вполнѣ достойными подражанія.

Женихъ Киры, беззавѣтно ей преданный, посватался къ ней очень давно, а можетъ быть и никогда не сватался: точно никто не помнилъ. Еще при жизни старика Барсюкова, когда Кира была подросткомъ, съ гладко зачесанными волосами надъ выпуклымъ лбомъ, съ большимъ носомъ и ребячески пытливыми черными глазами, а Николай Петровичъ былъ студентомъ юридическаго факультета, всѣмъ стало ясно, что онъ со временемъ на ней женится. Они были сосѣдями по имѣніямъ, зимой встрѣчались постоянно въ Кіевѣ, встрѣтились и въ Москвѣ, и хотя гостепріимная Ольга Андреевна никакого предпочтенія не оказывала ему передъ другими, всѣхъ одинаково охотно приглашала къ себѣ и въ деревнѣ и въ городѣ, хотя сама Кира больше съ другими болтала и кокетничала, съ другими ѣздила верхомъ и пѣла дуэты, но стала его признанной невѣстой. „Должно было такъ случиться,—говорила себѣ Кира въ минуты раздумья,—ужъ очень онъ меня любитъ“. И это было вѣрно, любилъ онъ ее крѣпко, упорно и своей любовью покорилъ ее.

Кира заявила, что со свадьбой спѣшить не желаетъ, назначала какіе-то сроки, но всегда затѣмъ отмѣняла ихъ. Николай Петровичъ на все соглашался, а какъ далеко зашли отношенія между молодыми людьми—Ольга Андреевна не знала. „Женихъ вѣрный,—думала она,—радъ во всякое время жениться; пусть ждетъ, еще наживутся вмѣстѣ...“

Она чувствовала въ Николаѣ человѣка, съ волей котораго слѣдуетъ считаться, и удивлялась тому, какъ злоупотребляла его терпѣніемъ Кира. Но когда сначала высказывала дочери свои опасенія, та смѣялась.

— Если мы съ тобой, мама, надѣлаемъ массу глупостей,

промотаемъ все наше состояніе, если я окривѣю, и то онъ никогда меня не покинетъ, съ гордостью поведетъ къ вѣнцу!

— Не въ состояніи дѣло,—отвѣчала Ольга Андреевна,—и хотя самоувѣренность много помогаетъ въ жизни, дурнѣть я тебѣ не совѣтую...

Она при этомъ ласково и чуть-чуть насмѣшливо смотрѣла на дочь. Киру конечно нельзя было назвать красавицей, до матери ей было далеко, но какимъ-то неуловимымъ очарованіемъ она обладала. Въ чемъ оно заключалось, Ольга Андреевна не вполнѣ могла себѣ выяснить, даже не могла съ увѣренностью сказать, умна ли Кира или нѣтъ. „Лѣнилась, кажется, въ гимназіи страшно,—вспоминала она,—и образованіе у нея самое мишурное, хотя пыль въ глаза умѣетъ пустить. Но charme есть въ улыбкѣ, во всѣхъ движеніяхъ, это несомнѣнно; а когда въ ударѣ и поетъ, то дѣйствительно прелестна“.

И разговоръ матери съ дочерью быстро сбивался на практическія мелочи и на пересуды, откровенные, но крайне снисходительные, на счетъ знакомыхъ, при чемъ, когда дѣло шло о какомъ-нибудь скандалѣ, дочь всегда знала гораздо больше подробностей, нежели мать.

О женихѣ своемъ Кира намѣренно говорила мало, такъ какъ всего сказать не могла, а кое-что не понимала. Она знала свою власть надъ Николаемъ, власть души и тѣла; знала, что она именно та, которая назначена ему; чувствовала это инстинктивно, когда онъ бралъ ее за руку, когда цѣловалъ, понималъ съ полуслова ея мысль. А какъ она сама относилась къ нему, она себя не спрашивала, и еслибъ спросили, то не сумѣла бы отвѣтить. Ей казалось, что она не избрала себѣ жениха, какъ не избрала своихъ родителей, своего пола, своего имени: она получила его помимо своей воли. И спорить противъ судьбы было незачѣмъ. Восемнадцати лѣтъ она отдалась ему, безъ всякаго колебанія пользуясь широкой свободой, которая была ей предоставлена, и радовалась своему дерзновенію. Сразу же выходить замужъ за Николая, зажить одной съ нимъ жизнью, потеряться въ немъ она еще не хотѣла, какъ-то боялась.

Когда она высказала ему все это впервые, онъ долго спорилъ, увѣрялъ ее, что такія отношенія будутъ мучительны. Она настояла на своемъ. Ей нравилось скрываться, нравились муки его ревности, нравилось, что они избѣжали обыденности совмѣстной жизни. Онъ подчинился, и при другихъ разыгрывалъ роль терпѣливаго жениха.

По окончаніи университета онъ на службу не поступилъ, а

писалъ статьи, которыхъ Кира никогда не читала, и печаталъ ихъ въ скучныхъ журналахъ. Онъ былъ спокойный, упрямый, быстро соображалъ, много, безъ шума, работалъ, въ политическихъ дѣлахъ не попадался, хотя держался передовыхъ взглядовъ. Когда Барсюковы рѣшили провести зиму въ Парижѣ, онъ устроилъ въ Кіевѣ свою единственную, старшую его на десять лѣтъ сестру, съ которой жилъ душа въ душу, двѣ недѣли посвятилъ дѣламъ и поѣхалъ въ Парижъ, такъ какъ не видѣлъ возможности поступить иначе. Его глубоко уязвило то, что Кира не посовѣтовалась съ нимъ, не справилась съ его удобствомъ, но онъ скрылъ это даже отъ самого себя, объясняя ея поступокъ увѣренностью, что онъ, не служащій, свободный человѣкъ, послѣдуетъ за нею. Онъ поселился въ гостинницѣ недалеко отъ той улицы, гдѣ Барсюковы наняли себѣ квартиру,—нарядную, разсчитанную на пріемы, съ большимъ обиліемъ позолоты въ гостиной и фальшивыхъ гобеленовъ въ столовой,—и думалъ, что при новой обстановкѣ будетъ продолженіе прежнихъ, хотя безалаберныхъ, но милыхъ отношеній, ставшихъ для него привычкой, потребностью.

Но искрящійся вокругъ Киры блестящій Парижъ, всѣмъ своимъ строемъ осуждающій скромную, безсознательно аскетическую русскую душу, овладѣлъ ею, приковалъ ея вниманіе къ себѣ, усложнилъ ея жизнь новыми, быстро смѣняющимися интересами, окуталъ ее своими чарами. Когда прямо съ поѣзда пріѣхалъ къ Барсюковымъ Николай Петровичъ, онъ не сразу узналъ ее: волосы ея были причесаны по новому, и, главное, глаза измѣнились—не привѣтствовали его тѣмъ радостнымъ, быстрымъ взглядомъ, котораго онъ ждалъ. Онъ лихорадочно стремился къ ней, а она приняла его какъ аксессуаръ, милый, доброкачественный, но не особенно нужный при данныхъ обстоятельствахъ. Ему даже показалось, что она, вся новенькая и нарядная, съ насмѣшкой взглянула на его слегка измятый костюмъ.

Дни шли за днями; установились отношенія, прерываемыя выѣздами, уроками пѣнія, портнихами, магазинами, всякими непонятными ему хлопотами. Кирѣ некогда было особенно возиться съ нимъ; она считала, что связь между ними установилась разъ навсегда и не нуждается въ поддержкѣ. Ее развлекало все то невѣдомое, въ которое она погрузилась. И вдругъ теперь, въ русскій Новый годъ,—блѣдный, будничный, толпой не признанный, который они всѣ на чужбинѣ хотѣли изобразить торжественнымъ и многознаменательнымъ,—она впервые почувствовала, что тихо разрушалось, ускользало отъ нея, становилось уже прошлымъ

то, съ чѣмъ она сжилась, что считала вѣчнымъ. Она съ тревогой спросила себя, замѣтили ли это другіе.

Настя, тонкая, ясноокая, сказала ей утромъ за чаемъ:

— Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

И такъ улыбнулась своимъ страннымъ, приподнятымъ къ уголкамъ ртомъ, что Кирѣ почудилась насмѣшка. „Какое тамъ старое счастье, улетучилось, осталась пустота!"—съ жутью подумала она и повела, въ болѣзненномъ недоумѣніи, своими черными бровями.

Ольга Андреевна указала на большой букетъ изъ бѣлой сирени и розъ, высокій и раскидистый.

— Онъ уже прислалъ,—сказала она съ улыбкой.

Кира успокоилась. Самолюбіе ея было удовлетворено: она не была покинута. Но дуновеніе одиночества она на мигъ почувствовала и не могла этого забыть.

— Дѣвочки, которая изъ васъ поѣдетъ сегодня со мной въ оперу?—спросила Ольга Андреевна.

— Опять получила даровые билеты?—спросила Кира.

— Да!—съ нѣкоторымъ торжествомъ отвѣтила Ольга Андреевна, довольная тѣмъ, что такъ скоро, какъ настоящая парижанка, научилась попадать въ театръ не платя.

Очередь была за Настей. Взглянувъ на все еще хмурое лицо Киры, она сказала со своимъ обычнымъ, нѣсколько брезгливымъ видомъ:

— Пусть ѣдетъ Кира, это ее развлечетъ.

Кира вскинула на нее глазами и, вмѣсто благодарности, высказала опредѣленіе ея наружности:

— Французская средневѣковая королева, надменная и скучающая.

Онѣ недавно осматривали вмѣстѣ выставку французскихъ примитивовъ, и Киру теперь поразило сходство Насти съ одной блѣдной, зачарованной ожиданіемъ королевы на картинѣ Клуэ.

— А Николай Петровичъ поѣдетъ въ оперу? — спросила Настя.

— Я только что получила билеты,—отвѣтила Ольга Андреевна.—Ничего еще не могла устроить, и не знаю, есть ли мѣста...

— Не маленькій, чтобы о немъ заботиться,—сказала Кира.—Да и не пріучили мы его къ этому.

Она прошлась, передвигая стулья, трогала вазочки и тарелки на буфетѣ, заглядывала подъ лежавшія на столѣ газеты.

— Ты что-нибудь ищешь?—спросила Ольга Андреевна.

— Да.

— Что именно?

— Не знаю.

Ни Ольга Андреевна, ни Настя не удивились; каждая занялась своимъ дѣломъ, а Кира заперлась у себя и продолжала искать не потерянную какую-нибудь вещь, а причину своей тревоги, тревоги уже не новой, но до сихъ поръ затаенной, а теперь назойливо всплывшей.

— Надо принять рѣшеніе—сказала она себѣ вслухъ,—надо отказать жениху.

Она поблѣднѣла, точно получила отъ кого-то непріятное приказаніе, которому должна подчиниться.

Она попробовала спорить, но сейчасъ же перешла на сторону того, приказывающаго ей, и заботилась лишь о томъ, чтобы подобрать причины поблаговиднѣе. Вѣдь ясно: она не создана для семейной жизни, она будетъ артисткой, пѣвицей. Она и раньше говорила Николаю, что музыка для нея дороже всего, и онъ мирился съ этимъ; но она говорила безъ убѣжденія, лишь предчувствуя будущее, а теперь знаетъ, что никакихъ узъ она не въ состояніи терпѣть. Свобода и искусство. Онъ, по наивности, соглашался на все, обѣщалъ никогда ей не мѣшать, но сколько разъ уже умолялъ назначить день свадьбы. То право, которое она дала ему на себя, уже помѣха въ ея жизни. Необходимость считаться съ его фантазіями, щадить его, измотала ея нервы. Надо разстаться. Если онъ этого не понимаетъ, то ей слѣдуетъ рѣшить за обоихъ.

Этими избитыми, давно опровергнутыми Николаемъ доводами она старалась скрыть отъ себя самой настоящую причину ея рѣшенія. Отношенія къ ней Николая измѣнились. Она уже не чувствовала себя той желанной, единственной, несравненной, какой была раньше, совсѣмъ еще недавно. Онъ пересталъ молитвенно восхищаться ею, онъ ревновалъ ее меньше, не требовалъ отчета о каждомъ ея днѣ. О, эта ревность, такъ тяготившая ее, вызвавшая когда-то столько горькихъ сценъ упрековъ и жалобъ, какъ она теперь жалѣла о ней, съ какой бы радостью вернула ее! Она вспомнила его лицо, такъ часто выражавшее страданіе, а за послѣднее время замкнутое, равнодушное, спокойное. На прошлой недѣлѣ она три раза заставила его даромъ прождать себя, и—краска стыда залила ей лицо и шею—онъ даже не упрекнулъ ее за это. Надо отказать.

Нервно очистивъ мѣсто на своемъ заваленномъ покупками письменномъ столикѣ, она написала сейчасъ же, нѣсколько торжественно, что возвращаетъ ему данное слово, сама отнесла

письмо на почту и, опуская его въ ящикъ, подумала: „Если очень будетъ просить, то я опять соглашусь, и пойдетъ все по старому, но лучше, искреннѣе".

Она старалась за весь день мало быть дома, зашла къ портнихѣ и обрадовалась тому, что долго пришлось ждать очереди для примѣрки, тряслась безъ цѣли въ трамваяхъ, въ сумерки забрела въ Notre Dame и пожалѣла, что не можетъ исповѣдоваться невидимому духовнику, шопотомъ, на колѣняхъ, у маленькаго окошечка. А что она бы ему сказала, она не знала. Поплакала бы...

Она вернулась домой къ торопливому обѣду и слушала перечень гостей. Были баронъ Экштейнъ, два атташе посольства, старикъ Ольхинъ и, конечно, Николай.

Кира на каждое имя слегка улыбалась.

— Устроила себѣ Новый годъ, совсѣмъ по-русски — сказала она матери.

А у самой защемило сердце. Объ отказѣ Николай тогда еще не зналъ. Она, можетъ быть, глупо написала, не сумѣла кончить красиво. Можетъ быть, слѣдовало поблагодарить за цвѣты. Она объ этомъ не подумала. До того ли ей было?

Садясь въ карету, она по товарищески сообщила матери о своемъ поступкѣ. Ольга Андреевна очень удивилась, сперва не хотѣла вѣрить, но, убѣдившись, что Кира не шутитъ, напустила на себя равнодушный видъ и стала болтать о постороннемъ, торопила кучера, увѣряла Киру, что онѣ навѣрное опоздаютъ и часть акта простоятъ въ кулуарахъ оперы. Но, не смотря на всѣ усилія, она все же не могла справиться съ неожиданной новостью.

— Бѣдный, бѣдный!—сказала она, подъѣзжая къ оперѣ.— Ты, Кира, съ ума сошла. Женихъ хорошій, другого такого не скоро найдешь, и покладистъ... ты подумай.

„Покладистъ"—мысленно повторила Кира. У нея явилось подозрѣніе, что мать болѣе прозорлива, чѣмъ кажется. Но она сейчасъ же отклонила эту мысль и придралась къ самому слову. „Покладистъ! Вотъ ужъ нѣтъ! Скорѣй деспотиченъ. Не можетъ понять, что вся жизнь, съ ея тысячью милыхъ мелочей, всѣ люди съ ихъ разными глазами и улыбками, интересуютъ меня".

Она все сильнѣе обвиняла его.

Въ Россіи онъ былъ терпѣливъ и милъ, а здѣсь сердится. Неужели онъ воображаетъ, что его образъ долженъ стоять между нею и міромъ, заслонить отъ нея весь этотъ міръ? Онъ давитъ ее. Какое счастье, что она не вышла замужъ за него!..

Она въ первый разъ въ жизни слушала музыку разсѣянно, думала о себѣ, только о себѣ. Насчетъ своихъ принциповъ она не имѣла иллюзій и вообще отрицала всякіе принципы. Понятіе о нравственности она отстранила изъ своего міросозерцанія и признавала одно дерзновенное исканіе. Конечно нѣкоторымъ это запрещено, они должны жить тихо, какъ должны одѣваться въ темное горбатыя существа. А другимъ все позволено.

Подъ вліяніемъ могучей мелодіи, которую игралъ оркестръ, ее охватили бурныя мысли. Гдѣ ей, съ цыганскимъ лицомъ, со страстнымъ, причудливымъ голосомъ, быть вѣрной женой? Глупо этого требовать. И что такое вѣрность? Гдѣ она? Всѣ измѣняютъ, если не на дѣлѣ, то въ мысляхъ. Въ эту самую минуту навѣрно десятки женщинъ—вотъ хоть эта блондинка съ странной улыбкой, или та рыжая, у которой глаза съузились,—мысленно измѣняютъ своимъ мужьямъ или любовникамъ съ этимъ поющимъ теноромъ; но это—мимолетное и худого въ этомъ нѣтъ. Николай ничего подобнаго не въ состояніи понять. Еслибъ женился, то мечталъ бы запереть свою жену.

Она удерживалась, чтобы не жестикулировать, не говорить вслухъ.

Невозможно всѣ свои мысли связать, всю душу приковать къ одному!..

Ольга Андреевна нагнулась къ ней и шепнула:

— Только бы не застрѣлился!

И тотчасъ же, не дождавшись отвѣта, опять откинулась на спинку своего кресла и съ улыбкой продолжала слушать; съ тонкой, умной улыбкой, такъ какъ и она въ музыкѣ понимала толкъ.

„Застрѣлится? онъ?“ Кира попробовала испугаться, но не могла; внутренній голосъ почти насмѣшливо успокаивалъ ее. „Не бойся, прошло время! Надоѣло ему плясать по твоей дудкѣ“. „Какой вздоръ!“ отвѣчала Кира. „Конечно, мое рѣшеніе—опасное; то охлажденіе, которое я замѣтила, можетъ быть и не существуетъ... Вотъ онъ еще сегодня прислалъ мнѣ цвѣтовъ. И мнѣ самой больно порывать, но я дѣлаю это изъ честности, такъ какъ онъ требуетъ бо́льшаго, нежели я могу дать“.

Онъ прислалъ ей бѣлой сирени и розъ. Онъ будетъ глубоко огорченъ. Теперь ея письмо дошло, прочтено, онъ уже знаетъ. Она свободна. Нѣтъ больше человѣка, который сторожилъ бы ея мысли, не точно читалъ ихъ, что-то сердцемъ подслушивалъ. Какое облегченье! Но нѣтъ и беззавѣтно преданнаго...

У нея слезы навернулись на глаза.

„Нѣтъ болѣе совсѣмъ близкаго, своего...“

Опера кончилась, всѣ встали, прилично похлопавъ.

Ольга Андреевна тихонько толкнула Киру.

— Расчувствовалась, замечталась подъ музыку, моя дѣвочка, идемъ...

Кутаясь въ свои длинныя свѣтлыя накидки, отдѣланныя мѣхомъ и кружевами, онѣ вышли съ благоухающей, нарядной толпой. На улицѣ, подъ теплымъ, ласковымъ небомъ, онѣ стали на край тротуара и, еще ошеломленныя, къ чему-то прислушивающіяся, ждали, пока предложившій имъ свои услуги оборванецъ приведетъ имъ карету. Къ нимъ подошла, граціозно скользя въ толпѣ, высокая дѣвушка, поздоровалась съ Ольгой Андреевной и близко нагнула въ Кирѣ свѣжее, слегка подкрашенное лицо.

— Не узнаешь, задумалась?

— Котя! — тихо вскрикнула Кира.—Когда ты вернулась изъ Динара?

— Сегодня.

— Котя, заходи завтра, пораньше!—продолжала шопотомъ Кира, схвативъ ее за конецъ кружевного шарфа.—Поговоримъ... я отказала...

Котя подняла брови, улыбнулась и скрылась.

— Какъ мы ее раньше не замѣтили? Съ кѣмъ она была? и въ какихъ мѣстахъ?—волновалась Ольга Андреевна.—Пожалуй высоко, у нихъ дѣла плохи... Но одѣта она, кажется, очень нарядно...

Подъѣхала карета, и оборванецъ, кланяясь, хлопотливо открылъ имъ дверку.

Онѣ покатили среди каменнаго пейзажа, усѣяннаго огненными цвѣтами. Въ длинной аллеѣ Елисейскихъ Полей огни превратились въ крупный, ровный жемчугъ, часто нанизанный на двѣ невидимыя нити, ниспадающія съ царившей въ темнотѣ надъ городомъ Тріумфальной арки.

— Люблю Парижъ!—сказала Ольга Андреевна.—Онъ всегда красивъ, во всякое время дня и ночи.

— И умный, и жестокій, все порабощаетъ себѣ, надо всѣмъ смѣется,—отвѣтила Кира.

Ольга Андреевна почувствовала, что дочери жутко и грустно; вторгаться къ ней въ душу, разспрашивать ее она не хотѣла, и сказала первое милое, что пришло ей въ голову.

— Подумай, дѣвочка моя, вѣдь можетъ-быть я когда-нибудь тебя буду слушать въ оперѣ, тебѣ буду апплодировать вмѣстѣ со всѣмъ Парижемъ!

Кира весело улыбнулась. Славная мама! Какъ согрѣла, утѣшила, какъ все впередъ украсила, что бы ни случилось; вернула ей вѣру въ себя, опять сдѣлала изъ нея носительницу клада.

Смѣясь, путаясь въ кружевахъ, и отъ этого еще больше смѣясь, мать и дочь обнялись тепло и нѣжно. На Ольгу Андреевну нахлынула волна воспоминаній, легкихъ, немного пряныхъ, въ общемъ невинныхъ. Съ мудрой самозащитой она всю жизнь отстраняла отъ себя сильныя чувства, и на волненія юности смотрѣла снисходительно. Опера ей очень понравилась, въ каретѣ было уютно; подъ вліяніемъ красоты Парижа и недавней близости нарядной толпы, размолвка дочери съ женихомъ какъ-то перестала смущать ее. Она гладила руку Киры и ласково болтала. А Киру до боли, до головокруженія опьянили мечты и въ ушахъ зазвенѣла опять та могучая мелодія, которая рождала однѣ бурныя, смѣлыя мысли.

II.

Проснулась Кира на другое утро поздно, въ своей широкой французской постели. Раскинувъ свое маленькое упругое тѣло, улыбнулась беззаботно, смутно вспоминая безсмысленный и смѣшной сонъ. Будто она гдѣ-то въ Россіи катается на870 конькахъ по ровному льду, безконечному и гладкому, и кто-то бѣжитъ за ней, кто именно — она не знаетъ, но слышитъ шумное дыханіе. Прудъ кончился, вотъ уже деревья, она между ними бѣжитъ, а деревья кланяются ей: „бѣги, Кира, для тебя мы разступаемся, а за тобой застелемъ путь; согнемся, тебя пропустимъ, а его задержимъ“.—„Какъ въ кошки-мышки, когда плутуютъ“, подумала во снѣ Кира. „А ну какъ попаду въ западню?“ И ей еще веселѣй стало бѣжать, потому что была опасность, сомнѣніе, неизвѣстность...

Она съ наслажденіемъ просыпалась и нарочно медлила открыть глаза. Вотъ она позвонитъ и войдетъ горничная, француженка, франтиха, завитая и напудренная. „Навѣрно нашими пуховками пудрится, но нѣтъ, все равно, не надо о непріятномъ думать“. Войдетъ, откроетъ сторы, подниметъ жалюзи, и Кира увидитъ себя въ огромномъ зеркалѣ шкафа съ растрепанными волосами, желтой, смѣшной. Но и это не досадно, такъ какъ она скоро и съ очень незначительнымъ усиліемъ придастъ своей наружности большую привлекательность. И даже сознаніе, что она не всегда

красива, имѣетъ свою прелесть: „Какая ни есть, а ухаживаютъ за мной много".

Но тутъ она вспомнила про отказъ жениху, и у нея все затихло въ душѣ, остановилось, умерло. Она крѣпко нажала кнопку электрическаго звонка.

— Почталіонъ приходилъ? — спросила она вошедшую горничную.

— Давно,—отвѣтила та съ усмѣшкой — вѣдь двѣнадцатый часъ...

— Мнѣ есть письмо?

— Есть, сейчасъ принесу.

И пока горничная ходила за письмомъ, въ душѣ Киры продолжалось это ужасное молчаніе.

Письмо было отъ Николая: она узнала сразу, въ полутьмѣ, его крупный почеркъ.

— Откройте скорѣй занавѣску! — почти закричала она. — И затѣмъ уйдите, мнѣ ничего не нужно.

Она знала, что горничная, не уважающая пріѣзжихъ господъ, безпорядочныхъ, то щедрыхъ и дающихъ себя обманывать, то безтолково скупящихся, — дѣлаетъ какія-то соображенія по поводу письма. Пусть! Кира ни отъ кого не требовала уваженія. Она сама себя не уважала; только бы ей никто не мѣшалъ, а думать про нее всякій воленъ что хочетъ.

Горничная все не уходила.

— Барышня эта, мнѣ не выговорить фамиліи, пришла и ждетъ въ гостиной... мадемуазель Котья...

„Уже прибѣжала!" — подумала Кира, и пожалѣла, что позвала ее вчера. — „Что тамъ еще, въ письмѣ"...

— Я позвоню, попросите подождать.

Когда, наконецъ, горничная ушла, Кира дрожащими отъ волненія пальцами разорвала конвертъ.

Письмо было короткое, спокойное. Отказъ ея принимался съ достоинствомъ. Бывшій женихъ благодарилъ ее за три года свѣтлой радости и желалъ ей счастія.

Съ широко раскрытыми глазами смотрѣла Кира на прямыя, отчетливыя строчки. Ей показалось, что въ буквахъ она подмѣчаетъ веселыя завитушки.

— Онъ радъ!—прошептала она и почувствовала, что горло ея сжимается и въ глазахъ запрыгало.

Она боялась его отчаянія, его упрековъ; но то, что случилось, было гораздо страшнѣй и больнѣй того, что она предусмотрѣла: онъ былъ радъ отдѣлаться отъ нея.

Ее охватила волна ненависти къ нему. Что же онъ не говорилъ? Она давно оставила бы его въ покоѣ. Очень онъ ей былъ нуженъ! Она щадила его, волновалась за него, а онъ даже не сумѣлъ понять, какая она, не оцѣнилъ и не пожалѣлъ о ней, когда она ушла.

„Три года я на него потратила!“—подумала Кира. Но тутъ она вспомнила, что эти три года она посвятила далеко не ему одному, а кокетничала, сколько могла, со многими другими, и потому этотъ упрекъ она быстро отстранила и еще разъ повторила:

— Онъ радъ.

Въ дверь постучались.

— Войди! — крикнула Кира, узнавшая шаги и особенный шумъ платья Коти.

Вошла очень красивая, высокая молодая дѣвушка. Она немного ныряющей поступью подошла къ Кирѣ и, цѣлуя, обдала ее запахомъ тонкихъ духовъ. Глаза ея были слегка подведены и губы накрашены, выраженіе лица привѣтливое.

— Лѣнтяйка! еще въ постели, и какъ не стыдно!—проговорила она высокимъ пѣвучимъ голосомъ. Но тутъ она разсмотрѣла близорукими глазами разстроенное лицо подруги и заволновалась. Улыбка ея исчезла и голосъ перешелъ въ тревожный шопотъ. Невольно подражая Кирѣ, она тоже широко раскрыла глаза:

— Застрѣлился?

— Нѣтъ, хуже, — проговорила Кира: — тупое, покорное отчаяніе.

И какъ только она сказала эту ложь, она радостно замѣтила, что для спасенія своего самолюбія она удачнѣе ничего не могла бы придумать.

Она медленно прибавила, разглядывая узоры ковра:

— И какое благородство души! Онъ желаетъ мнѣ счастья съ другимъ, болѣе его достойнымъ; онъ говоритъ, что забота о моемъ счастьѣ—единственное, что теперь дорого ему...

— Каково! изумительно!—сказала Котя.—Это онъ все пишетъ? Покажи письмо.

Кира знала, что Котя, не смотря на дружбу къ ней, никогда вполнѣ ей не вѣрила, какъ она сама не вполнѣ вѣрила Котѣ. Но это взаимное подозрѣваніе другъ друга во лжи нисколько ихъ не стѣсняло и не портило ихъ отношеній. Наоборотъ, имъ было отъ этого вмѣстѣ какъ-то еще интереснѣе. Вокругъ каждаго разсказа открывался безконечный просторъ для догадокъ, поправокъ и толкованій.

— Нѣтъ!—рѣшительно отвѣтила Кира:—это чистое, святое письмо я никому не покажу.

Котя грустно покачала головой.

„А можетъ быть вправду, — подумала она, — любитъ ее, не смотря на черную шею, на выпуклый лобъ, на смѣшную маленькую фигуру“.

И она невольно вытянулась и гордо откинула красивую голову.

Кира ее медленно осмотрѣла всю и грустно улыбнулась. Какъ бы отвѣчая ея мыслямъ, она сказала:

— Да, Котя, я разбила жизнь этого человѣка.

И, сама повѣривъ своимъ словамъ, она содрогнулась отъ непритворной и жгучей боли.

— Все-таки хорошо, что не застрѣлился,—сказала Котя.— А ты вставай. Въ столовой уже стучатъ посудой, вѣрно скоро будете завтракать.

Она улыбнулась, вспомнивъ, что у Барсюковыхъ часы завтрака и обѣда были вполнѣ случайные.

Кира привскочила.

— А у насъ еще вдобавокъ сегодня пріемный день!

— Ну, это только съ пяти часовъ пріемъ,—успокоила ее Котя.

— Съ пяти-то съ пяти, а приготовленій сколько! Не хочется передъ французами лицомъ въ грязь ударить.

— Не ударите. Я помогу разставить цвѣты, устроить чай. Все вѣдь заказано?

— Надѣюсь... — неувѣренно отвѣтила Кира. — Разговоровъ было безъ конца по этому поводу...

— Много ждете народу?

— И не говори! Откуда только мама ихъ набираетъ такъ скоро? И, кажется—приличные...

Барсюковы въ Парижѣ попали въ кругъ общества значительно наряднѣе, но болѣе смѣшанный, чѣмъ тотъ, къ которому онѣ привыкли въ Россіи. Онѣ это не вполнѣ сознавали и объясняли нѣкоторыя странности своихъ новыхъ друзей особенной психологіей французовъ.

— Будутъ и важныя старухи, и красивыя молодыя женщины, и мужчинъ много,—продолжала Кира.

Она задумчиво потянулась къ розовому, совсѣмъ не дѣвичьему пеньюару, лежавшему на стулѣ около кровати.

Котя помогла ей надѣть его.

— Ты сиди тутъ, пока я моюсь,—сказала Кира, и огром-

ной розовой бабочкой, легко и чрезвычайно граціозно порхнула въ уборную, оставивъ дверь полуоткрытой. Не смотря на поспѣшность, она захватила съ собою письмо жениха.

— Ну, не возись,—сказала Котя,—ты навѣрное вчера хорошо вымылась.

Она подтрунивала надъ Кирой за нѣкоторую поверхностность и торопливость въ привычкахъ туалета.

Кира добродушно отвѣтила:

— Сегодня торжество...

Но на послѣднемъ слогѣ голосъ ея оборвался жалостно.

„Вспомнила про жениха!"—подумала Котя.

И она задумалась надъ собою, надъ безумной и неудовлетворенной жаждой ласки, которою мучилась. Она вдругъ почувствовала все свое тѣло, могучее и упругое, вспомнила постоянное недоумѣніе отъ двусмысленныхъ рѣчей, отъ краснорѣчивыхъ, противныхъ и все-таки милыхъ улыбокъ и взглядовъ. Всего этого было много, но жениха она все еще не находила. Еслибы подвернулся, она его не прогнала бы, какъ Кира...

Въ уборной плескъ воды кончился, и вскорѣ вышла Кира въ низкомъ корсетѣ, въ очень короткихъ и чрезвычайно широкихъ панталончикахъ съ большими бантами по бокамъ, черныхъ шолковыхъ чулкахъ и узкихъ, остроконечныхъ туфляхъ.

Смуглая шея и тонкія руки выглядывали какъ-то наивно изъ нарядного бѣлья.

Она, какъ всегда, приблизительно угадала, о чемъ думала Котя, и отвѣтила ея невысказаннымъ мыслямъ.

— Смѣшные эти французы! Если остаться съ любымъ изъ нихъ съ глазу на глазъ хоть на нѣсколько минутъ, онъ позоромъ сочтетъ для себя не признаться тебѣ въ любви. И такъ какъ-то слащаво, особенно сначала, такую пойдетъ расписывать tendresse infinie, что почти стыдно оттолкнуть; выходитъ, что не понимаешь всей нѣжной красоты его души. Ну, такъ бы изъ одного приличія бросилась бы ему на шею.

— Смотри, не бросься...—проговорила Котя, и губы ея дрогнули.

— Нашла кого!—отвернувшись, отвѣтила Кира.

Обѣ онѣ были смущены и обрадовались, когда постучалась горничная, звавшая ихъ завтракать.

Кира опять надѣла пеньюаръ и корридоромъ прошла съ Котей въ столовую, очень на первый взглядъ богатую. Вся квартира была эффектная. Барсюковы говорили, что она сама подсказываетъ, какъ въ ней жить и держать себя.

Въ столовой уже собрались Ольга Андреевна, Настя и случайная гостья, Сашенька, уже пожилая барышня, съ добрымъ выраженіемъ толстыхъ, неправильно очерченныхъ губъ и простымъ русскимъ лицомъ.

— Наговорились?—спросила Настя вошедшихъ.

— Поговорили, было о чемъ — равнодушно поцѣловавъ не ее, а воздухъ у ея щеки, отвѣтила Кира и затѣмъ уставилась на мать, что̀ должно было означать: „Ты, пожалуйста, при всѣхъ никакихъ сѣтованій не высказывай".

Ольга Андреевна стала разспрашивать Котю про Динаръ и съ улыбкой слушала довольно неопредѣленный отчетъ молодой дѣвушки: было очень весело, она много танцовала въ казино...

— Многихъ съ ума свела? — продолжала Ольга Андреевна и, вспомнивъ про дочь, съ досадой мотнула бѣлокурой, обвитой косами, головой:

— Нужно же было, чтобы Кирѣ эта фантазія взбрела въ голову, какъ разъ передъ нашимъ пріемомъ! Она сегодня пальцемъ о палецъ не ударитъ, чтобы помочь все устроить. Конечно, до того ли ей!

— Что̀ же случилось? — спросила Сашенька, и вдругъ неловко, но чрезвычайно весело хихикнула.

— Ничего!—хоромъ отвѣтили всѣ остальныя, и Кира прибавила:

— Простите, Сашенька, я васъ сразу не замѣтила. Странно, вы такая крупная, а все выходитъ такъ, что васъ не замѣчаютъ.

Сашенька покраснѣла и разсмѣялась.

— А вы вотъ маленькая, да умѣете обратить на себя вниманіе—наивно проговорила она.

— Вѣрно!—отвѣтила Кира.

Усѣлись. Горничная начала разносить огромный, нарѣзанный на ломтики бифштексъ, и разговоръ за столомъ сосредоточился на предстоящемъ пріемѣ, при чемъ Кира начальнически спрашивала мать:

— Ничего не забыла? Сандвичи съ салатомъ и крутыми яицами заказала? И мороженый кофе, и pâté de mauviettes?

— Ничего не забыла, буфетъ будетъ великолѣпный...

— Это сегодня у васъ пріемъ?—спросила Сашенька и всѣмъ, кромѣ нея самой, стало неловко, что она не приглашена.

Ольга Андреевна помялась и сказала:

— Въ сущности вѣдь никакихъ особенныхъ туалетовъ не нужно, вы бы, Сашенька, прекрасно могли бы придти, еслибы захотѣли...

Кира строго посмотрѣла на мать. Котя потупилась; Настя насторожилась и зрачки ея синихъ глазъ съузились.

— Куда мнѣ!—спокойно отвѣтила Сашенька.—Я вѣдь пріѣхала учиться.

У всѣхъ присутствовавшихъ отлегло отъ сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольная грусть пробѣжала по ихъ лицамъ. Онѣ знали, что изъ ученія Сашеньки ничего никогда не выйдетъ, что она училась безтолково и упорно, разъ навсегда полюбивъ процессъ слушанія лекцій, заучиванія чего-то, хожденія по музеямъ; изъ лекцій и музеевъ она ничего не выносила, кромѣ пріятной усталости и убѣжденія, что когда-нибудь фактъ ея частаго пребыванія въ зданіяхъ, посвященныхъ наукѣ и искусству, сдѣлаетъ ее чрезвычайно умной и образованной. Практической цѣли она себѣ не ставила, и ждала чего-то въ туманѣ. Пріѣхала она на гроши, жила аскетически, и жутко иногда становилось, глядя на ея добрые, ничего не понимающіе глаза.

— Въ которомъ часу у васъ гости?—спросила она.

— Въ пять. И останутся, вѣроятно, до половины восьмого...—отвѣтила Ольга Андреевна.

— Лакея Себастьяна заказала, не перепутала? Съ длинными баками?—продолжала свой допросъ Кира.

— Непремѣнно съ баками!—разсмѣялась Сашенька.—А я вотъ теперь пойду въ Сорбонну, потомъ въ Люксембургъ и затѣмъ ко всенощной: сегодня вѣдь суббота. Надо всюду поспѣть...

Изъ экономіи она поселилась за Парижемъ, и сложность путей сообщенія: метро, трамвай, пароходы, какъ будто увеличивала для нея значеніе лекцій. А въ церковь она ходила аккуратно, не пропуская ни одной службы, потому что въ дѣтствѣ была къ этому пріучена благочестивыми родителями.

Завтракъ былъ оконченъ; сыръ и мандарины остро благоухали. Никто, кромѣ Сашеньки, ничего не доѣдалъ.

Ольга Андреевна встала и, замѣтивъ, что Сашенька перекрестилась, быстро и разсѣянно сдѣлала то же.

Настя, глядя на нее, улыбнулась.

— Ну, дѣвочки, чтобы всѣ были на лицо во-время! Ты, Котя, пожалуйста, не опоздай и одѣнь свое бѣлое кружевное платье. Бѣги къ себѣ, да по дорогѣ зайди въ цвѣточный магазинъ: что-то до сихъ поръ не принесли ничего. А за Настей и Кирой я присмотрю, чтобы не разбѣжались. Для нихъ-то и пріемъ, а онѣ возьмутъ да послѣдними явятся.

— Сколько хлопотъ, сколько хлопотъ! Ну, желаю вамъ, чтобы удалось отлично!—сказала Сашенька. Цѣлуя Ольгу Андреевну,

она прибавила: — Очень благодарю васъ.—Она просто благодарила за завтракъ, но всѣ смутно поняли, что ее какъ-то обдѣлили, обошли, и что она этого не понимала. И хотя всѣ о ней подумали ласково, но никто не догадался ее проводить въ переднюю.

— Одѣть бы ее хорошенько, она такая приличная, съ прекрасными манерами,—продолжала Ольга Андреевна.

— Ну, и одѣнь,—отвѣтила Кира, прекрасно знавшая, какъ и сама Ольга Андреевна, что про Сашеньку сейчасъ всѣ забудутъ и до новаго ея появленія не вспомнятъ.

— Благо никто не проговорился, что у насъ сегодня будетъ музыка, — продолжала Ольга Андреевна. — Сашенька сама когда-то играла...

— Ты одна и могла бы проговориться, — спокойно возразила Кира и, взявъ Котю за руку, направилась съ ней въ свою комнату.

— Еще что-нибудь есть разсказать?—спросила Котя.—Если нѣтъ, то прощай, надо домой...

— Подожди, вмѣстѣ выйдемъ,—сурово отвѣтила Кира и проворно стала вытаскивать изъ шкафа выходной костюмъ.

— Куда ты?

Кира не отвѣтила.

„Все равно, потомъ разскажетъ, не вытерпитъ", подумала Котя. Она опять спокойно и ловко помогла Кирѣ одѣться.

Костюмъ былъ очень скромный, изъ темнаго сукна. Кира молча торопилась. Только когда она надѣла большую черную шляпу и мѣховой боа, она строго провѣрила передъ зеркаломъ общій эффектъ своего наряда и, вѣроятно, осталась имъ довольна. Она сказала, хватая муфту и перчатки:

— Идемъ.

Все лицо ея сдѣлалось блѣднымъ, измученнымъ и губы кривились отъ страданія. Она быстро съ Котей сбѣжала по лѣстницѣ. Котю забавляла эта стремительность и шуршаніе ихъ шолковыхъ юбокъ по ковру. На порогѣ она улыбнулась ласково Кирѣ.

— На метро?

Кира отрицательно мотнула головой.

— Иди одна и не опоздай на наше торжество. Бѣлое платье надѣнешь? Глаза себѣ лучше не подводи: тебѣ не идетъ...

И она какъ-то юркнула въ сторону, маленькая, сутуловатая, несчастная.

Котя посмотрѣла ей вслѣдъ и замѣтила, что каблуки ея ботинокъ были немного сбиты во внутрь.

„Никто бы не могъ подумать, что она такъ хорошо танцуетъ“, мелькнуло въ головѣ Коти. И, размышляя надъ признаннымъ очарованіемъ этого „заморыша“, какъ она въ минуты зависти называла Киру, она, легкая и высокая, побѣдоносно направилась къ ближайшей станціи метро. Она чувствовала одобрительное вниманіе прохожихъ и красиво щурила свои ласковые близорукіе глаза. Но шла скромно и дѣловито, и никто къ ней пристать не посмѣлъ.

III.

Какъ только Кира завернула за уголъ, она позвала извозчика.

— Гостинница Іена! — сказала она отчетливо и, усѣвшись, стала разсматривать цифры на эмалевой дощечкѣ, прибитой внутри кареты. Если въ началѣ номера не стояла цифра тринадцать, и если общая сумма не составляла тринадцати, то будетъ хорошо. Получилось двадцать шесть, число коварное... Что именно могло случиться хорошаго, она себѣ не представляла. Мириться съ женихомъ она не собиралась, да и никакого мира заключать нельзя было: вѣдь они не ссорились... Хотѣлось только, чтобы онъ жалѣлъ, жгуче жалѣлъ о потерѣ ея, чтобы прощаніе было особенное, проникновенное, прекрасное.

У подъѣзда она вышла, спокойно оглянулась на таксиметръ, сообразила, сколько именно слѣдуетъ дать на чай за такую поѣздку, и вошла въ гостинницу съ тѣмъ тихимъ видомъ, который невольно принимаешь, когда идешь навѣстить тяжело больного. На лакеевъ она не обратила вниманія и молча подошла къ лифту.

— Въ четвертый этажъ?—спросилъ приставленный къ лифту служитель.

— Да.

Ей до сихъ поръ было безразлично, что ея частыя посѣщенія живущаго въ отелѣ молодого человѣка были замѣчены; теперь ее это покоробило.

„Въ послѣдній разъ...“ подумала она и вся съёжилась.

Ей показалось, что слишкомъ быстро взлетѣлъ лифтъ. Но надо было выйти. Когда она очутилась въ просторномъ, обитомъ краснымъ сукномъ корридорѣ, съ рядомъ одинаковыхъ, какъ бы

враждебныхъ ей дверей по обѣимъ сторонамъ, она почувствовала себя глубоко несчастной и одинокой. Страшны были эти двери, страшны комнаты за ними. Въ каждой жили люди, ихъ кто-нибудь любилъ, они кого-нибудь любили; у тѣхъ, кто молодъ, были страсти, у старыхъ были привычки, привязанности, а она одна тутъ, такая маленькая, и идетъ къ человѣку, который ее не любитъ и не ждетъ.

„Можетъ быть, ждетъ другую...“ —подумала она ревниво и почувствовала, что поблѣднѣла.

Она инстинктивно рѣшила использовать эту минуту волненія и, похолодѣвшими пальцами, слишкомъ громко постучала въ номеръ 17-ый.

— Кто тамъ?—спросилъ изнутри по-французски русскій голосъ.

Она постучалась опять.

Послышались торопливые, какъ ей показалось, странно тяжелые шаги, и дверь открылась.

На порогѣ стоялъ средняго роста молодой человѣкъ, съ очень разстроеннымъ лицомъ. Онъ неловко, безпомощно развелъ руками при видѣ ея и, стараясь не выдать своего волненія, упорно глядѣлъ на нее воспаленными глазами.

„А я-то воображала, что онъ красивъ!“ — подумала Кира.

— Кира Ѳедоровна, — сказалъ онъ неувѣренно и какъ бы съ трудомъ выговаривая ея имя,—зачѣмъ вы побезпокоились, я вамъ написалъ...

Кира не двигалась съ мѣста.

— Мнѣ такъ холодно,—тихо проговорила она.

Онъ заторопился, подчиняясь необходимости.

— Войдите, согрѣйтесь!

Онъ придвинулъ стулъ къ камину.

— Садитесь.

И самъ отошелъ къ окну. Она была непрошенной гостьей, съ которой не знаешь какъ обращаться.

Кира сѣла и протянула къ огню свои руки. Муфта скатилась съ колѣнъ на полъ. Николай поднялъ ее, отнесъ на комодъ и сталъ на прежнее мѣсто. Кира задумалась, на лбу ея появилась складка, виски сводило. Онъ назвалъ ее Кирой Ѳедоровной, а не Кирой просто. Она у него сидитъ одна передъ каминомъ и вокругъ нея такъ пусто. Какъ далекъ, хотя до него всего три-четыре шага, тотъ привѣтливый диванъ, на которомъ онъ ее такъ часто обнималъ. Все тутъ—и вещи, и мебель, недавніе услужливые сообщники свиданій,—стало холодно, чопорно-стыд-

ливо, осуждало ее. И развѣ раньше онъ предоставилъ бы камину ее согрѣть?

Она смотрѣла на голубое пламя, бѣгающее по развалившейся грудѣ угольевъ, и сказала беззвучно, какъ бы читая:

— Я должна была придти, въ послѣдній разъ... У меня нѣтъ гордости. Я хочу, чтобы ты зналъ, какъ я страдаю. Я вернула тебѣ твое слово, отдала свободу, потому что боялась, что ты меня разлюбилъ. И ты... ты не отрицалъ этого.

Ея губы искривились.

— Ты дѣйствительно меня разлюбилъ?

Онъ съ усиліемъ отодвинулся отъ окна и сѣлъ поодаль.

Кирѣ захотѣлось смѣяться: ей показалось, что онъ ея боится. Она опустила свои длинныя вѣки, но знала, что онъ все съ тѣмъ же тяжелымъ недоумѣніемъ смотритъ на нее; протянутыя къ огню руки ея задрожали.

— Кира,—сказалъ онъ тихо,—Кира неужели ты еще любишь меня?

Она сбоку, сквозь сдвинутыя вѣки, взглянула на него.

— Я вѣрила въ тебя. Меня опьяняли твои слова. Я думала, что мы такъ сильно любимъ другъ друга, какъ разъ въ сто лѣтъ, среди милліардовъ людей, могутъ только двое любить. Я думала, что ты разгадалъ и лелѣешь мою душу, что она тебѣ дорога, какъ и тѣло мое, что твое сердце дрожитъ отъ моего голоса. Я думала это потому, что ты мнѣ все это говорилъ.

— Да, Кира,—отвѣтилъ онъ подавленно,—я это говорилъ, и ни одно слово мое не было ложью или преувеличеніемъ.

— И я гордилась тобой. Я чувствовала себя такой чрезмѣрно богатой, что расточала свое богатство, рисковала имъ. Я на улицахъ, на балахъ, въ театрѣ, радовалась, когда встрѣчалась съ какой-нибудь красавицей, и говорила себѣ: ни одну женщину въ мірѣ не любятъ такъ, какъ онъ любитъ меня...

— И ты мучила меня, терзала упорно, кокетничая со всѣми, топтала въ грязь мое самолюбіе, издѣвалась надо мной.

— Я вѣрила въ тебя. Ты помнишь наши прогулки по музеямъ? Ты говорилъ, что все прекрасное становится для тебя прекраснѣе и понятнѣе, когда ты смотришь на него со мною... Жизнью души моей была твоя похвала мнѣ.

Она вся порозовѣла, согрѣлась отъ пламени камина и быстрымъ, привычнымъ жестомъ разстегнула кофточку.

Ей почудилось, что Николай сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы еще отстраниться отъ нея. Она вспомнила, какъ быстро раньше срывала эту же кофточку и со смѣхомъ бросала куда

попало. Вспомнила, какъ онъ прижималъ ее къ себѣ, когда она защищалась, увѣряя что страшно спѣшить, и шепталъ: „Кира, къ чему между нами всѣ эти ненужныя вещи?“ И такъ мило неловко теребилъ ея платье. Этотъ шопотъ еще стоитъ теперь въ комнатѣ и ждетъ чего-то, чтобы сдѣлаться властнымъ.

Но Николай заговорилъ рѣзко, волнуясь, ненужно громко:

— Я никогда не лгалъ тебѣ; я думалъ, что и ты мнѣ никогда не лгала. Я дорожилъ тобой больше всего на свѣтѣ...

Она хотѣла заговорить, но онъ продолжалъ торопливо:

— Я съ ужасомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ таяла твоя любовь ко мнѣ. Осталась нѣжность, привычка; исчезла любовь. Я отчаянно боролся противъ надвигающагося несчастья, хотѣлъ сохранить, уберечь, продлить то, что между нами было, но оно испепелилось. И когда ты прямо поставила вопросъ о разрывѣ, я заглянулъ къ себѣ въ душу, какъ раньше не смѣлъ взглянуть, и понялъ, что разрывъ уже совершился.

Кира вскочила, и лицо ея было такое, какъ будто ее только-что предательски и сильно ударили.

— Ты боролся противъ остывающей своей любви?—крикнула она.—Ты, значитъ, не любя ласкалъ меня! Я этого никогда не прощу.

Она такъ крѣпко сжала себѣ руки, что пальцы ея захрустѣли. Она продолжала, задыхаясь:

— А я, я все еще не могу сказать тебѣ „вы“, такъ глупо близокъ ты мнѣ.

Она хотѣла пройтись по комнатѣ, но сообразила, что все, что она здѣсь увидитъ, оскорбитъ ее напоминаніемъ о потерянной власти.

— Вы сожгли мои письма?—спросила она надменно.

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ онъ виновато и тихо. — Но сожгу, всѣ.

— Давай теперь жечь!

Онъ не двинулся.

— Я жду,—сказала Кира.

Онъ тяжелыми шагами заходилъ по комнатѣ за ея спиной, потомъ подошелъ къ ней и молча сталъ. Она увидѣла у него въ рукахъ большую пачку ея страннымъ, неровнымъ почеркомъ исписанныхъ бумажекъ.

„Моя пачка его писемъ втрое больше“, — подумала она и быстро опустилась на колѣни передъ каминомъ.

— Передавайте мнѣ, я буду бросать.

Онъ покорно протягивалъ ей письма. Они коробились отъ

пламени, и Кира читала, сквозь застилавшія глаза слезы, такъ часто съ усиліемъ придуманныя письма. Трудно бывало отвѣчать съ нужнымъ воодушевленіемъ. Она днями ждала, когда придетъ подходящее настроеніе. Его діапазонъ былъ такъ возвышенъ, а она не хотѣла отставать... А вотъ вдругъ и искреннія слова довѣрія и благодарности за его безграничную, вѣчную, какъ ей тогда казалось, любовь.

Она махнула рукой.

— Всѣ разомъ!—сказала она и бросила въ огонь всю пачку, которая легла тяжело, сѣрой массой и задымилась по краямъ.

Ей становилось какъ-то дико-больно и захотѣлось, чтобы стало еще больнѣй, до экстаза.

— А теперь, давайте уничтожать и музей.

Она раскрыла губы и показала заостренные какъ миндаль, неровные бѣлые зубы. Можно было подумать, что она улыбается, еслибы не мрачный, зловѣщій огонь въ ея глазахъ.

Онъ опять повиновался и принесъ ей шкатулку, передалъ и ключикъ.

Она вложила ключъ въ замокъ и повернула.

Онъ умоляюще протянулъ руку.

— Жгите такъ, не раскрывая.

Кира сидѣла на коврѣ и медленно запрокинула голову. Она посмотрѣла на него затуманившимися глазами и держала шкатулку на колѣняхъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ не раскрывать? Для меня прошлое дорого. Презирать свое прошлое—это значитъ презирать себя. Теперь, когда я не нужна тебѣ, какъ выдохнувшійся цвѣтокъ, я должна еще разъ убѣдиться, что я была когда-то желанна.

Она опьянялась своими собственными словами, и крупныя, быстрыя слезы потекли по ея щекамъ. Она опустила голову, чтобы скрыть ихъ, и машинально откинула крышку шкатулки. Тамъ лежало много ея карточекъ, всякаго формата,—нѣкоторыя, изображавшія ее маленькой дѣвочкой, уже выцвѣли, — ленты, какіе-то лоскутки. Она взяла въ руку кусочекъ полосатой синей съ чернымъ матеріи.

— Отъ каждаго моего платья, которое ты видѣлъ на мнѣ, ты требовалъ кусочекъ на память. Я не смѣла бросать или дарить платья, предварительно не отрѣзавъ отъ него клочка. Это синее, недавнее, я въ немъ приходила сюда; а въ этомъ розовомъ я была на вечерѣ у Веригиныхъ, въ Москвѣ, и пѣла, а ты сидѣлъ въ углу, далеко. Я хорошо тогда спѣла?

Она вспомнила свой успѣхъ на этомъ вечерѣ и стала доброй,

примиренной. А онъ вспомнилъ муки ревности во время этого слишкомъ страстнаго, безстыднаго пѣнія, вспомнилъ, какъ она упивалась всеобщими похвалами и равнодушно смотрѣла на него, почти избѣгала его, неловкаго, слишкомъ искренняго.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ глухо.

— А вотъ и цвѣты, которые я весь день носила, на пикникѣ, платокъ, перчатка, еще кусокъ матеріи. Я этого платья не помню.

— Это было еще въ Кіевѣ, оно было на васъ, когда я...

Онъ запнулся и надѣялся, что она его перебьетъ, не дастъ договорить. Но она ждала съ любопытствомъ.

Онъ докончилъ, мучительно покраснѣвъ и чувствуя себя дуракомъ:

— Когда я васъ первый разъ поцѣловалъ.

— Въ Кіевѣ,—повторила мечтательно Кира.

Она себя увидѣла еще совсѣмъ наивной дѣвочкой, довольной и польщенной его волненіемъ.

— Ну и это все пойдетъ въ огонь.

Она опрокинула всю шкатулку въ каминъ и встала. Отъ неудобнаго долгаго сидѣнія на полу ноги ея затекли. Ощущеніе физической боли разсердило ее.

Она выпрямилась, мотнула головой и провела рукой по лбу.

— Кажется, все. Смотрите, какая куча мусора, некрасиваго, жалкаго мусора, осталась отъ всей нашей ... исторіи. Нѣтъ, впрочемъ, еще не все. Дайте сюда — она засмѣялась — прессъ-папье, что ли?

— Я не понимаю,—отвѣтилъ онъ.

Кира пожала плечами.

— Прекрасно знаете: я разумѣю ту глупую затѣю, гипсъ...

Онъ открылъ ящикъ письменнаго стола и подалъ ей гипсовую руку, ея руку.

Сравнительно недавно, въ осенній день, когда она согласилась погулять съ нимъ по улицамъ Парижа, онъ ее уговорилъ дать отлить свою руку. Они вмѣстѣ зашли къ ваяльщику на бульваръ Клиши. Кира теперь почувствовала ту легкую боль на кожѣ, которую испытала, когда мастеръ, въ длинной бѣлой блузѣ, отрывалъ присохшій гипсъ отъ ея руки; вспомнила, какъ онъ, съ видомъ знатока, разставлялъ ей выгоднымъ образомъ пальцы и приговаривалъ: „la jolie main!“ Вскорѣ послѣ этого она простудилась и лежала нѣсколько дней, а Николай ужасно безпокоился и написалъ ей: „я такъ долго цѣлую твою руку, что она отъ моихъ губъ становится теплой“.

— Разбить?—спросила Кира.

Онъ ничего не отвѣтилъ, и тиканіе часовъ на столѣ вдругъ стало какъ-то насмѣшливо ясно.

Кира подумала:

„Я опустошила всю его душу, онъ больше никого такъ любить не будетъ, какъ меня любилъ“. И съ размаху бросила гипсовую руку въ общую кучу.

— Завтра горничная соберетъ все вмѣстѣ съ золою,—сказала она и быстро, кончикомъ ботинки, опустила желѣзную створку камина.

— Все! Ничего не осталось. А прощаться я не буду. Я уже давно въ сущности ушла отсюда.

Она направилась къ двери.

— А вы навѣрное теперь отдадитесь общественному дѣлу, отъ котораго я васъ отвлекла? — сказала она неожиданно для себя.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ онъ.

Ее оскорбилъ его сухой тонъ и нежеланіе говорить.

„Не опустошила его душу, только очистила ее, для принятія другого, болѣе дорогого“,—подумала она съ острымъ отчаяніемъ. И это „другое“ надо ей отнять у него быстро, такъ какъ времени мало, а если отнять не удастся, то надо испортить. Онъ всегда ей говорилъ, что она умнѣе его. Еще теперь ея слова могутъ его отравить. Она призвала на помощь все свое знаніе Ницше и стала быстро декламировать:

— Общее мелкое счастье. Сытость глупой толпы. Научите людей быть вѣчно благоразумными, работать степенно и мало, требовать за это должное обезпеченіе. Научите ихъ всѣхъ желать одно и то же. Тогда они добьются, и будутъ они не люди, а стадо, мирное стадо! И управлять ими не надо будетъ, и подчиняться имъ будетъ некому. Глупое баранье стадо на большомъ, не слишкомъ жирномъ пастбищѣ! Ни страстей, ни отваги не надо; не будетъ ни счастья, ни опасности, ни славы. Ну и работайте для такого идеала. Только пожалуй не дождетесь желаннаго результата. Смотрите, чтобы разъяренное отъ долгаго ожиданія стадо не растоптало васъ.

Она говорила съ такимъ воодушевленіемъ, что онъ не узналъ заимствованія. Подмѣтила на его лицѣ явные признаки страданія— и торжествовала. Съ мѣткой жестокостью заговорила опять:

— Получили, можетъ быть, письмо отъ заключеннаго товарища, и для того, чтобы себя не презирать, рѣшили заинтересоваться „дѣломъ“? Жалкій самообманъ, для жалкой цѣли. Надо имѣть смѣлость жить, падать, подыматься надъ собой, парить

на небесахъ, падать съ высоты и опять подыматься еще быстрѣе, круче, до головокруженія. Дать себя подхватить общему теченію легче, можно даже увѣрить себя, что это благороднѣе, но такъ можетъ поступать только безличный человѣкъ.

Онъ не смотрѣлъ на нее.

— Я маленькій человѣкъ, — сказалъ онъ медленно,—но я хочу быть честнымъ.

Она оторопѣла. Запасъ ея краснорѣчія изсякъ. Она просто искала, какую обиду бросить ему. Сказать, что она его никогда не любила? Но онъ тогда будетъ правъ передъ ней. Сказать, что постоянно ему лгала, обманывала его? Но это отниметъ у него сожалѣніе о прошломъ. У нея въ вискахъ стучало отъ напряженной мысли. И наконецъ она нашла. Она долго, удивленно и скорбно посмотрѣла на него, какъ будто въ первый разъ настоящимъ образомъ видѣла его и находила жалкимъ.

— Какъ я рада, что перестала любить тебя! — сказала она тихо.

Она попала въ цѣль. Хотя онъ сознавалъ ту сѣть лукавства, которой она его окутала, хотя видѣлъ, что она намѣренно и недобросовѣстно ставила его въ положеніе человѣка, безъ причины отталкивающаго женщину, которую соблазнилъ, у него не хватило ни мужества, ни находчивости, чтобы оправдать себя. Онъ совершенно обезсилѣлъ и закрылъ лицо руками. Когда онъ ихъ опустилъ, Киры уже не было въ комнатѣ.

IV.

Когда Кира вышла изъ гостинницы, фонари на улицѣ уже были зажжены и бросали большіе, коварные круги ослѣпительнаго свѣта, въ промежуткахъ которыхъ дрожала тѣнь. Коегдѣ свѣтились рядами окна магазиновъ и кафе, а дома стояли глухіе, съ плотно закрытыми ставнями, высокіе, уходящіе въ темную высь. По серединѣ улицы скользили, шипя, яркіе желтые трамваи; сновали, звеня колокольчиками, извозчичьи кареты съ красными, синими, зелеными фонарями; гудѣли трубы автомобилей; шумѣли, какъ могли, бубенчиками и рожками велосипедисты. А густыя деревья на краю широкаго асфальтоваго тротуара скрывали небо, приковывая вниманіе прохожихъ къ бойкой, шумной жизни тутъ на улицѣ, гдѣ каждый долженъ спѣшить, себя ограждать, перегонять другихъ.

Кира шла, инстинктивно пробираясь вдоль стѣнъ по круто

поднимавшейся avenue, щурясь, когда изъ слишкомъ ярко освѣщеннаго окна цвѣточнаго магазина валился на нее веселый блескъ огней и цвѣтовъ. Надо было переходить улицу. Она остановилась, выжидая удобной минуты, прислушиваясь. Всѣ звуки: шумъ колесъ, топотъ лошадей, свистки, трубы, визгъ трамваевъ, человѣческіе перекрики сливались въ гармонію, которую она старалась уловить, оркестрировать. Тутъ была какая-то мысль, гораздо тоньше, правдивѣе, сложнѣй всего того, что̀ могутъ выразить слова. Трудная музыка, сразу не понять ее. Кира старалась поймать ея ритмъ. Она улыбнулась, осѣненная откровеніемъ: это музыка жизни, борющейся съ чѣмъ-то, но полной надеждъ, безъ воспоминаній, безъ грезъ, жизни, отдающейся настоящей минутѣ. И сама Кира принимаетъ участіе въ этомъ концертѣ жизни: стучатъ по асфальту ея каблуки, шумитъ шолкъ ея юбки, и грудь ея полна пѣсенъ. Мыслей въ головѣ нѣтъ, а мелодіями полонъ мозгъ, мелодіями выше словъ, правдивѣе словъ. Ей захотѣлось раскрыть губы и запѣть, и мучительно любопытно ей было узнать, какъ она запоетъ: выйдетъ ли стонъ протяжный и нѣжный, или хрустальный легкій звукъ. Ей невыносимо было не слышать своего голоса. Она ждала его, какъ отвѣта на какіе-то свои запросы.

„А тамъ теперь поютъ, играютъ на віолончели или на рояли“,—подумала она про свой домъ.

И вдругъ на темномъ небѣ высоко она увидѣла огненныя цифры 5. 16. Съ Эйфелевой башни возвѣщалось время.

„Домой, скорѣй!“

Она подозвала перваго свободнаго извозчика и сквозь уличный, ей странно понятный и все-же неизъяснимый концертъ она неслась къ ожидающей ее стройной, утонченной и, навѣрное, страстной музыкѣ. Она не помнила только-что пережитаго прощанія съ прошлымъ, ей дѣла не было до этого прошлаго; она, опять трепетная и властная, что-то понимаетъ и знаетъ, воспринимаетъ и готова дать такое, что̀ поставитъ ее выше другихъ, въ сонмѣ вѣщихъ и избранныхъ.

Она поднялась по лѣстницѣ, позади группы опоздавшихъ гостей, которыхъ не разглядывала. Никто изъ нихъ не обернулся; впрочемъ, они ее не узнали бы. Многіе явились сюда въ первый разъ; другимъ бы не пришло въ голову, что эта скромно одѣтая дѣвушка—дочь пригласившей ихъ знатной иностранки. Красивы были платья дамъ, тонко пахли мѣха и цвѣты, на крашеныхъ волосахъ изящно сидѣли огромныя, но легкія шляпы.

Дверь на лѣстницу была настежь открыта.

„Хорошо,—подумала Кира, приближаясь,—все хорошо“.

Изъ передней на лѣстницу лились, шаля и играя, звуки какой-то фантазіи, и притихли.

„Это кто-то вышелъ въ гостиную и закрылъ за собой дверь“, подумала она еще.

И сама она, вслѣдъ за гостями, вошла въ переднюю, заваленную мужскими пальто, и быстро корридоромъ пробѣжала къ себѣ.

„Надо одѣться, а горничной позвать нельзя: занята буфетомъ“.—И Кира, волнуясь, боясь потерять минуту, схватила первую попавшуюся свѣтлую юбку, кружевную блузку, застегивавшуюся спереди, и одѣлась. Она вспомнила, что эта блузка, отдѣланная желтымъ атласомъ, съ большимъ желтымъ же кушакомъ, ей не къ лицу, но не все ли равно? За то застежки не сложныя.

Ея руки дрожали. Она тихонько, на ципочкахъ пробралась въ гостиную. Тамъ теперь что-то царственное происходитъ, она чувствуетъ это. Какъ гонцы бѣгутъ на встрѣчу къ ней звуки, окутываютъ ее и тянутъ къ себѣ. Она отворила дверь,—эту всегда скрипучую дверь,—совсѣмъ беззвучно и приросла къ стѣнкѣ. Она закрыла глаза. Много здѣсь народу, она это знаетъ, но всѣ зачарованы. Среди гостиной, тамъ, шагахъ въ пяти отъ нея, стоитъ волшебникъ и овладѣлъ нарядной толпой. Онъ играетъ на скрипкѣ, нѣтъ, онъ не играетъ, онъ душу свою вложилъ въ скрипку и позволилъ этой душѣ говорить другимъ душамъ. Всѣмъ ли? Поймутъ ли, отвѣтятъ ли? Онъ не знаетъ еще, онъ кличетъ робко, нѣжно, зоветъ ихъ за собой. Пойдутъ ли? Онъ другой міръ открылъ. Вотъ красавицы, лукаво улыбаясь, покачивая маленькими головками, съ большими взбитыми прическами, засверкали глазами и исчезли. Онъ ихъ показалъ и скрылъ; онъ ведетъ теперь въ темный лѣсъ готическихъ колоннъ, подъ высокіе, безумные своды, гдѣ надо молиться, чтобы не дать разорваться тяжелому сердцу. Но въ готическомъ храмѣ онъ не остановился. Разлетѣлся людскими слезами сооруженный сводъ, и повѣяло природой, наивной природой, зеленымъ мягкимъ мхомъ. Ручьи зазвенѣли и засмѣялись деревья, мелькнули ландыши, лѣсные робкіе цвѣточки. Безопасно и сладко. Нѣтъ, не безопасно! Ворвалась страсть, застылъ ручей, смолкли звенящія вѣтки молодыхъ деревьевъ, дышитъ надо всѣмъ любовь.

Кира на мгновеніе полуоткрыла глаза и потянулась впередъ; но опять застыла на мѣстѣ.

Да, волшебникъ со скрипкою стоитъ тамъ одинъ и дѣлаетъ

видъ, что водитъ смычкомъ по струнамъ, но ее онъ не обманетъ. Она чувствуетъ, что его рука у нея на плечѣ и что онъ притягиваетъ все ея тѣло къ себѣ; она чувствуетъ, что эти причиняющіе острую боль и все-же нѣжные звуки, это его поцѣлуи, и что они обвиваютъ ее спиралью, змѣей скользятъ по ней; что онъ тутъ близко, близко, и что если она откроетъ глаза, то встрѣтится съ его глазами, страшными, чудными отъ любви глазами. Ея губы сладострастно раскрылись.

Музыка оборвалась и раздался шумъ, нелѣпый, плоскій шумъ рукоплесканій.

— Кира, въ какомъ ты видѣ!—шепнула ей мать.—Я тебя никогда такой неавантажной не видала. Иди, все-же я тебя коекому представлю.

— Не надо,—отвѣтила Кира,—я буду пѣть, слышишь, сейчасъ буду пѣть!

— А вѣдь ни за что не хотѣла! — вскрикнула Ольга Андреевна, но, тутъ же сообразивъ, что перечить Кирѣ ей совсѣмъ незачѣмъ, выпорхнула въ середину гостиной и стала всѣмъ сообщать, что ея „дѣвочка“ рѣшается пѣть.

А Кира выбирала ноты. Она подозвала Котю, чтобы ей аккомпанировала.

— Сфальшивишь, глаза выцарапаю!—шепнула она подругѣ.

Котя поняла, что Кирой овладѣлъ бѣсъ, какъ она называла вдохновеніе, и серьезно кивнула головой.

— Не выдамъ, — сказала она, чуть-чуть поблѣднѣвъ. Она тоже, хотя не такъ сильно, какъ Кира, любила музыку.

Кира запѣла, и всѣ чувства, накопившіяся у нея въ душѣ, нашли выраженіе въ пѣніи. Всѣ чувства слились въ одно: желаніе отвѣтить волшебнику, дать ему знать, что она поняла все, что открытъ ей міръ, неподвластный словамъ, безумный, божественный міръ. Неслось ея мудрое пѣніе, неслось отвѣтомъ на ею понятую рѣчь, и она слушала себя, радуясь, что она поддалась охватившему ее бѣсу, и не мѣшаетъ ему. Итальянскія слова,—не грубыя, пошлыя, съ опредѣленнымъ узкимъ значеніемъ,—даже не слова, а звуки, выражали отвѣтъ на призывъ волшебника: причудливый, то стыдливый, какъ дѣвичьи грезы, то смѣлый, какъ сама природа, отвѣтъ.

И вотъ она сказала все. Что? — сама не знаетъ, но сказала.

Котя доканчивала какими-то аккордами, какъ будто бросала цвѣты. И раздались рукоплесканія еще сильнѣе, еще восторженнѣе, чѣмъ тогда. Киру окружили, пожимали ей руки, осы-

пали восторженными похвалами. Она едва слышала и страдальчески улыбалась.

— Уйду къ себѣ,—сказала она матери.

— Иди. Ты желта какъ лимонъ,—отвѣтила Ольга Андреевна,—но пѣла какъ маленькій богъ.

Кира, чуть не толкая встрѣчныхъ, вышла изъ гостиной. У себя въ комнатѣ она направилась къ дивану. Все запрыгало вокругъ нея; ей казалось, что полъ какъ-то гадко, волнами поднимается, а диванъ качается, хочетъ полетѣть. Она спотыкалась въ неосвѣщенной комнатѣ, безтолково искала руками, за что бы удержаться. И внезапно все успокоилось, замерло, и ей стало легко и хорошо. Она почувствовала пріятную свѣжесть на лбу и пустоту въ головѣ: ничего больше нѣтъ, ни музыки, ни свѣта, ни людей. Есть покой. Сколько времени продолжалось это состояніе небытія, она сама не знала. Когда стала приходить въ себя и очнулась, то осторожно, нѣжно, еще не открывая глазъ пошарила руками. Она узнала ощупью коверъ и съ отвращеніемъ почувствовала запахъ пыли. Лицо ея лежало на чемъ-то гладкомъ, холодномъ. Мраморъ передъ незажженнымъ каминомъ далъ ей ту пріятную свѣжесть, которой она такъ обрадовалась. Она приподнялась, сѣла и провела пальцами по волосамъ.

„Я лежала на полу, въ пыли,—подумала она,—такъ и надо. Я вся въ пыли, душа у меня грязная...."

Ей стало жалко себя, и она беззвучно заплакала съ грустнымъ упоеніемъ. Слезы текли тихо, тихо по гладкимъ щекамъ; ни одинъ мускулъ ея лица не двигался. Ей казалось, что какое-то огромное горе выливается изъ нея съ этими слезами, очищаетъ ее всю смутнымъ, но святымъ раскаяніемъ.

Она услышала легкіе шаги и щелкъ повернутой электрической кнопки, но не захотѣла взглянуть. Тонкіе пальцы прикоснулись къ ея плечу. Она угадала Настю, такъ какъ въ прикосновеніи было что-то повелительное. Она медленно, не стирая слезъ съ лица, взглянула.

Дѣвушка съ надменнымъ лицомъ средневѣковой королевы нагибалась надъ ней. Ея синіе глаза казались черными отъ расширенныхъ зрачковъ. Странный ротъ съ приподнятыми уголками дрожалъ.

Настя заговорила быстро:

— Я пришла сказать тебѣ, что я простила тебя, простила оттого, что у тебя настоящій талантъ.

Кира покорно смотрѣла на нее. Ей не казалось необыкно-

веннымъ, что Настя ее прощаетъ, и она себя не спрашивала: за что. Ее радовало это отпущенiе.

Настя продолжала:

— Я тебѣ прощаю твою постоянную ложь, хотя я тяготилась ею. Я понимаю, что это была не ложь, а всегда искренность, минутная, противорѣчащая иногда твоимъ только-что сказаннымъ словамъ, но искренность настоящая. Я поняла, что живешь ты и чувствуешь быстро, сильно, такъ, какъ мы не умѣемъ жить и чувствовать, а умѣемъ только думать. Ты особенная, изъ другого мiра, къ тебѣ и мѣрку надо примѣнять особенную.

Кира боялась заговорить.

Настя улыбнулась злобно.

— А какъ я ненавидѣла тебя именно оттого, что ставила тебя высоко! Я терзалась, глядя, какъ извивается, лукавитъ, тонетъ въ мелочныхъ увлеченiяхъ твоя душа. Но она вынырнетъ. Она сильна. Я поняла тебя, какъ только разъ въ жизни можно понять человѣка. Я тебя увидѣла, какъ ты есть, а не твое кривое отраженiе въ зеркалѣ обыденной жизни.

Кира медленно приходила въ себя, слезы перестали течь. Ей уже больше не нужно было ни торжественности, ни тишины. Она хотѣла заговорить о чемъ-нибудь простомъ, насущномъ. Но не могла Настя успокоиться, пока до конца не высказала своей мысли.

— Не думай, что ты умнѣе меня, — сказала она съ прежнимъ надменнымъ выраженiемъ лица,—нѣтъ, я не то хотѣла сказать. Слова такъ бѣдны. Ты не умнѣе, но—ея губы скривились отъ усилiя—ты могущественнѣе, богаче.

Кира вся затрепетала. Она знала, чего стоило Настѣ это признанiе, и ей захотѣлось залѣчить боль подруги своимъ собственнымъ униженiемъ.

— Настя,—сказала она нѣжно,—помоги мнѣ!

Настя закачала головой.

— Нельзя помочь. Человѣкъ всегда одинъ. Я только-что была тебѣ благотворна, но такихъ минутъ мало въ жизни. И можетъ-быть мы обѣ не захотимъ объ этой минутѣ вспоминать. Мы должны ее запрятать куда-нибудь далеко въ нашей памяти и не трогать. Испортимъ грубымъ толкованiемъ. Было особенное освѣщенiе и прошло. Возстановить его нельзя, какъ нельзя возстановить восторга. Бываетъ, при видѣ заходящаго солнца застынешь, думаешь, что какая-то занавѣсь сейчасъ откроется, и все станетъ яснымъ навсегда, яснымъ и простымъ. Но лучъ погаснетъ, кто-нибудь заговоритъ, засмѣется, и пропадетъ экстазъ, ты останешься одна съ обманутымъ ожиданiемъ.

— Останешься одна...—сказала Кира и закрыла лицо руками.

Она услышала, что Настя отошла къ столу и сѣла.

„Теперь можно, даже слѣдуетъ говорить просто", подумала Кира.

Она встала и нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ.

Настя сама ей дала разрѣшеніе перейти на обыденный тонъ. Она сказала:

— Много было сегодня красивыхъ лицъ, много было произнесено изящныхъ словъ.

Кира остановилась передъ ней и, не скрывая своего любопытства, спросила:

— Кто этотъ скрипачъ?

Жесткое, слегка презрительное, выраженіе скользнуло по лицу Насти, но она отвѣтила дѣловито:

— Вернейль, богатый человѣкъ, женатый.

— Это мнѣ все равно,—сказала Кира.

— Вѣрю, но просто оттого, что тебѣ дѣла нѣтъ до чужого спокойствія или счастія, а не изъ уваженія къ нему. На Вернейля сильное впечатлѣніе произвело твое пѣніе.

— Теперь вспоминаю, мама говорила про него. Но она никогда толкомъ ничего не разскажетъ. Онъ воспитывался въ Италіи и очень богатъ. Жена его тоже была у насъ сегодня и слышала меня?

— Нѣтъ, его жена уѣхала въ Римъ на короткое время.

— Ты не знаешь, она красива?

— Говорятъ—красавица.

— Я очень рада,—сказала Кира нѣжно.—У такого человѣка должна быть красавица жена. А онъ самъ какой?

Настя расхохоталась.

— Ты развѣ не видѣла?

— Нѣтъ, я только слушала. Я пришла съ такой голодной душой, я такъ устала отъ словъ, что перестала ихъ понимать. Мнѣ хотѣлось музыки, и онъ далъ мнѣ ее. А на него я не смотрѣла; я боялась, что оскорбитъ меня въ немъ что-нибудь, помѣшаетъ слушать.

— У него довольно картинная наружность, и говоритъ онъ изысканно-любезно, но слишкомъ много улыбается, — сказала Настя.

Кира опять заходила по комнатѣ.

— А который теперь часъ, и что у насъ происходитъ?—спросила она.

— Скоро восемь. Всѣ ушли. Ольга Андреевна оставила

только графиню Тыжевскую и барона Экштейна, они будутъ здѣсь обѣдать, а затѣмъ собираются ѣхать къ скульпторшѣ Матюшиной на маскарадъ. Она очень зоветъ.

Кира закачала головой.

— Мама такъ любитъ экспромпты! Обѣдъ навѣрно плохой. Зачѣмъ было оставлять чужихъ?

— Свои, не обезсудятъ,—отвѣтила Настя.

Кирѣ представилась шумная, нѣкогда очаровательная и блестящая, нелѣпо разведшаяся съ мужемъ графиня Тыжевская, то чванная, то fast, и австрійскій баронъ, снисходительно, съ веселымъ недоумѣніемъ принимавшій частыя и безцеремонныя приглашенія Ольги Андреевны.

— Тыжевская будетъ говорить неприличности, мама тоже начнетъ болтать всякій вздоръ, а баронъ будетъ смѣяться и хвалить русскую простоту. Пойди къ нимъ, Настя.

— А ты?

— Я не пойду. И на вечеръ къ скульпторшѣ не поѣду. Если спросятъ, скажи, что я устала и легла. Иди, я слышу шаги.

Настя быстро встала, но шаги удалялись. Это горничная пробѣжала по корридору къ кухнѣ.

— Иди!—повторила взволнованно Кира.—Въ дѣтствѣ у меня иногда былъ такой капризъ: стану посреди дорожки, проведу палочкой черту вокругъ себя, и не хочу, чтобы за эту черту переступали; а если кто-нибудь нечаянно или на зло мнѣ переступитъ, мнѣ такъ обидно и больно, что и сказать не могу. Что я чувствовала, что защищала, не помню. Но и сегодня я бы хотѣла провести вокругъ себя такую черту и остаться за ней одной. Ты не пустишь никого ко мнѣ?

— Не пущу,—отвѣтила Настя.

— А когда всѣ уйдутъ, ты приходи, присядь ко мнѣ на кровать въ темнотѣ и все, все про себя разскажи.

Тонкія свѣтлыя брови Насти приподнялись надъ сине-черными глазами.

— Что разсказывать?—спросила она.—Были мечты и всѣ разсѣялись; хотѣлось вѣрить въ чистоту и святость жизни, а все, что я готова была полюбить, оказалось грубымъ и отвратительнымъ. Нѣжности нѣтъ въ людяхъ. Благоговѣйной нѣжности. Ну, оставайся въ своемъ заколдованномъ кругѣ. Я пойду къ нимъ.

Кира потупилась, ее неожиданно захватило желаніе не благоговѣнія и нѣжности, а смѣлой веселости; захотѣлось видѣть дерзко смѣющіеся глаза. И физическій голодъ также далъ себя

почувствовать. Она вспомнила, что давно не ѣла, и ей представились вкусные пирожки и конфекты.

— Ну, довольно! — рѣшила она. — Вѣтеръ сдулъ на пескѣ проведенную черту. Съ людьми лучше, теплѣе. Обѣдать буду, смѣяться, и къ скульпторшѣ поѣду. Грубы люди, я сама знаю, но вліять на нихъ, волновать ихъ, даже смущать — весело. Жизнь — искусство. А какой художникъ откажется отъ живописи оттого, что краски сами по себѣ не всѣ красивы, что скипидаръ и масло скверно пахнутъ? Какой скульпторъ броситъ лѣпить оттого, что глина пачкаетъ ему руки? Я хочу къ людямъ, какіе они ни есть, они мнѣ нужны!

Настя пожала плечами.

— Ты, пожалуй, права. Ольга Андреевна взяла подъ свое покровительство твоего скрипача и велѣла ему быть у Матюшиной сегодня вечеромъ.

— И ты мнѣ этого не сказала сразу! — вскрикнула Кира. — Да все равно, все равно, я, должно быть, чутьемъ угадала. Прифранчусь я, хоть не красотой беру. Цыганкой наряжусь и плясать буду. Всѣ мы нарядимся. У насъ тряпокъ хватитъ. Матюшина обрадуется намъ.

Она уже бѣжала къ двери, но вдругъ остановилась.

— Котя будетъ? — спросила она.

— Нѣтъ, мать не пускаетъ.

Кира звонко разсмѣялась. Ей захотѣлось поцѣловать Настю, но она не посмѣла почему-то, мотнула головой и выбѣжала изъ комнаты.

Иванъ Странникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Порой мнѣ кажется—я грежу на-яву...
Дѣйствительность и жизнь уходятъ вдаль куда-то,
И все, что трезвымъ днемъ затемнено и сжато,
Все то, что страстно я и трепетно ловлю,
Растетъ въ лучахъ любви и струяхъ аромата...
И въ высь бездонную, за грани голубыя,
Уносятся мечты и пѣсни золотыя!

Порой мнѣ кажется, что я во снѣ живу...
Безсильно бьется мысль, съ неумолимымъ споря,
И въ эту жизнь тоски, и въ эту юдоль горя
Напрасно свѣтлыя видѣнія зову!
Молчатъ уста мои, молчанью ночи вторя...
Глухой, тяжелый стонъ звучитъ въ отвѣтъ рыданьямъ—
И мукѣ нѣтъ конца, и нѣтъ конца страданьямъ!

Вѣра С.

ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО
У
ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ
ПО НОВЫМЪ ДАННЫМЪ

За послѣднія десятилѣтія въ области изученія античнаго міра, въ особенности греческой исторіи, произошелъ крупный переворотъ. Предъ нами открылись цѣлыя культурныя эпохи, напр. критско-микенская, о существованіи которой мы раньше ничего не знали. Каждый день, можно сказать каждый часъ приноситъ намъ новый матеріалъ, то въ видѣ надписей, то въ видѣ археологическихъ памятниковъ, начиная съ простого черепка или обломка вазы и кончая дворцами и развалинами городовъ, то въ видѣ папирусовъ, воскрешающихъ утраченныя произведенія древности или дающихъ иной любопытный матеріалъ — документы и т. п. Съ другой стороны, этотъ античный міръ, прежде казавшійся столь особеннымъ, чуждымъ и далекимъ, теперь является намъ близкимъ и понятнымъ. Эту Элладу, которая рисовалась воображенію прежнихъ историковъ „страною прекрасныхъ, возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, поклоняющихся красотѣ и жившихъ въ мірѣ грёзъ о прекраснѣйшей жизни, между тѣмъ какъ надъ ними улыбалось вѣчно лазуревое небо",—эту Элладу волнуютъ, по выраженію одного изъ новыхъ историковъ, тѣ же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти не рѣшенные, занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка.

Въ древней Греціи, хотя и на гораздо меньшемъ пространствѣ, въ иныхъ, не столь сложныхъ формахъ, наблюдаются явленія, которыя можно сопоставить съ современными. Уже тогда происходила политическая и соціальная борьба—борьба бѣдныхъ и богатыхъ, существовали довольно сложныя экономическія отношенія, капитализмъ и пролетаріатъ; въ радикальныхъ рядахъ выставлялись требованія передѣла земли, высказывались коммунистическія идеи. Уже тогда шелъ споръ о различныхъ формахъ правленія, была сравнительно богатая политическая литература, отъ которой до насъ дошли лишь остатки; ясно сознавалось различіе между закономъ, какъ общею нормою, и отдѣльнымъ постановленіемъ хотя бы даже народнаго собранія; вырабатывалось понятіе „гражданина", понятіе свободы и равенства; ставился вопросъ объ отношеніи отдѣльной личности къ государству, и эта личность уже заявляла о своихъ правахъ, доходя иногда до самаго крайняго индивидуализма. Было признано достоинство человѣческой личности; поднимался женскій вопросъ. Правда, существовало рабство, но уже раздавались голоса, что природа никого не сдѣлала рабомъ. Подъ конецъ античнаго міра слышится осужденіе культуры, призывъ къ „опрощенію", къ жизни на лонѣ природы... А когда Платонъ описываетъ, напримѣръ, демократію, то кажется подчасъ, что онъ имѣетъ въ виду современныя намъ явленія.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ примѣровъ если не тождественныхъ—ибо въ исторіи полнаго тождества не бываетъ—, то аналогичныхъ явленій и вопросовъ въ мірѣ античномъ и въ мірѣ современномъ. И тотъ новый матеріалъ, который появляется въ такомъ изобиліи за послѣдніе десятки лѣтъ, открываетъ намъ новыя черты сходства и аналогіи.

Въ настоящей статьѣ я останавливаюсь на нѣкоторыхъ сторонахъ *школьнаго дѣла* у грековъ,—сторонахъ, которыя могутъ представлять интересъ съ точки зрѣнія нашей современности: здѣсь невольно напрашивается сравненіе съ нашимъ временемъ. По этому вопросу послѣдніе годы тоже дали немало новаго любопытнаго матеріала, относящагося преимущественно къ эпохѣ эллинистической — времени преемниковъ Александра Македонскаго—и римской и касающагося главнымъ образомъ мало-азіатскихъ греческихъ городовъ и греко-римскаго Египта. Матеріалъ этотъ подобранъ, а отчасти и впервые опубликованъ Цибартомъ [1]).

[1]) См. его книгу: „Aus dem griechischen Schulwesen" (Лейпц.-Берлинъ, 1909), представляющую, правда, нѣсколько отрывочный, но все же интересный очеркъ школьнаго дѣла у древнихъ грековъ, и его же собраніе греческихъ текстовъ, касаю-

I.

Прежде всего: каково было у грековъ отношеніе государства къ школьному дѣлу? Была ли у нихъ школа государственная или частная? и было ли всеобщее, и притомъ обязательное, обученіе?

Идея государственной школы и обязательнаго обученія была, несомнѣнно, извѣстна Греціи. Ее высказываетъ Платонъ въ своихъ „Законахъ" (804 D), говоря, напр., что не должно предоставлять отцу, посылать ли дѣтей въ школу или не посылать, но государство обязано принуждать какъ взрослаго, такъ и мальчика получать необходимое образованіе. Мало того: это требованіе Платонъ распространяетъ и на женщинъ. И еще древнѣйшему греческому законодателю Харонду приписывался законъ: „сыновья гражданъ всѣ должны учиться грамотѣ, государство же — давать жалованье учителямъ". Но заранѣе можно сказать, что при политической раздробленности греческаго міра, при разнообразіи мѣстныхъ оттѣнковъ, мы встрѣтимъ здѣсь въ дѣйствительности, на практикѣ, неодинаковое рѣшеніе вопроса объ отношеніи государства къ дѣлу образованія.

Такъ, въ Спартѣ существовала школа государственная, чрезъ которую дѣти гражданъ должны были пройти; иначе они лишались потомъ полнаго права гражданства. На Критѣ было даровое воспитаніе: государство принимало на себя содержаніе воспитывающихся мальчиковъ.

Что касается Аѳинъ, то здѣсь отношеніе къ обязательности обученія не такъ ясно. Правда, школы въ Аѳинахъ возникли рано — вѣроятно, въ VII ст. до Р. Х., — и еще Солону приписывался школьный законъ; но законъ этотъ касался не государственныхъ школъ, а частныхъ, и имѣлъ въ виду школьный порядокъ и добрые нравы. Онъ устанавливалъ, напр., когда учитель долженъ открывать утромъ школу (не раньше восхода солнца) и когда закрывать (до наступленія темноты), не болѣе какого

щихся школьнаго преподаванія: „Aus der antiken Schule. Sammlung griech. Texte auf Papyrus, Holztafeln, Ostraka", Боннъ, 1910 (Изъ коллекціи „Kleine Texte für theolog. und philolog. Vorlesungen und Übungen", изд. Лицманна тетр. 65). Ср., кромѣ того, P. Girard, „L'éducation athénienne au V et au IV siècle avant J.-C.", Парижъ, 1891 (2-е изд.), и Freeman, „Schools of Hellas", Лондонъ, 1908, изд. 3-е. По поводу книжки Цибарта—на русск. яз. ст. А. Г. Бекштрема въ журн. „Гермесъ", 1910, № 14.

числа учениковъ должно быть въ классѣ, и какого возраста; онъ запрещалъ молодымъ людямъ и вообще постороннимъ входить въ школу во время занятій. Кромѣ того, Солону принадлежалъ законъ, по которому отецъ не имѣлъ права требовать, чтобы сынъ его содержалъ, если онъ этого сына ничему не научилъ. Жираръ, авторъ прекрасной монографіи объ аѳинскомъ воспитаніи въ V — IV в. до Р. Х., полагаетъ, что въ Аѳинахъ каждому была предоставлена свобода учиться, у кого и какъ онъ хочетъ; государство въ это не вмѣшивалось и не брало на себя заботы объ обученіи, за исключеніемъ случаевъ, когда дѣло шло о дѣтяхъ павшихъ въ бою гражданъ: этихъ сиротъ государство обязано было воспитывать. *Палестры*, въ которыхъ занимались физическими упражненіями мальчики, были, по мнѣнію Жирара, частными учрежденіями и содержались частными лицами, по имени которыхъ онѣ и назывались. Только *гимназіи*, въ которыхъ происходили упражненія *эфебовъ*, т.-е. юношей отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ, и болѣе взрослыхъ гражданъ, были учрежденіями государственными. Государство въ Аѳинахъ, однако, имѣло нѣкоторое наблюденіе за воспитаніемъ. Оно заинтересовано было въ томъ, чтобы всѣ получали хотя нѣкоторое образованіе, были грамотны; но — полагаетъ Жираръ — принудительныя мѣры оказывались въ сущности здѣсь излишними: сами граждане стремились дать образованіе своимъ дѣтямъ. Въ Аѳинахъ, можетъ-быть, и были неграмотные — на это указываетъ извѣстный анекдотъ по поводу остракизма Аристида, когда къ послѣднему неграмотный простолюдинъ обратился съ просьбой написать на черепкѣ имя Аристида; но такіе круглые невѣжды были тамъ рѣдки. О такихъ говорили: „онъ не умѣетъ ни читать, ни плавать“. У Аристофана въ комедіи „Всадники“ даже колбасникъ, который „улицей рожденъ“ и изображается человѣкомъ невѣжественнымъ, и тотъ „хоть плохо, но грамотѣ ученъ“.

На островѣ Делосѣ палестры тоже назывались по имени содержателей, но во главѣ ихъ стоялъ обыкновенно государственный „педотрибъ“, и онѣ имѣли какъ бы полуоффиціальный характеръ. Въ Византіи гимназія была зданіемъ общественнымъ и мѣсто для нея отведено было городомъ.

Вообще, въ болѣе позднюю пору гимназіи всюду являются общественными учрежденіями, подобно театрамъ. Иногда, какъ напр. въ Милетѣ, самъ городъ, въ лицѣ народнаго собранія, организуетъ дѣло народнаго образованія; въ иныхъ городахъ существуютъ даже особые *„педономическіе законы“* и особыя должностныя лица — гимназіархъ и педономъ. Народное собраніе

особенно должно было касаться вопросовъ образованія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о необходимыхъ на это расходахъ.

Въ Греціи государство или городъ тѣмъ болѣе имѣли близкое отношеніе къ школьному дѣлу, что это дѣло тѣсно было связано съ культомъ: необходимо было обучать хоры мальчиковъ и даже дѣвочекъ; учащіеся участвовали въ различныхъ состязаніяхъ, играхъ, празднествахъ, процессіяхъ. Иногда примѣнялись даже принудительныя мѣры по отношенію къ родителямъ, дѣти которыхъ уклонялись отъ подобнаго участія. Въ городѣ Коресіи (на островѣ Кеосѣ) въ III-мъ стол. до Р. Х., опредѣленіе о введеніи должности гимназіарха, о требуемомъ для этого возрастѣ, о правахъ и обязанностяхъ его было вставлено въ средину закона объ устройствѣ жертвоприношеній и игръ, и первою обязанностью поставлено подготовить юношей къ бѣгу съ факелами, а потомъ уже упоминается о высшемъ надзорѣ надъ гимназіей и о различнаго рода упражненіяхъ учащихся.

Какое значеніе придавали греки школьному образованію, видно изъ разсказа Плутарха (въ біографіи Ѳемистокла, гл. 10), что жители Трезена, когда во время нашествія персовъ многіе аѳиняне къ нимъ направили свои семьи, постановили нанять учителей на государственный счетъ для обученія аѳинскихъ дѣтей. Такимъ образомъ въ военное время, въ самый разгаръ напряженной борьбы со вторгнувшимся врагомъ и среди внѣшней опасности, школьное образованіе должно было идти своимъ чередомъ. Съ другой стороны, митиленяне, желая наказать отпавшихъ отъ нихъ союзниковъ, постановляютъ: не обучать дѣтей ихъ ни грамотѣ, ни музыкѣ. Недаромъ въ одномъ изъ діалоговъ, приписываемыхъ Платону, Сократъ говоритъ, что изъ всѣхъ рѣшеній человѣка нѣтъ ничего болѣе божественнаго, чѣмъ воспитаніе—его собственное и его домашнихъ („Ѳеагъ“, 122).

Еще въ 494 г. до Р. Х. на островѣ Хіосѣ была школа, которую посѣщало не менѣе 120 учениковъ. Въ Греціи даже въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ были школы. Въ Аттикѣ, напр., были школы не только въ Аѳинахъ, но и въ округахъ (демахъ). До насъ дошла надпись, содержащая декретъ элевсинцевъ въ честь стратега Деркила (IV в. до Р. Х.), который проявилъ большую щедрость по отношенію къ ихъ дему и, между прочимъ, заботы о воспитаніи мальчиковъ. Въ Беотіи, жители которой далеко не славились особымъ стремленіемъ къ умственному развитію и образованію, было однако нѣсколько школъ въ такомъ незначительномъ городкѣ, какъ Микалессъ. Не говоримъ уже о крупныхъ центрахъ, подобныхъ Аѳинамъ, Милету, впослѣд-

ствіи Пергаму, въ которомъ было три или четыре гимназіи [1]), а потомъ даже пять или шесть. Попадая на чужбину, греки спѣшили соединиться со своими земляками, организовать товарищества, общества, основать гимназію для своихъ дѣтей. Такъ было и на Черноморскомъ побережьѣ, въ городахъ Пантикапеѣ, Танаисѣ, Томахъ.

Государству или городу въ школьномъ дѣлѣ приходили на помощь щедрые жертвователи; особенно это нужно сказать объ эпохѣ эллинизма. Въ качествѣ меценатовъ выступаютъ цари Пергама, одного изъ главныхъ центровъ тогдашней эллинистической культуры, въ которомъ были великолѣпная библіотека, съ 200.000 свитковъ, мало чѣмъ уступавшая Александрійской, медицинская школа и замѣчательные памятники искусства. Атталъ II, напр., жертвуетъ Дельфамъ 18.000 александрійскихъ драхмъ „на обученіе мальчиковъ", чтобы жалованье учителямъ уплачивалось аккуратно, и, кромѣ того, еще 3.000 на жертвоприношенія. Деньги помѣщены были въ храмѣ, изъ 7%, и жалованье уплачивалось ежемѣсячно. Евменъ II сдѣлалъ пожертвованіе Родосу хлѣбомъ, въ количествѣ 280.000 медимновъ [2]), чтобы изъ процентовъ на вырученную за этотъ хлѣбъ сумму уплачивать воспитателямъ и учителямъ. Египетскіе Птолемеи и другіе владѣтели эллинистической эпохи учреждали иногда гимназіи на проценты съ жертвуемаго капитала. Такъ возникли Птолемейонъ въ Милетѣ, Филиппейонъ или Филиппова гимназія въ Галикарнассѣ и проч.

Но особенно интересны пожертвованія на школьное дѣло со стороны частныхъ лицъ, отдѣльныхъ гражданъ.

Извѣстно, какъ развитъ былъ въ Греціи мѣстный патріотизмъ. Гражданинъ находилъ удовлетвореніе своему честолюбію и патріотическому чувству, оказывая щедроты родному городу. Стоитъ вспомнить, напр., о Протогенѣ, гражданинѣ Ольвіи, греческой колоніи у устьевъ Буга, пришедшемъ на помощь этому городу въ годину тяжкихъ бѣдствій, о чемъ подробно говоритъ намъ надпись—извѣстный декретъ въ честь Протогена. Щедрыя пожертвованія дѣлались гражданами и на школы. Относительно этого до насъ дошло два чрезвычайно интересныхъ документа, проливающихъ свѣтъ и на школьную организацію.

Одинъ изъ нихъ — народное постановленіе въ г. Теосѣ, въ Малой Азіи, по поводу пожертвованія гражданина Поліөра

---

[1]) Надо имѣть въ виду, что греческія гимназіи предназначались для гимнастическихъ упражненій преимущественно, но не исключительно.

[2]) Медимнъ равнялся 2 четверикамъ (52—53 литра).

(III в. до Р. Х.) [1]). Чтобы *всѣ* свободныя дѣти воспитывались согласно заявленной волѣ жертвователя—гласитъ надпись,—постановлено: каждый годъ при выборѣ властей въ народномъ собраніи, послѣ избранія секретарей совѣта, избирать трехъ учителей грамоты, которые будутъ обучать *мальчиковъ и дѣвочекъ*. Жалованья учителю перваго класса давать 600 драхмъ въ годъ, второго—550 и третьяго—500 драхмъ [2]). Кромѣ того, выбирались два педотриба (учителя гимнастики), которымъ назначалось жалованья по 500 др. каждому, и учитель музыки, съ жалованьемъ въ 700 др., для обученія мальчиковъ, приближающихся по возрасту къ эфебамъ, музыкѣ и игрѣ на киѳарѣ и арфѣ, эфебовъ же—только музыкѣ. Въ високосный годъ за добавочный мѣсяцъ полагалась соотвѣтствующая плата. „Гопломаха" (обучавшаго сражаться въ тяжеломъ вооруженіи) и учителя въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи копья нанимали педономъ и гимназіархъ, съ утвержденія народнаго собранія. Жалованья первому постановлено давать 300 драхмъ, второму — 250, причемъ гопломахъ обязанъ былъ вести обученіе по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (въ остальное время, повидимому, онъ былъ свободенъ и могъ отсутствовать). Наблюдать за тщательными упражненіями какъ мальчиковъ, такъ и эфебовъ, въ учебныхъ предметахъ должны педономъ и гимназіархъ, „какъ это имъ предписано законами". Споры учителей изъ-за числа мальчиковъ рѣшаетъ педономъ. Публичные экзамены [3]) учителя грамоты и музыки должны производить въ булевтеріи (зданіи совѣта), а педотрибы—въ гимназіи.

Итакъ, мы видимъ тутъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣленіе на классы или разряды, публичные экзамены, наблюдателей въ лицѣ педонома и гимназіарха, особые о нихъ законы, учителей, избираемыхъ народомъ на годъ, получающихъ жалованья отъ 200 до 240 руб. на наши деньги и занимающихъ служебное положеніе, повидимому, ниже секретарей совѣта, за которыми они непосредственно слѣдуютъ.

Постановленіе это давно уже извѣстно. Другой документъ (конца III в. до Р. Х.) найденъ недавно въ Милетѣ, въ святи-

---

[1]) Dittenberger, „Sylloge inscript. Graecarum", II², n° 523; Michel, „Recueil d'inscript. grecques", n° 498.

[2]) Драхма = приблизительно франку, около 40 коп. на наши деньги.

[3]) Одни полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ испытаніяхъ или пробныхъ урокахъ самихъ учителей; другіе думаютъ, что это были испытанія учениковъ, которыя, однако, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода экзаменами и для учителей, такъ какъ здѣсь обнаруживалось, насколько успѣшно велось преподаваніе.

лищѣ Аполлона Дельфинія, служившемъ главнымъ городскимъ архивомъ, и опубликованъ впервые Цибартомъ. Евдемъ, сынъ Θаллiона,—читаемъ мы въ этой надписи—, движимый желаніемъ сдѣлать доброе дѣло для народа и оставить на вѣчныя времена самую лучшую и достославную память о себѣ, заявилъ, что онъ жертвуетъ на образованіе „свободныхъ мальчиковъ“ 10 талантовъ (т.-е. около 24.000 руб.), отъ имени своего и своихъ братьевъ Менандра и Діона. Въ отвѣтъ на это милетяне постановили: Евдема за его стараніе въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ „похвалить“ и поручить его особой заботѣ совѣта и народа. Затѣмъ идутъ предписанія, устанавливающія „надлежащій порядокъ“ пріема отъ Евдема пожертвованія, храненія его и расходованія суммъ, съ указаніемъ лицъ, на которыхъ это возлагается, подъ угрозой, въ случаѣ неисправности, большого штрафа. Оказывается, что въ Милетѣ существовалъ народный или общественный банкъ, въ который долженъ былъ быть переданъ жертвуемый капиталъ и тамъ записанъ въ счетъ города подъ рубрикой „пожертвованія Евдема на образованіе свободныхъ мальчиковъ“. Ежегодно должно было отчисляться 300 статировъ [1]), т.-е. 10%, изъ которыхъ выдавались деньги на расходы.

Для насъ здѣсь особенно интересны постановленія, касающіяся учителей.

Учителя и педотрибы избирались публично, народнымъ собраніемъ, на одинъ годъ. Желающіе занять эти должности должны были записаться у педономовъ, съ 15-го по 20-е число мѣсяца Артемисіона. Педономы выставляли имена кандидатовъ въ Антіоховомъ портикѣ, для всеобщаго свѣдѣнія. 28-го происходили выборы въ народномъ собраніи, въ орхестрѣ. Процедура выборовъ была довольно сложная и во всякомъ случаѣ торжественная. Ставились треножникъ и курильница. Жрецы Гермеса Энагонія, что въ палестрѣ, жрецъ Музъ, іерокериксъ (священноглашатай), педономы и жертвователь Евдемъ, пока живъ, а послѣ его смерти старшій изъ его потомковъ, воскуряютъ θиміамъ Гермесу, Музамъ и Аполлону Музегету. Іерокериксъ молится за участвующихъ въ народномъ собраніи, взамѣнъ приведенія ихъ къ присягѣ: кто будетъ выбирать по совѣсти и убѣжденію, не подчиняясь какому-либо вліянію вопреки справедливости, тому да будетъ благо, въ противномъ случаѣ—наоборотъ. Послѣ этого педономы передаютъ секретарю совѣта имена записавшихся кандидатовъ. Секретарь вызываетъ каждаго по очереди и жрецы

[1]) Статиръ=20 драхмамъ, 300 статировъ=6.000 драхмамъ, т.-е. 1 таланту.

приводятъ его къ присягѣ: педотрибъ клянется Гермесомъ, что ни предъ кѣмъ не хлопоталъ о своемъ избраніи; учитель грамоты даетъ такую же клятву, съ тою лишь разницею, что клянется не Гермесомъ, а Аполлономъ и Музами. Выборы происходятъ, какъ обыкновенно при голосованіи, посредствомъ поднятія руки (хиротоніи). Изъ числа явившихся кандидатовъ избираются 4 педотриба и 4 учителя грамоты. Жалованья педотрибу—по 30 драхмъ въ мѣсяцъ, а учителю—по 40 драхмъ; выдача жалованья производится 1-го числа каждаго мѣсяца. Относительно публичныхъ испытаній и прочихъ обязанностей постановлено придерживаться „педономическаго закона“ (къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ). Педотрибы, если пожелаютъ посѣтить какой-либо агонъ или состязаніе, ведя атлетовъ, могли отлучаться, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто себя они оставляли замѣстителя, одобреннаго педономомъ. Въ случаѣ неисправности казначеевъ въ выдачѣ жалованья полагался штрафъ въ 500 статировъ въ храмовую казну Гермеса и Музъ; педотрибы же и учителя могли взыскивать съ казначеевъ свое жалованье по агорономическому закону, т.-е. полицейскими мѣрами. Предназначенныя на школьное дѣло деньги ни на что иное употреблять „никоимъ образомъ“ не разрѣшалось, тоже подъ угрозою штрафа въ 500 статировъ. Остатокъ, за уплатой жалованья [1]), педономы должны употреблять на отправку быка „самаго лучшаго“ Аполлону Дидимейскому (каждый пятый годъ на праздникъ Дидимеевъ, въ прочіе годы — на праздникъ Боэгій). Въ процессіи должны участвовать сами — педономы, мальчики по выбору, эпистаты, т.-е. ихъ начальствующіе (вѣроятно, учителя и педотрибы), Евдемъ, а послѣ его смерти—старшій изъ его потомковъ. Отправленнаго быка педономы должны принести въ жертву, а мясо его раздать мальчикамъ и другимъ участвовавшимъ въ процессіи. 5-го числа каждаго мѣсяца мальчики освобождаются отъ занятій—вѣроятно, въ честь жертвователя—, и этотъ день педономы должны записать въ число праздниковъ. Въ заключеніе говорится: „дабы народное рѣшеніе и дѣло Евдема было всѣмъ извѣстно, записать это постановленіе на двухъ каменныхъ стелахъ, изъ которыхъ одну поставить въ палестрѣ мальчиковъ на томъ мѣстѣ, какое окажется удобнымъ, а

[1]) Ежегодно отчислялось, какъ было упомянуто, 300 статировъ или 6.000 драхмъ; на жалованье шло въ обыкновенномъ году 3.360 драхмъ, въ високосномъ — на 280 драхмъ больше. Слѣдовательно, остатокъ равнялся 2.640 драхмамъ въ обыкновенномъ и 2.360 въ високосномъ году.

другую — въ храмѣ Аполлона Дельфинія, гдѣ она теперь и найдена.

Дѣлались пожертвованія и на расширеніе преподаванія или на пополненіе учительскаго персонала, на приглашеніе новыхъ преподавателей, на введеніе новыхъ предметовъ въ число преподаваемыхъ и т. п. Такія пожертвованія большею частью исходили отъ гимназіарховъ. Такъ, гимназіархъ Стратонъ въ Пергамѣ не только заботился о повышеніи содержанія учителямъ или, по крайней мѣрѣ, объ аккуратной выдачѣ имъ жалованья, но на собственныя средства нанялъ новыхъ учителей, для полноты преподаванія. Гимназіархи въ Пріэнѣ и въ Эретріи приглашали особыхъ преподавателей по филологіи и т. д. Иногда это дѣлалось только на извѣстный срокъ, напримѣръ на годъ.

Вообще должность гимназіарха связана была съ немалыми издержками, и въ римскую эпоху нерѣдко бывали спеціальныя пожертвованія на гимназіархію—на покрытіе расходовъ по этой должности, при чемъ иногда самихъ воспитанниковъ-эфебовъ обязывали клятвой охранять сдѣланное пожертвованіе, чтобы оно оставалось за учрежденіемъ и шло именно на предназначенную цѣль. Сохранилось, напримѣръ, завѣщаніе, въ видѣ надписи, одного знатнаго гражданина города Афродисіи. Гражданинъ этотъ перечисляетъ, сколько онъ пожертвовалъ въ разные сроки на гимназіархію и другія должности: сперва онъ уплатилъ 20.000 динаріевъ, потомъ сдѣлалъ второй взносъ въ 100.260 динаріевъ, наконецъ въ завѣщаніи на тѣ же цѣли отказалъ 143.914 динаріевъ, всего—пожертвовалъ болѣе 264.000 динаріевъ.

Жертвовали и на постройку зданій. Въ Митиленѣ, наприм., гимназіархъ Кратесъ выстроилъ гимназію на свой счетъ. Иногда многіе граждане сообща приходили на помощь городу и каждый изъ нихъ бралъ на себя обязательство построить ту или другую часть зданія. Примѣромъ можетъ служить перестройка „Филипповой гимназіи“ въ Галикарнассѣ. Изъ декрета въ честь нѣкоего Діодота мы узнаемъ, что этотъ Діодотъ сначала обѣщалъ дать безъ процентовъ 10.000 драхмъ на устройство двойного портика и, сверхъ того,—все недостающее по заявленіямъ другихъ лицъ (которыя письменно обѣщали внести, но своей доли не уплатили) и такимъ образомъ довелъ постройку до конца, давъ въ общемъ 33.000 драхмъ въ видѣ безпроцентнаго займа и, кромѣ того, склонивъ другихъ къ новымъ взносамъ [1]). Наградой ему былъ

[1]) Michel, „Recueil“, n⁰ 456. Цибартъ полагаетъ даже, что здѣсь мы имѣемъ передъ собой *подписку* состоятельныхъ гражданъ; но въ текстѣ дошедшей до насъ

золотой вѣнокъ и бронзовая статуя въ самомъ зданіи гимназій. Какъ это бываетъ и въ наши дни, пользовались и человѣческими слабостями—старались подѣйствовать на честолюбіе или тщеславіе жертвователей: кто жертвовалъ наибольшую сумму, тому отводили почетное мѣсто въ спискѣ жертвователей, а самый списокъ выставляли въ гимназіи.

На помощь при постройкѣ гимназій приходили и общества или товарищества, которыя такъ развиты были въ греческомъ мірѣ. Болѣе или менѣе щедрые жертвователи находились и въ небольшихъ городахъ. Въ спискѣ жертвователей оказываются даже служащіе въ гарнизонѣ на островѣ Ѳерѣ. Иногда жертвовали не деньгами, а натурой, матеріаломъ. Напр. въ Эфесѣ для зданія гимназіи подарены были колонны; въ другомъ городѣ, когда тамошняя гимназія сгорѣла, на ея отстройку одинъ гражданинъ подарилъ кирпичъ, заказанный было имъ для своего дома.

Въ тѣ времена много заботились объ удобствахъ и украшеніи школьныхъ зданій. Въ Пергамѣ гимназіархъ Діодоръ возстановилъ пришедшую въ разрушеніе гимназію „молодыхъ“ (Νέοι), сдѣлалъ пристройку, устроилъ мраморную экседру и мраморное помѣщеніе для купанья или умыванія, при чемъ стѣны были обложены деревомъ и разрисованы. Вообще на устройство такихъ помѣщеній или бань обращалось тогда особенное вниманіе. Съ какимъ комфортомъ и даже роскошью они устраивались, показываютъ остатки Пергамской гимназіи [1]): въ мраморной залѣ текла вода изъ мраморныхъ львиныхъ головъ въ прекрасные, большіе каменные тазы или ванны. Изъ декрета въ честь пергамскаго гимназіарха Метродора мы знаемъ, что онъ не только пожертвовалъ мраморныя ванны, но и устроилъ разныя приспособленія, между прочимъ—для храненія платья купающихся. Жертвовали и на состязательныя игры, на масло, столь необходимое въ особенности при состязаніяхъ, на текущіе мелкіе расходы и т. п.

Жертвователей и вообще лицъ, оказавшихъ услуги дѣлу народнаго образованія, награждали обыкновенно похвальнымъ декретомъ, иногда, кромѣ того, золотымъ вѣнкомъ; ихъ статуя нерѣдко ставилась въ помѣщеніи гимназіи; имъ предоставлялись особыя почетныя права и привилегіи. Такъ, дошедшій до насъ

надписи говорится собственно не о подпискѣ, а о письменныхъ заявленіяхъ со стороны гражданъ, пожелавшихъ взять на себя ту или другую часть расходовъ.

[1]) Лямеръ, „Пергамъ, Пріэна, Пальмира“ („Гермесъ“, 1909, № 17); Sudhoff, „Aus dem antiken Badewesen“, Берлинъ, 1910.

декретъ въ честь упомянутаго уже стратега Деркила говоритъ [1]): такъ какъ Деркилъ достохвально старается какъ о прочемъ, такъ особенно о томъ, чтобы мальчики, находящіеся въ демѣ элевсинскомъ, воспитывались, то въ виду этого элевсинцы постановили: Деркила „похвалить", увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ въ 500 драхмъ, даровать ему „ателію" (т.-е. свободу отъ податей и повинностей) и „проэдрію", т.-е. почетное мѣсто въ демѣ; постановленіе объ этомъ записать на каменной стелѣ и выставить у пропилеевъ Деметры и Коры (Персефоны), причемъ о записи должны позаботиться родители мальчиковъ, вмѣстѣ съ демархомъ, выборнымъ главою дема. Евдемъ Милетскій, какъ мы видѣли, поручается особымъ заботамъ совѣта и народа. Чтобы достойнымъ образомъ почтить его за его щедроты, народное собраніе постановило еще имѣть объ этомъ особое сужденіе въ надлежащее время.

При школахъ и гимназіяхъ были своего рода школьные музеи и архивы—собранія документовъ, касающихся завѣдующаго или учительскаго персонала и выставленныхъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Въ Пергамѣ находится большое число колоннъ въ честь лицъ, преимущественно гимназіарховъ, которымъ принадлежала заслуга въ устройствѣ или развитіи гимназіи. Учащіеся могли читать на базахъ этихъ колоннъ и на мраморныхъ таблицахъ имена, узнавать, кому и чѣмъ они обязаны, кто устроилъ или расширилъ гимназію, кто украсилъ ее новыми сооруженіями, кто снабдилъ прекрасными банями, кто содѣйствовалъ лучшей постановкѣ дѣла обученія. Тутъ находились и статуи тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали процвѣтанію учрежденія. Статуи эти—то же, что портреты въ современныхъ заведеніяхъ. А для вѣчнаго воспоминанія о заслугахъ покойника иногда и хоронили въ гимназіи.

Заботы гимназіарховъ простирались не только на зданіе и на расширеніе преподаванія. Изъ почетныхъ надписей, выставленныхъ въ портикахъ, на площадкахъ и другихъ мѣстахъ, мы узнаемъ, что такой-то гимназіархъ или педономъ проявилъ особыя старанія — заботился не только о благоустройствѣ и порядкѣ, но и о тѣлесномъ здравіи учащихся; что такой-то гимназіархъ въ Эретріи сумѣлъ поднять школу и при немъ увеличилось число посѣщающихъ ее; что въ Милетѣ одинъ изъ педономовъ настолько заботился о питомцахъ, что отправлялся въ храмъ Асклепія и тамъ приносилъ въ жертву овцу „за здравіе мальчиковъ".

[1]) Dittenberger, „Sylloge", II², n° 518.

Надписи знакомятъ насъ и съ карьерой должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ школьнымъ дѣломъ. Одною изъ самыхъ почетныхъ общественныхъ должностей была гимназіархія: ее занимали большею частью бывшіе педономы, а иногда наоборотъ—сначала бывали гимназіархами, а потомъ педономами. Три большихъ надписи подробно разсказываютъ о карьерѣ нѣкоего Эмилія Зосима (послѣ 84 г. до Р. Х.) въ Пріэнѣ. Сначала онъ былъ секретаремъ города, затѣмъ гимназіархомъ, потомъ педономомъ. Въ надписяхъ перечисляются его заслуги: между прочимъ указывается, что онъ контролировалъ учителей посредствомъ предписываемыхъ школьнымъ закономъ испытаній, доставляя имъ особыя награды за вѣрное исполненіе долга.

Что касается положенія учителя, то оно было неодинаково. Въ пору расцвѣта Аѳинъ знаменитые учителя мудрости, софисты, занимали почетное положеніе въ обществѣ. Они собирали вокругъ себя толпы слушателей и получали громадный по тому времени гонораръ. Знаменитый или модный софистъ—желанный гость въ домѣ богача. Его пріѣздъ въ городъ—крупное событіе. Платонъ въ своемъ „Протагорѣ“ рисуетъ слѣдующую характерную сцену. Въ Аѳины прибылъ Протагоръ. Извѣстіе объ этомъ переходитъ изъ устъ въ уста. Знакомый Сократа, Гиппократъ, спѣшитъ къ нему еще до разсвѣта, чтобы сообщить важную новость; онъ готовъ ничѣмъ не поскупиться, лишь бы знаменитый софистъ сдѣлалъ и его мудрымъ. Но Сократъ уже знаетъ о прибытіи Протагора. Лишь стало свѣтать, оба они идутъ въ домъ Каллія, гдѣ остановился Протагоръ. Привратникъ нéхотя впускаетъ ихъ. Оказывается, что домъ, не смотря на раннюю пору, уже полонъ гостей, слушателей и собесѣдниковъ. Протагоръ прохаживается въ портикѣ, и съ нимъ—самъ хозяинъ Каллій и другія лица; позади слѣдовали, прислушиваясь къ разговору, повидимому чужеземцы, тѣ, что Протагоръ уводитъ за собою изъ каждаго города, чрезъ который проходитъ, „очаровывая голосомъ какъ Орфей, а они идутъ за нимъ по голосу какъ очарованные“. Когда Протагоръ со своими собесѣдниками поворачивалъ, они почтительно разступались, пропуская ихъ впередъ, и затѣмъ слѣдовали позади. На противоположной сторонѣ возсѣдалъ на высокомъ сѣдалищѣ другой извѣстный софистъ, Гиппій изъ Элиды, и велъ съ окружавшими его лицами бесѣду, повидимому о разныхъ астрономическихъ предметахъ. Былъ тутъ и третій извѣстный софистъ—Продикъ изъ Кеоса. Его голосъ, густой басъ, доносился изъ помѣщенія, которое раньше служило кладовой, а теперь, такъ какъ не хватало комнатъ, гостепріим-

нымъ хозяиномъ уступлено было тоже гостямъ. Продикъ лежалъ еще, завернутый въ одѣяла или ковры, и разговаривалъ съ лежавшими тамъ же лицами, но о чемъ, Сократъ не могъ разобрать вслѣдствіе низкаго голоса Продика... Такъ рисуетъ Платонъ словами Сократа картину пребыванія знаменитыхъ софистовъ въ Аѳинахъ. Здѣсь, въ яркихъ и рельефныхъ чертахъ, мы видимъ, какъ относилась къ этимъ софистамъ та часть аѳинскаго общества, которая стремилась къ новому образованію. Извѣстно также, какое видное положеніе занимали философы Платонъ и Аристотель. Ораторъ Исократъ имѣлъ школу, многочисленныхъ учениковъ и переписывался съ царственными или владѣтельными особами, давая имъ совѣты, начертывая програмы для ихъ дѣятельности.

Иное, конечно, было положеніе скромнаго „грамматиста“, учителя грамоты. Онъ не всегда получалъ жалованье отъ государства или города, часто содержалъ школу свою на взносы учениковъ и нерѣдко бѣдствовалъ. Случалось, напр., что когда въ мѣсяцѣ было много праздниковъ, то родители, чтобы не платить за такой мѣсяцъ, не посылали въ теченіе его дѣтей своихъ въ школу или вычитывали за праздничные дни. Вообще профессія „грамматиста“—незавидная. Платонъ въ своихъ „Законахъ“ предоставляетъ ее иностранцамъ. Названіе „школьный учитель“ считалось иногда оскорбительнымъ. Комикъ выражается объ одномъ лицѣ, пропавшемъ безъ вѣсти: „онъ или умеръ, или учитъ гдѣ-нибудь дѣтей грамотѣ“. У Лукіана бывшіе на землѣ сатрапами и царями на томъ свѣтѣ вынуждены изъ бѣдности обучать грамотѣ, чтò служитъ показателемъ ихъ нищенскаго положенія. При Августѣ въ одномъ городѣ (Стратоникеѣ), учитель, не заявившій письменно о выбытіи ученика изъ школы, отводился прямо въ тюрьму, между тѣмъ какъ другія должностныя лица, архонтъ и педономы, въ случаѣ упущеній привлекались къ отвѣтственности обычнымъ порядкомъ, съ соблюденіемъ формальностей. Въ другихъ мѣстахъ за неисполненіе обязанностей учителю грозилъ только штрафъ. Наряду съ этимъ имѣются, однако, и иного рода факты, говорящіе объ уваженіи къ личности и профессіи учителя. Существовало, напр., убѣжденіе, что хорошіе учителя дѣлаютъ честь родному городу.

Отношеніе учениковъ къ учителю часто бывало недружелюбное. Платонъ говоритъ, что въ демократіи существуетъ „педократія“, господство дѣтей: учитель боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики презираютъ учителей и педагоговъ. На вазахъ среди обычныхъ изображеній школьной жизни мы видимъ между

прочимъ сцену, показывающую, съ какимъ невниманіемъ ученики относились къ учителю: въ то время, какъ онъ усердно играетъ на инструментѣ, они поворачиваются къ нему спиной и заигрываютъ съ кошкой, протягивая ей одинъ—флейту, другой—плектръ (которымъ ударяли по струнамъ).

Конечно, такія явленія не слѣдуетъ слишкомъ обобщать, тѣмъ болѣе, что наряду съ ними имѣются и совершенно противоположныя. Выраженіемъ чувства уваженія и благодарности къ учителямъ служатъ памятники, воздвигнутые имъ учениками. Напр. въ надгробномъ рельефѣ II-го столѣтія до Р. Х. на одномъ изображеніи мы видимъ учителя, окруженнаго пятью учениками, а на другомъ—эти ученики сопровождаютъ его въ подземный міръ, гдѣ онъ входитъ въ поля блаженныхъ. Надгробное стихотвореніе говоритъ намъ, что покойный въ теченіе пятидесяти двухъ лѣтъ занимался элементарнымъ преподаваніемъ и что списокъ его многочисленныхъ учениковъ можно прочитать въ могильной камерѣ, на дверяхъ которой начертано это стихотвореніе.

Учителя въ школахъ государственныхъ или общественныхъ избирались обыкновенно на одинъ годъ и, конечно, могли быть переизбираемы. Ихъ обязанности опредѣлялись „педономическимъ закономъ“. Они могли имѣть помощниковъ, составляли союзы или общества и товарищества для общихъ постановленій, для охраны своихъ интересовъ и т. п.

Были и странствующіе учителя. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, посѣщавшіе Дельфы, получали титулъ „проксеновъ“ (гостепріимца, друга). Таковъ былъ, напр., нѣкій Менандръ, имѣвшій въ Дельфахъ большой успѣхъ, но смотрѣвшій на свое учительство какъ на жертву Аполлону и отказавшійся отъ всякаго денежнаго вознагражденія.

II.

У одного изъ древнихъ авторовъ, Витрувія, мы находимъ подробное описаніе греческой гимназіи (V, 11), съ ея обыкновенно обширнымъ дворомъ, перистилемъ, колоннадами, портиками и экседрами, съ мѣстами для упражненій, игръ, состязаній и прогулокъ, со стадіемъ и проч. Съ греческой низшей школой и съ тѣмъ, какъ шелъ обыкновенно урокъ въ ней, хорошо знакомятъ насъ рисунки на вазахъ.

Такъ, на извѣстной вазѣ Дуриса, хранящейся теперь въ

Берлинскомъ музеѣ, предъ нами внутреннее помѣщеніе школы: на стѣнахъ висятъ музыкальные инструменты, чехолъ для флейты, свитокъ, табличка или дощечка, употребляемая для письма, корзина, какой-то крестообразный предметъ, назначеніе котораго трудно опредѣлить (можетъ быть, онъ служилъ линейкой). На стулѣ со спинкой, по-гречески — тронѣ, сидитъ учитель и держитъ въ рукахъ развернутый свитокъ; передъ нимъ стоитъ ученикъ и читаетъ этотъ свитокъ; а за нимъ на табуретѣ, скрестивъ ноги, съ палкой въ рукѣ, сидитъ бородатый мужчина, очевидно — педагогъ, сопровождавшій обыкновенно мальчиковъ въ школу. Это — урокъ чтенія, а налѣво изображенъ урокъ музыки: учитель и ученикъ сидятъ другъ противъ друга, каждый съ лирой въ рукахъ. На другой сторонѣ той же вазы по срединѣ мы видимъ, между прочимъ, изображеніе пишущей фигуры; въ одной рукѣ ея — остроконечная палочка, стиль, въ другой — дощечка. Въ школахъ писали обыкновенно на табличкахъ или дощечкахъ, натертыхъ воскомъ; острымъ концомъ „стиля“ выводили буквы, а тупымъ концомъ стирали написанное.

На другой — родосской — вазѣ, находящейся въ Лондонѣ, изображаются чрезвычайно живыя сцены изъ школьной жизни, между прочимъ и та, которой мы уже касались: на стулѣ со спинкой сидитъ учитель или, скорѣе, судя по его молодости, помощникъ учителя и видимо усердно играетъ на флейтѣ; у ногъ его — собака, съ поднятой вверхъ мордой — она повидимому воетъ; спиной къ учителю — два ученика; одинъ держитъ, приподнявъ въ рукѣ, флейту, другой, съ лирой и плектромъ въ рукахъ, наклонился къ животному, стоящему на табуретѣ и похожему на кошку; кажется, оба они предлагаютъ этой кошкѣ сыграть на протягиваемыхъ ей инструментахъ.

Раскопки послѣдняго времени даютъ новый интересный матеріалъ для знакомства какъ съ греческой гимназіей, такъ и со школой, съ самыми зданіями, съ ходомъ и способами преподаванія, съ составомъ учениковъ... Въ иныхъ мѣстахъ можно даже вычислить число кубическихъ аршинъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ, классныхъ комнатахъ. Въ Пріэнѣ, городѣ, въ которомъ вообще нагляднѣе всего сохранились улицы, площади и зданія, стоятъ еще и теперь довольно высокія стѣны школы; у дверей классной комнаты — историческая работа одного изъ воспитанниковъ: списокъ эфоровъ. Гимназія въ Пергамѣ занимаетъ обширное пространство; она представляла величественное зданіе, выходившее на главную улицу. Чтобы вполнѣ раскопать его и изслѣдовать,

понадобился не одинъ годъ [1]). Въ сущности это было соединеніе трехъ учебныхъ заведеній, построенныхъ на трехъ террассахъ. Круглые пропилеи составляли общій входъ. На нижней террассѣ расположена была гимназія для мальчиковъ, надъ нею—гимназія эфебовъ, а на самой верхней террассѣ — гимназія „молодыхъ". Но кромѣ этой тройной гимназіи были въ Пергамѣ еще и другія. Въ гимназіи въ Милетѣ существовало нѣсколько классовъ и классныхъ комнатъ.

И въ этихъ нынѣ опустѣлыхъ, представляющихъ груды развалинъ стѣнахъ когда-то била ключомъ молодая жизнь, слѣды которой, довольно многочисленные и подчасъ оригинальные, сохранились до нашего времени.

Стѣны классныхъ комнатъ въ гимназіяхъ въ Пріэнѣ, Пергамѣ и нѣкоторыхъ другихъ испещрены надписями, сдѣланными учениками, съ ихъ именами. Мы видимъ: „мѣсто Артема, сына Діонисіева", „мѣсто Хареса и Аполлонія, сыновей Аполлоніевыхъ"; для братьевъ и друзей значится обыкновенно одно мѣсто. Иногда имена составляютъ какъ бы группы: одни и тѣ же повторяются, а съ ними чередуются разныя другія. Нерѣдко попадаются смѣшныя прозвища. Все это напоминаетъ современное обыкновеніе дѣлать надписи на стѣнахъ, на партахъ, скамьяхъ и т. д. Стѣны гимназіи въ Пріэнѣ покрыты подобными надписями до самаго потолка; нѣкоторыя едва нацарапаны, съ большими описками: чтобы ихъ начертать вверху, ученикамъ, очевидно, приходилось взбираться другъ другу на плечи.

Въ Кизикѣ и въ Пергамѣ, на длинныхъ мраморныхъ таблицахъ или плитахъ, встрѣчаются изображенія ступней ногъ, преимущественно правыхъ, рядами по 14, по 4, 3 или 2. Подъ слегка намѣченными ногтями—имя обладателя ступни, а сверху, надъ ногами, нерѣдко призывъ вспомнить о тѣхъ, чьи имена обозначены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны слѣды болѣе раннихъ рисунковъ.

Учиться у „грамматиста" — чтенію и письму — начинали обыкновенно съ 6—7 лѣтъ. Чтобы облегчить дѣтямъ усвоеніе азбуки, прибѣгали къ разнымъ средствамъ. Объ Иродѣ Аттикѣ, напр., разсказываютъ, что онъ окружилъ своего сына 24 рабами, его сверстниками, имена которыхъ начинались съ разныхъ буквъ. Комикъ Каллій написалъ даже очень оригинальную пьесу: „Грамматическую" или „Буквенную трагедію", въ которой пер-

---

[1]) См. „Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung", за послѣдніе годы.

сонажами являлись буквы, въ разныхъ группахъ и сочетаніяхъ. До насъ дошли упражненія въ азбукѣ, писанныя на черепкахъ, въ родѣ напр.: *αρ βαρ γαρ δαρ, ερ βερ γερ δερ.* Съ цѣлью упражненія писали азбуку то съ начала, то съ конца, то въ разбивку; каждую отдѣльную согласную соединяли со всѣми гласными: *ξα ξε ξι ξο* и т. под.

Сохранились, между прочимъ, двѣ ученическихъ тетради съ упражненіями въ письмѣ. Одна изъ нихъ (III—IV в. по Р. X.) дошла до насъ въ цѣломъ видѣ [1]); состоитъ она изъ одиннадцати листковъ, сшитыхъ у нижняго лѣваго угла, и представляетъ упражненія отъ простѣйшихъ до болѣе сложныхъ, кончая стихотвореніями Бабрія. Есть примѣры скандированія, дѣленія на слоги. Образцомъ такого рода упражненій служитъ деревянная дощечка въ великогерцогской библіотекѣ въ Гейдельбергѣ [2]).

Очень распространено было списываніе съ прописей. Образцы такихъ прописей, сдѣланныхъ рукою учителя и списанныхъ затѣмъ учениками, дошли до насъ. Въ Марсельскомъ музеѣ имѣется, напр., навощенная табличка (III в. по Р. X.) съ прописью и съ увѣщаніемъ учителя: „старайся", а на трехъ другихъ табличкахъ—по три ея копіи, сдѣланныя рукою ученика. Въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ, тоже есть двѣ подобныя деревянныя таблички съ прописями [3]). На деревянной дощечкѣ Берлинскаго музея въ первомъ ряду—пропись учителя: „будь прилеженъ, мальчикъ, чтобы тебя не драли", не пороли; слова эти списаны ученикомъ четыре раза.

Очевидно, греческимъ школьникамъ знакома была порка и розга. Въ одной изъ вновь открытыхъ комическихъ бытовыхъ пьесъ Геронда есть такая сцена изъ школьной жизни. Пожилая женщина Метротима приводитъ своего сына, проказника и лѣнтяя, къ учителю Ламприску, своему родственнику. Она горько и подробно жалуется и проситъ: „Вели рабу поднять этого негодяя себѣ на плечи и дай ему такую порку, чтобы его скверная душа осталась ему на однѣхъ губахъ. Онъ совершенно разорилъ меня, бѣдную, своей игрой въ орла и рѣшетку... Спроси-ка его, гдѣ квартира его учителя—куда мнѣ каждое тридцатое число (охъ, ужъ это мнѣ тридцатое число!) приходится идти съ платой,

---

[1]) Такъ называемый Papyrus Bouriant, № 1, изданный у Wessely, „Studien zur Palaeographie und Papyruskunde", VI, 1906, теперь и у Ziebarth, „Aus der antiken Schule".

[2]) Ст. Crusius'a въ „Philologus", LXIV, 1905.

[3]) См. Г. Ф. Церетели, „Памятники греч. письменности изъ Египта" (отд. отт. изъ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1909 г.).

хотя бы я навзрыдъ плакала,—не скоро онъ найдется отвѣтить тебѣ; зато вертепъ, гдѣ живутъ носильщики и бѣглые рабы,—этотъ онъ твердо знаетъ и другому показать можетъ. Бѣдная доска [1]), которую я исправно натираю воскомъ каждый мѣсяцъ, лежитъ сиротой у ножки его кровати... Въ грамотѣ онъ ни аза не разберетъ, если ему не твердить пять разъ одно и то же; намедни отецъ заставилъ его разбирать по складамъ слово „Маронъ" — такъ этотъ грамотей Марона превратилъ въ Симона, такъ что я сама себя прозвала дурой за то, что вмѣсто того, чтобы учить его пасти ословъ, даю ему хорошее воспитаніе, думая найти въ немъ подспорье на черный день... А попробуй-ка посильнѣе постращать его — такъ онъ или три дня не знаетъ порога нашего дома и тѣмъ временемъ разоряетъ свою мать, бѣдную старуху, или взберется на крышу и сидитъ тамъ, вытянувъ ноги и опустивъ голову, точно мартышка. А мнѣ-то каково видѣть его тогда, какъ ты думаешь! И не столько его самого жалко, сколько черепицъ, которыя крошатся точно хворостъ, такъ что при приближеніи зимы меня заставляютъ платить по три полушки за каждую черепицу. Плачешь, да ничего не подѣлаешь: всѣ жильцы въ одинъ голосъ твердятъ, что это сдѣлалъ Метротиминъ сынъ Коккалъ — и чувствуешь, что это правда, такъ что даже раскрыть ротъ совѣстно... Уже пожалуйста, Ламприскъ, если хочешь, чтобы вотъ эти богини дали тебѣ счастье и удачу для твоей дальнѣйшей жизни"... И Герондъ подробно изображаетъ расправу, послѣ которой мальчикъ дѣлается „пестрѣе змѣи". Матери кажется, что все еще мало, но Ламприскъ утѣшаетъ ее, обѣщая оставить ея сына на нѣкоторое время у себя, чтобы познакомить его основательно съ книгой при помощи розги [2]).

Сохранились упражненія на черепкахъ не только въ грамотѣ, но и въ математикѣ. Существовали модели геометрическихъ тѣлъ—шары, додекаэдры и проч. Мальчики учились рисовать круги, кривыя линіи. Въ греческой школѣ вообще пользовались наглядными пособіями—иллюстраціями, серіями картинъ, географическими картами и небеснымъ глобусомъ. Наряду съ пособіями въ школахъ и гимназіяхъ находятъ и игрушки—разныя дѣтскія и женскія головки, крылышки, куклы. Мальчикъ, идя въ школу, несъ съ собою, вмѣстѣ съ книгой, и мячъ, и оловяннаго солдатика [3]).

[1]) На которой писали. См. выше.

[2]) Ѳ. Ф. Зѣлинскій, „Изъ жизни идей". Спб. 1905, I, 106—108.

[3]) Лямеръ, „Гермесъ". 1909, № 17.

При школахъ существовали библіотеки. Изъ нихъ едва ли не самая замѣчательная—библіотека при Птолемеевой гимназіи (Птолемейонѣ) въ Аѳинахъ: каждый выпускъ эфебовъ долженъ былъ дарить ей книги въ силу двухъ народныхъ постановленій, состоявшихся около 100 г. до Р. Х. Подобныя же библіотеки были въ Коринѳѣ, Дельфахъ, Галикарнассѣ.

Библіотеки эти особенно необходимы были при изученіи поэтовъ, къ которому учащіеся переходили послѣ первоначальнаго обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ. Нечего и говорить, какое мѣсто въ системѣ греческаго образованія занимали музыка и гимнастика.

Для воспитанниковъ гимназій устраивались публичные экзамены и разнаго рода состязанія или регулярно, какъ это было, напр., въ Теосѣ и въ Милетѣ, или въ силу особаго каждый разъ постановленія народнаго собранія, которое давало и средства на награды [1]). А иногда гимназіархъ или педономъ вводилъ новые экзамены или состязанія по тѣмъ предметамъ, для преподаванія которыхъ онъ приглашалъ особыхъ учителей.

До насъ дошло немало списковъ отличившихся учениковъ, получившихъ награды при школьныхъ испытаніяхъ или агонахъ, состязаніяхъ (большею частью—III-II в. до Р. Х.). Мы имѣемъ здѣсь передъ собою не только имена; очень часто отмѣчается классъ или возрастъ побѣдителей—„старшіе", „средніе", „младшіе"—и предметъ состязанія. Рядомъ съ побѣдителями въ бѣгѣ и въ разнаго рода гимнастическихъ упражненіяхъ стоятъ имена отличившихся, напр. въ поэзіи, похвальномъ словѣ, или, какъ перечисляетъ одна надпись изъ Теоса, — въ рапсодіи, чтеніи, общемъ образованіи („полиматіи"), живописи, игрѣ на лирѣ, пѣніи, декламаціи трагедій, комедій, лирическихъ стихотвореній и даже въ каллиграфіи; нерѣдко упоминается также „прилежаніе".

Вообще сохранилось довольно много школьныхъ документовъ, которые не только находились въ помѣщеніи школы или гимназіи, но и выставлялись на какомъ-либо людномъ, видномъ мѣстѣ, на площади передъ зданіемъ совѣта или храма и т. п. Имѣются, напр., оффиціальные списки школьнаго персонала, въ особенности эфебовъ. Въ Аѳинахъ имена юношей, вносимыхъ въ списокъ эфебовъ, записывались на выбѣленныхъ дощечкахъ, съ обозначеніемъ

---

[1]) Какія награды бывали въ частныхъ школахъ, содержимыхъ отдѣльными учителями, показываетъ одна эпиграмма: „Коннаръ получилъ 80 бабокъ за то, что писалъ прекрасно, лучше, чѣмъ всѣ другіе мальчики" (Freeman, „Schools of Hellas", стр. 65).

архонта, при которомъ запись происходила, а впослѣдствіи—на мѣдной доскѣ, которая и ставилась передъ зданіемъ совѣта. Приблизительно такъ было и во многихъ другихъ городахъ, при чемъ иногда въ началѣ списка поименовывались учителя и наблюдатели. Это — нѣчто въ родѣ тѣхъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности учебныхъ заведеній, которые публикуются теперь. Въ одномъ изъ списковъ при именахъ эфебовъ отмѣчены мѣсяцъ и число, когда эти эфебы приняты. Попадается указаніе и на вступительный взносъ, напоминающій нашу плату за право ученья. Къ сожалѣнію, матеріалъ слишкомъ отрывоченъ и недостаточенъ для того чтобы опредѣлить, насколько была распространена подобная плата и каковы были размѣры ея.

Впослѣдствіи, особенно съ уменьшеніемъ народонаселенія и упадкомъ мѣстныхъ школъ, списки выставлялись уже не правительствомъ или городомъ, а самими учениками или отдѣльными лицами, заинтересованными въ успѣхѣ школы. До насъ дошелъ, напр., списокъ 178 удостоенныхъ перевода изъ разряда „мальчиковъ“ въ разрядъ „эфебовъ“ въ Пергамской гимназіи,—списокъ, который они выставили въ 147—6 г. до Р. Х. въ одной изъ нишъ своей гимназіи, вмѣстѣ со статуей принца Аттала, въ честь послѣдняго. Для содержателей частныхъ школъ подобные списки служили своего рода рекламой. Во многихъ городахъ велись списки только отличившихся учениковъ, удостоенныхъ награды. Ученики въ спискахъ обыкновенно распредѣлялись по успѣхамъ, по классамъ или по возрасту: „мальчики“, „эфебы“, „младшаго“, „средняго“, „старшаго возраста“—таковы обычныя категоріи. Иногда отмѣчаются „новички“ и „старые ученики“.

Были, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ школахъ того времени и *ученицы*.

Случалось нерѣдко, что ученики заведенія собирались всѣ, употребляя современное выраженіе, на сходку и выражали свое настроеніе и свою волю въ формѣ какого-либо постановленія, напримѣръ—выразить уваженіе или благодарность гимназіарху, выразить преданность царю Птолемею Евергету, какъ своему „предстателю“. Подобныя постановленія дѣлались большею частью по поводу какого-нибудь пожертвованія, дара и проч. Иногда собирались на сходку ученики даже нѣсколькихъ учебныхъ заведеній. Въ школу проникала и политика. Еще Платонъ (въ „Законахъ“, 636 В) замѣчаетъ: „Гимназіи и сисситіи (общественные столы или обѣды) полезны городамъ во многихъ отношеніяхъ, но въ отношеніи смутъ тягостны“ — и ссылается, между прочимъ, на примѣръ мальчиковъ въ Милетѣ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ греческомъ мірѣ даже въ эллинистическую и римскую эпоху обнаруживался сильный корпоративный духъ, стремленіе къ образованію различныхъ обществъ и товариществъ [1]). И среди учащихся возникали цѣлыя корпораціи, организованные союзы, общества, товарищества, кружки и клубы. „Θіасоты гимназіи", т.-е. члены такихъ товариществъ, въ процессіяхъ выступаютъ наряду съ „совѣтомъ городскимъ" и „демосомъ". Выступаютъ корпоративно иногда и ученицы. Такіе школьные союзы или общества могли владѣть собственностью, принимать въ свою пользу пожертвованія и т. п. Встрѣчаются и болѣе мелкія группировки—товарищества „друзей", синэфебовъ, бывшихъ въ одно и то же время питомцами одного и того же заведенія, общества для гимнастическихъ упражненій. Особые союзы или корпораціи возникали и по совершенно другимъ поводамъ. Такъ напримѣръ, по желанію и иниціативѣ родителей рано умершаго эфеба Эпаминонда (II в. по Р. Х.) изъ товарищей его образовался кружокъ или „синодъ" его имени, для ежегоднаго чествованія памяти умершаго на могилѣ его и его сестры. Членамъ предоставлены были нѣкоторыя преимущества, напр. участіе въ поминальномъ пиршествѣ. Мать покойнаго тщательно слѣдила за участниками этого общества и исключала изъ списка тѣхъ, кто по ея мнѣнію недостаточно почиталъ память ея сына.

Греческая школа принимала самое живое участіе въ общественной жизни города—въ празднествахъ и въ торжественныхъ процессіяхъ. Участіе учениковъ въ нихъ было большею частью даже обязательнымъ и противъ тѣхъ изъ нихъ, которые почему-либо отсутствовали, или противъ ихъ родителей, принимались карательныя мѣры. Такъ, по закону острова Аморгоса, вводившему новое празднество, процессію открываютъ пританы, идя изъ зданія совѣта; за ними слѣдуютъ гимназіархъ съ эфебами и младшіе ученики *всѣ*, въ противномъ случаѣ гимназіархъ долженъ присуждать ихъ „всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами". Въ Магнесіи на Меандрѣ былъ старинный обычай, чтобы ученики освовобождались отъ занятій каждый храмовой праздникъ, и когда введенъ былъ тамъ новый культъ „Зевса Спасителя города", то къ участію въ празднествѣ привлечена была и школа. Торжественному жертвоприношенію предшествовала выставка жертвеннаго животнаго; при этомъ отъ школъ присутствовали депутаціи изъ девяти мальчиковъ и девяти дѣвочекъ, родители которыхъ были еще живы. Спустя нѣкоторое

---

[1]) Poland, „Geschichte des griechischen Vereinswesens". Лейпцигъ, 1909.

время, въ мѣсяцѣ Артемисіонѣ, совершалась торжественная процессія веденія быка къ алтарю; въ ней участвовали совѣтъ, жрецы, всѣ должностныя лица, эфебы, „молодые“ и мальчики (но не дѣвочки), далѣе — побѣдители на Артемидовыхъ играхъ и въ другихъ агонахъ. Послѣ жертвоприношенія всѣ участвовавшіе получали свою долю мяса.

Поводы къ празднествамъ и процессіямъ бывали самые разнообразные: въѣздъ царя въ городъ или вообще царскій день — а при діадохахъ такихъ дней было очень много, — похороны знатнаго гражданина, благотворителя школы, возвращеніе изъ Рима посла послѣ успѣшно выполненнаго порученія, открытіе какого-либо памятника, годовщина знаменитой побѣды или просто день вступленія гимназіарха въ должность. Всюду въ торжествахъ участвовали школы и гимназіи, со своими гимназіархами и педономами, эфебами и мальчиками. Въ Кимѣ, напримѣръ, при погребеніи благотворителя школы эфебы и молодые люди лично несли его останки сначала на площадь, гдѣ покойника вѣнчали золотымъ вѣнкомъ, а потомъ — въ гимназію, гдѣ его погребали.

Какъ часты были праздники въ эллинистическую эпоху, видно изъ гимназическаго календаря съ острова Коса[1]): въ мѣсяцѣ Артамитіи 4-го числа — праздникъ Посейдона, 5-го — состязаніе эфебовъ, 6-го — процессія въ честь Евмена, въ общемъ двѣнадцать праздниковъ въ теченіе одного мѣсяца!

Гимназія, съ ея просторными помѣщеніями, сама часто служила мѣстомъ празднествъ. Въ одномъ законѣ (г. Эгіалы, на о-вѣ Аморгосѣ) мы имѣемъ описаніе подобнаго празднества. Послѣ процессіи съ жертвеннымъ животнымъ еще не раздѣленные куски мяса относились въ гимназію. Тамъ граждане располагались за столомъ и начиналось пиршество. Распорядители празднества на счетъ города доставляли мясо, вино, цвѣты, дессертъ и все необходимое для приготовленія обѣда — дрова, воду, масло... Одного жертвеннаго животнаго не хватало на всѣхъ, и эфебы получали свиное жаркое, каждый одну мину (около $^2/_3$ фунта). Шкуры жертвенныхъ животныхъ тутъ же на мѣстѣ продавались и выручка шла на угощеніе народа. Кто предпочиталъ ѣсть дома, тотъ могъ взять съ собою свою долю отъ всѣхъ кушаній.

Ученики посѣщали и театры, имѣли тамъ опредѣленныя мѣста, обозначенныя надписями на каменныхъ сидѣньяхъ. Они вообще близко знакомились со всѣмъ строемъ жизни. Эфебы посѣщали народное собраніе, хотя, напримѣръ, въ Аѳинахъ участвовать въ

---

[1]) Dittenberger, „Sylloge“, II², nº 619.

немъ еще не могли. Характерна клятва, которую они нѣкогда давали въ Аѳинахъ при внесеніи въ списокъ гражданъ: „Я не посрамлю священнаго оружія, не оставлю соратника въ бою, буду защищать все священное и несвященное, одинъ и вмѣстѣ съ другими; отечество передамъ (наслѣдникамъ) не меньшимъ, а болѣе сильнымъ и славнымъ, чѣмъ какое унаслѣдовалъ самъ; буду слушаться властей и буду повиноваться законамъ установленнымъ и тѣмъ, какіе народъ установитъ единомысленно; не буду допускать, если кто-либо будетъ ихъ отмѣнять или имъ не повиноваться, но буду защищать ихъ одинъ и со всѣми; буду чтить отечественныя святыни". Въ Милетѣ, при выпускѣ изъ гимназіи, отъ эфебовъ требовалась присяга въ вѣрности народнымъ постановленіямъ. Иногда присягали въ вѣрности союзу съ тѣмъ или другимъ городомъ. Особая клятва была въ Кибирѣ: эфебы клялись охранять существующіе школьные порядки, какъ они установлены учрежденіемъ гимназіархіи Вераніемъ Филаргомъ, т.-е. сохранять доходы этой должности за даннымъ заведеніемъ.

Бывшіе эфебы составляли между собою союзы, товарищества. Воспитанники гимназій занимали въ обществѣ привилегированное положеніе. Въ одномъ прошеніи, найденномъ въ Египтѣ, отецъ, ходатайствуя о пріемѣ его сына въ число эфебовъ, просьбу свою подкрѣпляетъ ссылкой на то, что и самъ онъ, отецъ, „изъ гимназіи" и былъ въ свое время тоже эфебомъ. Эти „изъ гимназіи" въ Египтѣ временъ Птолемеевъ составляли привилегированный классъ населенія, своего рода умственную аристократію. Вмѣсто свидѣтельства или удостовѣренія объ окончаніи курса служила тогда клятва, что такой-то образованіе получилъ тамъ-то, въ такомъ-то отдѣленіи эфебовъ. Въ каждомъ городѣ и деревнѣ велся оффиціальный списокъ лицъ „съ гимназическимъ образованіемъ", и только такія лица могли быть кандидатами на высшія общественныя должности, въ томъ числѣ и на такую почетную и важную, какъ постъ гимназіарха.

И что замѣчательно,—въ эту эпоху, уже подъ властью эллинистическихъ владѣтелей и римскихъ цезарей, при утратѣ политической свободы и независимости, греки проявляютъ по прежнему духъ общественности, самоуправленія, и этотъ духъ находитъ яркое выраженіе въ организаціи школьнаго дѣла у нихъ.

В. Бузескулъ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ

Въ ночь на 22-е декабря 1910-го года г. Вѣрный былъ почти совершенно разрушенъ страшнымъ землетрясеніемъ. Уже въ 3 часа ночи на телеграфной станціи аппараты стали вдругъ произвольно работать, но этому явленію не придали никакого значенія—а черезъ два часа жители Вѣрнаго въ паническомъ ужасѣ бѣжали изъ рушившихся домовъ на улицу, въ одномъ бѣльѣ, при 12° мороза.

„Вѣрный — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ — походилъ на адъ. Земля гудѣла. Изъ огромныхъ трещинъ шли безпрерывные громы, раскатъ которыхъ оглушалъ и наводилъ ужасъ. Горы надъ Вѣрнымъ трещали, и отъ нихъ доносился подавляющій гулъ. Деревья качались, люди теряли равновѣсіе, падали и, поднимаясь, бѣжали, куда попало. Рушились дома, издавая какой-то особенный звукъ отъ оползанія кирпичей, похожій на шуршаніе горы листьевъ. Звонили безпорядочно и дико колокола. Животныя пришли въ безумное неистовство, увеличивая панику людей. Дѣти плакали, женщины истерически рыдали. Землетрясеніе длилось пять минутъ, но еще долго людямъ не вѣрилось въ успокоеніе земли. И только по мѣрѣ того, какъ свѣтало, постепенно возвращалось спокойствіе. Масса зданій превращена буквально въ мусоръ. Многіе дома *помяты*, какъ могутъ быть помяты только картонныя коробки. Другія зданія покосились и покривились... Разрушены, главнымъ образомъ, каменные, кирпичные и глинобитные дома. Деревянные только помяты, и въ нихъ размѣщены пострадавшіе. Почва потрескалась, и нѣкоторыя трещины достигаютъ ширины въ $1\frac{1}{2}$—2 аршина. Однѣ изъ нихъ идутъ почти прямыми линіями поперекъ улицы, одна за другой, какъ рядъ каналовъ,

другія имѣютъ подковообразный видъ... Мѣстами образовались обрывы, высотою болѣе сажени. Участки земли съ лѣсомъ передвинулись на нѣсколько саженъ".

Это первое землетрясеніе достигало силы 10 „балловъ" [1]), но оно повторилось 27-го декабря и 1-го января, при чемъ длилось одну минуту и имѣло силу въ 5—8 балловъ.

Кромѣ г. Вѣрнаго, въ Туркестанѣ наиболѣе пострадали Пишпекъ и Пржевальскъ, а въ Семипалатинской области—Каркалинскъ, Джаркентъ и нѣкоторыя другія мѣста.

Землетрясеніе распространялось отъ озера Иссыкъ-Куль, находящагося къ югу отъ города, вдоль отроговъ Тянь-Шаня къ Вѣрному. Это — полоса наибольшаго разрушенія: по берегамъ озера образовались трещины до 2 саженей шириной, а телеграфная линія и дорога, идущая вдоль озера, отошли на 300 саженей въ сторону.

Число пострадавшихъ сравнительно невелико, если принять во вниманіе силу землетрясенія: убитыхъ около 400 человѣкъ, пострадало 10.000 осѣдлыхъ семействъ и до 15.000 киргизскихъ кибитокъ.

Это уже не первое землетрясеніе въ Вѣрномъ: 23 года тому назадъ онъ пережилъ подобную же катастрофу. 28-го мая 1887-го года городъ былъ также почти совершенно разрушенъ, сохранилось лишь нѣсколько невысокихъ деревянныхъ домовъ. Окружающія городъ Вѣрный селенія также были разрушены; много людей погибло не только въ домахъ, но даже на поляхъ. Такъ же, какъ и теперь, во многихъ мѣстахъ, напримѣръ по дорогѣ изъ Вѣрнаго въ станицу Каскаленъ, образовались широкіе провалы и изъ нихъ били фонтаны воды.

Землетрясенія, разрушившія г. Вѣрный, являются довольно типичными для большихъ землетрясеній, происходящихъ внутри материковъ. Картина осложняется, когда въ эту грозную игру стихійныхъ силъ вмѣшиваются еще и морскія волны. Яркимъ примѣромъ такого землетрясенія является знаменитое мессинское, происшедшее 28-го декабря 1908 г.

Это землетрясеніе, опустошившее часть Сициліи и Калабріи, занимаетъ печальное первое мѣсто по числу погибшихъ людей: ихъ насчитывается до 250 тысячъ. Двѣсти тысячъ погибли во время землетрясенія, главнымъ образомъ подъ обломками рушившихся зданій или въ морскихъ волнахъ, внезапно затопившихъ берега. 50 тысячъ погибло уже послѣ катаклизма, отъ пожаровъ, непогоды, болѣзней.

---
[1]) См. ниже.

Города Мессина (въ Сициліи, 130 тыс. жителей) и Реджіо (въ Калабріи, 45 тыс. жителей), расположенные на противоположныхъ берегахъ Мессинскаго пролива, были разрушены этимъ землетрясеніемъ до основанія. Опустошеніе распространилось болѣе чѣмъ на 50 километровъ вокругъ этихъ городовъ.

Вотъ какую картину представляла эта катастрофа въ Мессинѣ.

Въ 5 часовъ 20 минутъ утра внезапно произошло страшное моретрясеніе въ Мессинскомъ проливѣ; море мгновенно вздулось и громадными волнами, высотой въ три и болѣе метровъ, обрушилось на портъ, разрушая мосты и разбрасывая во всѣ стороны и разбивая стоявшіе тамъ корабли. Набережная порта и бассейнъ, въ которомъ чинятся суда, были разрушены въ одно мгновеніе—и черезъ нѣсколько минутъ волнующаяся поверхность пролива покрылась уже обломками набережной, кораблей, домовъ и различныхъ товаровъ. Одновременно съ этимъ въ Мессинѣ, Реджіо и ихъ окрестностяхъ стала дрожать почва. Сначала это было мало ощутимое колебаніе, усиливавшееся въ теченіе 10 секундъ, затѣмъ столько же времени уменьшавшееся и, наконецъ, прекратившееся совсѣмъ. Послѣ двухминутнаго перерыва разомъ наступилъ „конецъ міра": ужасные толчки, страшный трескъ отъ обваловъ, отчаянные крики и глубокая тьма.

Мессина мгновенно потонула въ густыхъ облакахъ пыли отъ обвалившихся домовъ.

Почти въ то же мгновеніе на городъ обрушилась громадная морская волна и залила всю нижнюю часть его. Отхлынувъ затѣмъ, море оставило за собой глубокій слой вязкаго ила, который страшно мѣшалъ бѣгству и спасенію обезумѣвшихъ жителей.

Первые лучи солнца освѣтили потрясающую картину разрушенія.

Дивная мессинская набережная разрушена; нѣкоторые фасады домовъ уцѣлѣли, но внутри все разломано, и стѣны зіяютъ громадными черными сквозными отверстіями; одни изъ этихъ фасадовъ опустились подъ уровень моря, другіе, наоборотъ, высоко, иногда на 20 метровъ, поднялись надъ нимъ. На площади, гдѣ еще такъ недавно возвышался вокзалъ желѣзной дороги—гора каменныхъ и желѣзныхъ обломковъ, разломанные въ щепы вагоны, скрученные и разорванные рельсы. Отъ бывшихъ улицъ остались только кое-гдѣ тропинки, окруженныя цѣлыми пирамидами кусковъ камня, пылающихъ балокъ, стропилъ, мебели. Но и эти тропинки прерываются высокими баррикадами обломковъ,

Почва какъ бы изрыта какими-то циклопами: громадныя вздутія смѣняются внезапными пониженіями и обвалами. Посреди этихъ развалинъ какъ гигантскіе скелеты возвышаются голыя стѣны ратуши, „Грандъ-отеля Тринаціа" и нѣкоторыхъ другихъ большихъ зданій. Все остальное—горящія руины.

Мессинскій проливъ чуть не на половину загроможденъ трупами людей, животныхъ и самыми разнообразными обломками. Опусканія, вспучиванія, обвалы и оползни сильно, почти до неузнаваемости измѣнили береговыя очертанія пролива. Большой маякъ и множество мелкихъ погребены въ морскихъ водахъ.

На сицилійскомъ (мессинскомъ) берегу землетрясеніе распространилось въ юго-западномъ направленіи; опустошивъ болѣе или менѣе сильно береговую полосу между Мессиной и Катаніей, оно было остановлено массивомъ Этны.

Въ Калабріи (Реджіо), гдѣ Апеннинскій полуостровъ оканчивается узкимъ языкомъ плоской земли, не было такого мощнаго препятствія, какъ Этна, и землетрясеніе опустошило эту страну на всемъ ея протяженіи: колебанія почвы, постепенно слабѣя, докатились до массива Зите въ провинціи Козенца.

Землетрясеніе произвело въ Реджіо не меньшія опустошенія, чѣмъ въ Мессинѣ. Оно такъ же, какъ и тамъ, началось подводнымъ толчкомъ и громадной волной, затопившей городъ до высоты проспекта Гарибальди. Многіе дома были опрокинуты и смыты этой волной.

Путешественники, ждавшіе на вокзалѣ Реджіо отхода поѣзда, погибли подъ обломками. Нѣсколько вокзаловъ ближайшихъ къ Реджіо станцій были также разрушены, и желѣзнодорожный путь совершенно размытъ на протяженіи 18 километровъ.

Землетрясеніями въ геологіи называютъ всѣ сотрясенія земной коры, вызываемыя силами, образующимися въ нѣдрахъ земли. Сильныя землетрясенія принадлежатъ къ числу наиболѣе грозныхъ явленій природы. Но гораздо чаще происходятъ весьма слабыя землетрясенія, состоящія изъ ряда такихъ сотрясеній, которыя не ощущаются человѣкомъ, а обнаруживаются только особыми приборами. Такія сотрясенія носятъ названіе *микросейсмическихъ*, такъ какъ землетрясенія вообще получили въ наукѣ названіе *сейсмическихъ явленій* [1]).

[1]) Сейсмическія явленія изучаетъ наука *сейсмологія* (отъ греческихъ словъ: *сейсмосъ*—ударъ и *логосъ*—рѣчь); въ область ея изученія входятъ не только сильныя

Если принять въ разсчетъ и слабыя землетрясенія, то безспорно нужно считать ихъ явленіемъ весьма частымъ. По даннымъ Н. Шмидта, въ греческой провинціи Фокидѣ съ 1870-го до 1873-го года произошло 300—320 разрушительныхъ землетрясеній и нѣсколько тысячъ болѣе слабыхъ. Въ 1870-мъ году въ Италіи подземными толчками было разрушено около 2.225 зданій, убито и ранено нѣсколько сотъ человѣкъ, не смотря на то, что въ томъ году тамъ не было ни одного сильнаго землетрясенія.

Для большихъ землетрясеній особенно характерны внезапность появленія, короткая продолжительность ударовъ и ужасныя разрушенія, производимыя ими и вызывающія тысячи человѣческихъ жертвъ. Но нужно замѣтить, что внезапность сильныхъ землетрясеній — лишь кажущаяся; обыкновенно имъ предшествуютъ неощущаемыя нами, но отмѣчаемыя точными приборами такъ называемыя „микросейсмическія бури". Вообще обыкновенно всякое землетрясеніе начинается слабыми ударами и только черезъ нѣкоторое время они смѣняются все болѣе сильными — разрушительными; за этими въ свою очередь слѣдуютъ болѣе слабые, и землетрясеніе замираетъ.

Отдѣльные удары землетрясеній длятся недолго—обыкновенно всего нѣсколько секундъ, но число ударовъ весьма значительно. Такъ, въ Фокидѣ (въ Греціи), во время землетрясенія 1870 г., было въ теченіе трехъ дней зарегистровано 86.000 ударовъ; вѣрненское землетрясеніе, начавшееся въ 1887 г. и продолжавшееся три года, состояло изъ 600 ударовъ; въ Новой Зеландіи въ 1848 г. иногда насчитывали по 1.000 ударовъ въ день.

Число человѣческихъ жертвъ, погибающихъ во время сильныхъ землетрясеній, громадно. Такъ, во время землетрясенія въ Каракасѣ, 26-го марта 1812 г., въ теченіе нѣсколькихъ минутъ погибло больше 20.000 человѣкъ. Землетрясеніе въ 526-мъ году въ Сиріи и Малой Азіи унесло болѣе 100.000 человѣческихъ жертвъ. Знаменитое лиссабонское землетрясеніе въ 1755 г. уничтожило около 60.000 человѣкъ.

Характернымъ явленіемъ для землетрясенія является почти мгновенность производимаго имъ разрушенія. Однако роковой толчокъ далеко не всегда одинокъ. Во время послѣдняго мессинскаго землетрясенія (28-го декабря 1908 г.) толчки самаго различнаго напряженія въ теченіе многихъ мѣсяцевъ слѣдовали другъ за другомъ съ очень неправильными перерывами. Многіе изъ этихъ толчковъ были почти такъ же сильны, какъ и первый,

землетрясенія, но и слабыя, неощутимыя непосредственно человѣкомъ, колебанія почвы.

разрушившій Мессину, и если они нанесли мало вреда, то просто потому, что имъ не надъ чѣмъ было уже проявлять свои разрушительныя силы: все было уже разрушено ранѣе.

Иногда достаточно одного или нѣсколькихъ подземныхъ толчковъ для того, чтобы причинить самыя ужасныя опустошенія; часто все землетрясеніе продолжается не долѣе нѣсколькихъ минутъ и даже секундъ. Каракасъ былъ разрушенъ до основанія въ теченіе 30 секундъ, а Лиссабонъ — въ теченіе 5 минутъ. Казамиччіола на Искіи была разрушена до основанія въ 1883 г. однимъ подземнымъ толчкомъ, направленнымъ снизу вверхъ.

Но часто землетрясеніе продолжается гораздо дольше. Иногда многочисленные подземные толчки слѣдуютъ одинъ за другимъ въ теченіе продолжительнаго времени. Сотрясенія земли, разрушившія въ 1870 г. Рокасъ, продолжались три года подъ рядъ. По вычисленіямъ Юлія Шмидта, на три первые дня приходилось 86.000 колебаній, а на пять послѣднихъ мѣсяцевъ 1870 г. — около 500.000 сотрясеній и звуковыхъ явленій, „включая сюда самыя слабыя колебанія и звуковыя явленія, которыя могли быть различаемы только ночью“.

Звуковыя явленія, сопровождающія землетрясенія, описываются весьма различно. То это короткій сухой трескъ, то тяжелые продолжительные раскаты грома, переходящіе въ ужасающій ревъ, то дребезжаніе и звонъ. Временами эти подземные звуки заглушаются стукомъ, трескомъ и дребезжаніемъ, раздающимся въ зданіяхъ.

Для науки многочисленныя слабыя землетрясенія имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ грандіозныя, разрушительныя, но, къ счастью для человѣчества, рѣдкія катастрофы, потому что только первыя дѣлаютъ возможными спокойныя наблюденія. Чѣмъ больше будетъ точныхъ наблюденій въ этой области, тѣмъ скорѣе мы подвинемся къ разрѣшенію вопроса о причинахъ землетрясеній.

При землетрясеніяхъ происходятъ два рода колебаній: *горизонтальныя*—волнообразныя и *вертикальныя* — толчкообразныя; послѣднія—наиболѣе разрушительныя.

Вотъ нѣсколько примѣровъ толчкообразныхъ сотрясеній.

Въ 1873-мъ году въ Калабріи, по словамъ Гейма, вершины горъ начали качаться вверхъ и внизъ, многіе дома вмѣстѣ со своими фундаментами были подброшены кверху, и камни мостовой взлетали на воздухъ, подобно пушечнымъ ядрамъ. Въ Ріобамба (Эквадоръ, Южная Америка) въ 1797 г. мертвецы были выбро-

шены изъ могилъ, люди сотнями подбрасывались на воздухъ и замертво падали на высокій холмъ, находившійся на другомъ берегу рѣки. Во время чилійскаго землетрясенія 7-го ноября 1837 г. столбъ, врытый въ землю на 12 метровъ и, кромѣ того, крѣпко прикрѣпленный къ почвѣ желѣзными полосами, былъ вырванъ вертикальнымъ ударомъ такъ ровно, что сохранилась совершенно правильная форма отверстія.

Но и волнообразное землетрясеніе часто не уступаетъ въ своей силѣ толчкообразнымъ сотрясеніямъ почвы. Въ 1783 г. деревья въ Калабріи раскачивались съ такой силой, что вѣтви ихъ, ударяясь о землю, обламывались. Тамъ, гдѣ деревья тянулись длинными аллеями, можно было издали видѣть волнообразное распространеніе движенія. Въ 1811 г. въ Миссури лѣса колебались, какъ нива подъ порывомъ вѣтра.

Одинъ изъ свидѣтелей землетрясенія въ Чарлстонѣ въ 1886 г., Макъ-Леа, услыхавъ предостерегающій гулъ, бросился на середину улицы и здѣсь ощутилъ сначала дрожаніе почвы, а затѣмъ движеніе ея взадъ и впередъ. Онъ ясно различилъ четыре или пять волнъ, достигавшихъ, по его мнѣнію, одного фута высоты. Волны эти имѣли ширину улицы между тротуарами и шли съ большой скоростью. „Если бы улица эта—говоритъ Макъ-Леа—находилась подъ водой, а я въ лодкѣ, то я не могъ бы почувствовать болѣе опредѣленно это движеніе, передавшееся моему тѣлу, и не могъ бы видѣть яснѣе этихъ волнъ“. Вообще испытавшіе большія землетрясенія часто разсказываютъ, что ихъ тошнило, какъ будто у нихъ была морская болѣзнь.

Чаще всего землетрясенія состоятъ и изъ вертикальныхъ толчковъ, и изъ горизонтальныхъ волнообразныхъ движеній.

Нужно отмѣтить, впрочемъ, что новѣйшія изслѣдованія надъ волнами и разрушеніями, производимыми взрывчатыми веществами, указываютъ на гораздо большую сложность происходящихъ при этомъ движеній твердыхъ частицъ: онѣ колеблются по многочисленнѣйшимъ направленіямъ, пока не придутъ въ состояніе покоя. Но въ этихъ колебательныхъ движеніяхъ установлено направленіе *максимума удлиненія* (élongation maximum), которое, какъ показалъ Ф. Монтессю-де-Балоръ, характерно также и для колебательныхъ движеній, происходящихъ при землетрясеніяхъ. По этому направленію „максимума удлиненія“ не происходитъ во время землетрясенія разрушительныхъ явленій — фасады домовъ, расположенные на этой линіи, остаются въ цѣлости, тогда какъ кругомъ все разрушено.

Центральный пунктъ, наиболѣе затронутый, наиболѣе потерпѣвшій отъ даннаго землетрясенія, называется *эпицентромъ*. Волны землетрясенія распространяются отъ него во всѣ стороны со скоростью обратно пропорціональною квадрату разстоянія, и, наконецъ, совершенно замираютъ. Понятно, поэтому, что чѣмъ далѣе отстоитъ отъ эпицентра какая-нибудь зона, тѣмъ слабѣе проявляется въ ней разрушительная сила землетрясенія.

То или иное расположеніе эпицентра на поверхности обусловливается тѣмъ или инымъ расположеніемъ *центра* или, иначе, *гнѣзда* землетрясенія внутри земной коры, откуда исходитъ данное землетрясеніе. Гнѣздо землетрясенія залегаетъ въ земной корѣ всего чаще на глубинѣ отъ 10 до 30 километровъ. Очень рѣдко глубина эта достигаетъ 60—70 километровъ (бенгальское землетрясеніе 1880-го года). Иногда, тоже очень рѣдко, гнѣздо залегаетъ всего на 500 метровъ глубины (въ 1883 г., при землетрясеніи въ Казамиччіолѣ на о-вѣ Искіи), иногда даже на 100 метровъ (землетрясеніе въ Раухенъ-Альба въ 1890 г.). Впрочемъ, эти вычисленія и числа подвергались въ послѣднее время сильной критикѣ многихъ сейсмологовъ.

Отъ формы гнѣзда (центра) зависитъ и форма эпицентра. Всего чаще эпицентръ — область наибольшаго разрушенія — имѣетъ форму вытянутаго эллипсиса. Часто эпицентръ перемѣщается въ теченіе одного и того же землетрясенія. Такое перемѣщеніе наблюдалось, напримѣръ, въ Калабріи въ 1783 г., въ долинѣ Миссиссипи въ 1811 г.; въ послѣднемъ случаѣ землетрясеніе поднялось вверхъ по рѣкѣ отъ ея устья вплоть до Канады и разрушило въ теченіе года, одинъ за другимъ, всѣ прибрежные города.

Вокругъ эпицентра можно провести рядъ концентрическихъ полосъ — зонъ, въ которыхъ разрушительная сила ослабѣваетъ, по мѣрѣ удаленія отъ эпицентра; эти зоны ограничиваются кривыми, такъ называемыми *изосейсмическими кривыми*. Всѣ пункты, расположенные на каждой такой кривой, испытываютъ колебанія одной и той же силы. Естественно, что изосейсмическія кривыя далеко не имѣютъ строгой геометрической формы, а представляютъ много неправильностей, скачковъ и перерывовъ, вызванныхъ различіями въ орографическомъ и геологическомъ строеніи различныхъ пунктовъ данной области землетрясенія.

Для систематической оцѣнки силы землетрясеній, необходимой, между прочимъ, и для проведенія изосейсмическихъ линій, установлены скалы, оцѣнивающія различныя степени напряженности колебательнаго движенія. До настоящаго времени ученые

еще не остановились на какой-нибудь одной скалѣ; наибольшимъ употребленіемъ пользуются сейсмическія скалы Росси-Фореля, Меркалли и японца Омори.

Вотъ скала Росси-Фореля, принявшаго для оцѣнки напряженія сейсмической силы десятибалльную систему.

1-мъ балломъ оцѣниваются толчки и колебанія, незамѣтные непосредственному наблюденію и обнаруживаемые лишь чувствительными инструментами (сейсмографами).

2-мя баллами — сотрясенія, записанныя сейсмографами, но ощущавшіяся кое-кѣмъ изъ людей, находившихся въ это время въ состояніи покоя.

3-мя баллами — сотрясенія, ощущаемыя большинствомъ людей, находящихся въ покоѣ.

4-мя баллами — колебанія почвы, ощущаемыя людьми, находящимися въ состояніи движенія и дѣятельности. Дребезжаніе оконныхъ стеколъ.

5-ью баллами — колебанія почвы, ощущаемыя всѣми. Колебаніе мебели; звонъ нѣкоторыхъ колокольчиковъ.

6-ью баллами — пробужденіе всѣхъ спящихъ. Звонъ колокольчиковъ. Остановка часовъ съ маятникомъ. Шелестъ деревьевъ. Испугъ.

7-ью баллами — опрокидываніе большихъ предметовъ. Звонъ большихъ колоколовъ. Ужасъ.

8-ью баллами—образованіе трещинъ въ домахъ, разрушеніе трубъ. Незначительныя опустошенія. Всеобщая паника и бѣгство.

9-ью баллами — разрушеніе отдѣльныхъ частей зданій или цѣлыхъ построекъ.

10-ью баллами — всеобщее разрушеніе. Образованіе въ землѣ трещинъ, обваловъ и т. п.

Какъ видитъ читатель, подобная скала носитъ отчасти субъективный и далеко не математическій характеръ. Поэтому и оцѣнка силы землетрясенія, производимая такой скалой, неточная и относительная. Были сдѣланы попытки дать скалы болѣе точныя и математическія; но мы не можемъ здѣсь останавливаться на этихъ попыткахъ.

Нужно замѣтить, что сила ударовъ землетрясенія на поверхности земли зависитъ не только отъ напряженности этихъ ударовъ въ гнѣздѣ землетрясенія, но и отъ того, подъ какимъ угломъ такой ударъ выходитъ на земную поверхность. Наиболѣе разрушительны вертикальные удары, сосредоточивающіеся, какъ мы знаемъ, въ эпицентрѣ, а также удары, восходящіе подъ угломъ въ 45—55 къ земной поверхности.

Размѣры области, охватываемой землетрясеніемъ, колеблются въ большихъ предѣлахъ. Нѣкоторыя землетрясенія ограничиваются лишь незначительнымъ райономъ, другія распространяются на цѣлыя страны. Такъ, рейнское землетрясеніе 1846 г. ощущалось на протяженіи 2.200 квадр. миль; чилійское землетрясеніе 1822-го года захватило площадь въ 400.000 квадр. миль; лиссабонское землетрясеніе отразилось на пространствѣ 700.000 кв. миль (почти $^1/_{13}$ земной поверхности), изъ которыхъ 400.000 миль приходилось на море и 300.000 на сушу. Область чарлстоунскаго землетрясенія 1886 г. была опредѣлена въ 2,3 милліона кв. километровъ.

Скорость распространенія землетрясенія находится въ зависимости отъ геологическаго строенія слоевъ и относительнаго расположенія ихъ. Наибольшая скорость распространенія землетрясенія, повидимому, равняется 900 метрамъ въ секунду, наименьшая—200 метрамъ, средняя—350—500 метрамъ.

Опредѣленія этой скорости были произведены при помощи какъ непосредственнаго наблюденія надъ скоростью распространенія сейсмическихъ волнъ, такъ и прямыхъ опытовъ надъ скоростью распространенія сотрясеній въ различныхъ горныхъ породахъ. Опыты подобнаго рода показали Маллету, что сотрясенія распространяются въ различныхъ породахъ съ различной скоростью. Такъ, въ гранитѣ она равнялась 500-мъ метрамъ въ секунду, въ вывѣтрѣломъ, разрушенномъ гранитѣ—400-мъ метрамъ, а въ пескѣ—всего 250-ти метрамъ.

Наблюденія надъ разрушительными сейсмическими волнами въ общемъ дали близкія къ этимъ цифры: для большей части итальянскихъ землетрясеній эта скорость опредѣлена въ 300 метровъ въ секунду, для вѣрненскаго землетрясенія 1872-го года въ рыхлыхъ породахъ — 300 метровъ, въ твердыхъ — 800 метровъ; скорость распространенія одного изъ индійскихъ землетрясеній превосходила 1.000 метровъ. Но на скорость распространенія разрушительныхъ сейсмическихъ волнъ имѣетъ вліяніе не только петрографическій характеръ горной породы, въ которой распространяется землетрясеніе, но и присутствіе или отсутствіе въ ней трещинъ. Трещины уменьшаютъ скорость распространенія сейсмической волны, а встрѣченныя волной пещеры могутъ даже совершенно задушить ее и остановить землетрясеніе. Поэтому въ странахъ, особенно подверженныхъ землетрясеніямъ, часто строятъ дома въ мѣстахъ, гдѣ въ глубинѣ имѣются пещеры, часто ихъ расширяютъ, а иногда даже выкапываютъ искусственныя пещеры или обводятъ дома глубокими канавами.

Оказываетъ вліяніе на скорость сейсмической волны также и характеръ залеганія горной породы: напримѣръ, вдоль пластовъ землетрясеніе распространяется быстрѣе, чѣмъ поперекъ ихъ.

Всѣ эти измѣренія и числа относятся къ макросейсмическимъ колебаніямъ, происходящимъ относительно недалеко отъ эпицентра, ощущаемымъ нами непосредственно и производящимъ тѣ или иныя разрушенія. Но наблюденія надъ продолжительностью, числомъ, напряженностью, направленіемъ ударовъ землетрясенія, равно какъ и точныя отмѣтки времени ихъ появленія, получили научную точность лишь тогда, когда были изобрѣтены особые точные приборы—такъ называемые *сейсмографы*, позволившіе изучать микросейсмическія колебанія, не ощутимыя человѣкомъ. Такъ напримѣръ, сейсмографъ, установленный въ Пулковской обсерваторіи, точно опредѣлилъ разстояніе отъ Пулкова эпицентра послѣдняго вѣрненскаго землетрясенія — въ 3.700 километровъ и показалъ этимъ, что г. Вѣрный находился, повидимому, въ самомъ эпицентрѣ. Также точно было отмѣчено и время тѣхъ подземныхъ ударовъ, которые разрушили этотъ городъ.

Мы не можемъ вдаваться въ описаніе сейсмографовъ и остановимся лишь на основныхъ принципахъ, на которыхъ построены новѣйшіе и наиболѣе употребительные изъ нихъ. Большая часть современныхъ сейсмографовъ—вертикальные или горизонтальные маятники. Вертикальные маятники-сейсмографы состоятъ изъ тяжести въ нѣсколько сотъ килограммовъ, подвѣшенной на мѣдной проволокѣ отъ 15 до 20 метровъ. Въ силу своей инерціи эти маятники не отражаютъ тѣхъ колебаній почвы, которыя испытываетъ ихъ подставка. Поэтому легко зарегистровать эти послѣднія колебанія на обычномъ регистрирующемъ приборѣ, состоящемъ изъ цилиндра съ навернутой на него бумагой; развертываніе этой бумаги происходитъ съ опредѣленной скоростью, регулирующейся часовымъ аппаратомъ.

За послѣдніе годы начинаютъ все болѣе входить въ употребленіе для сейсмографическихъ наблюденій *горизонтальные маятники*. Они бываютъ двухъ видовъ—легкіе и тяжелые. *Легкій горизонтальный маятникъ* состоитъ изъ трехугольной металлической рамы, прикрѣпленной верхней своей частью къ массивной колоннѣ. *Тяжелый горизонтальный маятникъ* состоитъ изъ тяжелаго груза, прикрѣпленнаго къ горизонтальному стержню, упирающемуся противоположнымъ концомъ въ колонну, съ вершиной которой онъ соединенъ косо натянутой нитью. Такіе сейсмографы проводятъ, при посредствѣ особаго стерженька (перо сейсмографа), на развертывающейся лентѣ бумаги линіи,

соотвѣтствующія колебаніямъ почвы; совокупность такихъ линій называется *сейсмограммой*.

Эти чувствительные приборы регистрируютъ всѣ сотрясенія почвы. Ни одно землетрясеніе не проходитъ неотмѣченнымъ; какъ бы далеко ни отстояло оно отъ мѣста, въ которомъ находится такой сейсмографъ, все же отъ послѣдняго не ускользаютъ дошедшія до даннаго мѣста, порожденныя этимъ землетрясеніемъ, но уже неощутимыя нами *микросейсмическія колебанія*.

Изученіе *микросейсмограммъ* позволило установить нѣкоторые законы, которымъ подчинено распространеніе микросейсмическихъ волнъ, т.-е. тѣхъ, которыя еще сохраняются отъ землетрясенія на громаднѣйшихъ разстояніяхъ отъ его эпицентра.

Эти данныя вносятъ совершенно новый свѣтъ въ сейсмическія явленія; они не уничтожаютъ выводовъ, полученныхъ при помощи болѣе старыхъ методовъ—выводовъ, съ которыми мы уже познакомили читателя,—но приводятъ къ еще болѣе широкимъ обобщеніямъ.

Въ нормальной микросейсмограммѣ обычно различаютъ три фазы: начальную, главную и конечную; каждая изъ нихъ, въ свою очередь, дѣлится на большое число фазъ второго порядка.

Первая и вторая фазы соотвѣтствуютъ тѣмъ колебаніямъ, которыя достигли мѣста, гдѣ находится сейсмографъ, распространяясь отъ мѣста землетрясенія у антиподовъ, по кратчайшему разстоянію, т.-е. въ данномъ случаѣ по діаметру земного шара. Они, слѣдовательно, пересѣкли не только земную кору, но и ядро земли; при этомъ волны первой фазы бываютъ поперечными, а волны второй—продольными.

Первая *начальная фаза* отражаетъ колебанія, прошедшія въ сейсмографъ черезъ 20—22 минуты послѣ того, какъ произошелъ у антиподовъ главный ударъ землетрясенія. Это — вертикальныя колебанія слабой амплитуды и короткаго періода колебанія.

Вторая, *главная фаза* показываетъ намъ горизонтальныя волны большей амплитуды и болѣе продолжительнаго періода колебанія; онѣ достигаютъ сейсмографа приблизительно черезъ 13 минутъ послѣ колебаній первой фазы; скорость распространенія, слѣдовательно, вдвое меньшая, чѣмъ колебаній первой фазы. Это и позволило сравнить волны первыхъ двухъ фазъ нашей микросейсмограммы съ волнами, происходящими отъ колебанія твердаго упругаго тѣла и распространяющимися въ средѣ болѣе твердой, чѣмъ сталь. Въ этихъ условіяхъ, какъ показали старые опыты *Вертгейма* (1851 г.), рождаются два рода волнъ — вертикальныя и

горизонтальныя, при чемъ первыя идутъ вдвое быстрѣе, чѣмъ вторыя. Скорость распространенія этихъ волнъ (начальной и главной фазы нашей сейсмограммы) измѣняется съ разстояніемъ [1]), а именно, если гнѣздо землетрясенія лежитъ не у антиподовъ, (какъ въ нашемъ случаѣ), а ближе, то скорость распространенія становится меньше; съ увеличеніемъ разстоянія (сейсмографа отъ гнѣзда), растетъ и скорость. Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ распространенію волнъ въ средѣ болѣе упругой, чѣмъ сталь, каковой средой въ данномъ случаѣ и является земное ядро.

Колебанія, соотвѣтствующія третьей, *конечной фазѣ* нашей сейсмограммы, оказываются большими волнами длиннаго періода. Скорость распространенія ихъ постоянна, не зависитъ отъ разстоянія и меньше, чѣмъ скорость волнъ первой и второй фазъ, а именно равняется $3-3^1/_2$ километрамъ. Эта скорость вполнѣ соотвѣтствуетъ скорости распространенія колебаній въ породахъ земной коры; поэтому предполагаютъ, что волны третьей, конечной фазы распространяются отъ очага землетрясенія по земной корѣ; имъ и даютъ названіе *поверхностныхъ* волнъ.

На основаніи данныхъ, полученныхъ изъ изученія подобныхъ сейсмограммъ, можно было съ большей точностью, чѣмъ при прежнихъ методахъ, опредѣлить положеніе эпицентровъ многихъ землетрясеній. При этомъ пришли къ очень интересному выводу, а именно, что эпицентръ весьма большого числа землетрясеній находится въ моряхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ.

Итакъ, отъ эпицентра распространяются сначала *макросейсмическія* волны, которыя и производятъ разрушеніе; только эти волны и ихъ дѣйствіе и подлежали до самаго послѣдняго времени изученію и описанію. На разстояніи обыкновенно нѣсколькихъ сотъ километровъ отъ эпицентра колебанія становятся уже неощутимыми для человѣка: мы вступаемъ въ зону *микросейсмическихъ* волнъ, которыя могутъ распространяться на нѣсколько тысячъ километровъ и даже доходить до антиподовъ (по отношенію къ эпицентру). Эти сейсмическія волны идутъ, какъ мы уже видѣли выше, двумя путями: черезъ внутреннія части земного шара и по поверхности земли. Скорость первыхъ возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ мѣста землетрясенія и можетъ достигать до 56—88 километровъ въ секунду, тогда какъ вторыя—*поверхностныя* волны—распространяются всегда съ одинаковой

---

[1]) Для колебаній первой фазы эта скорость, въ зависимости отъ разстоянія отъ эпицентра (отъ 1.000 до 18.000 килом.), колеблется отъ 10 до 88 кил. въ секунду, для колебанія второй, главной фазы—отъ 6 до 56 килом.

скоростью, по новѣйшимъ наблюденіямъ Зиберга равной 3,8 километра въ секунду.

Такимъ образомъ, изученіе, при помощи сейсмографовъ, микросейсмическихъ явленій не только показало намъ всю обширность района, охватываемаго ими, но и углубило наши представленія о самомъ процессѣ землетрясенія.

Въ моряхъ и озерахъ землетрясеніе сказывается сильнымъ волненіемъ и колебаніемъ поверхности воды. Море отходитъ отъ береговъ для того, чтобы въ слѣдующій моментъ нахлынуть на нихъ гигантской волной. Во время землетрясенія въ Лиссабонѣ волна поднялась на 16 футовъ выше наивысшей точки прилива, по показаніямъ нѣкоторыхъ—даже до 40 футовъ, залила берегъ на 15 километровъ въ глубину материка и поглотила тысячи жертвъ. Во время землетрясенія въ Лимѣ въ 1729-мъ году волны, обрушившись на гавань Каллао, разрушили ее до основанія и потопили почти всѣхъ жителей. Суда, стоявшія на якорѣ, почти всѣ затонули, нѣкоторыя были подброшены на воздухъ и, пролетѣвъ надъ городомъ, упали на сушу на разстояніи часа ходьбы отъ берега. Во время нѣкоторыхъ землетрясеній наблюдалось нѣсколько такихъ приливно-отливныхъ волнъ.

Сотрясенія морской поверхности, называемыя *моретрясеніями*, часто остаются неизвѣстными, если происходятъ въ открытомъ морѣ и не доходятъ до береговъ.

Между тѣмъ какъ сила сотрясенія на сушѣ уменьшается съ удаленіемъ отъ эпицентра, въ морѣ—наоборотъ—она увеличивается. Поэтому при слабомъ ударѣ, но въ глубокомъ морѣ, образуется бо́льшая волна, чѣмъ при сильномъ ударѣ, но въ мелкомъ морѣ. А такъ какъ центръ моретрясеній чаще всего лежитъ въ прибрежной полосѣ на днѣ мелководнаго моря (80% всѣхъ японскихъ землетрясеній), то моретрясенія обыкновенно начинаются небольшими береговыми волнами, которыя, по мѣрѣ удаленія отъ центра, становятся все длиннѣе, шире и массивнѣе.

Яркую картину моретрясенія даетъ намъ корабельный журналъ русскаго фрегата „Діана", потерпѣвшаго 11 (23) декабря 1854 г. аварію въ японскихъ водахъ недалеко отъ города Симода.

„Первый ударъ мы почувствовали въ 9¼ ч.; на палубѣ и въ каютахъ онъ ощущался очень сильно и длился отъ 2-хъ до 3-хъ минутъ; ничто ему не предшествовало и ничто не возвѣщало о его приближеніи. Въ 10 часовъ большая волна устре-

милась въ бухту, гдѣ стоялъ на якорѣ фрегатъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ весь городъ, со своими домами и храмами, былъ покрытъ водой; многочисленныя суда, стоявшія на якорѣ, гонимыя теченіемъ, наскакивали одно на другое и получали большія поврежденія; тотчасъ же мы увидѣли на волнахъ массу обломковъ. Черезъ пять минутъ вся вода въ бухтѣ поднялась и закипѣла, словно разомъ открылись тысячи ключей; вода была перемѣшана съ грязью, соломой и всякаго рода иными посторонними тѣлами; вода устремилась съ ужасающей силой на городъ и берегъ, и всѣ постройки были уничтожены. Нашъ экипажъ долженъ былъ закрыть всѣ пушечныя амбразуры; море было покрыто бревнами и обломками всякаго рода, плававшими вокругъ насъ. Въ 11¼ ч. фрегатъ потащился на якоряхъ и потерялъ одинъ изъ нихъ; вскорѣ онъ потерялъ второй, и тогда судно стало испытывать вращательное движеніе, и его повлекло по волнамъ со все увеличивающейся силой и быстротой. Городъ представлялъ собой пустыню; приблизительно изъ тысячи домовъ оставались цѣлыми только семнадцать. Густыя облака пара заволокли городъ, и воздухъ былъ наполненъ сѣрнистыми парами. Приливы и отливы воды были настолько стремительны въ этой узкой бухтѣ, что тамъ образовались многочисленные водовороты, посреди которыхъ фрегатъ вертѣлся съ такой силой, что у него на борту все было опрокинуто. Около 10½ часовъ одна джонка, увлеченная однимъ изъ этихъ страшныхъ водоворотовъ, налетѣла на фрегатъ, сдѣлала себѣ пробоину, разбилась и утонула. Спасли только двухъ человѣкъ... Однако фрегатъ держался среди этихъ водоворотовъ; онъ повернулся вокругъ себя сорокъ три раза и понесъ сильныя аваріи отъ подводныхъ камней, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Повторные толчки сорвали съ мѣстъ пушки; одинъ человѣкъ былъ раздавленъ и многіе ранены. Вплоть до полудня не прекращались приливы и отливы воды въ бухтѣ; уровень ея мѣнялся отъ 8 до 40 фут. глубины. Къ двумъ часамъ дно моря снова поднялось и притомъ такъ стремительно, что фрегатъ нѣсколько разъ былъ брошенъ на бокъ, а якорь показывалъ всего лишь четыре фута глубины. Наконецъ, море успокоилось; фрегатъ употребилъ цѣлыхъ четыре часа, чтобы освободиться отъ перепутанной до-нельзя сѣти, образовавшейся изъ его снастей и якорныхъ цѣпей, завернувшихся и спутавшихся другъ съ другомъ. Бухта же представляла собою поле разрушенія" [1]).

[1]) Объ этомъ же событіи разсказываетъ, на основаніи того же рапорта, Гончаровъ, въ своемъ знаменитомъ „Фрегатѣ Паллада" (см. изд. Маркса, т. II, стр. 278

Благодаря изученію подобныхъ моретрясеній можно дать раціональное объясненіе и нѣкоторымъ легендамъ о міровыхъ катастрофахъ, напримѣръ о „потопѣ“.

Сказаніе о немъ сохранилось у многихъ народовъ. Прежде этотъ потопъ нѣкоторые ученые старались объяснить таяніемъ мощныхъ ледниковъ въ концѣ ледниковаго періода, но въ настоящее время Зюссомъ, на основаніи клинообразныхъ надписей, добытыхъ при раскопкахъ въ Нинevіи, дано болѣе вѣроятное объясненіе. Ассирійскія преданія о потопѣ заимствованы у вавилонянъ и записаны ассиріянами между 2000 и 1500 г. до Р. Хр.; среди нихъ особенно интересна эпопея о приключеніяхъ древняго національнаго героя Издубара, гдѣ въ концѣ помѣщается разсказъ о потопѣ, слышанный Издубаромъ отъ безсмертнаго старца Хасисадра, ассирійскаго Ноя. Тамъ говорится о томъ, какъ великій Богъ рѣшился уничтожить потопомъ древній городъ Суррипакъ (въ Вавилоніи), лежавшій при устьѣ Евфрата; какъ Хасисадра, по повелѣнію Эа, бога моря, выстроилъ на сушѣ корабль, снесъ въ него свое имущество и провіантъ, помѣстилъ въ него свою семью и домашнихъ и дикихъ животныхъ; какъ затѣмъ наступила буря, сопровождавшаяся шестидневнымъ мракомъ и ливнемъ и истребившая все живущее на землѣ; какъ по окончаніи бури корабль остановился на горѣ Низиръ и какъ Хасисадра выпускалъ изъ своего корабля голубя, ласточку и ворона, чтобы убѣдиться въ спадѣ воды. Воронъ на корабль не вернулся, что и указало конецъ потопа. И послѣ этого богъ Бенъ и богиня Истара дали клятву, что потопа больше не будетъ, и въ доказательство этого показали дугу Ани, т.-е. радугу.

Катастрофа эта происходила въ низменности Тигра и Евфрата. Потопъ этотъ былъ, вѣроятно, произведенъ морскою волною, возникшею во время сильнаго моретрясенія. Эти волны, какъ мы уже знаемъ, достигаютъ громадной величины и опустошаютъ цѣлыя страны, особенно если онѣ сопровождаются циклонами и происходятъ недалеко отъ устья большихъ рѣкъ. Подобная волна въ 1737 г. подняла воду въ Гангѣ на 40 ф. и погубила до 300 тыс. человѣкъ, а въ 1876 г. такой же волной была за-

---

и слѣд.). Напомнимъ, что вслѣдствіе аварій, понесенныхъ „Діаной“ во время этого моретрясенія, ее пришлось разоружить, а затѣмъ и окончательно бросить на произволъ морскихъ волнъ. 60 пушекъ было свезено на берегъ и поручено охранѣ японцевъ. Впослѣдствіи Николай I-й подарилъ ихъ японскому правительству. Это были, кажется, первыя большія пушки въ странѣ „Восходящаго Солнца“. Подарокъ пошелъ въ прокъ и черезъ 50 лѣтъ японцы отплатили намъ Цусимой.

топлена въ устьѣ Брамапутры площадь въ 141 кв. геогр. милю до высоты 45 ф., при чемъ погибло не менѣе 100 тыс. чел.

Зюссъ, разбирая во всѣхъ деталяхъ легенду о потопѣ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) „Потопъ" имѣлъ мѣсто въ низовьяхъ Евфрата и состоялъ въ обширномъ и опустошительномъ наводненіи Месопотамской низменности.

2) Основной причиной потопа было сильное моретрясеніе въ области Персидскаго залива или южнѣе его.

3) Весьма вѣроятно, что періодъ наисильнѣйшихъ подземныхъ ударовъ сопровождался циклономъ, направлявшимся съ юга.

4) Это наводненіе въ низовьяхъ Тигра и Евфрата въ легендахъ разныхъ народовъ получило болѣе широкое значеніе и было превращено во всемірный потопъ.

Вопросъ о причинахъ землетрясеній относится къ числу наиболѣе трудныхъ задачъ геологіи. Не разъ уже казалось, что ключъ къ объясненію этихъ сложныхъ явленій, наконецъ, найденъ, но съ увеличеніемъ матеріала для наблюденія и съ успѣхами остальныхъ отраслей знанія каждый разъ возникали новыя затрудненія и новыя сомнѣнія, и вопросъ, казавшійся уже рѣшеннымъ, снова ставился на очередь.

Пиѳагоръ (жившій за 500 лѣтъ до Р. Х.) искалъ причину землетрясенія въ центральномъ огнѣ. Аристотель (384—322 г. до Р. Х.) объяснялъ землетрясенія дѣятельностью воздуха и паровъ въ пещерахъ; другіе приписывали ихъ дѣйствію подземныхъ водъ. И въ новѣйшее время не было недостатка въ самыхъ разнообразныхъ гипотезахъ. Александръ Гумбольдтъ, а съ нимъ и большинство его современниковъ, принимали, что каждое землетрясеніе есть не что иное, какъ „реакція жидкаго содержимаго земли на земную кору", т.-е. неудавшееся изверженіе, и, слѣдовательно, явленіе, совершенно тожественное съ настоящимъ вулканическимъ изверженіемъ. Это было то время, когда на вулканы смотрѣли какъ на предохранительные клапаны. Подъ словами: „реакція жидкаго содержимаго внутренности земли" подразумѣвались самыя различныя понятія. Одни понимали подъ этимъ электрическія напряженія, происшедшія вслѣдствіе чрезвычайно высокой температуры, другіе—взрывы газовъ и паровъ.

Французскій ученый Перре и нѣмецкій Рудольфъ Фальбъ находили связь между землетрясеніями и положеніемъ небесныхъ свѣтилъ. Предполагалось, что притяженіе солнца и луны вызы-

ваетъ въ подземномъ огненно-жидкомъ морѣ явленія, тожественныя съ явленіемъ прилива и отлива въ моряхъ; что эти внутреннія волны, ударяясь о тонкую земную кору и проникая въ трещины ея, вызываютъ вулканическія изверженія; въ тѣхъ же случаяхъ, когда изверженій не происходитъ, дѣло ограничивается однимъ лишь землетрясеніемъ.

Эта гипотеза оставлена, такъ какъ ей противорѣчатъ многіе факты. Такъ, во многихъ странахъ, гдѣ землетрясенія весьма часты, никогда не происходитъ изверженій лавы и паровъ. Тысячи и—можно сказать безъ преувеличенія — милліоны подземныхъ колебаній въ Альпахъ были „безуспѣшны" съ этой точки зрѣнія; городъ Лима (въ Южной Америкѣ) былъ одиннадцать разъ разрушенъ землетрясеніями съ 1856-го года, и ни разу за это время тамъ не было вулканическаго изверженія; въ долинѣ Рейна, по вычисленіямъ Креднера, съ начала XIX-го столѣтія до 1845-го года было не менѣе 559 землетрясеній—значитъ, дѣло тоже ограничивалось лишь этими, такъ сказать, „неудачными попытками". „Было бы непонятно,—говоритъ профессоръ Гернесъ,—почему такое вулканическое изверженіе всегда остается въ стадіи попытокъ, а не переходитъ въ настоящее изверженіе, особенно если землетрясенія совершаются черезъ бо̀льшіе или меньшіе промежутки времени въ одномъ и томъ же пунктѣ и повторяются иногда послѣ долгаго затишья съ ужасающей силой".

Съ другой стороны, однако, новѣйшія изслѣдованія, главнымъ образомъ д-ра Гекера (1902—1907 гг.), при помощи горизонтальныхъ маятниковъ изумительной чувствительности, въ точности показали, что подъ вліяніемъ притяженія луны и солнца въ земной корѣ происходятъ періодическія колебанія, аналогичныя морскимъ приливамъ, но чрезвычайно незначительной, микроскопической амплитуды, выражаемой тысячными долями дуговой секунды.

Совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ Фальбъ и вулканисты, держится большинство современныхъ геологовъ. Они различаютъ три рода землетрясеній: 1) землетрясенія вслѣдствіе проваловъ, 2) вулканическія землетрясенія и 3) землетрясенія вслѣдствіе смѣщенія пластовъ, происходящаго при процессѣ горообразованія. Землетрясенія перваго и второго рода являются исключеніями; чаще всего происходятъ землетрясенія третьяго рода, такъ называемыя *тектоническія*.

1. *Землетрясенія вслѣдствіе проваловъ*. Всѣмъ извѣстно, что,

вслѣдствіе способности воды растворять минеральныя вещества и уносить ихъ съ собою, образуются пещеры и подземные ходы и подкапываются цѣлыя горы. Вслѣдствіе такихъ процессовъ верхніе слои, не находя достаточной опоры, обрушиваются и во время провала производятъ замѣтное сотрясеніе почвы. Эти явленія происходятъ довольно часто въ мѣстностяхъ, богатыхъ гипсовыми и соляными залежами, а также въ известковыхъ горахъ. Уже въ древности нѣкоторые ученые приписывали землетрясенія провалу подземныхъ пещеръ; въ новѣйшее время за это воззрѣніе стоялъ, главнымъ образомъ, Фольгеръ. Въ дѣйствительности землетрясенія, обязанныя своимъ происхожденіемъ *только* проваламъ, имѣютъ очень ограниченную область распространенія, но они часто комбинируются съ третьимъ видомъ землетрясеній, которыя могутъ вызывать или ускорять землетрясенія перваго типа.

2. *Вулканическія землетрясенія.* Причиной этихъ землетрясеній служитъ напряженіе лавы и паровъ, поднимающихся по трещинамъ, а также и настоящіе взрывы; исходной точкой ихъ всегда является вулканъ; они наблюдаются въ вулканическихъ странахъ, и область распространенія ихъ также не велика. Ихъ не всегда легко отличить отъ землетрясеній, происходящихъ вслѣдствіе смѣщенія пластовъ; вѣроятно, они часто находятся въ связи съ ними, а именно: вслѣдствіе опусканія значительныхъ участковъ земли образуется трещина и происходитъ землетрясеніе вслѣдствіе смѣщенія пластовъ, вслѣдъ за которымъ легко можетъ возникнуть и вулканическое землетрясеніе. Землетрясенія въ Исландіи, на Гавайскихъ островахъ, на Искіи и въ окрестностяхъ Везувія, вѣроятно, должны быть причислены къ этому разряду землетрясеній.

3. *Землетрясенія тектоническія* происходятъ чаще всего и имѣютъ наибольшее распространеніе. Причину ихъ большинство современныхъ геологовъ видитъ въ охлажденіи и сжиманіи земного шара. Въ силу уменьшенія объема земного ядра, кора, обладающая, какъ предполагаютъ, меньшей способностью къ сжатію, оказывается слишкомъ широкой; она вслѣдствіе этого осѣдаетъ, и такимъ образомъ въ ней возникаютъ напряженія. Нѣкоторыя части земной поверхности, въ силу горизонтальнаго давленія, сдвигаются въ боковыя складки, вслѣдствіе чего получаются большія горныя системы; другія части опускаются въ глубину. Опускающіяся части образуютъ низменности и котлообразныя впадины и обыкновенно заливаются моремъ, такъ какъ вода, конечно, занимаетъ всегда самыя низкія мѣста.

„Въ настоящее время можно считать доказаннымъ,—говоритъ Геймъ,—что бо̀льшая часть землетрясеній зависитъ отъ происходящаго толчками смѣщенія пластовъ земной коры, т.-е. прежде всего отъ образованія горъ, и что конечной ихъ причиной служитъ послѣдовательное осѣданіе земной коры, оказывающейся слишкомъ большою по сравненію со съежившимся ядромъ земли. Это тотъ же процессъ, который раздѣлилъ землю на сушу и море, нагромоздилъ горы на поверхности земли и все еще продолжаетъ работать въ этомъ направленіи“.

Отсюда становится понятнымъ, почему бо̀льшая часть землетрясеній наблюдается въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще въ сравнительно недавнее время происходили процессы горообразованія, именно—въ Альпахъ, Апеннинахъ, Андахъ, а также по окраинамъ опускающихся областей: въ долинѣ Рейна, въ Испаніи, Италіи, Греціи, Малой Азіи, Сиріи, на сѣверномъ берегу Африки, на берегахъ Краснаго моря, Японскаго моря и т. д.

Такъ какъ землетрясенія этого рода находятся въ несомнѣнной связи со строеніемъ горъ—„тектоникой“, то они и получили названіе *тектоническихъ* землетрясеній. Въ мѣстностяхъ съ ненарушеннымъ горизонтальнымъ напластованіемъ и въ горахъ, закончившихъ уже циклъ своего развитія, землетрясенія чрезвычайно рѣдки, напр. въ сѣверо-германской и русской низменностяхъ, въ сѣверной Сибири, въ Аллеганскихъ горахъ Сѣверной Америки.

Ученіе о связи землетрясеній съ тектоническими процессами, еще и понынѣ совершающимися въ земной корѣ, обязано своимъ развитіемъ больше всего знаменитому австрійскому геологу Эдуарду Зюссу.

Зюссъ, еще въ одной изъ первыхъ своихъ работъ о землетрясеніяхъ въ Нижней Австріи, показалъ, что эпицентры большей части этихъ землетрясеній расположены по тремъ линіямъ; по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ являются въ то же время линіями, по которымъ происходили въ восточныхъ Альпахъ наибольшія дислокаціи земной коры.

Этотъ же ученый съ несомнѣнностью установилъ, что эпицентры большей части землетрясеній Калабріи и Сициліи расположены по дугѣ, центромъ которой являются Липарскіе о-ва и вдоль которой земная кора осѣдаетъ, образуя какъ бы чашу. Въ этой же области идутъ лучами по направленію къ Липарскимъ о-вамъ поперечные „сбросы“, вдоль которыхъ тоже расположены эпицентры многихъ землетрясеній.

Такого же рода выводы были установлены Зюссомъ и другими геологами для многихъ странъ.

Землетрясенія, обязанныя своимъ происхожденіемъ вертикальнымъ перемѣщеніямъ участковъ земной коры (сбросамъ), выражаются въ вертикальныхъ ударахъ. И дѣйствительно мы видимъ, что эпицентры землетрясеній часто расположены вдоль сбросовъ, происходившихъ въ прежнія геологическія эпохи.

Въ такъ называемыхъ „Столовыхъ странахъ" — древнихъ массивахъ — землетрясенія рѣдки. Но все же и здѣсь происходятъ иногда сейсмическіе вертикальные толчки. Такъ напримѣръ, вдоль большого сброса по восточному берегу Мадагаскара часто происходятъ относительно слабые сейсмическіе удары. То же нужно сказать про абессинскій сбросъ и его продолженіе въ Красномъ морѣ и въ долинѣ Іордана, совпадающіе съ зоной сейсмическихъ толчковъ Ливана и Абессинскаго плато. Сейсмическія области Исландіи также совпадаютъ съ участками, ограниченными сбросами. Сбросы вдоль древнихъ горныхъ цѣпей также являются иногда линіями, вдоль которыхъ происходятъ вертикальные удары землетрясеній, какъ, напримѣръ, изломы „Каледонійскаго канала" въ Шотландіи.

Но особенно сильно и часто наблюдаются сейсмическіе удары вдоль тѣхъ разрывовъ земной коры, которые произошли отъ „столкновеній" двухъ горныхъ цѣпей. Такъ напримѣръ, почти всѣ индійскія землетрясенія сосредоточены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ Гималаями скрещиваются съ одной стороны—Иранская дуга, съ другой — Малайская. Необыкновенно частые сейсмическіе толчки Фохтланда происходятъ въ углу, образованномъ Рудными горами и Тюрингенскимъ-Лѣсомъ.

Гораздо чаще, чѣмъ вертикальные удары, происходятъ землетрясенія, обусловливаемыя движеніями, касательными къ земной корѣ, обыкновенно носившими названіе горизонтальныхъ. Эти землетрясенія происходятъ уже не вдоль линій древнихъ сбросовъ, а въ *новѣйшихъ горныхъ цѣпяхъ*, образованіе которыхъ совершилось одновременно (въ геологическомъ отношеніи) съ Альпами. Землетрясенія этой области являются отголоскомъ, а отчасти и продолженіемъ совершавшагося здѣсь процесса горообразованія.

Но, конечно, и въ этой области происходятъ вертикальные сейсмическіе удары. Большая часть землетрясеній въ Карпатахъ, Апеннинахъ, въ Бетической цѣпи, въ Телліенскомъ Атласѣ и на Антильскихъ островахъ обязаны своимъ происхожденіемъ продолжающемуся еще здѣсь процессу опусканія „древнихъ масси-

вовъ“ и образованія „средиземноморскихъ оваловъ“, вокругъ которыхъ и сложились горныя цѣпи.

Сейсмическія движенія въ горныхъ цѣпяхъ, окружающихъ эти „средиземноморскіе овалы“, находящіеся еще въ процессѣ образованія, часто указываютъ намъ, что очагъ землетрясенія расположенъ въ морѣ, недалеко отъ берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ еще это опусканіе.

Вообще, работы послѣднихъ лѣтъ обнаружили ясную связь между землетрясеніями, имѣющими очагъ въ береговой полосѣ моря, и периферическими океаническими „рвами“, столь характерными, напримѣръ, для береговъ Великаго океана. Вдоль береговъ Атлантическаго океана, гдѣ такихъ „рвовъ“ не имѣется, не наблюдается и моретрясеній. Эти глубокіе подводные рвы, ограничивающіе континенты, являются областями, гдѣ съ наибольшей силой проявляются сейсмическія колебанія. Нѣкоторые ученые высказываютъ даже гипотезу, что причина моретрясеній около такихъ береговъ лежитъ въ происходящемъ скачками и нынѣ углубленіи этихъ океаническихъ периферическихъ рвовъ.

Несомнѣнно, что въ земной корѣ образуются особыя напряженія какъ между отдѣльными ея участками, такъ и въ самой массѣ. Когда такое напряженіе внезапно прекращается, то происходятъ какъ горизонтальныя, такъ и вертикальныя перемѣщенія отдѣльныхъ участковъ и тектоническія землетрясенія.

Что такое состояніе напряженія дѣйствительно существуетъ въ горныхъ массивахъ—обнаруживается, напримѣръ, всякій разъ, какъ только производятъ разрѣзъ, проникающій болѣе или менѣе глубоко въ земную кору: такой разрѣзъ земной коры всегда вызываетъ нарушеніе равновѣсія въ данномъ мѣстѣ. Подобные случаи наблюдаются, напримѣръ, при работахъ въ каменоломняхъ, копяхъ, при прорытіи туннелей. Здѣсь иногда не только поднимается почва въ видѣ свода, но часто перемѣщаются цѣлые пласты въ нѣсколько десятковъ и сотенъ кубическихъ метровъ. Такія перемѣщенія сопровождаются сильными взрывами и выбрасываніемъ довольно крупныхъ камней на высоту нѣсколькихъ метровъ; германскіе углекопы называютъ это явленіе „Bergschlag“, „Knallen des Gebirges“, французы—„Bendon“.

Бендоны, происходящіе въ каменноугольныхъ копяхъ, могутъ, если они очень сильны, произвести снаружи, на поверхности, дѣйствія, аналогичныя дѣйствіямъ естественныхъ землетрясеній: предметы начинаютъ качаться въ зданіяхъ, въ почвѣ появляются трещины; иногда слышится шумъ, похожій на шумъ, производимый громомъ. Охваченная такимъ искусственнымъ земле-

трясеніемъ часть земной поверхности имѣетъ форму круга, а центральная часть ея, гдѣ землетрясеніе наиболѣе сильно, помѣщается, какъ эпицентръ настоящихъ землетрясеній, перпендикулярно надъ очагомъ бендона.

Кремеръ и Дилль описываютъ сейсмическія сотрясенія, происходившія 24 марта 1889 г., 2 іюля 1897 г. и 14 іюля 1899 г. въ окрестностяхъ Герне (Herne), въ Вестфаліи, и ставятъ ихъ въ связь съ бендономъ каменноугольнаго бассейна Рура. Точно также въ каменноугольномъ районѣ Пшибрама (въ Чехіи) сейсмическія сотрясенія ставятъ въ зависимость отъ того факта, что столбы каменнаго угля, которые были вначалѣ оставлены для поддержки верхнихъ пластовъ копей, постепенно все же подвергаются выработкѣ.

Новѣйшія работы Регельмана съ несомнѣнностью показываютъ намъ, что медленныя перемѣщенія происходятъ въ земной корѣ и нынѣ. Изъ этихъ работъ видно, что Альпы мало-по-малу приближаются къ сѣверу и сѣверо-западу, вслѣдствіе чего толкаютъ въ этомъ же направленіи мягкіе пласты третичныхъ молласовъ вмѣстѣ съ Констанцскимъ озеромъ, ограничивающимъ ихъ съ сѣвера. Напряженія, производимыя этими боковыми давленіями, временами разрѣшаются по нѣкоторымъ линіямъ и производятъ землетрясенія. Эти же причины вызываютъ перемѣщенія участковъ земной коры и осѣданія ихъ.

Благодаря новой нивеллировкѣ, произведенной на обоихъ берегахъ Констанцскаго озера, можно съ точностью опредѣлить даже абсолютныя величины осѣданія, происходившаго здѣсь за послѣднее время то скачками, то медленно и постепенно. Эти величины колеблются отъ 15 до 163 миллиметровъ. Въ концѣ ледниковой эпохи уровень Констанцскаго озера стоялъ на 410 метрахъ и довольно долго оставался на 400 м.; затѣмъ послѣдовало пониженіе до 399 м. Въ эпоху такъ называемыхъ „свайныхъ построекъ“, т.-е. всего 2500 лѣтъ тому назадъ, уровень Констанцскаго озера снова повысился до 400 метр., а въ настоящее время онъ не превышаетъ 395 метровъ.

Землетрясенія, происходящія въ этомъ озерѣ и по его берегамъ, можно разсматривать, слѣдовательно, какъ явленія, сопутствующія перемѣщеніямъ участковъ земной коры и указывающія на то, что процессъ горообразованія здѣсь идетъ и нынѣ.

Мы уже упоминали, что причину всѣхъ этихъ происходящихъ въ земной корѣ движеній и перемѣщеній ея участковъ

большинство ученыхъ видитъ въ охлажденіи и сжатіи земного ядра и вызываемыхъ этимъ осѣданіяхъ земной коры. Но за послѣднія 10—15 лѣтъ въ физической химіи, вулканологіи и сейсмологіи накопилась масса фактовъ, которые позволяютъ развить новую теорію, объясняющую всѣ эти явленія молекулярными процессами, происходящими въ глубинахъ земли.

Еще въ 1897 г. Ж. Герландъ развилъ и обосновалъ слѣдующую гипотезу о причинахъ землетрясеній.

Явленія, которыя мы наблюдаемъ во время землетрясенія, служатъ, по его мнѣнію, отраженіями въ упругой земной корѣ сильнаго удара, ограниченнаго опредѣленной мѣстностью и идущаго снизу вверхъ, или же—слѣдствіемъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ однородныхъ толчковъ. Эти сейсмическіе удары получаютъ начало не въ земной корѣ: они являются слѣдствіемъ процессовъ, происходящихъ въ глубинѣ земли. Газообразныя массы, находящіяся внутри земли, подъ очень сильнымъ давленіемъ, проникая въ земную кору, вслѣдствіе разрывовъ въ ней или перемѣщеній отдѣльныхъ ея участковъ, переходятъ послѣдовательно въ жидкое, а затѣмъ и въ твердое состояніе. Но переходъ изъ газообразнаго въ жидкое состояніе сопровождается часто очень сильными взрывами—такими, напримѣръ, какіе происходятъ при соединеніи кислорода съ водородомъ, образующими при этомъ воду. Такое образованіе громадныхъ количествъ водяныхъ паровъ необходимо, по мнѣнію Герланда, допустить на границѣ между газообразной внутренней частью земного шара и земной корой.

Въ этихъ взрывныхъ процессахъ многіе ученые видятъ главный источникъ сейсмическихъ силъ.

Опыты, произведенные въ послѣднее десятилѣтіе профессоромъ Г. Таммаромъ надъ плавленіемъ твердыхъ тѣлъ, даютъ хорошую опору для гипотезы Герланда. Тамманъ изучалъ отношеніе точки плавленія ряда кристаллическихъ веществъ точно опредѣленной структуры при температурахъ между 80 и 200 и при давленіяхъ въ 10.000 атмосферъ. Результаты этихъ опытовъ получились въ высшей степени важные, но неожиданные. Оказалось, что твердое тѣло при столь высокихъ давленіяхъ имѣетъ *большій объемъ* (слѣдовательно меньшій удѣльный вѣсъ), чѣмъ въ жидкомъ состояніи. Какъ извѣстно, эта особенность наблюдается, какъ исключеніе, и при обыкновенной температурѣ, для нѣкоторыхъ веществъ, напримѣръ для льда и висмута, а Штюбель предполагаетъ ее свойственною магмѣ земного шара.

Разсмотримъ же, что происходитъ во время охлажденія тѣла,

находящагося въ состоянiи плавленiя. Сначала возьмемъ наименѣе сложный случай, когда данная расплавленная масса химически однородна. Тамманъ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что при этомъ наступаетъ быстрое уравненiе температуры, и отвердѣнiе начинается въ средней зонѣ — „зонѣ кристаллизацiи". Можно, слѣдовательно, допустить, что подобная „зона кристаллизацiи" охватываетъ на нѣкоторой, относительно незначительной глубинѣ земное ядро; по направленiю къ поверхности она распространяется быстрѣе и вызываетъ увеличенiе объема, но внутри она наростаетъ медленнѣе и сопровождается, наоборотъ, сжатiемъ.

Но, какъ извѣстно, раскаленное вещество внутренности земли не однородно. Начиная съ „зоны кристаллизацiи", въ двухъ противоположныхъ направленiяхъ, снаружи и совнутри, раскаленное вещество даетъ продукты отвердѣнiя, отличающiеся другъ отъ друга.

Анализъ нѣкоторыхъ лавъ показываетъ, что въ одной и той же вулканической области различные лавовые потоки часто отличаются другъ отъ друга по своему составу, и часто въ одномъ и томъ же потокѣ наблюдается, какъ основная магма постепенно, по мѣрѣ движенiя вглубь лавы, переходитъ въ кислую, вслѣдствiе того, что основные силикаты, какъ менѣе растворимые, распредѣляются на внѣшней, охлаждающейся поверхности потока, тогда какъ внутри его увеличивается количество кремнекислоты и щелочи.

Благодаря подобнымъ процессамъ, происходящимъ внутри земного шара, образуется цѣлый рядъ „зонъ кристаллизацiи", раздѣленныхъ другъ отъ друга различными смѣсями расплавленныхъ минераловъ.

Въ опредѣленные моменты, благодаря происходящей кристаллизацiи, магма въ данномъ пунктѣ *расширяется* и разрываетъ вслѣдствiе этого выкристаллизовавшiеся надъ нею ранѣе участки земной коры; по образовавшимся такимъ образомъ трещинамъ и поднимается жидкая магма.

По мнѣнiю Таммана, мѣста зарожденiя сейсмическихъ колебанiй залегаютъ не глубже 200 километровъ; на этихъ глубинахъ, вѣроятно, всѣ вещества находятся въ кристаллическомъ состоянiи, за исключенiемъ нѣкоторыхъ вулканическихъ образованiй, одна часть которыхъ находится въ устойчивомъ кристаллическомъ состоянiи, другая—въ не вполнѣ устойчивомъ. Кристаллическiя формы при нѣкоторыхъ условiяхъ могутъ находиться въ такомъ относительно неустойчивомъ состоянiи даже при температурѣ болѣе низкой чѣмъ та, при которой они обыкновенно переходятъ въ другую, болѣе устойчивую кри-

сталлическую форму. Здѣсь происходитъ явленіе, аналогичное тому, которое давно уже наблюдалось при переохлажденіи, напр., воды, когда температура можетъ опуститься на нѣсколько градусовъ ниже 0°, а вода все же остается жидкой.

Въ такомъ же неустойчивомъ состояніи могутъ находиться и кристаллическія полиморфныя формы [1]). Превращеніе одной такой полиморфной разности въ другую начинается не во всѣхъ точкахъ одновременно, а всегда въ отдѣльныхъ, изолированныхъ точкахъ, часто даже только въ одной точкѣ. Затѣмъ оно можетъ быстро распространиться. Послѣдствіемъ быстраго превращенія одной полиморфной кристаллической формы въ другую всегда явится толчокъ.

Слѣдующій опытъ наглядно показываетъ, какая колоссальная сила производитъ эти толчки.

Тамманъ переводилъ фенолъ (карболовая кислота) при температурѣ въ 30°, давленіемъ въ 3.000 атмосферъ, въ его кристаллическое плотное видоизмѣненіе; затѣмъ, понижая это давленіе до 600 килогр. на квадратный сантиметръ (т.-е. до 600 атмосферъ), вызывалъ внезапно превращеніе этого плотнаго фенола въ другое видоизмѣненіе, менѣе плотное. Въ этотъ моментъ стальной цилиндръ, наполненный феноломъ (приблизительно его было 40 куб. сант.), пришелъ въ такое движеніе, что Тамманъ не рѣшился продолжать опытъ въ этихъ условіяхъ и дальнѣйшіе опыты велъ уже при болѣе низкомъ давленіи; тогда это превращеніе болѣе плотной кристаллической разности фенола въ менѣе плотную совершается медленнѣе и безопаснѣе.

Изъ всего сказаннаго ясно, что можно воспроизвести явленія, аналогичныя землетрясеніямъ, посредствомъ мгновенныхъ молекулярныхъ превращеній.

Противъ этого объясненія возражали, что неустойчивыя формы кристаллическихъ веществъ не могли бы сохраниться въ земномъ шарѣ въ такомъ состояніи въ теченіе долгихъ геологическихъ періодовъ. Но подобное возраженіе не выдерживаетъ критики: извѣстны многіе минералы, которые встрѣчаются въ природѣ при обыкновенномъ давленіи и температурѣ въ неустойчивыхъ кристаллическихъ формахъ, но все же сохраняются

---

[1]) Многія химическія соединенія (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ—даже всѣ безъ исключенія) при измѣненіи внѣшнихъ условій (температура, давленіе) измѣняютъ также и свою кристаллическую форму и другія физическія свойства. Эти различныя формы одного и того же химическаго соединенія и называются *полиморфными формами* его.

многія тысячелѣтія. Только воздѣйствіемъ на нихъ высокой температуры можно перевести ихъ въ болѣе устойчивыя формы.

Такъ течетъ процессъ превращенія *неустойчивыхъ* формъ кристаллическихъ веществъ; но и кристаллическія вещества съ *устойчивымъ* строеніемъ все же могутъ измѣниться, если измѣнится температура или давленіе. Это измѣненіе часто совершается съ поглощеніемъ тепла, но далеко не всегда. Въ первомъ случаѣ послѣдствія превращенія будутъ тѣ же, какія происходятъ при превращеніи неустойчивыхъ формъ и какія мы только-что описали. Во второмъ послѣдствія будутъ иныя: превращеніе будетъ сопровождаться не нѣсколькими сильными толчками, какъ въ первомъ случаѣ, но болѣе слабыми сотрясеніями, происходящими черезъ короткіе промежутки времени. Съ момента превращенія измѣненіе объема будетъ уже зависѣть только отъ притока теплоты.

Итакъ, отдѣльныя и необычайныя силы землетрясенія, исходящія изъ большихъ глубинъ, являются, по мнѣнію Таммана, послѣдствіемъ внезапныхъ превращеній кристаллическихъ веществъ, а слабыя и часто повторяющіяся колебанія, захватывающія большія пространства, должны быть приписаны превращеніямъ устойчивыхъ формъ кристаллическихъ веществъ, происходящихъ безъ поглощенія тепла.

Эти воззрѣнія Таммана Зибергъ приложилъ къ современнымъ изслѣдованіямъ вулканологіи и сейсмологіи.

Сейсмограммы указываютъ, по мнѣнію Зиберга, на то, что земная кора достигаетъ, вѣроятно, отъ 200 до 320 километровъ глубины. Основаніе этой коры можно разсматривать какъ первоначальную „зону кристаллизаціи", а всю земную кору—какъ „панцырный покровъ" Штюбеля [1]). Въ настоящее время вся земная кора, вѣроятно, уже выкристаллизовалась, за исключеніемъ такъ называемыхъ „периферическихъ вулканическихъ очаговъ", которые, благодаря расширенію магмы въ періоды наибольшаго охлажденія, могутъ стать дѣйствующими очагами; впрочемъ, такими же „дѣйствующими" они могутъ стать также вслѣдствіе давленія, производимаго на нихъ магмой сосѣднихъ опускающихся участковъ земной коры.

Нижняя часть „панцырнаго покрова" находится въ пласти-

---

[1]) Альфонсъ Штюбель предполагаетъ, что, одновременно съ образованіемъ земной коры, изъ нѣдръ земли выступали на поверхность этой коры массы расплавленной магмы, которыя растекались по корѣ и въ концѣ концовъ покрыли ее плотнымъ *панцырнымъ покровомъ*, толщина котораго, послѣ ряда такихъ послѣдовательныхъ изверженій магмы, достигла 50 километровъ.

ческомъ состояніи, и сейсмическая энергія образуется здѣсь отъ тренія складчатыхъ горныхъ массъ; самые глубокіе сейсмическіе очаги представляютъ, такимъ образомъ, верхнюю границу зоны, гдѣ массы еще пластичны. Въ теченіе процесса кристаллизаціи происходило „сжатіе панцырнаго покрова“.

Въ современную намъ геологическую эпоху, по мнѣнію Зиберга, не можетъ быть рѣчи о сжатіи, потому что панцырный покровъ, вѣроятно, теперь весь кристалличенъ, за исключеніемъ относительно немногочисленныхъ „периферическихъ очаговъ“. Но измѣненія кристаллизаціоннаго характера, описанныя Тамманомъ, еще не окончились, потому что, при продолжающемся охлажденіи, многіе минералы земной коры способны еще превращаться въ полиморфныя разности. Какъ мы уже упоминали, это превращеніе происходитъ *медленно* — и тогда отъ него зависитъ процессъ образованія горъ, а также вѣковыя поднятія и опусканія уровня земной коры, что вызываетъ напряженія, проявляющіяся иногда землетрясеніями, — или же полиморфная перекристаллизація происходитъ вслѣдствіе *внезапнаго* измѣненія давленія, что, въ свою очередь, сопровождается сейсмическими колебаніями — землетрясеніями.

Такъ физическая химія, вулканологія и сейсмологія закладываютъ постепенно фундаментъ для новой науки — науки о глубинахъ земли. Еще такъ недавно казалось, что мы никогда не выйдемъ здѣсь изъ области гипотезъ, самыхъ разнорѣчивыхъ и потому ни для кого не обязательныхъ.

Какъ узнать то, что скрыто отъ насъ подъ десятками, а можетъ-быть и сотнями километровъ твердыхъ горныхъ породъ?!

И малодушные вычеркивали эту проблему изъ области разрѣшимыхъ, такъ же, какъ когда-то они объявляли неразрѣшимымъ вопросъ о составѣ небесныхъ тѣлъ.

Спектральный анализъ посрамилъ маловѣрныхъ. И недалеко уже время, когда передъ соединенными усиліями ученыхъ различныхъ спеціальностей глубины земли, въ свою очередь, раскроютъ намъ свои тайны.

Мы проникнемъ тогда умственнымъ взоромъ въ эту огненную лабораторію, гдѣ строятся горы, гдѣ могучія молекулярныя силы медленно подготовляютъ свои вѣроломные удары. Мы разгадаемъ ихъ тайны и тѣмъ самымъ покоримъ ихъ.

Изверженіе вулкановъ и землетрясенія уже не будутъ тогда бичами человѣчества; наоборотъ — въ нихъ мы, можетъ быть,

найдемъ источникъ новыхъ силъ, которыми воспользуемся для нашихъ собственныхъ нуждъ, для нашихъ человѣческихъ цѣлей.

Все это свершитъ наука, когда изъ точныхъ опытовъ, широчайшихъ наблюденій и строгихъ, разностороннихъ дедукцій она сплететъ, наконецъ, тонкую, твердую, какъ сталь, и нѣжную, чувствительную, какъ человѣческіе нервы, сѣть познанія, охватывающую и объединяющую всю природу и все человѣчество.

В. Агафоновъ.

МОНАСТЫРЬ

Среди полей, гдѣ золотистый
Желтѣетъ бархатъ спѣлой ржи,
Гдѣ, безпокойны, голосисты,
Снуютъ проворные стрижи,
Гдѣ неоглядны высь и ширь,—
Какъ древній старецъ—монастырь.

Колокола его звонницы
Уставный вытвердили зовъ;
Ветхи, обрушены бойницы
Дождями, крыльями вѣтровъ.
Растетъ трава на нихъ и мохъ.
Внизу, по рву—чертополохъ.

Зеленой шапкой садъ высокій,
Гдѣ полонила все ветла,
Гдѣ ярко-сини, крутобоки
Въ червонныхъ звѣздахъ купола,
Гдѣ стѣнъ церковныхъ бѣлизна,
Гдѣ дрема шелестовъ полна.

Предѣлъ холму—обрывъ песчаный
У круглой башни угловой;
Отъ повилики духъ медвяный,
А подъ обрывомъ—дубъ кривой;
Изъ-подъ корней его, пѣвучъ,
Бѣло-кипучій плещетъ ключъ.

Врата обители суровы,
Гдѣ въ землю вросъ ихъ низкій сводъ;
На камнѣ, какъ бы слѣдъ подковы,—
То, говорятъ, подземный ходъ
Помѣченъ,—онъ прорытъ подъ садъ,
Въ концѣ его—несмѣтный кладъ.

Здѣсь жизнь моя скользитъ безшумно.
Едва затеплится заря—
Встаю; почти весь день раздумно
Брожу вокругъ монастыря,
И мнится, льетъ онъ строгій свѣтъ
И шепчетъ были темныхъ лѣтъ.

Александръ Рославлевъ.

ПРІЕМНЫЙ ПОКОЙ

Изъ тюремныхъ воспоминаній періода «ликвидаціи революціи».

I.

Пріобрѣтенный мною въ полицейскомъ домѣ ревматизмъ разыгрался съ наступленіемъ весны не на шутку: я не могъ не только выходить изъ камеры, но даже пищу приходилось нѣсколько дней принимать „съ ложечки“. Леченіе, при нашей убійственной санитарной обстановкѣ, практиковалось одно: безконечное пичканье лошадиными дозами „салицилки“. Не имѣя ни малѣйшаго желанія изуродовать себя на всю жизнь такимъ способомъ „леченія“, я предпочелъ совсѣмъ отказаться отъ него и возбудилъ ходатайство о переводѣ въ тюремную больницу. Тамъ мѣстъ не оказалось. Но недѣли черезъ двѣ меня все-таки перевели, только не въ больницу, а въ такъ называемый „Пріемный покой“ при сосѣднемъ полицейскомъ участкѣ. Я радъ былъ и этому: тамъ было свѣтло и сухо, а это одно куда цѣлительнѣе снадобій въ родѣ салицилки.

Самый участокъ, вмѣстѣ съ неизбѣжной при немъ „рѣшеткой“, помѣщался въ верхнемъ этажѣ, а квартиры нѣкоторыхъ чиновъ участка и пріемный покой—въ нижнемъ. Все помѣщеніе, занимаемое имъ, состояло изъ двухъ комнатъ: одна, съ отгороженной въ ней „мертвецкой“, была пріемной врача и фельдшера; другая, съ тремя койками, представляла изъ себя „покой“ для больныхъ арестантовъ полицейскаго дома и больныхъ всѣхъ безъ исключенія категорій, начиная съ венериковъ и кончая тифозными. „Ходатель“ помѣщался въ каморкѣ, расположенной въ углу корридора.

Опредѣленнаго „распорядка дня" не имѣлъ участокъ, не имѣлъ его и пріемный покой. Суточныя впечатлѣнія дежурнаго при „покоѣ" представляли собою такой же причудливый калейдоскопъ обывательскаго „коловращенія жизни", какъ и впечатлѣнія дежурнаго при участкѣ: кліенты одного изъ нихъ нерѣдко передвигались къ другому и обратно. Побитый, получавшій „первую помощь" въ покоѣ, шелъ запротоколироваться въ участокъ; тотъ же путь проходилъ и приведенный въ сознаніе покушавшійся покончить разсчеты съ жизнью, и такъ далѣе. Участокъ и покой были связаны другъ съ другомъ тѣснѣйшими узами кровнаго родства. Опредѣленные часы отводились только для пріема врача: съ 9-ти до 11-ти часовъ утра; но онъ не былъ гарантированъ отъ вызововъ въ покой и въ другіе часы „въ экстренныхъ случаяхъ", а такіе случаи въ жизни покоя бывали почти ежедневно.

Нашъ врачъ былъ типичнымъ казеннымъ цѣлителемъ: арестанты всегда напередъ знали, какое издѣліе латинской кухни онъ преподнесетъ имъ и ходили къ нему не столько съ цѣлью врачеванія, сколько или „для прогулки", или для того, чтобы выклянчить койку въ покоѣ и хоть на нѣсколько дней отдохнуть отъ камернаго сидѣнья и голодовки. Онъ и самъ хорошо зналъ цѣну своимъ и совѣтамъ, и лекарствамъ, запасъ которыхъ при покоѣ къ тому же былъ очень ограниченъ; но „положеніе обязываетъ", и онъ ежедневно и совѣты давалъ, и лекарствами пичкалъ, безъ вѣры въ надобность тѣхъ и другихъ. Онъ былъ прекрасный семьянинъ, добрый, но боязливый человѣкъ и пуще всего какъ разъ боялся того, чтобы начальство не поставило ему въ вину его доброты. Стоило только имѣвшему на него большое вліяніе старшему фельдшеру сказать, что на такое-то его гуманное распоряженіе можетъ покоситься какое-нибудь даже не важное для него должностное лицо, какъ онъ уже трусливо отказывался отъ начатаго имъ хорошаго дѣла.

Фактическимъ вершителемъ общихъ судебъ покоя являлся старшій фельдшеръ, человѣкъ настойчивый, очень знающій по своей спеціальности и имѣвшій въ околоткѣ практику, не уступавшую практикѣ патрона. Ко всякому нужному начальству онъ былъ вхожъ какъ „свой человѣкъ", вездѣ умѣлъ во-время оказаться полезнымъ, и не только по своей спеціальности; онъ былъ и собачникъ, и птицеводъ, и цвѣтоводъ, и по кулинарной части не уступалъ самой бойкой и опытной бѣлой кухаркѣ, да и по прочимъ статьямъ семейнаго и холостецкаго обихода былъ весьма свѣдущъ. Съ кліентами покоя и коечными больными онъ былъ

корректенъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не задѣвалось его фельдшерское самолюбіе — а тогда онъ не уступалъ въ мѣрахъ воздѣйствія на обидчика любому мордобою-околотку.

Младшаго фельдшера — семидесяти-лѣтняго старика — держали лишь за какія-то его прежнія заслуги отечеству на томъ же фельдшерско-полицейскомъ поприщѣ. Теперь это былъ жалкій, безвольный, всѣми, включительно до „ходателя“ Ильи, презираемый циникъ и алкоголикъ. Горе (или счастіе) было тѣмъ покушавшимся на самоубійство, которые попадали въ „Покой“ въ дежурство Никона Ивановича: его „первая помощь“ додѣлывала то, что они не съумѣли сдѣлать сами. Илья, болѣе освѣдомленный въ фельдшерствѣ, чѣмъ выжившій изъ ума Никонъ Иванычъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ провозглашалъ:

— Такъ... ну, теперь, голубчикъ, готовъ! Нечего тебѣ было и расходоваться на ессенцію-то, — пришелъ бы къ нашему Никону Иванычу — онъ тебя и такъ успокоилъ бы... — И, не дождавшись конца агоніи получившаго „не тотъ впрыскъ“ кліента, перетаскивалъ его съ койки изъ пріемной въ мертвецкую. Мнѣ говорили, что Илья большею частію оказывался правъ...

Если старшій фельдшеръ былъ вершителемъ общихъ судебъ „покоя“, то судьбы дня и часа для насъ, подневольныхъ больныхъ, и даже нерѣдко и для кліентовъ „съ воли“, почти всецѣло находились въ рукахъ Ильи. Внѣ пріемныхъ часовъ врача и въ отсутствіе фельдшера Илья совмѣщалъ въ себѣ и ихъ функціи, и свои ходательскія, да еще притомъ особенно, по участковому, понимаемыя. А человѣкъ онъ былъ скверный, злобный.

— Ну что скулишь? Замолчь! — властно кричалъ онъ на доставленнаго въ „покой“ дворниками мастерового, съ раздробленной трамваемъ ступней, грубо разрѣзалъ сапогъ и стаскивалъ его вмѣстѣ съ кусками мяса, поливалъ изуродованную ногу „асептіей“, завертывалъ ее въ вату и марлю, дѣлалъ перевязку и, не обращая вниманія на продолжавшееся кровотеченіе, съ тѣми же дворниками или въ „каретѣ скорой помощи“, если она была подъ рукою, отправлялъ получившаго отъ него „первую помощь“ въ сосѣднюю городскую больницу. А при болѣе легкихъ, по мнѣнію Ильи, случаяхъ, онъ, сдѣлавъ такого же рода „военную“ перевязку, по просту выталкивалъ кліента за двери покоя. Прекословія въ этомъ случаѣ онъ не терпѣлъ.

Илья имѣлъ также и свою „прахтику“ и почиталъ себя за спеціалиста по „вереническимъ“ болѣзнямъ и особенно по части того, какъ слѣдуетъ „выгонять сифилисъ“. А выгонялъ его онъ просто и рѣшительно, приводя на первыхъ порахъ въ во-

сторгъ и удивленіе своихъ кліентовъ. Онъ отравлялъ ихъ, также какъ и врачи, ртутью, но „отпущалъ" ее, конечно, въ героическихъ дозахъ, заставляя затѣмъ каждый пріемъ (внутрь) изготовленныхъ имъ пилюль запивать стаканомъ „екстракта", а попросту бурды изъ спирта и буры! Немудрено, что отъ такого „средствія" обращался въ паническое бѣгство не токмо что сифилисъ, но и самъ кліентъ еле-еле оставался цѣлымъ. Съ кліентами своими Илья держался прямо-таки величественно.

— Я, братъ, — обыкновенно ораторствовалъ онъ, распивая съ своей жертвой полбутылку, — вѣдь двадцать годовъ по медицинской-то части прахтику имѣю, всю, можно сказать, фармакопею и діагнозію не хуже другого доктора понимаю.

И чѣмъ дольше длилась бесѣда, тѣмъ больше Илья пускалъ въ оборотъ мудреныхъ „медицинскихъ" словечекъ и тѣмъ большимъ уваженіемъ проникался къ своей особѣ. Дезинфекцію онъ отвергалъ и распоряженій врача о дезинфецированіи нашей палаты послѣ тифознаго никогда не исполнялъ, заявляя:

— Вѣдь эта дезинфекція такъ только выдумана, для отвода глазъ, чтобъ, значитъ, о заразѣ-то зря не думалось... А мы и водичкой обойдемся.

Передавая коечному больному какое-нибудь лекарство, онъ всегда сопровождалъ эту передачу своимъ собственнымъ совѣтомъ, зачастую совершенно несогласнымъ съ указаніемъ врача.

— Ты принимай сразу по три порошка, а по одному не подѣйствуетъ... Скупятся они — говорилъ онъ въ одномъ случаѣ.

— Эту ерунду выплесни въ плевальницу — ни къ чему она... — совѣтовалъ онъ въ другой разъ. И больные слѣдовали его совѣтамъ чаще, чѣмъ совѣтамъ врача.

Въ „покоѣ" имѣлось для арестантовъ три „штатныхъ" койки и одна приставная. За мѣсячное пребываніе здѣсь моими несмѣняемыми сотоварищами были двое „сумасшедшихъ", а приставная койка занималась то венерикомъ, то тифознымъ, однимъ словомъ кѣмъ придется. Больныхъ тифомъ и вообще острозаразными болѣзнями здѣсь держать „не полагалось", но тюремная больница была переполнена, изъ-за ужасной тифозной эпидеміи, свирѣпствовавшей эту весну въ тюрьмахъ. Заболѣвшихъ тифомъ во всякаго рода полицейскихъ „каталажкахъ", до освобожденія мѣста въ тюремной больницѣ или до полученія разрѣшенія на переводъ больного въ „вольную" лечебницу, держали при покояхъ по нѣскольку дней, а иногда (при мнѣ было два такихъ случая) и до отправки въ мертвецкую. Какъ-то дня четыре подрядъ въ нашей палатѣ было „свалено" на полу та-

кихъ „сверхштатныхъ“ тифозныхъ пять человѣкъ. Въ эти же дни у насъ ютилось двое здоровыхъ малолѣтнихъ преступниковъ.

Ухода за тифозными не было никакого. Илья, если бы и хотѣлъ, не имѣлъ для этого времени. Ухаживалъ кое-какъ я, а мнѣ иногда помогали мои „сумасшедшіе“. Почти всѣ тифозные „сваливались“ къ намъ изъ пересыльной камеры полицейскаго дома, куда попадали при полицейскихъ „облавахъ“ изъ ночлежекъ и ночныхъ чайныхъ. Заболѣвали они большею частью еще на свободѣ и приносили съ собою заразу въ пересыльныя камеры, которыя одновременно служили ночными пріютами для нуждавшихся въ „отрезвленіи“ гражданъ. „Отрезвленіе“ это многимъ дорого стоило: вмѣстѣ съ похмѣльемъ выпущенный изъ „пьяной“ камеры выносилъ „на волю“ и страшную заразу. Только остроуміе столичной администраціи могло изобрѣсти, въ періодъ эпидеміи, эти „пьяно-пересыльныя“ камеры. Дезинфекція этихъ камеръ, отъ поры до времени производившаяся чинами городской санитарной коммиссіи, носила прямо-таки издѣвательскій характеръ и отнюдь не способствовала укрѣпленію въ народѣ вѣры въ серьезность и добросовѣстность такого рода мѣропріятій. Обычно являлся санитарный врачъ или фельдшеръ, съ двумя санитарами; полуголыхъ арестантовъ выгоняли изъ „зараженной“ камеры на часъ въ корридоръ, на дворъ или даже, на этотъ часъ, „пересаживали“ въ другія камеры; „напускали вони карболовкой“, и съ серьезнымъ видомъ людей, сдѣлавшихъ нужное дѣло, „коммиссія“ удалялась, а въ якобы „обеззараженное“ помѣщеніе опять водворялись его прежніе жильцы.

Кромѣ больныхъ арестантовъ и приходящихъ „вольныхъ“ больныхъ—обитателей околотка,—пріемный покой имѣлъ немало кліентовъ также „съ воли“, но все-таки „невольныхъ“.

Всякій заболѣвшій на улицѣ прежде всего доставлялся въ пріемный покой и оттуда уже направлялся, если въ этомъ была надобность, въ одну изъ городскихъ лечебницъ. Большинство кліентовъ этой категоріи составляли ушибленные, задавленные, пострадавшіе на работахъ, преимущественно строительныхъ, затѣмъ побитые и порѣзанные въ дракахъ и т. п.

Въ эту злосчастную весну особенно значительно было количество покушавшихся, удачно и неудачно, на самоубійство, а также душевно-больныхъ, взятыхъ на улицѣ или почти на улицѣ, гдѣ-нибудь на задворкахъ, въ пріютахъ нищеты. Каково было положеніе этихъ несчастныхъ здѣсь, въ пріемномъ покоѣ, до отправки ихъ въ спеціальную лечебницу, хорошо иллюстрируетъ такой случай, имѣвшій мѣсто въ первый день моего пребыванія

въ „покоѣ“. Эти дни столицу неожиданно, врасплохъ захватило наводненіе. На разсвѣтѣ публикой и чинами полиціи была вытащена бросившаяся въ разбушевавшуюся рѣку почти обнаженная молодая женщина. Знавшихъ ее лицъ при этомъ не оказалось, и она попала къ намъ. Здѣсь больная все время распѣвала какія-то духовныя стихиры и не позволяла никому подходить къ ней. Илья распорядился-было надѣть на нее „сумасшедшую“ рубашку, но ея подъ руками не оказалось. Тогда со стороны „ходателя“ Ильи послѣдовало новое распоряженіе: привязать несчастную веревками къ койкѣ, что и было исполнено, при страшномъ сопротивленіи ея, нѣсколькими городовыми, не скупившимися на побои и при этомъ издѣвавшимися надъ ея наготой. Издѣвательство это могло бы пойти и дальше, еслибы мнѣ во-время не удалось вызвать на эту дикую расправу врача и пристава. Больная оказалась интеллигентной женщиной, женой землемѣра.

Незавидно было также и положеніе получавшихъ здѣсь „первую помощь“ неудачно покушавшихся на самоубійство, особенно женщинъ. Въ началѣ весны ихъ привозили чуть не ежедневно, и большею частью съ неопасными, но болѣзненными ожогами нашатыремъ и уксусной эссенціей. При прохожденіи искуса полицейской „первой помощи“ на ихъ долю выпадало немало грубыхъ остротъ и обидныхъ издѣвательствъ. Обычно Илья надъ трупомъ самоубійцы произносилъ сочувственное надгробное слово въ такомъ родѣ:

— Ну, вотъ это такъ! Молодецъ, с...нъ сынъ! Ловко прикончилъ свою жисть паскудную—ни къ чему она была...

Но къ тѣмъ, кому еще нужна была „первая помощь“, Илья былъ безжалостенъ и не только ругательски ругалъ ихъ, но и злобно швырялъ и даже билъ.

— У... у... сволочь несчастная!—обращался онъ къ корчившейся въ судорогахъ молоденькой дѣвушкѣ, толкая ее ногой въ грудь.—И сдохнуть-то не умѣешь, а кавалеровъ заводить умѣешь!

Кліентами „покоя“ являлись не только лица, нуждавшіяся во врачебной помощи, но и вполнѣ здоровыя. Къ намъ въ палату не разъ сажали до суда, или до отысканія родителей, дѣтей-преступниковъ, въ возрастѣ лѣтъ до двѣнадцати, т.-е. такихъ, относительно которыхъ опасались, что въ общей камерѣ ихъ могутъ „обидѣть“. Просидѣвъ съ нами—душевно-больными и тифозными—дня два-три, они шли въ свои семьи, или въ колонію для малолѣтнихъ преступниковъ. Илья ютился въ своей каморкѣ

не одинъ; при немъ была жена Марья—достойная его подруга жизни. Она тоже была при дѣлѣ: въ ея вѣдѣніи находились подкидыши, которыхъ она должна была до отправки въ пріютъ подкормить и подчистить. Дѣлала она это злобно и грязно. Въ той же каморкѣ или въ корридорѣ нерѣдко заливались слезами малютки, умышленно брошенныя на улицѣ ихъ несчастными матерями, и заблудившіяся дѣти. Хорошо одѣтыхъ изъ нихъ Марья одаряла булочками и сластями, зная, что за это будетъ щедро вознаграждена; на долю же оборвышей выпадали лишь тычки и окрики.

II.

Я уже говорилъ, что за все время пребыванія въ „покоѣ" моими сотоварищами по палатѣ были два душевно-больныхъ арестанта.

Представители этой категоріи постоянныхъ кліентовъ пріемныхъ покоевъ имѣлись почти въ каждомъ изъ нихъ и содержались тамъ за весь періодъ „испытанія", нерѣдко мѣсяцами, находясь на иждивеніи участковаго врача, съ заключеніемъ котораго о ихъ состояніи они затѣмъ отправлялись въ спеціальную коммиссію при окружномъ судѣ, а оттуда, послѣ постановленія суда, или освобождались, или направлялись для дальнѣйшаго испытанія въ спеціальныя лечебницы, или, наконецъ, судились обычнымъ порядкомъ. Всѣ эти „пошедшіе по сумасшествію" промышляли почти исключительно мелкими кражами, хотя по прошлому многіе изъ нихъ были уже „лишенцами" и отбывали за свои преступленія такъ называемые „испытуемые сроки". Выраженіе тюремнаго жаргона: „пойти по сумасшествію" имѣетъ двоякій смыслъ: съ одной стороны, оно равносильно выраженію „свалять дурака", т.-е. въ одномъ опредѣленномъ случаѣ симулировать сумасшествіе съ цѣлью избавиться отъ судебной кары, съ другой стороны—„ходоками по сумасшествію" арестанты зовутъ и тѣхъ изъ своихъ сотоварищей, относительно которыхъ нѣтъ сомнѣнія, что у нихъ „не всѣ дома", что они ненормальны, но къ этой своей, такъ сказать, нормальной ненормальности они „подваливаютъ" еще пущую „сумасшедшую видимость", очевидную для каждаго не токмо что врача-спеціалиста, но и простого смертнаго. Иногда такіе „сумасшедшіе" принимаются „въ дѣло" здоровыми коллегами и имъ, обычно, поручаются или „смотрины" (осмотръ, напр., квартиры подъ видомъ бого-

мольца или блаженнаго—эти роли, по мнѣнію ихъ товарищей, для нихъ особенно подходящи), или, напротивъ, какая-нибудь очень рискованная выходка, съ малыми шансами на успѣхъ, въ которой не жалко потерять „дурака“, да и ему-де, „по сумасшествію“ легко будетъ отдѣлаться пустяками.

Нерѣдко такихъ преступниковъ до представленія ихъ на судебную коммиссію содержатъ даже не въ пріемныхъ покояхъ, а въ общихъ арестантскихъ камерахъ. Для „тихихъ“ пребываніе въ нихъ—сплошная мука: только лѣнивый не издѣвается надъ ними, и издѣваются назойливо, жестоко—такъ, какъ умѣетъ издѣваться только арестантъ. „Буйные“ же отравляютъ въ конецъ жизнь камеры: ихъ бьютъ, мучаютъ, мучаются сами, звѣрѣя отъ этого безсмысленнаго взаимомучительства, и иногда забиваютъ несчастныхъ на смерть.

— По сумасшествію, Егорычъ, не легко, вѣдь, ходить-то!—говорилъ мнѣ не разъ мой сотоварищъ по палатѣ, „отецъ“ Серафимъ.

Этотъ отецъ Серафимъ—теперь семидесяти-пяти-лѣтній старикъ—былъ когда-то дѣйствительно „отцомъ“ и около сорока лѣтъ тому назадъ за что-то (за что—нельзя было добиться ни отъ него самого, не знало этого и теперешнее начальство) былъ лишенъ священническаго сана и сосланъ въ каторгу, которая вскорѣ была замѣнена ему заточеніемъ въ подземельяхъ одного изъ сѣверныхъ монастырей. Затѣмъ какими-то судьбами отецъ Серафимъ „попалъ на волчье положеніе“ и послѣднія лѣтъ тридцать бродитъ изъ тюрьмы въ тюрьму, постоянно возвращаясь въ столицу и указывая для отбытія „надзора“ каждый разъ какое-нибудь новое, еще неизвѣстное мѣстечко великой Руси.

— А все еще всѣхъ-то тюремъ нашихъ не прошелъ я, и не пройдешь: жизни не хватитъ,—какъ бы сѣтовалъ отецъ Серафимъ, разсказывая о своемъ тюремномъ паломничествѣ.

Освободившись на мѣстѣ „надзора“, онъ сейчасъ же трогался въ обратный путь, въ столицу, гдѣ въ одномъ изъ храмовъ когда-то священствовалъ, и гдѣ теперь находилъ пріютъ въ одномъ изъ притоновъ столичной голи. Сюда, къ этому центру его влекло неудержимо:

— Мощи тутъ мои должны проявиться...—убѣжденно говорилъ отецъ Серафимъ въ объясненіе этого своего тяготѣнія.

Здѣсь, въ столицѣ, онъ то и дѣло попадался на кражахъ „по тихой“ (т.-е. по домамъ, безъ взлома,—просто того, что плохо лежитъ), и его или отпускали съ угрозой засадить „въ сумасшедшій домъ“ (этого старикъ болѣе всего боялся), или же

заставляли отсиживать „испытуемый срокъ", высылали опять въ какое-нибудь „новое мѣсто", откуда онъ уходилъ, и такъ далѣе!

— И опять, значитъ, пришлось чортовъ кругъ дѣлать— говорилъ о. Серафимъ.

Сколько такихъ „чортовыхъ круговъ" пришлось сдѣлать ему— сказать трудно, но только много и очень много... Помню, какъ-то я взялъ календарь и сталъ читать ему въ алфавитномъ порядкѣ названія городовъ, и почти всѣ мало-мальски извѣстные изъ нихъ были ему знакомы.

— Знаю—прерывалъ онъ меня на какомъ-нибудь городѣ— тюрьма тамъ теперь, слышь, новая, близъ станціи, а раньше у почтоваго тракта стояла, на у-горѣ стѣна-то вы-со-кая была. Главный-то корпусъ двухъ-этажный, каменный, а другія-то помѣщенія деревянныя, низкія, изъ-за стѣны-то ихъ и не видно было. Смотрителемъ при мнѣ былъ старичокъ, изъ надзирателей выслужился. Какъ его звали?... да: Иванъ Платонычъ; человѣкъ хорошій былъ, нашего брата понималъ, кормилъ только, можно сказать, прямо помоями, ну, а свободу полную давалъ: бывало, что и „на дѣла" по ночамъ изъ тюрьмы отпускалъ...

— А городъ ничего себѣ, бойкій—продолжалъ онъ вспоминать—и народу довѣрчиваго довольно, „по блаженству" хорошо подаютъ. Освободили тамъ насъ шестерыхъ — ребята все хорошіе, фартовые. Изъ полиціи пошли опять къ тюрьмѣ, въ бакалейную лавку; ее старшаго надзирателя сожительница держала. Тутъ все было: и шинокъ, значитъ и сбыть все можно, и „дѣло" всегда тамъ подходящее могли дать. Ребята-то прямо туда и пошли, а меня, старика, напередъ „стрѣлять" послали: ничего... настрѣлялъ, слава Богу, порядочно: и на водку, и на закуску, значитъ...

Далѣе шелъ подробный разсказъ о томъ, какъ, „промаячившись" нѣсколько дней въ этомъ новомъ мѣстѣ, о. Серафимъ одинъ, или въ компаніи съ другими „волчками", трогался къ себѣ, „домой"—въ столицу. Бывало такъ, что онъ такимъ маneромъ забирался за тысячи верстъ и длинный обратный путь проходилъ то „волчкомъ", пѣшимъ, то „зайцемъ" по чугункѣ, то „мартышёмъ" на пароходѣ, и на этомъ пути у него случалось немало интересныхъ встрѣчъ и всяческихъ хорошихъ и нехорошихъ приключеній. Разсказывалъ онъ обо всемъ удивительно хорошо, просто, эпически, вспоминая каждый бугорокъ въ полѣ, за которымъ ему пришлось укрыться отъ проѣзжавшаго мимо урядника, каждую избу въ деревнѣ, давшую ему пріютъ,

и имена всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться хоть на короткое время. И это на протяженіи десятковъ лѣтъ!

Рядомъ съ этой поразительной памятью прошлаго за „сумасшедшій“ періодъ жизни о. Серафимъ совершенно забылъ все происходившее до времени перехода его „на волчье положеніе“, а если что и разсказывалъ изъ этой полосы своей жизни, то лишь со словъ какого-то „бывшаго дьякона Василія“, его спутника за первые годы „хожденія по сумасшествію“. Иногда, передавая что-нибудь изъ прошлаго, онъ вдругъ обрывалъ свой разсказъ, начиналъ нервно подергивать губами, морщить лобъ и напряженно всматриваться остановившимся взглядомъ куда-то въ одну точку, словно мучительно стараясь что-то ускользающее удержать въ памяти; но проходила минута, другая, морщины на его лицѣ разглаживались, глаза принимали прежнее „блаженное“ выраженіе, и старикъ уже забывалъ, о чемъ онъ только что принялся-было разсказывать. О. Серафимъ забылъ не только событія своей до-„сумасшедшей“ жизни, но все, буквально все, даже всѣ молитвы!

Помимо полной утраты памяти части прошлаго, „ненормальной“ была у о. Серафима необыкновенная привязанность къ своему „волчьему“ положенію, которое онъ считалъ „самой правильной жизнью“, относясь въ то же время крайне враждебно, раздраженно ко всему, что такъ или иначе напоминало ему или его прежнюю (забытую) жизнь, или вообще какую-нибудь иную жизнь.

— Эхъ, Егорычъ, вѣдь не пустой ты человѣкъ, посмотрю я на тебя, — говаривалъ онъ иногда мнѣ,—а зряшной жизнью живешь. Брось ты все это! Идемъ съ мной къ Фролычу (владѣльцу ночлежки, гдѣ ютился о. Серафимъ). Я тебѣ около себя койку достану и заживемъ мы съ тобою правильно...

Въ чемъ эта „правильность“ жизни у Фролыча заключалась, о. Серафимъ не пояснялъ, а если пускался въ дальнѣйшіе уговоры, то постепенно начиналъ переходить къ ругани и нерѣдко заканчивалъ такой разговоръ какой-нибудь дикой выходкой.

Врачи относили о. Серафима къ категоріи „слабоумныхъ“.

Второй „испытуемый“—Лёска—считался врачами типичнымъ эпилептикомъ.

Съ о. Серафимомъ „можно было жить“, только не слѣдовало зря тормошить его забытую жизнь, да не оспаривать „правильность жизни у Фролыча“, а въ остальномъ старикъ былъ почти всегда ровенъ и терпимъ.

Не такъ приходилось относиться къ Лёскѣ.

Сотоварищи, давно знавшіе Лёску, не опасались его и были твердо увѣрены, что хотя онъ порою и бывалъ страшенъ, но только на словахъ и въ жестахъ, а въ исполненіе своихъ угрозъ неспособенъ приводить. Быть можетъ, это въ общемъ было и вѣрно, но только въ общемъ: въ частности же онъ всетаки могъ и выйти за предѣлы неопасныхъ угрозъ, и нужно было хорошо знать его, чтобы предугадать такую возможность. А скачки въ настроеніи Лёски всегда были такъ рѣзки, неожиданны, сумбурны, что первое время даже не вѣрилось въ возможность какого бы то ни было предвидѣнія ни времени этихъ перемѣнъ, ни формъ, въ которыхъ онѣ могли сказаться. И только дней черезъ десять я уже настолько изучилъ эту искромсанную, больную душу несчастнаго эпилептика, что могъ почти безъ ошибки предугадывать его настроеніе въ ближайшее время.

О. Серафима нельзя было уговорить сдѣлать что-нибудь такое, что не отвѣчало бы именно его, а не чужимъ желаніямъ. Онъ былъ упрямъ и самостоятеленъ. Лёска же—помимо того, что то и дѣло перескакивалъ съ одного настроенія на другое,—былъ до чрезвычайности воспріимчивъ ко всякому внушенію со стороны, готовъ былъ подражать всему, что хоть на моментъ захватывало его вниманіе. Правда, такое порою неудержимое стремленіе осуществить чужую мысль держалось въ немъ недолго, прерывалось чѣмъ-нибудь другимъ, своимъ, но неожиданно, въ видѣ какого-то остраго рецидива, бурно сказывалось опять. Какъ будто бы въ его временно опустѣвшій отъ мыслей мозгъ врывалась незадолго до этого занимавшая его, но неосуществленная чужая мысль и съ удвоенной силой требовала осуществленія.

Какъ-то въ первые дни моей жизни въ „покоѣ" на койку между мной и Лёской положили уже умирающаго въ тифѣ арестанта. Онъ былъ безъ сознанія и все время бредилъ и стоналъ. Лёска этихъ стоновъ какъ будто бы и не слыхалъ, но о. Серафима они видимо сильно раздражали, и онъ то и дѣло злобно поглядывалъ на умирающаго. Я лежалъ на койкѣ: мнѣ фельдшеръ только-что промассировалъ парализованную ревматизмомъ руку; Лёска смотрѣлъ въ окно на закатъ солнца и тянулъ какую-то унылую арестантскую пѣсню.

— У... чортъ! скулитъ-то какъ!..—проговорилъ о. Серафимъ, кивнувъ на тифознаго.—Встряхнуть бы его... Лёска! А?

Лёска сразу оборвалъ пѣсню и повернулся.

— Скулитъ. И спать вѣдь не дастъ, а все равно умретъ... И вѣрно, встряхнуть надо!—уже рѣшительно закончилъ онъ и быстро направился къ койкѣ.

Этотъ терминъ мнѣ былъ еще неизвѣстенъ, и потому я спокойно спросилъ Лёску:

— Какъ встряхнуть?

— Какъ?—встряхнуть да и только! Мы въ больницѣ такихъ троихъ при мнѣ встряхнули (до „покоя" Лёска мѣсяцъ вылежалъ въ тифозномъ отдѣленіи тюремной больницы); покою не давали. Возьмешь подъ мышки иль за ноги, подымешь на вѣсъ и тряхнешь что есть силы книзу — онъ и вытянется, какъ заяцъ, когда его по загорбку ударишь, все внутри-то сразу порвется, потому что все ужъ сгнило...—слегка пренебрежительно пояснилъ мнѣ Лёска и, принявъ спокойный тонъ моего вопроса за согласіе на ихъ проектъ, крикнулъ о. Серафиму:

— Ну-ка, отецъ, помоги немного, у Егорыча-то рука не годится...

Когда же, къ великому удивленію Лёски и особенно о. Серафима, я не далъ своего согласія на „встряхиваніе",—оба они едва не набросились на меня и только послѣ долгаго препирательства и грубой ругани какъ будто бы согласились со мной, что добивать умирающаго сотоварища — не хорошо, что онъ и такъ едва ли протянетъ ночь. Ночью, когда, какъ я думалъ, всѣ давно уже спятъ, я не то чтобы услыхалъ, а скорѣе почувствовалъ около себя кого-то лишняго. Я открылъ глаза и тотчасъ же долженъ былъ вскочить съ койки: Лёска, наложивъ на лицо тифознаго мокрое полотенце, медленно, но крѣпко нажималъ его сверху подушкой—тотъ лишь конвульсивно подергивалъ ослабѣвшими ногами и глухо хрипѣлъ. Лёска потомъ мнѣ разсказывалъ, что, проснувшись и услыхавъ стоны больного, онъ „рѣшилъ всетаки покончить съ нимъ", но, опасаясь, что „встряхиваніе" можетъ разбудить меня, замѣнилъ его не менѣе вѣрнымъ способомъ успокоенія „мѣшающаго спать" товарища—такъ называемой „крышкой". На этотъ разъ мой окрикъ не испугалъ Лёску, и мнѣ пришлось, крикнувъ Илью, въ то же время отбросить ударомъ Лёску отъ умирающаго. Черезъ десять минутъ Лёска уже навзрыдъ плакалъ и билъ себя куда попало кулаками „за звѣрское дѣло", которое едва не совершилъ, и на этотъ разъ безо всякаго давленія на него со стороны о. Серафима.

Несчастный Лёска! На меня онъ производилъ трагическое впечатлѣніе не „сумасшедшаго", не „помѣшаннаго" на чемъ-нибудь, а полнѣйшаго неврастеника, совершенно безвольнаго и, къ своему несчастію, знавшаго и глубоко чувствовавшаго это свое безволіе и мучившагося имъ. Онъ—какъ это я открылъ къ своему удивленію дня черезъ три-четыре послѣ нашего знаком-

ства—былъ много выше по развитію значительнаго большинства арестантской братіи. Онъ, оказалось, былъ знакомъ, и недурно, съ нашими и европейскими классиками, зналъ исторію, вполнѣ грамотно писалъ; но устная рѣчь его подернулась, какъ налетомъ, арестантскимъ жаргономъ. Въ состояніи безволья онъ вполнѣ подчинялся арестантской морали и логикѣ. Біографія его была мнѣ извѣстна такъ же неполно, какъ и біографія о. Серафима. Ему было подъ сорокъ лѣтъ. Дѣтство и юность онъ прожилъ воспитанникомъ въ чужой „образованной" семьѣ, затѣмъ потерялъ эту семью, очутился на улицѣ, съ улицы пошелъ въ военную службу, а оттуда, „за растрату казеннаго имущества", попалъ въ арестантскія роты, тамъ во время работъ сильно расшибся, проболѣлъ около года.

— И вотъ съ той поры я уже не человѣкомъ сталъ: кромѣ какъ на воровство — ни къ чему не пригоденъ... Все во мнѣ служба да роты отшибли... и умъ, и все, все...—говорилъ Лёска.

А. Марусинъ.

ВОЕННЫЙ ПОДБОРЪ

Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, уѣзжая съ театра войны, обратился съ прощальнымъ словомъ къ офицерамъ первой манчжурской арміи. Много горькой правды было высказано въ этомъ прощальномъ обращеніи, въ которомъ генералъ Куропаткинъ подводилъ итоги пережитому, передуманному, перечувствованному...

Не буду здѣсь воспроизводить всю его рѣчь, въ которой онъ не забываетъ послать упрекъ и самому себѣ; приведу лишь нѣкоторыя его мысли. „Мы бѣдны выдающимися самостоятельностью, энергіей, иниціативою людьми. Ищите ихъ, поощряйте, продвигайте впередъ. Вызывайте ростъ этихъ основныхъ для военнаго человѣка качествъ. Люди съ сильнымъ характеромъ, люди самостоятельные, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ въ Россіи не только не продвигались впередъ, а преслѣдовались: въ мирное время такіе люди для многихъ начальниковъ казались безпокойными, казались людьми съ тяжелымъ характеромъ и таковыми аттестовывались. Въ результатѣ такіе люди часто оставляли службу. Наоборотъ, люди безъ характера, безъ убѣжденій, но покладистые, всегда готовые во всемъ соглашаться съ мнѣніями своихъ начальниковъ, выдвигались впередъ“.

Въ этихъ краткихъ словахъ — картина прошлаго и настоящаго и цѣлая программа для будущаго.

„Самостоятельность, энергія, иниціатива“! Да, эти качества крайне необходимы военному, офицеру. Вѣдь ему, въ зависимости отъ условій боя, часто придется принимать на свой рискъ и страхъ серьезныя рѣшенія, отъ которыхъ можетъ зависѣть исходъ сраженія, жизнь сотенъ, тысячъ людей. Чтобы принять такое рѣшеніе, нужна самостоятельность мысли, нуженъ характеръ; чтобы

осуществить его—необходима иниціатива; чтобы довести дѣло до намѣченнаго конца—нужна энергія и очень сильная воля. Генералъ Куропаткинъ чувствовалъ и сознавалъ, что отсутствіемъ именно этихъ качествъ среди нашего офицерскаго и высшаго командного состава объясняется, въ значительной степени, несчастный для насъ исходъ минувшей кампаніи.

Призывъ генерала Куропаткина долженъ всегда быть въ сознаніи тѣхъ, кто задумывается надъ недостатками нашей арміи и искренно желаетъ ей полнаго обновленія. Лучше смѣло и прямо признать нашу духовную нищету, чѣмъ бодро смотрѣть впередъ и по прежнему оффиціально докладывать: „Все обстоитъ благополучно!"

Генералъ Куропаткинъ не ограничивается констатированіемъ факта; онъ даетъ и объясненіе его, пріурочивая его къ условіямъ нашей жизни.

Не касаясь вопроса о вліяніи семьи и школы, особенно военной, на уничтоженіе въ самомъ зародышѣ необходимыхъ для военнаго качествъ, мы остановимся на спеціальномъ военномъ подборѣ, который, сознательно или безсознательно, совершается въ нѣдрахъ самой арміи.

„Людей съ сильнымъ характеромъ, самостоятельныхъ во многихъ случаяхъ, не только не выдвигали впередъ, а ихъ преслѣдовали". И это преслѣдованіе совершалось съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Если молодой человѣкъ сохранилъ энергію и иниціативу, пройдя черезъ горнило корпуса и военнаго училища, то въ строю его усматривалъ зоркій глазъ всевидящаго начальника—и горе было такому офицеру. Какъ „безпокойному", ему не давали покоя и гоняли съ мѣста на мѣсто, то и дѣло подвергая его взысканіямъ за малѣйшія служебныя упущенія. И онъ либо смирялся и дѣлался формальнымъ исполнителемъ казеннаго дѣла, либо оставлялъ службу и искалъ счастья внѣ военной службы. Это не утрировка, а сама жизнь: по справедливому замѣчанію генерала Куропаткина, „такіе люди для многихъ начальниковъ казались безпокойными" и отъ нихъ было желательно отдѣлаться.

Если молодой офицеръ, пройдя всѣ мытарства, удачно обошелъ и Сциллу начальническаго воздѣйствія, и Харибду серьезныхъ житейскихъ компромиссовъ, и въ роль посредствующаго начальника внесъ и самостоятельность мысли, и энергію, и желаніе проявить иниціативу, то для него часто открывается новая западня. Стѣсняясь прямо воздѣйствовать на него, начальство, путемъ негласныхъ аттестацій, для него неблагопріятныхъ, можетъ

его обойти и затереть. Система секретныхъ аттестацій, лишая аттестуемаго права законной самообороны, даетъ въ руки военнаго начальства отличное средство для осуществленія того, что мы назвали военнымъ подборомъ.

А что такой военный подборъ осуществляется на самомъ дѣлѣ, въ этомъ убѣждаютъ насъ не только мнѣніе генерала Куропаткина, прошедшаго всѣ стадіи военной службы, начиная съ младшаго офицера, но и голоса изъ арміи — этой великой молчальницы.

Вотъ что пишетъ г. Няньковскій въ № 112 „Военнаго Голоса" (1906 г.) о горькой долѣ младшаго офицера. Говоря о томъ, можетъ ли младшій офицеръ заинтересоваться своимъ дѣломъ, онъ восклицаетъ: „Заинтересоваться... Сомнительно! Когда его же ротный командиръ старается отнять у него всякую самостоятельность, всякое поползновеніе проявить свою волю и свое желаніе, старается обезличить его, сдѣлать изъ него только молчаливаго, не разсуждающаго, но покорнопослушнаго подчиненнаго, то, кажется, заинтересоваться службою трудно... А сколько младшій офицеръ получаетъ незаслуженныхъ оскорбленій, которыя опять-таки долженъ молча переносить, ибо онъ — подчиненный: вступать въ пререканія съ начальникомъ нельзя".

Методы воспитанія нашей молодежи въ строю непригодны для образованія людей съ сильнымъ характеромъ и для удержанія такихъ людей на военной службѣ.

Что мы видимъ? — говоритъ г. Няньковскій. „Самое сухое, формальное отношеніе къ юному офицеру, только что начинающему свое служебное поприще, а иногда до того грубое, непріятное, что у молодого человѣка опускаются руки. Даже въ частной жизни, въ своей офицерской средѣ, рѣзко проводится черта между командирами ротъ и младшими офицерами, полагая, что начальникъ не можетъ быть товарищемъ. Я не говорю уже о полковыхъ командирахъ, которые держатъ себя настоящими шефами, полубогами, снисходящими только иногда подать руку подполковнику, въ видѣ особой милости, и доходящими даже до того, что не позволяютъ офицерамъ садиться въ присутствіи ихъ женъ".

Способствуетъ ли такое отношеніе начальства къ подчиненнымъ, на службѣ и внѣ службы, развитію въ офицерствѣ самостоятельности, энергіи, иниціативы? И не приводитъ ли оно однихъ къ приспособленію, а другихъ, болѣе сильныхъ и самолюбивыхъ — къ оставленію военной службы? Такъ совершается военный подборъ.

Можно было бы привести много примѣровъ, подтверждаю-

щихъ мысли г. Няньковскаго. Въ томъ же номерѣ „Военнаго Голоса“ г. Старкадъ, въ статьѣ „Офицерскія развлеченія и нижніе чины“ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „При настоящемъ неразграниченіи въ бытовомъ строѣ военной жизни сферы обязательныхъ служебныхъ отношеній отъ сферы личной, въ которой каждый военно-служащій является такимъ же человѣкомъ и гражданиномъ, какъ и его начальникъ, у насъ въ арміи положительно создалась вновь крѣпостная зависимость подчиненнаго отъ начальника“. Крѣпостная зависимость!.. Это ли школа для выработки сильныхъ характеровъ?.. Нѣтъ, это тиски для выдавливанія всего выдающагося своимъ характеромъ, иниціативою, оригинальностью.

Но не только путемъ начальственнаго гнета и стѣсненія иниціативы совершается военный подборъ. Для этой цѣли употребляются и другія, если можно такъ выразиться, „воспитательныя средства“.

Кто не знаетъ, что, сплошь и рядомъ, начальникъ старается направить самую мысль подчиненнаго въ одномъ, желательномъ ему направленіи. Пользуясь своей дискреціонной властью, онъ запрещаетъ офицерамъ выписывать въ полковыя библіотеки книги, журналы и газеты, кажущіяся ему вредными, и приказываетъ имъ выписывать тѣ, которыя ему нравятся. Если принять во вниманіе, что въ маленькихъ гарнизонахъ, въ захолустныхъ углахъ умственную пищу офицеръ можетъ получить только въ своей офицерской библіотекѣ, то станетъ ясно, какое одностороннее направленіе получаетъ мысль офицера, обязаннаго довольствоваться пищей по рецепту своего не въ мѣру заботливаго начальника.

Пора покончить съ этимъ пережиткомъ старины. Пора позаботиться о созданіи офицеровъ-гражданъ, готовыхъ и способныхъ осуществить свою великую задачу,—защиту родины отъ враговъ.

Для этого нужно, прежде всего,—какъ справедливо сказано въ отвѣтномъ адресѣ первой Государственной Думы — „внести начало законности въ армію“. Нужно, чтобы законъ уважался и исполнялся не только младшими, но и старшими. Нужно, чтобы служба давала достаточный просторъ для проявленія инициативы начальниковъ всѣхъ степеней. Нужно, чтобы люди „безъ характера, безъ убѣжденій, но покладистые, всегда готовые во всемъ соглашаться съ мнѣніями своихъ начальниковъ“, не выдвигались впередъ, а оставались на задворкахъ арміи.

Приведенныя выше мысли были мною выражены въ спѣшно написанной статьѣ, напечатанной, въ маѣ 1906 г., на столб-

цахъ издававшейся въ то время въ Ташкентѣ газеты: „Русскій Туркестанъ“.

Рамки газетной статьи не позволяли мнѣ разсмотрѣть вопросъ о „военномъ подборѣ“ съ достаточной подробностью, а между тѣмъ онъ очень важенъ и заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Главный путь, по которому проходитъ масса нашихъ молодыхъ офицеровъ, прежде полученія офицерскихъ эполетъ — это кадетскіе корпуса и военныя училища. Меньшинство проходитъ только черезъ военныя училища, да и оно, главнымъ образомъ, рекрутируется изъ тѣхъ неудачниковъ, которые либо не могли, по недостатку средствъ, пойти въ высшія учебныя заведенія, либо не выдержали конкурсныхъ экзаменовъ.

Если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что правительство, въ заботахъ ли о доставленіи офицерамъ возможности дать своимъ сыновьямъ хоть какое-нибудь образованіе, или, быть можетъ, въ разсчетѣ обезпечить себя послушными, вышколенными съ дѣтства, офицерами, охотно принимаетъ дѣтей офицеровъ въ корпуса на казенный счетъ, и припомнимъ, что наше рядовое офицерство, вплоть до полкового командира, получаетъ (правильнѣе сказать—получало до 1-го января 1909 г.) очень скромное, особенно при довольно высокихъ требованіяхъ жизни, жалованье, то намъ станетъ ясно, почему кадетскіе корпуса комплектуются, главнымъ образомъ, сыновьями офицеровъ.

Кадеты, еще до поступленія въ корпуса, воспитываются близъ казармъ, пропитываются спеціальной атмосферой покорности съ одной стороны и начальнической спѣси съ другой. Еще дѣтьми они слышатъ, какъ отцы, обязанные къ тому по уставу, говорятъ денщикамъ: „ты“, а послѣдніе титулуютъ ихъ „ваше благородіе“, „ваше высокоблагородіе“, „ваше превосходительство“. Ихъ „благородныя“, „высокоблагородныя“ и „превосходительныя“ маменьки съ неменьшимъ пренебреженіемъ, уже не по обязанности службы, а по доброй волѣ и по привычкѣ, относятся къ своимъ слугамъ, одѣтымъ въ мундиры защитниковъ отечества. Такое отношеніе иногда просто требуется начальствующими лицами. Пишущій эти строки въ теченіе продолжительной службы не разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ командиры частей выражали неудовольствіе женамъ офицеровъ, говорившимъ денщикамъ „вы“. „Вы портите мнѣ солдатъ“—говорили старые полковники молоденькимъ и неопытнымъ женамъ поручиковъ, и тѣ, сконфуженныя, не знали, что имъ дѣлать. Если со стороны мужей онѣ не встрѣчали поддержки, то часто

и переходили къ обращенію на „ты“. Иногда жены офицеровъ въ обращеніи съ денщиками заходятъ и дальше. Приходилось читать распоряженія старшихъ начальниковъ, — командующихъ войсками, — предупреждавшія офицеровъ, что за безобразное обращеніе офицерскихъ женъ съ денщиками будутъ отвѣчать, въ дисциплинарномъ порядкѣ, ихъ мужья.

Такъ или иначе, но сыновья офицеровъ и въ семьѣ, а еще больше въ казармѣ, куда ходятъ со своими отцами, видятъ обращеніе офицеровъ съ солдатами, начальниковъ съ подчиненными, и привыкаютъ къ безконтрольнымъ распоряженіямъ. Еще въ ребенкѣ создается представленіе о привилегированномъ положеніи начальника—и къ этому положенію онъ и готовится, поступая въ корпусъ. По крайней мѣрѣ большинству приходится неоднократно слышать: „Вотъ будешь офицеромъ. Офицеръ, братъ, не то, что штатскій“. Такъ настроенный мальчикъ поступаетъ въ корпусъ. Здѣсь онъ попадаетъ подъ вліяніе не просто воспитателей, а офицеровъ-воспитателей, которые сразу, съ первыхъ же шаговъ, дѣлаютъ изъ него маленькаго солдатика. Онъ занимается выправкой, фронтомъ; онъ видитъ въ офицерѣ всемогущаго начальника, обладающаго значительной дисциплинарной властью. Къ дѣтскимъ проступкамъ и шалостямъ, неизбѣжнымъ при совмѣстной жизни нѣсколькихъ десятковъ дѣтей, прибавляются проступки противъ *воинской* дисциплины. Въ обращеніи къ своимъ воспитателямъ кадетъ называетъ ихъ не по имени и отчеству, а по чину. Титулы загораживаютъ человѣка; возникаетъ привычка раздѣлять всѣхъ людей на подчиненныхъ и начальниковъ, которымъ подчиненные должны безпрекословно повиноваться и авторитетъ которыхъ для него важенъ не потому, что они обладаютъ знаніями и опытомъ, а потому, что на нихъ надѣты погоны съ извѣстнымъ количествомъ полосокъ и звѣздочекъ. А изученіе этихъ полосокъ и звѣздочекъ и другихъ внѣшнихъ отличій доведено до совершенства. Мнѣ не разъ приходилось встрѣчать кадетъ, и даже не старшихъ классовъ, которые безошибочно объясняли мнѣ постепенность, въ которой получаются офицерами различные ордена и знаки отличія. Въ старшихъ же классахъ кадеты уже настолько проникнуты важностью военной карьеры, что не разъ я встрѣчалъ юношей, еще не поступившихъ въ военное училище, но очень обстоятельно разсуждавшихъ, когда имъ *выгоднѣе* поступить въ артиллерійскую академію, чтобы поскорѣе получить чинъ полковника, т.-е. стать командиромъ батареи.

Культу „чести мундира“ и презрѣнію къ „шпакамъ“, зерна

которыхъ часто были заброшены въ дѣтяхъ еще въ родной семьѣ, въ корпусѣ отведено значительное мѣсто. Для воспитанія въ дѣтяхъ и юношахъ привычки властвовать, командовать, заведены въ корпусахъ ни для чего не нужныя званія унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Пріученіе кадетъ не просто къ опрятности, а къ извѣстному шику, щегольству и внѣшнему лоску, тоже входитъ въ систему воспитанія будущихъ офицеровъ.

Внѣклассному развитію, посредствомъ чтенія, поставлены въ корпусахъ значительныя препоны. Уставъ внутренней службы, требующій подписи ротнаго командира на всякой книжкѣ солдата, распространенъ и на кадетъ. Убогій подборъ книгъ въ ротныхъ библіотекахъ не можетъ пополняться собственными книгами: начальство зорко слѣдитъ, чтобы вольная мысль не проникла въ стѣны дѣтской казармы, и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы сократить стремленія кадетъ къ пополненію своихъ знаній путемъ внѣкласснаго чтенія. Литературу замѣняетъ спеціальная военная словесность—книга генералъ-лейтенанта Черткова съ краткими свѣдѣніями о знамени, присягѣ, ружьѣ и т. п. Приведемъ въ видѣ примѣра любопытную „отмѣтку воспитателя“ на „Аттестаціи объ успѣхахъ и поведеніи кадета VI класса N—скаго корпуса“, высланной родителямъ въ 1906-мъ году. „Занимается очень хорошо и много помогаетъ товарищамъ. У него отобрано 23 брошюры, изъ которыхъ большинство самаго крайняго направленія. За это педагогическимъ комитетомъ онъ смѣщенъ съ помощника старшаго и ему сбавлено 4 балла за поведеніе, съ 9 на 5. Въ случаѣ повторенія подобнаго проступка, согласно циркулярнаго распоряженія военнаго министра, будетъ исключенъ изъ корпуса безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія“.

Немудрено, что при такой системѣ воспитанія, при отодвиганіи науки на задній планъ и при настойчивой борьбѣ съ внѣкласснымъ чтеніемъ, подготовка кадетъ оставляетъ желать весьма многаго. Вотъ что писали молодые офицеры съ театра войны. „Я не могу себѣ представить теперь, какъ это четыре мѣсяца тому назадъ я могъ, упорно и не разсуждая, стоять за то, что теперь для меня съ такою ясностью является преступнымъ абсурдомъ. Корпусъ воспиталъ во мнѣ какую-то неразсуждающую пѣшку и подавилъ не только критическое отношеніе къ событіямъ, но даже и интересъ къ нимъ. Теперь у меня открылись глаза. Только съ родными у меня началась борьба; все пишутъ: „брось ты эти завиральныя бредни, погибнешь съ ними и толку не будетъ; какое тебѣ дѣло до другихъ, помни только о себѣ; вѣдь о тебѣ никто не подумаетъ“. Другой офицеръ, послѣ прочтенія въ „Сынѣ Оте-

чества“ (1905 г.) статьи г. Военнаго „О кадетскихъ корпусахъ“, такъ дѣлится своими впечатлѣніями съ пріятелями. „Да, замѣтка очень хороша и я вполнѣ согласенъ съ ней. Жаль только, что авторъ коснулся только части постановки воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ. А вѣдь можно написать еще многое, что совершенно неизвѣстно обществу. Взять, напр., ту отрицательную сторону кадетскаго корпуса, какъ закрытаго казеннаго заведенія (я разумѣю весь режимъ, съ подборомъ „воспитателей и т. д.), которая такъ калѣчитъ физически и нравственно дѣтей. А вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, громадной важности и, къ сожалѣнію, наша періодическая печать мало раскрываетъ обществу ту ужасную атмосферу, въ которой дѣти проводятъ самые лучшіе свои годы, годы особенно воспріимчивые къ хорошему или дурному“.

Многіе изъ числа лучшихъ, наиболѣе энергичныхъ юношей уходятъ, по окончаніи корпусовъ, на сторону, минуя военныя училища. Одни, не будучи въ состояніи вынести духъ воинской дисциплины, съ которой ихъ познакомили въ корпусахъ, органически не въ силахъ идти на военную службу и выбираютъ себѣ другой путь жизни; другіе, видя необезпеченное положеніе рядового офицерства, имѣютъ въ виду подготовить себя къ иному роду дѣятельности. И тѣ, и другіе должны обладать довольно сильнымъ характеромъ, чтобы сойти съ проложеннаго пути, на которомъ такъ легко дойти до офицерскаго чина. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить тѣхъ, которые, не выдержавъ нравственной ломки и нарушивъ порядокъ заведенія, ушли изъ корпусовъ до окончанія курса, безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія. Мы видѣли, какіе проступки влекутъ за собой такую кару.

Военныя училища, кромѣ спеціальныхъ, не имѣютъ никакого общеобразовательнаго значенія. Это лабораторія воинскихъ артикуловъ, въ которой абитуріенты насыщаются верхушками военныхъ знаній и навыковъ, и съ грѣхомъ пополамъ овладѣваютъ ими. Но не въ этомъ главное назначеніе училища. Здѣсь начинается уже дѣйствительная служба; юнкера присягаютъ, они уже не ученики, а солдаты, связанные всей строгостью пассивной дисциплины. Повиновеніе старшимъ, начальникамъ, повиновеніе безпрекословное, безъ разсужденій, становится той цѣлью, которая преслѣдуется при воспитаніи юношей—будущихъ офицеровъ.

А лекціи! Цѣлые часы тратятся на объясненія круговыхъ поворотовъ, полуоборотовъ, правилъ равненія, осмотровъ и другихъ тонкостей военныхъ уставовъ, тогда какъ для прошедшихъ среднюю школу юнкеровъ, казалось бы, вполнѣ достаточно

прочесть уставъ самостоятельно. Эти лекціи не могутъ возбудить никакихъ научныхъ интересовъ. Отсюда ослабленіе интереса къ своей спеціальности. Военные журналы—„Военный Сборникъ“, „Артиллерійскій журналъ“, „Инженерный журналъ“, „Морской сборникъ“ и др.—лежатъ на столахъ нетронутыми, я сказалъ бы неразрѣзанными, еслибы нѣкоторыя редакціи, узнавъ о такомъ безсознательномъ бойкотированіи спеціальныхъ журналовъ, не выпускали свои изданія уже обрѣзанными при брошюровкѣ.

Перемѣнить сразу избранную военную карьеру молодые люди, окончившіе военное училище, не могутъ: они обязаны за каждый годъ училища отслужить полтора года офицерами. Многіе изъ числа наиболѣе энергичныхъ, по окончаніи обязательнаго срока, уходятъ съ военной службы.

Однако, какъ ни ломала дѣтей школа, какъ ни уничтожали индивидуальность корпусъ и училище, все же справедливость требуетъ сказать, что въ ряды офицерства попадаютъ не только молодые люди съ угашеннымъ духомъ, безъ воли и характера. Преодолѣвая всѣ препятствія, попадаютъ туда и люди другого склада. Но здѣсь имъ приходится сразу встрѣчаться съ суровой дѣйствительностью, съ примѣненіемъ къ нимъ всей силы дисциплинарнаго устава и просто произвола начальника.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду опираться, между прочимъ, на статью г. Ладыженскаго: „О командномъ составѣ и системѣ его подбора“, помѣщенной на страницахъ оффиціальнаго органа военнаго министерства — „Военнаго Сборника“ (1906 г., сентябрь и октябрь). Эта статья представляетъ большой интересъ именно потому, что вскрываетъ многія слабыя стороны подбора войсковыхъ начальниковъ. Авторъ, очевидно, самъ признаетъ огромный вредъ, приносимый системой „военнаго подбора“, и понимаетъ то ужасающее вліяніе, которое оказываютъ на офицеровъ тиски военно-административнаго произвола. Это чувствуется съ особенною ясностью въ томъ мѣстѣ статьи, гдѣ доказывается необходимость въ основу аттестаціи офицера полагать оцѣнку его дѣятельности въ начальный періодъ его службы. „Въ этотъ періодъ службы офицера, — говоритъ авторъ, — сказывается во всей природной чистотѣ *его характеръ какъ человѣка вообще и какъ военно-служащаго въ частности* (курсивъ въ подлинникѣ). Въ дальнѣйшей службѣ характеръ его можетъ до нѣкоторой степени измѣниться подъ давленіемъ обстоятельствъ“, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ система произвольнаго начальническаго воздѣйствія. И несомнѣнно, это измѣненіе въ значительной степени является причиной того,

что, по авторитетному заявленію автора, „половина ротныхъ и эскадронныхъ командировъ ниже посредственности“. По словамъ г. Ладыженскаго, до штабъ-офицерскаго чина дослуживаются вовсе не лучшіе, а тѣ, коимъ больше некуда дѣваться, или наиболѣе терпѣливые, или обманываемые надеждой когда-нибудь получить полкъ, или имѣющіе „особую протекцію“. На желаніе офицера уйти со службы оказываютъ вліяніе не только гнетъ дисциплины и произволъ начальниковъ, но и безидейность повседневныхъ занятій военно-служащаго, поставленныхъ такъ, что сразу убивается въ офицерѣ интересъ къ его дѣлу, если таковой сохранился, не смотря на подтачивающее вліяніе корпуса и училища. Нѣсколько прекрасныхъ страницъ посвящаетъ г. Ладыженскій обрисовкѣ этихъ занятій и въ заключеніе приходитъ къ слѣдующему знаменательному выводу. „Вотъ та система обученія, та обстановка, въ которой должны разсматриваться вышесказанныя достоинства будущаго военноначальника, т.-е. находчивость, самостоятельность, иниціатива, рѣшительность и пр. Мнѣ кажется, что при такихъ обстоятельствахъ развивается только „томленіе духа“ и желаніе уйти куда-нибудь изъ строя“.

При такой атмосферѣ военной службы, съ повышеніемъ въ рангѣ масса офицеровъ несомнѣнно становится все болѣе и болѣе безцвѣтной, и для выбора начальниковъ остается мало лицъ, отмѣченныхъ рѣзкими индивидуальными чертами. Ничего не выдается на фонѣ сѣрой обыденщины; приходится выбирать начальниковъ или изъ числа „хорошихъ знакомыхъ еще по службѣ въ такомъ-то округѣ“, или по „особой протекціи“, преимущественно изъ служащихъ въ Петербургѣ, „лично извѣстныхъ“ такому-то. И если таковы были основанія для выбора военноначальниковъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, то съ неменьшей силой они дѣйствовали и продолжаютъ дѣйствовать при выборѣ начальниковъ мирнаго времени.

Кромѣ „знакомыхъ“, „лично извѣстныхъ“ гвардейцевъ и иныхъ петербургскихъ чиновъ, на командныя должности продвигаются и тѣ рядовые офицеры, которые дожили до этого момента, не убѣжавъ своевременно изъ арміи.

Осуществленію военнаго подбора много помогаетъ система секретныхъ аттестацій, составляемыхъ единолично начальникомъ части и не представляемыхъ даже для ознакомленія самимъ аттестуемымъ офицерамъ. Эти аттестаціи даютъ полную возможность сводить личные счеты съ подчиненными, а ужъ объ изъятіи нежелательныхъ военнымъ бюрократамъ элементовъ и говорить нечего.

На страницахъ „Развѣдчика“ (1902 г., № 588) мною разсказанъ случай, бывшій съ однимъ капитаномъ: въ теченіе года онъ получилъ орденъ за отличіе по службѣ и Высочайшую благодарность и въ томъ же году былъ обойденъ въ правѣ на полученіе батареи. Это—плодъ тайны аттестацій. Много подобныхъ случаевъ можно было бы разсказать; ограничусь лишь однимъ. Штабъ-офицеръ, представленный за отличіе по службѣ къ производству въ слѣдующій чинъ и занимавшій самостоятельный и отвѣтственный постъ, за нѣсколько дней до производства, по телеграммѣ, отставленъ отъ производства безъ указанія мотивовъ, повидимому — по причинамъ, ничего общаго съ обязанностями службы не имѣющимъ.

Введеніе новыхъ органовъ—аттестаціонныхъ совѣщаній (прик. по военн. вѣд. 1906 г. № 701) является лишь слабымъ коррективомъ, ибо принципъ секретности сохранился (ст. 13) и только окончательное рѣшеніе въ общей формѣ сообщается аттестуемому.

Послѣ появленія моей краткой замѣтки о системѣ „военнаго подбора“ мнѣ приходилось не разъ слышать среди офицерства выраженія полной солидарности съ высказанными мною мыслями. Были и печатные отзывы въ томъ же духѣ. Однимъ изъ нихъ я и закончу настоящую статью.

Этотъ отзывъ особенно цѣненъ потому, что онъ высказанъ бывшимъ офицеромъ, выросшимъ въ военной семьѣ, среди воспоминаній о кавказскихъ войнахъ, фельдфебелемъ военнаго училища, поступившимъ на службу въ Туркестанъ, чтобы скорѣе попасть въ бой. Этотъ бывшій офицеръ—В. П. Наливкинъ, членъ второй Государственной Думы отъ города Ташкента. Вотъ что писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Скобелевѣ („Русск. Туркестанъ“, № 118—123), къ составленію которыхъ онъ и приступилъ отчасти подъ вліяніемъ моей замѣтки о „военномъ подборѣ“, чтобы фактами подтвердить справедливость моихъ положеній. „Всѣ эти (указанные мною, К. О.) недостатки несомнѣнно являются также слѣдствіемъ безусловно пагубной изолированности арміи, крайней замкнутости ея внутренней жизни, ея разобщенности отъ жизни остальной части націи. Все это ставитъ армію въ положеніе подобное тому, въ которомъ еще такъ недавно находились такія „закрытыя“, изолированныя отъ общественнаго глаза и общественнаго контроля заведенія, какъ институты, какъ кадетскіе корпуса, какъ семинарская бурса, въ которыхъ творились зачастую самыя возмутительныя дѣла“. Въ своихъ воспоминаніяхъ г. Наливкинъ разсказываетъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ.

Вотъ два, особенно характерные. Описывая эпизодъ изъ хивинской экспедиціи, г. Наливкинъ говоритъ: „Когда бо́льшая часть туркменъ уже переправилась черезъ арыкъ, когда, кто въ бродъ, кто вплавь, переправлялись лишь отставшіе, мужчины и женщины, къ берегу подскакалъ прапорщикъ 2-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Н—скій и началъ стрѣлять изъ револьвера. Его тотчасъ же остановили. Возмущенный этой пакостью Головачевъ (начальникъ отряда) рвалъ и металъ. Не менѣе возмущенные офицеры 2-го баталіона объявили ему, что, по возвращеніи въ Ташкентъ, Н—скій обязанъ немедленно уйти изъ части и что во всякомъ случаѣ съ этого дня они не считаютъ его своимъ товарищемъ. Въ теченіе остальной части похода съ нимъ никто не разговаривалъ; никто не подавалъ ему руки. По возвращеніи въ Ташкентъ, Н—скій уѣхалъ въ Россію, а я впослѣдствіи узналъ, что ему удалось перевестись въ одно изъ казачьихъ войскъ. Въ упомянутомъ казачьемъ войскѣ г. Н—скій, навсегда опозорившій себя какъ офицеръ, съ позоромъ изгнанный изъ 2-го баталіона, недопускавшаго оставленія въ своей средѣ завѣдомыхъ негодяевъ, баталіона, къ которому мы, старые туркестанскіе офицеры, издавна привыкли относиться съ чувствомъ искренняго и глубокаго уваженія, г. Н—скій, говорю я, въ упомянутомъ казачьемъ войскѣ дослужился до генеральскаго чина, а во время войны даже командовалъ дивизіей“. Другой случай. Когда во время кокандскаго похода, послѣ одной изъ лихихъ казачьихъ атакъ собрались офицеры и къ нимъ подъѣхалъ Скобелевъ, то командовавшій конными стрѣлками подпоручикъ К., „всегда любившій паясничать и кривляться, съ особыми, ему одному свойственными ужимками началъ докладывать о своихъ подвигахъ.—Сегодня, ваше превосходительство, казачки неисправно работали. Когда я съ конными стрѣлками подошелъ сюда, многіе сарбазы оказались неубитыми, а только ранеными. Нѣкоторые, повидимому, притворились ранеными; поднимали головы, озирались. Но мои стрѣлочки всѣхъ ихъ прикололи, прикончили.—Отлично помню, что Скобелевъ ничего не сказалъ на это, не сдѣлалъ никакого замѣчанія. Но отлично помню также, какъ нахмурилось нѣсколько суровыхъ загорѣлыхъ офицерскихъ лицъ; какой злобой, какимъ негодованіемъ загорѣлись глаза, какимъ презрѣніемъ прозвучалъ голосъ кого-то изъ присутствовавшихъ, когда, по отъѣздѣ Скобелева, онъ сказалъ:—Какая же ты дрянь, Петька!—А Петька кривлялся, паясничалъ и глупо ухмылялся. Его, правда, не постигла участь прапорщика Н—скаго; онъ остался въ баталіонѣ. Дальнѣйшая карьера его была бле-

стяща. Когда онъ былъ уже полковникомъ и служилъ въ Россіи, и ему надо было занять соотвѣтствующую должность, чтобы получить генерала, его услуги, при посредствѣ покровителей, были предложены одному изъ наиболѣе видныхъ и старыхъ генераловъ арміи. Этотъ генералъ категорически заявилъ, что „подобнымъ“ офицерамъ въ его округѣ мѣста нѣтъ. Тѣмъ не менѣе вскорѣ К. былъ все-таки вытянутъ въ генералы своимъ дальнимъ родственникомъ, который тогда былъ „сильнымъ“ военнаго міра, а потомъ заставилъ Россію дорого заплатить за эту „силу“ въ Ляоянѣ и Мукденѣ. Зимой 1905-го года генералъ К. былъ назначенъ временнымъ генералъ-губернаторомъ одного изъ городовъ южной Россіи, гдѣ онъ требовалъ себѣ чуть не божескаго поклоненія. Его приказъ объ этомъ былъ воспроизведенъ одной изъ большихъ газетъ, нынѣ закрытой“.

Приведя эти случаи, г. Наливкинъ восклицаетъ: „Какъ темны, какъ подозрительны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неисповѣдимы тѣ пути, по которымъ по сіе время нѣкоторые русскіе офицеры доползаютъ до генеральскихъ чиновъ!“

Пути эти, дѣйствительно, „неисповѣдимы“, но они неисповѣдимы только для непосвященныхъ. Для лицъ же посвященныхъ они объясняются тѣмъ, что я позволилъ себѣ назвать „военнымъ подборомъ“. Систематически убивая въ офицерахъ волю, энергію, независимость, душу живую, онъ проводитъ на верхи военной бюрократіи тѣхъ, кто не проявилъ и никогда не проявитъ своей личности.

К. Оберучевъ.

ЧТО СЛЫШАЛЪ УЧИТЕЛЬ
ВЪ ГРАФСКОМЪ ДОМѢ

Очеркъ изъ жизни галицкой шляхты Каз. Тетмайера *).

— Увидите сами, какая это милая, почтенная и культурная семья. Житься вамъ будетъ какъ въ раю! Кузина моя Пуся — одна изъ умнѣйшихъ женщинъ Польши, а ея мужъ — дѣльная голова! Дѣти на рѣдкость хорошія и воспитанныя. Не могу выразить, какъ я радъ, что вы попадете къ нимъ. Очень, оч-чень радъ...

. . . .

— Д-да... Итакъ, мы плывемъ. Погода чудная... Сижу я на палубѣ эрцгерцогской яхты, читаю какую-то книжку — кажется, Бурже,—вдругъ входитъ эрцгерцогъ. Вскакиваю съ мѣста...

— И вы, графъ, такъ сейчасъ же и встали?

— Ахъ, милый мой, какъ бы я могъ не встать? Это ужъ въ крови.

. . . .

— Вы ужъ насъ простите, господинъ Налеснякъ!

— Колесякъ, если угодно будетъ графу.

---

*) Казиміръ Прерва-Тетмайеръ (род. 1865 г.)—одинъ изъ виднѣйшихъ современныхъ польскихъ писателей, авторъ блестящихъ стихотвореній, новеллъ, повѣстей и романовъ. Кругъ его творчества чрезвычайно широкъ: историческіе и историко-фантастическіе („Król Andrzej“ романы, романы бытовые, лирическія и сатирическія произведенія смѣняются у Тетмайера блестящимъ фейерверкомъ. Данный очеркъ взятъ изъ книги Тетмайера, посвященной преимущественно рѣзкой сатирѣ на польскіе шляхетскіе круги Галиціи.

— Ахъ, pardon! Извините насъ, господинъ Колесякъ, у насъ все по семейному, скромно, очень скромно. На ужинъ кислое молоко, картофель, хлѣбъ и масло, клецки, чай. Вы, навѣрное, въ городѣ привыкли къ лучшему, а мы здѣсь по-деревенски...

— Я деревенскій житель, графъ.

— Да, да. И фамилія на это указываетъ... Полесюкъ...

— Коле-сикъ, Фредъ, ты забылъ, Коле-сикъ.

— Ахъ, pardon! Ты права, Пуся, — господинъ Колесикъ... Да, такъ вотъ, напримѣръ, нашъ бѣдный Ѳома отъѣдается вволю только у тетки Фимци, когда возвращается къ ней отъ насъ изъ Татарова.

— Ужъ не хочешь ли ты этимъ сказать, Фредъ, что Ѳома ѣстъ только у тети Фимци?

— Что ты? Фредъ вѣдь знаетъ, что я обѣдаю въ клубѣ.

— Ахъ, pardon! Ты права, Пуся. Что же новаго у васъ въ столицѣ, въ широкомъ мірѣ? Старушка Аврора все еще деретъ горло на благотворительныхъ концертахъ?

— Ты шутишь, мой милый; княгиня Аврора обладаетъ еще очаровательнымъ голосомъ, и она сама еще очаровательная женщина.

— Но это „еще“ продолжается уже около двадцати-пяти лѣтъ.

— Фредъ!

— Оставь, Пуся, оставь! У Фреда такой чисто-польскій юморъ! Ха-ха-ха!

— Вамъ, кажется, не нравятся клецки съ солониной, господинъ Келишакъ? А я страшно ихъ люблю.

— Вы, можетъ быть, не привыкли къ солонинѣ, господинъ Томасикъ? Въ вашихъ краяхъ ѣдятъ ее?

— Безподобный вкусъ, безподобный! Павелъ, подайте мнѣ еще!

— Павелъ, чай въ пальмовую комнату.

— Покойной ночи, господинъ Колесикъ!

. . . .

— Ы-ы-ы!

— Чего ревешь, Юзикъ?

— Да какъ же... не ревѣть-то? Молодой графъ меня въ морду ударилъ, да еще въ спину толкнулъ, какъ собаку! Ы-ы-ы!

. . . .

— Какъ это такъ? Стефанъ съ женою были позавчера у эрцгерцога?

— Были, Пуся...

— И Мита?

— Да...

— А насъ не пригласили?!

— Нѣтъ.

— Дорогой мой, тутъ должна быть какая-нибудь интрига. Это надо разслѣдовать. Приглашаютъ Стефана, приглашаютъ Миту, а насъ—нѣтъ! Ну, если-бъ они еще дѣлили общество по днямъ! Но вѣдь на предпослѣднемъ обѣдѣ были и мы, и они! Это какая-то интрига, увѣряю тебя!

— Какая тамъ къ чорту интрига! Просто мы не понравились—и все! Ты вела себя неподходящимъ образомъ.

— А ты отвѣшивалъ поклоны, словно арендаторъ!

— Погоди, будетъ хуже, если насъ не позовутъ на балъ въ день именинъ эрцгерцогини Елизаветы.

— Это невозможно!

— Ну, а если?

— Чѣмъ же мы хуже Стефана и его жены, которые ужъ навѣрное тамъ будутъ?

— Ну, онъ—предводитель дворянства, членъ палаты господъ, депутатъ сейма...

— Вотъ видишь! Сколько разъ я тебѣ говорила! Ты ничѣмъ не хочешь быть, сидишь въ деревнѣ, знаешь только лошадей, собакъ, хозяйство! Видишь! Значенія у тебя никакого, и въ твоемъ возрастѣ, съ твоимъ состояніемъ и твоимъ именемъ ты—нуль!

— Нуль я или не нуль, это ужъ какъ Богъ далъ. Ты вѣдь не станешь противиться его волѣ, Пуся? правда?

— Ты невыносимъ! Ты глупъ!.. Ну, а Мита будетъ приглашена на балъ?

— Еще бы! Она вѣдь урожденная...

— Ну, такъ отчего ты на ней не женился? Я не просилась за тебя замужъ!

— Пу-уся!..

— Если я не изъ такой же древней фамиліи, какъ она, то во всякомъ случаѣ я—графиня Канчуговская.

— Да вѣдь я знаю это, Пуся.

— Если насъ не просили вчера на обѣдъ и не попросятъ на балъ, то виною этому твое ничтожное общественное положеніе.

— Ну, хорошо, хорошо...

— Еслибъ ты не былъ нулемъ, то тебя бы всегда приглашали. А съ тобой и меня, хотя я только графиня...

— Ну, будетъ ужъ, будетъ, Пуся...

— Но вѣдь если мы не будемъ приглашены, то наше положеніе здѣсь станетъ совершенно невозможнымъ...

— Ну что-жъ, снизойдемъ до простого дворянства.

— Ну, ужъ снисходи ты одинъ, если тебѣ это нравится, но не я и не мои дѣти!

— Ну, конечно, конечно. Всѣ знаютъ...

— Что ты сдѣлалъ мезальянсъ?

— Упаси Боже, нѣтъ!

— Такъ что же это значило?

— Что̀ это значило? Гм...

— Что̀ бы тамъ ни было — если насъ не пригласятъ къ эрцгерцогу, мы скомпрометированы. Намъ не останется ничего иного, какъ продать Татаровъ и выѣхать.

— Гм... ты думаешь, что даже такъ?

— Чортъ побери! чортъ побери!

. . . .

— Увѣряю васъ, что и безъ польской орѳографіи можно жить. Адась, слава Богу, не нуждается въ томъ, чтобы быть баккалавромъ. А по-французски уже и теперь онъ пишетъ почти безъ ошибокъ. Прошу васъ не мучить его этими глупостями.

. . . .

— Я написалъ Болеславу, чтобы онъ не впутывался ни въ какія студенческія исторіи, не ходилъ бы на эти митинги протеста, или какъ тамъ ихъ называютъ. Кромѣ того я посовѣтовалъ ему избѣгать знакомствъ и рукопожатій со всякими коллегами—такъ я и выразился—за исключеніемъ тѣхъ, съ родителями которыхъ мы знакомы.

. . . .

— Знаешь, Фредъ, нашимъ уѣзднымъ начальникомъ будетъ Владекъ!

— Ну-у? Ты навѣрное знаешь?

— При мнѣ даже письмо намѣстника. Вотъ, читай: „Какъ ты желалъ, посылаю вамъ Владека. Будетъ нѣкоторый ропотъ, потому что предшественникъ не ожидалъ такого внезапнаго перевода безъ всякаго повода. Но Владекъ—малый энергичный. Онъ отлично справится съ вашими черезчуръ автономными мужиками“.

. . . .

— Выѣдете вы, господинъ Стригулевичъ, въ шесть часовъ утра изъ дому, вечеромъ будете въ Вѣнѣ и успѣете въ нѣсколько часовъ сдѣлать все, что надо. Утромъ будете въ Берлинѣ, вечеромъ выѣдете оттуда, на слѣдующее утро въ Краковъ—тамъ

извольте побывать вездѣ и устроить всѣ дѣла, а къ ночи—назадъ. Сегодня понедѣльникъ—въ четвергъ прошу васъ быть уже обратно въ Татаровѣ.

— Слушаюсь, графъ; но только когда прикажете мнѣ спать?

— Извините,—кто получаетъ семь тысячъ гульденовъ въ годъ, тотъ можетъ спать въ вагонѣ.

. . . .

— Радуйтесь, господа, ликуйте!

— А что? что такое?

— Чудеса!

— Какія?

— Рембрандтъ! я нашелъ подлиннаго Рембрандта!

— Рем—брандта?

— Вообразите себѣ, гдѣ я его нашелъ! Онъ висѣлъ возлѣ печки въ буфетной! Вхожу туда сказать, чтобы мнѣ почистили сапоги, гляжу и—о, чудо! Это не копія, это—настоящее твореніе Рембрандта! Ну, что вы скажете на это?

— Конечно... если дѣйствительно...

— Что? Въ Татаровѣ Рембрандтъ! Вотъ такъ штука! Европа лопнетъ отъ зависти! Что-о?

. . . .

— Фредъ, Фредъ! ты слышалъ, у насъ Рембрандтъ! Европа лопнетъ отъ зависти! Я думаю, что теперь эрцгерцогъ пріѣдетъ!

— А если попроситъ прислать показать ему?

— Ахъ, ты всегда пророчишь недоброе! Вотъ молодецъ этотъ Ѳома! Неоцѣнимый человѣкъ, право! Ты знаешь, онъ совсѣмъ безъ денегъ. Дай ему эти несчастныя двѣ тысячи кронъ.

— Взаймы?

— Ну, о чемъ тамъ говорить! Картина вѣдь стоитъ много,—милліоны! Слава Богу, продавать ее намъ не нужно. Жена Стефана прямо лопнетъ отъ зависти!

— Европа лопнетъ, жена Стефана лопнетъ!..

— Увидишь, что эрцгерцогъ пріѣдетъ!

— Пуся, а Рембрандтъ ли это еще?

— Ну, что ты! Такой знатокъ, какъ Ѳома, говоритъ...

— Но, видишь ли, картина виситъ у насъ съ незапамятныхъ временъ...

— Да, но на нее смотрѣли разини. Подумай только: у насъ въ Татаровѣ подлинный Рембрандтъ! Ахъ! Эрцгерцогъ обязательно пріѣдетъ!..

. . . .

...Гмъ, ге-ній, Рембрандтъ... Ухъ, вытянусь хорошенько...

Молодецъ Ѳомка, получилъ тысячу гульденовъ... И какъ прилично дали: на какую-нибудь картину одного изъ этихъ молодыхъ художниковъ-бѣдняковъ въ честь находки такого сокровища... Гм... Держись, Ѳомка!.. Рембра-ндтъ за печкой! Ха-ха! Интересно, повѣрилъ ли этотъ учитель... Колесякъ, или какъ его тамъ? Однако: я тутъ разговариваю вслухъ самъ съ собой, а онъ, можетъ, и не спитъ... Дд-а... Но и дурачье же этотъ Фредъ и эта Пуся! Ухъ! Вѣдь тысяча гульденовъ—не фунтъ мармеладу! Ахъ! а еслибъ видѣлъ все это мой отецъ, у котораго было когда-то одиннадцать милліоновъ талеровъ... А зачѣмъ растратилъ ихъ, старый плутъ?.. Э-эхъ! надо спать... покойной ночи, Ѳомка... Будетъ у тебя новый фракъ... булавка съ жемчужиной... хоро-шо-о!

. . . .

— А знаешь, этотъ репетиторъ—мужчина хоть куда!

— Еще бы!

— Но у тебя такое лицо, Теся, точно ты уже знаешь коечто объ этомъ!

— А что-жъ? думаешь, что я стану терять время?

— Какъ же ты устроила?

— Очень просто. Вышла ночью черезъ окно на балконъ, а его окна тутъ же, рядомъ. Сначала онъ сдѣлалъ глупое лицо, но скоро понялъ въ чемъ дѣло.

— Ну и что? что?

— Подожди—долго ты здѣсь пробудешь, Аля?

— До будущей субботы.

— Постой! Я должна быть въ четвергъ въ Вѣнѣ,—у меня свиданіе съ Готфридомъ Поленъ-Голенъ,—такъ что и у тебя будетъ довольно времени. Вопросъ только въ томъ, что̀ тебѣ послѣ меня отъ него останется. Послушай, для чего ты привезла сюда дѣтей?

— Кто же могъ предвидѣть?

— Я никогда и никуда не беру съ собой дѣтей. А вдругъ? Надо всегда быть готовой. Знаешь мою исторію въ отелѣ „Бристоль“ въ Генуѣ?

— Ты разсказывала.

— Хороша бы я была тогда съ дѣтьми! Ахъ, что̀ за мужчина былъ этотъ турокъ! Двадцать пять лѣтъ всего, но нѐ глупъ, у-ухъ, нѣтъ! Многое могла бы я поразсказать объ этихъ трехъ недѣляхъ!.. А propos, знала ты капитана „Юноны“ Ванъ-денъ-Берга?

— Такой блондинъ?

— Да, съ карими глазами.

— Красный шрамъ надъ лѣвымъ глазомъ?

— Онъ самый!

— Вотъ это тоже былъ мужчина!

— Да, интересный! Но скажи, когда же ты его встрѣчала?

— Погоди: три года я была за Антономъ, потомъ былъ Кароль; разошлась съ Юзефомъ—значитъ, одиннадцать лѣтъ назадъ.

— Ну, значитъ черезъ годъ послѣ меня, какъ разъ.

— Ты всегда меня опережаешь.

— Ну нѣтъ, Юзефа я получила отъ тебя въ наслѣдство.

— Эхъ, жалко, что приходится старѣть!

— Хорошо хоть что не намъ однимъ. Даже у павлиновъ осенью изъ хвоста лѣзутъ перья...

— Такъ ты говоришь, что этотъ репетиторъ?..

. . . .

— Вообрази, Фредъ, эта жена Стригулевича обижается, что я ей не отвѣтила на поклонъ. Какое же можетъ быть между нами знакомство? Мужъ ея служитъ у насъ, а до нея какое мнѣ дѣло? Ужъ не хочетъ ли она, чтобы я ее приглашала къ намъ?

— Да, видно и онъ въ претензіи за то, что я его не пригласилъ на охоту съ гостями. Онъ говоритъ, что въ Чехіи, гдѣ онъ служилъ раньше, съ нимъ обращались какъ съ равнымъ.

— Ну да, бродятъ по какимъ-то варварскимъ странамъ, а потомъ возвращаются сюда вольнодумцами. Правда, онъ окончилъ сельско-хозяйственную академію, а она—гимназію, но фамилія ихъ—Стригулевичъ, онъ у насъ служитъ,—чего же еще?

. . . .

— Нѣтъ ужъ, милая моя, никто не убѣдитъ меня въ томъ, что моя молитва и молитва какой-то Стригулевичъ, дочери частнаго повѣреннаго и жены нашего управляющаго, будутъ одинаково услышаны въ небесахъ. Никто и никогда! Да вотъ, духовный отецъ, разсудите, кто изъ насъ правъ?

— Графиня, Христосъ, правда, родился въ ясляхъ, но былъ царскаго происхожденія. Объ этомъ не слѣдуетъ забывать.

— Вотъ видишь! Видишь! Ѣздишь все по Парижамъ и набираешься вольнодумства. Христосъ происходилъ отъ царей не для того, чтобы забыть объ этомъ въ небесахъ. Равенства нѣтъ, не было и не будетъ! Правда, отецъ?

— Есть девять хоровъ ангеловъ разной силы, есть святые бо̀льшіе и меньшіе; даже апостолы были неодинаково возлюблены Іисусомъ, графиня.

— Вотъ видишь? Что я говорила? У тебя въ головѣ всѣ понятія перевернулись.

. . . .

— Видите ли, отецъ, я считаю своимъ долгомъ неусыпно наблюдать за спасеніемъ душъ жителей Татарова; это мнѣ опредѣлено самимъ Провидѣніемъ. Вотъ я и обращаюсь къ вамъ, какъ къ пастырю, съ просьбой сказать имъ во время проповѣди, что еслибъ появился здѣсь агитаторъ-соціалистъ или, сохрани Боже, анархистъ, то пусть они его свяжутъ, отколотятъ какъ слѣдуетъ и доставятъ жандармамъ. Но побить—непремѣнно! Не забудьте этого. Я очень рада, что паства услышитъ это изъ устъ чужого ксендза. Нашъ настоятель совсѣмъ дряхлъ, а на викарія я уже послала жалобу епископу. Это страшный человѣкъ!

— А что же онъ дѣлаетъ, графиня?

— Помилуйте, это просто бунтовщикъ, фармазонъ какой-то! Онъ говоритъ, что не нужно, чтобы мужики кланялись до самой земли и чтобы бабы обнимали колѣни, когда просятъ о чемъ-нибудь господъ. Я сама слышала, что онъ говорилъ съ амвона: „Не будетъ на землѣ добра, пока не станутъ всѣ равны передъ закономъ, какъ передъ Богомъ“. Затѣмъ еще: „ксендза вы въ руку цѣлуете, за то, что онъ ксендзъ. Но если этотъ ксендзъ— непорядочный, безнравственный человѣкъ, повернитесь къ нему спиною и не ходите къ нему на исповѣдь. Поищите другого, хорошаго ксендза и идите къ нему“... Ну, скажите сами! Мужикъ будетъ судить о нравственности ксендза!

— И онъ, дѣйствительно, такъ говорилъ? Здѣшній викарій, изъ Татарова?

— Да, да. Вы, отцы іезуиты, пользуетесь такимъ вліяніемъ у епископа. Я ужъ просила—пусть его уберутъ отсюда! Между прочимъ: народъ его любитъ и уважаетъ. Успѣлъ взбаламутить ихъ своей ересью!

— Будьте спокойны, графиня; это дѣло устроится.

. . . .

— Нѣтъ, это становится, наконецъ, невыносимымъ! Какъ тебѣ нравится, Пуся? Опять сборъ на какія-то просвѣтительныя цѣли! Только на дняхъ далъ, чтобы отвязаться, десять кронъ на какое-то „національное дѣло“! Больше не дамъ—и баста! Что жъ это? ужъ не пойти ли моимъ дѣтямъ съ сумой изъ-за того, что какимъ-то шарлатанамъ нравится „просвѣщать“ народъ!

— Откажи одинъ разъ! Они и оставятъ тебя въ покоѣ!

Давать имъ—даже грѣхъ; мужикъ какъ только поучится—сейчасъ и анархистъ... Завтра отецъ Игнатій отслужитъ въ замковой каплицѣ обѣдню, съ цѣлью вернуть въ лоно церкви всѣхъ заблудшихъ нашихъ прихожанъ, и такую же обѣдню онъ отслужитъ въ субботу въ костелѣ. Послала на это пятьсотъ гульденовъ. Ужъ разъ мнѣ суждено Провидѣніемъ...

. . . .

— Что-жъ, дорогой мой, теперь мы совершенно лишены свободы слова. Попробуй-ка высказать громко, что во времена крѣпостного права, когда мужикъ не зналъ грамоты и за свою провинность получалъ палки, и мужику было лучше, и барину было лучше. Тебя заклюютъ, осмѣютъ, назовутъ мракобѣсомъ, ретроградомъ! Дд-а! Грустное это время, когда свободный гражданинъ не можетъ смѣло высказать своего мнѣнія въ своей странѣ...

— Ну, человѣкъ съ такимъ положеніемъ, какъ вы, дядюшка, не обязанъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Кто стоитъ выше...

. . . .

— Мой предокъ въ качествѣ странствующаго рыцаря переселился изъ Венгріи. Начало мы ведемъ, вмѣстѣ съ фамиліей Эстергази, отъ Арпада. Отличившись въ битвѣ съ татарами, онъ получилъ Татаровъ, отъ котораго и ведетъ свою фамилію. Такова традиція нашего рода...

. . . .

— Твой дѣдъ былъ казачкомъ у Заславскихъ!

— А у тебя одинъ продавалъ соль, а другой служилъ экономомъ у моего дѣда! И вы украли у насъ Болвановку!

— А твоя мать—дочь камердинера изъ Петербурга!

— Эко-номъ!

— Лакей!

— Хочешь въ морду?

— А ты?

. . . .

— Знаешь? я раздобылъ ключъ!

— Н-ну?

— У папы тамъ лежитъ почти три тысячи, все мелкими. Возьму сто кронъ мелочью,—онъ ничего и не замѣтитъ.

— А ты дашь мнѣ хоть тридцать?

— Хорошо; только ты долженъ устроить, чтобы я видѣлъ, какъ Жоржетта купается...

. . . .

— Представь себѣ, Фредъ: сегодня у Стригулевичей на обѣдъ щи изъ щавеля, мясо подъ соусомъ, утка жареная и кофейный кремъ!!! Каково?..

. . . .

— Увѣряю васъ, господинъ графъ, дорога такъ пройти не можетъ. Это было бы во вредъ интересамъ всего населенія. Притомъ, замѣтьте, постройка линіи по намѣченному вами плану поглотила бы лишнихъ шесть милліоновъ кронъ общественныхъ денегъ.

— А скажите, господинъ совѣтникъ: хотѣли ли бы вы, чтобы крестьяне поддержали въ уѣздѣ вашу кандидатуру въ парламентъ?

— Само собой разумѣется, но...

— Въ такомъ случаѣ, господинъ совѣтникъ, вы должны признать, что наилучшій путь—это тотъ, который мною указанъ, и постараться, чтобы онъ былъ утвержденъ коммиссіей. Мнѣ необходимъ удешевленный провозъ лѣса изъ Сухого, съ двумя станціями — въ Каменкѣ и въ Черномъ. Прошу васъ дать понять членамъ коммиссіи, что я съумѣю быть благодарнымъ.

— Но, графъ, это...

— Господинъ совѣтникъ, я готовъ ассигновать сорокъ тысячъ кронъ на агитацію передъ вашими выборами и двадцать тысячъ въ ваше личное распоряженіе; да, въ ваше рас-по-ря-женіе.

— Ха, ха, ха, графъ! Какъ вы быстро высчитали десятый процентъ съ трехлѣтняго барыша!

— Я всегда быстро считаю, господинъ совѣтникъ.

— Ну да, графъ; но поймите же... во Львовѣ...

— Двадцать пять тысячъ въ ваше распоряженіе.

— Я опасаюсь однако, что въ Вѣнѣ...

— Тридцать тысячъ.

— Ну что-жъ, при большихъ усиліяхъ...

— Прошу васъ помнить: одна станція должна быть въ Каменкѣ, другая—въ Черномъ.

— Сколько я могу имѣть крестьянскихъ голосовъ въ уѣздѣ?

— Я заставлю развить живѣйшую агитацію. А вы съ своей стороны обѣщайте Исааку Зильберштоку и Павлуку изъ Малой Каменки по триста гульденовъ.

— У-у! это слишкомъ много!

— Господинъ совѣтникъ, я беру на себя агитацію во всемъ уѣздѣ, а у васъ имѣется въ полномъ вашемъ распоряженіи тридцать тысячъ кронъ.

— Ну, такъ и быть, графъ, по рукамъ!

— Soit, господинъ совѣтникъ!

— Ну, а теперь пора въ путь. Низко кланяюсь, графъ, вашъ покорный слуга.

— До свиданія, господинъ совѣтникъ, до свиданія.

— Мое почтеніе, господинъ графъ. Честь имѣю кланяться!..

— Ахъ, какой мерзавецъ!

. . . .

— Мама, Ева Канчуговская выходитъ замужъ и пишетъ мнѣ, чтобы я была ея дружкой!

— Вотъ еще новости!

— Я тоже такъ подумала: они вѣдь нищіе!

— За кого жъ это она выходитъ?

— За архитектора.

— Напиши ей, что за честь приглашенія въ дружки благодаришь; а потомъ прибавь, что у насъ на фольваркѣ развалилась крыша, такъ вотъ будетъ, молъ, работа ея мужу... Скажите, пожалуйста! Encore des Канчуговскіе!

— Мама, а правда ли, что между нами такое близкое родство, какъ она пишетъ?

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ! Это даже собственно не родственники, а просто однофамильцы.

— А когда разъ папа разсердился на Зигмуся, то сказалъ, что въ немъ отозвалась экономская порода.

— Папа дур... Папа сказалъ это со злости.

. . . .

— Ну что жъ, ясновельможный графъ, изволили вы получить что-нибудь съ Будновскаго въ этомъ году за Малиновую Горку?

— Двѣсти гульденовъ. Онъ оправдывается, что былъ неурожай, разливы рѣкъ, а затѣмъ жена разболѣлась, и ему стоило это около семисотъ гульденовъ.

— Ну, она и въ будущемъ году не станетъ болѣе здоровой.

— Что же у нея?

— Чахотка. Такъ, значитъ, графъ, вы изволите терять въ этомъ году на Малиновой Горкѣ девятьсотъ гульденовъ. Что же вы думаете, графъ, по этому поводу?

— Да что жъ мнѣ думать? Насильно съ него не возьмешь.

— Держитъ аренду за гроши и еще не платитъ.

— Правда, господинъ Мандельпфланцъ, за гроши. Я всегда такъ думалъ. Это все Стригулевичъ виноватъ! Говоритъ, что тамъ земля неурожайная...

— Ай-ай-ай! Какъ это Стригулевичъ можетъ такъ говорить?.. Земля тамъ отличная, но, конечно, если человѣку нравится имѣть больную жену, двухъ сыновей въ гимназіи и дочку въ пансіонѣ, то еслибъ даже онъ сѣялъ прямо на фосфоритѣ, то̀ и то...

— Можетъ быть, эта непогода и наводненіе? Но вѣдь вездѣ было одно и то же!

— Если человѣку надо на обѣдъ непремѣнно два блюда, сапоги онъ отдаетъ только два раза въ починку и все прочее... то пусть ему хоть весь ноябрь солнце свѣтитъ—все равно ничего не выйдетъ! Дѣти!! Ну что-жъ? У вашей свѣтлости вѣдь тоже дѣти есть!

— Да, ваша правда!

— И даже однимъ ребенкомъ больше, чѣмъ у него.

— Ну, а какъ вы полагаете, господинъ Мандельпфланцъ, сколько должна давать Малиновая Горка? Стригулевичъ говоритъ, что не больше тысячи ста гульденовъ.

— А я даю графу слово честнаго человѣка, что я бы заплатилъ въ первый годъ тысячу сто пятьдесятъ, а слѣдующіе—по тысячѣ сто семьдесятъ пять.

— Гм...

— Если я не исполню договорныхъ обязательствъ, то долженъ уйти безъ всякихъ разговоровъ.

— Я иначе контрактовъ и не заключаю. Могущіе произойти убытки покрываются изъ собственности арендатора путемъ описи. Но онъ пишетъ мнѣ, что въ будущемъ году заплатитъ половину неустойки, а черезъ годъ—вторую.

— А графской милости извѣстно, гдѣ его жена была въ этомъ году?

— Нѣтъ. А гдѣ?

— Въ Закопаномъ. А черезъ годъ поѣдетъ въ Давосъ.

— Какъ? Будновская?

— Фредъ, знаешь... А, господинъ Мандельпфланцъ!.. Я получила только что письмо отъ Будновской. Какая нахалка! Слушай: „Ясновельможная графиня! Осмѣливаюсь побезпокоить вашу свѣтлость покорнѣйшей просьбой. До насъ дошли слухи“— что̀ за выраженіе!— „что господинъ Мандельпфланцъ хочетъ отнять у насъ аренду; повѣрьте, что только дожди, наводненіе и моя тяжелая болѣзнь...“ Интересно знать—какая?

— Чахотка, графиня.

— Ахъ, Боже мой! Подлая баба! Фредъ, у тебя есть карболка?

— Вотъ тамъ стоитъ, для бритвы.—Господинъ Мандельпфланцъ, читайте дальше!

— Съ вашего милостиваго позволенія, графъ, я не...

— А, вотъ кстати господинъ Колесякъ—пожалуйста, поднимите это письмо съ ковра и читайте отъ словъ: „тяжелая болѣзнь“.

— ...„и тяжелая болѣзнь заставили моего несчастнаго мужа влѣзть въ такіе долги, что мы ѣдимъ теперь на обѣдъ только одинъ супъ съ кускомъ говядины, да и то лишь четыре раза въ недѣлю“...

— Знаешь, Фредъ, это очень гигіенично!

— „...Смѣю думать, что для ясновельможныхъ господъ, которые имѣютъ больше милліона кронъ дохода, эти жалкіе девятьсотъ гульденовъ не представляютъ“...

— Смѣетъ считать наши доходы!

— Скажи пожалуйста! Она „думаетъ“! Какое нахальство! И какъ пишетъ,—а еще больная!

— Сыновья въ гимназіи, готовятся въ бары, дочь—въ пансіонѣ...

— А супъ съ лапшой и рѣпу не хочешь? — Вотъ, Пуся, господинъ Мандельпфланцъ предлагаетъ въ первый годъ тысячу сто пятьдесятъ.

— Я уже пишу ей. „Милостивая государыня! Въ дѣла по имѣнію я не вмѣшиваюсь. О рѣшеніи сообщитъ вашему мужу господинъ Мандельпфланцъ. Совѣтую вамъ ежедневно молиться о своемъ здоровьѣ святой Кларѣ изъ Авиньона; мнѣ же прошу васъ больше не писать, такъ какъ я принуждена класть письма въ карболку. Богъ васъ не оставитъ. — Графиня Татаровская“.

— Какъ это ты умѣешь, Пуся...

— Кратко и выразительно, правда?..

— Такъ, значитъ, угодно графу дѣло рѣшить?

— Угодно.

— Только вотъ что̀ скажетъ Стригулевичъ? Онъ такой честный...

— А я что же, чортъ побери, нечестенъ по вашему, Мандельпфланцъ?

— Прошу прощенія у вашей милости, я этого не говорилъ; я хотѣлъ сказать, что у господина Стригулевича свои понятія...

— О, я это отлично устрою, Фредъ! Еще одно письмо.

„Любезнѣйшая госпожа Стригулевичъ! Мнѣ очень жаль, что до сихъ поръ я не имѣла удовольствія познакомиться съ такой близкой сосѣдкой. Сердечно прошу васъ доставить намъ удовольствіе и пожаловать завтра съ супругомъ обѣдать.

„Съ привѣтомъ—Маргарита Татаровская“.

— Ха-ха-ха! Ну, такъ до свиданія, господинъ Мандельпфланцъ! Остальное—у нотаріуса.

— Низко кланяюсь графу. Цѣлую ручки графинѣ.

— Adieu, господинъ Мандельпфланцъ.

— Гм... Честный, онъ сказалъ... Собственно, надо было этого каналью-жида вытолкать вонъ! Изъ-за этихъ жалкихъ лишнихъ ста или ста-пятидесяти кронъ!

— Только-то? Сейчасъ я его позову назадъ. Господинъ Мандельпфланцъ!

— Къ услугамъ ясновельможной графини.

— Видите ли, мой мужъ немножко обидѣлся на васъ, колеблется...

— О-о-о!.. Разрѣшите мнѣ, графиня, сказать вамъ одно слово!

— Пожалуйста.

— Я хотя и еврей, но охотно далъ бы на руки милостивой графинѣ пятьдесятъ гульденовъ въ пользу миссіи въ Африкѣ—ну, хотя бы въ день заключенія условія.

— Очень благодарна вамъ. Думаю, однако, что вы можете быть спокойны. До свиданія! — Павелъ! Скажите повару, чтобъ завтра къ обѣду сдѣлалъ двѣ лишнихъ котлеты!

. . . .

— Видите ли, господинъ комиссаръ, мужики увѣряютъ, что эти шестьдесятъ морговъ — ихъ собственность и что купленъ у нихъ былъ только лѣсъ, а не земля подъ нимъ...

— Будьте спокойны, графъ, прошу васъ.

— А эти шестьдесятъ морговъ какъ разъ врѣзываются клиномъ въ мой лѣсъ...

— Ну, конечно, господинъ графъ, это такъ понятно. Будьте спокойны!

— И я искренно убѣжденъ въ томъ, что они принадлежатъ къ Татаровскому помѣстью.

— Несомнѣнно, графъ, несомнѣнно!

— Повѣрьте мнѣ, что хотя мужики и доказываютъ свое право королевскими указами и документами, но мое твердое убѣжденіе...

— Помилуйте, графъ, дѣло стоитъ такъ, какъ оно есть!

— А вы какъ думаете?

— Что вы, графъ! Развѣ я позволилъ бы себѣ имѣть на это другой взглядъ, чѣмъ вы изволите имѣть? Вѣдь это было бы оскорбленіемъ!

— Не угодно ли сигару? — Вы, мнѣ кажется, уже засидѣлись на должности комиссара?

— Да, ужъ пора было бы...

— Да, да... Я черезъ нѣкоторое время буду видѣться съ вашимъ начальникомъ и постараюсь...

— Вы слишкомъ добры, графъ, слишкомъ добры!

— Такъ до свиданія, господинъ комиссаръ!

— Честь имѣю почтительнѣйше откланяться, графъ.

. . . .

— Ну что-жъ, ѣдемъ уже!

— Повышеніе обезпечено, чортъ подери!

— И присудимъ землю графу?

— А ты что же думалъ? Если такой баринъ чего хочетъ, то такъ тому и быть!

— Но это просто грабежъ—земля подъ лѣсомъ не его!

— Тш-ш! Держи языкъ за зубами! Хочешь, чтобы тебя выгнали со службы, что-ли?

. . . .

— Честь имѣю доложить графинѣ: убито пять крестьянъ, три женщины и одинъ ребенокъ; ранено — семь человѣкъ, изъ нихъ двое тяжело.

— Непріятно. Но что же дѣлать?

— Злодѣи должны быть наказаны. Завтра ксендзъ отслужитъ панихиду по умершимъ... Послушайте, Ватробская, дайте жандармамъ поужинать.

. . . .

— Ну, и что же, дорогая, что же дальше?

— Вотъ взялась я за работу и устроила цѣлую комнату въ Ватиканѣ. Мебель бордо съ золотымъ шитьемъ...

— Ну, а что же святой отецъ на это?

— Очень былъ доволенъ. Подарилъ мнѣ терній съ того куста, подъ которымъ мученица Петронелла подверглась оскорбленію со стороны консула Антимона. Вотъ посмотри, какой изящный медальонъ мнѣ изъ этого сдѣлали!

. . . .

— Чер-р-ти! Опять сборъ на этихъ проклятыхъ погорѣльцевъ! Какое мнѣ дѣло, что какіе-то голыши-портные погорѣли?

— Дай имъ пару гульденовъ, Фредъ, пусть отвяжутся. А я хочу тоже чѣмъ-нибудь отличиться. Клементина обставила цѣлую комнату въ Ватиканѣ святому отцу. Я бы хотѣла въ этомъ году послать отдѣльно въ Ватиканъ десять тысячъ франковъ.

. . . .

— Простите, графъ, но я вѣдь не могу задерживать поѣздъ

на станціи на цѣлыхъ четверть часа изъ-за вашего опозданія. И такъ курьерскій останавливается здѣсь только...

— Не можете задержать? Ну, такъ я вамъ покажу, что вы вылетите отсюда еще скорѣе, чѣмъ вѣнскій экспрессъ!..

— Простите, графъ, но...

— Знайте, любезный, что если по одному моему намеку въ правленіи всѣ курьерскіе поѣзда останавливаются тутъ спеціально для меня, то нетрудно мнѣ будетъ убрать отсюда столь важную особу какъ вы. Въ другой разъ чтобы поѣздъ ждалъ, слышите?

— А вы кто здѣсь такой? Замолчите или я велю вывести васъ съ перрона!

— Что-о? Я васъ еще сегодня по телеграфу... Я тебѣ покажу, голышъ такой... (Звукъ точно отъ пощечины.)

— Надо вернуться домой, господинъ Колесякъ... Поѣздъ экстренно долженъ былъ уйти дальше. Я сильно ударился лицомъ въ дверь при выходѣ, да... Проѣхалъ императорскій поѣздъ, оттого...

. . . .

„Лично я ничего не имѣю противъ мѣстнаго начальника станціи, но частыя жалобы на него, которыя поступаютъ ко мнѣ, его грубое и оскорбительное обращеніе съ крестьянами, пренебреженіе обязанностями службы вслѣдствіе лѣни, карточной игры и нетрезваго состоянія, наконецъ его безнравственное поведеніе вообще вынуждаютъ меня, какъ добраго католика, ради общественныхъ интересовъ просить васъ“...

— Кромѣ того, приглашу директора на зайцевъ... Кажется мнѣ, что никто не слышалъ и не видѣлъ. А онъ самъ не похвастаетъ, потому что побоится за себя...

. . . .

— Такъ какъ же, ваше превосходительство, могу ли я позволить себѣ надѣяться, что моя просьба удостоится вашего драгоцѣннаго вниманія?

— Посмотримъ, посмотримъ.

— А можетъ быть сейчасъ?

— Сейчасъ я не могу, графъ.

— Когда же ваше превосходительство позволите?

— Потомъ, потомъ—я дамъ знать.

— Потому что я...

— Теперь у меня служебные часы, любезный графъ; я занятъ другимъ.

— О, прошу васъ не обращать вниманія на мою особу. Мое

глубочайшее почтеніе, ваше превосходительство! Простите, что осмѣлился...

— До свиданія, графъ, до свиданія.

. . . .

— Ну, Фредъ, какъ же онъ тебя принялъ?

— Какъ это—какъ? Такъ, какъ министръ князь Шварценбергъ можетъ принять графа Татаровскаго изъ Татарова: какъ равный—равнаго. Попробовалъ бы онъ иначе! Я бы показалъ этому каналье-нѣмцу!

. . . .

— Я бы такую развратницу не пустила на порогъ своего дома!

— А княгиню Тесю ты вѣдь принимаешь, Пуся?

— Но, милая, это совсѣмъ другое дѣло. У Теси черезчуръ пылкій темпераментъ. Но жена простого директора банка...

. . . .

— Страшная катастрофа! Двѣсти шахтеровъ погибло. Знаешь, Фредъ, только то утѣшительно, что это были, навѣрное, все соціалисты...

. . . .

— Конечно, это не Богъ вѣсть какой почетъ, но все-таки я очень довольна, что Фредъ принялъ званіе президента областной выставки породистыхъ свиней.

Перев. съ польскаго М. Славинская.

АПРѢЛЬ

(Сюлли Прюдомъ.—«Les vaines tendresses».)

Боюсь я Апрѣля! волненье
Вселяетъ онъ въ душу мою.
Смутилъ онъ и васъ на мгновенье,—
Для васъ эту пѣсню пою.

Зимою, въ декабрьскія вьюги,
Въ туманы, дожди, холода,
И мысль—въ заколдованномъ кругѣ,
И сердце черствѣе тогда.

Ничто своимъ блескомъ счастливымъ
Не ранитъ, какъ нѣжный упрекъ;
Ничто не разбудитъ призывомъ,
Не скажетъ: „Лишь ты одинокъ“.

Но чуть только небо заблещетъ,
Раскроется сердца печаль.
Все ширится въ насъ и трепещетъ,
Все тянется въ яркую даль...

Но—юной лазури улыбки
Какъ юность отъ насъ далеки;
Насъ мучатъ былыя ошибки
И приступы давней тоски.

Все дѣтскою радостью вѣетъ,
И снова—горячка въ крови,
И съ запахомъ розъ молодѣетъ
Печаль нашей первой любви.

Въ душѣ, для тревогъ пробужденной,—
Порывистый вешній задоръ;
И въ ней же—испугъ затаенный
И разума рѣзкій отпоръ.

Боюсь я Апрѣля! волненье
Вселяетъ онъ въ душу мою.
Смутилъ онъ и васъ на мгновенье,
Для васъ эту пѣсню пою.

Ив. Тхоржевскій.

УЗУРПАТОРЪ

Романъ Уильяма Дж. Лока.

I.

Они встрѣтились впервые на открытіи новаго общедоступнаго госпиталя, выстроеннаго его щедротами въ предмѣстьѣ Норзъ-Гэма.

Джасперъ Веллакотъ сразу замѣтилъ ея стройную фигуру и милое, ясное лицо, какъ только она подъѣхала, вмѣстѣ съ депутатомъ отъ предмѣстья и его женой, и заинтересовался, кто она такая. Въ качествѣ хозяина, онъ стоялъ на верхней ступени лѣстницы, устланной обязательнымъ краснымъ сукномъ, и встрѣчалъ гостей. Поверхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ здоровался, онъ смотрѣлъ, какъ она поднималась по лѣстницѣ, странно заинтересованный ею. Онъ поздоровался съ депутатомъ и его женой и былъ представленъ ихъ спутницѣ, но не разслышалъ ея имени. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать что-нибудь внятное, появился мэръ, торжественный и пышный въ своей парадной мантіи и цѣпи, а она прошла мимо. Затѣмъ прибыли августѣйшія особы, и Джасперъ уже не отходилъ отъ нихъ; но по временамъ взоръ его, блуждая по нарядной толпѣ, останавливался на фигурѣ незнакомки, и каждый разъ Джасперъ испытывалъ странное чувство успокоенія и отдыха. Раза два глаза ихъ встрѣтились, и ему почудился въ ея взглядѣ тотъ же интересъ, полу-комическій, полу-серьезный. Его начинали раздражать стѣснительныя обязанности хозяина: ему хотѣлось ускользнуть отъ милостивыхъ похвалъ и комплиментовъ царственныхъ гостей и окружающей ихъ атмосферы лести и, гдѣ-

нибудь въ сторонкѣ, спокойно побесѣдовать съ нею. Почему-то ему казалось, что возлѣ нея и съ нею можно отдохнуть.

До сихъ поръ онъ живо интересовался госпиталемъ. Онъ рѣшилъ сдѣлать его возможно болѣе совершеннымъ, снабдить его всѣми приспособленіями, до которыхъ додумалась современная наука. Грязное, угрюмое, густо населенное предмѣстье, съ тысячами лачугъ, гдѣ ютились семьи рабочихъ, со своими фабриками и заводами, до сихъ поръ вынуждено было посылать своихъ изувѣченныхъ и больныхъ, которыхъ не могъ вмѣстить убогій мѣстный лазаретъ, за нѣсколько миль, въ одинъ изъ большихъ лондонскихъ госпиталей. Поэтому даръ Джаспера былъ для предмѣстья прямо царскимъ даромъ. Щедрый жертвователь почти съ дѣтской радостью слѣдилъ за тѣмъ, какъ кирпичъ за кирпичомъ, изъ огромной глубокой ямы по срединѣ пустыря, выросталъ рядъ красивыхъ домовъ, окруженныхъ привѣтливымъ садомъ. Онъ изучилъ до мельчайшихъ деталей весь замысловатый планъ постройки: сложную систему вентиляціи при помощи особыхъ приборовъ, поставленныхъ въ подвальномъ помѣщеніи; устройство электрическаго освѣщенія и отопленія; прачешныя, съ огромными герметическими чанами для кипяченія грязнаго бѣлья; операціонныя съ стеклянно-черепичными стѣнами—послѣднее слово науки—и всевозможными приспособленіями для антисептики; безчисленные новые приборы для сбереженія труда и обезпеченія гигіеническихъ условій работы. Въ это утро онъ, полный гордости, пришелъ въ свой госпиталь, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ группа врачей и фельдшеровъ и цѣлый штабъ сидѣлокъ въ бѣлоснѣжныхъ передникахъ и чепчикахъ. Онъ даже побѣдилъ въ себѣ отвращеніе къ многолюднымъ сборищамъ и къ публичности открытія. Но теперь его начинало одолѣвать слишкомъ знакомое чувство усталости и скуки. Ему казалось, что около него движутся какія-то надоѣдливыя тѣни, что самъ онъ сталъ какимъ-то нереальнымъ. Ему становилось противно стоять здѣсь и разыгрывать роль филантропа и благодѣтеля человѣчества. Вкрадчивый, сладкій голосъ Эрскина, знаменитаго архитектора, показывавшаго помѣщеніе высокимъ гостямъ и объяснявшаго имъ его устройство, начиналъ непріятно дѣйствовать ему на нервы. Онъ инстинктивно сталъ искать глазами женщину, заинтересовавшую его, увидалъ ее на другомъ концѣ палаты и мгновенно, по-дѣтски, утѣшился. Сколько ей можетъ быть лѣтъ?—соображалъ онъ. Должно быть, немного за тридцать. Кто она такая? Случайно возлѣ него очутился ея знакомый, депутатъ, сэръ Самюэль Дайксъ. Джасперъ

разспросилъ его и узналъ, что она—лэди Алиція Гарденъ, дочь графа Иллингэма.

Церемонія открытія приближалась къ концу. Было произнесено нѣсколько рѣчей. Документы на владѣніе были формально переданы мэру и совѣту мѣстной общины. Госпиталь объявленъ былъ открытымъ, и высокіе гости, милостиво удостоивъ откушать чаю, отбыли съ поднесенными имъ огромными букетами цвѣтовъ, пройдя сквозь двѣ шеренги болѣе скромныхъ зрителей, привѣтствовавшихъ ихъ радостными кликами.

Приглашенные и оффиціальныя лица столпились вокругъ щедраго дарителя, поздравляя и благодаря его. Онъ говорилъ мало; конфузился, какъ будто чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ; вообще, держался не такъ, какъ держатся люди, привычные къ большимъ собраніямъ. Его блѣдно-голубые глаза, глубоко спрятанные подъ нависшими бровями, съ странной пугливостью взглядывали на каждаго подходившаго къ нему, словно онъ не былъ увѣренъ, протягивается ли къ нему рука для пожатія, или для удара. Поверхностный наблюдатель отходилъ отъ него въ убѣжденіи, что Джасперъ Веллакотъ — довольно таки безцвѣтное существо, безъ всякой индивидуальности. Но ротъ его, большой, рѣзко очерченный, легко мѣнявшій выраженіе, и крупный подбородокъ говорили о характерѣ, а суровыя линіи на лбу и на щекахъ—о заботахъ и пережитой борьбѣ. Онъ былъ еще не старъ, лѣтъ сорока, не больше, но смотрѣлъ старше своихъ лѣтъ. На немъ былъ обязательный черный фракъ и шолковый цилиндръ, но фракъ не моднаго покроя. Онъ казался какъ бы принарядившимся для праздника и, видимо, чувствовалъ себя неловко въ непривычномъ платьѣ. Онъ былъ высокъ, худощавъ, слегка горбился. Никто не заподозрилъ бы въ немъ обладателя несмѣтныхъ богатствъ и просвѣщеннаго благотворителя съ широкими филантропическими замыслами.

Вмѣстѣ съ небольшой кучкой гостей, бесѣдовавшихъ съ нимъ, онъ перешелъ изъ сѣней въ столовую, гдѣ нарядная толпа толкалась у буфета, добывая себѣ чаю. И здѣсь, неподалеку отъ входной двери, стояла лэди Алиція Гарденъ. И опять, встрѣтившись съ нею глазами, Джасперъ прочелъ въ ея глазахъ тотъ же полу-комическій, полу-серьезный интересъ. Его тянуло къ ней неудержимо. Преодолѣвъ свою природную робость, онъ отдѣлился отъ своихъ спутниковъ и подошелъ къ ней.

— Надѣюсь, вамъ дали чаю?

— О, да, благодарю васъ. Одна изъ этихъ вашихъ хорошенькихъ бѣлыхъ съ голубымъ куколокъ-сидѣлокъ все время

угощала меня, — отвѣтила гостья. Наступила замѣтная пауза. Но такъ какъ онъ продолжалъ стоять передъ нею, трогательно безпомощный, она снова мило улыбнулась ему, уже не губами, а глазами, и сказала:

— Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами, м-ръ Веллакотъ. Я увѣрена, что вы не разслышали моей фамиліи, когда сэръ Самюэль знакомилъ насъ. Я — лэди Алиція Гарденъ.

— Я, дѣйствительно, не разслышалъ, но потомъ спросилъ и узналъ.

— Я даже не знаю, слыхали ли вы обо мнѣ когда-нибудь раньше. Но я уже годъ какъ ищу встрѣчи съ вами.

Джасперъ смотрѣлъ на нее и думалъ о томъ, что у нея прелестные глаза газели, ласковые, милые, и удивительно нѣжный голосъ. Ея пушистые каштановые волосы ниспадали мягкими волнами на высокій лобъ, и это вносило тонкій оттѣнокъ индивидуальности въ обычную внѣшность свѣтской женщины. На мигъ окружающая толпа куда-то скрылась, ея говоръ и стукъ посуды смолкли, и Джасперъ ничего не сознавалъ и не видѣлъ передъ собой, кромѣ милаго улыбающагося женскаго лица. И гдѣ-то, въ дальнемъ уголкѣ его мозга слагались слова: „Для меня она — единственная женщина въ мірѣ“ и торопливо и дурашливо повторялись безъ конца. Глаза его утратили свое испуганное выраженіе и засіяли.

— Я счастливѣе, чѣмъ я думалъ, — выговорилъ онъ.

— Почему? Потому что вы въ теченіе цѣлаго года ускользали отъ меня?

— Потому что вы заинтересовались мной. — Надѣюсь, что это не прошло у васъ теперь, когда я имѣлъ удовольствіе быть вамъ представленнымъ?

— Развѣ для васъ это въ диковинку? Встрѣчи съ человѣкомъ въ вашемъ положеніи, навѣрное, ищутъ многіе — люди съ великолѣпнѣйшими планами, для которыхъ нужна только ваша помощь, чтобы осуществить ихъ. Почемъ вы знаете, что я не одна изъ нихъ?

Джасперъ улыбнулся, и лэди Алиція чуть не вздрогнула отъ изумленія — такъ измѣнилось вдругъ его лицо. Словно солнечный лучъ скользнулъ по морщинамъ стараго камня.

— Я издали угадываю эти планы, хотя бы они были запрятаны далеко. Каждое животное одарено чутьемъ, предупреждающимъ его о приближеніи его исконнаго врага. А тутъ меня все утро тянуло къ вамъ — поговорить.

— Даже въ то время какъ вы грѣлись въ лучахъ улыбокъ августѣйшихъ особъ?

— Я не привыкъ къ такимъ вещамъ — отвѣтилъ онъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ жестомъ,—и мнѣ все кажется, будто эти улыбки направлены не по тому адресу. Я не могу вамъ это объяснить. Но я предпочелъ бы спокойно и безъ шума самъ открыть госпиталь — просто сойти внизъ и встрѣтить первыхъ паціентовъ, которыхъ перевезутъ сюда изъ лазарета.

— Трудно уйти отъ обязательной пошлости своего вѣка и общества—возразила лэди Алиція.— Все, что мы можемъ—это попытаться сдѣлать ее менѣе пошлой. Вы ненавидите рекламу, и я тоже; но приходится мириться съ нею. На ней стоитъ весь міръ, а противъ міра не пойдешь... Я вижу, лэди Дайксъ дѣлаетъ мнѣ знаки, что она уходитъ. Мнѣ такъ жаль. Можно васъ попросить какъ-нибудь заглянуть ко мнѣ? Мнѣ, правда, очень хочется видѣть васъ: въ этомъ—мое оправданіе.

— Я буду въ восторгѣ.

— Въ такомъ случаѣ я пришлю вамъ пригласительную карточку. Куда адресовать ее?

— Я живу въ Гауэръ-стритѣ.

— Въ Гауэръ-стритѣ!—невольно воскликнула лэди Алиція, и тотчасъ же прикусила губы и покраснѣла, сознавая, что она нѣсколько погрѣшила противъ хорошаго тона. Но адресъ былъ совершенно необычный для обладателя многихъ милліоновъ.

Онъ улыбнулся одною изъ своихъ рѣдкихъ улыбокъ.

— Я живу не въ меблированныхъ комнатахъ. Я занимаю цѣлый домъ, даже два дома, соединенныхъ въ одинъ. Тамъ мнѣ удобнѣе жить. Я люблю эту часть Лондона. Мой другъ Эрскинъ—здѣшній архитекторъ—какъ-то сказалъ, что отъ всего Блумсбери вѣетъ чѣмъ-то греческимъ; онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: чувствомъ покоя. Къ тому же, отъ Гауэръ-стрита рукой подать до подземной желѣзной дороги и до станціи омнибусовъ, такъ что тамъ дѣйствительно удобно жить. Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы жить въ Гауэръ-стритѣ, но я не могу иначе.

— Простите мою невоспитанность—сказала она, протягивая ему руку,—и приходите навѣстить меня, въ знакъ того, что вы меня простили.

Депутатъ и его супруга уже спускались по лѣстницѣ: лэди Алиція съ Джасперомъ медленно слѣдовали за ними. Идя рядомъ съ нею, Джасперъ испытывалъ чувство гордости, болѣе яркое, чѣмъ за весь этотъ день. Въ ней было больше царственнаго, чѣмъ во всѣхъ его высокихъ гостяхъ. У нея была удивительно

величавая посадка головы. Онъ замѣтилъ, что уши у нея крохотныя и прозрачныя. И взглядъ такой открытый и смѣлый: она всѣмъ смотрѣла прямо въ глаза.

Она обвела взоромъ просторныя сѣни. Въ открытую дверь видна была одна изъ залитыхъ солнцемъ палатъ, съ длинными рядами бѣлыхъ кроватей.

— Вы должны быть очень счастливы, что создали такое хорошее дѣло—сказала она.

Онъ грустно посмотрѣлъ на нее.

— Для человѣка хорошо, когда онъ дѣлаетъ то, что почитаетъ своимъ долгомъ. Но счастье...

Онъ оборвалъ на полусловѣ, не зная, что̀ говорить дальше, едва ли сознавая, что̀ именно онъ хотѣлъ сказать. Не могъ же онъ сказать ей, что въ эти нѣсколько восхитительныхъ минутъ, проведенныхъ съ нею, онъ былъ счастливъ, — какъ не могъ и объяснить ей, почему его такъ тяготитъ богатство. Легко было бы отдѣлаться цитатой изъ царя Соломона, но Джасперъ былъ далекъ отъ той фазы существованія, для которой все — тлѣнъ и суета.

— Вотъ когда вы хвалите мой госпиталь, я счастливъ—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Я очень хвалю его! — выговорила она убѣжденно. — А теперь, прежде чѣмъ уйти, позвольте напомнить вамъ, что вы даже не спросили меня, почему мнѣ такъ хотѣлось познакомиться съ вами.

— Мнѣ и въ голову не пришло спросить.

— И не удивились, почему я, послѣ десятиминутнаго знакомства, пригласила васъ къ себѣ?

— Нѣтъ!—просто сказалъ онъ.

— А потому, что мы съ вами родственники.

— Родственники?—повторилъ онъ, невольно останавливаясь. Лэди Алиція улыбнулась и кивнула головой.

— И даже близкіе — кузены. Моя мать была урожденная Веллакотъ—фамилія довольно рѣдкая—а брата ея, моего дядю, звали Джасперомъ — имя также не особенно распространенное. Онъ уѣхалъ молодымъ въ Австралію, велъ тамъ жизнь довольно безпутную, и мы потеряли его изъ виду. Васъ зовутъ Джасперъ Веллакотъ, и вы—изъ Австраліи. Вы слишкомъ молоды, чтобы быть моимъ дядей, но вѣдь долженъ же Джасперъ Веллакотъ изъ Австраліи быть его сыномъ. Иначе это было бы какъ-то нелѣпо. Поэтому я думаю, что вы—мой кузенъ.

Съ минуту онъ смотрѣлъ на нее, блѣднѣя.

— Я не знаю, кто были мой отецъ и моя мать. Я—найденышъ. Помнится, мужики, воспитывавшіе меня, говорили мнѣ, что мое имя — Джасперъ Веллакотъ. Но они умерли, когда я былъ еще ребенкомъ, и я попалъ въ другія руки. Съ тѣхъ поръ я называю себя этимъ именемъ, привыкъ считать его своимъ; но я не могу быть вашимъ кузеномъ—это невозможно!

— Однако это навѣрное такъ. То, что вы — найденышъ, именно и доказываетъ это. Къ тому же, романтическое всегда оказывается правдой. У меня нѣтъ и тѣни сомнѣнія.

Онъ откашлялся и смочилъ языкомъ пересохшія губы.

— Это невозможно—выговорилъ онъ тихо.

— Вы напрасно огорчаетесь. Я вовсе ужъ не такъ плоха для кузины.

— Вы—дочь графа Иллингэма.

— И отецъ у меня вполнѣ приличный. Впрочемъ, мы выяснимъ все это, когда увидимся снова.

Онъ проводилъ ее до экипажа, гдѣ уже дожидались ея сэръ Самюэль и лэди Дайксъ. Машинально онъ пробормоталъ на прощанье какія-то общія мѣста. Карета отъѣхала. Онъ всходилъ по ступенямъ, устланнымъ краснымъ сукномъ, ничего не видя передъ собой, словно во снѣ. Отеръ потъ со лба и нервно скомкалъ въ рукѣ носовой платокъ.

— Боже мой, какой ужасъ!—прошепталъ онъ.

Маленькій человѣчекъ съ коротко остриженной головой и птичьей физіономіей, съ лицомъ, лишеннымъ всякой растительности, если не считать двухъ кустиковъ сѣдѣющихъ волосъ, вынырнулъ откуда-то изъ угла и съ тревогой посмотрѣлъ на милліонера сквозь очки въ золотой оправѣ.

— Въ чемъ дѣло, Джасперъ? Что случилось? У васъ видъ такой, какъ будто вамъ явился призракъ.

— Призракъ неизбѣжнаго, Томъ.—Замѣтивъ, что лицо друга приняло встревоженное выраженіе, онъ успокоительно положилъ ему руку на плечо.—Нѣтъ, не то. Я просто нашелъ своихъ родственниковъ. — И онъ засмѣялся невеселымъ смѣхомъ.

— Я и не зналъ, что у васъ есть родственники.

— Не одинъ же я съ такой фамиліей на свѣтѣ. Есть и другіе Веллакоты. Сегодня какъ разъ объявилась одна моя кузина.

— Ну? И что же?—Маленькій человѣчекъ смотрѣлъ на него, какъ-то по птичьи склонивъ головку на бокъ. — Подтянитесь, Джасперъ, голубчикъ. Вы помните, что̀ лэди Макбетъ говоритъ своему мужу: „Чему нельзя помочь, съ тѣмъ нечего считаться“. А вы не Макбетъ, Джасперъ.

— Мои привидѣнія могутъ когда-нибудь придти и сѣсть ко мнѣ за столъ, Томъ,—сказалъ милліонеръ.

— Пусть приходятъ—я съѣмъ ихъ, съ уксусомъ и масломъ, какъ простой салатъ. Ну, будетъ вамъ ломать надъ этимъ голову. Не стоитъ. Отправляйтесь сіять среди свѣтилъ, почтившихъ васъ своимъ присутствіемъ.

Онъ ласково потрепалъ милліонера по плечу и подтолкнулъ его впередъ. Джасперъ со смѣхомъ отошелъ, а Томъ Кодби смотрѣлъ вслѣдъ его удалявшейся фигурѣ, пока она не скрылась въ толпѣ гостей, выходившихъ изъ столовой. Затѣмъ онъ повернулся къ сидѣлкѣ, стоявшей по близости и наблюдавшей эту сцену.

— Если кто-нибудь спроситъ васъ, видали ли вы во плоти св. Франциска Ассизскаго, говорите: „да",—замѣтилъ онъ, указывая рукой въ ту сторону, куда направился Веллакотъ.—Окружите его всяческой любовью и заботой. Другого такого вы не встрѣтите.

— Я слышала, что онъ необычайно щедръ и великодушенъ,—сказала сидѣлка, заинтересованная маленькимъ созданьицемъ, которое позволяло себѣ такъ фамильярно обращаться съ великимъ человѣкомъ.—Вы, повидимому, хорошо знакомы съ м-ромъ Веллакотомъ?

— Я—его секретарь; фамилія моя—Кодби. Безъ сомнѣнія, это я имѣлъ удовольствіе переписываться съ вами. Я не промѣнялъ бы своего положенія на положеніе статсъ-секретаря. Не только потому, что тогда государству пришлось бы плохо—я вовсе не дѣлецъ и часто произвожу путаницу и въ дѣлахъ Джаспера. Приходилось ли вамъ когда-нибудь служить ангелу съ крыльями, спрятанными подъ фуфайкой?

Голова маленькаго человѣчка такъ комично перекинулась на другой бокъ, что сидѣлка невольно разсмѣялась. Но такъ какъ она, хоть и молодая женщина, уже испытала нѣкоторыя разочарованія въ жизни, то сейчасъ же снова стала серьезной.

— Я бы многое дала за то, чтобъ быть такой энтузіасткой, какъ вы,—сказала она со вздохомъ.

— Дайте себѣ трудъ обратиться къ м-ру Веллакоту, когда вы будете въ несчастьѣ, и вы станете такой же. Я былъ при послѣднемъ издыханіи въ Австраліи, когда повстрѣчался съ м-ромъ Веллакотомъ. Онъ взялъ меня къ себѣ, кормилъ меня и ходилъ за мной, когда я былъ боленъ, одѣвалъ меня, хотя единственнымъ моимъ имуществомъ въ то время было истрепанное шестипенсовое изданіе Шекспира, которое я, милостью божіей, сохранилъ и до сего дня—а онъ былъ немногимъ богаче меня.

И на фермѣ его была не земля, а черная пыль, на которой ничего не хотѣло расти. Онъ поливалъ ее слезами, а я—потомъ. И вотъ, однажды, пріѣзжаетъ человѣкъ, который оказался горнымъ инженеромъ. Веллакотъ, какъ всегда, сталъ жаловаться ему на свою неудачливость, на то, что у него ничего не растетъ... Заѣзжій инженеръ нагнулся, взялъ щепотку земли на ладонь и сталъ ее разсматривать. И спрашиваетъ: „Какого же чорта вы хотите вырастить тутъ?“ — „Я скромный человѣкъ“,—отвѣчаетъ Веллакотъ.—„Еслибы хоть стебелекъ травы здѣсь выросъ, и то я бы обрадовался до безумія“.—„На кой чортъ вамъ трава? Глупый вы человѣкъ! Да знаете ли вы, что это такое? Это олово. Здѣсь у васъ подъ ногами олова на милліоны, цѣлый оловянный рудникъ. И вы—его единственный владѣлецъ“. Такъ оно и на самомъ дѣлѣ оказалось. И съ милліонами этотъ человѣкъ остался такимъ же, какимъ былъ, когда у него въ карманѣ были гроши. Какъ же мнѣ не быть энтузіастомъ? Вѣдь онъ съ тѣхъ поръ все время держитъ меня при себѣ, хотя я нищій и совершенно безполезный человѣкъ. Если я начну разсказывать вамъ про него, я и въ мѣсяцъ не кончу. Это—„диво-дивное среди людей“.—

Онъ плотнѣе надвинулъ на носъ очки, ласково кивнулъ головою сидѣлкѣ и пошелъ разыскивать своего патрона.

Какъ только Джасперъ вернулся въ столовую, его отвелъ въ сторонку господинъ съ военной выправкой и манерой держаться, въ которомъ онъ узналъ майора Спарлинга, предсѣдателя мѣстнаго консервативнаго кружка.

— Я желалъ бы переговорить съ вами наединѣ, м-ръ Веллакотъ.—

Джасперъ повелъ его въ секретарскую, находившуюся рядомъ, и придвинулъ ему кресло. Самъ же присѣлъ на край центральнаго стола, свѣсивъ ногу и приготовляясь выслушать привычную просьбу о пожертвованіи въ партійный фондъ. Просители, приступая къ дѣлу, всегда принимали такой таинственный видъ. Но Веллакотъ въ данный моментъ слабо интересовался политикой. Его занимали другія вещи, гораздо болѣе для него важныя. Тѣмъ не менѣе, учтивымъ жестомъ онъ пригласилъ гостя высказаться.

— Прежде всего, я долженъ васъ предупредить, что буду говорить съ вами конфиденціально и неоффиціально: будьте добры, примите это во вниманіе—началъ Спарлингъ.

— Конечно—сказалъ Веллакотъ.

— Я желалъ бы только ознакомиться съ вашими взглядами. Дѣло вотъ въ чемъ. Мѣсто депутата отъ этого пригорода въ концѣ сессіи освобождается. Сэръ Самюэль сегодня окончательно сказалъ мнѣ, что онъ уходитъ. Разумѣется, я предвидѣлъ это и раньше. Разстроенное здоровье и т. д. Какъ бы то ни было, намъ предстоятъ въ промежуткѣ между двумя сессіями дополнительные выборы. Намъ нуженъ сильный человѣкъ, съ большимъ вліяніемъ въ предмѣстьѣ—иначе нашъ кандидатъ провалится. Радикалы чертовски здѣсь укрѣпились, и обыкновенному тори ихъ не одолѣть. Въ случаѣ, еслибы нашъ комитетъ предложилъ вамъ—замѣтьте, я говорю только: въ случаѣ, еслибы—согласились ли бы вы выставить свою кандидатуру отъ Норзъ-Гэма въ качествѣ консерватора?

Джасперъ Веллакотъ вскочилъ на ноги и долго, пристально смотрѣлъ на Спарлинга, сдвинувъ свои густыя брови; потомъ круто повернулся и зашагалъ по комнатѣ. Вступленіе въ парламентъ входило въ его планы честолюбца-филантропа. Онъ зналъ, что даже въ палатѣ общинъ, въ силу свойствъ человѣческой природы, человѣкъ съ такимъ огромнымъ состояніемъ, какъ у него, всегда заставитъ себя слушать, а ему многое надо было сказать и сдѣлать. Часъ тому назадъ онъ сразу далъ бы утвердительный отвѣтъ. Но теперь... Онъ остановился, глядя въ окно. На нѣсколько мгновеній взоръ его затуманился: ему показалось, что лэди Алиція граціозно приподнятой рукой заграждаетъ ему дорогу. Внезапно онъ повернулся, почти гнѣвно, словно отстраняя видѣніе.

— Вы оказываете мнѣ большую честь, майоръ Спарлингъ,—сказалъ онъ.—Съ нѣкоторыми оговорками, я охотно принялъ бы это предложеніе.

— Могу я узнать, въ общихъ чертахъ, сущность этихъ оговорокъ?

— Я консерваторъ,—сказалъ Джасперъ,—потому что въ данный моментъ я не могу быть либераломъ. Я всю свою жизнь прожилъ въ колоніяхъ и по неволѣ сталъ имперіалистомъ до мозга костей. Либерализмъ нашихъ дней не по заслугамъ носитъ это имя. Оно означаетъ свободу, а нашъ либерализмъ несетъ съ собой ограниченія. А я, въ своей любви къ свободѣ, иду дальше современнаго либерализма и прихожу къ консерватизму. Но подхожу къ нему не съ той стороны, съ какой подходите вы. Прошу васъ не забывать этого. Въ вашей программѣ есть многое, что для меня непріемлемо. Я, напримѣръ, совершенно не интере-

суюсь дѣлами церкви и ничего не смыслю въ нихъ. О религіи я слышалъ единственно отъ старика пастора методиста, который въ теченіе семи лѣтъ кормилъ меня и кое-какъ воспитывалъ. У меня нѣтъ никакихъ взглядовъ и мнѣній относительно правъ господствующей церкви, и я никогда не стану высказывать такого рода взглядовъ. Въ глубинѣ души я—демократъ. Я вѣрю въ конечное торжество народа. Богъ, въ неисповѣдимыхъ своихъ предначертаніяхъ, даровалъ мнѣ богатство, и я рѣшилъ отдать и это богатство, и самую жизнь свою на служеніе народу, чтобы доставить ему возможность лучше жить, лучше питаться, имѣть лучшія развлеченія, надѣяться на лучшее будущее. Заботиться о больныхъ и усталыхъ, спасать дѣтей отъ неволи, оберегать женщинъ, стоящихъ у вратъ Дантова ада—вотъ чему я сознательно рѣшилъ посвятить всю свою жизнь и рѣшенія своего не измѣню. Заслуги съ моей стороны въ этомъ нѣтъ. Мои побудительныя причины извѣстны только мнѣ самому и моему Создателю. Какой бы округъ ни избралъ меня своимъ представителемъ въ парламентѣ, то, что я считаю благомъ для народа, будетъ стоять для меня на первомъ планѣ, интересы же партіи— на второмъ. Вотъ въ чемъ сущность моихъ оговорокъ.—

Онъ говорилъ горячо, взволнованно и съ грубоватымъ австралійскимъ акцентомъ, котораго обыкновенно не было слышно въ его рѣчи. Майоръ Спарлингъ смотрѣлъ на него не безъ недоумѣнія. Передъ нимъ былъ совсѣмъ не тотъ скромный, застѣнчивый человѣкъ, котораго онъ ожидалъ найти — человѣкъ, покорно голосующій какъ ему укажутъ партійные лидеры и сыплющій золото безъ счета въ партійные сундуки. Веллакотъ говорилъ какъ человѣкъ сознающій свою силу, непреклонный въ своихъ рѣшеніяхъ и въ осуществленіи ихъ. Ясно было, что избирателямъ придется идти за Веллакотомъ, а не Веллакотъ пойдетъ за избирателями. Спарлингъ сидѣлъ и дергалъ себя за усы, спрашивая себя, слѣдуетъ ли съ этимъ считаться, разъ золото все равно польется въ сказанные сундуки.

— Что же, я оказываюсь черезчуръ для васъ непокладистымъ?—помолчавъ, спросилъ, наконецъ, Джасперъ.

Спарлингъ хлопнулъ себя по ляжкѣ и вскочилъ на ноги.

— Какъ бы то ни было, вы—человѣкъ сильный, м-ръ Веллакотъ, а намъ такого здѣсь и нужно. Если вы обяжетесь отстаивать цѣльность и нераздѣльность имперіи, палату лордовъ и тому подобное, то, по мнѣ, въ области полезныхъ для народа реформъ вы можете поступать какъ хотите. Итакъ, вы разрѣшаете мнѣ

представить васъ комитету, какъ желательнаго кандидата? Вы понимаете, конечно, что ваше имя не будетъ для нихъ новостью.

Они простились. Полчаса спустя Джасперъ и Кодби ѣхали по желѣзной дорогѣ обратно въ Лондонъ.

— Что? Устали, Джасперъ?—спросилъ маленькій человѣчекъ, послѣ долгаго молчанія.

— Въ конецъ измученъ. Будьте милымъ и не разговаривайте со мной. Мнѣ надо многое обмозговать.

Кодби кивнулъ головой и вытащилъ изъ кармана маленькое изданіе „Тимона Аѳинскаго", со множествомъ подчеркнутыхъ фразъ и надписей на поляхъ, и углубился въ него, повидимому, съ превеликимъ удовольствіемъ. Но по временамъ онъ украдкой бросалъ тревожные взгляды на своего друга, который сидѣлъ, сдвинувъ брови и глядя прямо передъ собой на что-то никому, кромѣ него, невидимое. Наконецъ, онъ не въ состояніи былъ выносить этого дольше. Онъ дотронулся книгой до колѣна своего друга.

— Джасперъ? Къ чорту призраки!

Джасперъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Я соображалъ, сколько голосовъ они здѣсь могутъ собрать. Осенью я выставляю свою кандидатуру въ парламентъ.

Кодби положилъ обратно въ карманъ „Тимона Аѳинскаго" и вставилъ въ глазъ монокль.

— Ахъ, чортъ! Да не можетъ быть? Разскажите мнѣ объ этомъ подробнѣе.

II.

Въ половинѣ десятаго, нѣсколько дней спустя, Джасперъ и Кодби сидѣли другъ противъ друга за столомъ въ библіотекѣ, разбирая и просматривая утреннюю почту. Передъ обоими лежали цѣлыя груды писемъ, и столъ былъ уставленъ корзиночками, въ которыя укладывались эти письма, послѣ разборки. Между ними сидѣла за машинкой молодая женщина, съ записной книжкой и карандашомъ въ рукѣ; она заносила въ книжку, подъ номерами, краткіе отвѣты. Весь полъ усѣянъ былъ конвертами. Почта, какъ всегда, была огромная. Циркуляры всевозможныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ; объявленія всевозможныхъ компаній фабрикаціи мыльныхъ пузырей; непрошенныя вырѣзки изъ газетъ, присылаемыя различными лондонскими агентствами; несчетныя письма просителей со всѣхъ концовъ имперіи: иныя—

искреннія, разсказывавшія жалобную повѣсть о нуждѣ и лишеніяхъ, иныя — явно и нахально лгущія, большая часть—сомнительныя, не внушающія довѣрія; письма въ раздушенныхъ конвертахъ, надписанныя женскимъ почеркомъ, съ дорого оплачиваемыми почетными билетами на благотворительные базары и концерты; счета, расписки; дѣловыя письма отъ архитекторовъ, адвокатовъ, банкировъ, маклеровъ, финансистовъ, секретарей различныхъ обществъ; приглашенія на публичные обѣды, чествованія и т. под.; нѣсколько приглашеній частнаго характера; и еще меньше—до странности мало—интимныхъ писемъ отъ друзей.

У Джаспера было столько дѣлъ, что ему приходилось держать цѣлый штабъ конторщиковъ и агентовъ. Онъ нанялъ для конторы одинъ изъ сосѣднихъ домовъ и соединилъ его въ одно цѣлое съ тѣмъ домомъ, гдѣ жилъ самъ. И сидѣлъ здѣсь, въ самомъ центрѣ, за всѣмъ слѣдя, все контролируя, работая съ утра до ночи, лично входя въ мельчайшіе детали. Отсюда онъ завѣдывалъ и широко поставленнымъ рудничнымъ дѣломъ въ Австраліи, и мелкой ежедневною благотворительностью. Правда, просьбъ о помощи и пособіяхъ получалось такъ много, что Веллакотъ принужденъ былъ организовать цѣлый департаментъ для ихъ провѣрки и для доклада ему о положеніи авторовъ писемъ; но доклады эти онъ прочитывалъ самъ и полномочія рѣшать за него не давалъ никому. Много времени приходилось удѣлять обдумыванію крупныхъ финансовыхъ операцій, связанныхъ съ большою отвѣтственностью. Веллакотъ могъ располагать крупными суммами; отъ покупки или продажи имъ тѣхъ или другихъ акцій зависѣло положеніе рынка и участь многихъ невѣдомыхъ ему тысячъ людей. Онъ велъ одновременно нѣсколько крупныхъ филантропическихъ начинаній, нити которыхъ были сосредоточены только въ его рукахъ. Интервьюеры отнимали у него не менѣе двухъ-трехъ часовъ въ день. Да и вообще, если только онъ былъ дома и свободенъ, онъ не отказывалъ въ пріемѣ никому, ни богатому, ни бѣдняку. И этой жизнью напряженнаго и безостановочнаго труда жилъ обладатель многихъ милліоновъ.

Стенографистка уходила и приходила. Въ одинъ изъ промежутковъ между ея уходомъ и возвращеніемъ, въ комнату вошелъ конторщикъ съ телеграммой. То была шифрованная каблограмма отъ маклера въ Нью-Іоркѣ, гласившая: „Найдены новые нефтяные ключи. Сегодня утромъ 120. Согласно инструкціямъ, продалъ“.—Джасперъ бросилъ ее черезъ столъ секретарю.

— Неужели эта лавина никогда не остановится? Такъ оно и будетъ сыпаться безъ конца?—устало выговорилъ онъ.

— Это значитъ, что вы сегодня на милліонъ долларовъ богаче, чѣмъ были вчера. Я бы на вашемъ мѣстѣ, знаете, не огорчался этимъ. Въ концѣ концовъ, vous l'avez voulu, Georges Dandin. Вѣдь вы же рѣшительно наказывали Оджерсу продавать паи, когда они поднимутся до 120. Я самъ составлялъ каблограмму.

— Тогда они стояли на 75, и онъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я ихъ продалъ. Куплены они были мной по 40. Я и назвалъ фантастическую цифру, полагая, что это значитъ: „Продавайте, когда наступитъ день Страшнаго Суда“. Я вѣдь знаю, какъ это дѣлается. Сегодня цѣны взбиты, и акціи поднялись; завтра онѣ упадутъ. Онѣ бы цѣлую недѣлю продержались на этой цѣнѣ. А теперь, разъ я продаю, все дѣло рухнетъ. Вотъ, увидите. Моя прибыль будетъ потерей для другихъ. О, Томми, ненавижу я это!

— Что же подѣлаешь, голубчикъ мой? Нельзя же вамъ отдѣлаться отъ этого, какъ Фламиній въ „Тимонѣ Аѳинскомъ“, сказавъ:

„Проклятое ничтожество, ступай
Къ тому, кто чтитъ тебя благоговѣйно“.

— Разъ въ жизни и мнѣ припомнилась одна изъ вашихъ адскихъ цитатъ. Помните, вы мнѣ читали это послѣ той норзгэмской исторіи? Дальше Фламиній говоритъ:

„И золото твоимъ проклятьемъ будетъ.
Пускай металлъ растопленный тебя варитъ въ аду“.

Право, это точно обо мнѣ сказано. Былъ когда-то языческій царь—я забылъ, какъ его звали, — обладавшій даромъ все превращать въ золото. Это было ему дано, какъ кара за его нечестіе. И все, чего онъ только ни касался, превращалось въ золото—и цвѣты, и руки друзей, и ѣда; кончилось тѣмъ, что онъ умеръ съ голоду. Я читалъ эту сказку въ дѣтствѣ. Такъ и на меня валятся деньги, какъ проклятіе за мои злыя дѣла, и я умираю съ голоду.

— Вздоръ,—сказалъ Кодби.—Этого царька звали Мидасомъ, и у него были ослиныя уши. А у васъ ихъ нѣтъ. Въ этомъ— вся разница. Что же касается милліона долларовъ, вамъ не трудно будетъ найти для него употребленіе. Вотъ письмо отъ Блэпа, изъ Ріо. Двое неудачниковъ упакованы и отправлены моремъ на родину, на имя Джаспера Веллакота, эсквайра — просятъ обращаться съ осторожностью — не то, какъ бы изъ нихъ не выкачало всего виски, прежде чѣмъ они доберутся до дому. Вы можете раздѣлить этотъ милліонъ между ними и отпра-

вить ихъ разыгрывать роли Тринкуло и Стефано на какомъ-нибудь маленькомъ островкѣ. За первымъ же угломъ они встрѣтятъ Калибана, который укажетъ имъ дорогу.

Секретарь спѣшилъ обратить все въ шутку и, по птичьи склонивъ головку на бокъ, тревожно поглядывалъ, не разгонитъ ли улыбка тучъ, омрачившихъ лицо его патрона. Онъ всегда и все старался представить Веллакоту въ болѣе легкомысленномъ, въ менѣе мрачномъ свѣтѣ. Въ данномъ случаѣ это ему удалось.

— Вы болтаете чепуху и только даромъ тратите время, Томми,—разсмѣялся Джасперъ.—Запишите имена и подробности и пришлите этихъ молодцовъ ко мнѣ, когда они явятся. А теперь позвоните и будемъ продолжать.

Это „Агентство для разведенія дармоѣдовъ", какъ Кодби непочтительно именовалъ его, было одной изъ любимыхъ затѣй Джаспера, которую ему недавно только удалось наладить и привести въ осуществленіе.

— Мы съ вами, Томми, сами были такими же дармоѣдами,— укоризненно говорилъ онъ обыкновенно, — и некому было протянуть намъ руку помощи. Мы на собственной шкурѣ испытали, что̀ это значитъ.

Не умѣя придумать лучшаго названія, Веллакотъ назвалъ это агентство содѣйствующимъ возвращенію на родину эмигрантовъ, и разослалъ во всѣ части свѣта, въ Ріо-Жанейро, Сидней, Гонконгъ, Каптаунъ, Санъ-Франциско и пр., агентовъ для розыска неудачниковъ и авантюристовъ, пытавшихся разбогатѣть на чужбинѣ и дошедшихъ до нищеты; имъ выдавали билетъ на проѣздъ, немного денегъ на руки и рекомендательное письмо къ Джасперу Веллакоту. Для этого требовалось только, чтобы данный субъектъ былъ британскимъ подданнымъ и явнымъ несчастливцемъ. По прибытіи ихъ въ Лондонъ, Веллакотъ оказывалъ имъ помощь, находилъ для нихъ работу и отдавалъ ихъ подъ отеческій надзоръ своего собственнаго маленькаго сыскного департамента. Кодби иной разъ, когда на него находилъ „стихъ", бранился, возмущаясь этой импортаціей пьяницъ, преступниковъ, идіотовъ и неспособныхъ къ труду, и предвѣщалъ страшныя катастрофы.

— Да вотъ, взять хоть бы меня. За 120 фунтовъ въ годъ вы могли бы найти расторопнаго молодого человѣка, толковаго, опытнаго, который дѣлалъ бы мое дѣло несравненно лучше, чѣмъ его дѣлаю я. Почемъ вы знаете, не кроются ли во мнѣ какіе-нибудь затаенные преступные инстинкты, ожидающіе только подходящаго случая, чтобъ проявиться? Вы слишкомъ довѣрчивы,

Джасперъ. Вамъ кажется, что въ каждомъ негодяѣ, съ которымъ вы сталкиваетесь, сидитъ скрытый ангелъ, что, подъ всякой наносной дрянью, въ душѣ его заложенъ солидный пластъ чистаго золота, до котораго съ помощью доброты всегда можно добраться. Вы сидите на самой вершинѣ Горы Иллюзій: въ одинъ прекрасный день она лопнетъ подъ вами, какъ яичная скорлупа, и вы сломаете себѣ шею.

Джасперъ, въ отвѣтъ на это, только снисходительно улыбался и съ грустью во взорѣ благодарилъ Бога за то, что у него еще сохранились иллюзіи.

Утренняя работа шла своимъ чередомъ. Одно письмо было отъ майора Спарлинга. Онъ говорилъ съ комитетомъ. Общее и единодушное желаніе всѣхъ членовъ комитета—чтобы м-ръ Веллакотъ выставилъ свою кандидатуру отъ Норзъ-Гэма, при чемъ ему будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій относительно пролетаріата—разумѣется, въ предѣлахъ конституціонныхъ методовъ. Джасперъ передалъ письмо Кодби; тотъ пробѣжалъ его, кивнулъ головой, пробормоталъ что-то невнятное, повидимому цитируя третью часть „Короля Генриха VI", и бросилъ письмо въ корзинку съ надписью: „частныя". Затѣмъ продолжалъ диктовать стенографисткѣ начатый отвѣтъ. Джасперъ, откинувшись на спинку кресла и заложивъ руки за голову, задумался, забылся. Въ мечтахъ онъ видѣлъ себя среди зеленыхъ скамей, произносящимъ горячую, страстную рѣчь, заражая своимъ энтузіазмомъ всю палату, и затѣмъ садящимся на свое мѣсто подъ громъ рукоплесканій и крики: „На голоса!"—Онъ вдругъ выпрямился, протеръ глаза и расхохотался.

— Вы ошибались. Уши у меня имѣются на лицо—сказалъ онъ черезъ столъ секретарю.

Кодби посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. Но тотчасъ же на помощь ему пришло его умѣнье понимать Джаспера съ полуслова.

— Они вамъ привидѣлись.

Джасперъ кивнулъ головой. Кодби указалъ на массу еще непрочитанныхъ писемъ и процитировалъ:

„Достаточно ужъ намъ мечтать о славѣ.
Звенитъ труба—за дѣло намъ пора!"

— Если я еще сегодня услышу что-нибудь изъ Шекспира, я пошлю за полиціей—шутливо пригрозилъ Джасперъ. Стенографистка, собравъ написанныя письма, вышла. Джасперъ всталъ, потянулся и зашагалъ по комнатѣ.

— А знаете, Томъ,—выговорилъ онъ, останавливаясь и закладывая руки въ карманы, — еслибъ обстоятельства сложились иначе, я могъ бы быть легкомысленнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Я всю жизнь жаждалъ быть легкомысленнымъ. Въ былое время,— кромѣ тѣхъ лѣтъ, что я прожилъ у милаго стараго пастора,— этому мѣшала бѣдность, а теперь мѣшаетъ богатство—и многое другое...

Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. Все вокругъ купалось въ лучахъ золотого іюньскаго солнца; полоска неба надъ противоположными домами была ярко-голубая. И душу Джаспера волной залила жажда счастья, потребность ускользнуть отъ гнетущаго формализма, въ которомъ живетъ человѣчество, отъ стѣснительныхъ житейскихъ правилъ, тоска по большимъ пространствамъ, по простору, по запаху эвкалипта, по спокойствію отдыхающей души. Мечтатель отъ природы, онъ силою воли заставлялъ себя быть энергичнымъ, активнымъ; двѣ противоположныхъ силы постояннымъ и равнымъ воздѣйствіемъ удерживали его въ равновѣсіи, какъ мячикъ — струи фонтана. Вотъ почему поверхностные наблюдатели считали его человѣкомъ безъ индивидуальности. Но когда та или другая сила брала перевѣсъ, индивидуальность проявлялась очень ярко, и мечтатель начиналъ дѣйствовать, быстро, рѣшительно, энергично. Или же, наоборотъ, дѣятель вдругъ оказывался мечтателемъ, поэтомъ, о чемъ-то смутно грезящимъ и нѣжно умиляющимся надъ бѣдствіями міра, которыя не въ его власти устранить—или страстно рвущимся къ его прелестямъ, которыхъ онъ не смѣетъ взять.

Онъ смотрѣлъ на золотой солнечный свѣтъ, на радостную сіяющую лазурь—и душа его рвалась на просторъ, къ безбрежнымъ пространствамъ, жаждала запаха эвкалипта. Со вздохомъ онъ отошелъ отъ окна.

— Знаете, какъ бы мнѣ сегодня хотѣлось провести день?— выговорилъ онъ задумчиво. — Прокатиться въ Кью-Гарденъ на дешевомъ пароходикѣ.

— Это вы вполнѣ можете себѣ позволить,—одобрилъ Кодби.

— Можетъ быть, если я успѣю просмотрѣть корреспонденцію, послѣ завтрака мнѣ и удастся съѣздить,—продолжалъ Джасперъ, садясь на прежнее мѣсто.—Много еще писемъ осталось?

— Тѣ, которыя вамъ самимъ нужно прочесть, я отложилъ въ корзинку,—сказалъ Кодби и взялъ корзинку съ письмами, отложенными имъ для себя.—Если придутъ еще, я просмотрю, такъ что вы можете отправляться на свою прогулку.

Джасперъ согласился и сказалъ, что сегодня никого не при-

метъ, кромѣ двухъ новыхъ „несчастненькихъ“, прибывшихъ изъ Ріо-Жанейро. Онъ рѣшительно настаивалъ на томъ, чтобы лично бесѣдовать со всѣми этими „несчастненькими“, какъ ихъ называлъ Кодби. Секретарь иронически усмѣхнулся, пустилъ по этому поводу еще одну парѳянскую стрѣлу и удалился. А его патронъ вновь принялся за письма. Около часа спустя, ему попалась въ руки пригласительная карточка, лежавшая въ корзинкѣ, но раньше не замѣченная имъ. Карточка извѣщала, что лэди Алиція Гарденъ „будетъ дома“ въ слѣдующую пятницу и рада будетъ видѣть его у себя. На конвертѣ слѣва, въ уголкѣ, было надписано его имя и внизу буквы: R. S. V. P. Почеркъ былъ изящный, очень характерный. Имя „Джасперъ“ было выведено какъ-то особенно крупно и четко. Этотъ почеркъ вновь вызвалъ передъ нимъ обликъ женщины, чья близость, неожиданно для него, на мигъ вернула ему душевный покой, котораго онъ напрасно жаждалъ ужъ много лѣтъ. Она стояла передъ нимъ и смотрѣла на него ласково; но глаза ея кололи, какъ кинжалы.

Веллакотъ вырвалъ листокъ изъ блокъ-нота, написалъ на немъ, что „м-ръ Джасперъ Веллакотъ очень сожалѣетъ о томъ, что ранѣе распорядился этимъ вечеромъ и потому не можетъ принять любезнаго приглашенія лэди Алиціи Гарденъ“,—вложилъ въ конвертъ, запечаталъ, надписалъ адресъ и присоединилъ конвертъ къ письмамъ, отложеннымъ для отправки на почту. Затѣмъ снова принялся за работу. Вошелъ конторщикъ, взялъ уже готовыя къ отправленію письма и унесъ ихъ. Вскорѣ послѣ того пробило двѣнадцать, и Джасперъ зналъ, что, по заведенному порядку, его отвѣтъ лэди Алиціи уже лежитъ въ почтовомъ ящикѣ снаружи дома, откуда его теперь возьметъ почтальонъ.

Дѣло сдѣлано, и сдѣланнаго не вернешь. Джасперъ былъ радъ. Онъ не увидится больше съ этой женщиной. Дружба, близость съ ней вдвойнѣ опасны. Его жизнь слишкомъ часто бывала игрушкой обстоятельствъ, чтобъ онъ не распозналъ сразу прелюдіи къ обычной игрѣ. Да и на что ему знатныя, высокопоставленныя дамы? Что у него общаго съ женщинами вообще? Женская любовь, топотъ дѣтскихъ ножекъ въ домѣ — все это относится къ области того Рая, врата котораго онъ самъ заперъ на ключъ и заградилъ засовами, а ключъ бросилъ въ бездну. Онъ ждалъ приглашенія лэди Алиціи именно для того, чтобъ отказаться, даже досадовалъ немного, что оно такъ долго не приходитъ. Ну вотъ, теперь покончено и съ этимъ: еще одно искушеніе побѣждено.

Однако, когда Джасперъ послѣ того подошелъ къ окну, золото-

солнечныхъ лучей уже не показалось ему такимъ яркимъ, небесная лазурь—такой голубой. И потомъ, за позднимъ завтракомъ, онъ сказалъ Кодби, что его намѣреніе проѣхаться на дешевомъ пароходикѣ въ загородный садъ представляется ему ребяческимъ, и онъ раздумалъ ѣхать—тѣмъ болѣе, что у него есть въ городѣ кое-какія дѣла.

III.

Принимая безповоротное рѣшеніе не видаться болѣе съ лэди Алиціей, Джасперъ Веллакотъ не принялъ въ разсчетъ одного: своего артрита, сирѣчь—подагры на ревматической подкладкѣ. Ему, конечно, и въ голову не приходило—что такой прозаическій недугъ можетъ сыграть рѣшающую роль въ его романѣ. Но когда человѣкъ начинаетъ самъ писать для себя законы, не считаясь съ мелочами жизни, эти мелочи оказываются очень склонными напоминать о себѣ, выдвигаясь на первый планъ.

Подагра у него была несильная. Приступы ея онъ испытывалъ и раньше; потомъ они прошли, а въ этомъ году появились снова. Докторъ предписалъ леченіе ваннами и совѣтовалъ ѣхать въ Эксъ-ле-Бэнъ. Джасперъ говорилъ, что онъ предпочитаетъ Харрогэтъ, такъ какъ это ближе къ Лондону, и онъ всегда можетъ съѣздить въ городъ, когда дѣла этого потребуютъ. Но докторъ настаивалъ на полномъ отдыхѣ отъ дѣлъ. Джасперъ стоялъ за Харрогэтъ, докторъ — за Эксъ. Кодби стоялъ за доктора, доказывалъ, что харрогэтскія воды ничего не стоютъ, бранился, умолялъ, подъѣзжалъ со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, добился своего. Въ одно прекрасное августовское утро онъ проводилъ своего патрона на Черингкросскій вокзалъ и вернулся въ Гауэръ-стритъ, отдыхать въ обществѣ излюбленныхъ имъ комментаторовъ Шекспира.

Пріѣхавъ въ Эксъ, Джасперъ отдалъ себя подъ надзоръ спеціалиста, началъ предписанный ему курсъ ваннъ и душей и первое время прямо-таки наслаждался отдыхомъ. Маленькій городокъ, весь изъ отелей и садовъ, пріютившійся на берегу волшебнаго озера, среди амфитеатра горъ, полный солнечнаго свѣта и лѣни, веселый отъ яркихъ красокъ и смѣха, казалось, изгонялъ усталость и тоску изъ его сердца, какъ массажистъ въ ванномъ заведеніи растираньемъ изгонялъ ревматизмъ изъ его членовъ. Всегда скромный въ личныхъ расходахъ, почти болѣзненно боявшійся чрезмѣрной роскоши и пышности, Джасперъ поселился въ одномъ изъ наименѣе

дорогихъ отелей, подружился со своими сосѣдями за табльд'отомъ, американцами, и проводилъ съ ними время весело и просто.

Въ Эксъ-ле-Бэнъ вся дневная и вечерняя жизнь сосредоточивается въ двухъ казино: „Grand Cercle" и „Villa des Fleurs". При каждомъ изъ этихъ учрежденій — собственный хорошенькій садикъ, и сады эти — смежные. Сидя за чашкой кофе на террассѣ „Серкля", вы можете любоваться фейерверками въ садахъ Виллы. Выигравъ въ баккара на одномъ изъ игорныхъ столовъ Виллы, вы можете черезъ двѣ минуты проиграть эти деньги въ Серклѣ, — что, какъ видите, чрезвычайно удобно. Или же, если вамъ надоѣло сидѣть въ Серклѣ и слушать предвечерній концертъ, въ двухъ шагахъ отъ васъ Вилла, гдѣ вы найдете въ саду подъ липами дамъ въ батистовыхъ платьяхъ и мужчинъ въ фланелевыхъ костюмахъ, занятыхъ чтеніемъ или болтовней, между тѣмъ какъ лакеи разносятъ прохладительныя въ высокихъ бокалахъ, въ которыхъ такъ заманчиво похрустываютъ льдинки и такъ соблазнительно торчатъ соломинки, а изъ кіоска на дальнемъ концѣ сада несется живая, веселая музыка.

Нерѣдко упрекая себя за это легкомысленное существованіе, Джасперъ, все-же, покорялся неизбѣжному. Онъ участвовалъ въ катаньяхъ по озеру на маленькихъ старыхъ пароходикахъ, дремалъ въ садахъ „Виллы Цвѣтовъ" и увозилъ на дальнія прогулки троихъ маленькихъ англичанъ съ ихъ бабушкой, въ то время какъ ихъ мамаша играла въ рулетку. Неожиданно для себя онъ убѣдился, что его забавляютъ фейерверки; съ интересомъ бродилъ вокругъ столовъ, за которыми играли въ баккара, и, какъ ребенокъ, не могъ оторвать глазъ отъ вѣчно вертящихся маленькихъ лошадокъ въ залѣ Серкля. Цѣлую недѣлю все шло благополучно, и онъ былъ совершенно счастливъ.

На восьмой вечеръ онъ стоялъ въ игорной залѣ Виллы у одного изъ четырехъ столовъ, за которымъ велась крупная игра. Въ залѣ было жарко и душно; пахло женщинами и духами. Въ воздухѣ стоялъ негромкій, сдержанный говоръ, періодически покрывавшійся монотонными выкриками крупье. У каждаго столика были свои зрители, но у того стола, возлѣ котораго остановился Джасперъ, толпа была въ три-четыре раза гуще, чѣмъ около другихъ. Ему было и забавно, и грустно смотрѣть на это зрѣлище. Жажда наживы, такъ остро и некрасиво проявлявшаяся здѣсь, возбуждала его состраданіе. Здѣсь были люди, пріѣзжавшіе въ Эксъ спеціально для игры — извѣстные лондонскіе ростовщики, содержатели игорныхъ притоновъ въ Бельгіи и Мексикѣ, пожилыя женщины въ ситцевыхъ кофтахъ и съ вскло-

коченными волосами; было много и больныхъ, у которыхъ видъ былъ такой, какъ будто у нихъ была подагра не только въ тѣлѣ, но и въ душѣ. Здѣсь были американскіе милліонеры, выдержанные, сѣдобородые, изысканно учтивые; были американки, разодѣтыя, нервно постукивавшія по своимъ стофранковымъ ставкамъ острыми кончиками своихъ розовыхъ холеныхъ ногтей. Былъ здѣсь и вездѣсущій космополитъ-еврей изъ породы темныхъ странствующихъ по свѣту дѣльцовъ, лысый, сгорбленный, съ огромными усами, переходящими въ бакенбарды, съ жесткими, недобрыми, немного косыми глазами, въ безукоризненномъ смокингѣ, съ оранжерейнымъ цвѣткомъ въ петличкѣ, съ брилліантовыми запонками и брилліантовыми перстнями на рукахъ. Были парижскія демимонденки, протягивавшія свои сплошь изукрашенные кольцами пальчики сквозь ряды играющихъ за красными жетонами взамѣнъ луидоровъ, которые сгребали для нихъ съ зеленаго сукна. Были свѣженькія, смѣющіяся молоденькія англичанки въ простенькихъ платьяхъ, невинно наслаждавшіяся, заражаясь общимъ возбужденіемъ; были стройные англичане и миловидныя француженки, у которыхъ хорошенькіе глазки становились ястребиными, когда счастье въ игрѣ начинало измѣнять имъ.

— Вы не играете, мосье?—спросила одна изъ нихъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ у Веллакота.

— Нѣтъ—просто отвѣтилъ онъ.—Я боюсь.

— Чего боитесь?—засмѣялась дѣвушка.

— Выиграть.

Дѣвушка пожала плечиками, вздернула бровки и поспѣшно раздвинула толпу, протягивая руку, чтобы поставить луидоръ.

— Ну и оригиналъ же вы, м-ръ Веллакотъ!—сказалъ знакомый голосъ надъ самымъ ухомъ Джаспера.

Онъ обернулся, и сердце запрыгало въ его груди. Рядомъ съ нимъ стояла лэди Алиція, съ своей ясной улыбкой и едва уловимой, дразнящей тѣнью надъ верхнею губой.

Спасенія ждать было неоткуда. Подагра, о которой онъ забылъ, отомстила за себя. Одно изъ двухъ: или надо укладываться и завтра же бѣжать изъ Экса, или же проводить время въ обществѣ лэди Алиціи. Ибо Эксъ, въ сущности—одинъ большой отель, гдѣ люди сталкиваются по десяти разъ на день. То и другое смутно и быстро, какъ молнія, промелькнуло въ умѣ Джаспера. Но сейчасъ ему оставалось только одно: удивиться и назвать ее по имени, что онъ и сдѣлалъ.

— Я почти каждый годъ пріѣзжаю сюда на три-четыре

недѣли — спокойно объяснила она. — Не для себя, а для моей тетки, лэди Люксморъ; ее, бѣдняжку, совсѣмъ замучила подагра. Вы знаете, вѣдь она живетъ со мной.—Давно ли вы здѣсь?

Онъ отвѣтилъ на этотъ обязательный вопросъ. Потомъ они обмѣнялись нѣсколькими общими мѣстами по поводу красотъ Экса. И опять онъ почувствовалъ странное успокоеніе, которымъ вѣяло на него отъ этой женщины, даже когда она говорила банальныя фразы, какія говорятъ всѣ. Въ ея голосѣ ему чудился ропотъ дальнихъ водъ, и онъ прислушивался къ нему, какъ зачарованный, самъ себя за это ненавидя. На ней было блѣдно-розовое платье, совсѣмъ закрытое, но отдѣланное на груди воздушнымъ газомъ. Розы подъ шляпой удивительно красиво гнѣздились въ ея прелестныхъ свѣтло-каштановыхъ волосахъ. Обсуждая съ нею шансы выигрыша въ баккара, онъ внутренно дивился, спрашивая себя, какъ это случилось, что она не вышла замужъ, и беззвучно шепча нечестивую молитву, чтобы мужъ и дѣти встали между нимъ и этими вѣчно ласковыми газельими глазами. А лэди Алиція тѣмъ временемъ объясняла, какъ она попала сюда. Она обѣдала на Виллѣ съ Сигримами, изъ Гертфорда, ея сосѣдями, остановившимися въ одной съ нею гостинницѣ, „Европейской“, около самой Виллы. Вонъ они сидятъ, на томъ концѣ стола.

— Такъ вы не играете потому, что боитесь выиграть?— повторила она, наконецъ.—Но вѣдь вы же можете и проиграть. По моему, это суевѣріе—такая вѣра въ свою неизмѣнную удачу. Я не вѣрю въ это.

— А я вѣрю.

— Интересно было бы провѣрить.

— Кому же это могло бы быть интересно?

— Мнѣ.

Игра въ эту минуту кончилась, и банкометъ всталъ изъ-за стола. По лицу его нельзя было опредѣлить, выигралъ онъ или проигралъ. Крупье выкрикивалъ, продавая съ аукціона банкъ.

— Почему бы вамъ не попробовать заложить банкъ?—упрашивала лэди Алиція.

За банкъ предлагали пятьсотъ луидоровъ. Джасперъ крикнулъ: „шестьсотъ!“ Банкъ былъ отданъ ему. Крупный американскій желѣзнодорожникъ тотчасъ узналъ его и шепнулъ сосѣду: „Это Джасперъ Веллакотъ, милліонеръ изъ Австраліи“. Какъ электрическая искра, новость мигомъ облетѣла весь столъ. Американецъ крикнулъ: „Ва-банкъ!“ Сдали карты. Выигралъ Джасперъ. Шопотъ пошелъ по всей залѣ. Ставки были крупныя:

сумма, лежавшая въ банкѣ, сразу утроилась. Джасперъ загребалъ деньги обѣими руками. Крупье своей лопаточкой сгребъ всѣ ставки въ банкъ. Снова сдали карты. И снова Джасперъ выигралъ, и еще, и еще, — шесть разъ подрядъ. Банкъ достигъ огромной суммы. Космополитъ-еврей поставилъ максимальную ставку. Всѣ съ замираніемъ сердца ждали. Джасперъ раскрылъ свои карты: у него оказалась старшая карта — девятка. Въ седьмой разъ онъ выигралъ. Онъ всталъ, собралъ золото въ лакированную тарелочку и обмѣнялъ его въ размѣнной кассѣ на тысячефранковые билеты. Затѣмъ подошелъ къ лэди Алиціи. Лицо у него было усталое, измученное.

— Вы—не членъ какого-нибудь благотворительнаго общества?—спросилъ онъ ее.

— И даже многихъ. Я, напримѣръ, состою въ правленіи общества „Вспоможенія офицерскимъ вдовамъ“.

— Въ такомъ случаѣ, умоляю васъ: возьмите эти деньги и распорядитесь ими, какъ сочтете лучшимъ!—воскликнулъ онъ, всовывая ей билеты въ руку.—Нѣтъ, нѣтъ, не отказывайтесь. Вы должны. Вѣдь это вы заставили меня играть. Я ненавижу это. Я—какой-то магнитъ для золота. Вы не можете понять, какъ это ужасно. Я способенъ выиграть милліонъ на одинъ лотерейный билетъ. Это больше чѣмъ суевѣріе: это — проклятіе. Ради самого Бога, лэди Алиція, отдайте эти деньги вашимъ вдовамъ, или кому хотите!

Сначала она не хотѣла взять. Но онъ такъ горячо настаивалъ, почти шопотомъ, скороговоркой, видимо волнуясь и страдая, что она не могла отказать.

— Ну хорошо, я принимаю, съ благодарностью.—И она спрятала деньги въ свою розовую атласную сумочку.

— Не хотите ли пройтись немного?—предложилъ онъ.—Здѣсь такъ удушливо жарко.

Она согласилась, и они вышли въ садикъ, отдѣленный отъ игорной залы лишь узенькой террассой. Садъ былъ пустъ. Тростниковые столики и кресла блестѣли при свѣтѣ звѣздъ. Съ террассы доносились звуки женскихъ голосовъ и, слабѣе, отдаленные выкрики крупье; въ раскрытыя двери залы видна была блестящая перспектива, полная свѣта, красокъ и движенія.

— Напрасно я васъ заставила играть,—мягко сказала лэди Алиція.—Но мнѣ и въ голову не приходило, чтобы такія вещи могли кого-нибудь такъ серьезно огорчить. Вы должны простить легкомысленной женщинѣ, которая капризничаетъ отъ нечего дѣлать и не умѣетъ обуздывать свои капризы. Эта ужасная ат-

мосфера игорной залы деморализуетъ хоть кого. Вы прощаете меня?

Что онъ могъ отвѣтить?—Разумѣется, онъ простилъ ее и самъ принялся извиняться, поясняя, что его неизмѣнное счастье дѣйствуетъ ему на нервы. Въ немъ есть что-то жуткое, словно колдовское.

— Какъ страшное счастье человѣка, который продалъ свою душу дьяволу!—вырвалось у него невольно.

Лэди Алиція слегка вздрогнула. Она всю жизнь прожила среди состоятельныхъ людей; сама наслѣдовала крупное состояніе, встрѣчала не разъ милліонеровъ, которые легко несли бремя богатства и не меньше другихъ любили „дѣлать деньги". Напримѣръ, судья Бленкинсонъ изъ Чикаго, колоссальный богачъ—да онъ и сейчасъ стоитъ въ дверяхъ, позвякивая монетами, лежащими у него на ладони; онъ радуется, какъ ребенокъ, когда выиграетъ двадцать франковъ. Но такого человѣка, какъ Веллакотъ, она никогда не встрѣчала: у него была оригинальнѣйшая точка зрѣнія на деньги, влекущая за собой самыя странныя возможности.

Искренность его тона тронула ее. Въ этомъ человѣкѣ вообще было что-то трогательное. Лэди Алиція слыла среди своихъ знакомыхъ чуткой женщиной, и знала это, и ей доставляло тонкое удовольствіе поступать сообразно своей репутаціи. Она любила осѣнять несчастныхъ бѣлымъ крыломъ своего состраданія, отъ времени до времени милостиво снисходя взглянуть, какъ имъ живется. Присоединить къ числу своихъ подопечныхъ этого архимилліонера съ средневѣковыми суевѣріями было большимъ искушеніемъ. Она оперлась подбородкомъ на руку и подумала, прежде чѣмъ отвѣтить:

— Мнѣ кажется, я понимаю. Вамъ кажется, есть какая-то несправедливость въ томъ, что такое огромное богатство достается одному, что это какъ бы обособляетъ васъ отъ другихъ людей,—кладетъ на васъ печать, какъ бы клеймо...

— Да, да. Вотъ именно!—горячо подтвердилъ онъ.

— Но если ужъ видѣть въ этомъ что-то сверхъестественное, то почему же не божественное произволеніе, а непремѣнно волю дьявола? Подумайте, какую огромную массу человѣческихъ страданій въ вашей власти облегчить. А что касается обособленія, каждый мужчина и каждая женщина, выполняющіе великую миссію, точно также обособлены, до извѣстной степени. —И, сознавая, что она начинаетъ говорить общія мѣста, лэди Алиція поспѣшила перейти въ болѣе легкій тонъ.—И, наконецъ,—приба-

вила она со смѣхомъ,—вы найдете множество людей, которые будутъ рады быть къ вамъ милыми и добрыми и помочь вамъ избавиться отъ одиночества. Только не надо отказываться, когда вамъ посылаютъ приглашенія.

— Я получилъ только одно, отъ котораго, къ сожалѣнію, вынужденъ былъ отказаться.

— Это упрекъ?—спросила она добродушно.

— Это—сожалѣніе.

— И обѣщаніе?

— Можетъ ли быть иначе!—отвѣтилъ онъ любезно.

— У меня рѣдко бываютъ большія собранія, — пояснила она. — Мои пріемы очень маленькіе: нѣсколько друзей, которыхъ я надѣюсь пріучить находить удовольствіе въ обществѣ другъ друга. Но, быть можетъ, съ моей стороны было слишкомъ смѣло приглашать васъ: ваше время, навѣрное, все разобрано...

— Я рѣдко бываю въ гостяхъ,—сказалъ онъ просто.—И друзей у меня немного. Видите ли, я достаточно знаю свѣтъ, чтобъ видѣть—говорю это безъ всякаго фатовства,—что я могъ бы сдѣлаться свѣтскимъ львомъ, еслибы захотѣлъ. Но на что мнѣ это? Еслибъ меня ласкали за мой блестящій умъ, мои артистическія дарованія, за мою личную очаровательность, быть-можетъ это бы и льстило мнѣ. Во всякомъ случаѣ, я бы зналъ, что во мнѣ цѣнятъ что-то, лично мнѣ присущее. Но шататься по гостинымъ только для того, чтобы похвастать своими золотыми латами—нѣтъ, это не по мнѣ. И мысли мои, и чувства, и надежды—не тѣ, что у людей, наполняющихъ эти гостиныя. Это—блестящіе мотыльки; я изъ другого міра. А люди поскромнѣе—тѣ какъ-то боятся меня.

— Моя дружба немногаго стоитъ — мягко сказала лэди Алиція,—но если вы сколько-нибудь дорожите ею, она ваша—искренно и отъ души.

Она поднялась со скамьи и стояла передъ нимъ, величавая, красивая. На черномъ бархатѣ небесъ ослѣпительно ярко сіяли звѣзды. И глаза ея, казалось, затаили въ себѣ всѣ нѣжныя тайны звѣзднаго свѣта. И снова онъ поддался ея чарамъ.

— Въ цѣломъ мірѣ у меня нѣтъ друга-женщины,—выговорилъ онъ, протягивая руку.

Не обмѣнявшись больше ни словомъ, они вернулись въ комнаты, гдѣ къ нимъ присоединились Сигримы. Онъ былъ красноносый, блѣдноглазый, зауряднѣйшій англійскій сквайръ, любитель охоты; она — увядшая дама, съ остатками былой красоты.

Лэди Алиція познакомила ихъ; послѣдовалъ обычный обмѣнъ учтивостей. Возвращаясь въ свой отель, одинъ, Джасперъ дивился, какъ могла эта райская птичка выбрать для себя такое общество — воронъ, добрыхъ и честныхъ птицъ, руководствующихся въ каждомъ своемъ шагѣ весьма респектабельными вороньими традиціями, но все же самыхъ настоящихъ, самыхъ обыкновенныхъ воронъ. И онъ объяснилъ себѣ это только необыкновенной чувствительностью и добротою райской птички.

Съ этого дня у нихъ установились товарищескія отношенія. Они видались ежедневно. Волей-неволей Джасперъ вошелъ въ кругъ ея знакомыхъ и обязательно принималъ участіе во всѣхъ экскурсіяхъ, обѣдахъ, маленькихъ пикникахъ и т. п. Въ день Баталіи Цвѣтовъ онъ нанялъ коляску и усадилъ въ нее лэди Алицію, ея тетку и Сигримовъ, при чемъ сквайръ сѣлъ на козлы. Всю коляску онъ завалилъ букетами и такъ увлекся этой ребяческой игрой (лэди Алиція, раскраснѣвшаяся и въ восхитительной шляпѣ, сидѣла напротивъ него), что хохоталъ не меньше чѣмъ веселая, миловидная шалунья-дѣвушка, бросавшая въ него букетами съ эстрады.

— Боюсь, что я велъ себя какъ идіотъ!—выговорилъ онъ съ комическимъ раскаяніемъ, когда экипажъ повернулъ обратно.

— Вы были очаровательны,—возразила лэди Алиція.

Всего это не слѣдовало дѣлать. Онъ зналъ это и ежедневно, ежечасно мучился угрызеніями совѣсти, допрашивая себя: по какому праву онъ развлекается тутъ и веселится въ этомъ легкомысленномъ курортѣ? По какому праву онъ отдыхаетъ въ миломъ обществѣ этой женщины? Но желѣзные обручи, которыми онъ самъ сковалъ себя, лопнули, и онъ не могъ сковать ихъ снова. Передъ нимъ раскрылась жизнь, краски, веселье, и его изголодавшееся сердце съ жадностью хваталось за нимъ. Подъ вечеръ, когда онъ приходилъ въ садъ Виллы, глаза его, съ удивительно вѣрнымъ инстинктомъ, по краю платья и донышку шляпы, угадывали ее, сидѣвшую къ нему спиною, въ тростниковомъ креслѣ. Что-то новое и странное, словно птичка, начинало тогда трепетать въ его груди, и онъ приближался къ ней съ пугливой радостью. Это было нехорошо.—Но что же могъ онъ сдѣлать? Уѣхать изъ Экса — значило бросить леченіе на половинѣ. Если въ пантеистической іерархіи существуетъ богъ ревматизма и подагры, онъ, должно-быть, надрывалъ себѣ животики отъ смѣха. Джасперъ не уѣзжалъ. Лэди Алиція оказалась именно такой, какою онъ представлялъ ее себѣ съ первой минуты знакомства въ Норзъ-Гэмѣ. Возлѣ нея было удивительно покойно

и уютно. Съ истинно женскимъ чутьемъ она всегда умѣла во время найти нужныя слова, чтобы утѣшить, выразить пониманіе, поддержать и вдохновить. Онъ, какъ ребенокъ, довѣрялся ей, разсказывая ей свои широкіе филантропическіе планы и обсуждая съ нею шансы пройти въ парламентъ на дополнительныхъ выборахъ, которые должны были состояться въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Лэди Алиція увѣряла, что ее страшно интересуютъ эти выборы. Ей нравилась позиція тори-демократа. Это было въ ея духѣ. Она представляла себѣ Джаспера на высотѣ, вдали отъ большихъ немытыхъ массъ, взирающимъ на нихъ съ ласковымъ благоволеніемъ, осыпающимъ ихъ несказанными благодѣяніями. Она сама любила разыгрывать провидѣніе для бѣдняковъ. Непривычный къ женской изворотливости, не умѣя разбираться въ изгибахъ женской души, Джасперъ не замѣчалъ тѣхъ основаній, на которыхъ строилось ея сочувствіе его политическимъ взглядамъ; да это было и къ лучшему—иначе онъ, пожалуй, разочаровался бы въ своей Эгеріи. А такъ, ея интересъ и сочувствіе плѣняли и вдохновляли его.

— Вы здѣсь совсѣмъ другой, чѣмъ въ Лондонѣ — сказала она ему однажды.

Перемѣна зависѣла не только отъ того, что сѣрый фланелевый костюмъ, коричневые башмаки и альпійская шляпа шли къ нему больше, чѣмъ фракъ, котораго онъ не умѣлъ носить.

— У васъ и выраженіе лица веселѣе и счастливѣе,—продолжала она.

— Отдыхъ всякому полезенъ—отвѣтилъ онъ уклончиво.

— Вообще, я ненавижу этотъ курортъ, но теперь буду съ удовольствіемъ вспоминать о немъ, за то, что онъ такъ благотворно дѣйствуетъ на васъ.

— Вотъ это мило съ вашей стороны — улыбнулся онъ. — Для меня онъ былъ маленькимъ раемъ.

— Съ запретными плодами?

— Боюсь, что я только и питаюсь что запретными плодами съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь.

— Кто же вамъ запрещаетъ ѣсть ихъ?—спросила она, не замѣтивъ маленькаго перерыва въ его послѣдней фразѣ.

— Кто можетъ запретить что-нибудь человѣку, кромѣ него самого? Кто, кромѣ меня самого, запрещаетъ мнѣ убить вотъ этого лакея, который принесъ намъ къ чаю сливокъ, когда я заказывалъ лимонъ?

Онъ ловко повернулъ разговоръ, перейдя отъ опасныхъ безднъ къ мелководью.

— Это ужъ метафизика, и я тутъ пасую — сказала лэди Алиція, заглядывая внутрь чайника.—Можете вы опредѣлить по внѣшнему виду, цейлонскій это чай или китайскій?

Онъ тоже низко нагнулся надъ чайникомъ. Ихъ лица почти касались другъ друга. Этотъ моментъ интимности былъ очень сладокъ.

— Потому что если это китайскій чай, надо спросить лимона, а если цейлонскій, его лучше пить со сливками — прибавила она.

— Боюсь, что это смѣсь—замѣтилъ онъ. И оба разсмѣялись.

Лакей ушелъ, поставивъ сливочникъ на столъ. Лэди Алиція разливала чай. Ея бѣлые пальчики съ квадратикомъ сахара вопросительно поднялись надъ его чашкой, прежде чѣмъ опустить туда сахаръ. И пальчики, и чай, и сахаръ — все это были запретные плоды, но сказать ей это онъ не смѣлъ. Чтобы перемѣнить разговоръ, Джасперъ взялъ со стола тоненькую книжку въ пергаментномъ переплетѣ, которую лэди Алиція принесла съ собой, и раскрылъ ее.

— Я вчера читалъ восторженнѣйшій отзывъ объ этой книгѣ въ „Таймсѣ".

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричала она съ живостью.—Покажите его мнѣ. Бонни будетъ такъ радъ—я хочу сказать: авторъ, Бонами Тредгольдъ. Онъ такой милый. Мы съ нимъ большіе друзья. Его всѣ зовутъ Бонни съ самаго его рожденія. Я чувствую, что изъ него выработается большой поэтъ, великій поэтъ. А все-таки, „Таймсъ" помѣстилъ рецензію только черезъ полгода. Это недобросовѣстно.

Лэди Алиція маленькими глотками прихлебывала чай, словно для того, чтобы утишить свой гнѣвъ. Джасперъ, перелистывая книжку, замѣтилъ одно стихотвореніе, пробѣжалъ его, потомъ прочелъ внимательнѣе — и перечелъ еще разъ, чтобы уяснить себѣ неуловленную сразу мысль. И когда уяснилъ, ему показалось, что кто-то подалъ ему вѣсточку изъ дальнихъ странъ. Отдѣльныя строки сразу запомнились ему: въ нихъ были отголоски шума раковинъ и ропота моря. Онъ взглянулъ на лэди Алицію и встрѣтилъ взоръ, полный ожиданія.

— Человѣкъ, написавшій это—уже большой поэтъ,—сказалъ онъ, самъ дивясь, что голосъ его дрогнулъ, когда онъ передавалъ ей книгу.

— О, какъ я рада, что вы это говорите, — вы и представить себѣ не можете, какъ рада!—воскликнула она, пылая ру-

мянцемъ.—Его лирика великолѣпна. Это одно изъ моихъ любимыхъ стихотвореній. Да я и всѣ его стихи люблю! Въ нихъ чувствуется такой здоровый, ясный, трезвый умъ. Ничего болѣзненнаго или декадентскаго.

— Сколько ему лѣтъ?—освѣдомился Джасперъ.

Лэди Алиція налила ему вторую чашку чая.

— Боюсь, что онъ еще очень молодъ,—отвѣтила она, кладя сахаръ въ чашку.

— Боитесь? Почему? Этому надо радоваться. Подумайте только: молодъ и поэтъ. Въ двадцать лѣтъ носить въ своей душѣ всю славу міра—чего же еще можно просить у Бога?

— Бонни очень бѣденъ.

— Я бы отдалъ десять лѣтъ своей жизни за то, чтобы единый часъ побыть на его мѣстѣ. Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что читалъ очень мало стиховъ. Какъ-то не приходилось. Но къ великимъ поэтамъ я питаю какое-то странное почтеніе. Прямо таки чту ихъ!—повторилъ онъ, откидываясь на спинку кресла и закладывая руки за голову. — Великій поэтъ объясняетъ то полусознательное, что живетъ и въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ, но чего онъ самъ не можетъ себѣ уяснить и уловить. Поэтъ какъ будто находится въ соприкосновеніи съ Небомъ; ему какъ бы дана власть надъ душами. Не все ли равно такому человѣку, богатъ онъ или бѣденъ? Вѣдь онъ повелѣваетъ всей землей — и честь мужчинъ, и женская любовь принадлежатъ ему. Деньгами этого не купишь.

Наступила минутная пауза. Джасперъ замечтался. Лэди Алиція первая нарушила молчаніе:

— Когда вы навѣстите меня въ Лондонѣ, м-ръ Веллакотъ, я непремѣнно познакомлю васъ съ Бонами Тредгольдомъ. Вы, навѣрное, полюбите его. Онъ—мужчина до кончика ногтей. Притомъ же, вы до нѣкоторой степени въ родствѣ. Онъ тоже мнѣ кузенъ, но съ отцовской стороны. Наши дѣды были родные братья.

Джасперъ сразу свалился съ неба на землю. Впервые послѣ того утра въ Норзъ-Гэмѣ она снова затронула этотъ вопросъ о родствѣ. Глупецъ! онъ вообразилъ, что она или забыла, или приняла къ свѣдѣнію его отреченіе. Теперь онъ видѣлъ по ея спокойной, ясной улыбкѣ, что для нея это родство—вопросъ рѣшенный. Точно холодный вѣтеръ прошумѣлъ въ листвѣ. Лицо Джаспера померкло. Онъ машинально отвѣчалъ на вопросы. На выручку ему пришли Сигримы съ лэди Люксморъ, разыскивавшіе лэди Алицію. Но разговоръ не вязался, и черезъ нѣсколько ми-

нутъ Джасперъ пошелъ бродить по игорнымъ заламъ. Думать онъ не хотѣлъ, не рѣшался: сейчасъ еще нельзя было думать. Онъ надѣялся развлечься, слѣдя за игрой. Но онъ скоро наткнулся на судью Бленкинсона, американскаго милліонера, сидѣвшаго съ веселымъ лицомъ за petits chevaux, возлѣ которыхъ было еще мало народу, и ставившаго маленькія ставки — по франку. Старикъ задержалъ его, бросилъ игру, увелъ его въ укромный уголокъ и до самаго звонка къ обѣду разсказывалъ ему сказки о Чикаго и его несмѣтныхъ богатствахъ.

Джасперъ, въ отплату за оказываемое ему гостепріимство, пригласилъ веселую компанію обѣдать въ ресторанѣ Серкля. Разумѣется, первой гостьей была лэди Алиція, сидѣвшая съ нимъ рядомъ. Джасперъ силился разыгрывать любезнаго хозяина и на каждомъ шагу мучительно сознавалъ свои провалы и оплошности. Вся его прежняя застѣнчивость вернулась снова. Приглашенные имъ гости, сидѣвшіе вокругъ стола, вдругъ преобразились въ тѣхъ самыхъ блестящихъ мотыльковъ изъ другого міра, о которыхъ онъ говорилъ лэди Алиціи. И сама она, съ ея милымъ аристократическимъ лицомъ и очаровательной непринужденностью манеръ, казалась ему ужасающе далекой. Его терзала нервная тревога, боязнь: а вдругъ она, шутя, разскажетъ всѣмъ объ ихъ родствѣ?! Обѣдъ тянулся безконечно.

Наконецъ онъ кончился. Компанія разошлась; большинство инстинктивно потянулось къ столамъ, за которыми играли въ баккара. Джасперъ поклялся, что больше не останется съ ней наединѣ. Но боги—а можетъ-быть и сама лэди Алиція—рѣшили иначе. Не смотря на всѣ свои неумѣлыя дипломатическія хитрости, онъ очутился рядомъ съ нею и поодаль отъ другихъ. Онъ ускорилъ-было шагъ. Она прикосновеніемъ вѣера къ его рукѣ удержала его.

— Куда вы? Неужели въ эту залу, гдѣ царятъ духота и алчность? Въ такую душную ночь можно дышать только на открытомъ воздухѣ. Я прямо задыхаюсь здѣсь. Выйдемте на воздухъ. Вы ничего не имѣете противъ?

— Куда же мы пойдемъ?

— О! конечно, въ садъ: тамъ прохладнѣе.

Они присѣли на садовую скамеечку въ полусвѣтѣ, отбрасываемомъ ярко освѣщеннымъ зданіемъ. Лэди Алиція уже больше не заговаривала о родствѣ, но была удивительно мила: отъ нея вѣяло лаской и покоемъ. И снова онъ былъ весь объятъ трепетной радостью ея присутствія. Она обмахивалась вѣеромъ, и каждое ритмическое движеніе ея руки передавалось его нервамъ,

какъ бы приносило съ собой частицу ея дыханія. Она навела рѣчь на его прошлое, заставила его разсказать о его молодости, его скитаніяхъ, его борьбѣ. Столько лѣтъ уже онъ ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ! И никогда не говорилъ объ этомъ съ женщиной. Она съумѣла какъ будто заколдовать старыя раны сердца, его старую боль.

Часъ промелькнулъ незамѣтно. Лэди Алиція встала: пора было идти домой. Онъ проводилъ ее до дверей Европейской гостинницы.

— Благодарю васъ за то, что вы разсказали мнѣ все это,— молвила она на прощанье.—Теперь я знаю, что мы друзья.

Отъ сочувственнаго пожатія ея нѣжной руки вся кровь ключомъ забила въ его жилахъ. Онъ ушелъ, весь полный ею—какъ мужчина бываетъ полонъ женщиной только въ первомъ расцвѣтѣ большой, настоящей любви. И нѣкоторое время бродилъ, шатаясь какъ пьяный, по улицамъ маленькаго курорта.

У себя въ номерѣ онъ долго вглядывался въ свое отраженіе въ зеркалѣ. Внезапно оно какъ бы растаяло въ туманѣ, и вмѣсто него изъ тумана выплыло другое лицо—лицо мертвеца; потомъ и этотъ мертвый ликъ расплылся, и на его мѣстѣ появилось другое, живое лицо, того же мужчины, какимъ онъ видѣлъ его нѣсколько лѣтъ спустя, въ рамкѣ окна вагона.

Джасперъ вздрогнулъ, отвернулся и провелъ рукой по глазамъ, словно пробудившись отъ сна. Потомъ сѣлъ у окна и долго смотрѣлъ, поверхъ крышъ, смутно бѣлѣвшихъ во мракѣ отелей, на горы, рѣзко вырисовывавшіяся на темномъ, звѣздномъ небѣ. Теперь онъ уже отрезвился. Онъ зналъ, что полюбилъ всѣмъ сердцемъ эту женщину. И зналъ, что отнынѣ къ бремени его жизни прибавится другое бремя — бремя его любви. И, стиснувъ зубы, смотрѣлъ прямо въ лицо будущему. Онъ былъ сильный человѣкъ.

IV.

Онъ уѣхалъ изъ Экса на другой же день утромъ, съ первымъ поѣздомъ, пославъ записочку лэди Алиціи, съ выраженіями сожалѣнія по поводу внезапнаго отъѣзда: неотложныя дѣла вызываютъ его въ Лондонъ. Онъ считаетъ долгомъ поблагодарить ее за пріятные часы, проведенные вмѣстѣ. — Это была простая учтивость, ничего больше. На другой же вечеръ онъ предсталъ передъ изумленнымъ Кодби и не удостоилъ даже

объяснить, какъ слѣдуетъ, свое неожиданное возвращеніе. Ему надоѣлъ Эксъ: потянуло къ привычной работѣ, болѣе успокоительной, чѣмъ отдыхъ. Да, онъ вылечился отъ подагры. Затѣмъ онъ сталъ разсказывать о Бленкинсонѣ, чикагскомъ милліонерѣ, и тутъ же вскользь упомянулъ о своей встрѣчѣ съ лэди Алиціей. Это имя дало Кодби ключъ къ загадкѣ, и онъ иронически улыбнулся неумѣлой дипломатіи своего патрона.

Джасперъ съ какимъ-то лихорадочнымъ усердіемъ взялся за работу, отправилъ Кодби, противъ его желанія, немного отдохнуть, и самъ засѣлъ за дѣла. Работать приходилось съ утра до вечера: дѣла было очень много: постройка больницы для тифозныхъ больныхъ въ одномъ сѣверномъ городкѣ; попытка устроить въ Эссексѣ нѣчто въ родѣ поселка арміи спасенія, съ фермой и полевыми работами; попытка разрѣшенія квартирнаго вопроса въ Бермонсдэѣ. Недалеко было уже и до выборовъ—а это влекло за собой агитацію, подготовку рѣчей, бесѣды съ партійными агентами, безконечную переписку. Возвратясь, Кодби нашелъ веселаго, безпечнаго Атласа, подъемлющаго на плечахъ цѣлый міръ труда.

Тѣмъ временемъ, лэди Алиція оставалась въ Эксѣ до окончанія курса леченія своей тетки; затѣмъ, поѣхала съ нею на обязательные послѣ леченья десять дней въ Швейцарію; вернувшись въ Англію, какъ добрая дочь, погостила недѣльки двѣ у родителей, въ ихъ родовомъ имѣніи въ Норфолькѣ — и, выполнивъ свой долгъ, присоединилась снова къ лэди Люксморъ, въ своемъ собственномъ небольшомъ помѣстьѣ, въ Гертфордширѣ. И только въ половинѣ ноября возвратилась въ Лондонъ, гдѣ у нея былъ прелестно обставленный домъ на Онслоусквэрѣ. То и другое досталось ей по наслѣдству, вмѣстѣ съ довольно крупнымъ состояніемъ, отъ дяди, Симона Веллакота, который, въ противоположность своему брату, повѣсѣ Джасперу, велъ жизнь въ высшей степени упорядоченную, нажилъ состояніе въ качествѣ биржевого маклера и умеръ холостякомъ, всѣми уважаемымъ, какъ добродѣтельный человѣкъ. Мать Алиціи умерла, когда Алиція была еще совсѣмъ молоденькой. Отецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вдовства, женился снова и, по стопамъ своей второй жены, примкнулъ къ крайнему, воинствующему нонконформизму. Мачиха была милая женщина, старый графъ—добрякъ и джентльменъ съ головы до ногъ, и нѣкоторое время лэди Алиція мирилась съ тѣмъ суровымъ режимомъ, который новая хозяйка внесла въ ихъ домъ и домашнюю жизнь. Но когда отецъ ея оффиціально присоединился къ Плимутскому братству, лэди Алиція

простилась съ нимъ и устроилась отдѣльно. Она была молода, независима матеріально; міръ представлялся ей вовсе не такой ужъ юдолью грѣха и нечестія, какъ увѣряли въ замкѣ Гарденъ. Къ тому же, за время ея ранняго дѣвичества ее научили совсѣмъ другому: научили цѣнить свѣтскія радости и наслажденія. И если она не могла признать, что наслажденія эти—тлѣнъ и суета, вина была не ея одной. Отецъ и мачиха скорбѣли объ ея ослѣпленіи, но не могли упрекнуть ее въ недостаткѣ дочерней почтительности, такъ какъ всѣ поступки лэди Алиціи были проникнуты благоразуміемъ и кроткой разсудительностью. Мачиха утѣшилась по-женски, говоря себѣ, что и родная дочь ея, выйдя замужъ, все равно смотрѣла бы на все глазами мужа—а старый графъ, при всемъ его рвеніи новообращеннаго, не могъ отогнать отъ себя не очень христіанскую мысль, что Всемогущій не захочетъ погубить душу такой достойной и знатной дѣвицы. Итакъ, лэди Алиція, нимало не нарушая пятой заповѣди, устроилась отдѣльно, и лишь въ теченіе двухъ недѣль въ году разыгрывала роль покорной дочери въ угрюмомъ, биткомъ набитомъ проповѣдниками замкѣ Гарденъ.

Это независимое существованіе, подъ крылышкомъ тетки, лэди Люксморъ, Алиція вела уже шесть лѣтъ. Теперь ей было тридцать три года. Она все еще не вышла замужъ, и ея друзья дивились этому, повторяя хоромъ: „Такая милая женщина! Такая симпатичная! Такая красивая! Съ прекрасными средствами. Такъ нравится мужчинамъ! Помилуйте, да у нея всегда въ распоряженіи десятка два такихъ, которымъ только мигни—и они рады будутъ сдѣлать предложеніе. Люди, передъ которыми приходилось почти унижаться, чтобъ заставить ихъ придти къ вамъ на обѣдъ или на раутъ, къ Алиціи являются безъ приглашенія—запросто, на чашку чая между завтракомъ и обѣдомъ. Она могла выбирать: всѣ лондонскіе женихи были къ ея услугамъ“. Такъ говорили ея друзья—а между тѣмъ, никто не слыхалъ, чтобъ она когда-нибудь кѣмъ-нибудь увлекалась. Она всѣхъ встрѣчала съ одинаково ясной улыбкой. Не было примѣра, чтобы изъ ея интимнаго кружка исчезъ какой-нибудь обиженный претендентъ и отправился охотиться за носорогами въ Южной Африкѣ, или за медвѣдями на сѣверномъ полюсѣ. Не слышно было даже, чтобы кто-нибудь дѣлалъ ей предложеніе. Когда ее спрашивали напрямикъ, были ли у нея женихи, она, весело смѣясь, отвѣчала: „О, конечно!“—и не сообщала никакихъ подробностей.

Это странное поведеніе давало пищу нескончаемымъ толкамъ. Пріятельницы жалѣли, сокрушались: годы идутъ, еще нѣ-

сколько лѣтъ, и если Алиція до тѣхъ поръ не выйдетъ замужъ, ее причислятъ къ старымъ дѣвамъ. Пріятельницы отъ души хотѣли, чтобы Алиція вышла замужъ—почему, этого онѣ не могли сказать опредѣленно. Но безнадежное упорство Алиціи имѣло одну хорошую сторону. Тѣ же пріятельницы считали дозволенной для нея такую свободу въ отношеніяхъ съ мужчинами, какой онѣ никогда не потерпѣли бы со стороны другихъ. Она была вольна поступать какъ ей угодно, словно какая-то Діана южнаго Кенсингтона, поведеніе которой было выше критики. Въ душѣ Алиція гордилась этой привилегіей, избавлявшей ее отъ сплетенъ и скандаловъ, и, быть-можетъ—такъ какъ она все же была человѣкомъ и женщиной — эксплоатировала ее довольно часто.

— Алиція,—сказала лэди Люксморъ,—онъ непремѣнно влюбится въ тебя.

— Кто „онъ", милая тетя?—спросила лэди Алиція, поворачиваясь въ креслѣ и не снимая съ письменнаго стола руки, державшей перламутровую вставочку. Это было въ ноябрѣ, на другой день послѣ возвращенія ихъ въ Лондонъ, и лэди Алиція писала записочки друзьямъ, разсылая имъ увѣдомленія о своемъ пріѣздѣ. Комната была уютно освѣщена огнемъ камина и лампой съ розовымъ абажуромъ, стоявшей на письменномъ столѣ. Лэди Люксморъ, сидя у камина, дремала надъ своимъ вязаньемъ.

— Да Джасперъ Веллакотъ. Вѣдь ты только-что спрашивала меня, въ городѣ ли онъ.

— Это было двадцать минутъ тому назадъ—засмѣялась Алиція.—Вы задремали, тетичка. Я и забыла, что спрашивала васъ.

— А все-таки онъ влюбится въ тебя. Попомни мое слово.

— Если послушать васъ, такъ всѣ они влюблены въ меня, тетя Феба. Съ вашихъ словъ можно подумать, что ни одна женщина въ Лондонѣ не умѣетъ такъ покорять сердца, какъ я. Тутъ и Бонни, и Картерисъ, и Мэнуорингъ, и куча другихъ—а теперь еще Джасперъ Веллакотъ.

— Ну, вотъ увидишь. Попомни мое слово—съ спокойнымъ упорствомъ повторила свое пророчество тетка.

— Наоборотъ, я нахожу, что онъ обошелся со мной не очень-то любезно. Онъ сбѣжалъ изъ Экса, даже не простившись со мной какъ слѣдуетъ, и съ тѣхъ поръ я получила отъ него только двѣ сухихъ открытки: одну въ отвѣтъ на мое предложеніе пріѣхать и агитировать за него, съ извѣщеніемъ, что въ

этомъ уже нѣтъ надобности, и другую—въ благодарность за мое поздравленіе по случаю его избранія. Я очень незлопамятна, если теперь пишу ему.

— О, да,—продолжала она, въ отвѣтъ на возраженіе, которое пробормотала тетка,—я знаю, что я ему нравлюсь, но какъ-то абстрактно, издали: на первомъ планѣ у него его госпитали, пріюты, благотворительныя учрежденія, и они наполняютъ его сердце. Да и зачѣмъ мужчинамъ и женщинамъ непремѣнно влюбляться другъ въ друга? Развѣ недостаточно простой, искренней дружбы? Веллакотъ какъ разъ такой человѣкъ, какого женщинѣ пріятно имѣть другомъ. Онъ такой милый. Словно застѣнчивое большое дитя!

— Ну, если ты думаешь, что Джасперъ Веллакотъ—не что иное, какъ застѣнчивое большое дитя, ты очень ошибаешься, Алиція,—сказала лэди Люксморъ, подбирая спустившіяся петли вязанья.

— Въ основѣ своей натуры онъ именно таковъ,—возразила лэди Алиція съ безпечной увѣренностью.—Не забудьте, что я часто видалась съ нимъ въ Эксѣ. Разумѣется, въ дѣлахъ онъ и уменъ, и ловокъ; но это еще не все. Его общее отношеніе къ жизни—какое-то дѣтское и робкое. При всемъ его богатствѣ, въ немъ есть что-то трогательное. Знаете, онъ однажды спросилъ меня, что это такое, зеленое, съ кусочками льда, что пьютъ черезъ соломинку. Онъ никогда не слыхалъ о *crême de menthe*. Это пустякъ, но такой характерный.

— Я ничего не имѣю противъ него, голубушка,—сказала лэди Люксморъ.—Пожалуйста, не думай этого.

— Ну, конечно нѣтъ, тетя Феба. Что же вы можете имѣть противъ него?—засмѣялась Алиція, снова принимаясь писать.—Вѣдь, въ сущности, онъ все, что у него есть, раздаетъ бѣднымъ. И притомъ—она оглянулась черезъ плечо на тетку—онъ мнѣ кузенъ.

Въ этомъ Алиція была твердо убѣждена. Явное нежеланіе Джаспера разговаривать на эту тему она приписывала его робости, трагедіи его рожденія. Его мать, какъ онъ разсказывалъ ей, приплелась полуживая, никто не зналъ—откуда, въ лагерь рудокоповъ. И тамъ, три часа спустя, умерла, родивъ мальчика—его. Кромѣ этого онъ ничего не зналъ и не могъ разузнать о своихъ родителяхъ. Рудокопы, принявшіе къ себѣ ребенка, въ раннемъ его дѣтствѣ говорили ему, что его зовутъ Джасперъ Веллакотъ. Лэди Алиція навела справки и узнала, что дядя ея женился въ Австраліи. Предполагаемая дата его же-

нитьбы соотвѣтствовала возрасту милліонера. Наконецъ, личность его устанавливалась уже именемъ—вѣрнѣе, сочетаніемъ двухъ необычныхъ именъ; такое совпаденіе врядъ ли могло быть простой случайностью. Вся исторія Джаспера была романтическая: таинственное вступленіе въ жизнь, годы скитаній, безвѣстность, лишенія, потомъ вдругъ колоссальное богатство, даръ царя Мидаса — прикосновеніемъ все превращать въ золото, трогательное самоограниченіе, скромность его собственныхъ потребностей и высокія, серьезныя цѣли, которыя онъ себѣ ставилъ въ жизни. Чувствительная и неудовлетворенная женская душа безсознательно упивалась этимъ романтизмомъ, и Алиція сама не знала, какъ глубоко она заинтересовалась Джасперомъ.

Стукъ теткиныхъ спицъ затихъ; старушка, очевидно, опять задремала. Лэди Алиція прикусила кончикъ перламутровой вставочки и, сдвинувъ брови, перечла свое недоконченное письмо къ Веллакоту. Слова тетки на мигъ смутили ее. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь она очень мало знаетъ человѣка, которому пишетъ такъ дружески. Но, если на то пошло, развѣ она больше знаетъ другихъ своихъ друзей-мужчинъ? У всѣхъ женщинъ, даже самыхъ искреннихъ и независимыхъ, бываютъ такіе маленькіе приступы пугающихъ сомнѣній. И чѣмъ болѣе горда и невинна женщина, тѣмъ больше эти сомнѣнія пугаютъ ее. Но тотчасъ же ей начинаетъ казаться унизительной боязливость, свойственная ея полу; какъ женщина съ умомъ и характеромъ, она возмущается и, сама себя обманывая, внушаетъ себѣ большую довѣрчивость, чѣмъ подсказываетъ ей ея собственное спокойное сужденіе. Такъ было и съ лэди Алиціей. Она улыбнулась, вновь найдя увѣренность въ себѣ, и дописала ласковое и дружеское письмецо, которымъ осталась вполнѣ довольна. Потомъ написала Бонами Тредгольду. Это заняло гораздо больше времени. Когда она перечитывала это письмо, въ глазахъ ея свѣтилась нѣжность, и, вложивъ его въ конвертъ, она слегка сантиментально вздохнула.

Перев. съ англ. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА
Н. В. ШЕЛГУНОВА
КЪ
С. Н. КРИВЕНКО[1])

14 ноября 85. Воробьево [2]).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ. И совсѣмъ мнѣ не нужно было смотрѣть на подпись письма, чтобы узнать отъ кого оно. Уже въ первыхъ строкахъ его столько ѣдкихъ кислотъ и сквозь пары ихъ такъ ясно и свѣтло смотритъ ваше доброе (не безъ ехидства, однако), лицо, что мнѣ стало тепло и весело.

А полотенце я точно получилъ. Когда оно пришло ко мнѣ, я его тотчасъ же повѣсилъ на гвоздь и такъ продержалъ до вечера, и такое у меня было хорошее, домашнее, ласковое чувство, точно N. N. сидитъ у меня съ визитомъ. И карточка ея есть

---

[1]) 12-го апрѣля исполняется двадцать лѣтъ со времени смерти Н. В. Шелгунова. Память о немъ живетъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Письма его къ С. Н. Кривенко относятся къ послѣднимъ годамъ его жизни, сравнительно мало извѣстнымъ.—*Ред.*

[2]) Воробьево—имѣнье Ольги Николаевны Поповой въ Смоленской губ. Краснинскаго уѣзда, гдѣ Шелгуновымъ былъ выстроенъ для себя домикъ, рядомъ съ домомъ Поповыхъ. Въ этомъ домикѣ Н. В. прожилъ съ 1885 г. по конецъ 1890 г., изрѣдка выѣзжая въ Петербургъ, или на кумысъ въ Самарскую губ. и на Кавказъ для леченья, каждый разъ съ особаго разрѣшенія д-та полиціи. С. Н. Кривенко находился въ это время сначала въ домѣ предварительнаго заключенія, а потомъ жилъ въ ссылкѣ, сначала въ Глазовѣ (Вятской губерніи), затѣмъ въ Тарѣ (Тобольской губерніи), и только въ 1888 г. получилъ возможность вернуться оттуда.

у меня; да это не то: полотенце напомнило мнѣ ее больше. Когда мы всѣ были еще „тамъ“ [1]), я записалъ себѣ къ обѣду рисовую кашу. Вмѣсто рисовой и въ мискѣ, какъ это бывало, мнѣ принесли жидкую пшенную. Я зашумѣлъ и потребовалъ рисовую. Старшій кухонный объяснилъ, что это ошибка, что мою кашу унесли въ женское отдѣленіе. Я тотчасъ же успокоился и не только не настаивалъ на рисовой кашѣ, а даже обрадовался, что моя каша попала къ N.N., а ея ко мнѣ, и съѣлъ всю тарелку съ самымъ довольнымъ домашнимъ чувствомъ.

И я васъ видѣлъ не разъ, когда вы гуляли (и всегда курили) въ рѣшеткѣ. Не знаю, какъ вамъ сошло это время, а мнѣ оно совсѣмъ разстроило грудь и горло. Такихъ сквозняковъ, я думаю, и въ печныхъ трубахъ нѣтъ.

Насчетъ мельницы ваши свѣдѣнія не точны. Тамъ, гдѣ я живу, есть точно мельница, но она не моя и на ней я ничего не мелю и живу въ великой тоскѣ по людямъ, которыхъ должно быть мнѣ уже больше не увидѣть. А что съ каждымъ писателемъ можетъ сдѣлаться размягченіе мозга, тому примѣровъ довольно. Вотъ тутъ и станешь только вспоминать, что былъ писателемъ, да ѣсть пироги, если найдется въ домѣ мука.

Крѣпко, крѣпко жму вашу руку. Любящій и уважающій васъ Н. Шелгуновъ.

22 дек. 85. Воробьево.

Очень вы обрадовали меня вашимъ письмомъ. Только вы вотъ въ чемъ не правы. Вѣдь не рисуюсь же я старостію. Вы говорите—Гладстонъ, Вильгельмъ. Справедливо все это, а Ранке ихъ старше, чуть ли ему не минуло уже 190 лѣтъ. Да вѣдь вы забываете, что у нихъ климатъ другой. Тамъ у нихъ человѣкъ только самъ себя развинчиваетъ, а у насъ и самъ, да и со стороны. Значитъ, въ два винта. Имѣть это въ разсчетѣ — выйдетъ, что мнѣ 122 года. Пускай-ка доживетъ Мольтке! Нѣтъ, ужъ будущее только ваше, и дай вамъ Богъ силъ и здоровья. Я вѣдь не говорю о будущемъ вообще, оно-то будетъ; я говорю о томъ будущемъ, которое увидите вы, но котораго не увижу я. Пріѣхалъ ко мнѣ изъ Петербурга Коля [2]); говоритъ, что тамъ хоть шаромъ покати, точно въ полѣ, такъ все хорошо и тихо. Сообщилъ онъ мнѣ, между прочимъ, что молодежь совсѣмъ не читаетъ газетъ, потому что въ нихъ читать нечего. И меня Богъ сохранилъ отъ петербургскихъ газетъ, хотя думаю, что читать ихъ придется по службѣ. „Рус. Мысль“ предложила мнѣ

[1]) Въ домѣ предварительнаго заключенія.

[2]) Одинъ изъ сыновей Н. В. Шелгунова.

вести провинціальное обозрѣніе и я взялся. Не знаю, какъ справлюсь, но теперь завалился провинціальными газетами и произвожу знакомую вамъ работу: чиркаю синимъ карандашомъ, а потомъ не вырѣзываю, а заношу по рубрикамъ въ разграфленные листы бумаги. Всѣхъ рубрикъ пока 36 и любопытно, что самая заполненная—рубрика „насилій и грубостей". Правда, и я былъ великодушенъ при заполненіи этой рубрики, однако, все-таки!

Ну, а какъ вы находите „Сѣв. Вѣст."? Декабрьская книжка ничего. Съ нея Ник. Конст. (Михайловскій) собственно и начинаетъ дебютировать. Я все ждалъ вашихъ статей... Слышалъ, что вы не можете писать; то же вы и мнѣ пишете. Не хорошо, право не хорошо...

31 янв. 86. Воробьево.

Успенскій хочетъ ѣхать въ Болгарію. Да, совсѣмъ мы какъ тараканы на морозѣ. Я тоже вою и тоже не найду мѣста, а въ то же время все чего-то жду.

Она чего-то все ждала,
Не дождалась—и умерла.

Вѣрно и со мной то же будетъ.

На дняхъ я вернулся изъ Смоленска; былъ на земскомъ собраніи и отдежурилъ двѣ недѣли. Доволенъ. Хоть и потерялъ изъ вѣса тѣла фунта четыре. Теперь набираюсь силъ и для этого стараюсь спать больше. Я могу ѣздить свободно по своей губерніи, никому не давая знать; а за губернію—долженъ извѣстить власть. Не могу жить только въ мѣстахъ подъ охраной; напримѣръ въ Москвѣ; а Гольцевъ (по одному со мною дѣлу) можетъ жить въ Москвѣ и не можетъ пріѣхать въ Смоленскъ. А, впрочемъ, я и въ Москвѣ былъ: въ маѣ и въ ноябрѣ прошлаго года. Въ маѣ съѣхался съ Ник. Конст. и провелъ время соотвѣтственно радости свиданья. А въ ноябрѣ Н. К. пріѣхать не могъ: ужъ онъ попалъ въ сѣти „Сѣвернаго Вѣстника"...

Думаю, что Мих. въ „Сѣв. Вѣст." такъ же не на своемъ мѣстѣ, какъ я въ „Рус. М.". Да ничего не подѣлаешь. И все случай. А теперь уже завязалась такая ниточка, что и не выскочишь. Нельзя иначе: безъ него они пропадутъ.

13 марта 86. Воробьево.

Я хотѣлъ писать вамъ съ той почтой, не дожидаясь вашего письма, но совсѣмъ неожиданно получилъ вчера. Ваше письмо испортило мнѣ и вечеръ, и ночь, и теперь меня все сосетъ, точно горе какое. И горе есть. Оно иногда какъ будто

затускнѣетъ, спрячется куда-то на донышко, а при первомъ же случаѣ всплыветъ и подступитъ слезою подъ горло. Да, недостаетъ тѣхъ, кого любишь и съ кѣмъ легко и спокойно. Вѣдь и у меня тотъ же списокъ своихъ людей: Вы, N.N., Михайловскій, Успенскій... Вы хоть вѣрите въ будущее и оно у васъ есть, а ужъ я не увижу больше того хорошаго, что было. Ужасно болитъ душа. Вѣдь вотъ повидимому и свободенъ я относительно, а чувствую, что не все. Даже въ Петербургъ не тянетъ. Я его сталъ бояться. Это ужъ совсѣмъ старость. Пока молодъ, силъ хватаетъ и на себя, и на другихъ, а теперь едва себя убережешь. Сталъ даже собакъ бояться. Мнѣ все кажутся бѣшенныя.

А какъ мнѣ жаль Михайловскаго. Онъ оставилъ „Сѣв. Вѣст."... Онъ теперь опять безъ мѣста въ природѣ. Списываюсь теперь съ Ник. Конст. Иванюкова [1]) приглашаетъ къ нимъ на дачу и очень желала бы и Ник. Конст. Славно бы съ мѣсяцъ провести вмѣстѣ. Да онъ, впрочемъ, „безумецъ, ищетъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой", все ему еще нужно возиться съ людьми... И томится же, бѣдняга. Нынче прѣхалъ въ Москву совсѣмъ мрачный и мрачный уѣхалъ.

А меня огорчаетъ „Рус. М." хуже присяжныхъ цензоровъ; даже смыслъ измѣняютъ безтолковымъ вычеркиваньемъ. Теперь въ мартов. книжкѣ вычеркнули цѣлую главу (университетская исторія); да и въ другомъ, я думаю, испортили многое. Вотъ тутъ и пиши воспоминанія!

18 мая 86. Воробьево.

„Русской Мысли" за мои воспоминанія въ мартовской книжкѣ хотѣли дать второе предостереженіе, но, въ виду хорошаго поведенія редакціи, ограничились „внушеніемъ". И предостереженіе хотѣли дать за то, что „авторъ воспоминаній, указывая на возникшее въ 1860-хъ годахъ революціонное движеніе въ нѣкоторой части общества и особенно среди учащейся молодежи, открыто высказываетъ свое сочувствіе этому движенію". (Такъ выразилось въ бумагѣ московскому цензурному комитету главное управленіе). Какъ говорятъ, глав. упр. выразило свое неудовольствіе за допущеніе меня въ „Р. М.". А Гольцевъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ излагаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „не Вамъ, человѣку шестидесятыхъ годовъ, приходить въ большое огорченіе отъ временной отсрочки возможности писать честно и открыто. Повѣрьте, что вѣроятный перерывъ (на-

---

[1]) Жена профессора И. И. Иванюкова, давно скончавшаяся.

дѣюсь — кратковременный) въ Вашихъ воспоминаніяхъ на меня дѣйствуетъ почти угнетающимъ образомъ". Писалъ бы прямо, что не желаютъ моихъ статей. Одну они ужъ и не напечатали, потому что я высказываю въ ней „симпатіи къ крѣпостному праву"!.. А тутъ еще наступили жары. Хоть совсѣмъ пропадай.

Писалъ ли вамъ Ник. Конст., что онъ лѣчится въ больницѣ Манассеина? Совсѣмъ расклеился, бѣдный. Нервы у него разстроены. Нуженъ ему отдыхъ, да гдѣ его возьмешь. Съ „С. В." тоже нелегко. Совсѣмъ скверно, а самое скверное, что каждый изъ насъ чувствуетъ себя вынутымъ въ тиражъ.

23 мая 86. Воробьево.

Скучаете вы, родной мой, дорогой человѣкъ. И ничего тутъ не подѣлаешь. И всѣмъ намъ тошно, даже вовсе и не потому что мы не свободны, а потому что нѣтъ мѣста въ природѣ. Вѣдь ужъ совсѣмъ не компанія „Р. М.", а когда вотъ нынче я пріостановился писать въ нее, такъ почувствовалъ себя совсѣмъ въ пустотѣ, нервы упали, ослабѣлъ, даже явилась спячка. Тутъ я понялъ, почему генералы въ отставкѣ умираютъ очень скоро. Но вотъ получаю письмо отъ Гольцева, который мнѣ пишетъ... что они *очень* (подчеркнуто у Гольцева) дорожатъ моимъ сотрудничествомъ. Послѣ этого я взялся за перо; сѣлъ писать имъ статью — и откуда явились бодрость и сила... А все-таки на донышкѣ души что-то точитъ. Не тутъ и не съ тѣми нужно жить и работать. Но хоть немножко дышешь. А вѣдь вамъ, бѣдному, и дышать нечѣмъ. Еще бы не болѣть.

Переданный вами отзывъ обо мнѣ Иваненко [1]) точно помазалъ меня розовымъ масломъ по сердцу. Очень былъ радъ. Передайте Иваненко мой сердечный привѣтъ и благодарность за добрую память.

7 іюля 86. Воробьево.

Не отвѣчалъ вамъ сейчасъ, да и теперь не въ подъемѣ. У меня умерла мать. Ну вотъ подите—и 62 года мнѣ, и знаю, что люди смертны, а точно что-то вынулось изъ меня и остался я безъ какой-то доброй силы. Стало скучно.

И вамъ скучно. Но тоже ничего не подѣлаешь . . .

Странная штука жизнь: все только теряешь и ничего не находишь. Или мы только замѣчаемъ потери, а не находки?

А часто ли пишетъ вамъ Ник. Констант.? Въ послѣднее

---

[1]) Иваненко—глазовскій лѣсничій, бывшій въ лѣсномъ институтѣ въ то время, когда Н. В. Шелгуновъ читалъ тамъ лекціи. Иваненко съ восторгомъ отзывался о Шелгуновѣ, какъ о лекторѣ, и С. Н. Кривенко писалъ объ этомъ Н. В.

время онъ сталъ очень лакониченъ. Думаю, что и ему очень тяжело. Всѣ мы точно лишились матери.

Вѣдь право тяжело любить, а не любить еще тяжелѣе.

27 іюля 86. Воробьево.

Ужъ по почтовому клейму догадался о направленіи вашего переселенческаго пути, дорогой Сергѣй Николаевичъ. И радъ же я за васъ! Но все скоротечно... Вотъ перебраться бы вамъ въ Тобольскъ, а тамъ по соотвѣтствующей рѣчной системѣ и по соотвѣтствующимъ желѣзнымъ дорогамъ двинуться на Москву и Петербургъ. И совсѣмъ это не такъ трудно. Судя по разрѣшенію вамъ въ Тару, думаю, что вамъ сократятъ и срокъ, если попросите. Тюмень помню. Ходилъ я въ ней по мѣщанскимъ домамъ, да знакомился, какъ ткутся тюменскіе ковры и шьются тюменскія перчатки. Городъ хорошій. И грязи тогда не было, а, можетъ быть, ее я не замѣтилъ послѣ знаменитаго Пермскаго тракта. Вотъ это была грязь!

А въ томъ же № „С. В.“ есть и моя статья; та, что̀ не напечатала „Р. М.“ за мои крѣпостническія тенденціи: „На коммерческомъ основаніи“. Это все цензурный страхъ. А въ „С. В.“ статью оцензурилъ Михайловскій и затѣмъ цензоръ не вычеркнулъ ни слова.

А не согласенъ я съ вами, что „надо было бы за какую-нибудь большую работу засѣсть“. Совсѣмъ не надо. Напротивъ, надо развивать публицистику и думаю, что это совсѣмъ и не такъ трудно. Сватковскій (цензоръ „Сѣв. Вѣст.“) передъ смертью „Дѣла“ говорилъ мнѣ: „пишите что хотите, чтобы поднимать самодѣятельность общества, и я вамъ все пропущу“. Да и общество ждетъ, какъ манны небесной, живого слова. Посмотрите, какъ читаютъ Михайловскаго, хоть бы о Толстомъ. Наша бѣда, что мы теперь перепугались. А собраться бы въ одномъ журналѣ или газетѣ, право вышелъ бы недурной букетъ—и читали бы. Читать же хотятъ. Ну какъ у „Р. М.“ 10 тысячъ (больше) подписчиковъ.

О своихъ „воспоминаніяхъ“ я вамъ писалъ. „Р. М.“ послѣ замѣчанія боится печатать послѣднюю статью; и я имъ нынче сказалъ, что если не напечатаютъ этой послѣдней статьи, то я продолжать не буду, ибо ужъ у меня такая голова, что не могу перескакивать, а долженъ писать по порядку. Отвѣта еще не имѣю. Впрочемъ, задумываю написать о „переходныхъ характерахъ“.

20 окт. 86. Воробьево.

Ужъ вы, пожалуй, подумали, что я умеръ. А со мною вотъ какой случай. Идетъ Коля въ кругосвѣтное плаваніе на 3 года (большое время, пока оно впереди, а не когда назади). Вотъ я и написалъ Грессеру [1]), чтобы разрѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ на недѣлю. Оказалось, что слѣдовало просить не Грессера, а д-тъ полиціи. Но, чтобы не затягивать, жандармское управленіе само переслало мою просьбу въ д-тъ; Дурново же оказался настолько внимателенъ, что вмѣсто недѣли разрѣшилъ на двѣ и далъ знать губернатору телеграммой.

Самое долгое было узнать о распоряженіи д-та здѣсь, въ Смоленскѣ. Измучился и изболѣлъ. Но наконецъ выдали мнѣ „проходное свидѣтельство", списали примѣты (совершенно какъ съ арестанта), и я уѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ было у меня уже условлено свиданіе на ярославской станціи съ Михайловскимъ и по росписанію слѣдовало пить на ней утренній кофе. Росписаніе было выполнено и затѣмъ по другому росписанію слѣдовалъ завтракъ у Соболевскаго. И это росписаніе было выполнено въ точности. Затѣмъ (и опять по росписанію, которое тоже было выполнено), послѣдовалъ въ 3 ч. мой отъѣздъ въ Петербургъ и Михайловскій провожалъ меня.

А какой Петербургъ чистый! Точно его языками вылизываютъ. Дрожки широкія, новаго образца (т.-е., все тѣ же, только пошире, и фартуки для ногъ). Публика степенная, ходитъ величаво, не торопясь и никакой суеты на улицахъ не замѣтно. Совсѣмъ какъ на томъ свѣтѣ.

Остановился я въ „Пале-Роялѣ", на одномъ корридорѣ съ Михайловскимъ. И въ первый же день былъ у Салтыкова. Исхудалъ и очень измѣнился. Жалуется, что его забыли, что и доктора-то по вечерамъ къ нему не ходятъ: „а вонъ только лекарства прописываютъ", сказалъ Салтыковъ, показавъ на стклянки, стоявшія у него на столѣ. Претендовалъ на Боткина, на „Русск. Вѣд.", что не печатаютъ его „Мелочи жизни". Салтыковъ до того волновался за свои „Мелочи жизни", что пришлось выписать изъ Москвы Соболевскаго. Да, бѣдняга Салтыковъ, и производитъ такое впечатлѣніе, точно онъ не жилецъ въ семъ мірѣ.

Былъ и въ „Сѣв. Вѣстн.", даже получилъ приглашеніе отъ редактора на обѣдъ. Теперь, когда въ редакцію попали мужчины, дѣло пойдетъ. Но денегъ нѣтъ и они не убѣждены, что

---

[1]) Тогдашній петербургскій градоначальникъ.

С. дастъ въ будущемъ году. А впрочемъ Богъ не выдастъ и нужно думать, что „С. В.“ укрѣпится и пойдетъ на своихъ ногахъ. Они хотятъ прибавить цѣну. Съ Михайл., Успенскимъ, Южаковымъ видѣлся почти каждый день (съ Михайловскимъ даже по нѣскольку разъ въ день).

Сначала мнѣ показалось, что въ Петербургѣ нѣтъ нутра; потомъ показалось, что есть; а теперь опять не знаю—есть или нѣтъ.

Сына проводилъ и онъ ужъ ушелъ въ Тихій океанъ.

Нужно мнѣ было быть у директора д-та полиціи по дѣлу Миши [1]). Миша до сихъ поръ учительствуетъ у П., а попытка его попасть въ мед. акад. и въ петерб. унив. не удалась. Теперь онъ задумалъ въ дерптскій. Вотъ я и хотѣлъ навести справку у Дурново относительно аттестаціи. Интересенъ его отвѣтъ. „Если за Вашимъ сыномъ только студентская исторія, то я дамъ отвѣтъ благопріятный. Теперь я не помню, но кажется его въ нашихъ спискахъ нѣтъ. Зайдите въ субботу: я справлюсь и дамъ точный отвѣтъ“. Въ субботу же онъ мнѣ далъ такой отвѣтъ: „если Дерпт. университетъ спроситъ меня о Вашемъ сынѣ, то я, *кажется*, дамъ благопріятную аттестацію“. Любопытно, что студентскія исторіи не считаются уже политическими, какъ это было.

Изъ словъ Дурново я заключилъ, что теперь д-ту полиціи дѣлъ меньше и вообще спокойнѣе, но однако д-тъ все еще не можетъ исполнять безъ помѣхи своихъ прямыхъ функцій. Въ разговорѣ между прочимъ Дурново спросилъ меня, пишу ли я. Я отвѣтилъ, что пишу. „Гдѣ?“—Въ „Русск. М.“.—„И подъ своимъ именемъ?“—Подъ своимъ именемъ.—Почему были сдѣланы эти вопросы я объяснить себѣ не могъ. Дурново произвелъ на меня вообще хорошее впечатлѣніе. Онъ внимателенъ, вѣжливъ и расположенъ исполнять просьбы, съ которыми къ нему обращаются. Онъ мнѣ самъ предложилъ отсрочку до 21-го, но я все-таки уѣхалъ 15-го, и вотъ почему.

Коля, зачисленный уже на клиперъ „Наѣздникъ“, жилъ на немъ и взялъ отпускъ въ Петербургъ до 14-го сент. Въ этотъ день я проводилъ его въ Кронштадтъ, распростился, и ужъ конечно въ Петербургѣ безъ Коли дѣлать мнѣ было нечего. Я и уѣхалъ 15-го. Проводы свершили, какъ слѣдуетъ, въ одномъ изъ кабинетовъ вокзала Никол. дороги. Были тутъ Успенскій, Михайловскій, Южаковъ, Миша, Коля (его послалъ командиръ про-

---

[1]) Старшій сынъ Николая Васильевича.

водить меня) и еще три особы женскаго пола (виноватъ, четыре). Да къ отходу поѣзда пришелъ еще одинъ юноша. И какъ же мы хорошо прощались! Обнимались, цѣловались, нѣкоторые даже плакали (двѣ женщины), но плакали не обо мнѣ, а что мы съ Колей будто бы прощались такъ, что нельзя было не заплакать.

Когда поѣздъ тронулся, одна изъ пассажирокъ все оборачивалась и смотрѣла на меня. Конечно, я не приписывалъ этого моимъ чарамъ, но однако все-таки недоумѣвалъ. Зажгли огонь, и я, раскрывъ кресло, легъ спать. Дама встала и опустила у фонаря занавѣску съ моей стороны. Очевидно, что это было новое вниманіе. Но я остался неуязвимъ и заснулъ. Проснувшись часа черезъ два, я вступилъ въ разговоръ съ этой внимательной особой и повелъ разговоръ съ осторожностью, зная по опыту, что дамы въ бархатахъ и въ золотѣ русской литературы не знаютъ. И моя дама, какъ оказалось, даже не знала фамилій Успенскаго и Михайловскаго и была просто тронута нашимъ прощаньемъ. Вѣрно она думала, что я ѣду въ Тару.

Вотъ видите ли, какъ мы прощались! А какъ мы будемъ здороваться, когда увидимся съ вами?

12 ноября 86. Воробьево.

Должно быть у васъ въ Азіи и почтовые порядки азіатскіе. Писалъ я вамъ по возвращеніи изъ Петербурга, числа такъ 20-го сентября. Описывалъ свою поѣздку, сообщалъ кое-что изъ бесѣдъ своихъ съ директоромъ полиціи (все хорошее) и такъ какъ все не уписалось на одномъ листѣ, то съ слѣдующей почтой писалъ продолженіе N.N. Ужъ при самой медленной почтѣ письма должны были быть у васъ октября 10—12. А между тѣмъ ваше письмо отъ 18-го октября—и моихъ писемъ не было.

Впрочемъ, это я такъ обозвалъ Тару Азіей. У насъ тоже Тара. Очень многія письма и ко мнѣ не приходятъ и отъ меня не доходятъ. Такъ что болѣе важныя я посылаю въ Петербургъ и Москву всегда заказными. Михайловскій тоже пишетъ мнѣ почти всегда заказными. Не пропадаютъ письма только отъ женщинъ (скажите объ этомъ N.N.), а, впрочемъ, можетъ быть тоже пропадаютъ.

Ѣздилъ я въ Петербургъ проститься съ Колей, который на три года ушелъ въ кругосвѣтное плаваніе. Посмотрѣлъ на его клиперъ („Наѣздникъ“); все хорошо; но просидѣть на немъ три года, въ одной и той же компаніи—стоитъ предварилки. Теперь Коля уже въ Бразиліи, и скоро будетъ на Мысѣ Доброй Надежды, затѣмъ уйдетъ въ Японію... Чтобы не забыли Россіи, я

выслалъ ему въ Капштадтъ „Рус. Мысль“ и „Сѣвер. Вѣст.“. Пришлось на старости лѣтъ повторять и географію. Стоитъ у меня на окнѣ глобусъ, и рядомъ лежитъ нѣмецкій географ. атласъ, по которымъ я и слѣжу за путешествіемъ Коли. Иногда приходится заглядывать и въ лексиконы. Сообщая африканскій адресъ, Коля пишетъ „Capetown“. Что это за Каптоунъ? никогда насъ этому не учили. И нѣмецкій атласъ тоже ничего мнѣ не объяснилъ, потому что въ нашихъ географіяхъ всѣ названія съ нѣмецкаго; а слѣдовало бы въ той части свѣта, гдѣ 200 м. говорятъ по англійски, называть и мѣста по англійски. Однимъ словомъ, Каптоунъ оказался Капштадтомъ.

Въ Петербургѣ видѣлъ Салтыкова. Плохъ онъ; постарѣлъ, исхудалъ, жалуется, что не можетъ работать (пишетъ въ день не больше вершка, такъ онъ говоритъ), жалуется на безденежье, жалуется, что его забыли. О Михайловскомъ даже не упомянулъ, сердитъ на него. Если бы вы написали ему, онъ былъ бы очень доволенъ.

Михайловскій много работаетъ и много томится. . . .

Глѣбъ Ив. тогда былъ въ Петербургѣ, а теперь куда-то пропалъ, какъ пишетъ Михайловскій.

Самъ я болѣю и вообще въ упадкѣ духомъ и тѣломъ.

Отъ воспоминаній о 60-хъ годахъ „Рус. Мысль“ окончательно отказалась (запретила цензура московская и Ѳеоктистовъ); но я попытался послать двѣ статьи въ „Сѣв. Вѣст.“. Посмотрю, что скажутъ тамъ. Нельзя, видите ли, выражать сочувствіе тому времени...

3 мая 1887. Воробьево.

Васъ томитъ сутолока безтолковой Тары и вы завидуете моему деревенскому уединенію. Вотъ я послѣ вашего письма и сталъ себя утѣшать, что мнѣ хорошо. Да нѣтъ, не выходитъ. Вотъ и теперь, тихо такъ у меня, что чувствую гулъ въ ушахъ; и мухи даже не летаютъ; говорю себѣ, что это хорошо, а думается, что было бы еще лучше, если бы я могъ уѣзжать изъ деревни. Иногда просто нужно больше людей, чѣмъ ихъ есть; а иногда и поговоришь не о томъ, о чемъ говоришь каждый день. Чего у васъ много, того у меня мало, а чего у меня много, того у васъ мало. Вотъ если бы я былъ съ вами, у меня было бы всего довольно. Пожалуй, и не деревня томитъ, а то, что я знаю, что не могу изъ нея уѣхать.

Бѣдняга Михайловскій совсѣмъ. Истомилъ его Петербургъ, т.-е., не Петербургъ собственно, а собственное нутро. Жизни хочетъ человѣкъ, а все не то и не такъ. Другіе какъ-то легче

выносятъ. А онъ болѣетъ. Говорятъ, постарѣлъ, посѣдѣлъ, похудѣлъ. Писалъ онъ мнѣ на Святой изъ Москвы, проѣздомъ на Кавказъ. Хотѣлъ писать оттуда, но до сихъ поръ письма нѣтъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Сѣв. Вѣст." нѣтъ ни Михайловскаго, ни Успенскаго. И пусто. В., Ю., А.—тоже хорошіе писатели, но ужъ очень умно пишутъ, и съ ними одними „Сѣв. Вѣст." пропадетъ. Въ „Одес. Вѣст." прочелъ, что Успенскій уѣхалъ на 3 недѣли въ Болгарію. Онъ собирался въ нее съ прошлаго года.

У „Рус. М." 10.000 подписчиковъ, такъ писалъ мнѣ Гольцевъ. Въ виду большихъ барышей издателей (35 т.), редакція понудила ихъ понизить подписную плату до 12 руб. И будетъ разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ. Въ чемъ же будутъ теперь барыши издателей? Значитъ, барышъ былъ больше. Завелъ я теперь „Очерки" въ иномъ тонѣ и боюсь, что редакція положитъ мнѣ скоро предѣлъ. Чиркаютъ они безпощадно, а при иномъ тонѣ придется ужъ не чиркать, а не печатать всей статьи.

1 сентября 87. Воробьево.

Вотъ ужъ истина, что изъ пѣсни слова не выкинешь. И написалъ я такую пѣсню N.N., а теперь и въ сомнѣніи. Да ужъ написалъ, и теперь ничего не подѣлаешь. Точно я что-то хороню и надъ чѣмъ-то плачу. Надъ собой, что ли? Или ужъ вѣтеръ тоску нагоняетъ? А гудитъ онъ въ вершинахъ деревъ совсѣмъ по осеннему и въ то же время небо чистое, ни облачка, и солнце грѣетъ, даже и не грѣетъ, а печетъ. И странное это осеннее солнце, жару отъ него нѣтъ, а истомляетъ хуже лѣтняго. Ужъ не отъ этого ли я убѣгаю съ поля въ комнату. Такъ что, можетъ быть, я не совсѣмъ поступаю въ тиражъ. Только что нылъ, а теперь сталъ бодриться. Вотъ и подите. Ужъ не кумысъ ли причиною. Кое въ чемъ онъ мнѣ помогъ, поправилъ желудокъ, далъ сонъ, а нервы разстроилъ. Въ цѣломъ, однако, поѣздка въ Самару меня освѣжила. Главное, что выскочилъ изъ мѣста, къ которому привязанъ, и мѣсяца два чувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ. А хорошо было на Волгѣ; широко, просторно, совсѣмъ другой міръ. Пытался я изобразить свое путешествіе для „Рус. М." и напечатали они его часть въ августовской книжкѣ, да и то урѣзали и самыя невинныя мѣста. Никакъ я не могу понять, что по ихнему можно и чего нельзя. Посмотрите, что они сдѣлали въ августовской книжкѣ изъ Вундта. Вышла какая-то программа, какъ ихъ пишутъ для экзаменовъ. А чуть гдѣ нужно оживить иллюстраціей или параллелью изъ

нашей общественной нравственности, сейчасъ спрячутся въ норку и заметаютъ слѣдъ хвостомъ. Матеріалу на 5—6 листовъ, а написана статья съ воробьиный носъ. Все это я и написалъ Гольцеву, хотя не въ этой формѣ.

Послалъ я имъ вчера и вторую статью о моихъ кумысныхъ впечатлѣніяхъ, но боюсь, что они ее совсѣмъ не напечатаютъ, какъ не напечатали статьи въ іюльской книжкѣ...

Отъ Михайловскаго вы, конечно, имѣете извѣстія. На Кавказѣ онъ поправился и вернулся въ Питеръ. Въ „Сѣв. Вѣст." онъ вступилъ опять, на условіи, что руководство журналомъ распредѣляется исключительно между нимъ и Евреиновой. А такъ какъ онъ беретъ на себя почти всю работу, то и вліяніе его окажется, вѣроятно, преобладающимъ... Марка въ гимназію не приняли, по новымъ правиламъ, какъ мѣщанина и незаконнорожденнаго.

9 дек. 87. Воробьево.

Мнѣ слѣдуетъ простить мою неаккуратность. Ваше письмо отъ 26 сентября мнѣ переслали въ Петербургъ и получилъ я его 26 октября. Въ Петербургѣ же я былъ по дѣлу Коли. Пріѣхалъ въ самый день суда — 13-го октября. Судъ происходилъ не въ зданіи военнаго суда (у Поцѣлуева моста), а въ окружномъ судѣ и подсудимыхъ перевели изъ крѣпости въ предварительное. И въ самомъ дѣлѣ, если бы ихъ возили изъ крѣпости къ Поцѣлуеву мосту, то потребовалось бы 18 каретъ и такая церемонія продолжалась бы шесть дней, по два раза въ день! Теперь же Петербургъ даже и не подозрѣвалъ о судѣ и все совершилось тихо и незамѣтно.

Господи, что это было за время! Я жилъ совсѣмъ въ напоръ, всѣми остатками своихъ силъ. Утро посвящалось дѣламъ Коли, а вечеромъ я лежалъ пластомъ. На бѣду я еще захворалъ и проболѣлъ три недѣли. И ничего—ѣздилъ и суетился, какъ здоровый. Гори подо мною—кажется, не всталъ бы; а нужно для Коли—вскочу и ѣду, какъ нипочемъ. Нормальный порядокъ былъ простъ и несложенъ: по понедѣльникамъ, середамъ и субботамъ ѣздилъ въ д-тъ полиціи просить о свиданьи (на каждое свиданье въ крѣпости требуется отдѣльное разрѣшеніе), а по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ—въ крѣпость на свиданье. Затѣмъ являлись разъѣзды случайные и бывали дни, когда я дѣлалъ по 14 концовъ. Теперь, когда я хочу припомнить и привести въ систему всю эту кутерьму, я и самъ недоумѣваю, какіе бы это могли быть концы, а тогда они находились. Бывало, пріѣдешь въ крѣпость на свиданье и намъ (родителямъ) объявляютъ, что

свиданья не будетъ, потому что ихъ перевезутъ въ комендантское управленіе. Мы въ комендантское управленіе; тамъ объявляютъ, что они перевезены не будутъ, и мы ѣдемъ опять въ крѣпость; то же самое повторилось, когда изъ комендантскаго управленія ихъ передавали воинскому начальнику. Можетъ быть, мы ужъ слишкомъ горячились, но имѣли на это и право, ибо, напримѣръ, юнкеровъ отправили такъ внезапно, что родители съ ними и не простились. Впрочемъ, съ нашими обходились очень внимательно, даже берегли ихъ и вообще этому дѣлу не придавали важности по существу и признавали нужнымъ придать ему внѣшнюю строгость въ видахъ дисциплины. Шестаковъ, напримѣръ, сказалъ про моряковъ: „ихъ нужно наказать строго, чтобы флотъ зналъ, что нельзя заниматься болтовней". Но тотъ же Шестаковъ говорилъ, что въ молодости онъ тоже шалилъ, хотя и не такъ, какъ эти (Шестаковъ былъ сосланъ изъ училища въ Черноморскій флотъ за то, что читалъ Пушкина). Колю очень огорчило, что его въ солдаты, а не въ матросы. Но Шестаковъ говоритъ, что ему некуда ихъ дѣть и что у него нѣтъ никакихъ приспособленій для надзора. Но зато мнѣ удалось, что Колю назначили въ Александрополь (Эриванской губ.). Теперь ужъ онъ на пути туда и, кажется, плыветъ по Черному морю. Это все лучше, чѣмъ отъ Владикавказа идти этапомъ 550 верстъ. Теперь отъ Тифлиса ему останется всего верстъ 250. Да, печально. А, впрочемъ, утѣшалъ Колю, что не всякому достается въ его года такой опытъ жизни. Былъ и въ океанѣ, видѣлъ Африку, Америку, Суэзскій каналъ, сидѣлъ въ крѣпости, былъ подъ военнымъ судомъ, пережилъ мыслями каторгу, попалъ, наконецъ, въ солдаты. Коля со мной, однако, не согласенъ, и я нахожу, что онъ правъ... Ну вотъ видите ли, дорогой человѣкъ, Коля и теперь сидитъ во мнѣ клиномъ, но теперь все легче. Пишите, а меня простите, что изъ Петербурга не писалъ.

1 февраля 88. Воробьево.

Ничего не понимаю, дорогой и добрый Сергѣй Николаевичъ. Вамъ я писалъ 10 декабря . . . . Неужели не получили? Писалъ я о своей поѣздкѣ въ Петербургъ по дѣлу Коли. Теперь онъ въ Александрополѣ, въ Эриванской губерніи, рядовымъ въ 6-мъ Кавказскомъ резервномъ баталіонѣ. И живетъ такъ: книги отобрали, письма всѣ читаются, знакомыхъ имѣть не разрѣшили, часы отобрали, въ городъ отпускаютъ съ провожатымъ и фельдфебель запретилъ ему пить чай съ дядькой. Такой есть у него наставникъ, поучающій шаги-

стикѣ и ружистикѣ. Бѣднягу жаль. Живетъ въ казармѣ, въ крѣпостномъ казематѣ, фельдфебель и унтеръ грубы, ѣда плохая. Вообще тягостно, ибо начальство глядитъ на него недовѣрчиво и смотритъ въ оба. Хотѣлось бы перевести его во флотъ; не знаю, выгоритъ ли.

Самъ я тоже избился, что пробылъ два мѣсяца въ Петербургѣ и нажилъ себѣ болѣзнь, которой прежде не было. Плохо!

За васъ радуюсь, что вамъ весной срокъ поднадзорности. Только ни Москвы, ни Петербурга вамъ не дадутъ. П. въ Любани. Все онъ такой же, но почувствовалъ себя еще больше. И отчего это людямъ такъ трудно знать свой ростъ? И живется-то труднѣе, какъ выскочишь изъ мѣры. А вотъ подите!

Михайловскій все тамъ же и живетъ такъ же: въ „Пале-Роялѣ" и въ „Сѣв. Вѣст.". „Вѣст." вы вѣрно получаете, значитъ и Михайловскаго видите. Въ прошедшемъ году его измочалилъ Петербургъ, но Кавказъ поправилъ и это сейчасъ же замѣтилось по работѣ.

Жаль только, что всѣ они встали тамъ другъ къ другу спинами. Это совсѣмъ болѣзнь. А Скабичевскій-то! Положимъ, что и Михайловскій задора и всетаки лучше бы Скабичевскому не писать своего отвѣтнаго фельетона, если онъ не умѣетъ отвѣчать иначе.

Нѣтъ, они просто лично несчастные и неудовлетворенные люди. Всякій роется въ себѣ и чувствуетъ себя одинокимъ. И денежно живутъ плохо. С. въ Парголовѣ, ибо въ Петербургѣ не на что . . . . . . Напишите мнѣ, какіе строите планы на будущее.

10 апрѣля 88. Воробьево.

Написалъ я сейчасъ письмо N. N. и рука какъ-то сразу пошла широко. Такъ актеръ иногда возьметъ на сценѣ не въ тотъ тонъ. Теперь я ужасно недоволенъ. А съ другой стороны, отъ старости или отъ безсилія, для меня самое пріятное сидѣть молча съ тѣми, кого любишь. Точно въ какой-то успокаивающей атмосферѣ сидишь—легко, пріятно. Даже, какъ котъ, глаза бы закрылъ. Да и не теряю я надежды посидѣть съ вами и съ N. N. Вы-то все будете говорить, а я все буду молчать и даже глаза закрою. Гдѣ только мы это сдѣлаемъ? Вы мнѣ заранѣе напишите, куда направите свои стопы, когда вамъ придетъ льгота.

А читали вы, что Николай Константиновичъ опять отказался отъ „Сѣв. Вѣст."? Теперь, конечно, это безповоротно. Что у нихъ тамъ—не пишетъ. Въ догадки пускаться не хочу. Разузнаю въ Питерѣ подробности и вамъ сообщу.

Не вижу, гдѣ бы Мих. могъ найти себѣ мѣсто. Въ „Р. М." онъ не захочетъ. Они, какъ я знаю изъ моихъ переговоровъ, (а я нащупывалъ для Ник. Конст.), нисколько не противъ, если Н. К. захочетъ премирующую роль. Въ простые сотрудники онъ, конечно, не пойдетъ. Во всякомъ случаѣ, не ладно и мнѣ ужасно жаль Ник. Конст. Ужъ очень мучится и точно не можетъ найти себѣ мѣста въ природѣ. Опять изболѣетъ и хоть снова бѣги въ Абасъ-Туманъ за силами. А замѣтили вы, какъ Кавказъ сейчасъ же отразился на работѣ Михайловскаго!..

Поѣду въ Петербургъ туристомъ и буду въ эту жизнь всматриваться, какъ иностранецъ.

И отчего въ московскихъ редакціяхъ нѣтъ ничего подобнаго? Ужъ на что „Рус. Вѣд.",—артель изъ 12 чел. И никакихъ ни ссоръ, ни глупостей, ни сплетенъ, ни интригъ. Или оттого, что москвичи любятъ общіе обѣды въ „Эрмитажѣ"? Можетъ быть и это помогаетъ. Въ Петербургѣ же человѣкъ хочетъ быть непремѣнно больше другого. Пожалуй даже сѣсть на него. Вѣрно ужъ онъ очень чувствуетъ свою малость, такъ хоть этимъ взять. Не понимаю, но печально и скверно...

Та же вездѣ Тара. Петербургская только побольше, и все-таки желаю вамъ лучше въ Тару петербургскую, чѣмъ оставаться въ Тарѣ настоящей.

21 іюня 88. Воробьево.

Совсѣмъ я потерялъ всякій порядокъ въ нашей корреспонденціи. И непремѣнно это случится, если не сейчасъ отвѣчаешь на письмо. А какія были у меня добрыя намѣренія! Самыя что ни на есть лучшія. Получивъ ваше письмо, я нарочно отложилъ его, чтобы, вернувшись домой, написать вамъ все обстоятельно. А былъ я тогда въ Петербургѣ и ваше письмо было туда мнѣ переслано. Вернувшись же домой, никакъ не могъ улучить минуту, чтобы писать вамъ, какъ бы ни хотѣлось. И тоже все съ добрыми намѣреніями. То нездоровъ, то занятъ, то—то то—сё, а хочется писать по душѣ. Вотъ все и ждешь такой минуты. Наконецъ стало ужъ и стыдно, и минута нашлась.

Очень мнѣ не понравился Петербургъ. Даже и умные люди не могутъ устроить себѣ порядочной жизни. Я говорю это о нашихъ умныхъ людяхъ. Вѣдь они встали другъ къ другу спиной. Казалось бы и дѣлить нечего, а дѣлятъ. П. даже и новыя теоріи сочинять началъ. Совсѣмъ обуялъ его духъ главенства, даже въ полемику вступилъ со Слѣпцовымъ и Писаревымъ. А у Михайловскаго тоже чего-то недостало, чтобы удержать ихъ въ оглобляхъ... Михайловскій думаетъ завести свой журналъ, т.-е.

не то, что бы онъ объ этомъ думалъ и заводилъ свой журналъ, а свой журналъ хотѣли завести другіе, а Михайловскій всѣмъ бы дѣломъ заправлялъ. Мысль хорошая, только денегъ еще не достали. А тутъ наступило лѣто и всѣ разъѣхались. Сирахъ гдѣ-то говоритъ: „въ годы злая не вспомянутъ благая“. У всѣхъ точно память отшибло. Не знаю, это ли впечатлѣніе получите вы, когда побываете въ Петербургѣ, но того, что было, не найдете. Я такъ доволенъ, что не живу въ Петербургѣ.

Видѣлъ Елисеева. Гр. Зах. поизмѣнился, даже ростомъ меньше сталъ. Хотѣлъ видѣть Салтыкова, но такъ и не удалось. А цѣлый мѣсяцъ прожилъ. По Колиному дѣлу тоже ничего не сдѣлали. Рано, говорятъ, дѣло еще свѣжо, нужно выждать годъ; это для того, чтобы просить о переводѣ во флотъ. Просить придется, какъ о милости.

Вы пишете, что во флотѣ не лучше, „а пожалуй даже хуже“. Ужъ лучше тѣмъ, что видишь смыслъ въ занятіяхъ. А тутъ заставляютъ маршировать часа четыре подрядъ. Какой смыслъ въ этомъ хожденіи? Ну, и начальство не то, не такіе солдафоны. Самое же печальное, что меня лишили моихъ отчихъ правъ. Я за Колю не могу ни просить лично, ни писать лично. Дурново мнѣ предложилъ подать прошеніе (осенью) на Высочайшее имя о снятіи съ меня надзора. Но если и снимутъ, я все-таки останусь подъ сурдинкой. И вся эта исторія меня потому больше всего огорчаетъ, что, дѣйствуя черезъ другихъ, и половины не сдѣлаешь.

Напишите мнѣ пожалуйста, когда вы уѣзжаете изъ Тары и по какому адресу вамъ писать? Очень бы хотѣлось васъ видѣть. Но никуда я не двигаюсь лѣтомъ изъ своихъ палестинъ, ибо осенью опять придется ѣхать въ Петербургъ. Не могу я представить себѣ и для васъ другой точки, кромѣ Кавказа. Не въ Любани же вы будете жить, а гдѣ? Вотъ это-то „гдѣ“ и хотѣлось бы знать, чтобы сообразить, какъ и гдѣ, и когда васъ уловить.

25 сентября 89. Воробьево.

Прослышалъ, что вы въ Пушкинской, въ № 1. Крѣпко жму вамъ руку и дѣлаю умственный визитъ. Не пишу. Боленъ. Очень боленъ. Силъ нѣтъ. А говорить могу. Напишите мнѣ, голубчикъ, о себѣ.

12 октября 89. Воробьево.

Дорогой и милый Сергѣй Николаевичъ. Пишу, чтобы не быть передъ вами виноватымъ.

Въ прошедшую зиму Салтыковъ говорилъ мнѣ съ полуотчая-

ніемъ: „больше вершка въ день написать не могу". Я тоже не могу написать больше вершка. Если все такъ пойдетъ и дальше, то къ веснѣ ужъ и не знаю, чего ждать. А все Кисловодскъ. Совсѣмъ онъ меня съѣлъ.

За то есть и радость. Колю изъ Александрополя перевели въ Пятигорскъ. Ради Бога пишите.

3 ноября 89. Воробьево.

Получилъ ваше участливое письмо и захотѣлось разсказать вамъ свою правду. Тогда я былъ почти совсѣмъ не то чтобы передъ смертью, а въ такомъ положеніи, что о концѣ приходилось подумать.

Вы меня разсмѣшили, когда, сосчитавъ по пальцамъ, сколько мѣсяцевъ остается еще поднадзорности N. N., нашли что немного — всего $8^1/_2$ мѣсяцевъ. Я тоже сосчиталъ по пальцамъ свои мѣсяцы и по вашему примѣру нашелъ тоже немного — 7 мѣсяцевъ.

Считалъ я часто и не разъ свои мѣсяцы, когда ихъ было еще много больше. Считалъ и задавался вопросомъ — а что же дальше?

Первое предостереженіе я получилъ еще въ 1881-мъ году, когда докторъ сказалъ, что дѣло можетъ кончиться очень печально, и услалъ меня на лѣто въ деревню. Теперь было предостереженіе второе. У меня нервное переутомленіе и теперь сдѣлалось острое малокровіе, а нервы опустились, какъ мочалка. Ну вотъ и опять пришлось спросить себя: а что же дальше? Поправлюсь, снимутъ надзоръ, а мои 65 лѣтъ никто съ меня не сниметъ. Въ сей моментъ ни умирать, ни нищенствовать мнѣ нельзя, пока Коля не встанетъ опять на ноги. И буду пока тянуть. А все-таки, что же дальше?..

Остаться въ Воробьевѣ навсегда? Всѣ такъ и думаютъ. Но кому нуженъ старый, хилый и больной, ни на что непригодный старикашка?...

Есть еще выходъ — богадѣльня. Живутъ и тамъ люди, но и бѣгутъ тоже и прочь. Тоже не сладко.

Еще есть выходъ — пенсія отъ фонда. И это тяжело и просить надо.

И долги есть — 600 рублей. Это еще ничего. Въ годъ отдамъ.

Ну, а какъ получу третье предостереженіе! Видите, и тутъ не ладно. И какъ ни кинь, все неладно. Вотъ я и думаю, да ничего выдумать не могу. А мысль тревожитъ; точно клинъ какой сидитъ она во мнѣ и многому очень мѣшаетъ. Ужъ мѣшаетъ тѣмъ, что держитъ постоянно въ подавленномъ настроеніи.

Знаю, что и вы тутъ ничего не рѣшите. И я тутъ ничего рѣшить не могу.

Простите, голубчикъ, что пишу вамъ все это. Ей Богу же горе, да ничего не выдумаешь. Правда, что не я одинъ въ такомъ положеніи, но вѣдь оттого не легче, что насъ много такихъ.

11 декабря 89. Воробьево.

Нѣтъ, не на то мѣсто вы накладываете мнѣ розовый пластырь. Ну зачѣмъ мнѣ жить сто лѣтъ? Хотѣлось бы умереть, какъ умерли Салтыковъ и Чернышевскій. Сегодня еще писали, а завтра ужъ на столѣ.

Боюсь я не себя пережить—это пустое. Боюсь быть въ тягость добрымъ людямъ. Вотъ отчего я давненько смотрю съ привѣтомъ на богадѣльню. Ну, да тамъ что будетъ. А мысли всѣ эти во мнѣ все-таки сидятъ.

Теперь же еще засѣла и вотъ какая мысль. Пишутъ мнѣ изъ Петербурга, и будто бы по свѣдѣніямъ изъ охраны, что для снятія надзора требуется представленіе мѣстнаго губернатора. Такъ ли? Вы эту штуку продѣлали. Представлялъ васъ кто или распоряженіе сдѣлалось въ Петербургѣ? Вѣдь если должно идти отсюда, то только проволочка. Наведу справки и здѣсь, хотя сомнѣваюсь, чтобы знали. Смоленская губернія не то, что ваша ссыльная Тара; это губернія дворянская, чистая, и ссыльной практики она не знаетъ.

Ну, а какъ вы провели 6-е декабря? Послалъ я телеграмму Ник. Константиновичу, да въ адресѣ его не увѣренъ. Прежде у Н. К. всегда бывали пироги и послѣдніе три года я каждые свои именины праздновалъ на его пирогахъ. Даже, пожалуй, и нехорошо. Но мнѣ это прощалось въ качествѣ пріѣзжаго. И скучно же мнѣ стало въ именинный день. Просидѣлъ я его буквально одинъ-одинешенекъ. Тутъ вспоминалъ о хорошихъ людяхъ. И странная вещь: мнѣ съ хорошими людьми и говорить, пожалуй, не хочется. Люблю я сидѣть съ ними, да ихъ слушать. Этимъ и отдохнешь, и освѣжишься.

Куда вамъ писать? А гдѣ вы будете лѣтомъ? Если меня освободятъ, я непремѣнно ѣду къ Колѣ въ Пятигорскъ и, конечно, черезъ Туапсе. Надо посмотрѣть на карту, какъ удобнѣе сдѣлать эту путину. Вѣдь Туапсе въ какомъ-то углу, изъ котораго нѣтъ ни выѣзду, ни въѣзду.

Пишите, ради Бога, голубчикъ.

4 февраля 90.

Вотъ ужъ истина, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Вчера, дорогой Сергѣй Николаевичъ, начерталъ я себѣ такой планъ: написать письмо N. N., а сегодня вамъ. А сегодня у меня пропало: весь день провалялся и сейчасъ лягу опять. Какъ это скучно! Весь май мѣсяцъ не могу поправиться. Теперь всѣ надежды на лѣто и Пятигорскъ. Колю перевели туда, и лѣто я думаю провести съ нимъ.

Вотъ и все. Прощайте, голубчикъ, добрый и хорошій. Очень думаю быть лѣтомъ въ Туапсе. Но какъ удобнѣе туда проѣхать изъ Пятигорска? Черкните поскорѣе.—Н. Шелгуновъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

Молодое поколѣніе на рубежѣ новой эры.

I.

Направленіе, въ какомъ стала двигаться русская государственная жизнь со дня смерти императора Николая Павловича, возбуждало въ обществѣ большую тревогу. Отдѣльные круги, правительственные и иные, сознавали, конечно, еще въ годы разцвѣта стараго режима необходимость перемѣны курса; но эта необходимость облекалась въ ихъ сознаніи въ формы теоретическихъ размышленій и всѣ, даже передовые люди, далеки были отъ мысли о томъ, что она можетъ подкрасться незамѣтно и сразу, и почти въ одинъ день изъ мечты стать угрозой. И власть, и общество были застигнуты въ расплохъ и понимали, что выжидать и оттягивать рѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ невозможно, такъ какъ именно такая политика выжиданія и привела къ катастрофѣ внѣшней и къ внутреннему разложенію. Съ большой опаской пришлось двигаться впередъ, при отсутствіи историческаго опыта, который помогъ бы распутать столь своеобразно затянувшійся узелъ. Подготовительнымъ трудомъ разныхъ негласныхъ комитетовъ и коммиссій прошлаго царствованія едва ли можно было воспользоваться, такъ какъ эта работа производилась при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Правительству пришлось присту-

пать теперь заново къ очень рѣшительной и трудной работѣ, учитывая такія неожиданныя событія, какъ проигранная война и вызванное ею общественное возбужденіе. Неудивительно, что потребовалось шесть лѣтъ (1855—1861) на то, чтобы кое-какъ распутаться въ одномъ только крестьянскомъ вопросѣ, и притомъ къ неудовольствію всѣхъ въ немъ заинтересованныхъ. Къ другимъ неотложнымъ и кореннымъ реформамъ правительство за эти годы и не приступало.

Что касается интеллигентнаго общества, то и оно было неподготовлено къ рѣшенію назрѣвшей задачи. Теоретическая разработка вопроса о всяческихъ нуждахъ страны была въ дореформенное время подвинута впередъ довольно рѣшительно, и въ кружкѣ славянофильскомъ, и въ томъ болѣе широкомъ кругѣ, за которымъ установилось неопредѣленное прозвище „западнаго“ и „либеральнаго“. Но долговременная работа надъ чистой теоріей, безъ всякой возможности какимъ-либо способомъ сочетать ее съ практикой, и рѣзко-враждебное отношеніе власти ко всякимъ мнѣніямъ частныхъ лицъ объ общихъ дѣлахъ — лишали людей живой силы. Теорія, логически развиваясь, опережала жизнь съ необычайной быстротой, и когда наступилъ моментъ возможнаго примѣненія выработанныхъ программъ, всѣ систематики и доктринеры, имѣя многое сказать, едва ли знали, съ какого дѣйствія начать должно. Имъ дана была извѣстная, скромная свобода слова, но, за единичными, весьма малыми исключеніями, правительство и не думало пользоваться ихъ содѣйствіемъ, несмотря на частыя увѣренія въ томъ, что оно нынѣ въ общественной помощи нуждается.

Въ кругахъ интеллигентныхъ царила, такимъ образомъ, несомнѣнная растерянность, и чѣмъ люди были старше, тѣмъ эта растерянность была больше, такъ какъ и возрастъ, и накопленный опытъ предостерегали отъ излишней довѣрчивости.

Въ иномъ положеніи находилась молодежь, уже подросшая или подростающая.

II.

Психологія этой молодежи, т.-е. той части ея, которая смотрѣла на жизнь болѣе или менѣе серьезно и имѣла извѣстные идеалы, нравственные и общественные — была на первыхъ порахъ проста до-нельзя. Молодые умы и сердца были увѣрены, что отнынѣ должна начаться для ихъ родины новая

жизнь, при новыхъ условіяхъ, жизнь, въ которой имъ — молодымъ людямъ—предназначено сыграть великую роль. Тѣхъ трудностей, которыя связаны со всякой большой ролью, молодые люди конечно не учитывали и были лишь благодарны судьбѣ за то, что имъ пришлось начинать свою жизнь при такихъ, какъ имъ казалось, исключительно счастливыхъ обстоятельствахъ. Какихъ-нибудь опредѣленныхъ системъ или теорій общественно-политическаго характера, къ которымъ надлежало бы сразу приписаться, для этихъ вступающихъ въ жизнь людей пока не существовало. Они были довольны сознаніемъ своего несогласія съ господствовавшими взглядами правящихъ сферъ, съ теоріями благодушнаго западничества и елейнаго славянофильства, съ которыми имъ приходилось сталкиваться въ бесѣдахъ съ людьми или съ книгой. Отъ жизни молодые люди ждали новаго и были увѣрены, что для этого новаго легко будетъ и подыскать новую формулу. Если можно говорить объ ихъ убѣжденіяхъ въ эту первую пору ихъ жизни, въ годы, когда, озираясь на прошлое, они были убѣждены, что оно осуждено на быструю гибель, то эти убѣжденія сводились къ болѣе или менѣе страстному отрицанію существующаго и къ тому туманному, но фанатичному идеализму, который весь заключенъ въ вѣрѣ въ свои силы, вѣрѣ тѣмъ болѣе глубокой, чѣмъ менѣе эти силы провѣрены.

Можно спросить однако — откуда въ молодомъ поколѣніи середины пятидесятыхъ годовъ могло получиться такое отрицаніе и такая вѣра?

Что оба эти спутника юной жизни были на лицо—лучшимъ доказательствомъ служитъ необычайно быстрый ростъ радикализма въ молодыхъ кругахъ обоего пола. Такой ростъ указываетъ прямо на принципіально проведенное нежеланіе признать въ старомъ режимѣ что-либо достойнымъ сохраненія и на своего рода фанатичное убѣжденіе въ своей правотѣ и въ возможности быстраго удовлетворенія всѣхъ своихъ чаяній. Какъ объяснить возможность зарожденія такого принципіальнаго радикализма мысли и чувства въ условіяхъ стараго режима?

Режимъ, какъ извѣстно, былъ крайне неблагопріятенъ даже для самаго скромнаго общественнаго воспитанія. Если бы общественная жизнь Россіи прозябала хотя бы въ самыхъ элементарныхъ формахъ, допускающихъ развитіе, то приростъ критики и новыхъ утвержденій могъ бы найти себѣ объясненіе. Но за все минувшее царствованіе, и въ особенности съ конца сороковыхъ годовъ вплоть до послѣдняго часа стараго положенія вещей — власть стремилась водворить въ странѣ полный умственный и душевный

маразмъ. И какъ разъ въ эти годы (1848—1855) получали свое первое начальное образованіе тѣ дѣти, которыя, выросши, сомкнулись въ разные либеральные и радикальные кружки. Ихъ дѣтство протекло въ самую глухую пору общественной жизни; и въ семьѣ и въ обществѣ они лишь съ большимъ трудомъ могли найти поддержку самостоятельному и сознательному отношенію къ жизни, буде, сверхъ чаянія, такое отношеніе въ нихъ пробуждалось. Школа имъ ничего не давала.

Еслибы радикальныя группы формировались исключительно изъ молодежи столичной, и еслибы онѣ преимущественно вышли изъ сословія дворянскаго, болѣе или менѣе обезпеченнаго и потому располагавшаго средствами къ образованію, то стремительность волевого и идейнаго движенія въ ихъ средѣ могла бы быть также въ извѣстномъ смыслѣ объяснена. Но эти группы составлялись и пополнялись пришельцами со всѣхъ концовъ Россіи, и самые глухіе провинціальные города имѣли въ нихъ своихъ представителей. Въ мѣстахъ, откуда эти молодые люди стекались въ столичные центры, идейнаго движенія почти совсѣмъ не было и средства образованія были крайне скудны. Если въ этихъ дальнихъ углахъ и попадались единичныя личности, иной разъ очень талантливыя и съ большимъ запасомъ энергіи, личности, имена которыхъ остались затѣмъ на страницахъ исторіи нашей общественной жизни, то такія лица были рѣдкимъ исключеніемъ и вліяніе ихъ не могло быть значительно. Къ нимъ могъ примкнуть тѣсный кругъ учениковъ, но среди общей провинціальной умственной и волевой косности эти разсѣянные очаги новыхъ стремленій широкаго воспитательнаго вліянія имѣть не могли.

А между тѣмъ въ какія-нибудь шесть лѣтъ (1855—1861) сформировались плотные и достаточно многочисленные кадры радикально настроенныхъ людей, которые, при всѣхъ идейныхъ разногласіяхъ, были крѣпко спаяны единымъ боевымъ настроеніемъ. Откуда взялось оно?

III.

Одна изъ слабостей, какую очень часто проявляютъ люди сильные и большой властью облеченные, это—недальнозоркость, вытекающая изъ полноты ощущенія силы и власти. Сильному и властному человѣку какъ-то трудно себѣ представить, что его могущество создано извѣстными обстоятельствами, которыя находятся въ движеніи, могутъ измѣняться и, видоизмѣняясь, могутъ

поколебать тѣ самые устои, на которыхъ это могущество покоится. Умѣть предполагать себя слабымъ и уязвимымъ—самый прочный залогъ укрѣпленія силы и ея развитія, какъ самое вѣрное средство ослабѣть незамѣтно, это — признать свою силу незыблемо установленною.

Царствованіе императора Николая Павловича даетъ намъ яркій примѣръ такой силы, которая до самой минуты своего крушенія считала себя несокрушимой. Одержавъ легкую побѣду въ 1825-мъ году, правительственная власть на долгое время предалась самолюбованію, близкому къ слѣпотѣ. Ко всему, что попадало въ узкое поле зрѣнія этой близорукой власти, она присматривалась очень внимательно, и всякое внѣшнее нарушеніе установленнаго порядка она карала безпощадно. Ей удалось, въ концѣ концовъ, добиться того, что поверхность жизни казалась невозмутимо спокойной и гладкой, и для поддержанія такой видимости въ образцовомъ порядкѣ власть не щадила ни средствъ, ни рвенія.

Если вспомнить, какъ ревниво и сурово примѣнялись въ дореформенное время всевозможныя мѣры охраненія, пресѣченія и наказанія, то на первый взглядъ можетъ показаться, что власть была не только не самоувѣренна и ослѣплена своимъ блескомъ, но, наоборотъ, очень пуглива и неувѣрена въ своей силѣ. Но на самомъ дѣлѣ этого не было. Власть вѣрила въ себя безусловно и прибѣгала къ устрашенію не изъ чувства самосохраненія, а изъ желанія явить свою мощь. Она была убѣждена, что такой, какова она есть, она можетъ и должна навсегда остаться. О тѣхъ перемѣнахъ, которыя, при наружномъ спокойствіи, могли произойти въ психикѣ всѣхъ управляемыхъ и опекаемыхъ—власть едва ли догадывалась именно потому, что была недальновидна и не допускала возможности перемѣны въ людяхъ самаго сознанія, съ какимъ они къ этой власти относились, самаго ихъ образа мыслей и строя ихъ души. Вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу этимъ неизбѣжнымъ перемѣнамъ и попытаться использовать ихъ въ своихъ видахъ, правительство, не желая признавать своей зависимости отъ какихъ-либо историческихъ условій, рѣшило удержать людей на томъ уровнѣ развитія идейнаго и общественнаго, на какомъ они находились, когда впервые подъ его опеку подпали. И правители были настолько самоувѣренны и самовлюблены, что считали себя въ силахъ выполнить эту задачу.

А между тѣмъ несомнѣнно, что складъ ума и строй души всего русскаго общества, отъ круговъ высшихъ до низшихъ, мѣнялся постепенно, хотя и очень медленно. Россія середины

пятидесятыхъ годовъ была совсѣмъ не та, за приведеніе которой въ порядокъ взялась власть послѣ 1825-го года. Настроеніе умовъ и сердецъ стало какъ будто бы даже болѣе спокойно и ровно, чѣмъ оно было во времена Александра Павловича, свободомыслящаго и затѣмъ жалѣющаго о своемъ свободомысліи. Но наружность жизни была обманчива.

За тридцать лѣтъ суроваго крѣпостного состоянія народная масса успѣла сильно озлобиться. Въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ она впередъ не пошла; въ матеріальномъ ея положеніи улучшенія также не было; прирожденныя славянскія и православныя добродѣтели — буде онѣ существовали — глохли, и недобрыя чувства должны были брать перевѣсъ надъ ними. Крестьянскія волненія и бунты учащались. Въ виду гробового молчанія этой массы трудно было, конечно, съ точностью опредѣлить ея настроеніе, но все говорило о томъ, что душа народная не становилась мягче. Власть замѣчала эти колебанія въ настроеніи народной души, но не считала ихъ за угрозу, а между тѣмъ раздраженныя чувства, при неразвитомъ умѣ, могли, если не тотчасъ же, то спустя нѣкоторое время, представить большую опасность. Власть при случаѣ прибѣгала къ жестокимъ репрессіямъ, и именно эти репрессіи указывали на то, что она не сознавала опасности. Ея самоувѣренность поддерживало, быть-можетъ, въ данномъ случаѣ то спокойствіе, которое царило въ войскахъ, несмотря на всю жестокость военнаго режима.

Въ среднихъ слояхъ—мѣщанскомъ и купеческомъ—наружнаго броженія не было замѣтно никакого, хотя несомнѣнно, что въ психикѣ и этихъ классовъ совершалась перемѣна. Насколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, сохраненнымъ въ литературѣ того времени, въ этихъ темныхъ или полутемныхъ массахъ развивался страшно узкій профессіональный эгоизмъ. Чувство самосохраненія, которое все время было въ опасности, заставляло людей донѐльзя съуживать кругъ своихъ интересовъ, и на такой вполнѣ безидейной почвѣ произрасталъ самодуръ, хищникъ, мелкій и крупный, или забитый и безгласный человѣкъ. Насколько такіе люди могли служить опорой власти, догадаться не трудно: безгласные и слабые, они какъ помощники не годились, а хищные и самовольные—они были покорны лишь до той минуты, пока имъ это было выгодно.

Чиновничество, въ особенности мелкое и среднее, представляло собой, повидимому, элементъ очень надежный. На чиновника, въ силу его полной зависимости отъ начальства, казалось, можно было положиться, но онъ изъ человѣка мало-помалу превращался въ машину, лишенную иниціативы и воли;

да и кромѣ того онъ могъ стать, косвенно, самымъ опаснымъ врагомъ существующаго порядка, подрывая его престижъ многочисленными гражданскими пороками, развитыми въ немъ тѣмъ самымъ режимомъ, поддерживать который онъ былъ призванъ. И несомнѣнно, что низкій нравственный уровень чиновниковъ былъ одной изъ причинъ крушенія стараго порядка.

Чиновничество высшее и дворянство—двѣ силы, на которыя съ наибольшимъ довѣріемъ опирался старый режимъ—оставались несомнѣнно надежнымъ оплотомъ господствующей правительственной системы. Но и въ этихъ кругахъ развивались склонности, которыя могли для существующаго порядка оказаться пагубными. Отсутствіе необходимости за что-либо бороться (а при длительномъ, неомрачаемомъ торжествѣ системы, ни высшему чиновничеству, ни дворянству никакихъ программъ отстаивать не приходилось, за исключеніемъ развѣ только программы личнаго благополучія) развивало въ людяхъ пассивность, инертность, слабость воли и, наконецъ, неподвижность ума,—качества, при которыхъ союзникъ легко могъ обратиться въ невольнаго врага.

Власть, въ безмятежномъ сознаніи своей силы, не учитывала всѣхъ этихъ перемѣнъ въ психикѣ людей, ей подвластныхъ, и, справляя изо дня въ день свое торжество, не замѣчала, даже въ послѣднія минуты этого оффиціальнаго торжества—какъ близка была опасность и неизбѣжна перемѣна...

Неспособность у власти стоящихъ людей заглядывать впередъ и въ своихъ разсчетахъ идти дальше ежедневнаго баланса ни на чемъ не сказалась такъ ясно, какъ на той системѣ, которой придерживалась власть въ вопросахъ воспитанія и образованія подроставшихъ поколѣній.

IV.

Образованнымъ людямъ, прошедшимъ среднюю и высшую школу разныхъ вѣдомствъ, надлежало рано или поздно замѣнить собой всѣхъ вѣрныхъ слугъ старой системы, и потому на подростающее поколѣніе должно было быть обращено самое зоркое вниманіе власти, если она хотѣла имѣть и въ будущемъ вѣрныхъ союзниковъ. Отношеніе правительства къ идеямъ, проникавшимъ въ общество путемъ живого слова и печати, показывало ясно, что власть, дѣйствительно, очень зорко слѣдила за интеллигентомъ. Но эта зоркость была похожа на пристальный взглядъ близорукаго человѣка. Правительство временъ императора Николая Павловича

не предугадывало возможности наступленія иныхъ временъ и стремилось подогнать общественное воспитаніе и образованіе подъ неподвижно установленное понятіе о „порядкѣ“, который въ свою очередь опредѣлялся не растущими потребностями времени, а разъ навсегда признаннымъ взглядомъ на обязанности благомыслящаго и вѣрноподданнаго обывателя.

Говорить подробно о томъ, какими способами проводилось такое воспитаніе и образованіе „благомыслящихъ“ людей—нѣтъ нужды. Исторія русской образованности въ дореформенное время у всѣхъ въ памяти, и чѣмъ глубже наши знанія въ этой области, тѣмъ понятнѣе для насъ тотъ быстрый ростъ сначала либеральнаго, а затѣмъ и радикальнаго настроенія и образа мыслей, какимъ отмѣчены были первые же годы новаго царствованія. Власть, вмѣсто того, чтобы воспитать интеллигентную силу, которая пришла бы ей на помощь въ трудную минуту, подготовила цѣлые кадры людей, ей принципіально враждебныхъ. Опасность и трудность положенія власти увеличивались тѣмъ, что въ эти кадры недовольныхъ и протестующихъ записывались, въ большинствѣ случаевъ, люди наиболѣе энергичные, гибкіе умомъ и сильные волей, а въ распоряженіи правительства оставались элементы уравновѣшенные или вялые, или—что хуже—люди, видѣвшіе въ своемъ союзѣ со властью только матеріальную выгоду.

Оглядываясь на прошедшія времена, консерваторы разныхъ оттѣнковъ нерѣдко впослѣдствіи жаловались на либеральную и въ особенности радикальную интеллигенцію шестидесятыхъ годовъ, обвиняя ее въ томъ, что въ трудную минуту она своими рѣзкими выступленіями въ области мысли и дѣла тормозила спокойную работу надъ реформами и вынуждала правительство прибѣгать ко всякимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Это обвиненіе могло имѣть за собой нѣкоторое основаніе, если считаться только лишь съ видимостью фактовъ, не вникая въ ихъ смыслъ. Если же поставить вопросъ о первопричинѣ такого непримиримаго отношенія либеральной и радикальной части интеллигенціи къ правительственной системѣ, то эту первопричину надо искать въ неустойчивости правительственной политики въ годы реформъ, и, главное—въ томъ настроеніи, съ какимъ молодое поколѣніе шло на встрѣчу событіямъ. Въ 1855-мъ году значительное число полувзрослыхъ дѣтей, сидящихъ на скамьяхъ средней школы, и большое число юношей, обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, уже было радикально *настроено*, хотя не исповѣдывало пока никакой радикальной доктрины. И это настроеніе было создано дореформеннымъ воспитаніемъ.

О порядкахъ старой, дореформенной школы сохранилось немало свѣдѣній, хотя и отрывочныхъ. По нимъ можно себѣ составить довольно точное представленіе какъ о томъ духѣ, въ какомъ хотѣли воспитать подростающее поколѣніе, такъ и о томъ духѣ, какой на самомъ дѣлѣ воцарился въ этой школѣ.

Можно сказать, не впадая въ преувеличеніе, что результаты воспитанія и обученія получались діаметрально противоположные тѣмъ, достиженіе которыхъ въ виду имѣлось. Программа воспитанія была выражена очень опредѣленно: надлежало воспитать юношество въ страхѣ Божіемъ и въ преданности царю и отечеству. Что касается программы образованія, то она была формулирована менѣе ясно, и трудно опредѣлить съ точностью ту цѣль, какую преслѣдовало правительство въ выборѣ преподаваемыхъ наукъ и въ установленіи того количества знаній, которыя оно считало обязательными. Науки были подобраны какъ-то случайно: многіе общеобразовательные предметы отсутствовали; тѣ изъ наукъ, которыя были признаны обязательными, преподавались въ размѣрахъ очень скромныхъ. Стремясь вычитать въ программахъ стараго времени основную, руководящую мысль, которая всегда должна лежать въ основаніи учебнаго плана — будь это мысль частнаго, практическаго характера или мысль общеобразовательная и гуманитарная — приходишь къ выводу, что такой мысли, образовательной въ настоящемъ смыслѣ слова, не было, и что образованіе было строго подчинено воспитательной цѣли, которая и обусловливала какъ самый планъ преподаванія, такъ и его выполненіе.

Надлежало насадить въ сердцахъ и умахъ юношества страхъ Божій и любовь къ родинѣ и престолу. Самыя понятія объ этомъ страхѣ Божіемъ и о патріотическомъ чувствѣ были отлиты въ неизмѣнныя формы, разъ навсегда установлены и освящены традиціей, и никакого движенія въ этихъ понятіяхъ не полагалось. А между тѣмъ всякое понятіе только тогда можетъ остаться въ силѣ, если оно растетъ и видоизмѣняется вмѣстѣ съ самой жизнью и не позволяетъ ей опередить себя. Тѣ двѣ истины—религіозное чувство и любовь къ родинѣ — которыя дореформенная система воспитанія и обученія такъ крѣпко желала утвердить въ сознаніи и взрослыхъ и подростающихъ людей, утвердились бы сами собою, еслибы была предоставлена людямъ возможность свободнаго ихъ усвоенія. Но именно элементъ сознательности въ усвоеніи этихъ истинъ отрицался всей системой. Не говоря уже о школѣ,— все культурное развитіе общества было обставлено такими условіями, при которыхъ движеніе идей и чувствъ было затруднено

до чрезвычайности, если не остановлено. И такая охрана ума отъ притока необходимыхъ ему для развитія новыхъ идей, такое запрещеніе самостоятельнаго разсчета съ накопившимися новыми данными жизни привели къ тому, что обѣ желанныя для власти истины утверждались въ сознаніи какъ-то насильственно, и, сталкиваясь съ ними, человѣкъ испытывалъ въ лучшемъ смыслѣ чувство страха, но никакъ не любви.

V.

За русскимъ народомъ издавна установилась слава какъ за народомъ, въ которомъ религіозность пустила очень глубокіе корни. Наша народная психика во всѣхъ слояхъ общества, дѣйствительно, обнаруживала большое тяготѣніе къ чувствамъ и мыслямъ религіознаго порядка, и казалось бы, что это тяготѣніе съ годами могло только крѣпнуть вмѣстѣ съ общимъ культурнымъ развитіемъ. А между тѣмъ къ началу новаго царствованія, послѣ тридцатилѣтняго воспитанія въ строго религіозномъ духѣ, религіозное сознаніе и народныхъ массъ, и общества какъ-то застыло, и если какое движеніе въ немъ было замѣтно, то оно шло либо въ сторону полной косности, либо въ сторону отрицанія. Въ народныхъ массахъ религіозное сознаніе почти совпадало съ суевѣріемъ, въ средѣ раскольниковъ и сектантовъ граничило съ мертвенностью буквы и съ болѣзненнымъ экстазомъ; въ полукультурной средѣ это чувство сливалось съ тѣмъ же суевѣріемъ и съ пристрастіемъ къ обрядовой сторонѣ. Въ кругахъ образованныхъ оно либо принимало форму какого-то обязательнаго чувства, а потому холоднаго и безжизненнаго, либо медленно угасало, переходя въ разные виды безвѣрія. И такое замираніе религіознаго чувства и религіозной мысли усиливалось въ интеллигентномъ обществѣ по мѣрѣ того какъ усиливалось требованіе оффиціальнаго благочестія. Одни славянофилы составляли исключеніе: для нихъ вопросъ вѣры былъ живымъ вопросомъ духа.

Что касается того сословія, которое должно было по своему общественному положенію защищать принципъ вѣры и стоять на ея стражѣ, то у насъ нѣтъ данныхъ утверждать, что вѣра въ этой средѣ слабѣла и что образъ жизни этой среды не соотвѣтствовалъ ея призванью. Если умственное развитіе духовенства тѣхъ годовъ въ цѣломъ и оставляло желать многаго, то подвиги духа не отсутствовали въ жизни этой скромно и безгласно

живущей массы. Но мимо одного факта историкъ пройти не можетъ: именно эта среда поставляла очень ревностныхъ адептовъ въ лагерь радикаловъ и „нигилистовъ". Изъ этихъ семей духовныхъ выходили тѣ пресловутые „семинаристы", которые такъ нашумѣли въ шестидесятыхъ годахъ и такъ сердили умѣренныхъ людей своихъ отрицаніемъ порядка земного и небеснаго. Очевидно, что духовная среда не только не могла укрѣпить вѣру въ кругахъ, съ которыми она соприкасалась, но и въ нѣдрахъ своихъ была безсильна оградить отъ искушенія. И виновата въ этомъ была несомнѣнно неподвижность религіозной мысли и религіознаго чувства, которая не позволяла вѣрѣ приноравливаться къ развивающимся потребностямъ мышленія и чувства и торопилась отлучать отъ вѣры всѣхъ, кто, можетъ быть, и нашелъ бы способы не порывать съ нею связи...

Истиннаго очага вѣры въ слояхъ высшихъ и оффиціальныхъ мы искать не будемъ. Не смотря на постоянное и грознымъ голосомъ высказываемое увѣреніе ихъ въ томъ, что именно они призваны давать примѣръ истиннаго благочестія—надо какъ разъ этихъ сильныхъ людей обвинить въ небрежномъ и жесткомъ обращеніи съ такимъ нѣжнымъ и тонкимъ чувствомъ, какъ чувство религіозное. Въ представленіи людей власть имѣвшихъ вѣра превращалась въ какой-то особый оплотъ ихъ собственнаго благополучія и ихъ общественныхъ привилегій. На всякую попытку разсуждать о вѣрѣ или иначе чувствовать ее власть смотрѣла какъ на злостное колебаніе основъ и въ подавленіи такихъ попытокъ прибѣгала отнюдь не къ духовнымъ средствамъ. Вмѣсто того, чтобы опираться на живое и движущееся религіозное сознаніе, власть предпочла опереться на букву ученія, не предполагая, что съ теченіемъ времени нѣкоторые параграфы этого ученія должны неизбѣжно устарѣть и насильственная ихъ оборона должна вызывать въ людяхъ не приливы, а отливы религіознаго чувства.

Итакъ, система дореформеннаго воспитанія, въ той ея части, которая касалась религіозныхъ идей и чувствъ, не могла привести къ намѣченной цѣли.

VI.

Не оправдала надеждъ старой системы и патріотическая идея. Ошибка и въ данномъ случаѣ произошла оттого, что любовь къ родинѣ была понята не какъ движущееся, мѣняющееся и гибкое понятіе, а какъ навсегда установленный

догматъ, въ которомъ любовь къ отечеству и къ царю отождествлялась съ любовью къ данному государственному и общественному строю и къ данному лицу, носящему корону. Система не хотѣла признать, что строй долженъ мѣняться именно въ интересахъ патріотизма, и что образъ мыслей одного лица не можетъ быть сочтенъ за непогрѣшимое, неизмѣнное и нерушимое выраженіе патріотизма. Не желала власть признать и того, что несогласіе съ этимъ лицомъ во мнѣніяхъ отнюдь не знаменуетъ бунта противъ короны.

Дореформенная система стремилась, такимъ образомъ, свести патріотическую идею на безмятежное и самодовольное признаніе существующаго порядка и въ этомъ духѣ вела воспитаніе. Программа такого воспитанія могла имѣть за собой всю видимость успѣха—пока оффиціальному патріотизму не грозило никакое испытаніе. Всякія попытки понять любовь къ родинѣ иначе могли быть легко предупреждены и подавлены, всякое частичное возмущеніе внутреннихъ силъ могло быть обуздано во время безъ риска большой огласки. Патентованному патріотизму могла грозить опасность лишь со стороны, при какихъ-нибудь усложненіяхъ международныхъ. За долгое царствованіе императора Николая Павловича такихъ усложненій не было вплоть до Крымской кампаніи, такъ какъ ни турецкая война 1829-го года, ни венгерскій походъ, ни покореніе Кавказа серьезными усложненіями названы быть не могутъ. Только въ 1854—5 годахъ система была подвергнута настоящему испытанію и только въ эти многострадальные годы обнаружилось, насколько патріотизмъ, понятый узко, не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Сведенный на слѣпое повиновеніе, этотъ патріотизмъ оказался безпомощнымъ; привыкшій считать себя неуязвимымъ, онъ оказался неподготовленнымъ, строгій въ соблюденіи внѣшней формы, онъ не ограждалъ людей отъ самыхъ страшныхъ гражданскихъ пороковъ, которые изнутри обезсилили государство, прежде чѣмъ ему былъ нанесенъ ударъ извнѣ. Патріотизмъ этотъ не помѣшалъ цѣлой тучѣ бездарныхъ людей сидѣть на самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ, не помѣшалъ невѣжеству держать въ плѣну огромныя массы народа — того народа, въ интересахъ котораго этотъ патріотизмъ такъ настойчиво проповѣдывался; онъ не оградилъ даже солдата — героя тѣхъ дней—отъ нужды и страданій, избѣжать которыхъ было возможно. Въ одномъ только патріотизмъ выдержалъ испытаніе: въ готовности людей переносить лишенія и умирать.

Итакъ, обѣ идеи—и религіозная, и патріотическая,—оффиціальное торжество которыхъ было обезпечено, не дали того,

что обѣщали. Религіозная идея осталась неподвижной и не вносила мира въ умы и сердца, а идея патріотическая не уберегла родину отъ внутренняго непорядка и пораженія. При спокойномъ теченіи жизни медленное уклоненіе этихъ идей отъ желанной цѣли было трудно замѣтить, но въ минуту опасности просчетъ обнаружился. Когда опасность миновала, и когда стало ясно, что старой дорогой идти нельзя, первое, о чемъ пришлось подумать, это — о судьбѣ этихъ двухъ основныхъ началъ. Въ нихъ надо было вдохнуть новую жизнь, ихъ надо было понять въ иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи нашей общественной жизни начала религіозное и патріотическое имѣли судьбу разную. Религіозный вопросъ, несмотря на славянофильскую проповѣдь, на войну съ матеріализмомъ и позитивизмомъ, на рѣчи Соловьева и Толстого, не вышелъ изъ своего покоя и только въ самое послѣднее время въ немъ можно подмѣтить нѣкоторое движеніе, исходящее изъ интеллигентныхъ круговъ свободно мыслящихъ людей, а также изъ круговъ оффиціальныхъ, готовыхъ какъ будто пойти на коекакія уступки.

Вопросъ объ истинномъ патріотизмѣ—тотъ былъ счастливѣе. Начиная съ эпохи реформъ вплоть до нашего времени онъ находился въ постоянномъ движеніи, и все наше политико-общественное движеніе за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ—рядъ попытокъ разныхъ общественныхъ группъ противопоставить оффиціальному пониманію патріотизма пониманіе болѣе широкое, болѣе соотвѣтствующее назрѣвшимъ нуждамъ страны. Несмотря на крайне тяжелыя условія, при которыхъ обществу пришлось вести борьбу за право на свободную любовь къ родинѣ, несмотря на перевѣсъ силы, который всегда оставался на сторонѣ оффиціальнаго патріотизма—старый дореформенный катехизисъ любви къ отечеству и національной гордости растерялъ немалое число параграфовъ и замѣнилъ ихъ новыми, болѣе соотвѣтствующими современному нравственному и общественному самосознанію.

VII.

И въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ этотъ старый катехизисъ уже не соотвѣтствовалъ потребностямъ историческаго момента. Объ этомъ догадывалось даже дореформенное правительство, но, обольщенное наружнымъ спокойствіемъ, оно не торопилось идти на встрѣчу времени и не хотѣло думать о нароставшемъ

недовольствѣ внутреннемъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя могли произойти въ психикѣ людей ему подвластныхъ.

Наибольшему волненію была подвержена, конечно, психика подростающаго поколѣнія. Пока старая правительственная система торжествовала, она этихъ молодыхъ людей, по мѣрѣ того какъ они выростали, пригибала и приручала. Тѣ, кто были ретивы и молоды въ 1825-мъ году, стали къ 1855-му году спокойными и благомыслящими стариками; тѣ, кто въ 1835-мъ году были полны энтузіазма и всяческаго идеализма, превратились къ 1855-му году—за весьма немногими исключеніями—въ солидныхъ людей очень умѣреннаго образа мыслей и корректнаго поведенія; тѣ, которые въ 1845-мъ году кипѣли, въ 1855-мъ молчали и выжидали; наконецъ, тѣ молодые люди, которыхъ 1855-ый годъ засталъ въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ заведеніяхъ высшихъ—тѣ переживали первый приступъ идейныхъ и сердечныхъ волненій въ полной готовности выступить на защиту своихъ идеаловъ, въ которыхъ, конечно, отрицанія было больше, чѣмъ положительныхъ утвержденій.

И какъ разъ въ тотъ годъ, когда эта молодежь новаго призыва стояла въ полномъ весеннемъ цвѣту — старая правительственная система въ одинъ день дожила до своей кончины. Предположить, что и этотъ новый наборъ горячихъ умовъ и сердецъ будетъ такъ же скоро усмиренъ и прирученъ, какъ усмирены были молодыя поколѣнія минувшихъ десятилѣтій— едва ли было возможно. Все говорило за то, что судьба этой молодежи, вступающей въ жизнь при столь необычныхъ условіяхъ, будетъ иная, чѣмъ судьба ея отцовъ и дѣдовъ.

VIII.

Къ сожалѣнію свѣдѣнія, какими мы располагаемъ о жизни, образѣ мыслей и настроеніи молодого поколѣнія конца сороковыхъ и середины пятидесятыхъ годовъ, очень неполны и случайны. Указанія въ перепискѣ и въ воспоминаніяхъ современниковъ— ничтожны; что же касается литературы, то она, сохранившая такъ много портретовъ, просвѣтленныхъ образовъ и каррикатуръ, списанныхъ съ молодежи обоего пола въ шестидесятыхъ годахъ, не обнаружила большого интереса къ тому молодому человѣку, который росъ и воспитывался „наканунѣ“.

Насколько можно судить по всему наличному матеріалу, состояніе духа этой молодежи—набора 1855-го года—было въ

достаточной мѣрѣ тревожно. Тревога эта не была связана съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ идейнымъ движеніемъ.

Послѣ разсѣянія кружка молодыхъ гуманистовъ и соціалистовъ, объединенныхъ Петрашевскимъ въ 1848-мъ году, въ жизни молодежи вплоть до шестидесятыхъ годовъ не наблюдается ясно выраженнаго тяготѣнія къ какимъ-нибудь философскимъ или соціальнымъ ученіямъ. Эти ученія исчезаютъ съ каѳедры подъ давленіемъ извнѣ и не собираютъ вольной аудиторіи. Тревога сердецъ опережаетъ на нѣкоторое время тревогу ума. Молодежь ведетъ себя достаточно разгульно и во всѣхъ смыслахъ несдержанно, нарушаетъ школьную дисциплину при всякомъ удобномъ случаѣ, съ преподавателями и профессорами ссорится, съ полиціей дерется—вообще обнаруживаетъ всѣ симптомы раздраженія сердечнаго, волевого и мускульнаго; но нѣтъ указаній на то, чтобы эта сѣрая и временами буйная жизнь молодыхъ людей чередовалась съ методичной и тихой умственной работой въ кружкахъ.

Умственные интересы не регулированы систематической работой, но они, конечно, не отсутствуютъ вполнѣ. Есть люди, которые набрасываются на выдающіяся новинки западной литературы и науки. Эти новинки переводятся иногда по нѣскольку разъ, въ разныхъ мѣстахъ, и въ рукописяхъ распространяются среди школьной молодежи. Книги, какъ говорится, проглатываются и производятъ несомнѣнно большое впечатлѣніе на умы. Но такъ какъ эти книги усвояются не систематично и не становятся предметомъ продолжительнаго обсужденія, то ихъ вліяніе сказывается не столько на образѣ мыслей молодыхъ людей, сколько на ихъ нервномъ возбужденіи. Книга, въ особенности радикальная, полная отрицанія и боевого смысла, покоряя сразу умъ, не даетъ ему много пищи для размышленія, и наоборотъ, даетъ удобный предлогъ для усиленія и безъ того сильнаго чувства раздраженія противъ всѣхъ и всего. Молодой умъ, во власти новыхъ, рѣзко выраженныхъ мыслей, спѣшитъ чѣмъ-нибудь заявить о себѣ и, конечно не въ сферѣ мысли осуществляетъ онъ это желаніе.

Такое неспокойное настроеніе получалось безспорно какъ неожиданный результатъ оффиціальной системы воспитанія.

Система осуждала умъ на бездѣйствіе и дѣлала его, поэтому, очень воспріимчивымъ ко всякой смѣло и рѣзко высказанной мысли. Такая мысль не встрѣчала ни отпора, ни суда, и если къ тому же она являлась мыслью запретной, то успѣхъ ея былъ обезпеченъ. При отсутствіи методичной дисциплины ума подро-

стающее поколѣніе 1848—1855 гг. могло оправдать свою молодость лишь въ кипѣніи чувствъ и въ болѣе или менѣе рѣзкомъ проявлении необузданной воли. Избытокъ молодыхъ силъ тратился не на воспитаніе умовъ и характеровъ, а на повышеніе неопредѣленнаго боевого настроенія и чувства недовольства окружающимъ.

Религіозная тенденція господствующей системы воспитанія была совершенно безсильна вселить какой-либо миръ въ эти тревожныя молодыя души, которыя отъ мертваго катехизиса вѣры и отъ косной обрядовой стороны стали легко переходить къ индифферентизму и безвѣрію, принимавшему различныя формы, отъ грустной думы до громкаго глумленія. Наряду съ этимъ охлажденіемъ къ небесному возростало и озлобленіе на земное.

Масса соціальнаго зла, которое со всѣхъ сторонъ обступало молодыхъ людей, когда они были такъ юношески чутки и легко возбуждаемы, находилась въ полномъ противорѣчіи съ оффиціальнымъ патріотизмомъ. И будущій „нигилистъ", „безбожникъ" и „бунтарь" родился еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, родился тогда, когда торжествующая правительственная система, казалось, исключала всякую возможность его зарожденія.

IX.

И вотъ, въ 1855-мъ году эта правительственная система изжила свой послѣдній день. Если она и отходила въ прошлое спокойно, безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній, если новый царь не упускалъ случая говорить о своемъ желаніи слѣдовать завѣтамъ своего родителя, если остались на своихъ мѣстахъ всѣ столпы старой системы, то все-таки всѣми чувствовалось, что перемѣна курса неизбѣжна. Это ощущеніе приближающейся ломки окрыляло молодежь безбрежными надеждами, и путь, по которому должна была пойти самая нервная и чуткая часть этой молодежи, былъ сразу намѣченъ. Это былъ путь систематическаго и радикальнаго отрицанія всѣхъ устоевъ старой жизни—отрицанія, вытекавшаго изъ недавняго юношескаго задора и озлобленія и теперь разогрѣтаго надеждами на быстрое осуществленіе всѣхъ ожиданій.

Когда говоришь о „молодежи" того или иного поколѣнія, то надо помнить, что она никогда не бываетъ однородна. Въ ней есть элементы горячіе, полутеплые и совсѣмъ вялые, и среди этихъ общихъ группъ существуетъ также масса разновидностей.

То поколѣніе, которое вступало въ жизнь въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, числило въ своей средѣ, конечно, также людей весьма между собой несходныхъ. Было немало такихъ, которые совсѣмъ пассивно отнеслись къ переживаемому моменту и безъ волненія вошли въ колею будничной жизни; были такіе, которые, охваченные тревогой, поволновавшись, скоро успокоились; было нѣсколько такихъ, которые, сразу сознавъ серьезность положенія, принялись за тихую методичную работу въ разныхъ областяхъ знанія, чтобы выработать изъ себя работниковъ и дѣятелей новаго типа; и, наконецъ, были такіе, которые со всею страстью горячихъ головъ и сердецъ отдались моменту и увѣрили самихъ себя, что именно съ ихъ вступленія въ жизнь должна начаться новая эра для личности, семьи и общества.

Пусть въ области литературы, науки, публицистики и въ сферѣ общественной дѣятельности лишь немногіе изъ этихъ „крайнихъ“ оставили замѣтный слѣдъ: это не должно смущать насъ. Надо удивляться, что изъ среды поколѣнія, подроставшаго съ конца сороковыхъ годовъ, могли выйти такіе сильные умомъ и духомъ люди, какъ тѣ первые „шестидесятники“, которые оказали такое рѣшительное вліяніе на настроеніе общества, гдѣ они и ихъ единомышленники составляли меньшинство. Но численная незначительность искупалась въ данномъ случаѣ многими особенностями психической организаціи.

X.

За этими рѣшительными молодыми людьми была сила—сила воли и настроенія, сила жажды дѣла и подвига. Нужно было, однако, найти для этой силы планомѣрную работу и болѣе или менѣе ясно установленную цѣль.

Задача была непомѣрно трудная для людей, которые не прошли серьезной школы мысли и школы жизни.

Думать, что это поколѣніе будетъ терпѣливо ожидать приказаній и указаній сверху, что оно пойдетъ по торнымъ дорогамъ государственной „службы“ и предоставитъ свои силы всецѣло въ распоряженіе начальства—было бы наивно. Помириться съ рутиной, да еще сохранявшей всю внѣшность стараго режима, передовая молодежь, конечно, не могла, и первое, надъ чѣмъ она должна была подумать, это—надъ возможностью послужить своей родинѣ на какихъ-либо иныхъ постахъ, чѣмъ тѣ, которые были узаконены обычаемъ и закономъ. Найти такіе посты было дѣломъ

труднѣйшимъ. Напряженное раздумье надъ вопросомъ—куда дѣть свои молодыя силы, чтобы не расходовать ихъ по пустякамъ,—становилось источникомъ новой тревоги и затѣмъ новаго раздраженія, тѣмъ болѣе остраго, что во всѣхъ уголкахъ жизни чувствовалась потребность въ неотложной работѣ.

Сознаніе своей неподготовленности и умственной отсталости давало, къ тому же, себя знать; возникла необходимость одновременно работать и надъ самимъ собою, и надъ задачей, поставленной историческимъ моментомъ. Скоро, даже слишкомъ скоро эти молодые люди пришли къ рѣшительному выводу, что со всей стариной должно радикально покончить, что надо воспитать и образовать совсѣмъ новыя личности, вооружить ихъ новымъ знаніемъ, придумать для нихъ новыя формы личной и семейной жизни, чтобы они могли уже сами создать новыя формы жизни общественной. На воспитаніе и образованіе такихъ „новыхъ“ людей и ушли, въ шестидесятыхъ годахъ, духовныя силы радикальной группы.

Но въ первые годы новаго царствованія такая радикальная программа еще не была выработана, и молодые люди разнаго темперамента и разной умственной чуткости смотрѣли на зарю восходящей жизни, при всей смѣлой радости сердца, съ чувствомъ нѣкоторой растерянности. Имъ нуженъ былъ вождь, на первыхъ порахъ хотя бы идейный, который помогъ бы имъ распутаться въ той массѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, которые создались вдругъ и ихъ обступили.

Но къ кому было имъ обратиться въ 1855-мъ году? Изъ ихъ собственной среды учителя еще не выдѣлились; переводная рукописная книга была рѣдкостью и роскошью и, кромѣ того, трактовала лишь о самыхъ общихъ вопросахъ; люди, которые ихъ окружали, даже самые выдающіеся, могли сказать имъ лишь то, что они уже знали; никакая политическая мысль пока въ журналистику не проникала; литература говорила о томъ, что было, а не о томъ, что должно быть.

Примкнуть къ славянофиламъ эти горячія головы не могли въ виду полнаго несогласія въ оцѣнкѣ основныхъ началъ—религіознаго и патріотически-государственнаго. Идти за людьми либеральной западнической окраски имъ мѣшало ихъ хладнокровное отношеніе къ философской, эстетической и научной идеологіи; притомъ по темпераменту они совсѣмъ не сходились со старшими своими братьями и отцами. А кромѣ славянофиловъ и западниковъ разной окраски, въ самомъ началѣ новаго царствованія въ Россіи не было иныхъ „учителей“, которые имѣли бы что сказать

подростающему поколѣнію, за исключеніемъ, конечно, лицъ, которыя могли имъ преподнести прописныя истины умѣренности и аккуратности.

Былъ, впрочемъ, одинъ человѣкъ, который давно уже пользовался извѣстностью, какъ человѣкъ вполнѣ независимый въ своихъ взглядахъ и какъ непримиримый врагъ стараго порядка.

Къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ имя Герцена не было, еще окружено тѣмъ ореоломъ, который легъ вокругъ него позднѣе, но объ этомъ вольномъ изгнанникѣ всѣ помнили и его статьи и книги были живы въ памяти.

Къ Герцену къ первому обратилась либеральная и радикальная молодежь съ мучившими ее вопросами. Въ книгахъ и листкахъ, которые Герценъ началъ издавать съ 1855-го года въ Лондонѣ, молодые люди стали искать того духовнаго и практическаго руководства, котораго не могла дать ни легальная книга, ни гласно произнесенное слово.

Первый вождь радикализма былъ быстро найденъ. Но могъ ли онъ надолго остаться на этомъ посту?

Несторъ Котляревскій.

ЮБИЛЕЙ СЕНАТА

Двухсотлѣтіе Сената, несмотря на торжественность его оффиціальнаго чествованія, вызвало мало сочувственныхъ отголосковъ въ обществѣ и въ независимой печати. И это вполнѣ понятно: каковы бы ни были историческія заслуги учрежденія, отношеніе къ нему, въ каждую данную минуту, опредѣляется преимущественно его настоящимъ и недавнимъ прошлымъ. Только этой стороны дѣла мы и коснемся, не вдаваясь въ глубь временъ, достаточно освѣщенную многочисленными юбилейными статьями.

Пишущему эти строки Сенатъ былъ близко знакомъ уже въ ранней молодости. Въ то время, т.-е. въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, въ Сенатѣ совершалось радикальное обновленіе личнаго состава. Главнымъ его факторомъ служило училище правовѣдѣнія, теперь существующее только по инерціи, безъ всякой raison d'être, но въ первыя десятилѣтія своей жизни оказавшее русскому правосудію большія услуги. Раньше всего это стало замѣтно именно въ Сенатѣ. Въ сороковыхъ годахъ Сенатъ, по умственному и нравственному уровню служащихъ, стоялъ отнюдь не выше другихъ присутственныхъ мѣстъ. Въ сенатскихъ канцеляріяхъ взяточничество принимало нѣсколько болѣе приличныя формы, чѣмъ въ описанныхъ Гоголемъ судахъ и палатахъ, но въ сущности достигало такихъ же чудовищныхъ размѣровъ. Сенаторы не были въ немъ непосредственно повинны, но, мало свѣдущіе въ законахъ, вовсе не приготовленные— за рѣдкими исключеніями — къ трудной судейской работѣ, часто болѣзненные и дряхлые, они не имѣли ни способности, ни охоты провѣрять доклады, представляемые канцеляріей. Въ это застоявшееся болото массу молодой энергіи и добрыхъ намѣреній внесли правовѣды, значительное большинство которыхъ поступало, по окончаніи курса, именно въ Сенатъ. Канцеляріи скоро стали неузнаваемыми, въ осо-

бенности послѣ того какъ правовѣды первыхъ выпусковъ, быстро подвигаясь впередъ, заняли во многихъ департаментахъ мѣста не только оберъ-секретарей, но и оберъ-прокуроровъ. Нѣсколько позже, и въ гораздо меньшей степени, измѣнился и составъ сенаторовъ. Далеко не потерялъ силу прискорбный обычай назначать сенаторами людей, никогда не соприкасавшихся съ примѣненіемъ законовъ; но тѣмъ не менѣе все чаще и чаще въ средѣ сенаторовъ стали появляться образованные юристы. Кто соприкасался съ сенатскими дѣлами и слышалъ о нихъ чуть не ежедневно подробные разсказы, тому нельзя было смотрѣть на Сенатъ иначе, какъ съ уваженіемъ, хотя въ то же время нельзя было не видѣть, насколько вредитъ его дѣятельности отсутствіе устности и гласности. Если въ тѣ годы, когда готовилась великая судебная реформа, голосъ пессимистовъ, предвѣщавшихъ ей неудачу изъ-за „недостатка людей", звучалъ одиноко и не-авторитетно, если большинство юристовъ относилось къ ней, наоборотъ, съ довѣріемъ и надеждой, то это зависѣло, между прочимъ, именно отъ знакомства съ тѣмъ, что было въ короткое время, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, достигнуто Сенатомъ. Въ Сенатѣ запаслись знаніемъ и опытомъ многіе изъ числа составителей судебныхъ уставовъ (достаточно назвать Буцковскаго, Стояновскаго, Ровинскаго); черезъ Сенатъ прошло большинство первыхъ ихъ исполнителей. И дѣйствительно: занявъ, въ лицѣ кассаціонныхъ департаментовъ, верхнюю ступень обновленной судебной іерархіи, Сенатъ сразу оказался на высотѣ положенія. Кто былъ свидѣтелемъ первыхъ шаговъ новаго суда, быстро снискавшихъ ему сочувствіе массы и почетную для него ненависть ничтожнаго меньшинства, тотъ помнитъ, что немаловажную роль сыгралъ при этомъ и Сенатъ. Въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ засѣдали Арцимовичъ, Буцковскій, Зубовъ, Стояновскій; въ гражданскомъ департаментѣ выдавались Любощинскій, Плавскій, Побѣдоносцевъ, тогда еще вѣрный истинному своему призванію. Заключенія обоихъ первыхъ оберъ-прокуроровъ—М. Е. Ковалевскаго и Д. Г. фонъ-Дервиза—могли служить образцами безпристрастія и судейской мудрости; первоприсутствующіе подавали примѣръ уваженія къ свободѣ слова. Никогда, ни прежде, ни послѣ, авторитетъ Сената, какъ верховнаго суда, не стоялъ до такой степени внѣ всякаго сомнѣнія и спора.

Гораздо меньше, чѣмъ судебная реформа, отразились на Сенатѣ другія преобразованія той же эпохи; но и они прошли для него далеко не безслѣдно. Отъ дѣлъ, возникавшихъ на почвѣ положеній 19-го февраля, Сенатъ стоялъ, вообще, въ сторонѣ, пока существовалъ Главный комитетъ по дѣламъ сельскаго состоянія; но Сенату съ самаго начала было предоставлено утвержденіе и увольненіе мировыхъ

посредниковъ. Предполагалось, что гарантіей самостоятельности вновь созданнаго института будетъ служить независимость учрежденія, подъ надзоръ котораго онъ былъ поставленъ. Если это предположеніе оправдалось не вполнѣ, причину тому слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ обстоятельствахъ, независѣвшихъ отъ Сената; припомнимъ, напримѣръ, такъ называемое сокращеніе мировыхъ участковъ, съ помощью котораго министерству внутреннихъ дѣлъ удалось освободиться отъ многихъ неугодныхъ ему должностныхъ лицъ... Въ такое же отношеніе къ Сенату, какъ и мировые посредники, были поставлены, нѣсколько лѣтъ спустя, мировые судьи. Коснулись Сената, далѣе, реформы земская и городская, предоставившія ему высшій контроль надъ законностью дѣйствій земскихъ и городскихъ учрежденій. Небывалые прежде размѣры получилъ, около этого времени, надзоръ Сената (по первому департаменту) и надъ министерствами и главными управленіями. Расцвѣтъ этой отрасли сенатской дѣятельности наступилъ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда, съ одной стороны, особенно быстро стала расти сфера административнаго усмотрѣнія, а съ другой — руководство занятіями перваго департамента перешло въ твердыя руки В. А. Арцимовича, стойко выдерживавшаго натискъ администраціи и реакціонной печати, съ „Московскими Вѣдомостями“ во главѣ. И при Катковѣ, и послѣ Каткова противъ „фортеціи правды“, защищаемой Арцимовичемъ, велась ожесточенная атака, побѣждавшая иногда въ частностяхъ, но не достигавшая своей главной цѣли. Какое было тогда время — это слишкомъ хорошо извѣстно: тѣмъ болѣе характерно, что по отношенію къ Сенату не было пущено въ ходъ ни одно изъ тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ можно было сломить самое законное сопротивленіе. Арцимовичъ оставался на своемъ посту болѣе десяти лѣтъ сряду, почти до самой смерти, да и послѣ него традиціи, имъ созданныя, не сразу потеряли свою силу: достойнымъ его преемникомъ былъ А. Д. Шумахеръ. Понятно, что въ періодъ подготовки положенія о земскихъ начальникахъ усердно пропагандировалась мысль о совершенномъ изъятіи новыхъ судебно-административныхъ учрежденій изъ вѣдѣнія Сената, съ подчиненіемъ ихъ исключительно власти министерства внутреннихъ дѣлъ. Это удалось не вполнѣ: нѣкоторый контроль надъ губернскими присутствіями былъ предоставленъ Сенату (по второму департаменту), но при такихъ условіяхъ, при которыхъ онъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, могъ быть только номинальнымъ.

Въ какой степени отразилось на Сенатѣ вліяніе поворота, постепенно, начиная со второй половины восьмидесятыхъ годовъ, совершавшагося въ нравахъ судебнаго вѣдомства—это въ настоящее время не поддается точному опредѣленію. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что высшаго

суда, пополняемаго изъ среды прокуратуры и судебныхъ палатъ, не могли не коснуться новыя вѣянія, зародившіяся въ министерство Н. А. Манасеина (1885—93) и значительно усилившіяся въ министерство Н. В. Муравьева (1894—1904); но подтвердить предположеніе фактами можно будетъ только тогда, когда сойдутъ со сцены дѣйствующія лица и будутъ оглашены мемуары, составляемые или хранимые теперь въ тиши судейскихъ и адвокатскихъ кабинетовъ. Несомнѣнно одно: традиціи первыхъ временъ обновленнаго суда не могли не померкнуть подъ давленіемъ привычки, такъ легко обращающейся въ рутину. Ничто не противодѣйствовало ея разлагающимъ внушеніямъ. Въ правительственныхъ сферахъ царилъ застой, переходившій, по временамъ, въ рѣшительную реакцію; въ обществѣ, ближайшемъ къ суду, было мало освѣжающихъ теченій. Бывали, однако, случаи, когда Сенатъ давалъ отпоръ несправедливымъ преслѣдованіямъ, распространительному толкованію разныхъ „временныхъ" правилъ: таковы, напримѣръ, нѣкоторыя рѣшенія по дѣламъ штундистовъ или штундобаптистовъ, состоявшіяся въ концѣ XIX-го или началѣ XX-го вѣка. Больше, чѣмъ уголовный кассаціонный, измѣнился, по видимому, первый департаментъ — но эта перемѣна не бросалась въ глаза, потому что мало возникало тогда, въ данной области, сенсаціонныхъ вопросовъ. Еслибы юбилей Сената совпалъ съ тихими, сонными—по наружности—годами, непосредственно предшествовавшими началу освободительнаго движенія, онъ не вызвалъ бы шумныхъ заявленій симпатіи и благодарности, но не возбудилъ бы и того горькаго чувства, для котораго, по весьма понятнымъ причинамъ, не нашлось выраженія въ торжественные дни, но которое незачѣмъ скрывать теперь, когда опять наступили сенатскіе будни.

По истинѣ несчастной для Сената была та минута, когда кабинету П. А. Столыпина, вслѣдъ за роспускомъ первой Думы, пришло на мысль обратиться къ Сенату за интерпретаціей важнѣйшихъ государственныхъ актовъ. Напомнимъ, что уже въ это время шла сильная агитація за внѣ-легальную отмѣну избирательнаго закона. Сразу рѣшиться на столь крутую мѣру было трудно; избранъ былъ другой путь, менѣе вѣрный, но болѣе удобный. Отъ Сената были испрошены и получены толкованія, исключавшія изъ числа избирателей многочисленныя категоріи лицъ, мало надежныхъ съ правительственной точки зрѣнія. Въ свое время мы представили подробный разборъ относящихся сюда сенатскихъ рѣшеній, предпославъ ему соображенія, въ силу которыхъ болѣе чѣмъ спорнымъ является самое право Сената на толкованіе положенія о выборахъ въ Государственную Думу. Не повторяя всего сказаннаго тогда [1]), остановимся только на одномъ

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1906 г.

вопросѣ, особенно важномъ. На основаніи статьи 17-й положенія 11-го декабря 1905-го года съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей составляли выборные отъ волостныхъ сходовъ, избираемые изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости. Къ составу сельскаго общества несомнѣнно принадлежатъ *всѣ* приписанные къ обществу крестьяне. Никакого различія между крестьянами-домохозяевами и не-домохозяевами ст. 17 и 40 общаго положенія 19-го февраля 1861-го года не установляютъ; для избранія въ члены волостного схода ст. 71-ая того же положенія не требуетъ принадлежности къ числу домохозяевъ. Никакого основанія для ограниченія правъ крестьянъ не-домохозяевъ не давало и положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Мысль законодателя заключалась въ томъ, чтобы сохранить за крестьянскими выборами характеръ сословный—а въ составъ крестьянскаго сословія входятъ всѣ къ нему приписанные и формально изъ него не вышедшіе. Между тѣмъ, по разъясненію Сената право на участіе въ выборахъ оказалось принадлежащимъ только крестьянамъ-домохозяевамъ. Чтобы судить о томъ, на сколько существенна была перемѣна, произведенная этимъ разъясненіемъ въ составѣ избирателей, достаточно вспомнить, что именно изъ среды крестьянъ-недомохозяевъ вышли нѣкоторые выдающіеся ораторы первой Государственной Думы... Трудно отрѣшиться отъ мысли о тенденціозности толкованія, мало соотвѣтствующаго смыслу закона, но за то очень благопріятнаго для цѣлей, къ которымъ тогда стремилось министерство. То же самое можно сказать о толкованіи, устранившемъ отъ участія въ землевладѣльческихъ съѣздахъ крестьянъ, купившихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. Правда, составъ второй Думы не оправдалъ ожиданій, которыя соединялись съ разъясненіями Сената; но значеніе акта опредѣляется, въ подобныхъ случаяхъ, его содержаніемъ, а не конечнымъ его результатомъ.

За первыми толкованіями, прямо врѣзывавшимися въ государственную и общественную жизнь, послѣдовалъ рядъ другихъ, иногда отвѣчавшихъ на запросы правительства, иногда являвшихся послѣднимъ словомъ въ томъ или другомъ частномъ дѣлѣ, но сходныхъ между собою по характеру и направленію. Для нашей цѣли достаточно указать на опредѣленія, которыми разъяснены правила объ обществахъ и союзахъ. Одно изъ нихъ, имѣвшее послѣдствіемъ закрытіе всѣхъ обществъ „избирателей и обывателей“, слишкомъ хорошо еще всѣмъ памятно; о немъ не разъ шла рѣчь и въ нашемъ журналѣ. Не дальше какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, въ Сенатѣ разсматривался протестъ московскаго градоначальника на постановленіе московскаго городского по дѣламъ объ обществахъ присутствія, которымъ былъ за-

регистрованъ уставъ общества: „Українська хата“ [1]). Основанiемъ для протеста служили прежнiя опредѣленiя Сената, по дѣламъ украинскаго общества „Просвіта“ и польскаго общества „Освята“, а также циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, указывавшiй на несоотвѣтствiе между русскими государственными задачами и образованiемъ обществъ, преслѣдующихъ узкiя нацiонально-политическiя цѣли. Объединенiе на почвѣ такихъ нацiональныхъ интересовъ ведетъ, по мнѣнiю министра, къ усугубленiю нацiональной обособленности и розни и можетъ вызвать послѣдствiя, угрожающiя общественному спокойствiю и безопасности. Въ томъ же смыслѣ дано было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ заключенiе по дѣлу „Українськой хаты“. Хотя ближайшей цѣлью общества—сказано въ этомъ заключенiи—и служитъ матерiальная поддержка, но, очевидно, главными являются культурныя цѣли; „между тѣмъ, такая цѣль для украинскаго общества, съ точки зрѣнiя русской государственной власти, представляется крайне нежелательной и противорѣчитъ всѣмъ начинанiямъ, которыя правительство проводитъ по отношенiю къ бывшей Украйнѣ. ...Нацiональныя и политическiя стремленiя настолько тѣсно связаны между собою въ украинскомъ движенiи, что разграниченiе ихъ является совершенно невозможнымъ, и въ наши государственныя задачи во всякомъ случаѣ не можетъ не входить устраненiе искусственной розни среди вполнѣ одноплеменныхъ народностей“. По этимъ соображенiямъ министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что „учрежденiе въ Москвѣ общества „Українська хата“ не подлежитъ разрѣшенiю, какъ стремящееся къ достиженiю узко-нацiональныхъ цѣлей и потому угрожающее общественному порядку и безопасности“. Сенатъ согласился съ московскимъ градоначальникомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, обществу отказано въ утвержденiи не потому, чтобы въ его задачахъ было усмотрѣно что-либо прямо несовмѣстное съ общественнымъ спокойствiемъ и порядкомъ, а потому, что *культурныя цѣли*, къ которымъ оно хотѣло стремиться, „крайне нежелательны съ точки зрѣнiя русской государственной власти“. Другими словами, для отказа въ разрѣшенiи достаточно признать опасными возможные, гадательные, отдаленные результаты дѣятельности общества. Неужели такое толкованiе вытекаетъ изъ смысла ст. 6-ой правилъ 4-го марта 1906-го года, по которой „воспрещаются общества, преслѣдующiя цѣли, угрожающiя общественнымъ спокойствiю и безопасности“? Неужели неясно, что угроза должна быть па лицо въ настоящемъ, а не въ неопредѣленномъ будущемъ? Этого мало: ближайшей цѣлью „Українськой хаты“, какъ видно изъ заключенiя министерства, была „матерiальная под-

---

[1]) См. „Право“, № 9.

держка"; существованіе другихъ, культурныхъ цѣлей выведено, слѣдовательно, изъ общаго духа устава, а не изъ точныхъ, не возбуждающихъ сомнѣнія его выраженій. И какимъ образомъ, наконецъ, *культурныя цѣли* могутъ угрожать кому бы то ни было и чему бы то ни было?... Противъ общества, дѣятельность котораго выходитъ за предѣлы его устава, или, тѣмъ болѣе, угрожаетъ общественному спокойствію и безопасности, администрація вооружена достаточно сильными средствами, указанными въ ст. 34 и слѣд. правилъ 4-го марта. Нѣтъ, поэтому, ни надобности, ни права угадывать намѣренія учредителей общества, читать въ ихъ сердцахъ, принимать мѣры предосторожности противъ возможной, въ будущемъ, опасности. Не даромъ же составители правилъ 4-го марта установили для регистраціи обществъ не разрѣшительный, а явочный порядокъ, суть котораго состоитъ именно въ устраненіи всякихъ догадокъ и произвольныхъ предположеній. Правильно примѣняемыя, правила 4-го марта, несмотря на все ихъ несовершенство, обезпечили бы хоть въ нѣкоторой степени обѣщанную манифестомъ 17-го октября свободу союзовъ; разъясненныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Сенатомъ, они ее стѣсняютъ и часто обращаютъ въ пустое слово.

Мы говорили до сихъ поръ о первомъ департаментѣ Сената; но не на немъ одномъ отразились событія послѣднихъ пяти лѣтъ. Не прежними глазами смотритъ значительная часть общества и на уголовный кассаціонный департаментъ. Не забытъ до сихъ поръ, по прошествіи двухъ лѣтъ, во многихъ отношеніяхъ характерный процессъ Лопухина; не забыты и нѣкоторыя разъясненія тѣхъ статей уголовнаго уложенія, которыя относятся къ политическимъ преступленіямъ. Остановимся только на одномъ дѣлѣ, обратившемъ на себя, въ свое время, общее вниманіе. Въ 1908-мъ году саратовскою судебною палатою присужденъ былъ къ тюремному заключенію А. М. Колюбакинъ, состоявшій въ то время членомъ третьей Государственной Думы (отъ второй куріи города Петербурга) и принадлежавшій къ партіи народной свободы. Серьезность приговора обусловливалась въ особенности тѣмъ, что онъ могъ повлечь—и дѣйствительно повлекъ—за собою исключеніе А. М. Колюбакина изъ числа членовъ Думы. Понятно, съ какимъ интересомъ ожидалось рѣшеніе Сената по кассаціонной жалобѣ, принесенной на приговоръ палаты. Одно изъ процессуальныхъ нарушеній, указанныхъ въ жалобѣ, не подлежало никакому сомнѣнію и должно было, по видимому, привести къ отмѣнѣ приговора: не были прочитаны и, слѣдовательно, не были приняты во вниманіе при постановленіи приговора полицейскіе протоколы о собраніяхъ, на которыхъ А. М. Колюбакинымъ были признесены рѣчи, подавшія поводъ къ уголовному преслѣдованію. Причиной отказа въ

прочтеніи протоколовъ была сенатская практика, въ силу которой не подлежатъ прочтенію акты полицейскаго дознанія; но съ такими актами протоколы собраній, происходившихъ на основаніи правилъ 4-го марта 1906-го года, не имѣютъ, очевидно, ничего общаго. Это призналъ и Сенатъ—и тѣмъ не менѣе оставилъ жалобу безъ послѣдствій, потому что во время предварительнаго слѣдствія не было заявлено ходатайства о пріобщеніи ихъ къ слѣдственному дѣлу. Между тѣмъ, ничто не даетъ права утверждать, что упущенное на предварительномъ слѣдствіи не можетъ быть пополнено на судѣ. На оборотъ, ст. 629 уст. угол. суд., разрѣшающая подсудимымъ представлять, во время судебнаго слѣдствія, имѣющіеся у нихъ документы, доказываетъ съ полною ясностью, что при рѣшеніи дѣла могутъ быть принимаемы въ соображеніе и такія бумаги, которыя не вошли въ составъ слѣдственнаго производства. Въ данномъ случаѣ протоколы были составлены вслѣдъ за окончаніемъ собраній—а свидѣтельскія показанія о происходившемъ на собраніяхъ были даны годъ или болѣе спустя; сличеніе послѣднихъ съ первыми могло, поэтому, сослужить большую службу при установленіи и оцѣнкѣ фактической стороны обвиненія... Разбирая, въ свое время, этотъ прискорбный случай, мы выразили убѣжденіе, что менѣе всего формальное отношеніе къ дѣлу умѣстно тогда, когда рѣчь идетъ не только о кратковременномъ лишеніи свободы, но и о безсрочной потерѣ правъ, особенно дорогихъ для общественнаго дѣятеля. При этомъ взглядѣ мы остаемся и теперь.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы объяснить двойственное отношеніе къ сенатскому юбилею. Четверть вѣка тому назадъ роли распредѣлились бы совершенно иначе: холодность или даже враждебность Сенатъ встрѣтилъ бы со стороны нынѣшнихъ его панегиристовъ—и на оборотъ. Тогда Сенатъ стоялъ внѣ политическихъ теченій; теперь этого о немъ сказать нельзя... Обратимся отъ настоящаго къ будущему. Фундаментъ, созданный судебными уставами для кассаціонныхъ департаментовъ, такъ твердъ, такъ проченъ, что поколебать его не могли даже событія послѣднихъ лѣтъ. Стоитъ только наступить условіямъ, болѣе благопріятнымъ для правосудія, стоитъ только измѣниться теченіямъ, идущимъ извнѣ и проникающимъ во всѣ оффиціальныя сферы—и, въ сравнительно короткое время, отправленіе судебныхъ функцій можетъ вновь стать на тѣ рельсы, на которые поставили его дѣятели шестидесятыхъ годовъ. Въ иномъ положеніи находится первый департаментъ Сената. Здѣсь недостаточно перемѣны настроенія; необходимо коренное преобразованіе устройства и порядковъ. Въ составѣ Сената долженъ быть образованъ административный судъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова—самостоятельный не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, одинаково оберегающій права власти

и частныхъ лицъ, чуждый канцелярской тайны, открытый для сторонъ, свободный отъ ничѣмъ не оправдываемыхъ проволочекъ. Въ такомъ судѣ не будетъ мѣста ни для министерскихъ заключеній, ни для согласительныхъ предложеній, ни для множества инстанцій. Всеподданнѣйшія жалобы, переходы дѣла въ общее собраніе, на консультацію, въ первый департаментъ Государственнаго Совѣта—все это должно отойти въ прошедшее и для административно-судебныхъ дѣлъ, какъ давно уже отошло туда для дѣлъ судебныхъ. Конечно, такая реформа встрѣтитъ сильнѣйшее сопротивленіе со стороны учрежденій и лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи statu quo; но рано или поздно она совершится, потому что этого требуетъ благо обновляющагося государства и пробуждающагося къ жизни народа. Когда-нибудь, быть можетъ, Сенатъ, въ качествѣ верховнаго суда, получитъ право, при рѣшеніи частныхъ дѣлъ, провѣрять конституціонность законовъ, какъ это дѣлаетъ верховный судъ въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; но въ ближайшемъ будущемъ о предоставленіи Сенату какой бы то ни было политической роли могутъ мечтать только невѣжественные фанатики, не мирящіеся съ мыслью о независимомъ, никому не подвластномъ народномъ представительствѣ. Только въ ихъ умѣ можетъ возникать мысль о Сенатѣ, какъ о „третьей палатѣ", какъ о „сверхъ-правительствѣ", которое было бы облечено правомъ „призывать парламентъ къ порядку", какъ о „государственной коллегіи, вырабатывающей руководящіе взгляды и сообразно съ ними направляющей высшія государственныя установленія", какъ объ учрежденіи, „берегущемъ завѣты исторіи, завѣты расы, занятомъ высшею національною государственностью". Такое „сверхъ-правительство" предполагало бы существованіе „сверхъ-людей", которыхъ, еслибы они и существовали, всего меньше можно было бы искать среди ветерановъ государственной службы. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы вознести Сенатъ на головокружительную высоту, а въ томъ, чтобы создать нормальныя условія для нормальной дѣятельности высшаго суда.

К. Арсеньевъ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ

I.

Въ 1797-мъ году Павелъ I предписалъ затребовать отъ минскаго губернатора, „по выслушаніи мнѣнія дворянства“, „изъясненіе причинъ бѣднаго крестьянъ состоянія, съ изысканіемъ средствъ къ исправленію онаго“. Въ отвѣтъ послѣдовало „мнѣніе“ маршаловъ—предводителей дворянства Минской губерніи. Послѣ нѣсколькихъ фразъ о скудости почвы, о неурожаяхъ, падежѣ скота и пр., маршалы писали: „при сихъ несовершенствахъ *вящшею еще причиною суть евреи...*, которые безъ собственнаго труда проживая съ немалыми семействами въ селеніяхъ, и послѣднее съ крестьянъ разными свѣдомыми имъ средствами высасываютъ, а именно: дачею вина крестьянамъ въ долгъ, приводящаго ихъ къ пьянству, ложными напастями и разными поступками, чѣмъ крестьянъ приводятъ въ убожество и неспособными дѣлаютъ къ хозяйствованію“.

Въ этихъ краткихъ строкахъ — первая формула общественнаго антисемитизма въ Россіи. Найдено магическое слово, и найдено такъ удачно, что въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ повторяется донынѣ, съ тѣми или иными варіантами, не мѣняющими сути дѣла. Вопросъ поставленъ, и руководители русской политики акцептировали постановку.

Вслѣдъ за минскими заговорили дворяне другихъ губерній и областей—подольскіе, волынскіе, литовскіе. Въ практическихъ выводахъ не всѣ согласны были между собой. Но въ одномъ сходились всѣ: „вящшею суть причиною евреи“. И еще въ одномъ сходились они: нужна сугубая охрана *помѣщичьихъ* правъ и интересовъ.

Оба эти мотива—еврейское „засилье“ и необходимость оградить помѣщичьи права—красной нитью проходятъ чрезъ всю литературу дворянскихъ „мнѣній“ того времени. Нераздѣльно, органически связываясь между собой, эти мотивы отражаются и въ докладахъ министра-поэта Державина, этого перваго идеолога русскаго антисемитизма, накладываютъ отчетливый отпечатокъ на первое „Положеніе о евреяхъ“ (1804 г.) и слагаются въ цѣлую систему *дворянскаго* антисемитизма.

Еврейскій вопросъ былъ, такимъ образомъ, поставленъ въ дворянскомъ освѣщеніи. Собственно говоря, это былъ не самостоятельный и въ сущности даже и не „еврейскій“ вопросъ. Евреи, какъ таковые,

врядъ ли кого интересовали. Вопросъ о нихъ возникъ попутно. Это былъ не еврейскій вопросъ, а *анти-еврейскій отвѣтъ на крестьянскій вопросъ*.

Тема была—крестьяне. О нихъ, а не о евреяхъ шла рѣчь. Скажемъ точнѣе: о крестьянахъ и о помѣщикахъ. По существу это былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Но такая постановка была неудобна и неугодна. И вопросъ свели къ евреямъ. И не простымъ случаемъ было, что тотъ же Державинъ, который былъ застрѣльщикомъ и идеологомъ антисемитской кампаніи того времени, принадлежалъ къ числу самыхъ ярыхъ противниковъ даже тѣхъ робкихъ полумѣръ, направленныхъ къ ограниченію крѣпостного права, которыя намѣчались въ первые годы царствованія Александра I.

Извѣстна роль евреевъ въ деревенской жизни того времени: ихъ руками дворянство эксплуатировало крестьянъ. Евреи были губкой; выжимали эту губку помѣщики. Но въ то время какъ роль евреевъ бросалась въ глаза, дворянство оставалось въ тѣни. И когда всталъ вопросъ: кто виноватъ?—отвѣтъ былъ единодушенъ: евреи. Крѣпостникъ, прячущійся за спину еврея,—вотъ кто былъ вдохновителемъ анти-еврейскихъ мѣръ, вотъ кто былъ, если можно такъ выразиться, авторомъ еврейскаго вопроса въ его традиціонной постановкѣ.

Идея не блистала оригинальностью. Она выросла на почвѣ многовѣковой традиціи стараго польско-литовскаго государства; да и туда она была занесена—вмѣстѣ съ массовымъ переселеніемъ евреевъ—изъ Западной Европы. И здѣсь, и тамъ евреи разсматривались какъ средство, какъ орудіе, какъ подспорье—для тѣхъ или иныхъ сословій, для правительства, для „коренного населенія". Извѣстно классическое выраженіе, которое мы находимъ въ статутѣ короля Казиміра: „евреи должны имѣть всѣ средства къ накопленію денегъ, чтобы въ случаѣ надобности могли удѣлить часть ихъ на пользу государства". Формы использованія мѣнялись; сперва на евреевъ смотрѣли какъ на прибыльную статью дохода, впослѣдствіи изъ нихъ стали извлекать и чисто политическую прибыль, но подспорьемъ они были и остаются понынѣ.

Въ Россіи дворяне сказали въ этомъ отношеніи лишь первое слово. На протяженіи ста слишкомъ лѣтъ прибавлялись новыя слова. Но постоянно слова о евреяхъ произносились на тему о чемъ-либо иномъ, о чьихъ-либо постороннихъ интересахъ и выгодахъ. Вслѣдъ за дворянами и рядомъ съ ними выступили на сцену и другіе сословія, слои, группы и клики. Появились челобитныя и слезницы городскихъ сословій; они жаловались на конкурренцію евреевъ, плакались на то, что еврейскіе ремесленники и купцы отбиваютъ хлѣбъ у „коренного" населенія, подрываютъ христіанское ремесло и торговлю, разоряютъ

христіанскій торгово-промышленный классъ. Невидимо, но вѣско дали о себѣ знать интересы администраціи, особенно мѣстной, быстро сообразившей всю ту выгоду, которую можно извлечь изъ идеи вредоносности еврейскаго населенія, изъ безправнаго положенія еврейской массы, всецѣло зависящей отъ произвола полицейской власти. Выдвинулись интересы чисто политическіе, столь ярко проявившіеся въ послѣднія десятилѣтія, въ эпоху широкаго развитія освободительнаго движенія: выгодно было поставить все это движеніе на еврейскій счетъ. Легенда о „еврейской революціи“ нашла себѣ благопріятную почву. И такъ далѣе.

Въ нашу задачу не входитъ изображеніе и анализъ всего сложнаго переплета разнообразнѣйшихъ интересовъ и выгодъ, подъ давленіемъ которыхъ прибавлялись все новые пункты къ обвинительному акту, составленному противъ евреевъ, и въ видѣ своего рода равнодѣйствующей велась борозда анти-еврейской политики. Намъ важно отмѣтить одно: идея виновности евреевъ пристегивалась ко всему, была суррогатомъ всѣхъ и всяческихъ отвѣтовъ на неудобные вопросы. Еврея отбрасывали, когда нужно было, привлекали, когда это казалось почему-либо выгоднымъ; имъ побивали противника, имъ швырялись, какъ мячомъ, въ сложной политической игрѣ. Эта игра лишь въ неполной мѣрѣ вынесена изъ-за кулисъ на Божій свѣтъ, но достаточно и того, что мы знаемъ.

II.

Что должны были бы собственно означать слова: „еврейскій вопросъ“? Казалось бы, это вопросъ о томъ, какъ должна быть устроена жизнь евреевъ, какъ удовлетворить интересы еврейской массы, согласуя ихъ, конечно, съ интересами широкаго цѣлаго, въ составъ котораго она входитъ. Мы видѣли, что на дѣлѣ это было не такъ. На дѣлѣ „еврейскій вопросъ“ стоялъ иначе: какъ *использовать* евреевъ.

Само собою понятно, что при этомъ долженъ былъ все же возникнуть и вопросъ о самихъ евреяхъ: какъ же съ ними самими быть? Просто логически онъ не могъ не возникнуть. Но движущій рычагъ политическаго и всякаго прочаго интереса заключался, конечно, не въ этомъ вопросѣ, а въ томъ, „какъ использовать“. Ибо здѣсь-то была (и есть понынѣ) настоящая реальная заинтересованность опредѣленныхъ общественныхъ (и анти-общественныхъ) силъ. Вполнѣ понятно, что эта заинтересованность сообщила русской политикѣ въ еврейскомъ вопросѣ—при всѣхъ ея частичныхъ зигзагахъ—извѣстную общую выдержанность, устойчивость метода.

Интересно отмѣтить одно обстоятельство. Еслибы кто-либо рѣ-

шился принять на вѣру всѣ тѣ страхи, которые въ такомъ изобиліи наговорены про евреевъ, все то, что говорилось и писалось объ ихъ вліяніи, сплоченности, всемогуществѣ и пр., то онъ долженъ былъ бы получить впечатлѣніе о еврействѣ, какъ общественной силѣ исключительно крупнаго калибра. А между тѣмъ—такова уже парадоксальность ситуаціи—самая склонность къ „пользованію" евреями, какъ орудіемъ, подспорьемъ или ширмой, самая склонность взводить на нихъ всякіе поклепы—и въ томъ числѣ тотъ, о которомъ мы только что упомянули,—создалась въ значительной мѣрѣ именно потому, что въ еврействѣ не чувствовалось никакой общественной силы. Потому-то (или во всякомъ случаѣ отчасти потому) еврей и не вызывалъ къ себѣ интереса самъ по себѣ, а лишь какъ средство для достиженія какой-либо сторонней цѣли. Не будучи замѣтной активной общественной силой, съ которой приходилось бы считаться, еврейство естественно было обречено на жалкую роль политическаго мяча, которымъ играли болѣе сильные и властные.

И дѣйствительно, за исключеніемъ самаго послѣдняго времени говорить о какихъ бы то ни было проявленіяхъ—политическихъ или общественныхъ—организованной воли еврейскихъ массъ совершенно не приходится. Это не значитъ, конечно, что еврейство совершенно безучастно относилось къ своей судьбѣ, не значитъ также, что въ немъ не было въ довольно сильной степени развито чувство общественности. Нѣтъ: но для того, чтобы оказать сколько-нибудь сознательное и планомѣрное давленіе—не говоря уже о давленіи политическомъ,—евреямъ не хватало ни психологической, ни объективной возможности. Общественное движеніе не допускалось вообще политическимъ режимомъ, а у евреевъ къ этому присоединялось еще отсутствіе такихъ общественныхъ классовъ, которые могли бы вынести движеніе на своихъ плечахъ, присоединялась забитость и запуганность—самочувствіе людей, которыхъ терпятъ изъ милости.

При такихъ условіяхъ пути воздѣйствія были весьма узки и не выходили за предѣлы традиціонныхъ „прошеній" и „подношеній". И то, и другое практиковалось въ изобиліи. Старинный институтъ „ходатаевъ"—почтенныхъ евреевъ, которые должны были проживать въ столицахъ и хлопотать за своихъ единомышленниковъ,—былъ перенесенъ изъ Польши въ Россію и привился здѣсь довольно прочно. Правда, онъ утратилъ свой формальный характеръ (въ Польшѣ это былъ вполнѣ оффиціальный постъ; впрочемъ и русская административная практика установила-было институтъ еврейскихъ „депутатовъ"), но это не уменьшило его популярности. Въ этомъ, такъ сказать, приватномъ видѣ онъ не исчезъ и понынѣ и до сихъ поръ еще кладетъ довольно явственную печать на политическіе навыки опредѣлен-

ныхъ слоевъ еврейства. О томъ, каковы могутъ быть эти навыки, можно судить хотя бы по тѣмъ литературнымъ памятникамъ ходатайствъ, которые сохранились съ начала XIX-го вѣка. Несмотря на то, что въ нихъ шла рѣчь не о мелкихъ личныхъ дѣлахъ, а объ общихъ реформахъ всего еврейскаго быта, все же даже и такіе, казалось бы, лучшіе образцы „просительной“ литературы поражаютъ тѣмъ униженнымъ тономъ, въ какомъ они написаны. И этотъ тонъ глубоко симптоматиченъ: общественное безсиліе евреевъ отражается въ немъ съ величайшей яркостью. Впрочемъ въ поискахъ за этими характерными документами намъ нѣтъ надобности обращаться къ началу XIX-го вѣка. Сто лѣтъ спустя мы все еще продолжаемъ встрѣчаться съ аналогичными заявленіями, съ тою, правда, разницей, что теперь они уже встрѣчаютъ живѣйшій протестъ въ самой еврейской средѣ. Процессъ общественнаго созрѣванія все-же успѣлъ шагнуть впередъ.

Бо̀льшее значеніе имѣлъ второй видъ воздѣйствія—„подношеніе“. Единственное habeas corpus еврея была взятка. Но еще бо̀льшую роль играла третья форма—уже не столько воздѣйствія, сколько бездѣйствія—своего рода пассивное сопротивленіе. Это было пассивное сопротивленіе не въ томъ политическомъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается въ наши дни: какъ форма сознательнаго и планомѣрнаго отпора. Нѣтъ, дѣло сводилось къ голому факту большой, тѣсно живущей массы, обладающей вполнѣ понятною силою инерціи и извѣстною хозяйственною цѣпкостью. Именно это обстоятельство, совершенно безъ вѣдома и сознанія самихъ участниковъ, не разъ служило помѣхой тѣмъ или инымъ манипуляціямъ, которыя задумывалъ произвести надъ еврейскимъ населеніемъ тотъ или иной досужій администраторъ. Если прослѣдить хотя бы исторію ограниченій права жительства, мы встрѣтимъ рядъ радикальныхъ мѣръ, декретированныхъ однимъ росчеркомъ пера и оставшихся (если не навсегда, то надолго) невыполненными именно въ силу этого пассивнаго отпора.

И это было все. Бороться за свои интересы евреи были не въ силахъ и не смѣли. Естественно, что ими швырялись другіе. Были у нихъ и сочувствующіе, но то было сочувствіе филантропическое—„по человѣчеству жалко“; увы, политика не движется филантропическими побужденіями! Были впрочемъ (и есть) защитники и не филантропическіе: элементы, дѣйствительно заинтересованные въ прекращеніи анти-еврейской политики. Подъ давленіемъ этихъ элементовъ наступало порой для евреевъ частичное облегченіе. Но въ концѣ концовъ и тутъ евреи были лишь объектомъ; ими распоряжались—и не ради ихъ самихъ. Ихъ интересы *совпадали* съ интересами ихъ защитниковъ.

И главное: это были именно *защитники*, а не *союзники*. Разница

огромная: союзникъ считается со своимъ партнеромъ, какъ съ силой; защитникъ беретъ его подъ свое крыло. Пока у евреевъ нѣтъ союзниковъ, а есть только защитники, они по прежнему остаются мячомъ. Летя хотя бы и въ томъ направленіи, какое далъ ему другъ, мячъ не перестаетъ быть мячомъ.

Времена мѣняются, и на нашихъ глазахъ въ еврейской средѣ зрѣютъ общественныя силы. Сами по себѣ онѣ невелики. И все-же: есть кому идти рука объ руку съ другими дружественными элементами.

III.

Какъ бы то ни было, еврейскій вопросъ, въ его традиціонной, стало быть агрессивной формѣ, инспирировался и ставился тѣми, кому выгодно было „использовать" еврея. „Еврей вреденъ": въ прокламированіи этого тезиса—именно въ самомъ прокламированіи—заключался центръ тяжести еврейскаго вопроса. Но провозглашеніе этой „истины" какъ ни какъ *обязывало.* Обязывало къ отвѣту на дальнѣйшій вопросъ: какъ же обезвредить еврея?

И если наряду съ мѣрами ограничительными, наряду съ предписаніями негативными, указывавшими, чего евреямъ дѣлать нельзя, предпринимались и извѣстные позитивные шаги, предписывалось евреямъ, что имъ *слѣдуетъ* дѣлать, то и эта „положительная" работа протекала именно подъ знакомъ *обезвреживанія* евреевъ. Это была, въ сущности, оборотная сторона ограничительныхъ мѣръ. Ибо предполагалось имъ (по крайней мѣрѣ режиссеры ограничительной политики дѣлали видъ, что предполагаютъ), что политика изъятій имѣетъ лишь временный характеръ, что она будетъ впослѣдствіи оставлена—впослѣдствіи, т.-е. тогда, когда евреи исправятся и заслужатъ иного къ нимъ отношенія. До тѣхъ поръ—ограниченія и изъятія, плюсъ мѣры къ тому, чтобы евреи исправились.

Классическую формулу далъ Державинъ. Въ настоящее время—писалъ онъ—евреевъ „не можно признать собственно *принадлежащими россійскому государству*" (курсивъ нашъ). Лишь тогда, когда просвѣщеніе, „по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько поколѣній, непримѣтнымъ образомъ дастъ плоды, пріятные христіанству, только тогда, а не прежде развращенные евреи, если перемѣнятъ свои суевѣрные обычаи, будутъ россійскаго престола прямыми подданными".

Въ какомъ же направленіи предполагалось реформировать еврейскую жизнь для извлеченія изъ евреевъ „пріятныхъ христіанству плодовъ"?

Считалось аксіомой: евреи—непроизводительный элементъ, выса-

сывающій соки изъ „коренного“ населенія. Ясно, стало быть, что для обезвреженія ихъ необходимо превратить ихъ изъ слоя паразитарнаго въ слой производительный. Отсюда лозунгъ: надо пріохотить евреевъ къ земледѣлію, ремесламъ и фабричной промышленности.

Лозунгъ этотъ былъ данъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Повторялся онъ неоднократно; со стороны евреевъ—по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые имѣли возможность высказываться—встрѣчалъ полное сочувствіе. И все-же, если подсчитать все то, что за этотъ долгій промежутокъ времени было сдѣлано въ данномъ отношеніи, итогъ будетъ весьма близокъ къ нулю. Единственная область, въ которой была развита нѣкоторая дѣятельность, это—привлеченіе евреевъ къ земледѣльческому труду. Но и здѣсь результаты многолѣтнихъ мѣропріятій выразились въ томъ, что образовалась горсточка еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, численно ничтожная и по отношенію къ общей массѣ еврейскаго населенія представляющая quantité négligeable. Да и трудно было бы ожидать массоваго перехода еврейскаго населенія, издавна сжившагося съ торговыми, промышленными и посредническими функціями, къ земледѣлію, въ условіяхъ русской дѣйствительности, представлявшему столь мало заманчиваго и привлекательнаго.

Для привлеченія евреевъ къ промышленности правительствомъ не было сдѣлано ничего, если не считать нѣкоторыхъ иллюзорныхъ правъ, предоставленныхъ евреямъ-ремесленникамъ. Немудрено; здѣсь какъ разъ вставалъ вопросъ, дѣйствительно важный для самихъ евреевъ, реально заинтересованныхъ въ оздоровленіи своей экономической жизни. Но если евреи были въ этомъ заинтересованы въ высокой мѣрѣ, то заинтересованность тѣхъ, кто на еврейскомъ вопросѣ дѣлалъ себѣ карьеру, была ничтожна. *Говорить* о непроизводительности еврейскаго населенія—это было выгодно. Поднимать же эту производительность на дѣлѣ—кто объ этомъ серьезно думалъ? Да и отпоръ христіанскихъ ремесленниковъ не далъ бы осуществиться самымъ благимъ намѣреніямъ самыхъ искреннихъ реформаторовъ. Такъ и остались при словахъ и . . . при ограничительныхъ мѣрахъ: линія наименьшаго сопротивленія.

Отмѣтимъ: извѣстный сдвигъ въ хозяйственной жизни евреевъ все же произошелъ въ теченіе XIX столѣтія. Но не благодаря чьимъ бы то ни было попеченіямъ, а благодаря цѣлому ряду иныхъ, объективныхъ факторовъ, на которыхъ мы здѣсь не можемъ останавливаться.

Вопросъ о хозяйственномъ строѣ еврейской жизни и понынѣ стоитъ у евреевъ въ порядкѣ дня. Непропорціонально развитый торговый классъ, слабое участіе въ фабрично-заводской промышленности, огромный процентъ людей, лишенныхъ всякаго опредѣленнаго занятія,

общая неустойчивость и расшатанность экономической жизни—все это и нынѣ налагаетъ на хозяйственный укладъ евреевъ своеобразный и весьма тяжелый отпечатокъ. Но если бы теперь нашелся человѣкъ, ожидающій отъ русской власти (такой, какая она есть) какого бы то ни было содѣйствія въ этой области, онъ былъ бы, въ глазахъ даже самыхъ отсталыхъ слоевъ еврейства, неисправимымъ утопистомъ. Этому научили евреевъ сто лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, какъ лучшіе представители еврейскаго общества писали русскимъ вельможамъ докладныя записки, слезно прося объ „улучшеніи быта".

Болѣе содержательна исторія „реформированія" другой стороны еврейской жизни: исторія „просвѣтительной" работы. Общее представленіе было издавна такое: евреи—грубая, отсталая, необразованная масса; они полны предразсудковъ, вредныхъ и опасныхъ; они живутъ обособленно, и это еще усиливаетъ опасность; они некультурны, грязны, полны изувѣрства. Все это должно быть устранено. Надо привить евреямъ русское просвѣщеніе (если можно, то и христіанскую вѣру), положить конецъ особенностямъ ихъ быта, платья, обычаевъ, нравовъ, устранить все то, что отличаетъ еврея отъ русскаго. Коротко говоря, евреевъ надлежитъ *обрусить*.

Таковъ былъ издавна взглядъ правительственныхъ сферъ. Въ настоящее время въ прогрессивной печати приходится встрѣчаться съ утвержденіемъ, будто традиціонной политикой русскаго правительства является *недопущеніе* евреевъ къ русской культурѣ, закрѣпленіе обособленности, прегражденіе путей къ ассимиляціи. Это вѣрно лишь по отношенію къ послѣднему времени. Раньше власть придерживалась и по отношенію къ евреямъ обрусительныхъ взглядовъ, не разъ пытаясь провести эти взгляды на практикѣ.

Наибольшій расцвѣтъ этой практики приходится на эпоху Николая I, эпоху наиболѣе тяжелую и мучительную для евреевъ. Національный прозелитизмъ сплелся съ прозелитизмомъ религіознымъ, обрусительная политика—съ мѣрами для обращенія евреевъ въ христіанскую вѣру, и свойственныя указанной эпохѣ жестокость и прямолинейность наложили на эту политику крайне мрачный отпечатокъ.

Забирали еврейскихъ дѣтей, сдавали въ кантонисты и... извлекали „пріятные христіанству плоды". Загонятъ подальше отъ родины — разсказываетъ о мытарствахъ кантонистовъ В. Никитинъ—треть, половина всего числа остаются на дорогѣ; приходитъ партія; начальникъ заранѣе отдаетъ приказъ не подпускать никого изъ солдатъ-евреевъ; запираютъ въ холодную комнату, безъ постелей, отнимаютъ все, что у нихъ есть, и начинаются истязанія, „прямо и непосредственно ведущія къ тому, чтобы заставить кантонистовъ принять православіе". „Рвеніе нашихъ воспитателей—разсказываетъ тотъ же авторъ—объ

обращеніи насъ въ православіе было столь сильное, что по одному, по два мальчика ежедневно „желали“ креститься. Но вотъ, способъ крестить въ одиночку имъ надоѣлъ, и они стали вымогать желаніе... Спустя, кажется, мѣсяца три со времени нашего прибытія въ деревню, погнали мальчиковъ 50—60, какъ стадо барановъ, къ рѣкѣ и всѣхъ въ ней разомъ окрестили. Крестившихся переставали временно наказывать, переодѣвали въ крѣпкіе сапоги, новыя шинели“... „Крещеные эти долго не знаютъ даже, какъ ихъ зовутъ по-русски“...

Предпринимались и мѣры поощренія; еще въ 1817 г. былъ учрежденъ „комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ“ для покровительства крещенымъ евреямъ; въ царствованіе Николая I издается законъ, въ силу котораго нехристіанинъ, принявшій христіанскую вѣру во время производства надъ нимъ слѣдствія или суда по уголовному дѣлу, освобождается отъ всякаго наказанія; выдается денежное вознагражденіе нижнимъ чинамъ изъ евреевъ при переходѣ въ христіанскую вѣру. И рядомъ съ этимъ, вплоть до 1865-го года, въ уложеніи о наказаніяхъ красуется статья, запрещающая содержателямъ заведеній, наряду съ допущеніемъ разнаго рода безпорядковъ и буйства, дозволять у себя... „публичныя богомоленія евреевъ“.

Съ особенной старательностью велась работа по части искорененія внѣшнихъ особенностей еврейскаго быта: облагается податью ношеніе ермолки, воспрещается употребленіе еврейской одежды вообще, ношеніе пейсовъ, бритье головы, предписываемое еврейскимъ ритуаломъ еврейскимъ женщинамъ.

Но наряду со всѣмъ этимъ намѣчается и планъ реформы еврейскаго народнаго образованія. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка эта реформа связывается съ именемъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова. Задуманъ былъ планъ широко. Предполагалось созданіе цѣлой сѣти еврейскихъ училищъ, которыя наряду съ преподаваніемъ еврейскаго Закона Божія насаждали бы въ еврейской средѣ русскій языкъ и русское просвѣщеніе, проводя такимъ образомъ въ жизнь ассимиляцію еврейскаго населенія съ русскимъ. Уваровъ обратился къ содѣйствію представителей самихъ евреевъ. Главнымъ дѣятелемъ реформы сталъ еврейскій просвѣтитель, докторъ Лиліенталь. Сносился Уваровъ и съ видными представителями западно-европейскаго еврейства—Монтефіоре, Кремье. Сочувствіе передовыхъ слоевъ еврейства было обезпечено; въ самомъ еврействѣ начиналась „эпоха просвѣщенія“.

На практикѣ изъ широкой реформы получились (поскольку вообще что̀ бы то ни было получилось) казенныя училища въ стилѣ николаевскихъ временъ; смотрители-христіане, надзирающіе надъ еврей-

скими меламедами (учителями) купно съ полиціей; „очищеніе“ еврейскаго вѣроученія усиліями невѣжественныхъ инвалидовъ...

Въ 60-хъ годахъ поднимается новая волна просвѣтительнаго рвенія. На сей разъ уже подъ яснымъ знакомъ политически-обрусительныхъ тенденцій. Въ лицѣ евреевъ надо было создать кадры обрусѣлаго и обрусительнаго элемента въ западномъ краѣ. Проводилась Муравьевская политика. Корниловъ, бывшій въ то время попечителемъ виленскаго учебнаго округа, прямо и опредѣленно заявилъ, говоря о просвѣщеніи евреевъ: „Для сѣверо-западнаго края нужны *единственно* и *исключительно* (курсивъ подлинной замѣтки) русскія училища, русскій языкъ, русское образованіе. Всѣ денежныя средства и наличныя силы должны быть обращены только на это. Нѣмецкій языкъ, который оставленъ въ курсѣ еврейскихъ казенныхъ училищъ I-го разряда, долженъ быть исключенъ изъ преподаванія, и часы, назначенные на этотъ предметъ, должны быть обращены преимущественно на усиленіе русскаго языка“.

Длинная эпопея связана съ обрусительной волной 60-хъ годовъ. И на этотъ разъ реформа не увѣнчалась успѣхомъ. Реорганизаторы были слишкомъ чужды культурному укладу еврейской жизни, культурнымъ потребностямъ еврейскаго населенія; да и религіозные предразсудки отсталой массы сдѣлали свое дѣло. Еврейская масса оттолкнула отъ себя предложенную ей школу.

IV.

Обрусительная политика русской власти по отношенію къ евреямъ характеризовалась одной чрезвычайно существенной чертой, отличавшейся отъ аналогичной политики, проводившейся по отношенію къ другимъ націямъ: она встрѣчала живѣйшее сочувствіе просвѣщенныхъ элементовъ въ средѣ самого еврейства, равно какъ и въ прогрессивно настроенныхъ слояхъ русскаго общества. Конечно, говоря о сочувствіи, приходится совершенно отвлечься отъ *конкретныхъ формъ* этой обрусительной и миссіонерской политики, обрисованныхъ нами выше. Въ вопросѣ о путяхъ и формахъ могло быть и было расхожденіе, но самая идея была акцептирована съ полнымъ единодушіемъ. Идея обрусенія, идея ассимиляціи, столь отталкивающая въ примѣненіи къ другимъ народностямъ, по отношенію къ евреямъ какъ бы очистилась отъ своего одіознаго характера. Русское правительство, просвѣщенный либерализмъ общества и передовые элементы еврейства подали въ этомъ вопросѣ другъ другу руки: тройственный союзъ довольно оригинальнаго свойства.

Такой союзъ не могъ быть прочнымъ, и онъ распался. Первымъ ушло правительство. Ему нетрудно было убѣдиться въ томъ, что плоды, которые даетъ русское просвѣщеніе въ средѣ еврейской молодежи— хотя бы въ средѣ того тонкаго слоя, куда ему удалось проникнуть,— имѣютъ весьма мало общаго съ тѣми результатами, о которыхъ мечтали иные государственные дѣятели. Вмѣсто желаннаго обезвреженія получалось образованіе новаго „крамольнаго" элемента. Сюда же присоединился страхъ передъ еврейской конкурренціей—и въ результатѣ правительственное культуртрегерство описало поворотъ въ 180 градусовъ. На смѣну обрусенія пришло отталкиваніе, прегражденіе путей къ русской культурѣ, пресловутая процентная норма и вся та тщательно разработанная система мѣропріятій, столь хорошо знакомыхъ намъ изъ практики каждаго дня. Ярко характеризуется этотъ поворотъ двумя взаимно исключающими другъ друга предписаніями. Въ царствованіе Александра II-го дѣйствовалъ законъ, въ силу котораго въ частныхъ еврейскихъ училищахъ—такъ называемыхъ хедерахъ— обязательно долженъ былъ преподаваться русскій языкъ. Въ настоящее время дѣйствуетъ законъ, согласно которому преподаваніе русскаго языка въ хедерахъ *воспрещается.* Болѣе яркую иллюстрацію трудно придумать.

Союзъ между правительствомъ и прогрессивнымъ обществомъ распался. Первое отказалось отъ какихъ бы то ни было положительныхъ мѣръ въ области еврейскаго образованія, второе—осталось при старыхъ задачахъ. Для правительства еврейскій вопросъ окончательно превратился въ вопросъ объ ограниченіяхъ и изъятіяхъ. Либеральные элементы продолжали говорить о культурномъ вліяніи, при чемъ, въ ихъ представленіи, дѣло шло о потребностяхъ и интересахъ самихъ евреевъ.

И до сихъ поръ сохранился и сталъ традиціоннымъ взглядъ на демаркаціонную линію, раздѣляющую въ этомъ вопросѣ „охранителей" отъ прогрессистовъ: первые—за недопущеніе, вторые—за пріобщеніе. Отталкиваніе—или ассимиляція.

По отношенію къ недавнему еще, сравнительно, прошлому, такое представленіе, пожалуй, правильно. Но только по отношенію къ прошлому. Ибо послѣднія десятилѣтія ознаменовались глубокимъ поворотомъ, происшедшимъ въ самой еврейской жизни. Еврейскій вопросъ выдвинулся въ иномъ видѣ и въ новой постановкѣ.

На чемъ строился традиціонный взглядъ на еврейскія культурныя задачи? Въ основѣ его лежало представленіе: евреи—не нація, а вѣроисповѣдная группа. Брались въ сущности не евреи, а іудеи, и разсматривались какъ часть русскаго народа—отсталая часть, закоснѣлая въ предразсудкахъ, отрѣзанная отъ настоящей культурной жизни, но

не имѣющая подъ собой никакихъ другихъ путей, кромѣ окончательнаго утвержденія своего русскаго существа, окончательнаго превращенія въ настоящихъ русскихъ людей, говорящихъ по-русски, живущихъ русской культурой и отличающихся отъ прочаго русскаго населенія лишь своей вѣрой. Таково было всеобщее представленіе, таковъ былъ идеалъ просвѣщенныхъ евреевъ. И если на словахъ тѣ или иные дѣятели еврейской „просвѣтительной" эпохи и оперировали съ понятіемъ о еврейской націи, то конкретныя задачи все-же сводились опять-таки къ одному и тому же: русская культура и іудейская вѣра. Немудрено, поэтому, что ассимиляторскія мѣропріятія русской власти встрѣтили со стороны идеологовъ еврейскаго просвѣщенія сочувствіе; немудрено, далѣе, что поворотъ правительства въ обратную сторону означалъ полный разрывъ съ прогрессивными тенденціями. Сами по себѣ тенденціи отъ этого отнюдь не ослабѣли; напротивъ, запретный плодъ русской культуры сталъ казаться еще болѣе сладкимъ. И стало истиной, какъ для передовыхъ евреевъ, такъ и для ихъ русскихъ друзей: главное зло—въ томъ, что евреямъ не даютъ ассимилироваться. Стоитъ снять рогатки—и вопросъ рѣшится усиліями русскаго школьнаго учителя.

Русское общество, не имѣющее возможности быстро и своевременно оріентироваться въ томъ, что происходитъ въ еврейской средѣ, и до сихъ поръ осталось при этихъ взглядахъ. Оно не знаетъ, что въ самой еврейской средѣ они успѣли утратить не только былое обаяніе, но и едва ли не всякій кредитъ. Изъ былого тройственнаго союза, возникшаго на почвѣ обрусительной идеи, ушло не одно лишь правительство. Ушли и сами евреи. Идея оказалась для нихъ непріемлемой.

Передъ евреями нѣтъ другого пути, кромѣ сліянія съ русскими—такъ думали нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Прошли годы, и жизнь показала, что есть другой путь. И не только онъ есть, но онъ-то и является единственно возможнымъ для *массы*. Ибо ассимилируются единицы. Масса же развиваетъ національную культуру. И въ еврейской средѣ началось національное возрожденіе.

Мы имѣемъ въ виду не ту національную романтику, которая связана съ идеями сіонизма и территоріализма и которая сплошь да рядомъ приходила въ конфликтъ съ жизненными интересами еврейскихъ народныхъ массъ. Мы говоримъ о культурномъ пробужденіи самихъ этихъ массъ.

Это явленіе весьма недавняго прошлаго. Оно неразрывно связано съ ростомъ гражданскаго правосознанія, демократическихъ идей и рабочаго движенія. Новыя вѣянія, широко разлившіяся въ еврейской средѣ къ концу 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, дали сильнѣйшій тол-

чокъ культурному пробужденію. Началось массовое движеніе. А массовое движеніе не могло не быть движеніемъ національнымъ.

По существу своему оно было чуждо какихъ бы то ни было націоналистическихъ задачъ. По результатамъ — оно означало первый этапъ національнаго пробужденія. Ибо оно поставило въ центръ культурной жизни массоваго человѣка, съ его роднымъ языкомъ, съ его національной психологіей, съ его своеобразнымъ укладомъ жизни. Его языкъ сталъ языкомъ литературы, сталъ языкомъ общественной жизни; столь презираемый раньше „жаргонъ" превращается въ національный языкъ. Создалась пресса, широко расцвѣла беллетристика, выросла популярно-научная литература, еврейскій театръ, еврейское искусство. Культурная работа стала національной, и лозунгомъ стало: національная культура.

Это не означаетъ національной изолированности. Нужно ли говорить, что возрождающаяся культурная нація должна черпать широкими пригоршнями изъ культурныхъ сокровищницъ окружающихъ народовъ? Но лозунгомъ *народной* культурной работы являются все-же родной языкъ, національная школа. Это азбучныя истины, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ другимъ народамъ. Евреямъ приходится еще бороться за ихъ признаніе.

О томъ, что правительство ставитъ и въ этой области преграды, не приходится и говорить. Наивно было бы думать, что, не допуская евреевъ къ русской культурѣ, оно захочетъ оставить евреямъ просторъ для ихъ собственной культурной работы. Ничего подобнаго! Всѣмъ еще памятенъ недавній циркуляръ о культурно-просвѣтительныхъ обществахъ, заключавшій въ себѣ спеціальное указаніе насчетъ украинцевъ и евреевъ. Шутка сказать, національный сепаратизмъ! Нечего и говорить о томъ, на какія препятствія наталкивается любое еврейское общественное начинаніе, какія непреодолимыя трудности встрѣчаетъ употребленіе родного языка и пр. Власть давитъ съ обѣихъ сторонъ: къ русской культурѣ евреямъ доступа нѣтъ—свою культуру развивать запрещается. Рогатки и тамъ, и тутъ.

V.

О томъ, что всѣ и всяческія рогатки должны быть сняты — это разумѣется само собою. Но одну сторону вопроса мы хотѣли бы еще разъ подчеркнуть съ полной опредѣленностью.

Какъ бы ни стоялъ и ни ставился еврейскій вопросъ въ прежнія времена, *теперь* онъ стоитъ не только какъ вопросъ о гражданскомъ равноправіи. Равноправіе—своимъ чередомъ, но имъ задача не исчер-

пывается. Еврейскій вопросъ стоитъ теперь какъ вопросъ *національный*. Шестимилліонная масса, живущая особой культурной жизнью, говорящая на особомъ языкѣ, имѣющая свои культурныя потребности и навыки, нуждается въ свободѣ культурнаго развитія. Государство должно снять рогатки. Но этого мало. Государство должно *обслуживать* культурные интересы этой массы.

Когда въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ встаетъ вопросъ о правахъ не-русскихъ языковъ въ народной школѣ или въ мѣстномъ судѣ, то по крайней мѣрѣ лѣвая часть зала единодушна всякій разъ, когда раздаются требованія со стороны поляковъ и литовцевъ. По отношенію къ евреямъ — колебанія, нерѣшительность; въ худшемъ случаѣ—прямой отказъ. Причины понять нетрудно. Голосъ еврейской демократіи не слышенъ; мнѣнія русскаго общества о евреяхъ складываются подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ выходцевъ изъ еврейской среды, которые успѣли сжиться съ русской интеллигенціей, оторваться отъ родной среды, утратить контактъ съ ней. Сами ассимилированные, они являются запоздалыми проповѣдниками ассимиляторства. Къ евреямъ они не идутъ. Тамъ ихъ проповѣдь не встрѣтила бы сочувствія. Но русское общество, сталкиваясь непосредственно съ ними, невольно укрѣпляется въ своихъ прежнихъ взглядахъ.

Еврейскій вопросъ есть вопросъ національный. Недавно получилъ онъ эту постановку, но она коренится глубоко въ жизни. Исходя изъ жизненныхъ интересовъ еврейскихъ народныхъ массъ, отстаиваетъ эту постановку еврейская демократія. А въ требованіяхъ правовыхъ гарантій, которыя обезпечили бы еврейской націи возможность свободнаго культурнаго развитія, сходятся всѣ еврейскія партіи. При всѣхъ расхожденіяхъ, при всей борьбѣ, всѣ онѣ признаютъ, что подобнаго рода гарантіи нужны, и что въ законодательныхъ нормахъ, ограждающихъ національныя права народностей Россіи, не мѣсто традиціонному „кромѣ евреевъ"—въ какую бы форму оно ни выливалось, прямую или косвенную.

Самой жизнью еврейскій вопросъ поставленъ по новому, и съ этимъ надо считаться.

В. Медемъ.

МОЛОДАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ

(Письмо изъ Парижа.)

Французская демократія имѣетъ въ своемъ активѣ цѣлый вѣкъ—считая съ конца XVIII-го по конецъ XIX-го столѣтія—ожесточенной борьбы съ силами прошлаго, борьбы, имѣвшей цѣлью осуществленіе „правъ человѣка и гражданина“ и установленіе во Франціи свободныхъ и демократическихъ учрежденій. Борьба эта представляетъ собою, рядомъ съ кратковременными побѣдами, немало длительныхъ пораженій. Несмотря, однако, на эти пораженія, демократія понемногу завоевывала почву, и начиная съ послѣдней четверти XIX-го вѣка получила возможность не только надѣяться, стремиться, горѣть энтузіазмомъ и, временами, давать кровавыя битвы, но и сознательно и планомѣрно строить зданіе новой общественности собственными руками. Третья республика существуетъ уже сорокъ лѣтъ. Въ теченіе сорока лѣтъ рядъ поколѣній живетъ въ условіяхъ и подъ вліяніемъ свободныхъ и демократическихъ государственныхъ учрежденій. Около четверти вѣка тому назадъ уничтожены законодательнымъ путемъ всѣ препятствія, мѣшавшія гражданамъ ассоціироваться и синдицироваться, чтобы коллективными усиліями защищать свои коллективные интересы. „Человѣческая пыль“, въ которую превратилось общество послѣ крушенія общины, цеховъ, гильдій, сословій и другихъ архаическихъ формъ общественности, вновь получила возможность организоваться — и это несомнѣнно имѣло громадное общественно-воспитательное значеніе. Съ другой стороны, третья республика впервые осуществила дѣйствительно всеобщее, демократическое обученіе народа. За ничтожными исключеніями, всякій французъ проходитъ теперь черезъ начальную школу, гдѣ не только пріобрѣтаетъ элементарныя знанія и навыкъ къ умственному труду, но и воспитывается въ духѣ демократическихъ идей вѣка.

Это тройкое систематическое вліяніе—школы, разнообразныхъ синдикатовъ и другихъ общественныхъ организацій, и, наконецъ, демократическихъ государственныхъ учрежденій — составляетъ „новый фактъ“ въ исторіи страны, заслуживающій и вниманія, и изученія. Не можетъ не существовать громадной разницы между народами, лишь рвущимися „изъ мрака къ свѣту“, и народами, консолидировавшими въ нравахъ, навыкахъ, понятіяхъ и идеяхъ всѣ пріобрѣтенія демократической культуры. Можно думать, что только у послѣднихъ эти пріобрѣтенія не могутъ быть отняты назадъ.

Моментъ такой консолидаціи представляетъ и другой интересъ. Онъ является исходной точкой новаго этапа развитія. Когда пища переварена и усвоена, вновь возникаетъ голодъ. Когда одинъ этапъ пройденъ по безконечной дорогѣ — новыя перспективы открываются взору идущаго. Куда же идетъ Франція, демократія которой систематически впитываетъ въ себя въ школѣ, въ синдикальныхъ организаціяхъ и въ политической жизни идеи свѣтскаго и демократическаго общества? Исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ представлялъ бы громадное общественное значеніе. Я ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ сторонъ отмѣченнаго явленія, — на мой взглядъ главныхъ, — посвятивъ настоящее письмо воспитательному вліянію свѣтской народной школы.

I.

Школа.

Особенностью новой французской школы является ея свѣтскій характеръ. Мнѣ не надо излагать здѣсь тѣхъ въ высокой степени серьезныхъ и многообразныхъ причинъ, которыя заставили третью республику секуляризовать школу. Достаточно сказать, что это былъ актъ республиканской самозащиты, нашедшій поддержку и встрѣтившій одобреніе въ массѣ французскаго населенія. Дѣйствительно, клерикальные элементы, игравшіе такую видную роль въ старой конфессіональной школѣ, не ограничивались преподаваніемъ религіи и религіозной морали, но вели въ школѣ политическую агитацію, боролись съ основными идеями современнаго свѣтскаго общества, съ республиканской формой государственнаго устройства. Положить этому предѣлъ было политически необходимо.

Но, устранивъ церковниковъ отъ дѣла воспитанія и исключивъ религію изъ числа предметовъ преподаванія въ школѣ, третья республика оставляла въ школѣ громадную пустоту, заполненіе которой не могло не войти въ кругъ ея заботъ. На народную школу практически нельзя смотрѣть только какъ на орудіе сообщенія элементарныхъ знаній, только какъ на учебное заведеніе. Тѣмъ болѣе, что всякій учитель, всякая школа, такъ или иначе, преднамѣренно или непреднамѣренно, но воспитываютъ ученика, вліяютъ на образованіе его характера, прививаютъ ему навыки, вводятъ его въ кругъ извѣстныхъ представленій, понятій и идей. Это воспитательное вліяніе школы нельзя оставить вполнѣ на произволъ смѣняющагося учительскаго персонала—и въ то же время нельзя оставить незаполненной пустоту, обусловленную исключеніемъ религіозной морали изъ числа предметовъ преподаванія. Отсюда рѣшеніе реорганизаторовъ фран-

цузской народной школы ввести въ нее преподаваніе свѣтской морали— той морали, которая должна служить этической базой новаго, демократическаго и республиканскаго общества.

Слѣдующія положенія легли въ основу программы преподаванія свѣтской морали, выработанной творцами новой свѣтской школы [1]).

Моральное воспитаніе должно состоять не въ усвоеніи ученикомъ прописей и предписаній, а въ исправленіи характера ребенка и въ сообщеніи ему моральныхъ чувствъ и идей.

Въ младшихъ классахъ учителю рекомендуется сосредоточить все свое вниманіе на exercices pratiques, на цѣлесообразномъ упражненіи чувствъ дѣтей, имѣющемъ цѣлью: a) развитіе добрыхъ качествъ, b) привычку къ дисциплинѣ, c) поощреніе чувствительности вообще и моральнаго чувства въ частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуется подвергать моральному разбору факты школьной жизни и поступки учениковъ.

Въ среднихъ классахъ начинается усвоеніе моральныхъ идей по слѣдующей схемѣ.

1) Ребенокъ въ семьѣ и ребенокъ въ школѣ; его обязанности и права.

2) Обязанности человѣка по отношенію къ самому себѣ: a) физическія — чистоплотность, укрѣпленіе тѣла, развитіе физическихъ способностей, воздержаніе отъ излишествъ; b) нравственныя—правдивость, личное достоинство, самоуваженіе, скромность, стыдъ лѣности и невѣжества, мужество въ бѣдѣ и опасности, способность къ иниціативѣ, самодѣятельность вообще, бережливость, отвращеніе къ жадности, доброта къ животнымъ и т. п.

3) Обязанности по отношенію къ другимъ людямъ: справедливость, доброта, братство, уваженіе къ чужой личности, къ моральнымъ и матеріальнымъ правамъ ея, терпимость къ чужимъ вѣрованіямъ.

4) Обязанности по отношенію къ Богу. По этому вопросу, чрезвычайно деликатному въ программѣ свѣтской школы, оффиціальная программа выражается буквально слѣдующимъ образомъ: „Въ кругъ обязанностей учителя не входитъ изложеніе свойствъ, аттрибутовъ и природы Божества. Дѣтямъ, безотносительно къ тому, принадлежатъ ли они къ какимъ-либо вѣроисповѣднымъ группамъ, или нѣтъ, учитель долженъ внушить слѣдующее. Имя Божества не должно употребляться небрежно. Къ идеѣ Первой Причины и Совершеннаго Существа нужно привыкнуть относиться съ почитаніемъ и уваженіемъ. Учитель долженъ тѣсно ассоціировать въ душѣ учениковъ эту идею и это чувство. Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель долженъ пріучить учениковъ ува-

---

[1]) Compayré, „Organisation pédagogique“.

жать всякое представленіе о Божествѣ, хотя бы и не согласное съ тѣмъ, которое дается ему его вѣроисповѣданіемъ. Оставляя въ сторонѣ все, что тѣсно связано съ вѣроисповѣдными различіями, учитель заставляетъ ребенка понять и почувствовать, что первымъ выраженіемъ уваженія къ Божеству является повиновеніе его законамъ, открываемымъ нашимъ сознаніемъ и совѣстью".

Наконецъ, ученики старшаго возраста знакомятся съ принципами соціальной морали. Схема, въ рамкахъ которой они преподаются, такова:

1) Семья.

2) Общество; законъ его — солидарность и братство. Идея справедливости. Уваженіе къ жизни, къ личности, къ имуществу, къ свободѣ, къ чести и доброму имени, къ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ согражданъ.

3) Отечество. Повиновеніе его законамъ; защита неприкосновенности его территоріи; значеніе воинской повинности; необходимость дисциплины и вѣрности военному знамени; обязательность уплаты налоговъ; моральная обязанность участвовать въ выборахъ; свобода, сознательность и безкорыстіе выборовъ. Права личности, соотвѣтствующія обязанностямъ: свобода личная, свобода совѣсти, свобода ассоціацій, гарантіи безопасности и т. д.

Затѣмъ оффиціальная программа считаетъ необходимымъ, чтобы ученикамъ была внушена идея національнаго суверенитета и объясненъ девизъ республики: „свобода, равенство и братство". Въ виду того, что гражданскій и общественный долгъ часто становится въ противорѣчіе съ личнымъ интересомъ, программа рекомендуетъ учителю остановиться на этомъ противорѣчіи и выяснить безусловную обязательность слѣдованія долгу даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда это противорѣчитъ интересамъ. Необходимо, наконецъ, выяснить ученикамъ различіе между требованіями писаннаго закона и закона совѣсти. Первый предъявляетъ гражданину, во имя государства, рядъ требованій, неисполненіе которыхъ наказуемо. Законъ совѣсти есть интимное убѣжденіе, нарушеніе котораго сопровождается чувствомъ вины передъ собою и Богомъ.

Такова оффиціальная программа преподаванія морали во французской народной школѣ, ставящаго своей задачей воспитать хорошаго человѣка и добраго гражданина демократической республики. Программа эта имѣетъ, какъ видно даже при бѣгломъ ознакомленіи съ нею, много достоинствъ. Она обращаетъ одинаковое вниманіе какъ на формированіе характера и чувствованій, такъ и на усвоеніе понятій и идей; она не носитъ сектантскаго характера, не грѣшитъ нетерпимостью; ея составители видимо руководились стремленіемъ

включить въ нее только тѣ морально-общественныя понятія и идеи, которыя сравнительно безспорны и могутъ быть приняты большинствомъ современниковъ. Въ своемъ стремленіи найти эту среднюю линію они даже сочли нужнымъ замѣнить преподаваніе религіи проповѣдью деизма. Возможно, что полу-деистическое, полу-протестантское воззрѣніе введено въ оффиціальную программу въ качествѣ щита противъ обвиненія въ атеизмѣ. И Жюль Ферри, и Комбъ прибѣгали на парламентской трибунѣ именно къ этому щиту, когда католики бросали имъ въ палатѣ упреки въ безбожіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что свѣтская школа, являющаяся проводникомъ деизма, вступаетъ въ противорѣчіе сама съ собою.

Практическимъ выходомъ изъ него — а также изъ нѣкоторыхъ другихъ, наличность которыхъ можно замѣтить въ оффиціальной программѣ,—служитъ признанная третьей республикой необязательность послѣдней. Составляя ее, реформаторы школы хотѣли лишь намѣтить основныя линіи, которыми долженъ руководствоваться учитель, дать лишь общія указанія цѣлей и духа моральнаго воспитанія и преподаванія. Эти общія рамки должны были съ теченіемъ времени наполниться опредѣленнымъ содержаніемъ, благодаря, во-первыхъ, педагогическому опыту учителей, во-вторыхъ — работѣ мысли демократической интеллигенціи и научныхъ силъ страны.

Съ тѣхъ поръ прошло около тридцати лѣтъ. Даровое, обязательное и свѣтское образованіе установлено во Франціи законами 1881, 1882 и 1886 гг. Въ теченіе этого періода накопился значительный опытъ, сформировались и духовно опредѣлились учительскіе кадры; изученіе морали, какъ науки, сдѣлало довольно опредѣленный шагъ впередъ. Мы имѣемъ, теперь возможность уяснить себѣ, въ какомъ направленіи идетъ дѣйствительное морально-общественное воспитаніе массъ, поскольку оно является дѣломъ школы, и опредѣлить, хоть въ общихъ чертахъ, его практическіе результаты.

По даннымъ инспекторскихъ отчетовъ и по разсказамъ самихъ учителей, въ теченіе перваго десятилѣтія, слѣдовавшаго за реформой школы, преподаваніе морали шло весьма неуспѣшно. Масса учительскаго персонала, унаслѣдованнаго отъ старой школы, часто недостаточно образованнаго, оказалась совершенно неподготовленной для роли демократическаго воспитателя юношества. Оттого случалось, напр., что вмѣсто ознакомленія учениковъ старшихъ классовъ съ основами и принципами республиканскаго строя, съ обязанностями и правами гражданина и человѣка въ демократическомъ обществѣ, учителя читали сокращенный и упрощенный курсъ административнаго устройства Франціи, и ученики зубрили списки министерствъ и префектуръ. Вмѣсто того, чтобы, „пользуясь всякимъ случаемъ школьной

жизни и своимъ собственнымъ примѣромъ внушать ученикамъ чувства долга, достоинства, права",—учителя заставляли ихъ выучивать наизусть или записывать рядъ сентенцій моральнаго характера. Но постепенно дѣло налаживалось. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка интересъ къ молодой свѣтской школѣ стоялъ очень высоко въ французскомъ обществѣ, и правильная постановка морально-общественнаго воспитанія привлекала къ себѣ не только спеціально педагогическія силы, но и общественныя, въ широкомъ смыслѣ. Вопросъ обсуждался въ общей и педагогической прессѣ, на конгрессахъ учителей; понемногу накоплялся опытъ, вырабатывались пріемы — и въ то же время постепенно повышался образовательный цензъ учителей, складывалась морально-общественная и политическая физіономія учительской корпораціи.

Съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ надо особенно считаться. Въ преподаваніи точныхъ наукъ личныя вѣрованія учителей, ихъ общественныя и политическія убѣжденія безразличны, тѣмъ болѣе что преподаваніе ведется по строго опредѣленнымъ программамъ. Но въ вопросахъ общественной морали, въ формированіи гражданской личности ученика, при программѣ, имѣющей лишь консультативный характеръ, морально-общественная и политическая физіономія учительской корпораціи пріобрѣтаетъ господствующее значеніе. Чѣмъ же она опредѣляется?

Правительство, представляющее республиканскую и демократическую Францію, можетъ вліять и вліяетъ на эту физіономію лишь въ очень слабой степени. Еслибы оно захотѣло установить морально-политическій цензъ для учителей и удалять всѣхъ тѣхъ, которые уклоняются въ какой-либо степени отъ указанной имъ нормы, оно прежде всего разрушило бы школу и вызвало бы единодушный протестъ всей арміи государственныхъ работниковъ. Напомнимъ неудачную попытку военнаго министра Андрэ ввести морально-политическій цензъ въ арміи. Въ цѣляхъ очищенія арміи отъ роялистскихъ и вообще реакціонныхъ элементовъ, взявшихъ въ ней засилье, онъ установилъ систему „фишей", т.-е. секретныхъ отзывовъ о республиканской благонадежности офицеровъ, которыми онъ и руководствовался при повышеніи офицеровъ и назначеніи ихъ на командующія должности. Это былъ актъ республиканской самозащиты; тѣмъ не менѣе онъ вызвалъ такую бурю протестовъ, что не только Андрэ долженъ былъ выйти въ отставку, но и ни одинъ изъ послѣдующихъ министровъ не рѣшился возстановить дѣйствіе системы фишей. Очевидно, ее нельзя примѣнить и къ учителямъ. Можно, пожалуй, производить отборъ, пользуясь другими, менѣе бьющими въ глаза способами. Но и здѣсь дѣло осложняется рядомъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, среди учителей,

представляющихъ собою одну изъ интеллигентнѣйшихъ группъ населенія, мало или вовсе нѣтъ реакціонныхъ элементовъ. Борьбу съ врагами буржуазной республики въ учительскомъ мірѣ, поэтому, вести не приходится. Въ немъ есть представители крайнихъ лѣвыхъ взглядовъ—но какъ опредѣлить, насколько позволено учителю передвинуть свои воззрѣнія налѣво? Въ Россіи на такой вопросъ — формально — отвѣтить легко: учитель не смѣетъ принадлежать къ нелегализированнымъ партіямъ, и не долженъ быть лѣвѣе... ну, хотя бы, октябристовъ, а въ западномъ краѣ долженъ быть, въ худшемъ случаѣ, націоналистомъ. Но во Франціи всѣ партіи легальны, преслѣдованія за политическія убѣжденія неизвѣстны, и, наконецъ, составъ министерства мѣняется часто, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и политическія тенденціи правительствъ. Мелинъ въ свое время готовъ былъ бы съѣсть соціалистовъ съ кашей, а Комбъ былъ съ ними въ блокѣ; Бріанъ велъ борьбу съ синдикалистами, а Монисъ стремится занять нейтральную позицію. Затѣмъ во Франціи университетъ, въ составъ котораго входитъ и народная школа, автономенъ—и если формально назначенія и перемѣщенія учителей производятся префектомъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что представитель администраціи является хозяиномъ дѣла. Все руководство и весь контроль школьнаго дѣла находятся въ вѣдѣніи академическаго инспектора, назначаемаго университетомъ; назначеніе учителей производится имъ по спискамъ, ежегодно составляемымъ департаментскими совѣтами, въ составъ которыхъ входятъ представители учительской корпораціи; перемѣщеніе учителей „ради пользы службы“ совершается префектомъ тоже лишь по представленіямъ академическаго инспектора. Увольненіе требуетъ очень сложной процедуры. Кромѣ того учителя организованы—и потому не беззащитны. Наконецъ они — избиратели и вліятельные граждане. Политическій міръ не можетъ не считаться съ ними. Иногда, конечно, тотъ или иной учитель можетъ дать поводъ для суровой репрессіи. Такъ напр., учитель Негръ, синдикалистъ, написалъ, во время конфликта учителей съ министерствомъ Клемансо, письмо послѣднему, формально непозволительнаго характера, какъ письмо республиканскаго чиновника къ главѣ республиканскаго правительства. Негръ былъ уволенъ. И вокругъ этого увольненія въ учительскомъ мірѣ началась агитація, которой, въ интересахъ самого правительства, цѣлесообразнѣе было бы избѣжать.

Итакъ, общественно-политическая физіономія учительскаго персонала опредѣляется не взглядами и желаніями оффиціальныхъ руководителей республики, а всей суммой жизненныхъ вліяній. Учителя, участвуя въ жизни страны, отражаютъ общую эволюцію идей, совершающуюся въ странѣ, при чемъ, естественно, усвоиваютъ въ большей

мѣрѣ тѣ идеи, которыя находятся въ связи съ его групповыми интересами. Будетъ, поэтому, правильно, если мы и остановимся первоначально на этихъ интересахъ, на соціальномъ положеніи учителя народной школы.

Матеріальное положеніе учителя—умственнаго работника — мало чѣмъ отличается отъ положенія физическаго работника, заработокъ котораго колеблется во Франціи, въ зависимости отъ районовъ, отъ трехъ до десяти франковъ въ день, приближаясь, въ среднемъ, въ провинціи—къ 4 фр., въ столицѣ—къ 5 или 6 фр. Учитель коммунальной школы, смотря по числу классовъ въ школѣ и числу лѣтъ службы, получаетъ въ годъ отъ 1.000 до 1.600 фр. жалованья, отъ 100 до 800 фр. квартирныхъ и отъ 200 до 400 фр. за добавочныя занятія въ школахъ съ большимъ числомъ классовъ. Такимъ образомъ, все денежное вознагражденіе учителя колеблется между 1.100 и 2.800 фр. въ годъ; иначе, календарный день оплачивается 3—7,70 фр., рабочій же день 3,70 — 9,35 фр. Продолжительность рабочаго дня велика. Уроки начинаются въ 8 час. утра и кончаются въ 5 час. послѣ обѣда, для котораго существуетъ двухчасовой перерывъ. На подготовку къ урокамъ, на исправленіе письменныхъ работъ и на внѣклассныя занятія нужно положить 3 часа; итого 10 часовъ чистой работы въ день. Учительницы несутъ ту же работу, что и учителя, но получаютъ вознагражденія на 10% меньше. Пенсіи учащимъ различны, въ зависимости отъ размѣра получаемаго жалованья. Низшій уровень полной пенсіи—600 фр. въ годъ для учителей и 500 фр. для учительницъ; высшій предѣлъ не превышаетъ 1.000 фр. въ годъ.

Уже одно это полное тождество матеріальнаго положенія учителя и рабочаго должно сближать ихъ соціально и политически. Привлекательность тѣхъ или иныхъ идей въ громадной степени зависитъ отъ интересовъ; то, что кажется и абсурднымъ, и вреднымъ зажиточному буржуа или финансовому королю, воплощаетъ въ себѣ всю истину и всю справедливость, когда представляется уму пролетарія. Правда, между положеніемъ пролетарія и учителя — въ особенности учителя свѣтской школы—есть и разница. Пролетарій — salarié—не чувствуетъ себя исполняющимъ какую-либо общественную миссію. Онъ работаетъ, чтобы жить, и эксплуатируется тѣми, кто его нанимаетъ. Положеніе просто, ясно и элементарно; его послѣдствіемъ является прямолинейная борьба за свою экономическую эмансипацію. Положеніе учителя сложнѣе. Онъ не только пролетарій, дешево продающій свой трудъ; онъ въ то же время носитель культуры, цивилизующій элементъ общества. Онъ ведетъ борьбу съ темными силами прошлаго во имя цивилизаціи, во имя интересовъ будущихъ поколѣній гражданъ. Онъ, такимъ образомъ, во власти не только своего

классоваго интереса, но и общихъ общественныхъ интересовъ. Это обстоятельство очень ярко отразилось на общественныхъ тенденціяхъ французской учительской корпораціи. Склоняясь все больше и съ теченіемъ времени все опредѣленнѣе въ сторону соціалистическихъ и синдикалистскихъ теорій, она, тѣмъ не менѣе, не могла стать противъ буржуазнаго государства, такъ какъ вела вмѣстѣ съ нимъ ожесточенную борьбу противъ клерикализма. Дѣло въ томъ, что свѣтская школа, нейтральная по имени, принуждена была ходомъ вещей занять боевое положеніе. Духовенство, находившіеся подъ его моральнымъ вліяніемъ родители и вообще клерикалы не могли и не хотѣли помириться съ секуляризаціей школы, и сколько могли травили и ее, и свѣтскаго учителя. Естественно, что на учителя выпала обязанность защищать и свою школу, и принципъ свѣтскаго образованія, и, наконецъ, республику, поднявшую знамя борьбы съ клерикализмомъ. Но защищаться и защищать—значитъ и нападать. И учителя нападали на клерикализмъ, на церковь, на религію, какъ въ школѣ, такъ и внѣ школы; они стали, силою вещей, республиканскими политическими агентами въ своихъ коммунахъ, стали избирательными агентами республиканскихъ депутатовъ въ ихъ борьбѣ съ реакціонерами и клерикалами на выборахъ. Союзъ свѣтской школы и породившей ее буржуазной демократической республики былъ, такимъ образомъ, очень крѣпокъ въ теченіе первыхъ лѣтъ послѣ реформы, и покоился на очень широкомъ основаніи. И это-то обстоятельство парализовало проявленіе революціонныхъ тенденцій учительскаго персонала.

Шли годы. Свѣтская школа крѣпла. Рядъ клерикальныхъ приступовъ былъ отбитъ. Кадры учителей наполнялись молодыми силами, прошедшими курсъ въ нормальныхъ школахъ. Въ странѣ соціализмъ и синдикализмъ получали все большее и большее распространеніе. Обострялась классовая борьба. Великая соціальная проблема становилась передъ общественнымъ сознаніемъ во весь ростъ, все сильнѣе занимая собою общественную мысль — а слѣдовательно и мысль учительской корпораціи, интеллигентной по преимуществу, стоящей на границѣ пролетаріата и ходомъ вещей принужденной таскать каштаны изъ огня для буржуазныхъ республиканцевъ. Все это свидѣтельствовало о близости момента, когда въ тенденціи учительскаго персонала долженъ былъ совершиться поворотъ. Онъ и произошелъ, при чемъ ближайшимъ поводомъ явилось дѣло Дрейфуса. Захвативъ на долгій срокъ все вниманіе французскаго общества, оно ребромъ поставило передъ общественной мыслью цѣлый рядъ проблемъ: о патріотизмѣ, о справедливости и т. п. Но что еще важнѣе—оно вскрыло всѣ dessous буржуазной республики. Правда, дѣло было пересмотрѣно и въ концѣ концовъ невинный оправданъ. Но было ясно, что безъ

страстныхъ усилій неправительственныхъ элементовъ, безъ усилій интеллигенціи, — напримѣръ, Зола — узникъ Чортова острова тамъ и окончилъ бы свои дни. Поэтому для многихъ, очень многихъ дѣло Дрейфуса является датой разрыва съ буржуазной республикой. Съ этого же времени начинается поворотъ налѣво и среди учительской интеллигенціи — поворотъ не очень быстрый, задерживаемый сложностью ея положенія и отвѣтственностью той работы, которую она несетъ въ школѣ, но тѣмъ не менѣе очень опредѣленной. Судить о немъ мы можемъ по слѣдующимъ тремъ признакамъ: во-первыхъ, по уклоненіямъ влѣво при выполненіи оффиціальной программы моральнаго преподаванія; во-вторыхъ—по идеямъ, развиваемымъ учителями въ своей педагогической прессѣ, на конгрессахъ и съѣздахъ; въ-третьихъ—по росту соціалистическаго и синдикалистскаго движенія.

Начнемъ съ перваго признака. По заявленіямъ многихъ учителей, оффиціальная программа оставлена совершенно въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ въ ея соціальной части. Проповѣдью деизма почти никто изъ учителей не занимается. Большинствомъ учителей вопросы религіи и церковной догмы затрагиваются лишь настолько, насколько они входятъ въ противорѣчіе съ элементарными данными науки, сообщаемыми ученикамъ. Извѣстный педагогъ и публицистъ Emile Boutroux, въ статьѣ: „L'éducation morale des jeunes français“, помѣщенной въ „Revue pédagogique“ за 1908 г., пишетъ: „Обыкновенно думаютъ, что свѣтская и „нейтральная“ школа, поскольку она устанавливаетъ отношеніе ученика къ религіи, должна прежде всего воспитать въ немъ чувство терпимости. Однако, слово это едва ли достаточно въ наше время, чтобы внести миръ и согласіе въ умы. Терпимости придавали громадное значеніе въ XVIII-мъ вѣкѣ. Ея апологетомъ были Вольтеръ и энциклопедисты,—и это понятно, потому что они были скептиками. Скептицизмъ же всегда терпимъ. Но въ наше время все входитъ понемногу въ сферу знанія; знаніе же исключаетъ терпимость къ ложному. Надо, поэтому, выяснить себѣ, нѣтъ ли въ религіи и ошибокъ ума, и извращеній воли,—или же ея содержаніе имѣетъ въ глазахъ разума законное основаніе для существованія?.. Въ религіи есть элементы несовмѣстимые съ наукой“. Бутру, однако, далѣе указываетъ на то, что религіозная мораль помогала въ свое время людямъ подниматься выше по ступенямъ совершенствованія; онъ видитъ въ ней положительные элементы и считаетъ необходимымъ выяснить ихъ ученикамъ. Другіе педагоги новой формаціи болѣе рѣшительны: они оставляютъ и религіозное воспитаніе, и вообще религіозныя темы совершенно въ сторонѣ.

Составители оффиціальной программы морали, преподаваемой въ школѣ, какъ я указывалъ выше, стремились къ образованію хоро-

шаго человѣка и добраго гражданина демократической республики; для полноты слѣдовало бы прибавить: демократической, но буржуазной республики. Отсюда тотъ пунктъ программы, который говоритъ объ уваженіи къ имуществу и собственности. Конечно, подъ уваженіемъ къ собственности надо понимать не отрицаніе грабежа и воровства, а уваженіе къ институту. Собственность—основа буржуазнаго общества и не должна оспариваться въ школѣ. Жюлю Ферри и его товарищамъ казалось, что соціальный вопросъ въ жизни поставленъ не настолько остро, чтобы вторженіе его въ школу было необходимо и неизбѣжно; поэтому-то соціальному вопросу вообще отведено въ программѣ немного мѣста. Не то мы видимъ въ современной жизни. И вотъ, тотъ же Бутру, въ указанной выше статьѣ, пишетъ: „Собственность, ея формы и ея право на существованіе, организація труда, нужда и борьба съ нею—всѣ эти вопросы такъ остро поставлены въ жизни, что не затронуть и не освѣтить ихъ въ школѣ нельзя. Конечно, ихъ не надо затрагивать въ духѣ партій или сепаратныхъ интересовъ. Надо найти общую и научную точку зрѣнія на нихъ". Бутру полагаетъ, что въ области соціальнаго вопроса важнѣе всего выработать и сообщить дѣтямъ „идеалъ соціальной справедливости". Этотъ идеалъ онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Каждому индивиду безъ исключенія, тѣмъ или инымъ способомъ, долженъ быть обезпеченъ минимумъ матеріальныхъ и моральныхъ благъ, необходимыхъ для достоинства личности и для ея развитія". Онъ приходитъ, такимъ образомъ, къ постановкѣ цѣлей, не включенныхъ въ программу и чуждыхъ буржуазной организаціи общества и собственности. Правда, ставя свой идеалъ, онъ считаетъ нужнымъ внушить ученикамъ, что осуществленъ онъ долженъ быть не революціоннымъ путемъ. Бутру — реформистъ. Онъ вѣритъ въ реформирующее дѣйствіе идей и работы мысли. Революціи, по его мнѣнію, вызываютъ изъ глубины общественной на поверхность силы, дѣйствіе которыхъ не подлежитъ предвидѣнію; ломая настоящее, онѣ губятъ и то хорошее, что въ немъ имѣется. Онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать эти идеи понятными ученикамъ, и такимъ образомъ направить ихъ умъ и волю по вѣрному пути эволюціи, полнѣе обезпечивающей достиженіе поставленнаго идеала соціальной справедливости. Но, какъ мы уже видѣли, Бутру—умѣренный, а между учителями много соціалистовъ и синдикалистовъ; объ этомъ можно судить потому, что наиболѣе читаемые учителями педагогическіе журналы считаютъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ большинство лидеровъ соціалистической партіи; синдикальныя же организаціи учителей, не смотря на то, что администрація смотритъ на нихъ очень косо, мы находимъ въ десяти департаментахъ—Обы, Устьевъ Роны, Шера, Нижней Луары, Мена и Луары, Марны, Мор-

бигана, Сѣверномъ, Роны и Сены. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что территоріально синдикальныя учительскія организаціи находятся въ центрахъ промышленности. Очевидно, онѣ возникаютъ не случайно, а подчиняясь закону нѣкотораго спроса. Тамъ, гдѣ синдицированы отцы учениковъ, тамъ синдицированы и учителя: разительное доказательство связи демократической школы съ жизнью. Но возвратимся къ нашей темѣ. Очевидно, что, тронутые „крайними" ученіями, учителя идутъ въ разъясненіи ученикамъ соціальнаго вопроса далѣе умѣреннаго Бутру. Особенно въ острые моменты борьбы капитала съ трудомъ, когда домашняя обстановка учениковъ полна атмосферой борьбы и соціальной ненависти, — учитель, какъ бы онъ далекъ ни былъ отъ демагогіи, особенно отъ демагогіи въ школѣ, все-таки дастъ событіямъ освѣщеніе съ точки зрѣнія труда, а не капитала.

Программа гражданскаго образованія имѣла въ виду выработать изъ ученика добраго патріота, горячо любящаго свое отечество, Францію, и добраго солдата, чтущаго дисциплину. Не надо думать, чтобы современная школа стала очагомъ антипатріотизма или орудіемъ распространенія антимилитаристическихъ идей. Но несомнѣнно, что и въ сферѣ этого вопроса педагогическая практика далеко расширила рамки школьной программы. „Раціональное ли чувство — патріотизмъ?"—спрашиваетъ Бутру. И отвѣчаетъ: „Есть патріотизмъ разныхъ родовъ. Во-первыхъ, шовинистическій патріотизмъ — агрессивный. Во-вторыхъ, патріотизмъ, говорящій: человѣчество кончается для меня на границахъ моей страны; каждый за себя. Ни тотъ, ни другой видъ патріотизма не оправдывается разумомъ. Разумъ ищетъ истину, годную для человѣка вообще. Отсюда—гуманитаризмъ, общечеловѣческая точка зрѣнія. Она, конечно, не исключаетъ національной. Человѣчество — сумма; нація — слагаемое. Но какъ слагаемое нельзя противополагать суммѣ, такъ и націю нельзя противополагать человѣчеству. И дѣтей надо пріучить видѣть въ націи лишь члена общечеловѣческой семьи".

— Ну, а что разсказываете вы вашимъ ученикамъ, когда говорите о войнахъ, объ арміи, о дисциплинѣ?—спросилъ я одного учителя коммунальной школы.

— Я — отвѣтилъ онъ мнѣ — и, насколько я знаю, большинство моихъ товарищей проводимъ всегда одну идею, что война законна лишь оборонительная, когда врагъ, движимый стремленіемъ къ захвату чужой національной собственности, вторгается въ страну, лишаетъ жителей ея свободы и топчетъ культуру. Тогда долгъ каждаго гражданина защищать свою страну, и эта защита является единственной законной цѣлью существованія арміи. Употребленіе же армій для угнетенія чужихъ народностей, въ какой бы формѣ оно ни про-

являлось, или для угнетенія одной части гражданъ другими,—всегда не болѣе и не менѣе какъ преступленіе.

Какъ далеки эти взгляды на патріотизмъ, войну и армію не только отъ взглядовъ узкихъ и агрессивныхъ націоналистовъ, но и отъ воззрѣній правящей буржуазіи! Въ нихъ сказывается духъ молодой демократіи, близкой къ народнымъ массамъ и ихъ насущнымъ и дѣйствительнымъ интересамъ.

Перейдемъ теперь къ воззрѣніямъ учительской среды, насколько они отражаются въ учительскихъ конгрессахъ. Передо мной отчетъ второго интернаціональнаго конгресса учителей начальной школы [1]). Вотъ, напр., выдержка изъ рѣчи М. Ру, президента федераціи дружескихъ союзовъ французскихъ учителей (les amicales), въ которой онъ опредѣляетъ одну изъ основныхъ задачъ воспитанія.

„Научимъ нашихъ учениковъ любить отечество, въ которомъ они родились, такъ же какъ они любятъ свою провинцію, свой городъ, свое селеніе; но научимъ ихъ такъ же любить свое великое отечество—землю; любить родныхъ и друзей, среди которыхъ они живутъ, но такъ же и людей, живущихъ подъ чужими небесами, которыхъ они не знаютъ, но которые такъ же думаютъ и чувствуютъ, какъ они, и вмѣстѣ съ ними работаютъ на благо человѣчества. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, нужно интернаціонализировать программы и методы преподаванія; главное же, мы сами, учителя, должны подняться выше предразсудковъ и предубѣжденій иной эпохи, чтобы быть въ состояніи умѣло, осторожно, но рѣшительно разсѣять и уничтожить въ народныхъ массахъ предразсудки, питающіеся традиціей и невѣжествомъ... Будемъ же работать, дорогіе товарищи... и всего усерднѣе будемъ работать надъ упроченіемъ мира. Общими усиліями выработаемъ изъ себя людей, способныхъ воспитать въ молодыхъ поколѣніяхъ преданность справедливости и любви и вражду къ несправедливости и національной розни. Если про нашихъ предшественниковъ говорили, что благодаря ихъ трудамъ націи побѣждали на полѣ сраженія, то пусть про современнаго учителя скажутъ, что онъ одержалъ самую трудную изъ побѣдъ: побѣду надъ невѣжествомъ, несправедливостью и войной".

А вотъ отрывокъ изъ рѣчи другого французскаго учителя, Росиньоля, президента интернаціональнаго бюро учительской федераціи, отрывокъ, дающій возможность оцѣнить всю возвышенность строя мыслей, общаго не только французской учительской корпораціи, но и всему интернаціональному учительскому конгрессу. Рѣчи Ру и Рос-

[1]) „Deuxième Congrès International de l'enseignement primaire. Compte-rendu officiel". Paris, 1910.

синьоля встрѣтили общее и горячее одобреніе; множество ораторовъ высказались въ томъ же духѣ.

Сначала Россиньоль опредѣляетъ источники здороваго и благороднаго патріотизма. Это, прежде всего, знакомство съ усиліями предшествовавшихъ поколѣній, направленными на то, чтобы сдѣлать жизнь лучше, красивѣе и разумнѣе, чтобы сдѣлать свою страну прекрасной, великой и достойной любви. Признательность къ этимъ людямъ, послужившимъ уголку земли, уже дорогому по привычкѣ, есть первая форма патріотизма. Изъ него, между прочимъ, вытекаетъ сознаніе соціальнаго долга, долга передъ обществомъ, лежащей на каждомъ обязанности сохранять, охранять, увеличивать и улучшать наслѣдіе, полученное отъ прошлаго. Далѣе, учась и разсуждая, ребенокъ, а затѣмъ и юноша узнаютъ, что и по ту сторону національныхъ границъ совершалось и совершается та же работа цѣлыхъ поколѣній, смѣняющихъ другъ друга, надъ улучшеніемъ жизни и ея облагороженіемъ. Тогда въ умахъ необходимо должна возникнуть идея международной солидарности, культурной общности націй, какъ членовъ единаго человѣчества. Въ системѣ чувствъ эта идея найдетъ свое выраженіе въ видѣ чувства международнаго братства.

Въ идеяхъ Ру, Россиньоля и привѣтствовавшаго ихъ международнаго конгресса учителей, представлявшаго собою 400.000 учителей 14 государствъ Европы, нѣтъ ничего исключительнаго, ничего неслыханно новаго. Но тѣмъ не менѣе... На моемъ письменномъ столѣ лежатъ двѣ брошюрки—школьныя воспоминанія двухъ авторовъ, прошедшихъ французскую коммунальную школу въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Одна изъ брошюръ написана, повидимому, умѣреннымъ республиканцемъ, имя котораго ничего мнѣ не говоритъ, другая—революціонеромъ Эрвэ. И однако обѣ рисуютъ школу тридцать лѣтъ тому назадъ пропитанною ненавистью къ попамъ—съ одной стороны, шовинистическимъ патріотизмомъ — съ другой, и вовсе не затрогивавшею соціальнаго вопроса. Если мы сравнимъ съ нею современную школу, въ которой дѣтямъ трудящихся классовъ—пролетаріевъ, крестьянъ и мелкихъ буржуа—говорятъ о правѣ человѣка на минимумъ матеріальныхъ благъ, о долгѣ передъ народомъ и культурой, о любви къ человѣчеству, о всемірномъ братствѣ, школу, въ которой стремятся развить чувства соціальной справедливости и воспитать отвращеніе къ насилію и угнетенію во всѣхъ его видахъ и формахъ, то мы должны будемъ признать, что разница между этими двумя школами неизмѣрима.

Не надо забывать, что эти идеи соціальной справедливости и общечеловѣческаго братства, эти сѣмена новой цивилизаціи разсѣваются въ средѣ, экономически, соціально и морально неудовлетво-

ренной. Одни и тѣ же понятія различнымъ образомъ преломляются въ умахъ господствующихъ классовъ — и въ умахъ классовъ, стремящихся къ тому, что̀ въ ихъ глазахъ является воплощеніемъ „соціальной справедливости“. Поэтому едва ли я ошибусь, если скажу, что проповѣдь справедливости и мира, которую ведетъ въ школѣ учительская интеллигенція, играетъ въ ней роль не смягчающаго пластыря, а фермента идейнаго и соціальнаго броженія.

Эта соціально-ферментаціонная роль моральнаго воспитанія, даваемаго въ школѣ учительской корпораціей, еще усиливается тѣмъ, что въ самой корпораціи съ теченіемъ времени руководящую роль получаютъ наиболѣе крайніе, и по идеямъ, и по методамъ дѣйствія, элементы. Учительская корпорація выбираетъ своихъ представителей въ департаментскіе совѣты. И вотъ, въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ замѣчено, что число учителей-синдикалистовъ, проходящихъ въ департаментскіе совѣты, все увеличивается, и увеличивается также число голосовъ, подаваемыхъ за синдикалистовъ вообще. Обстоятельство это начинаетъ серьезно безпокоить буржуазные круги. Послѣ департаментскихъ выборовъ въ департаментѣ Сены, учительскій персоналъ котораго считается вообще умѣреннымъ, въ „Journal dei Débats“ появилась очень тревожная статья, въ которой читаемъ:

„Въ этихъ выборахъ поражаетъ насъ прежде всего то, что почти всѣ выходящіе представители учительской корпораціи выбраны вновь, за исключеніемъ одной директрисы, умѣренной по своимъ воззрѣніямъ. Въ дѣло вмѣшались даже учительницы: онѣ забаллотировали ее одновременно и какъ директрису, и какъ представительницу отсталыхъ воззрѣній. Извѣстно, что въ числѣ делегатовъ уже давно нѣтъ ни одного директора школы; та же участь скоро постигнетъ и директрисъ. Въ настоящее время изъ семи представительницъ женскаго учительскаго персонала насчитываются только двѣ директрисы. Кто же, въ концѣ концовъ, выбранъ? Во-первыхъ, три воинствующихъ синдикалиста, открыто принадлежащіе къ „Всеобщей конфедераціи труда“. При этомъ число голосовъ, поданныхъ за г. Глея, одного изъ самыхъ замѣтныхъ синдикалистовъ и редактора „Humanité“, увеличилось за четыре года на 91 голосъ. Другой синдикалистъ, г. Кузиньé получилъ четыре года тому назадъ 221 голосъ, теперь — 430. Факты эти не свидѣтельствуютъ ни о здравомъ смыслѣ учительской корпораціи, ни о распространенности среди учителей патріотическихъ идей, ни о преданности ихъ интересамъ школы,—о чемъ такъ любятъ говорить. Безполезно втирать себѣ очки. Крайніе не выронили изъ рукъ оружія; они выигрываютъ почву и растутъ численно, во-первыхъ, вслѣдствіе постепеннаго выхода въ отставку учителей старшаго возраста, во-вторыхъ — вслѣдствіе инертности тѣхъ, которые, быть

можетъ, составляютъ еще истинное большинство корпораціи. Остальные четыре выбранныхъ делегата не объявляютъ себя синдикалистами и не стоятъ подъ высокимъ покровительствомъ конфедераціи труда. Но не надо обманываться. Во многихъ случаяхъ, между прочимъ въ дѣлѣ учителя Негра,—они шли въ ногу съ остальными. Всегда члены департаментскаго совѣта отъ учителей выступали какъ одно цѣлое, подъ предводительствомъ синдикалистовъ, вмѣсто того чтобы бороться съ вліяніемъ послѣднихъ".

Оцѣнивая это явленіе, газета совершенно правильно заключаетъ, что передъ нами глубокая эволюція, происходящая въ нѣдрахъ учительскаго сословія. Она означаетъ уклоненіе учительской корпораціи отъ идей основателя свѣтской школы, Жюля Ферри, и грозитъ республикѣ многими бѣдствіями. „Замалчивать, — какъ это теперь въ модѣ,—все то, что можетъ развить въ дѣтяхъ патріотизмъ и любовь къ своей странѣ—значитъ пренебрегать обязанностями воспитателя. А между тѣмъ во множествѣ школъ это теперь считаютъ за особую честь".

Консервативная газета констатируетъ, такимъ образомъ, несомнѣнный фактъ, останавливающій на себѣ общее вниманіе: добрые старые учителя, скромные послушные чиновники, усердно воевавшіе съ церковью и преданные буржуазному правительству, уходятъ со сцены, вымираютъ. Ихъ мѣсто занимаютъ молодые, пропитанные новыми взглядами и стоящіе въ полномъ противорѣчіи съ доктринами, аппробованными буржуазіей. И въ духѣ новыхъ соціальныхъ и широко-гуманитарныхъ идей они и воспитываютъ учениковъ.

Можно ли этого избѣжать? Да, если передѣлать школу на россійскій ладъ. Изгнать изъ школы идеи; упразднить преподаваніе морали, подчинить школу полицейскому надзору, увольнять учителей, несоотвѣтствующихъ извѣстному политическому цензу. Путь этотъ закрытъ для республиканской и демократической Франціи. Франція погибнетъ и политически, и экономически, если кадры ея взрослаго населенія не будутъ пополняться интеллигентными и сознательными юношами, умѣющими цѣнить и защищать то хорошее, что есть въ ея учрежденіяхъ, умѣющими работать такъ, какъ можетъ работать развитой человѣкъ, умѣющими горячо и сознательно стремиться къ лучшему будущему. Чтобы дать такого ученика, школа должна быть разсадникомъ живой и искренней мысли; учитель долженъ быть свободнымъ и убѣжденнымъ общественнымъ дѣятелемъ, участникомъ коллективной работы великаго народа, стремящагося къ созданію новыхъ, лучшихъ и соціально-справедливыхъ формъ жизни. И, конечно, если въ странѣ рушится и подгниваетъ буржуазный строй, если въ сознаніи народныхъ массъ буржуазный идеалъ и буржуазная мораль блѣднѣютъ и

теряютъ внутреннюю цѣну—процессъ этотъ не можетъ не отразиться въ школѣ, двери которой по необходимости открыты для всѣхъ проклятыхъ вопросовъ вѣка.

Школа, такимъ образомъ, по необходимости дѣлается факторомъ воспитанія народа въ духѣ нарождающихся общественныхъ идей,—идей соціальной справедливости, человѣческаго достоинства и всемірнаго братства. Иной роли она во Франціи играть не можетъ—и не будетъ.

Бѣлоруссовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ БѢЛГРАДА

Въ Болгаріи стоитъ въ настоящее время на очереди вопросъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ конституціи. Рѣшить этотъ вопросъ окончательно въ ту или другую сторону правомощно лишь такъ-называемое Великое Народное Собраніе, созываемое въ случаяхъ особой важности, и притомъ не въ Софіи, а въ столицѣ древняго болгарскаго царства—Тырновѣ; но предварительное рѣшеніе должно исходить отъ обычнаго парламента, и только въ случаѣ принятія имъ законопроекта онъ можетъ поступить на разсмотрѣніе Великаго Народнаго Собранія въ Тырновѣ.

Конечно, общество и печать въ Болгаріи относятся съ большимъ вниманіемъ къ столь важному для жизни болгаръ вопросу; но несовсѣмъ понятно, съ перваго взгляда, то напряженное вниманіе, съ которымъ относится къ этому вопросу и сосѣдка Болгаріи—Сербія. Въ дѣйствительности, однако, основанія для такого отношенія у сербовъ имѣются очень серьезныя. Для полнаго ихъ выясненія необходимо нѣсколько уклониться въ сторону и, прежде всего, сказать нѣсколько словъ о Бѣлградѣ и его населеніи.

Когда вы попадаете изъ Софіи въ Бѣлградъ, вамъ сразу бросается въ глаза сильная разница между этими двумя столицами сосѣднихъ между собою славянскихъ государствъ. Не взирая на бо́льшую близость къ Европѣ (Балканскій полуостровъ „Европою“ признается далеко не всѣми, а если и признается, то съ прилагательнымъ „savage“,—именно такъ и назвалъ, напримѣръ, свою книгу о Балканскомъ полуостровѣ Harry de Windt: „Through savage Europe“, вышедшую въ Лондонѣ въ 1907-мъ году), жизнь въ Бѣлградѣ течетъ, по сравненію съ Софіей, какъ-то тише, спокойнѣе, проще. Это не значитъ, конечно, что въ Сербіи найдется много сторонъ жизни,

которыя могли бы порадовать сердца русскихъ „славянофиловъ"—вѣдь у насъ до сихъ поръ не вымерла еще порода людей, которая, хотя и совершенно незаконно, но упорно продолжаетъ величать себя этимъ именемъ. Исчезаетъ сербская земельная задруга, отошли безусловно въ область преданія „патріархальныя" отношенія между верховною властью и „подданными" (финалъ попытки короля Александра Обреновича оживить такой „патріархатъ" еще у всѣхъ свѣжъ въ памяти). Тѣмъ не менѣе, физіономія Бѣлграда рѣзко отличается отъ физіономіи Софіи, я бы сказалъ, гораздо большею мягкостью самыхъ тоновъ жизни. Здѣсь несравненно меньше той „бульварности", которая сразу кидается въ глаза въ столицѣ Болгаріи, гдѣ аншлаги всѣхъ цвѣтовъ съ содержаніемъ газетъ или самыми рекламными извѣщеніями о всякихъ новинкахъ покрываютъ всѣ улицы, гдѣ продавцы газетъ выкрикиваютъ о помѣщенныхъ въ нихъ извѣстіяхъ не хуже чѣмъ въ Парижѣ. Сходство болгарской жизни съ жизнью культурныхъ европейскихъ центровъ только такими сторонами, однако, и ограничивается. Вглубь культура эта, истинно демократическая культура, проникаетъ весьма туго и дѣло ограничивается одними лишь словами. Газета „Камбана" можетъ сколько угодно призывать населеніе не только не соглашаться на проектированное измѣненіе конституціи (состоящее, между прочимъ, въ усиленіи нѣкоторыхъ правъ короны), но и организовывать по всей странѣ митинги для принятія резолюцій объ установленіи въ Болгаріи республики. Это выстрѣлы абсолютно холостые, на дѣлѣ никого не интересующіе и усиленію власти Фердинанда—такъ называемому его „личному режиму"—ни малѣйшаго ущерба не приносящіе. Иное дѣло въ Сербіи. Эта страна въ полномъ смыслѣ слова демократическая, страна, гдѣ никакихъ призывовъ à la „Камбана" не раздается, гдѣ, напротивъ, отношенія къ королю не только простыя, но, я готовъ сказать „панибратскія", но гдѣ въ то же время ни о какомъ „личномъ режимѣ" не можетъ быть и рѣчи, ибо страна съумѣла заставить верховную власть ни въ чемъ не выходить за предѣлы дозволеннаго. Демократизмъ сидитъ въ Сербіи страшно глубоко. Каждый, рѣшительно каждый сербъ, какое бы громкое имя ни носилъ онъ въ политикѣ, наукѣ или литературѣ, если не собственноручно въ дѣтствѣ ковырялъ землю или пасъ скотъ, то ужъ непремѣнно помнитъ, что этимъ занимался его отецъ или, въ исключительныхъ случаяхъ, дѣдъ. Здѣсь не только не было никогда аристократіи, но не было и просто „баръ". Когда въ тургеневскихъ „Отцахъ и дѣтяхъ" Базаровъ, въ спорѣ съ Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ, гордо произносилъ слова: „мой дѣдъ землю пахалъ, спросите, вотъ, у этого мужика, кого онъ признаетъ ближе себѣ,—васъ или меня",—то Базаровъ упускалъ при этомъ изъ

виду одно весьма важное обстоятельство: мужику, на котораго онъ ссылается, рѣшительно не было никакого дѣла до того, чѣмъ занимался дѣдъ Базарова; онъ видѣлъ его самого въ станѣ *баръ* и изъ этого осязательнаго факта выводилъ всѣ дальнѣйщія заключенія. Отвѣтъ на базаровскій вопросъ мужикъ далъ, какъ извѣстно, не Базарову и не Кирсанову, а такому же мужику, спросившему у него, о чемъ съ нимъ говорилъ „дохтуръ“: „извѣстно баринъ, нéшто онъ што понимаетъ“... Не то въ странѣ, гдѣ не было совсѣмъ „баръ“. Случилось мнѣ на дняхъ присутствовать на докладѣ, который дѣлалъ передъ сербской демократической партіей мужикъ-самоучка („селякъ“) Лýкичъ. Тема доклада—экономическій и культурный бытъ сербскихъ селяковъ. Предсѣдателемъ собранія былъ профессоръ бѣлградскаго университета (геологъ), недавно еще бывшій сербскимъ посломъ въ Лондонѣ, а затѣмъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, Жуевичъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ въ бюро членъ той же демократической партіи, бывшій сербскій премьеръ-министръ Стоя́новичъ. Собраніе происходило въ ультрадемократической „кафанѣ“. Столь же демократиченъ былъ и составъ публики. Докладчикъ, мужикъ-самородокъ, говорилъ много интереснаго, но интересъ этотъ возросъ еще болѣе, когда, послѣ преній, взялъ слово предсѣдатель, заявившій, что такъ какъ онъ „самъ вышелъ изъ лаптя“ и въ дѣтствѣ былъ пастухомъ (помните, что это говоритъ бывшій лондонскій посланникъ и министръ иностранныхъ дѣлъ), то предложенная собранію его „другомъ“ Лýкичемъ тема особенно близка его сердцу, и онъ долженъ сказать по поводу ея то-то и то-то. Говорилъ онъ долго, слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ и едва ли кому изъ бывшихъ на собраніи „селяковъ“ пришла въ голову мысль: „извѣстно баринъ, нешто онъ што понимаетъ“...

Вотъ этого сліянія общественныхъ положеній вы въ Болгаріи уже не найдете. Тамъ тоже нѣтъ аристократіи, нѣтъ дворянства, нѣтъ сословныхъ различій, но образовавшійся еще во времена турецкаго владычества экономически весьма прочный классъ „чорбаджіевъ“ выдѣлилъ потомъ изъ своей среды тотъ „высшій слой“ населенія, который рѣзко отличается отъ массы народа. Къ нему же примкнули и всякаго рода „дѣльцы“, обдѣлывающіе, главнымъ образомъ въ области молодого „государственнаго строительства“, свои собственные гешефты. Вся общественно-политическая атмосфера Болгаріи проникнута духомъ именно такого „строительства“, и она до такой степени, поэтому, „реалистична“, что лучшіе представители болгарской интеллигенціи,—а они въ Болгаріи есть, и они въ высшей степени симпатичны,—не находятъ словъ для порицанія своей собственной страны. „У насъ въ Болгаріи, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—есть такое изреченіе: болгаринъ смотритъ на небо только затѣмъ, чтобы узнать,

будетъ дождь или нѣтъ. Смотрѣть на небо съ цѣлями не утилитарными, съ цѣлями поэтическими, художественными, религіозными, философскими — болгарину недоступно... А наши политическія партіи, наша ежедневная пресса! Есть отъ чего въ отчаяніе придти..."

Въ той, несомнѣнно весьма значительной, долѣ правды, которая заключена въ этихъ словахъ, несовсѣмъ неповинна, однако, и лучшая часть болгарской интеллигенціи. Милая, но хилая интеллигенція эта, отличаясь высокимъ духовнымъ развитіемъ, въ то же время слаба, безвольна, малоспособна на повседневную, упорную, такъ сказать черную культурную работу, непрестанную борьбу съ „мелочами жизни", постепенное, но ohne Hast, ohne Rast, завоеваніе позицій. Оттого такъ легко завладѣваютъ чрезвычайно важными, въ культурномъ отношеніи, позиціями всякаго рода „дѣльцы" à la г. Бобчевъ, недостойные развязать ремня у обуви истинныхъ представителей болгарской интеллигенціи, но умѣющіе — въ этомъ надо отдать имъ справедливость—мозолить руки въ упорной повседневной работѣ.

Но, конечно, главное дѣло не въ малой работоспособности болгарской интеллигенціи: дѣло въ своеобразныхъ условіяхъ болгарской жизни. Передъ нами такая, заключающая въ глубинахъ своихъ чрезвычайно интересную соціально-политическую проблему, картина. Дана безусловно демократическая конституція; дано всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право; дана полная свобода слова, печати, собраній и союзовъ; дана система народнаго образованія, при которой въ самомъ скоромъ времени будетъ уже 100% прошедшихъ черезъ народную школу (четырехклассную) болгаръ; данъ парламентскій режимъ, дана обязательность для кабинета имѣть всегда за собою парламентское большинство,—дано *все это* и, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію тотъ на всѣ лады обсуждаемый и осуждаемый болгарскимъ обществомъ *фактъ*, что въ Болгаріи на дѣлѣ господствуетъ такъ называемый „личный режимъ" царя Фердинанда. Положимъ, падаетъ кабинетъ: распускается парламентъ и назначаются новые выборы. Казалось бы, что будущій кабинетъ можетъ опредѣлиться вполнѣ только послѣ выборовъ въ парламентъ, которыми выяснится парламентское большинство. Но это только „казалось бы", на дѣлѣ же будетъ вотъ что: если Фердинандъ пожелаетъ замѣнить, положимъ, находящійся нынѣ у власти демократическій кабинетъ какимъ-нибудь другимъ, скажемъ, коалиціоннымъ изъ народняковъ и цанковистовъ, то онъ просто-напросто призоветъ народняческихъ и цанковистскихъ лидеровъ, условится съ ними относительно будущаго кабинета и затѣмъ распуститъ парламентъ. Произойдутъ новые выборы, и они дадутъ *непремѣнно*—будьте въ этомъ увѣрены, ибо „такъ было—

такъ будетъ",—не какое бы то ни было другое, а именно цанковистско-народняческое большинство парламента!..

И это, повторяю, при полной и безусловной свободѣ избирательной агитаціи, при совершенно открытой и отнюдь не преслѣдуемой принадлежности девяноста процентовъ къ соціалистическимъ и другимъ лѣвымъ политическимъ партіямъ сельскихъ народныхъ учителей при незнающей преградъ для выраженія своего негодованія на „личный режимъ" прессѣ. И все-таки: будетъ именно народняческо-цанковистское большинство и будетъ, поэтому, вполнѣ отвѣчающій теоріи парламентаризма въ данную минуту кабинетъ, — тотъ самый кабинетъ, образованіе котораго было предрѣшено еще до выборовъ. Всѣ это знаютъ, всѣ этимъ возмущаются (кромѣ, конечно, той партіи, которая призывается къ власти) и всѣ въ то же время совершенно увѣрены, что возмущеніе ихъ ни къ чему не поведетъ и что все произойдетъ именно такъ, какъ предрѣшено во дворцѣ, съ точностью движенія небесныхъ свѣтилъ.

Въ чемъ же тутъ дѣло?

Отвѣты можно услышать въ Болгаріи различные.

Соціалъ-демократы, напримѣръ (къ слову сказать, изъ имѣвшихся у нихъ раньше въ парламентѣ семи депутатовъ растерявшіе ихъ теперь всѣхъ до единаго) скажутъ вамъ, что все дѣло—въ недостаточной еще численности въ Болгаріи пролетаріата, этого „единственнаго носителя" всякаго рода противоядій злу міра сего; а вотъ когда пролетаріатъ разовьется, то, исходя изъ своихъ ясно сознанныхъ классовыхъ интересовъ, онъ положитъ конецъ „личному режиму" и все такое прочее, что говорить въ подобныхъ случаяхъ установлено ein für allemal по партійному канону.

Сливки высшей болгарской литературной интеллигенціи укажутъ, какъ на причину печальнаго явленія, на основныя черты національнаго характера болгаръ и засыплютъ васъ примѣрами, подтверждающими обоснованность ихъ пессимизма.

Немало раздается голосовъ, относящихъ данное положеніе вещей прямо къ личности царя Фердинанда, человѣка, болгарскимъ обществомъ ненавидимаго, но, какъ политика — это признаютъ очень многіе, и отрицать этого, по моему, нельзя,—весьма искуснаго.

Съ своей стороны исчерпывающаго отвѣта на поставленный вопросъ дать въ этихъ строкахъ я, разумѣется, не собираюсь, но думаю, что, пробывъ въ Болгаріи цѣлый годъ, я въ состояніи намѣтить для разрѣшенія его нѣкоторыя данныя.

Болгаринъ—реалистъ, болгаринъ — прозаикъ, болгаринъ — мѣщанинъ,—говоритъ про свой народъ болгарская интеллигенція, и это совершенно вѣрно; но болгаринъ вмѣстѣ съ тѣмъ даже и тогда, когда онъ

бранитъ свою Болгарію, въ послѣднемъ счетѣ горячій патріотъ, большой націоналистъ и—last not least! — въ душѣ инстинктивно „политикъ“, именно политикъ. Не надо забывать, что наша собственная „традиція“ о Москвѣ, какъ о „третьемъ Римѣ“, перешла къ намъ, такъ сказать, по наслѣдству отъ стараго болгарскаго царства, гдѣ мечта о Тырновѣ, какъ о „третьемъ Римѣ“, который „стоитъ, растетъ, крѣпится и омлаждается“, гуляла въ умахъ еще въ XIV-мъ вѣкѣ, въ эпоху болгарскаго „царя и самодержца“ Іоанна Александра. Прошло пятьсотъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ событія смели съ лица земли старую мечту, но вѣдь возникло же снова не княжество, не королевство, а именно *царство болгарское*... И закончило ли оно свою національную задачу? Римомъ не Римомъ, а Піемонтомъ царство это быть очень и очень мечтаетъ. Событія поощряютъ эту мечту въ степени чрезвычайно большой. Вѣдь на пространствѣ какихъ-нибудь 30—35 лѣтъ страна эта изъ несчастной турецкой провинціи превратилась сначала въ самостоятельное княжество,—положимъ, благодаря Россіи, но „не все ли равно?“ думаетъ болгаринъ, — но во всякомъ случаѣ превратилось; потомъ княжество это съ Румеліей возсоединилось, — возсоединилось „самочинно“, вопреки Берлинскому трактату, навлекши на себя этимъ актомъ гнѣвъ всей оффиціальной Россіи, съ Александромъ III во главѣ,—и опять-таки, не все ли это равно, какими средствами, но фактъ тотъ, что „возсоединеніе“ совершилось, стало въ концѣ концовъ общепризнаннымъ... Наконецъ, когда нежданно-негаданно разразилась турецкая революція, княжество быстро и этимъ воспользовалось, послѣднюю тѣнь вассальной зависимости отъ Турціи съ себя сбросило и въ самостоятельно *болгарское царство* превратилось. Совершивъ такой актъ опять-таки „самочинно“, Болгарія дала этимъ, правда, прекрасный поводъ Австріи въ свою очередь поживиться de jure за счетъ Турціи, а de facto за счетъ „родной“ болгарамъ Сербіи (аннексія Босніи и Герцеговины). Все это такъ, но тутъ, какъ и прежде, болгарамъ это рѣшительно ganz egal: „побѣдителей не судятъ“, происшедшее событіе стало въ глазахъ всего міра fait accompli—чего же больше?... Болгарія поднялась на сравнительно огромную высоту, ея царь, ну хотя бы тамъ въ Лондонѣ, на похоронахъ Эдуарда, шелъ во *второмъ* ряду,—впереди были только король англійскій да императоръ германскій; представитель Россіи, великій князь, шелъ гдѣ-то тамъ въ седьмой-восьмой парѣ,—и болгары, даже тѣ, что такъ поносятъ страну свою вообще и царя Фердинанда въ частности, отнеслись къ этому факту далеко-далеко не равнодушно...

Кто за тридцать лѣтъ выигралъ три *такія* карты, почему ему

не помечтать и о картѣ четвертой, картѣ важности чрезвычайной, картѣ македонской?...

И болгары упорно идутъ именно по этому пути. Конечно, такія дѣла дѣлаются не вдругъ; конечно, между завершающими ихъ точками течетъ обыденная, повседневная жизнь,—жизнь сѣрая, скучная, мѣщанская, жизнь того средняго болгарина, который такъ отчетливо изображенъ покойнымъ талантливымъ болгарскимъ писателемъ Алеко Константиновымъ въ типѣ „Бай-Ганю", этого, въ сущности, внутри еще дикаря, но, не смотря на то — или, вѣрнѣе, именно потому— взирающаго на все культурное человѣчество сверху внизъ, превращающаго политику въ американское „business". Или жизнь дѣятелей ежедневной печати, типа почти поголовно желтой прессы, той самой, яркія картины которой можно видѣть въ твореніяхъ Бретъ-Гарта или Марка Твэна, печати шумливой, крикливой, рекламной, безидейной, гоняющейся исключительно за сенсаціями, непрестанно обвиняющей кого-нибудь въ кражахъ или другъ друга въ подкупности, абсолютно не стѣсняющейся въ употребленіи по адресу противниковъ самыхъ площадныхъ ругательствъ, въ сущности никакого общественнаго мнѣнія не отражающей, никого не уважающей и въ свою очередь рѣшительно ничьимъ уваженіемъ не пользующейся. И все-таки, въ жизни этой не перестаютъ двигаться подпочвенныя воды по совершенно опредѣленному руслу. Возьмите театръ. Вѣдь любимѣйшій болгарскій драматургъ — Вазовъ, глядя на „историческія" пьесы котораго, въ родѣ „Къмъ пропасть" или „Подъ игото", можно сломать себѣ челюсти отъ зѣвоты,—до такой степени вещи эти антихудожественны; а между тѣмъ онѣ, именно онѣ и пользуются среди болгаръ колоссальнымъ успѣхомъ. Это иначе и быть не можетъ, ибо Вазовъ,— пусть человѣческими чучелами, а не живыми людьми, — но все-же постоянно напоминаетъ своимъ соотечественникамъ о быломъ величіи ихъ земли, указываетъ имъ путь въ грядущемъ. И онъ учитель, онъ пророкъ, онъ болгарскій Іисусъ Навинъ...

Я не хочу дѣлать изъ всего этого никакихъ законченныхъ выводовъ, я не хочу ни хвалить, ни порицать болгаръ: „je ne suppose rien, je ne propose rien, j'expose".

Обращаясь къ современному моменту, необходимо прежде всего констатировать,—и это относится одинаково какъ къ Болгаріи, такъ и къ Сербіи, о которой рѣчь еще впереди,—фактъ полнаго и безусловнаго невѣрія, во всѣхъ слояхъ общества обѣихъ странъ, въ возможность консолидированія въ Турціи конституціоннаго режима и вступленія ея на путь мирнаго развитія въ семьѣ европейскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи двухъ мнѣній ни въ Болгаріи, ни въ Сербіи

нѣтъ, и соціалъ-демократическая печать обѣихъ этихъ странъ подчеркиваетъ постоянно такое положеніе съ особою выразительностью.

Непрекращающіяся смуты въ Македоніи, происходящее нынѣ возстаніе арабовъ и ожидаемое весною новое сильное революціонное движеніе среди албанцевъ не предвѣщаютъ младотурецкому режиму, конечно, ничего добраго. И болгарское правительство смотритъ на все, совершающееся нынѣ въ Турціи, съ напряженнымъ вниманіемъ. Турція опасность эту сознаетъ: она спѣшно вооружается, пріобрѣтаетъ броненосцы, заключаетъ договоръ съ Румыніей.

И вотъ внезапно въ Болгаріи всплываетъ вопросъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ конституціи. Царь желалъ бы усилить власть короны въ отношеніи ея права заключать договоры и военныя конвенціи. Такое измѣненіе, какъ я уже говорилъ выше, можетъ сдѣлать только Великое Народное Собраніе, и оно, конечно, на это согласится. Но пока что, Фердинандъ употребляетъ такой пріемъ: царица Элеонора постоянно призываетъ къ себѣ „на чашку чая“ лидеровъ политическихъ партій; Фердинандъ тоже приходитъ въ ея аппартаменты, встрѣчаясь, такимъ образомъ, съ вождями партій совершенно неоффиціально (вѣдь не онъ ихъ звалъ!), и тутъ происходятъ всякія соглашенія.

Приходится нерѣдко слышать, что Фердинандъ, какъ нѣмецъ, ведетъ не славянскую, а нѣмецкую политику. Это совершенно невѣрно. Фердинандъ руководствуется не славянскими и не нѣмецкими, а своими собственными династическими интересами. Теперь для него главный интересъ въ томъ, чтобы упрочить на болгарскомъ престолѣ свою династію, а затѣмъ, чѣмъ „круглѣе“ будетъ царство этой династіи, тѣмъ, конечно, лучше, и въ этомъ отношеніи династическіе интересы Фердинанда Кобургскаго вполнѣ совпадаютъ съ чаяніями и упованіями самихъ болгаръ. Тутъ и лежитъ ключъ къ разгадкѣ силы Фердинанда въ Болгаріи и прочности его „личнаго режима“.

Болгарія идетъ своимъ путемъ, а рядомъ съ ней, глазами, полными недовѣрія и тревоги, смотритъ на этотъ путь ея сосѣдка—Сербія, страна, гдѣ населеніе, какъ я уже говорилъ, гораздо проще, мягче и душевнѣе болгарскаго, гдѣ вы читаете на лицахъ выраженіе бо́льшей интеллигентности и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то скорбности. Австрійскій Землинъ, отстоящій всего въ четверти часа ѣзды отъ столицы Сербіи — Бѣлграда — и представляющій, поэтому, вѣчную ему угрозу, постоянно сочащаяся рана, нанесенная сербскому народу аннексіей Босніи и Герцеговины, отсутствіе выходовъ къ морямъ, экономическая задавленность и сознаніе того, что и въ будущемъ тамъ, въ Македоніи, шансы сербовъ очень и очень невелики, — все это накладываетъ на сербовъ особую печать; къ тому же въ ушахъ сер-

бовъ еще и теперь звенятъ слова австрійскаго офицерскаго листка, заявлявшаго во время протеста сербовъ противъ аннексіи, что сербы— „какое-то историческое недоразумѣніе, съ которымъ можно покончить въ пару дней". И эти угрозы исходили изъ страны, о которой когда-то Тютчевъ говорилъ, что „все ея тѣло— одна Ахиллесова пята" („dont tout le corps n'est qu'un pied d'Achille"), а Гладстонъ выражался такъ: „ни одинъ человѣкъ не сможетъ найти на картѣ Европы такое мѣсто, гдѣ бы Австрія совершила что-либо доброе" („no man could put his finger on the map of Europe and find a place where Austria had done good"). Тяжело положеніе сербовъ. А вѣдь были и у нихъ еще недавно мечты о Великой Сербіи; но насколько судьба покровительствовала болгарамъ, настолько она была мачихой ихъ сосѣдямъ — сербамъ. Между тѣмъ, говоря словами сербскаго поэта Іовановича (цитирую въ переводѣ Колтоновскаго):

Запретите заливаться
Соловью въ тиши ночей,
Томной розѣ распускаться
Въ нѣгѣ солнечныхъ лучей!

Такъ же трудно „запретить" и мечты политическія...

Вопросъ объ измѣненіи болгарской конституціи привлекъ къ себѣ самое живое вниманіе сербовъ. Во время своего пребыванія въ Бѣлградѣ я убѣдился, до какой степени вопросъ этотъ — не чисто мѣстный, касающійся однихъ болгаръ, а по меньшей мѣрѣ балканскій. Я попробую суммировать здѣсь то, что слышалъ по этому поводу въ Бѣлградѣ.

— Зачѣмъ понадобилась Фердинанду эта перемѣна въ конституціи,—говорили мнѣ сербы,—зачѣмъ, какъ не для того, чтобы развязать себѣ руки для заключенія договора съ Австріей, дабы она, *въ случаѣ надобности*, удержала отъ вмѣшательства въ дѣло Сербію и Румынію. Правда, въ игрѣ есть еще Россія; но если гнѣвъ ея не устрашилъ болгаръ въ эпоху румелійскаго переворота, то, тѣмъ болѣе, не побоится она его въ настоящее время, когда она знаетъ, какъ слаба теперь Россія, какъ палъ послѣ японской войны ея престижъ. Къ тому же Болгаріи хорошо извѣстно, что разъ опять будетъ *fait accompli*, Россія противодѣйствовать этому *дѣйственно* не станетъ. Но Австрія услугъ Болгаріи, ради однихъ ея прекрасныхъ глазъ, оказывать, разумѣется, не будетъ. Потребуется компенсація—и эта компенсація состоится *за нашъ счетъ, за счетъ сербовъ...* Мы слабы, очень слабы, наше положеніе отчаянное, союзниковъ у насъ нѣтъ нигдѣ—а отчаяніе плохой совѣтникъ... Говорятъ о балканской конфедераціи: это—и наша мечта. Съ хорватами у насъ отношенія теперь весьма

хорошія, мы въ тѣсномъ общеніи также съ словенцами, черногорцами [1]) и далматинцами; были и еще будутъ конгрессы представителей всѣхъ этихъ земель, культурныя связи растутъ. Было бы очень желательно, чтобы въ движеніи къ культурному объединенію южныхъ славянъ приняли участіе и болгары, но это химера: они ведутъ свою особую линію — и съ точки зрѣнія своихъ, только своихъ интересовъ они, можетъ-быть, и правы. Былъ въ Бѣлградѣ недавно конгрессъ югославянскихъ студентовъ; пріѣхали всѣ, кромѣ болгаръ [2]). То же самое будетъ навѣрно и съ предстоящимъ этимъ лѣтомъ конгрессомъ югославянскихъ культурныхъ дружествъ. Между тѣмъ Турція, видимо, разлагается, соблазнъ для Болгаріи великъ, вѣра въ себя и свое будущее огромная, неразборчивость въ средствахъ не меньшая, царь Фердинандъ все это отлично учелъ, но насъ—сербовъ—эта политика лишаетъ возможности сколько-нибудь увѣренно смотрѣть въ глаза будущему.—

Такое отраженіе нашли въ сербскомъ общественномъ мнѣніи происходящія въ Болгаріи событія.

Что̀ изъ всего этого можетъ выйти—трудно сказать, но несомнѣнно одно: дѣла на Балканскомъ полуостровѣ обстоятъ далеко не благополучно. Въ чемъ выходъ изъ назрѣвшаго кризиса, да и существуетъ ли онъ — вопросъ сложности чрезвычайной. Я его здѣсь не касаюсь и излагаю лишь явленія политической жизни на Балканахъ такъ, какъ они мнѣ представляются при непосредственномъ съ ними соприкосновеніи.

В. Богучарскій.

[1]) Въ Бѣлградѣ проживаетъ немало черногорскихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ террора короля Николая. Учащуюся въ бѣлградскихъ учебныхъ заведеніяхъ черногорскую молодежь Николай очень не жалуетъ, находя, что она пріѣзжаетъ на родину „отравленною водами Савы“.

[2]) Любопытенъ мотивъ отказа болгарскихъ студентовъ принять участіе въ этомъ конгрессѣ (объ этомъ я слышалъ еще въ Софіи): конгрессъ—юго-славянскій, а болгарскіе студенты, какъ соціалисты,—они такими въ массѣ себя считаютъ,—могутъ принимать участіе лишь въ конгрессахъ пролетарскихъ, не окрашенныхъ ни въ какой національный цвѣтъ. Но такъ какъ вездѣ, съ окончаніемъ курса, студенчество разстается, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и съ соціалистическими идеями, то для болгарскаго юношества выходитъ такъ: на школьной скамьѣ болгары не сходятся съ другими юго-славянскими народами по одной причинѣ, а потомъ — не сходятся по другой. Въ результатѣ ихъ дороги и идутъ всегда врозь.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ИТАЛІИ

(Письмо изъ Рима.)

Милая, красивая, свободная, добродушная Италія зоветъ насъ на праздникъ пятидесятилѣтія своего объединенія. Отказаться невозможно: она обѣщаетъ столько солнца, веселья, чистосердечной радости, безпечнаго гостепріимства и радушія, и притомъ—такое пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ, что приметъ за незаслуженную личную обиду, если вы не пріѣдете.

Не подлежитъ, дѣйствительно, никакому сомнѣнію, что Италія—самая гостепріимная изъ европейскихъ странъ. Въ данномъ случаѣ характеръ итальянца удивительно совпадаетъ съ сознаніемъ своихъ матеріальныхъ интересовъ. Съ дѣтской радостью онъ готовъ похвастаться передъ вами красотами своей родины, величіемъ своихъ монументовъ, голосами своихъ пѣвцовъ—и съ далеко не дѣтской серьезностью вычислитъ, сколько матеріальныхъ благъ принесло ему и его согражданамъ ваше восхищеніе красотами природы, монументами и голосами. Самая доходная и самая цвѣтущая изъ итальянскихъ промышленностей, это—industria dei forestieri, какъ она оффиціально и называется. Нѣкоторыя мѣстности, какъ напримѣръ побережье Генуэзскаго залива, живутъ исключительно доходами, и немалыми доходами, съ курортныхъ иностранцевъ; то же самое нужно сказать про сѣверныя озера и нѣкоторые центральные пункты, какъ Венеція, Римъ, Флоренція, Неаполь. Правда, часть доходовъ съ путешествующихъ иностранцевъ попадаетъ въ карманъ также иностранцевъ—въ карманъ нѣмецкихъ и англійскихъ содержателей отелей и частныхъ пансіоновъ, въ карманъ пресловутой компаніи Кука и другихъ агентствъ; но и коренному населенію притокъ иностранцевъ приноситъ очень большой доходъ. Въ связи съ этой промышленностью далекія и, казалось бы, чуждыя Италіи событія—въ родѣ общихъ политическихъ выборовъ въ Англіи, когда англійскіе путешественники массами возвращаются на родину,—отражаются иногда на заработкѣ крестьянъ итальянской деревушки, поставляющей молоко и овощи въ сосѣдній курортъ. Истиннымъ же крахомъ для форестьерской промышленности грозитъ, напримѣръ, такое, въ общемъ не столь ужъ опасное для культурной страны событіе, какъ нѣсколько спорадическихъ случаевъ занесенной холеры гдѣ-нибудь въ глухой южной провинціи, куда иностранецъ никогда и не заглядываетъ. Достаточно

бываетъ одной преувеличенной или неточной замѣтки во вліятельномъ заграничномъ органѣ, чтобы содержатели отелей, а за ними и всѣ, занятые форестьерской промышленностью, ощутили убыль въ притокѣ иностранцевъ и задумались надъ завтрашнимъ днемъ. Этимъ обстоятельствомъ пользуются въ данную минуту воротилы аналогичной промышленности въ Швейцаріи, которые боятся, что итальянскія выставки въ Римѣ, Туринѣ и Флоренціи отобьютъ у Швейцаріи ея обычныхъ гостей: поддерживаемая ихъ средствами швейцарская пресса до сихъ поръ усиленно распространяетъ слухи о томъ, что въ Италіи свирѣпствуетъ холера — хотя въ дѣйствительности начавшаяся минувшей осенью на югѣ холерная эпидемія была прекращена въ самомъ началѣ очень рѣшительными санитарными мѣрами, и уже давно никакой холеры въ Италіи нѣтъ и въ поминѣ.

Но не съ однимъ этимъ приходится считаться итальянскому практическому гостепріимству. Угрожаетъ ему, напримѣръ, отношеніе Австріи, оффиціально любезной союзницы, которой, однако, врядъ ли по душѣ празднованіе Италіей годовщины избавленія отъ австрійскаго владычества. Угрожаетъ ему, и даже очень серьезно угрожаетъ, поведеніе другого государства, вкрапленнаго въ самое сердце Италіи, въ стѣны Рима. Ибо въ глазахъ папы подобный праздникъ есть святотатство: истинный католикъ долженъ не веселиться въ такую печальную годовщину, а надѣвать трауръ. Прошелъ даже слухъ, что папа намѣренъ на все время празднествъ и выставокъ, т.-е. на восемь мѣсяцевъ, съ марта по октябрь, закрыть свои музеи и прекратить пріемъ пилигримовъ. Но это, конечно, наивный слухъ; не слѣдуетъ забывать, что и Ватиканъ живетъ тою же „форестьерской промышленностью", и конечно не откажется отъ доходовъ въ самое доходное время. Весь этотъ трауръ и всѣ эти авторитетные протесты существуютъ только для видимости, какъ для видимости сохраняется, напримѣръ, знаменитое non expedit.

Къ итальянскому гостепріимству, чистосердечному и практическому, прибавляется еще уже истинно-дѣтская любовь ко всякой помпѣ и бутафоріи. Кто бывалъ на мѣстныхъ праздникахъ въ Италіи, все равно — сельскихъ, городскихъ или столичныхъ, тотъ знаетъ, сколько вкладывается въ нихъ шума, треска и рекламы. Гдѣ-нибудь въ маленькой коммунѣ восточной Ривьеры, въ день церковнаго праздника или — если она антиклерикальная — въ день памяти Гарибальди, сожигается столько фейерверковъ, взрывается столько пороховыхъ петардъ и, кстати, произносится столько рѣчей, что въ концѣ концовъ не сознаешь, гдѣ находишься: на войнѣ или въ парламентѣ. На устройство праздниковъ и всевозможныхъ чествованій значительный процентъ коммунъ, не исключая и большихъ, тратитъ иногда гораздо

больше, чѣмъ на народное образованіе, до сихъ поръ находящееся въ почти исключительномъ вѣдѣніи коммуны. Бутафорія вообще въ характерѣ итальянца, и процвѣтаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе вырождается въ немъ художественное чутье и развивается духъ опытнаго промышленника. Но все-же страсть къ треску и помпѣ въ значительной степени природная, и относиться къ ней съ суровымъ упрекомъ было бы грѣшно.

И вотъ, съ трескомъ, помпой, словесными фейерверками и петардами и истинно-итальянскимъ гостепріимствомъ открывается всемірная выставка въ Италіи. Цѣль ея—показать, чѣмъ славна прошлая и современная Италія, какія завоеванія въ области науки, искусства и промышленности сдѣлала она за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, т.-е. за время существованія объединеннаго королевства. Туринъ, какъ центръ промышленнаго сѣвера, готовится блеснуть успѣхами итальянской промышленности; его выставка будетъ несомнѣнно самой интересной и, главное, вполнѣ серьезной, не бутафорской. Промышленность итальянская расцвѣла, дѣйствительно, пышно, въ особенности за послѣднее десятилѣтіе свободнаго политическаго режима. Природныя богатства Италіи вообще далеко не такъ велики, какъ это принято думать; горы, занимающія почти треть ея поверхности, гораздо болѣе живописны, чѣмъ способны къ эксплоатаціи; страна, напримѣръ, совершенно не имѣетъ своего каменнаго угля. Но итальянское трудолюбіе съумѣло обуздать неисчерпаемые источники водной энергіи, обративъ ее въ движущую силу. Теперь не только крупные заводы пользуются дешевымъ электричествомъ, но и маленькія сельскія коммуны пользуются имъ въ своихъ мастерскихъ, освѣщаютъ имъ свои улицы и даже небогатыя квартиры. Благодаря этому Италія въ данное время является одной изъ первыхъ странъ по производству электрическихъ двигателей и первой страной въ Европѣ по производству автомобилей. Далѣе она оказывается однимъ изъ важнѣйшихъ въ мірѣ центровъ производства шелковаго, въ которомъ занято свыше 150 тысячъ рабочихъ; почти столько же занято и въ производствѣ хлопчатобумажномъ. Еще сильнѣе развилось въ Италіи металлургическое дѣло: теперь всѣ нужды государства удовлетворяются внутреннимъ производствомъ, тогда какъ до 1887-го года она принуждена была ввозить почти весь матеріалъ для постройки желѣзныхъ дорогъ. За послѣдніе годы замѣчается также значительный расцвѣтъ земледѣльческой промышленности, обусловленный развитіемъ земледѣльческихъ ассоціацій, кооперативныхъ обществъ и удешевленіемъ мелкаго кредита. Но необходимы двѣ оговорки. Во-первыхъ, развитіе обѣихъ отраслей промышленности происходитъ, главнымъ образомъ, въ силу примѣненія системы крайняго протекціонизма, которымъ достигаются порою и ре-

зультаты прямо противоположные (какъ въ сахарномъ и хлѣбномъ дѣлѣ), и потому населеніе, въ особенности населеніе не занятое въ промышленности непосредственно, отнюдь не извлекаетъ выгодъ изъ этихъ промышленныхъ благополучій. Во-вторыхъ, процвѣтаніе сѣвера не гармонируетъ съ упадкомъ юга, забытаго правительствомъ и во всѣхъ отношеніяхъ стоящаго еще на очень низкой степени культуры. Поэтому на туринскую промышленную выставку нужно смотрѣть, прежде всего, какъ на выставку успѣховъ сѣвера, преимущественно — Піемонта и Ломбардіи.

Что касается до всемірной и итальянской выставокъ въ Римѣ, исключительно художественныхъ, то къ нимъ приходится отнестись съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, хотя несомнѣнно иностранецъ будетъ привлеченъ въ Италію именно ими. Итальянское искусство въ сильномъ упадкѣ, и блеснуть современной художественной Италіи, строго говоря, нечѣмъ. Можно даже быть увѣреннымъ, что иностранные художественные павильоны совершенно затушуютъ павильоны итальянскіе, поскольку рѣчь идетъ объ искусствѣ послѣдняго пятидесятилѣтія. Но у Италіи есть прошлое, есть естественныя красоты страны. То и другое она хочетъ показать лицомъ на своемъ праздникѣ. Первое можетъ быть показано въ подлинныхъ памятникахъ, второе—лишь въ бутафорскомъ изображеніи, какъ это и предполагается сдѣлать на бывшемъ Марсовомъ полѣ въ Римѣ.

Римская выставка открывается не вся сразу. Въ то время, какъ я пишу, уже открыта ея музыкальная часть. Съ марта по октябрь въ Римѣ должны перебывать всѣ оперныя знаменитости и должны прозвучать всѣ лучшіе аккорды, мелодіи и симфоніи, написанные когда-либо итальянскими композиторами. Также точно будетъ показанъ лицомъ и драматическій театръ. Оффиціально всемірная выставка открывается 15 (28) марта, съ подобающей пышностью и помпой, съ пріемомъ въ Капитоліи, королевской рѣчью, народными празднествами и всѣми прочими аттрибутами національнаго торжества. Сказать что-нибудь заранѣе, когда всѣ павильоны и витрины находятся еще въ совершенно хаотическомъ состояніи и будутъ готовы лишь значительно позже оффиціальной даты открытія, довольно трудно. О выставкѣ картинъ и статуй будутъ, конечно, въ свое время говорить критики-спеціалисты, которые не забудутъ отмѣтить и отдѣлъ русскій, обѣщающій быть однимъ изъ самыхъ богатыхъ и интересныхъ. Что же касается выставки областной и этнографической, т.-е. чисто итальянской, то она по замыслу столько же грандіозна, сколько курьезна. На огромномъ полѣ за городомъ каждый округъ Италіи строитъ свой павильонъ, по внѣшности являющійся точной бутафорской копіей какого-нибудь характернаго зданія этого округа, окружаетъ его пейза-

жемъ своей природы и наполняетъ его предметами своей художественной промышленности и своего быта. Такъ, Лаціумъ, центромъ котораго является Римъ, хочетъ на маленькомъ пространствѣ изобразить всѣ характерныя особенности полудикаго Римскаго Поля, начиная съ пастушеской хижины, гдѣ примитивными способами выдѣлывается козій сыръ, и кончая хорошо оборудованной витербской фабрикой, выдѣлывающей сладости. Неаполь строитъ точную копію своего самаго характернаго уголка — Porta Capuana, квартала неаполитанской бѣдноты, проституціи и каморры, не упуская прибавить сюда и фабрику макаронъ. Венеція около своихъ кіосковъ, изображающихъ старинные венеціанскіе дворцы на Большомъ каналѣ и характерныя зданія въ Кьоджѣ и Мурано, не забываетъ прорыть и соотвѣтствующіе каналы, на которыхъ будутъ качаться настоящія черныя форменныя гондолы. Серьезная Ломбардія выступаетъ съ моделями шелковыхъ художественныхъ фабрикъ и общественныхъ молочныхъ. Абруццы желаютъ изобразить на веселомъ выставочномъ полѣ всю дикость своей природы и всю прелесть своихъ кружевъ, и т. д. Всѣ эти кусочки разныхъ итальянскихъ областей будутъ, конечно, населены ихъ „природными жителями" въ національныхъ костюмахъ, говорящими на соотвѣтствующихъ діалектахъ, но, надо полагать, также и по-французски и по-англійски—иначе иностранные гости не вынесутъ полнаго и вѣрнаго впечатлѣнія о данной области. Въ Неаполитанскомъ отдѣлѣ мы услышимъ не только чудесныя мелодіи Неаполя, но и своеобразные возгласы разносчиковъ, даже, быть-можетъ, отборную ругань извозчиковъ и базарныхъ торговокъ, на этотъ разъ ужъ во всякомъ случаѣ на подлинномъ неаполитанскомъ діалектѣ.

Все это—современная Италія. Но главный интересъ представитъ выставка ея прошлой славы и искусства. Помимо искусства чинквеченто, которое будетъ представлено очень полно, намъ обѣщаютъ дѣйствительно замѣчательныя выставки ретроспективныя—археологическую и топографическую. Для топографической выставки, иначе говоря—выставки Roma Sparita (былого Рима), городская коммуна предоставила собранныя ею сокровища: архитектурные фрагменты, планы, цѣнные историческіе документы, костюмы, оружіе, посуду, однимъ словомъ—цѣлую массу живыхъ свидѣтельствъ о бытѣ города Рима съ древнѣйшихъ временъ. Самая выставка будетъ открыта въ замкѣ Святого Ангела (мавзолеѣ Адріана), который, надо надѣяться, не будетъ слишкомъ усердно реставрированъ и „приспособленъ" для этой цѣли. Здѣсь же помѣстятся военный музей, выставка древнихъ хирургическихъ инструментовъ и другія подобныя. Въ термахъ Діоклетіана, гдѣ находится національный музей античной скульптуры, устраивается чрезвычайно любопытная выставка, единственная въ своемъ родѣ: цѣль ея—про-

слѣдить и показать наглядно то вліяніе, которое имѣло римское искусство на искусство всего міра.

Такимъ образомъ и римскія выставки не лишены глубокаго интереса и поучительности. Но, разумѣется, здѣсь, во имя веселаго національнаго праздника, главное вниманіе будетъ обращено на развлеченія, концерты, театры, народные театрики на діалектахъ, хоры, процессіи, однимъ словомъ все, вплоть до грандіозныхъ каруселей и неизбѣжныхъ „русскихъ горъ“.

И все-таки, если мнѣ позволятъ высказать очень личное и пристрастное мнѣніе,—я отношусь къ этимъ грандіознымъ затѣямъ Третьей Италіи вполнѣ отрицательно. Римъ—городъ совершенно особый; все величіе и красота его—въ спокойной и цѣльной уснувшей красотѣ древнихъ памятниковъ. Тотъ, кто пріѣдетъ на выставку, увидитъ, быть-можетъ, больше, чѣмъ ожидаетъ, встрѣтитъ праздныя толпы форестьеровъ, услышитъ несмолкающіе оркестры музыки, увидитъ цѣлый рядъ новыхъ шикарныхъ кафе-шантановъ, но не увидитъ одного: настоящаго Рима, прекраснаго вѣчнаго города, одно имя котораго съ дѣтства наполняло насъ благоговѣніемъ,—Рима, къ которому человѣкъ любой націи можетъ привыкнуть, какъ къ родному городу, потому что исторія его объединила всѣ народы, всѣ культуры и всѣ времена. Мнѣ представляется не только легкомысліемъ, но прямо святотатствомъ загромождать дешевой бутафоріей городъ, гдѣ на каждомъ шагу взглядъ вашъ встрѣчаетъ сѣдую старину и вѣковыя глыбы драгоцѣннаго камня. А насколько свободно обращается Италія съ великими памятниками, принадлежащими, въ сущности, не ей, а всему міру, видно, напримѣръ, по тѣмъ „усовершенствованіямъ“, которыя она ввела въ конструкціи капитолійскихъ зданій и всей площади. Она можетъ оправдывать себя тѣмъ, что возстанавливаетъ рисунокъ и планъ Микеланджело; но вѣдь величіе памятника заключается не только въ его внѣшнемъ видѣ, а въ сознаніи того, что онъ—цѣленъ и неподдѣленъ, что каждый камень его дѣйствительно былъ свидѣтелемъ вѣковъ, и скрѣплены эти камни рукою человѣка того времени. И вотъ, когда вы видите, что къ старому камню прикасается современный плотникъ, что рядомъ съ античной кладкой появляется бутафорская подъ нее поддѣлка, при чемъ свѣжій слой штукатурки раскрашивается подъ потемнѣвшій отъ времени травертинъ, хотя бы и чрезвычайно искусно, васъ объемлетъ страхъ: не вздумаетъ ли коммуна оставить навсегда эти выставочныя добавленія, если только смогутъ долго простоять деревянныя плетенья, слегка обмазанныя известкой. Такой же поддѣльный дворецъ воздвигнутъ на площади Колонна, предназначаясь для театра и шантана. Прекрасная площадь, о которой успѣла создаться цѣлая полемическая литература, загромождается бутафорской нелѣ-

постью, около которой опасно бросить незатушенную папиросу. И наконецъ мы имѣемъ глубоко прискорбный примѣръ: сломъ крыла венеціанскаго дворца на piazza Venezia, того самаго крыла, гдѣ былъ чудесный портикъ эпохи возрожденія, и лишь для того, чтобы систематизировать площадь и открыть видъ на новый памятникъ „отцу отечества" Виктору Эммануилу II. Все это факты краснорѣчивые; все это заставляетъ вообще опасаться за судьбу древняго Рима. И есть ли смыслъ устраивать особую выставку римской археологіи, если тѣ же устроители покушаются на подлинные, прекрасно сохранившіеся памятники старины, приклеивая къ нимъ картонажи? Нѣтъ, это непростительно!

Все это, конечно, мнѣніе личное и пристрастное, — если только вообще можно относиться къ Риму съ разсудочностью и степеннымъ равнодушіемъ. И, откровенно признаваясь въ этомъ, спѣшу все-же прибавить, что внимательный осмотръ итальянскихъ выставокъ въ Туринѣ (промышленная), Флоренціи (портретная) и Римѣ (художественная) не только не будетъ потерей времени, но представитъ большой интересъ. Практически не безполезно, быть-можетъ, прибавить, что на выставку римскую выгоднѣе опоздать, поступившись весной въ пользу горячаго лѣта, чѣмъ пріѣхать слишкомъ рано. Оффиціальное ея открытіе отнюдь не совпадаетъ съ фактическимъ. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, есть задержка и для оффиціальнаго открытія: палъ кабинетъ Луццатти, и пока не имѣется правительства. Но политическая бутафорія требуетъ значительно меньше хлопотъ, чѣмъ бутафорія выставочная; новое министерство создастся къ сроку, а быстрота постройки павильоновъ далеко не оправдываетъ возлагаемыхъ надеждъ. Что касается, напримѣръ, русскаго отдѣла, то предназначенныя для него картины сейчасъ находятся еще въ пути, хотя до открытія осталась одна недѣля. Мало того, что находятся въ пути: онѣ идутъ малой скоростью. Вотъ почему и гостямъ не стоитъ летѣть на шнельцугѣ.

Какъ бы то ни было, но милая, красивая, свободная, добродушная и разсчетливая Италія, гостепріимнѣйшая изъ странъ, ждетъ васъ на праздникъ пятидесятилѣтія своего объединенія...

Мих. Осоргинъ.

Римъ. 7 (20) марта.

ПОСЛѢДНІЯ РАБОТЫ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Изъ ученыхъ, не принадлежащихъ къ французской національности, никто такъ много, за ближайшія 30-35 лѣтъ, не сдѣлалъ для изученія французской революціи и стараго порядка, какъ русскіе историки, съ которыми въ этомъ отношеніи не могутъ быть даже сравниваемы историки, принадлежащіе къ другимъ національностямъ. Знаменательно, напримѣръ, что въ только-что вышедшей въ свѣтъ первой части IX-го тома „Исторіи Франціи" Лависса, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи передъ революціей, изъ мнѣній на этотъ счетъ приводятся взгляды только двухъ русскихъ ученыхъ (И. В. Лучицкаго и М. М. Ковалевскаго), съ полнымъ умолчаніемъ о взглядахъ, высказывавшихся во французской литературѣ [1]). Прибавлю, что особенно много русскіе ученые сдѣлали для экономической исторіи французской революціи и притомъ, нерѣдко, на основаніи такихъ архивныхъ матеріаловъ, которыми пренебрегали до сихъ поръ французскіе изслѣдователи эпохи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пишущимъ эти строки была напечатана большая статья, посвященная обзору того, что было сдѣлано русскими учеными для изученія французской революціи [2]). Послѣ появленія этой статьи, за очень короткое время, вышло въ свѣтъ еще нѣсколько работъ русскихъ ученыхъ о французской революціи, съ которыми я теперь и познакомлю, въ общихъ чертахъ, читателей „Вѣстника Европы".

Эти послѣднія работы, посвященныя концу XVIII-го вѣка во Франціи, можно раздѣлить на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ являются продолженіемъ или завершеніемъ того, что уже было отмѣчено мною въ упомянутой статьѣ, другія являются совсѣмъ новыми пріобрѣтеніями нашей исторической литературы. Начнемъ съ первыхъ.

Въ статьѣ моей были, между прочимъ, отмѣчены книга проф. В. И. Герье: „Идея народовластія и французская революція 1789-го года",

---

[1]) E. Lavisse, „Histoire de France depuis les origines jusqu' à la révolution", Пар. 1910, т. IX (1), стр. 247.

[2]) Статья эта, подъ заглавіемъ: „Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи", была помѣщена въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго политехническаго института" за 1904 г. Раньше, въ болѣе краткомъ изложеніи, тотъ же самый предметъ былъ содержаніемъ моей статьи въ журналѣ Олара: „La révolution française" (за 1902 г.).

составившаяся изъ отдѣльныхъ его статей, и рядъ статей его объ Ипполитѣ Тэнѣ, какъ историкѣ французской революціи. Большой поклонникъ этого историка, проф. Герье теперь соединилъ всѣ эти статьи о Тэнѣ въ одну большую книгу, подъ заглавіемъ: „Французская революція 1789—95 гг. въ освѣщеніи И. Тэна“ [1]), сдѣлавъ разныя дополненія къ первоначальному тексту. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что „освѣщеніе, данное Тэномъ французской революціи, имѣетъ въ настоящее время для русскихъ читателей новый интересъ, являясь въ то же время освѣщеніемъ и недавно пережитыхъ ими событій“. Въ частности, онъ указываетъ на то, что и у насъ „уже намѣчалась сила, собиравшаяся опутать Россію своими сѣтями на подобіе якобинской организаціи“. Эту силу онъ усматриваетъ въ конституціонно-демократической партіи: что̀ могло бы— прибавляетъ онъ—выйти изъ ея стремленій, „объ этомъ подробно свидѣтельствуютъ два тома Тэна о хозяйничаньѣ якобинцевъ во Франціи“. Читая эти строки, невольно вспоминаешь книгу проф. Любимова: „Крушеніе монархіи во Франціи“ (1893), составившуюся изъ статей, печатавшихся въ катковскомъ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, подъ заглавіемъ „Противъ теченія“, подъ псевдонимомъ „В. Кочневъ“ [2]). Заслуга Тэна, по словамъ проф. Герье, заключается въ томъ, что онъ впервые выяснилъ роль революціоннаго духа, „обуявшаго руководящіе классы французскаго общества“, тогда какъ прежніе историки причину революціи видѣли „только въ разныхъ недостаткахъ стараго режима, не принимая во вниманіе, что эти недостатки требовали (?) реформъ, а не революціи“. И на послѣднихъ страницахъ своей книги проф. Герье называетъ трудъ Тэна подвигомъ, въ которомъ содержится историческій и политическій урокъ. Тотъ, кто полагаетъ, что scribitur historia non ad probandum, конечно, не можетъ согласиться съ такой точкой зрѣнія, къ какой бы политической партіи ни принадлежалъ. Однимъ изъ существенныхъ дополненій къ прежнимъ статьямъ о Тэнѣ является въ разсматриваемой книгѣ глава подъ характернымъ названіемъ: „Якобинскій судъ надъ Тэномъ“, гдѣ рѣчь идетъ объ извѣстной книгѣ Олара противъ Тэна и о замѣчаніяхъ Кошена на критику Олара [3]). Эту критику нельзя не признать пристрастной, но въ ней много и спра-

---

[1]) Къ книгѣ приложены портретъ Тэна и болѣе тридцати иллюстрацій.

[2]) „Многое въ событіяхъ французской революціи,—писалъ Любимовъ,—особенно въ годы, непосредственно предшествовавшіе взрыву, чрезвычайно уясняется при освѣщеніи, какое доставляли явленія нашей общественной жизни въ эпоху нашего государственнаго и политическаго легкомыслія“.

[3]) Объ этомъ см. въ статьѣ моей: „Нѣсколько новѣйшихъ книгъ о французской революціи“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за ноябрь 1910 г.

ведливаго. Чтобы порицать Тэна за очень и очень многое, не нужно быть якобинцемъ; можно относиться къ якобинству вполнѣ отрицательно и находить въ то же время крупные дефекты въ изображеніи Тэномъ французской революціи [1]).

Далѣе, въ моей статьѣ о русскихъ историкахъ французской революціи были указаны весьма важныя работы И. В. Лучицкаго по аграрной исторіи эпохи, обратившія на себя большое вниманіе и во французскомъ ученомъ мірѣ. Проф. Лучицкій уже нѣсколько лѣтъ ѣздитъ въ вакаціонное время во Францію, въ провинціальныхъ архивахъ которой изучаетъ документы, касающіеся крестьянскаго землевладѣнія въ эпоху революціи. Участіе въ третьей Государственной Думѣ не мѣшаетъ ему продолжать свои интересныя изслѣдованія, и одна изъ его работъ [2]) въ настоящее время переводится на французскій языкъ. Въ самое послѣднее время этотъ неутомимый изслѣдователь опубликовалъ общіе выводы изъ своихъ разысканій въ видѣ небольшой, но въ высшей степени содержательной статьи, помѣщенной во II-мъ томѣ „Книги для чтенія по исторіи новаго времени" (М., 1911). Нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ помѣстилъ эту работу въ изданіи, имѣющемъ педагогическую, а не строго ученую задачу: большинству читателей названной книги статья будетъ не по плечу, а иной спеціалистъ, пожалуй, о ней и не узнаетъ. Новая работа проф. Лучицкаго называется: „Крестьянство во Франціи XVIII в.". Во многихъ отношеніяхъ она проливаетъ совершенно новый свѣтъ на аграрный строй Франціи наканунѣ революціи. Главная тема автора—широкое распространеніе въ дореволюціонной Франціи крестьянскаго землевладѣнія и даже его увеличеніе во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Ни класса сельскихъ рабочихъ, ни большого количества помѣщичьихъ хозяйствъ во Франціи не было, и крупная собственность далеко не была такъ развита, какъ принято думать. Въ особенности не было большого количества значительныхъ сплошныхъ территорій въ однѣхъ рукахъ. Господствовала мелкая культура; фермеры сеньёровъ были не столько арендаторами земель, сколько откупщиками сеньёрьяльныхъ доходовъ отъ такъ называемыхъ феодальныхъ правъ. Въ статьѣ обстоятельно освѣщены и способы пользованія чужой землей. Интересны также страницы о сеньёрьяльныхъ правахъ и о томъ, какъ передъ самой революціей сеньёры всякими

---

[1]) Отмѣчу еще появленіе въ 1908 г. книжки проф. Э. Д. Гримма: „Политическія воззрѣнія И. Тэна", въ которой, между прочимъ, разсмотрѣна и критика Олара. О брошюрѣ Яр. Кулжинскаго и П. Ардашева: „Новая критика Тэна", я уже писалъ въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1910 г.

[2]) „Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи, преимущественно въ Лимузенѣ" (1900).

правдами и неправдами увеличивали феодальные поборы, возстановляя старые, пришедшіе въ забвеніе, и сочиняя новые, а также повышали плату за снимавшіяся у нихъ крестьянами земли. Въ явленіяхъ обѣихъ послѣднихъ категорій заключается объясненіе жакеріи 1789 г. Было бы очень желательно, чтобы статья проф. Лучицкаго появилась поскорѣе во французскомъ переводѣ. Выше было уже отмѣчено, что съ его взглядами считаются французскіе историки, хотя и противопоставляютъ имъ взгляды М. М. Ковалевскаго, такъ обстоятельно, впрочемъ, какъ проф. Лучицкій, не изучавшаго этотъ вопросъ [1]).

Въ статьѣ о русскихъ трудахъ по исторіи революціи я говорилъ о работѣ А. М. Ону: „Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 г.", печатавшейся въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" нѣсколько лѣтъ сряду. Въ 1908 г. авторъ издалъ ее въ переработанномъ видѣ, цѣлымъ большимъ томомъ, подъ заглавіемъ: „Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны. Часть I. Опытъ установленія метода изслѣдованія и критика наказовъ, какъ историческаго источника". Уже самое это названіе показываетъ, въ чемъ дѣло: это—критика наказовъ и, притомъ, съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности, какъ субъективной, такъ и объективной. Такого обстоятельнаго разбора нѣтъ и во французской исторической литературѣ, а потому нужно пожелать, чтобы книга г. Ону вышла въ свѣтъ и во французскомъ переводѣ. Желательно также, конечно, и скорѣйшее появленіе второй части, обѣщанной авторомъ. Эта книга была уже удостоена со стороны Академіи Наукъ одной изъ премій М. Н. Ахматова по весьма лестному отзыву, составленному проф. Лучицкимъ [2]).

Послѣднимъ въ моемъ обзорѣ былъ названъ вышедшій въ 1900 г. первый томъ капитальнаго труда проф. П. Н. Ардашева: „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка". Послѣ этого вышелъ въ свѣтъ и второй томъ этого изслѣдованія, отмѣченный 1906-мъ годомъ; обѣщанъ и третій томъ. По французски авторъ издалъ въ 1903 г. цѣлый томъ оправдательныхъ документовъ, а затѣмъ, въ 1909 г., и переводъ второго тома, подъ заглавіемъ: „Les intendants de province sous Louis XVI", вызвавшій во Франціи массу рецензій, очень благопріятныхъ для автора. Пишущій

[1]) О полемикѣ между ними см. въ упомянутой моей статьѣ. Въ 1909 г. проф. Ковалевскій выпустилъ въ свѣтъ переводъ-передѣлку части своего „Происхожденія современной демократіи", подъ заглавіемъ: „La France économique et sociale à la veille de la révolution: les campagnes", гдѣ повторяетъ свои возраженія И. В. Лучицкому.

[2]) Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г. и отдѣльная брошюра.

эти строки тоже высказался объ этомъ изслѣдованіи, какъ о серьезномъ научномъ трудѣ, въ отзывѣ для Академіи Наукъ, по которому проф. Ардашеву и была присуждена одна изъ премій митрополита Макарія [1]). Прибавимъ, что и А. М. Ону, и проф. Ардашевъ работали надъ архивнымъ матеріаломъ, что̀ придаетъ особую цѣну ихъ капитальнымъ книгамъ.

Изъ новѣйшихъ русскихъ изслѣдователей исторіи французской революціи первымъ долженъ быть названъ прив.-доц. Петербургскаго университета Е. В. Тарле. Въ 1907 г. онъ напечаталъ составленный по неизданнымъ документамъ большой этюдъ: „Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи", появившійся въ слѣдующемъ году и въ нѣмецкомъ переводѣ [2]), въ каковомъ сдѣлался извѣстнымъ и во Франціи. Между прочимъ, работой г. Тарле очень широко воспользовался французъ Reynoard для своихъ статей на ту же тему въ новомъ историческомъ журналѣ „Annales révolutionnaires". Другимъ, гораздо болѣе важнымъ трудомъ Е. В. Тарле является изслѣдованіе: „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи". Первая его часть вышла въ свѣтъ въ 1909 г., вторая помѣчена 1911-мъ годомъ. Нужно знать печальное, въ общемъ, состояніе въ исторической наукѣ экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи и, въ частности, вопроса о французскомъ рабочемъ классѣ [3]), чтобы понять всю важность предпринятой авторомъ работы. Главные источники, которыми онъ пользовался—архивные документы, что̀ придаетъ особую цѣну его изслѣдованію. Другую важную сторону его труда представляютъ собою совершенно новые вопросы, которые онъ ставитъ и разрѣшаетъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ, впервые разработанныхъ нашимъ историкомъ, является обрабатывающая промышленность во французскихъ деревняхъ во второй половинѣ XVIII в., о чемъ небольшую книжку авторъ выпустилъ въ свѣтъ и по-французски [4]). Весьма интересенъ отдѣлъ о максимумѣ цѣнъ на припасы и на трудъ, характеризующемъ съ очень непривлекательной стороны якобинскую политику 1793—1794 гг.: собранные г. Тарле факты, между прочимъ, совершенно опровергаютъ то панегирическое отношеніе къ максимуму, какое мы находимъ въ

---

[1]) Отчетъ о XIII присужденіи премій митрополита Макарія (1910) и отдѣльная брошюра.

[2]) E. Tarle, „Studien zur Geschichte der Arbeiterklasse in Frankreich während der Revolution"; Лейпцигъ, 1908. Вошло въ составъ извѣстныхъ „Forschungen" подъ ред. Шмоллера и Зеринга.

[3]) См. P. Boissonade, „Les études relatives à l'histoire économique de la révolution française" (Пар., 1906) и мою замѣтку объ этой книгѣ въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института" за 1907 г.

[4]) E. Tarlé, „L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime", Пар., 1910.

„Великой революціи“ Кропоткина. Вообще въ трудѣ г. Тарле очень много новаго, и его слѣдуетъ признать важнымъ вкладомъ въ историческую литературу о французской революціи, заслуживающимъ перевода на французскій языкъ. Занимаясь за послѣдніе годы нѣкоторыми темами экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи, темами, болѣе или менѣе близкими къ вопросамъ, разсматриваемымъ въ изслѣдованіи г. Тарле [1]), я предполагаю написать обстоятельный разборъ этого труда, а потому ограничиваюсь здѣсь лишь немногимъ, что сейчасъ сказано. Прибавлю только, что Е. В. Тарле, воспитанникъ Кіевскаго университета, является ученикомъ И. В. Лучицкаго, что и подчеркиваетъ самъ въ предисловіи ко второму тому своего труда [2]).

Къ числу русскихъ историковъ французской революціи слѣдуетъ, конечно, отнести и П. А. Кропоткина, но такъ какъ его книга написана не по-русски, и мнѣ, притомъ, приходилось уже говорить о ней [3]), то здѣсь я на ней не останавливаюсь.

Изъ русскихъ авторовъ, писавшихъ за послѣдніе годы о французской революціи, нужно назвать еще А. Н. Боровою, которому принадлежитъ большой трудъ подъ заглавіемъ: „Исторія личной свободы во Франціи“. Первая его часть, вышедшая въ свѣтъ въ 1910 г., посвящена старому порядку и первымъ двумъ собраніямъ эпохи революціи; вторая, нѣсколько меньшаго размѣра и тоже помѣченная 1910-мъ годомъ—эпохамъ конвента и директоріи. Читатели „Вѣстника Европы“ могутъ получить представленіе объ этой книгѣ изъ статьи о ней М. М. Ковалевскаго [4]). Далеко не всѣ критики такъ благосклонно относятся къ труду г. Боровою [5]). Въ данный моментъ я приготовляю къ печати статью объ этой книгѣ, имѣющую цѣлью одинаково оттѣнить и положительныя, и отрицательныя стороны работы г. Боровою.

[1]) Въ связи съ личною моею работою, о которой здѣсь говорится, находятся практическія занятія въ руководимыхъ мною историческихъ семинаріяхъ въ Петербургскомъ университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ по изслѣдованію экономическихъ требованій, заключающихся въ наказахъ 1789 г. Одна изъ работъ, возникшихъ изъ этихъ занятій, въ данную минуту готовится къ печати (работа студ. Е. Н. Петрова, посвященная пожеланіямъ наказовъ, касающимся обрабатывающей промышленности и торговли и удостоенная въ 1910 г. золотой медали; появиться она должна въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“). Отзывъ о ней—въ „Отчетѣ Спб. университета за 1909 годъ“.

[2]) Нѣкоторыя страницы своей книги Е. В. Тарле опубликовалъ раньше въ видѣ статей въ „Современномъ Мірѣ“ и въ „Révolution française“.

[3]) Подробно—въ „Русскомъ Богатствѣ“ за сентябрь и октябрь 1910 г., коротко—въ „Вѣстникѣ Европы“ за ноябрь 1910 г.

[4]) Въ ноябрьской книгѣ „В. Европы“ за 1910 г.

[5]) Ср. рецензію Н. Голубева въ „Юридической Библіографіи, издаваемой Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ“. Ярославль, 1910 г., № 5.

Ограничусь здѣсь указаніемъ на то, что авторъ обнаружилъ большую начитанность въ исторіографіи французской революціи, равно какъ и въ источникахъ, и что къ книгѣ иногда можно прямо обращаться за библіографическими справками. Г. Боровой довольно долго (въ 1903—1905 гг.) жилъ въ Парижѣ и, въ общемъ, хорошо использовалъ это время, но, къ сожалѣнію, совершенно пренебрегъ архивами, въ которыхъ, несомнѣнно, могъ бы найти немало новаго и интереснаго. Безъ обращенія къ неизданному историческому матеріалу въ настоящее время трудно, а иногда и прямо невозможно сказать что-нибудь новое по исторіи французской революціи.

Слѣдуетъ еще упомянуть о подготовляемой къ печати исторической диссертаціи А. Г. Вульфіуса, посвященной отношенію къ религіи главнѣйшихъ представителей французскаго просвѣщенія XVIII в. Нѣкоторыя ея главы (о Вольтерѣ, о Руссо) появились въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за послѣдніе годы. Заслуживаетъ также быть отмѣченною докторская диссертація на нѣмецкомъ языкѣ, но русскаго автора, г-жи Враской, объ одномъ изъ забытыхъ нѣмецкихъ дѣятелей эпохи французской революціи, Ребманѣ [1]).

Н. Карѣевъ.

А. И. ЧУПРОВЪ

Исторія политической экономіи. 1911 г. Ц. 80 коп.

Совѣтъ Московскаго университета постановилъ, въ память покойнаго профессора А. И. Чупрова, выпустить въ свѣтъ университетское изданіе его ученыхъ трудовъ. Въ числѣ этихъ трудовъ, отдѣльной книгой напечатана „Исторія политической экономіи“, по изданію 1892 г., безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ.

Глубина мысли, строгая научность, ясность и яркость изложенія присущи всѣмъ работамъ А. И. Чупрова. Въ Западной Европѣ исторія политической экономіи до сихъ поръ излагается какъ исторія идей, внѣ связи ихъ съ исторіей народнаго хозяйства. А. И. Чупровъ былъ первымъ, написавшимъ исторію политической экономіи въ связи съ исторіей экономическаго быта. Онъ утверждалъ—и вполнѣ справедливо—что экономическія идеи, теоріи, школы могутъ быть хорошо поняты

[1]) D-r Nadeschda v. Wrasky, „A. G. F. Rebmann. Leben und Werke eines Publizisten zur Zeit der grossen französischen Revolution“ (Гейдельбергъ, 1907).

лишь при одновременномъ ознакомленіи съ главными фактами изъ исторіи хозяйства. Когда мы желаемъ дать отчетъ въ особенностяхъ какой-либо исторической эпохи—говоритъ Чупровъ,—то должны коснуться двухъ существенныхъ пунктовъ: учрежденій и идей, показать, *какъ люди думали* и *что они дѣлали*. Люди поступаютъ такъ, какъ привыкли думать и вѣрить. Но идеи, взгляды и мнѣнія людей формируются подъ вліяніемъ среды. Мы видимъ здѣсь примѣръ органическаго взаимодѣйствія, на которое ежеминутно наталкиваемся при изученіи явленій общества.

Книга начинается характеристикой средневѣковаго быта и господствовавшаго тогда *натуральнаго* хозяйства. Вся страна, за исключеніемъ небольшихъ въ то время городовъ, была подѣлена на множество экономически-независимыхъ, самодовлѣющихъ помѣстій, которыя вели самостоятельную хозяйственную жизнь, вовсе не нуждаясь или нуждаясь очень мало въ произведеніяхъ другихъ хозяйствъ. Владѣтель каждаго такого помѣстья обладалъ значительными правами надъ всѣми его обитателями. Подъ его верховенствомъ находилось нѣсколько разрядовъ зависимыхъ отъ него людей, которые несли разнообразныя повинности въ пользу господина. Земля помѣстья распадалась на двѣ части. Одна изъ нихъ—господская земля—находилась въ непосредственномъ пользованіи владѣтеля; другая, бо́льшая часть—людская земля—обрабатывалась въ свою пользу зависимыми людьми. Соотвѣтственно такой основѣ народнаго хозяйства, независимое ремесло, торговля, вплоть до XIII в., находились въ зачаточномъ состояніи. Особенности этого строя отразились и на экономическихъ ученіяхъ того времени. Разсматривая эти ученія, авторъ останавливается, по преимуществу, на Ѳомѣ Аквинскомъ, какъ на наиболѣе крупномъ авторитетѣ. Истиннымъ идеаломъ Ѳомы Аквинскаго является натуральное хозяйство, при которомъ нѣтъ надобности въ обмѣнѣ.

Первую брешь въ натуральное хозяйство пробиваютъ крестовые походы. Завязываются торговыя сношенія съ Византійской имперіей и Востокомъ приморскихъ городовъ Западной Европы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ обращаетъ особенное вниманіе на то, какъ совершался переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, составляющему, по утвержденію автора—теперь общепризнанному—*основное содержаніе новой экономической исторіи*. Развитіе обмѣна вело къ усиленію городовъ, къ возрастанію ихъ матеріальнаго благосостоянія, къ образованію въ городахъ свободнаго населенія. Развитіе городовъ внесло въ экономическую жизнь новый факторъ—движимый капиталъ, сдѣлавшійся причиной радикальнаго поворота въ установившейся градаціи общественныхъ классовъ. Характерной чертой средневѣковаго общественнаго строя долго было исключительное гос-

подство земельной собственности. Быстрое обогащеніе итальянскихъ городовъ указало на новый источникъ народнаго богатства—на торговлю, и вмѣстѣ съ этимъ выдвинуло соціальное значеніе движимой собственности. Рядомъ съ поземельной родовой аристократіей выступила буржуазія, представительница движимаго капитала; явилась шолковая и шерстяная знать. Такимъ образомъ, уже въ концѣ средневѣковаго періода вполнѣ ясно выразилась та новая экономическая сила, которая послужила направляющимъ началомъ дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія и легла въ основу современнаго хозяйства.

Переходъ къ новому времени, именно конецъ XV-го и весь XVI-ый вѣкъ, ознаменованъ вліяніемъ цѣлаго ряда новыхъ факторовъ, которые произвели окончательное разложеніе средневѣковыхъ формъ жизни. Великія открытія этой эпохи, главнымъ образомъ—открытіе Америки и морского пути въ Индію, являются основнымъ агентомъ, передѣлавшимъ весь экономическій строй. Авторъ показываетъ, что здѣсь, какъ и въ XIII ст., силою, подтачивавшею традиціонныя соціальныя отношенія, былъ ростъ мѣновыхъ сношеній. Развивавшіяся мѣновыя сношенія вызвали перемѣны въ аграрномъ строѣ и преобразованія въ обработывающей промышленности. Увеличиваются въ числѣ и расширяются рынки для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Вслѣдствіе этого, для землевладѣльцевъ является интересъ въ повышеніи производительности хозяйства. Крѣпостной трудъ начинаетъ замѣняться вольнонаемнымъ; число крѣпостныхъ въ странахъ наиболѣе развитой торговли сокращается, а въ Италіи, Фландріи, Испаніи, Англіи крѣпостное состояніе совершенно исчезаетъ. Расширяется барская запашка и, какъ слѣдствіе, сокращается крестьянское землевладѣніе. Массы крестьянъ сгоняются съ земли, которою вѣками владѣли ихъ предки, и превращаются въ бездомныхъ пролетаріевъ. Такія же крупныя измѣненія происходятъ въ обработывающей промышленности. Накопленный путемъ торговли капиталъ ищетъ себѣ новыхъ приложеній и вторгается въ обработывающую промышленность. Появляется кустарное производство, которое, въ отличіе отъ средневѣковыхъ цеховыхъ мастерскихъ, представляетъ собою уже крупную форму промышленности, съ тѣмъ только различіемъ, что работники сосредоточены не въ одномъ зданіи, а въ нѣсколькихъ десяткахъ и сотняхъ мастерскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ зарождаются мануфактуры, гдѣ рабочіе заняты въ одной болѣе или менѣе обширной мастерской. Это появленіе крупнаго капитала въ роли организатора въ обработывающей промышленности представляетъ собою моментъ, съ котораго начинается роль крупной, капиталистической промышленности. Кустарная и мануфактурная формы промышленности становятся опасными конкуррентами цехамъ. Всюду, куда онѣ проникаютъ, цехи соотвѣтствующихъ

промысловъ хирѣютъ, а нерѣдко и совсѣмъ замираютъ. Бывшіе самостоятельные цеховые мастера превращаются въ наемныхъ рабочихъ на мануфактурахъ или въ кустарной промышленности. Соотвѣтственно рѣшительнымъ измѣненіямъ въ хозяйственномъ быту являются новыя экономическія идеи и новая экономическая политика государства, получившія названіе меркантилизма. Здѣсь авторъ изслѣдуетъ происхожденіе меркантилизма и даетъ его характеристику.

Старый порядокъ въ земледѣліи, въ обработывающей промышленности, въ торговлѣ, когда каждому было указано опредѣленное мѣсто, сталъ замѣняться болѣе свободными отношеніями, представлявшими предпринимателю бо̀льшій просторъ дѣйствій. Однако было бы ошибочно думать, говоритъ авторъ, что мѣсто прежней несвободы сразу заступилъ тотъ безконтрольный произволъ предпринимателей, который мы видимъ въ наше время. Такихъ рѣзкихъ переходовъ въ исторіи не бываетъ. На смѣну цеховымъ порядкамъ явился періодъ регулированной про̀мышленности. Существенное отличие этого новаго строя заключалось въ томъ, что обязанность контроля надъ промышленной жизнью перешла отъ городскихъ и цеховыхъ совѣтовъ къ государству. Яркими красками рисуетъ авторъ государственную политику въ XVI и XVII ст. и особенно подробно останавливается на Англіи и Франціи, шедшихъ въ то время во главѣ культуры Западной Европы. Эта политика вполнѣ совпадала съ господствовавшимъ ученіемъ писателей меркантильной школы. Главной ея цѣлью было достиженіе выгоднаго торговаго баланса, для чего внѣшнія торговыя сношенія подвергались самой мелочной регламентаціи, а внутреннее производство велось подъ строгой опекой государства. Какъ и въ былое время, экономическая дѣятельность гражданина была опутана цѣлою сѣтью разнообразныхъ предписаній.

Въ XVIII ст., когда вполнѣ уже развилась мануфактурная промышленность въ Англіи и Франціи, сильно расширились торговые обороты, произошли большія перемѣны въ техникѣ производства, несоотвѣтствіе меркантильной политики съ экономическимъ строемъ стало живо ощущаться. Все чаще и чаще меркантильная регламентація остается только на бумагѣ. Зарождается умственное движеніе, которое, постепенно разростаясь, приводитъ къ радикальной перемѣнѣ въ самыхъ основаніяхъ экономической политики и экономической науки. Слѣды этого движенія мо̀жно замѣтить уже въ XVII в., среди полнаго расцвѣта меркантилизма, но своего апогея оно достигаетъ лишь къ концу XVIII столѣтія. Свобода промышленности начинаетъ считаться единственно вѣрнымъ путемъ къ преуспѣянію народнаго хозяйства. Идея эта сначала высказывается сдержанно и какъ бы случайно, но потомъ привлекаетъ къ себѣ лучшіе умы и встрѣчаетъ все болѣе и

болѣе широкую поддержку среди образованнаго общества. Авторъ слѣдитъ за развитіемъ этого новаго экономическаго движенія, начиная съ Вильяма Петти, писателя половины XVII ст., и постепенно доходитъ до физіократовъ и Адама Смита.

Съ большимъ увлеченіемъ написана глава, посвященная Адаму Смиту. Начинается она приведеніемъ взглядовъ нѣсколькихъ мыслителей на значеніе книги Смита: „Богатство народовъ". Бокль называетъ сочиненіе Смита важнѣйшею изъ книгъ, когда-либо написанныхъ. Извѣстный экономистъ Бэджготъ говоритъ, что никакой продуктъ философскаго мышленія не имѣлъ и тысячной доли того вліянія, какое было оказано „Богатствомъ народовъ". По мнѣнію историка политической экономіи Кауца, „Богатство народовъ" представляетъ одно изъ тѣхъ немногихъ могучихъ созданій человѣческаго ума, которыя, являясь лишь одинъ разъ въ теченіе столѣтій, воплощаютъ въ себѣ духовное богатство цѣлыхъ поколѣній и служатъ путеводными столбами въ ходѣ развитія человѣчества. Въ чемъ же заключается секретъ громаднаго вліянія, оказаннаго шотландскимъ философомъ?—спрашиваетъ Чупровъ и отвѣчаетъ: „Главная причина вліянія Смита состоитъ въ томъ, что онъ воплотилъ въ себѣ лучшія стремленія вѣка. Все то, чѣмъ жило и къ чему стремилось XVIII-ое столѣтіе, нашло въ Смитѣ вѣрнаго выразителя и талантливаго истолкователя. Черезъ весь трудъ Смита проходитъ страстная любовь къ свободѣ и ненависть ко всякимъ стѣсненіямъ, которыя подъ разными предлогами налагаются на человѣка. Онъ снабдилъ замѣчательными по ясности и несокрушимыми по силѣ аргументами ту оппозицію противъ государственной опеки и произвола, которая жила въ душѣ каждаго человѣка XVIII-го столѣтія. Онъ воспринялъ духовное наслѣдіе лучшихъ умовъ своего времени, самостоятельно переработалъ его и привелъ въ стройную систему то, что ранѣе являлось въ разбросанномъ и отрывочномъ видѣ". Далѣе идетъ изложеніе ученія Смита и его наиболѣе крупныхъ послѣдователей въ Англіи и другихъ европейскихъ странахъ: Мальтуса, Рикардо, Милля, Сэя, Сисмонди.

Школа Смита господствовала какъ въ наукѣ, такъ и въ практикѣ вплоть до семидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка. Но оппозиція противъ нея является значительно раньше. Оппозиція эта первоначально выразилась въ двухъ теченіяхъ: въ протекціонизмѣ и въ соціализмѣ. По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ идей Смитовой школы отмѣнялись таможенные тарифы, Англія стала заваливать континентальныя государства своими товарами, затрудняя развитіе въ нихъ промышленности. Протекціонизмъ явился, такимъ образомъ, выраженіемъ борьбы національной промышленности за свое существованіе. Теоретическое основаніе этому направленію было положено нѣмецкимъ экономистомъ

Фридрихомъ Листомъ, на ученіи котораго по преимуществу и останавливается авторъ. Осуществленіе идей либеральной экономической школы не оправдало ожиданій и въ другомъ отношеніи. Отъ свободы промышленности выигрывали, главнымъ образомъ, имущіе классы, положеніе же рабочихъ мало улучшилось, а въ Англіи даже ухудшилось въ первую половину XIX-го вѣка. Авторъ указываетъ цѣлый рядъ темныхъ сторонъ, которыми сопровождалось для рабочихъ классовъ водвореніе, при свободѣ промышленности, крупнаго производства и фабричной системы. Сознаніе этихъ послѣдствій и стремленіе устранить ихъ дали происхожденіе ученію, получившему названіе соціализма. Авторъ излагаетъ развитіе соціализма, начиная съ самыхъ раннихъ его представителей: Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна и кончая Карломъ Марксомъ.

Экономическія изслѣдованія Смитовой школы и соціалистическихъ писателей — говоритъ А. И. Чупровъ, — при всей противоположности ихъ исходныхъ точекъ и конечныхъ цѣлей, сходились между собой въ стремленіи устроить народное хозяйство по одному образцу, который признавался ими за лучшій. Школа Смита, въ особенности въ лицѣ крайнихъ ея представителей, хотѣла провести въ жизнь полную свободу индивидуальной дѣятельности, полагая, что безпрепятственное господство личнаго интереса и конкурренціи всего вѣрнѣе можетъ обезпечить благосостояніе народовъ. Соціализмъ, въ свою очередь, объявляя вражду существующей хозяйственной организаціи, предлагалъ замѣнить ее новымъ порядкомъ, въ которомъ направленіе народнаго труда и распредѣленіе его продуктовъ не зависѣли бы отъ случайнаго вліянія конкурренціи, а опредѣлялись бы сознательнымъ воздѣйствіемъ общественной власти. Смитовская школа и соціализмъ представляли собою *абсолютныя* системы, пытавшіяся завоевать весь міръ для своихъ плановъ. Однако, уже во второй четверти XIX-го столѣтія начинаютъ обнаруживать вліяніе на ходъ экономической мысли такія теченія идей, которыя останавливаютъ вниманіе на *относительности* хозяйственныхъ формъ быта. Эти идеи, постепенно развиваясь, создали новую школу политической экономіи, названную исторической школой. Школа эта нынѣ господствуетъ въ наукѣ, оказываетъ вліяніе на законодательства и почти повсюду вытѣснила представителей прежняго, Смитовскаго направленія. По ея ученію народное хозяйство находится въ процессѣ постояннаго измѣненія. Потребности человѣка, его умственный и нравственный складъ, его отношенія къ вещамъ и къ другимъ людямъ, а въ особенности общественныя учрежденія, различаются по мѣстностямъ и измѣняются во времени. Всякій историческій строй хозяйства, въ томъ числѣ и современный, есть лишь переходная ступень въ развитіи человѣчества.

Авторъ излагаетъ развитіе названной школы, начиная съ момента ея возникновенія, въ лицѣ Рошера, Гильдебранда, Книса, и заканчивая современными представителями школы. Принимая общія основы ученія піонеровъ школы, позднѣйшіе представители ея сдѣлали существенныя дополненія, соотвѣтственно которымъ школа эта въ настоящее время чаще называется соціально-этической. Значительная часть представителей соціально-этической школы видитъ главное средство соціальной реформы въ самопомощи рабочихъ и, въ особенности, въ организаціи рабочихъ союзовъ, помогающихъ рабочему классу сообща отстаивать свои права. Такъ, Брентано, изслѣдовавъ происхожденіе, характеръ и значеніе рабочихъ союзовъ, видитъ въ нихъ такую организацію труда, которая, по достиженіи полнаго своего развитія, дастъ рабочему классу возможность установлять условія договора и такимъ образомъ разрѣшитъ задачу равномѣрнаго участія всѣхъ общественныхъ классовъ въ благахъ культуры. Существуетъ и другое направленіе, которое полагаетъ, что главнымъ средствомъ къ осуществленію лучшаго общественнаго порядка является регулирующая дѣятельность государства. Во главѣ этого направленія, получившаго названіе государственнаго соціализма, стоятъ Ад. Вагнеръ и Шеффле. Въ ученіи объ организаціи хозяйства соціально-этическая школа занимаетъ среднее положеніе между Смитовой школой и соціализмомъ.

Таково богатое содержаніе прекраснаго сочиненія А. И. Чупрова, послужившаго образцомъ для послѣдующихъ работъ русскихъ историковъ-экономистовъ.

И. Иванюковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Борисъ Садовской. Русская Камена. Статьи. Книгоиздательство „Мусагетъ". Москва. 1910 г. Цѣна полтора рубля.

Въ сборникѣ статей г. Садовскаго даны очерки о Державинѣ, Давыдовѣ, Веневитиновѣ, Полежаевѣ, Бенедиктовѣ, Меѣ, Полонскомъ и Фетѣ. Иногда это—краткія замѣтки, характеризующія лишь творчество даннаго писателя, иногда—продуманно и обстоятельно составленные критико-біографическіе очерки. Общее впечатлѣніе этой весьма изящно изданной книжки, съ превосходными воспроизведеніями удачно выбранныхъ портретовъ писателей — вполнѣ благопріятное; во всемъ видно любовное отношеніе автора къ русской лирикѣ.

Она живетъ для него въ самыхъ дальнихъ своихъ проявленіяхъ; даже въ Державинѣ онъ находитъ созвучныя нашему современнику струны, любитъ его ямбъ, какъ предшественника Пушкина, любуется „медвѣжьей граціей" его стиха, какъ настоящимъ выраженіемъ русскаго восемнадцатаго вѣка, находитъ въ немъ живой матеріалъ для сравненія даже съ стихами самоновѣйшихъ Бальмонта и Брюсова. Наиболѣе обстоятельна статья о Давыдовѣ: она даетъ сжатый, живой біографическій очеркъ знаменитаго поэта-партизана. Характеристика Давыдова въ значительной мѣрѣ навѣяна художественнымъ его портретомъ, даннымъ въ „Войнѣ и Мирѣ" въ лицѣ Денисова. Интересна и довольно обстоятельная статья о Меѣ.

Обращаясь къ полузабытымъ, второстепеннымъ именамъ русской лирики, авторъ стремится исполнить „обязанность критики съ вѣсами въ рукахъ установить вѣчную цѣнность и значеніе небрегомыхъ сокровищъ" (стр. 105). Однако, вѣсы въ рукахъ г. Садовского иногда странно колеблются. Тамъ и сямъ мелькаютъ полемическіе выпады, иногда неожиданные и большею частью не мотивированные. Г. Садовской отмахивается отъ „шума и безтолочи шестидесятыхъ годовъ"; ему не нравится „легкая рука" Герцена и Бѣлинскаго въ ихъ сужденіяхъ о Полежаевѣ. Онъ негодуетъ на вкусъ публики и критики, которыми высоко, напр., поставленъ „слащавый и слабый Кольцовъ, этотъ Надсонъ тридцатыхъ годовъ, возвеличенный Станкевичемъ и Бѣлинскимъ". Особенно огорченъ авторъ за Фета: „самъ по себѣ тотъ фактъ, что Россія цѣликомъ прозѣвала Фета—страшенъ: онъ заставляетъ усумниться въ правѣ нашемъ на національное бытіе" (стр. 141). Страшно, читатель!.. Досадно, что какіе-то предвзятые взгляды и предубѣжденія, можетъ-быть самимъ авторомъ несознанные, портятъ цѣлыя страницы. Таковы предубѣжденіе противъ Полежаева и защита отношенія къ нему Николая I; таково мнѣніе, будто существовали особыя „здоровыя условія" старорусскаго быта, создавшія Гриневыхъ и Давыдовыхъ, какъ будто не они же создавали и Струйскихъ, отравившихъ кровь Полежаева... Програмный характеръ носитъ короткая замѣтка о Фетѣ. О немъ авторъ готовитъ цѣлую книгу. Въ Фетѣ, какъ полагается въ школѣ „Вѣсовъ", гдѣ началъ печатать свои работы г. Садовской, онъ выше всего цѣнитъ послѣднія вдохновенія поэта, вялаго, сумбурно-мистическаго поэта „Вечернихъ Огней", а не свѣтлый гимнъ радости земного бытія сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ.

— А. С. Пругавинъ. Сютаевцы. Очеркъ. Спб. Изд. В. И. Яковенко. Ц. 40 коп.

— А. С. Панкратовъ. Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній. М. 1911. Ц. 1 р.

Книжка г. Пругавина не нова: написана она еще въ 1881-мъ году и въ настоящее время перепечатана безъ измѣненій съ изданія, разрѣшеннаго въ 1903-мъ году петербургскимъ комитетомъ духовной цензуры. Василій Кирилловичъ Сютаевъ, простой крестьянинъ тверской губерніи,—представитель того броженія религіозной мысли въ народѣ, которое никогда не прекращалось, не смотря на всѣ усилія и мощь синодальнаго православія. Онъ не создалъ никакого длительнаго и широкаго сектантскаго теченія; какъ секта, сютаевцы, въ пору наибольшаго развитія, не достигали вѣроятно и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе имя Сютаева не забудется въ исторіи русской религіозной мысли по одному тому, что оно останется навсегда связаннымъ съ именемъ Льва Толстого, съ душевнымъ переломомъ его на порогѣ восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка. „Еще былъ я у Сютаева — читаемъ мы, напр., въ письмѣ Л. Н. къ В. И. Алексѣеву (ноябрь 1881 г.)—тоже христіанинъ и на дѣлѣ... и *мы единомышленники съ Сютаевымъ во всемъ, до мальйшихъ подробностей*". Въ слѣдующемъ году Л. Н. пишетъ женѣ: „мои три мѣсяца въ Москвѣ, мнѣ дали очень много, не говоря уже объ Орловѣ, Николаѣ Ѳедоровичѣ (Ѳедоровѣ), *Сютаевѣ*... Перепись и *Сютаевъ* уяснили мнѣ очень многое". Уже эта одна роль Сютаева въ жизни Льва Толстого оправдываетъ интересъ, возбуждаемый книгою г. Пругавина. Изслѣдователь старой, выдержанной школы, г. Пругавинъ шагъ за шагомъ возсоздаетъ всю бытовую обстановку, въ которой выросли Сютаевъ и Сютаевщина, и въ полубеллетристической формѣ живо рисуетъ обликъ замѣчательнаго искателя и проповѣдника соціальной правды въ крестьянской средѣ—тѣмъ болѣе замѣчательнаго, что, какъ указываетъ г. Пругавинъ, вся его вѣра, все его ученіе есть продуктъ его собственной мысли, безъ всякой посторонней помощи, безъ всякаго вліянія со стороны кого-либо. Современная жизнь со всѣми ея ненормальными, уродливыми явленіями — вотъ что единственно будило и направляло его мысль; Писаніе только подкрѣпляло, освѣщало своимъ авторитетомъ выводы, догадки и заключенія, къ которымъ приводилъ его анализъ общественныхъ отношеній". Къ сожалѣнію, знакомство г. Пругавина съ Сютаевымъ оборвалось до сближенія Сютаева съ Толстымъ, и мы ничего не узнаемъ о послѣдующей судьбѣ Сютаева и складѣ жизни его послѣдователей. Повидимому, онъ не остался на первоначальной высотѣ отрицанія участія въ „организованномъ насиліи". Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Толстой предостерегаетъ своего единомышленника отъ ошибки, въ которую впадаетъ

Сютаевъ: „сказать себѣ, что я не могу быть чистымъ отъ насилія (потому что пользуюсь имъ) и потому могу въ извѣстныхъ предѣлахъ участвовать въ немъ, могу подать становому (заявленіе объ украденной лошади) и т. п. — это все равно, что сказать себѣ: ...(далѣе въ письмѣ пропускъ цензурнаго характера) ...Это тотъ самый страшный путь, который называется: компромиссъ, сдѣлка".

Книга г. Панкратова вводитъ читателя въ міръ современныхъ исканій божеской и житейской правды въ той же средѣ простецовъ, изъ которой вышелъ Сютаевъ. По наблюденіямъ автора, религіозная мысль въ этой средѣ значительно углубилась и развилась. Вмѣсто прежнихъ исканій „праведной земли", какъ опредѣленной территоріи, ищущая живой правды мысль „витаетъ въ сферѣ внутреннихъ душевныхъ исканій, устанавливаетъ высокій принципъ: Богъ въ сердцѣ человѣческомъ. Тамъ его и нужно искать". Эти исканія захватили и такіе круги рабочей среды, гдѣ раньше, по словамъ автора, „безраздѣльно царила политическая непримиримость махроваго соціалъ-демократическаго цвѣта, все было въ политикѣ и все черезъ политику"; теперь тамъ „появилась какая-то странная смѣсь религіи и политики, при чемъ такъ много религіи, что политика кажется недоразумѣніемъ, навожденіемъ". Г. Панкратовъ даетъ обширный и интересный очеркъ московской „Ямы" — трактира, гдѣ издавна собирались охочіе до бесѣдъ о душѣ и правдѣ москвичи изъ торговаго и мѣщанскаго слоя (той самой „Ямы", мимо которой не прошелъ и г. Боборыкинъ въ своемъ „Прорывѣ въ вѣчность"). Далѣе идетъ рядъ очерковъ о другихъ явленіяхъ того же порядка: о московскомъ и петербургскомъ братцахъ Іоаннахъ, о торговцѣ-пророкѣ Курамшинѣ (мусульманинѣ, мечтающемъ о новомъ всеобъединяющемъ Коранѣ), о свободномъ христіанствѣ разныхъ толковъ. Въ заключеніе дано три, какъ называетъ авторъ, „религіозныхъ портрета". Какъ ни интересны, легко и живо написанные очерки г. Панкратова, они не идутъ дальше внѣшнихъ чертъ явленій и, въ противоположность манерѣ г. Пругавина, дающаго всестороннее изслѣдованіе предмета, почти не заглядываютъ въ глубину соціальныхъ отношеній.

— Профессоръ С. Н. Булгаковъ. Чеховъ, какъ мыслитель. Москва. Ц. 25 к.

Въ Москвѣ существуетъ студенческій „литературный кружокъ имени Чехова". Имъ издана настоящая брошюра и готовится къ печати посвященный Чехову же „Ежегодникъ". Брошюра представляетъ перепечатку публичной лекціи о Чеховѣ, прочитанной г. Булгаковымъ еще осенью 1904-го года. Въ ряду безчисленныхъ общихъ характеристикъ Чехова, это—одна изъ лучшихъ. Авторъ глубоко почувствовалъ „очарованіе его поэзіи, грустно задумчивой, какъ молча-

ливая русская даль, сумрачной, какъ осеннее русское небо, трепетной и нѣжной, какъ закатъ сѣвернаго солнца, глубокой и чистой, какъ настороживщаяся лѣтняя ночь"; это — „пѣсня, рожденная русской стихіей и русской природой, раздольная и унылая, пѣсня о сѣромъ небѣ и вольной дали, о постылой долѣ и невѣдомомъ счастьѣ, пѣсня, надрывающая душу тоской и заставляющая трепетать отъ неизъяснимыхъ предчувствій"... Чеховъ не зналъ „никакого крутого поворота въ направленіи своей литературной дѣятельности". „Вслѣдствіе того, что искусство есть мышленіе, имѣющее одну и ту же великую и общечеловѣческую тему—мысль человѣка о самомъ себѣ и о своей природѣ, оно и становится дѣломъ важнымъ, труднымъ, серьезнымъ и отвѣтственнымъ". По мысли Л. Толстого, „дѣятельность научная и художественная въ ея настоящемъ смыслѣ только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ однѣ обязанности... Если люди дѣйствительно призваны къ служенію другимъ духовной работой, они въ этой работѣ будутъ видѣть только обязанности и съ трудомъ, лишеніями и самоотверженіемъ будутъ исполнять ихъ... Мыслитель и художникъ должны страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе или утѣшеніе". Удачнымъ подборомъ цитатъ и указаніемъ дѣйствительно характерныхъ и наиболѣе цѣнныхъ вещей Чехова авторъ выясняетъ, какъ въ нихъ отразилось „это русское исканіе вѣры, тоска по высшемъ смыслѣ жизни, мятущееся безпокойство русской души и ея больная совѣсть". „Общечеловѣческій, а потому самому и философскій вопросъ, дающій главное содержаніе творчеству Чехова, есть вопросъ о нравственной слабости, безсиліи добра въ душѣ средняго человѣка, благодаря которому онъ сваливается безъ борьбы, повергаемый не большой горой, а соломенкой"... „Чеховское настроеніе, психологически, можетъ-быть, и связанное съ сумерками 80-хъ годовъ въ Россіи, философски имѣетъ болѣе общее значеніе... Настроеніе Чехова должно быть опредѣлено какъ міровая скорбь въ полномъ смыслѣ этого слова". Но положительные, примиряющіе мотивы творчества Чехова не позволяютъ признать его безнадежнымъ пессимистомъ. Авторъ ставитъ здѣсь проблему, которая горячо обсуждалась въ рядѣ юбилейныхъ статей прошлаго года: вопросъ о крѣпнувшей въ Чеховѣ „религіозной вѣрѣ христіанскаго оттѣнка". Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, утвердительно, что въ значительной мѣрѣ спорно. Безспорнымъ, за то, надо признать дальнѣйшее утвержденіе г. Булгакова объ общественномъ міровоззрѣніи Чехова, вызывавшемъ противъ него столько нареканій и упрековъ въ гражданскомъ индифферентизмѣ. „Чеховъ представляется намъ не только великимъ художникомъ, но и отзывчивымъ гражданиномъ и пламеннымъ патріотомъ, и то великое и благородное сердце,

которое, утомившись болѣть за нашу жизнь, навсегда остановилось въ Баденвейлерѣ, не дѣлилось на участки съ горячей и холодной кровью, но все горѣло любовью къ родной странѣ". Полно звучитъ въ произведеніяхъ Чехова и неразрывно связанное съ русскимъ демократизмомъ „чувство соціальной отвѣтственности, обязанности предъ народомъ соціальнаго покаянія, которымъ преисполнена, которымъ опредѣляется вся наша пореформенная литература, весь нашъ духовный обликъ". Призывъ, вложенный Чеховымъ въ уста вѣчнаго студента въ „Вишневомъ садѣ", къ „необычайному, непрерывному труду" опредѣляетъ истинное отношеніе Чехова къ русской интеллигенціи, которой онъ такъ мало льстилъ въ своемъ художественномъ творчествѣ. По наглядности и простотѣ изложенія брошюры г. Булгакова можно рекомендовать, какъ удобное руководство при началѣ самостоятельнаго изученія Чехова.—Ч. В—скій.

— **Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе. Подъ редакціей Иванова-Разумника. Спб., 1911. Ц., въ переплетѣ, 5 рублей.**

Бѣлинскій написалъ такъ много, что сдѣлать его удобочитаемымъ въ наши дни можетъ только изданіе избранныхъ, наиболѣе важныхъ и характерныхъ произведеній, съ освѣщающими ихъ вступительными статьями и примѣчаніями. Именно такое изданіе (у насъ уже было одно, подъ редакціей Н. А. Котляревскаго) можетъ приблизить писателя къ читателю-неспеціалисту, къ читателю-учащемуся, у котораго нѣтъ ни времени, ни охоты рыться въ двѣнадцати томахъ (столько ихъ въ солдатенковскомъ изданіи, и на столько же разсчитано еще не законченное изданіе С. А. Венгерова). Не все и заслуживаетъ помѣщенія въ такомъ изданіи, предназначенномъ для широкой публики. Нужна умѣлая рука, которая бы выдѣлила изъ творчества Бѣлинскаго самыя лучшія и цѣнныя его доли, систематически расположила бы ихъ и показала бы связывающее ихъ внутреннее единство. Эта работа блестяще исполнена г. Ивановымъ-Разумникомъ... Каждая статья Бѣлинскаго сопровождается вступительной замѣткой редактора; рядъ этихъ вступительныхъ замѣтокъ связываетъ всѣ статьи Бѣлинскаго въ одно развивающееся цѣлое... Появленіе въ сознаніи Бѣлинскаго новыхъ проблемъ; новое рѣшеніе старыхъ вопросовъ; перемѣна философскихъ, критическихъ и историко-литературныхъ сужденій; обстоятельства, сопровождавшія появленіе статей Бѣлинскаго; библіографическія указанія — все это составляетъ содержаніе вступительныхъ замѣтокъ. Многочисленныя примѣчанія къ тексту являются непосредственнымъ дополненіемъ къ этимъ замѣткамъ. Наконецъ, во вступительномъ біографическомъ очеркѣ намѣчена та общая связующая нить, которая проходитъ черезъ всѣ три тома и соединяетъ всѣ статьи Бѣлинскаго

въ одно неразрывное цѣлое. Первый томъ заключаетъ въ себѣ всѣ статьи Бѣлинскаго съ 1834 по 1840 годъ, т.-е. эпохи его шеллингіанства, фихтіанства и гегеліанства, до момента перваго духовнаго кризиса; во второмъ томѣ помѣщены статьи второй эпохи — эпохи его „соціальности“ вообще и соціализма въ частности, до второго перелома міровоззрѣнія Бѣлинскаго; наконецъ, въ третьемъ томѣ находятся статьи третьей и послѣдней эпохи его жизни и дѣятельности, съ 1846 по 1848 годъ. Редакторъ правъ, говоря, что изъ настоящаго изданія нельзя выбросить ни одной статьи безъ ущерба для соціально-философской и историко-литературной характеристики Бѣлинскаго. Текстъ третьяго тома весь впервые провѣренъ, при чемъ возстановлены пропуски въ статьяхъ о Пушкинѣ, къ которымъ данъ очень цѣнный и полный комментарій. Замѣтки редактора образуютъ собою прекрасную книгу о Бѣлинскомъ, сопровождающую „книгу Бѣлинскаго“, какъ можно назвать разсматриваемое изданіе. Для читателя будутъ новы нѣсколько страницъ рецензіи на „Воспоминанія Булгарина“, не вошедшія въ кетчеровское собраніе и извлеченныя г. Ивановымъ-Разумникомъ изъ „Отеч. Записокъ“ 1846 г. Лучшая глава написанной г. Ивановымъ-Разумникомъ книги о Бѣлинскомъ—біографическій очеркъ; въ немъ съ большою простотою и ясностью изображены и объяснены духовные кризисы, которые такъ страдальчески переносилъ и такъ богатырски преодолѣвалъ Бѣлинскій, „переживая и переработывая въ душѣ своей тѣ міровоззрѣнія, развитіе которыхъ выпало на долю послѣдующихъ поколѣній русской интеллигенціи“. Намъ показалось сомнительнымъ, однако, мнѣніе, что съ 1846 г. Бѣлинскій „потерялъ вѣру въ соціализмъ“, доказательство чего г. Ивановъ-Разумникъ видитъ въ перенесеніи Бѣлинскимъ надеждъ своихъ съ народа на буржуазію. Авторъ вѣрно опредѣляетъ „путь, свершенный Бѣлинскимъ съ 1846 по 1848 гг.: отъ былого *утопическаго* соціализма — къ признанію большой и прогрессивной роли буржуазіи, отъ былой вѣры въ народъ—къ крайнему проявленію теоріи роли личности въ исторіи, отъ былой надежды на самоосвобожденіе народа—къ надеждѣ на либеральныя реформы правительства“; но этотъ путь характеризуетъ не поворотъ въ идейномъ credo Бѣлинскаго, а перемѣну въ его взглядахъ на средства къ достиженію соціальнаго идеала, отъ котораго онъ не отрекался.

„Библіотека русскихъ критиковъ“, въ составѣ которой вышелъ Бѣлинскій, намѣрена представить выработанныя по такому же плану собранія сочиненій Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Михайловскаго. Не долженъ быть забытъ и Аполлонъ Григорьевъ.

— Антонъ Чеховъ. Повѣсти и разсказы. Т. XII. Спб. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ.

Памятуя глубоко-правдивое замѣчаніе Бѣлинскаго о „несомнѣнномъ интересѣ и цѣнности каждой новонайденной строки изъ посмертныхъ произведеній корифея литературы“, но не памятуя, что сказаны эти слова не о комъ иномъ, какъ о Пушкинѣ, и имѣли въ виду цѣлый рядъ тогда еще неизданныхъ выдающихся его произведеній, издательство оказало плохую услугу и памяти покойнаго писателя, и его читателямъ. Если біографу или историку литературы и будетъ интересно „прослѣдить развитіе и необыкновенный ростъ этого тонкаго и гибкаго таланта“, то для обыкновеннаго читателя будетъ тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ одолѣть томовъ двѣнадцать (350 крупныхъ и мелкихъ разсказовъ), въ большей части своей могущихъ причинить только эстетическую досаду. Самъ Чеховъ эту худшую часть своего литературнаго багажа отбрасывалъ и даже не любилъ, когда ему о ней напоминали. Перелистайте составленную И. Масановымъ „Библіографію сочиненій А. П. Чехова“ („Русскій Архивъ“, 1906 г., т. II)—и вы оцѣните строгую взыскательность художника, который въ пору своей извѣстности и славы не рѣшился представить читателю большую часть старыхъ сценокъ, повѣстей и разсказовъ періода 1880—1888 гг. Именно къ этому относятся переиздаваемые фирмой Марксъ 350 номеровъ. То, что писалъ начинающій авторъ въ „Стрекозѣ“ 1880 г., или „Будильникѣ“ 1881 г., или „Мірскомъ Толкѣ“ 1882 г., такъ слабо и жалко въ сравненіи съ „Скучной исторіей“ или „Вишневымъ садомъ“, такъ велика разница между лучшимъ и худшимъ у Чехова, что становится какъ-то больно за покойнаго писателя. Нельзя же обязать каждаго читателя быть комментаторомъ, біографомъ и безпрестанно устанавливать для себя „историческую перспективу“. Есть, къ тому же, вещи безъ спеціальнаго біографическаго комментарія непонятныя. Напримѣръ, новое собраніе Чехова открывается бульварнымъ и очень плохимъ романомъ „Ненужная побѣда“; эта несуразная и тяжелая вещь буквально ошеломляетъ читателя, который недоумѣваетъ: „откуда сіе?“—и такъ и не понялъ бы, въ чемъ дѣло, если бы недавно г. Амфитеатровъ не объяснилъ въ „Одесск. Новостяхъ“, что Чеховъ побился объ закладъ съ издателемъ „Будильника“ Куренинымъ, что напишетъ романъ изъ венгерской (!) жизни, „подъ Мавра Іокая“, и написалъ, и выигралъ пари, и одержалъ совершенно ненужную побѣду. Такимъ же ненужнымъ дѣломъ является все затѣянное издателями собраніе. Конечно, изъ 350 повѣстей и разсказовъ можно было бы выбрать кое-что цѣнное, въ чемъ видны проблески таланта. Нѣсколько стоющихъ вниманія страницъ найдутся и въ первомъ томѣ „новой серіи“. Такова сказка о наукѣ и дѣвочкѣ въ „венгерскомъ“ романѣ, таково начало „29 іюня“ (кое-что перепечаталъ оттуда В. В. Каллашъ,

разбирая въ „Русской Мысли“ 1905 г. „Литературные дебюты Чехова“). Очень характерно для Чехова одно замѣчаніе („Зеленая коса“), обличающее чисто „пушкинское“ свойство его свѣтлой души: „я не люблю картинъ безъ людскихъ фигуръ; плескъ моря и шопотъ деревьевъ сами по себѣ хороши, но если къ нимъ присоединяется еще сопрано..., то море и садъ дѣлаются земнымъ раемъ“. Но такихъ „свѣтлыхъ промежутковъ“ совсѣмъ немного, и они тонутъ въ морѣ надуманныхъ остротъ, неискреннихъ ужимокъ, неестественныхъ положеній; въ языкѣ мелькаютъ южные провинціализмы. Чеховъ, какъ видно, далъ читателю тщательную и строгую редакцію собранія своихъ произведеній и, конечно, не привѣтствовалъ бы появленіе на книжномъ рынкѣ новой серіи. Жаль, что издатели не пожелали считаться съ его волею.—Н. Л.

— Ольга Шапиръ. Собраніе сочиненій. Со вступ. статьей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ первый. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

О. А. Шапиръ—одна изъ наиболѣе плодовитыхъ и неутомимыхъ нашихъ писательницъ. Начиная съ 1879-го года, она помѣщаетъ свои произведенія въ лучшихъ журналахъ. Многія изъ нихъ уже появлялись въ отдѣльныхъ изданіяхъ; но собраніе ея сочиненій выходитъ впервые. Въ г-жѣ Шапиръ, какъ въ большинствѣ представителей ея поколѣнія, бросается въ глаза одна драгоцѣнная черта, почти отсутствующая у ея младшихъ современниковъ: полнѣйшая опредѣленность и законченность душевнаго облика. Ни капризной сложности нашихъ молодыхъ писателей, ни ихъ диссонансовъ, подъемовъ, надрывовъ и проваловъ читатель у нея не найдетъ; ея развитіе совершалось, повидимому, ровно, и все, что было въ задаткахъ, осуществлено. Даже въ наиболѣе раннихъ произведеніяхъ г-жи Шапиръ обращаетъ вниманіе ихъ тщательная литературная обработка. Языкъ ея—обычный языкъ старыхъ бытописателей—отличается простотой и точностью, а мѣстами и изяществомъ; онъ не производитъ впечатлѣнія устарѣлости. Область, въ которой писательница чувствуетъ себя наиболѣе свободно—семейныя отношенія. Она умѣло отмѣчаетъ конфликты, которые выростаютъ на этой почвѣ, и тонко умѣетъ въ нихъ разобраться, ничего не предрѣшая заранѣе и ничего не навязывая читателю. Среди раннихъ произведеній, вошедшихъ въ первый томъ, выдѣляется мастерски написанная повѣсть: „На порогѣ жизни“, по сюжету напоминающая знаменитый романъ Мопассана: „Fort comme la mort“; мать и дочь оказываются соперницами въ любви къ одному и тому же человѣку. Но писательница развиваетъ свою тему вполнѣ самостоятельно и своеобразно. Главный интересъ сосредоточенъ на психологіи молоденькой дѣвушки — и эта психологія превосходно выдержана. Авторъ ничего не переноситъ изъ опыта взрослой жен-

щины въ юную психику, чѣмъ обыкновенно грѣшатъ женщины-писательницы. Поэтому потрясенія, пережитыя героиней „на порогѣ жизни", особенно волнуютъ и захватываютъ. Съ интересомъ читается и „Кандидатъ Куратовъ", гдѣ писательница останавливается на конфликтѣ индивидуалистическихъ вкусовъ и требованій съ семейными чувствами и отношеніями. Слабѣе въ архитектоническомъ отношеніи большой романъ „Одна изъ многихъ", бывшій въ свое время подъ запретомъ. Эпоха начала рабочаго движенія и интеллигентской пропаганды 70-хъ годовъ отражены въ немъ, въ общемъ, вѣрными, но довольно блѣдными штрихами, а „интрига" романа развита слишкомъ примитивно и прямолинейно.

Сочиненіямъ О. А. Шапиръ предпослано довольно обширное предисловіе Д. Н. Овсянико-Куликовскаго—психологическій этюдъ, вызывающій много интересныхъ вопросовъ, мыслей и сопоставленій.

— А. Свирскій. Разсказы. Т. III. Спб., 1910 г.

Г. Свирскій—писатель старой школы, оставшійся въ сторонѣ отъ современныхъ литературныхъ исканій. Дарованіе у него не яркое; кругъ его наблюденій невеликъ. Но то, что онъ видѣлъ и знаетъ, онъ передаетъ добросовѣстно, правдиво и довольно живо. Ему хорошо знакомъ бытъ арестантовъ и близка психологія простого люда. Въ разсказахъ: „Арестантская психологія", „Правосудіе", „Бунтъ", „Работники" выведенъ цѣлый рядъ любопытныхъ типовъ, въ которыхъ есть кое-что родственное философствующимъ „бывшимъ" людямъ Горькаго. Психологическія темы рѣшительно не удаются автору. Онъ развиваетъ ихъ блѣдно и неубѣдительно. Особенно неудаченъ разсказъ: „День Чагиныхъ", въ которомъ авторъ силится изобразить обывательскую пошлость.

Кромѣ разсказовъ, въ сборникъ г. Свирскаго включена не безинтересная бытовая сатира: „Изъ дневника знаменитаго писателя". Это—остроумная и довольно злая каррикатура-шаржъ на современные литературные нравы. Въ ней отражено основное зло современной писательской жизни: вторженіе въ литературу улицы, отчего въ равной степени страдаютъ и читатели, и авторы. Писатель, благодаря рекламѣ внезапно превращающійся въ знаменитость, суетливые репортеры, и пристрастные „субъективные" критики, созданные улицей, изображены мѣтко. Если исключить изъ сатиры г. Свирскаго нѣкоторыя излишнія подчеркиванія и слишкомъ явные намеки на живыхъ лицъ, то получится въ общемъ вѣрная и очень безотрадная картина современной литературной жизни.—Е. Колтоновская.

— Библіотека современной философіи. Выпускъ первый. Абель Рей. Энергетическое и механическое міропониманіе съ точки зрѣнія теоріи познанія. Переводъ Б. С. Бычковскаго. Спб., „Общественная Польза", 1910.

— Выпускъ второй. Гастонъ Ражо. Ученые и философы. Перев. Б. С. Бычковскаго. Спб., „Общественная Польза", 1911.

— Выпускъ третій. Бурдо. Властители современныхъ думъ. Перев. съ 7-го франц. изданія и вступленіе Б. С. Бычковскаго. Спб., „Общественная Польза", 1911.

Подъ громкимъ названіемъ „Библіотеки современной философіи" г. Бычковскій далъ рядъ переводовъ, являющихся настоящимъ уникумомъ. Не думаю, чтобы на книжный рынокъ поступало нѣчто подобное даже въ эпоху переводческаго ажіотажа 1905—6 годовъ. Вотъ, напр., выпускъ второй. На стр. 8-ой мы читаемъ о философіи Спенсера, что она „черезъ все обобщеніе научныхъ данныхъ сыграла для философіи природы почти такую же роль, какъ работа Канта для философіи разума". На стр. 22-ой разсказывается о цѣнной привычкѣ Спенсера, которая „сдѣлала изъ него величайшимъ вульгаризаторомъ XIX-го вѣка". Еще въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ „разсматриваетъ энергетическую философію, какъ фактъ, которая на дѣлѣ только теорія, гипотеза, простое толкованіе фактовъ" (стр. 44). На стр. 155-ой Рибо „прислушивался ея мнѣнія" и т. д., и т. д. Но грамматическія ошибки представляли бы еще полбѣды. Гораздо хуже то, что г. Бычковскій очень плохо знаетъ тотъ языкъ (въ данномъ случаѣ французскій), съ котораго онъ переводитъ, и многое изъ того, о чемъ говорится въ выбранныхъ имъ книгахъ. Вотъ взятыя на угадъ страницы 120 и 121 перевода книги Рея (начало главы шестой). Достаточно было просмотрѣть эти 30 — 40 строкъ и сличить ихъ съ французскимъ подлинникомъ, чтобы наткнуться на рядъ грубѣйшихъ ошибокъ. У г. Бычковскаго говорится, что „энергетическая теоретическая физика не отдѣлима отъ экспериментальной физики"—Рей утверждаетъ, наоборотъ (и это важно для всего хода его мыслей), что она отдѣлима. Рей говоритъ, что творческая дѣятельность духа (а не разума, какъ переводитъ г. Бычковскій) посреди гипотезъ, всяческихъ приключеній, опасностей, иллюзій, ошибокъ, непрерывно обогащаетъ наше познаніе; г. Бычковскій переводитъ, что разумъ „идетъ впередъ среди гипотезъ, авантюръ, опасностей, иллюзій, безпрерывно обогащая ошибками наше познаніе". Обогащеніе ошибками! Секретъ этого всецѣло принадлежитъ г. Бычковскому, широко использовавшему въ своихъ переводахъ новое открытіе. Вотъ почему французское conjecture (догадка, предположеніе) превращается у него по-русски въ „конъюнктуру", а automorphisme—автоморфизмъ—въ „отоморфизмъ" (Ражо, стр. 41), словно дѣло идетъ о какой-то ушной болѣзни. И когда глазъ мой случайно упалъ на фразу: „сущность христіанства содержится въ исповѣди съ Монтани" (Бурдо, стр. 197), то я понялъ, что дѣло идетъ о нагорной проповѣди (sermon sur la Montagne),

что, разумѣется, и подтвердилось при сличеніи съ французскимъ текстомъ. Безжалостно искажаетъ г. Бычковскій извѣстныя и даже архи-извѣстныя имена. Джорджъ Элліотъ упорно называется имъ Жоржемъ Эліо (Ражо, passim), Гёксли—Гюксли, Флексигъ—Флешигомъ, Р. Майеръ — Мейеромъ, и т. д. Въ третьемъ выпускѣ г. Бычковскій одно время держится осторожно, приводя имена по-французски: Bourget, Lemaitre, Vogüé, и пр. Но иногда эта осторожность измѣняетъ ему, и мы вдругъ узнаемъ о какомъ-то Беньяминѣ Константѣ (Бенжаменъ Констанъ), о Брунтьерѣ, о Рубэнѣ (Рубенсѣ), о Іосифѣ Деметрѣ (Жозефъ де-Местръ), о Сепъ-Франсуа (св. Францискѣ), о побѣжденн*омъ* Римомъ Альбѣ (дѣло идетъ о городѣ Альба-Лонга, а не о полководцѣ Филиппа II), объ аптекарѣ Гомэсѣ (безсмерный Гомэ изъ „Госпожи Бовари“), и т. д. безъ конца. Кульминаціоннаго пункта достигаетъ г. Бычковскій, когда открываетъ (Ражо, стр. 130) философа Кузиніена. Дѣло идетъ, очевидно, о „кузеновской“ (cousinienne) философіи. Но г. Бычковскому мало одного Кузена, о которомъ онъ говоритъ нѣсколько выше, и своимъ творческимъ fiat онъ создаетъ новаго, никому невѣдомаго, мыслителя. Когда-то, весьма давно ужъ, смѣялись надъ однимъ русскимъ переводчикомъ, который, встрѣтивъ по-французски довольно обычный эпитетъ Аристотеля: „философъ изъ Стагиры“ (Stagyrène), съ спокойной совѣстью перевелъ это черезъ: „философъ Стагиренъ“. Теперь „философъ Стагиренъ“ не будетъ томиться въ одиночествѣ: г. Бычковскій нашелъ ему достойнаго сотоварища въ лицѣ „философа Кузиніена“. — П. Юшкевичъ.

— Проф. С. Ө. Платоновъ.—Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время). Съ приложеніемъ двухъ картъ. Изданіе третье. С.-Петербургъ, 1910 г.

Нельзя не привѣтствовать появленіе новаго изданія классическаго труда проф. Платонова о смутномъ времени. Исключительныя достоинства этого изслѣдованія были отмѣчены въ свое время и общей, и спеціальной критикой, самый же фактъ третьяго изданія ученой работы лучше всего свидѣтельствуетъ объ ея прочномъ и широкомъ успѣхѣ. И дѣйствительно, нельзя теперь коснуться ни одного вопроса мятежной и бурной исторіи начала XVII вѣка, не считаясь съ интересно и оригинально обоснованнымъ трудомъ проф. Платонова. Многіе вопросы первостепенной важности получаютъ въ его работѣ совершенно новое освѣщеніе; достаточно указать на его извѣстное объясненіе опричнины Ивана Грознаго, пролившее свѣтъ на соціальную политику этого государя и сопряженныя съ ней послѣдствія. Особую цѣнность какъ настоящей, такъ и другимъ работамъ проф. Плато-

нова придаетъ его умѣнье соединить тонкій детальный анализъ первоисточника съ изящнымъ и образнымъ построеніемъ. „Очерки по исторіи смуты“ и предшествующее изслѣдованіе, посвященное повѣстямъ и сказаніямъ о смутномъ времени, даютъ исчерпывающій критическій обзоръ источниковъ по исторіи смуты. Въ „Очеркахъ“, кромѣ того, дана конструкція общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ эпоху „розрухи“. Въ третьемъ изданіи внесены въ примѣчанія нѣкоторыя поправки и дополненія, и перерисованы вновь карты.

— Н. Карѣевъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи? По поводу теоріи Павлова-Сильванскаго. С.-Петербургъ, 1910 г.

Новая работа проф. Карѣева посвящена вопросу, одинаково интересному какъ для спеціалистовъ по всеобщей исторіи, такъ и для изслѣдователей нашего отечественнаго прошлаго. До сихъ поръ не замолкъ въ ученой литературѣ споръ, вызванный яркими и блестящими изслѣдованіями безвременно похищеннаго смертью Н. П. Павлова-Сильванскаго. Рядъ его спеціальныхъ этюдовъ, а затѣмъ двѣ книги: „Феодализмъ въ древней Руси“ и „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (послѣдній трудъ вышелъ уже по смерти автора) поставили на очередь пересмотръ основныхъ проблемъ нашего соціально-политическаго развитія, въ связи съ общимъ вопросомъ о ходѣ русскаго историческаго процесса. Традиціонная исторіографія (за очень немногими и рѣдкими исключеніями) отрицала существованіе феодализма въ Россіи, выдѣляя и индивидуализируя черты удѣльнаго порядка; сходства съ западными порядками или совсѣмъ не видѣли, или видѣли очень мало, да это и не противорѣчило общему взгляду на самобытность русскаго историческаго развитія. Павловъ-Сильванскій въ своихъ работахъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ этого взгляда, этой столь популярной и вошедшей въ обиходъ антитезы Россіи и Запада, и какъ разъ на примѣрѣ такъ называемаго „удѣльнаго порядка“ доказалъ сходство, часто полную идентичность древняго русскаго строя съ феодальными порядками средневѣковой Европы. Большая эрудиція автора, его начитанность въ источникахъ и знакомство съ западноевропейской исторической и историко-юридической литературой дали ему возможность поставить изслѣдованіе на широкую сравнительно-историческую почву. Въ этомъ, слѣдуя по стопамъ П. Г. Виноградова и М. М. Ковалевскаго, Павловъ-Сильванскій пришелъ къ ряду интереснѣйшихъ заключеній; но, увлеченный своей темой, онъ часто впадалъ въ крайность, видѣлъ иногда только черты сходства, затушевывая черты различія, приводилъ сравненія слишкомъ общія и безъ соблюденія хронологической перспективы. Тѣмъ не менѣе, какъ основная мысль Павлова-Сильванскаго, такъ и многія его положенія являются

цѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской историографіи. Вполнѣ правъ проф. Карѣевъ, посвятивъ цѣлую книжку обстоятельному разбору работъ Павлова-Сильванскаго и выясненію ихъ ученаго значенія. Проф. Карѣевъ начинаетъ свой трудъ съ общаго опредѣленія феодализма, выдѣляя въ немъ черты общія и частныя; далѣе дается тщательный разборъ обѣихъ книгъ Павлова-Сильванскаго, съ обращеніемъ особаго вниманія на положенія спорныя. Удѣлено мѣсто тѣмъ возраженіямъ, которыя противопоставила первой книгѣ Павлова-Сильванскаго спеціальная и общая критика. Н. И. Карѣевъ соглашается со многими изъ нихъ и, признавая основную теорію покойнаго историка, отмѣчаетъ свои разногласія съ отдѣльными его взглядами. Весьма существеннымъ является указаніе проф. Карѣева на пропускъ литовско-русскаго феодализма, котораго Павловъ-Сильванскій вовсе не коснулся. Мы прибавили бы къ этому, что интересный матеріалъ для развитія феодально-аристократическихъ отношеній можетъ дать и Галицкая Русь, съ ея олигархіей бояръ—крупныхъ землевладѣльцевъ.—И. Бороздинъ.

— В. Герье. „Второе раскрѣпощеніе". Общія пренія по указу 9-го ноября въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

Самое заглавіе новой книги проф. Герье уже вызываетъ возраженія. Положеніе 1861-го года, дало русской деревнѣ, въ числѣ другихъ, два института: административный союзъ, въ лицѣ сельскаго общества, и поземельный союзъ, въ лицѣ мірской общины. Значеніе сельскаго общества существенно уменьшено указомъ 5-го октября 1906-го г. Права мірской общины уменьшены въ пользу отдѣльныхъ ея членовъ указомъ 9-го ноября того же года. Законъ 14-го іюня пошелъ еще дальше въ отношеніи общины, замѣнивъ ее подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ—тамъ, гдѣ передѣлы не производились со времени надѣленія. Примѣнительно къ указу 5-го октября говорить о второмъ раскрѣпощеніи можно. Примѣнять такую характеристику къ закону 14-го іюня нѣтъ основаній. Послѣ отмѣны крѣпостной зависимости сельское общество явилось преемникомъ обязанностей и, въ извѣстной степени, правъ помѣщика. Будучи освобождены отъ крѣпости землѣ и помѣщику, крестьяне, изъ-за повинностей, остались крѣпки сельскому обществу. Отвѣтственность за исправное выполненіе повинностей, лежавшая прежде на помѣщикахъ, перешла къ сельскимъ обществамъ. Принадлежность къ ихъ составу, какъ раньше—къ составу населенныхъ имѣній, осталась въ законѣ препятствіемъ къ поступленію въ высшія учебныя заведенія и на государственную службу. Сельскимъ обществамъ было предоставлено право, въ случаѣ недоимокъ, вмѣшиваться въ хозяйство своихъ сочленовъ и распоряжаться ихъ трудомъ. Въ зависимость отъ согласія общества были постав-

лены и семейные раздѣлы. Эти правоограниченія, нынѣ отмѣненныя указомъ 5-го октября, захватывали семейную жизнь, личность, трудъ и хозяйство крестьянина, и потому какъ исторически, такъ и въ своемъ бытовомъ выраженіи могутъ быть сближаемы съ крѣпостной зависимостью. Мірская община, наоборотъ, не можетъ почитаться преемницей помѣщичьей власти. Недостатки принудительнаго сѣвооборота, обусловливаемаго общиннымъ землевладѣніемъ, искупаются, въ глазахъ крестьянъ, выгодами этой формы владѣнія. Правда, еще раньше указа 9-го ноября такой взглядъ пересталъ быть всеобщимъ. Въ деревнѣ началась борьба двухъ міросозерцаній, общиннаго и личнаго; но подчиненіе, въ хозяйственныхъ вопросахъ, меньшинства большинству не имѣетъ ничего общаго съ крѣпостной зависимостью. Тѣмъ менѣе примѣнимъ терминъ: раскрѣпощеніе къ законодательному акту, не размежевавшему двухъ міросозерцаній, а давшему одному рѣшительный перевѣсъ надъ другимъ, наградившему землей личныхъ собственниковъ въ ущербъ правамъ общинниковъ.

Съ тенденціозностью заглавія книги проф. Герье вполнѣ гармонируетъ ея содержаніе. Авторъ принадлежитъ къ числу фанатическихъ враговъ общины. Подобно фанатикамъ всѣхъ партій и возрѣній, онъ отказывается понимать своихъ противниковъ. Онъ не допускаетъ, чтобы сторонники общины черпали свои взгляды оттуда же, откуда ихъ берутъ и враги ея: изъ знанія крестьянскаго быта и пониманія относящихся къ нему законовъ. Онъ ищетъ ихъ въ соображеніяхъ посторонняго характера. Причины популярности общины въ прошломъ проф. Герье видитъ въ романтизмѣ, въ коллективизмѣ и особенно въ соціализмѣ. Въ настоящемъ онъ усматриваетъ тѣ же предразсудки романтизма, желаніе оппозиціи во что бы то ни стало противодѣйствовать правительству и ненависть соціалистовъ къ мелкой собственности, какъ опорѣ порядка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда защитники общины, особенно изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта, не подходятъ подъ эти обозначенія, проф. Герье говоритъ о недоразумѣніяхъ, странной непослѣдовательности и т. д. При такомъ отношеніи къ вопросу обзоръ преній въ обѣихъ палатахъ становится похожъ на памфлетъ средняго достоинства. Обзоръ преній въ Государственной Думѣ ближе всего подходитъ по характеру къ газетнымъ отдѣламъ: „наша печать“, „за вчерашній день“. Изъ рѣчей депутатовъ проф. Герье беретъ на выдержку два-три довода. Если рѣчь принадлежитъ противнику общины, авторъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничивается замѣчаніемъ такого рода: „восторженнымъ противникомъ общины явился депутатъ Гулькинъ, съ южнымъ паѳосомъ говорилъ депутатъ Николенко“ и т. п. Если рѣчь—противоположнаго направленія, замѣчанія носятъ другой характеръ, напримѣръ: „инте-

ресный образчикъ того, какъ революціонныя формулы отражаются въ некультурномъ мозгу“, „рѣдкій образчикъ лѣваго консерватизма“. Аргументы въ пользу общины, конечно, тутъ же блистательно опровергаются доводами другихъ депутатовъ или самого проф. Герье; послѣдніе, по преимуществу, заключаются въ намекахъ на принудительное отчужденіе и соціализмъ. При такомъ изложеніи страдаетъ, конечно, общее освѣщеніе вопроса. Изъ рѣчей депутатовъ Милюкова и Шингарева приведены, напр., лишь двѣ, три несущественныхъ выдержки; даже обстоятельному докладу депутата Шидловскаго отведено меньше мѣста, чѣмъ рѣчи депутата Маркова 2-го, для котораго важнымъ доводомъ въ пользу хуторовъ является то, что въ деревняхъ скопляется много мальчишекъ и развивается хулиганство. Обзоръ преній въ Государственномъ Совѣтѣ сдѣланъ въ болѣе сдержанной формѣ. Но читая его, невольно вспоминаешь извѣстный разсказъ о Бѣлинскомъ и Герценѣ. Герценъ изложилъ свой споръ съ пріятелемъ въ формѣ діалога и принесъ Бѣлинскому. Бѣлинскій прочелъ и сказалъ: „я давно знаю, что ты умный человѣкъ, но охота тебѣ было съ такимъ дуракомъ спорить“. Читая книгу проф. Герье, тоже думаешь: зачѣмъ тратили столько ума и знанія сторонники закона 14-го іюня, если доводы ихъ противниковъ были такъ безсодержательны и слабы? Въ концѣ же, когда доходишь до результатовъ голосованія и внушительной цифры: 88 записокъ за исключеніе статьи, 90—противъ, сразу становится очевиднымъ, что вопросъ далеко не такъ простъ, какимъ онъ кажется автору. Какъ и всѣ слишкомъ тенденціозныя книги, сочиненіе проф. Герье достигаетъ цѣли обратной той, которую оно преслѣдуетъ.—Д. К.

— Сельско-хозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ. Москва, 1910.

Книга эта заключаетъ сводку данныхъ анкеты, произведенной въ 1909 г. совѣтомъ съѣзда старообрядцевъ въ цѣляхъ выясненія экономическихъ нуждъ своихъ единовѣрцевъ, для принятія болѣе цѣлесообразныхъ мѣръ содѣйствія къ поднятію ихъ хозяйства. Вопросные листки (вѣрнѣе—тетради) разосланы были въ количествѣ 8.000 экземпляровъ, отвѣты же на нихъ получены отъ 467 лицъ изъ 53-хъ губерній и областей Европейской и Азіатской Россіи. Вопросные листки касались съ одной стороны общей обстановки, состоянія сельскаго хозяйства и средствъ агрономическаго ему содѣйствія у старообрядческаго и новообрядческаго населенія; съ другой — экономическаго состоянія самого корреспондента. Отвѣтъ на первый рядъ вопросовъ корреспондентъ даетъ въ качествѣ наблюдателя окружающей жизни, на второй—въ качествѣ хозяина, производящаго учетъ своему имуществу, своимъ расходамъ и доходамъ. Отвѣты перваго рода аналогичны тѣмъ

свѣдѣніямъ, которыя ежегодно сообщаютъ корреспонденты нѣкоторыхъ земствъ и отдѣла сельскаго хозяйства министерства земледѣлія; данныя второго рода пополняютъ свѣдѣнія о крестьянскихъ бюджетахъ, усердно собираемыя мѣстными изслѣдователями и играющія все болѣе и болѣе видную роль въ разъясненіи вопросовъ крестьянскаго быта. Наибольшій интересъ имѣютъ 325 отвѣтовъ бюджетнаго характера, дающихъ цифровое выраженіе различныхъ сторонъ хозяйства корреспондентовъ. Интересъ этотъ обусловливается и незначительностью имѣвшихся до сихъ поръ данныхъ этого рода, и многочисленностью мѣстностей (49 губерній и областей), откуда получены отвѣты старообрядцевъ, и, наконецъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что они касаются особой, до сихъ поръ совершенно неизслѣдованной категоріи населенія. Къ сожалѣнію, значеніе этихъ данныхъ умаляется и характеромъ собранныхъ свѣдѣній, и способомъ ихъ разработки.

Первой ошибкой вопроснаго листа было устраненіе всѣхъ расходовъ натурой, изъ-за затруднительности, будто бы, ихъ констатированія, хотя, казалось бы, домохозяинъ, показавшій, сколько онъ собралъ хлѣба и сколько продалъ, по всей вѣроятности съумѣлъ бы опредѣлить и количество, если не стоимость, потребленнаго зерна. Благодаря указанному промаху, бюджеты старообрядцевъ вовсе не даютъ свѣдѣній о потребленіи хлѣба и продуктовъ домашней промышленности; а такъ какъ послѣдняя сохранилась неодинаково въ разныхъ мѣстностяхъ, то и одинаковый денежный расходъ, напр., на одежду, служитъ выраженіемъ весьма различнаго обезпеченія семьи въ данномъ отношеніи. Второй недостатокъ вопросника заключается въ отсутствіи детализаціи расходовъ и доходовъ корреспондентовъ. Ставя, напр., вопросъ о расходахъ на „хозяйственныя нужды“ и совѣтуя производить *въ умѣ* подсчетъ отдѣльныхъ расходовъ на покупку сбруи, дровъ, телѣгъ, саней, посуды и т. п. и показывать въ отвѣтѣ лишь итоговую сумму, авторы вопроснаго листка забываютъ, что сосчитать рядъ слагаемыхъ по записи легче, чѣмъ въ умѣ, и что освобожденіе корреспондента отъ обязанности переноса этой записи въ вопросный листъ является ничтожнымъ облегченіемъ сравнительно съ важностью детальныхъ (по возможности) свѣдѣній о расходахъ. Сами авторы анкеты убѣдились въ этомъ обстоятельствѣ, когда, получивъ свѣдѣнія о томъ, сколько ихъ корреспонденты тратили на чай и сахаръ вмѣстѣ, они прибѣгли къ предположенію (ничѣмъ не мотивированному), чтобы расходъ на чай отдѣлить отъ расхода на сахаръ, или когда они не могли дать отвѣта на вопросъ о потребленіи старообрядцами табаку. Больше того: они сами спутались въ томъ, какіе расходы обнимаются крупными рубриками ихъ вопроснаго листа. Въ самомъ листкѣ въ отдѣлъ „хозяйственныхъ расходовъ“

предлагается включить „расходъ на покупку сбруи, дровъ, телѣгъ, саней и т. п.“, т.-е. расходъ дѣйствительно хозяйственнаго характера—въ текстѣ (стр. 226) мы читаемъ, что въ расходъ на хозяйственныя нужды входитъ, между прочимъ, „расходъ на недостающее продовольствіе и освѣщеніе“, т.-е. расходъ непосредственнаго потребленія, а не производства.

По отношенію къ разработкѣ данныхъ бюджетнаго характера ограничимся замѣчаніемъ, что въ погубернскія таблицы не включена комбинація различныхъ признаковъ. Лицо, пользующееся таблицами, не имѣетъ, поэтому, возможности изучать въ чистомъ видѣ хозяйство земледѣльческо-промысловое и земледѣльческое, хозяйство маломощное и зажиточное и т. п., между тѣмъ какъ въ текстѣ указывается, какъ рѣзко, въ хозяйственномъ отношеніи, 28 хозяевъ, имѣющихъ промысловыя заведенія, и 35 хозяевъ-торговцевъ отличаются отъ прочихъ старообрядческихъ семей.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать на нѣкоторыя изъ возбуждаемыхъ книгой недоумѣній. Въ вопросномъ листѣ спрашивается о количествѣ всей земли, лѣсовъ, луговъ, о числѣ пудовъ или мѣръ высѣяннаго хлѣба, въ сводныхъ же таблицахъ показывается площадь засѣянной земли, а въ текстѣ (стр. 205)—процентъ пахатной земли. Откуда взяты послѣднія свѣдѣнія—неизвѣстно.—В. В.

— А. А. Алексѣевъ. Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. Харьковъ, 1910.

Посвященная одному изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современнаго государственнаго права, книга г. Алексѣева написана съ полной обстоятельностью и отличается въ то же время ясностью мысли и легкимъ изложеніемъ. Она распадается на двѣ части: въ первой изложено общее ученіе о министрахъ, выясняющее ихъ роль и задачи съ точки зрѣнія основъ современнаго государства; во второй указано ихъ положеніе въ правовой дѣйствительности главнѣйшихъ государствъ.

По справедливому замѣчанію автора, всякое государственное устройство такъ или иначе имѣетъ опору въ общественномъ мнѣніи; но въ абсолютномъ государствѣ элементъ народной воли не закрѣпленъ въ правовыхъ учрежденіяхъ, въ конституціонномъ—онъ получаетъ юридическую организацію. Какъ въ сферѣ законодательства народная воля выражается въ особыхъ органахъ, такъ и въ сферѣ управленія, имѣющаго свои особыя, самостоятельныя задачи, должны быть особые органы, устанавливающіе гармонію между законодательствомъ и администраціей въ духѣ народныхъ желаній. Такимъ органомъ и является министерство. Современное государство характеризуется признаннымъ проявле-

ніемъ народной воли. Степень этого проявленія можетъ быть различна, отъ минимума—народнаго представительства, до максимума—различныхъ формъ непосредственнаго участія народа во власти. Виды современныхъ государствъ—это разныя степени развитія одной и той же идеи. Здѣсь, по нашему мнѣнію, коренная ошибка автора, отражающаяся на дальнѣйшемъ построеніи его книги. Въ основѣ политическихъ идей новаго времени лежатъ два совершенно различныхъ начала: демократическое, идущее главнымъ образомъ отъ Руссо, и представительное, происходящее отъ Монтескьё. Хотя эти начала и не проявлялись въ чистомъ видѣ, однако они привели къ существенно-различнымъ государственнымъ образованіямъ. Соединеніе ихъ въ одинъ типъ приводитъ къ затушевыванію ихъ существенныхъ различій.

Существующія теоріи министерской власти авторъ размѣщаетъ въ двѣ группы. Однѣ создаются на англійской основѣ, исходя изъ принципа: „король не можетъ поступить неправильно". Всю дѣйствительную власть онѣ приписываютъ министрамъ, но въ то же время оставляютъ за главой государства сферу дѣятельности, свободную отъ вмѣшательства министровъ. Къ представителямъ такихъ теорій авторъ относитъ Б. Констана, Л. Штейна и А. С. Алексѣева. Слабая сторона ихъ—въ несоотвѣтствіи даваемой ими картины правъ монарха съ его дѣйствительнымъ положеніемъ въ современномъ государствѣ и въ признаніи свободной сферы дѣйствія безотвѣтственнаго монарха, противорѣчащей принципамъ конституціонализма. Другія теоріи, нѣмецкаго типа, выдвигаютъ монархическій принципъ: министры ставятся въ полную зависимость отъ монарха но въ то же время объявляются отвѣтственными за его дѣйствія. Возражая противъ этихъ теорій, авторъ указываетъ на самостоятельность и свободную дѣятельность министровъ. Врядъ ли можно согласиться съ такой классификаціей. Признаніемъ свободной дѣятельности монарха характеризуется какъ первая группа, такъ и вторая. Отдѣльныя теоріи не умѣщаются въ двухъ группахъ. Констанъ, Штейнъ и Алексѣевъ выходятъ за предѣлы и англійскаго, и нѣмецкаго типа. Но если ужъ непремѣнно придерживаться дѣленія на двѣ группы, то Штейна, философскаго обоснователя монархическаго принципа, придется отнести скорѣе къ нѣмцамъ.

Положительная сторона ученія автора основана на принципѣ раздѣленія властей, которому посвящается цѣлая глава. Принципъ раздѣленія властей, выдвинутый Монтескьё и переработанный новой теоріей, служитъ основой современнаго государства. Теперь этотъ принципъ означаетъ, собственно говоря, раздѣленіе не властей, а лишь ихъ функцій, и не абсолютное раздѣленіе, а только обособленіе — и вмѣстѣ съ тѣмъ господство законодательной функціи надъ

остальными. Громадную важность начала раздѣленія властей авторъ видитъ въ томъ, что, положенное въ основу современнаго государства, оно привело къ подзаконности администраціи. Намъ кажется, что придавать началу раздѣленія властей основное значеніе—въ наше время является крупной ошибкой. Авторъ пришелъ къ ней вслѣдствіе указаннаго выше неправильнаго объединенія разныхъ типовъ современныхъ государствъ. Принципъ раздѣленія властей былъ выраженіемъ боязливаго и враждебнаго отношенія къ государственной власти вообще и дѣйствительно служилъ и служитъ основой дуалистическаго, представительнаго государства; но въ государствахъ другого типа, гдѣ власть становится все болѣе и болѣе народной, этотъ принципъ потерялъ свое значеніе. Нервъ его заключался въ томъ, что опредѣленныя функціи закрѣплялись за опредѣленными органами. Одновременное введеніе формальныхъ и матеріальныхъ признаковъ въ понятіе закона и административнаго акта убило этотъ нервъ; въ государствахъ только что упомянутаго типа и представительство, и правительство одинаково и законодательствуютъ, и управляютъ. Въ теоріи правительственная власть считается подчиненною законодательной, но въ главнѣйшихъ демократическихъ государствахъ отношеніе перевернулось: тамъ правительство, опираясь на народъ, стремится къ все большему и большему господству надъ законодательными органами.

Разсматривая правительственную власть, авторъ прекрасно показываетъ, что она отнюдь не является простой исполнительницей по отношенію къ законодательству; будучи подзаконной, она обнаруживаетъ, однако, самостоятельную и свободную дѣятельность—но именно потому органы ея должны зависѣть отъ народной воли. Министры призваны вносить закономѣрность и цѣлесообразность (т.-е. соотвѣтствіе народнымъ желаніямъ) въ область государственнаго управленія. Достигается это болѣе или менѣе полной зависимостью министровъ отъ парламента. Не различая принципіально разные типы государствъ и связанный, поэтому, принципомъ раздѣленія властей, авторъ не даетъ отвѣчающаго дѣйствительности ученія о министрахъ. Онъ напрасно подчеркиваетъ подзаконность правительства; оно не можетъ противорѣчить законамъ, но непротиворѣчіе законамъ—не то же самое, что подзаконность (въ смыслѣ внутри-законности, какъ у автора). Роль министровъ слишкомъ сводится авторомъ къ контролирующей, отрицательной сторонѣ (вся задача ихъ—согласовать управленіе съ законодательствомъ), въ духѣ недовѣрчиваго раздѣленія властей; между тѣмъ, въ демократическихъ государствахъ министры все болѣе и болѣе становятся впереди законодательства, дѣятельность ихъ дѣлается все болѣе и болѣе положительной, творческой. Съ точки зрѣнія своего общаго понятія о конституціонномъ государствѣ авторъ оставляетъ въ

тѣни, считаетъ исключительными такія явленія, которыя являются наиболѣе типичными, указывающими направленіе развитія въ группѣ демократическихъ государствъ. Исключительными они являются только съ точки зрѣнія другой группы. Говоря объ отношеніи министерства къ главѣ государства, вообще безотвѣтственному изъ-за политическихъ соображеній, авторъ выставляетъ положеніе, что глава государства долженъ дѣйствовать при участіи—и, слѣдовательно, подъ отвѣтственностью министра—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ выступаетъ въ качествѣ органа государства, оставаясь свободнымъ только въ сферѣ своей чисто личной дѣятельности. Съ такой точки зрѣнія устанавливается область контрасигнуемыхъ актовъ.

Вторая часть книги занята интереснымъ и содержательнымъ обзоромъ положительнаго права отдѣльныхъ государствъ. Говоря о парламентарныхъ странахъ, авторъ продолжаетъ утверждать, согласно съ выставленнымъ имъ общимъ понятіемъ, зависимость министерства отъ парламента, хотя онъ же самъ собралъ краснорѣчивый и полный матеріалъ, доказывающій, что въ этихъ странахъ министерство опирается непосредственно на народъ, черезъ голову парламента, которымъ вполнѣ руководитъ. Такія явленія авторъ указываетъ въ политической жизни Англіи, Бельгіи, Голландіи; зачатки ихъ можно найти и во Франціи (образованіе сплоченныхъ партій и возвышеніе роли премьера). Разсматривая дуалистическія государства, авторъ отмѣчаетъ и въ нихъ общій характеръ министерствъ: ихъ солидарность и извѣстную зависимость отъ представительства. — Н. Болдыревъ.

— Корфъ, С. А., бар. Административная юстиція въ Россіи. Спб. 1910 г., т.т. I и II. Цѣна за два тома 5 рублей.

Вопросъ объ административной юстиціи—одинъ изъ коренныхъ въ наукѣ административнаго права. Задача этого права состоитъ въ томъ, чтобы упорядочить взаимоотношенія между правящею властью и обывателями въ дѣлахъ государственнаго управленія. Для разрѣшенія этой задачи необходимъ институтъ судебнаго обжалованія актовъ управленія. Въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ можно говорить развѣ лишь о зачаткахъ административной юстиціи, образованіе этого института составляетъ одно изъ непремѣнныхъ условій для дѣйствительнаго обращенія страны изъ государства полицейскаго въ правовое. Выборъ барономъ С. А. Корфомъ темы для своего изслѣдованія слѣдуетъ, поэтому, особенно привѣтствовать. Значительную часть этого обширнаго труда составляетъ исторія административной юстиціи въ Россіи. Этой исторіи отведенъ не только весь первый томъ, но и часть второго, гдѣ историческіе очерки введены въ главы, посвященныя изученію мѣстныхъ органовъ русской административной юстиціи съ точки

зрѣнія дѣйствующаго законодательства. Преобладаніе историческаго элемента вполнѣ оправдывается той низкой ступенью, на которой у насъ продолжаетъ оставаться институтъ административной юстиціи. Авторъ тщательно слѣдитъ за тѣмъ, какъ развивалась въ русскомъ государствѣ власть надзора и какъ силою обстоятельствъ, въ большинствѣ случаевъ — помимо воли правительства, стали появляться въ нашемъ административномъ строѣ элементы административной юстиціи. Это изслѣдованіе въ довольно значительной мѣрѣ основывается на сыромъ, еще неопубликованномъ матеріалѣ, почерпнутомъ авторомъ въ архивахъ Государственнаго Совѣта и министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи особенно должны быть отмѣчены послѣднія двѣ главы первой книги, посвященныя проектамъ Кахановской коммиссіи и новѣйшимъ проектамъ губернской реформы, а также головы, относящіяся къ исторіи нашихъ смѣшанныхъ присутствій.

Изучая новѣйшіе проекты преобразованія губернскихъ учрежденій, авторъ не ограничивается ихъ подробнымъ изложеніемъ, но даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и критическую имъ оцѣнку. Особаго вниманія заслуживаетъ разборъ проекта губернской реформы 1908-го года. С. А. Корфъ совершенно правильно исходитъ при этомъ изъ представленія объ административной юстиціи, какъ о правовомъ институтѣ, самостоятельномъ по отношенію къ активной администраціи. Онъ рѣшительно оспариваетъ какъ руководящую точку зрѣнія проекта, будто „нѣтъ основаній ставить административно-судебный контроль внѣ зависимости отъ органовъ дѣйствующей администраціи“, такъ и практическій выводъ изъ этого положенія: включеніе органовъ административной юстиціи въ систему общихъ губернскихъ учрежденій, подъ главенствомъ губернатора. Такая конструкція состава административнаго суда, по словамъ автора, „въ корнѣ противорѣчитъ его задачѣ и подтачиваетъ всякое значеніе административной юстиціи вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мотивомъ политическимъ; одною рукою министерство внутреннихъ дѣлъ отнимало то, что давало другою. Исторія западно-европейской административной юстиціи слишкомъ ясно доказываетъ вредъ такой связи административной юстиціи съ администраціей; только тамъ могъ начать успѣшно функціонировать институтъ административной юстиціи, гдѣ устанавливалась независимость административнаго суда отъ администраціи... Не только *есть основаніе* къ устраненію такой зависимости, но вся суть административной юстиціи зависитъ отъ этого. При такомъ единеніи съ администраціей не можетъ создаться настоящей административной юстиціи; какъ и въ прошломъ Россіи,

сохранилась бы въ ея административномъ строѣ одна лишь тѣнь административной юстиціи“ (т. I, стр. 470).

По мнѣнію бар. С. А. Корфа, начиная съ Милютинской коммиссіи и работъ Тимашева и кончая проектомъ реформы губернскихъ учрежденій 1908 г., все вниманіе авторовъ проектовъ губернской реформы было направлено лишь на усиленіе власти губернатора. Съ такой полнотою власти настоящая административная юстиція несовмѣстима. Это коренное противорѣчіе между идеей всесильнаго губернатора и гарантіей публичныхъ правъ гражданъ выразилось съ особенною ясностью въ сужденіяхъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, имѣвшихъ мѣсто при разсмотрѣніи проектовъ уѣздной и губернской реформъ осенью 1908-го и весною 1909-го года. Изъ журналовъ совѣта, приводимыхъ авторомъ, видно, что мѣстные администраторы, участвовавшіе въ засѣданіяхъ совѣта, совершенно отвергали такой порядокъ административно-суднаго разсмотрѣнія дѣлъ, „при которомъ представители администраціи, дѣйствія коихъ обжалованы, поставлены были бы въ одинаковыя условія съ частными лицами и представителями адвокатуры“. Нѣкоторые мѣстные администраторы нашли неумѣстнымъ даже самый терминъ „административно-судное“ присутствіе, „какъ неопредѣленный и противорѣчащій понятію раздѣленія суда отъ администраціи“. Изученіе журналовъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства убѣждаетъ бар. Корфа въ томъ, что съ точки зрѣнія провинціальныхъ администраторовъ „время для административной юстиціи въ Россіи еще не настало“. Этихъ администраторовъ „проектъ министерства, не смотря на всю его ограниченность и осторожность въ предложеніяхъ о введеніи у насъ только нѣкоторыхъ элементовъ административной юстиціи,—не удовлетворилъ, а лишь испугалъ“.

Дальнѣйшая часть изслѣдованія С. А. Корфа посвящена обстоятельному изложенію дѣйствующаго русскаго законодательства объ организаціи учрежденій, въ которыхъ можно усмотрѣть нѣкоторые зачатки административной юстиціи. Въ заслугу автору слѣдуетъ поставить ту тщательность, съ какою онъ стремится изучить все разнообразіе нашихъ смѣшанныхъ присутствій. При изученіи центральныхъ органовъ административной юстиціи онъ удѣляетъ должное мѣсто главному по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствію, а также и вопросу о „министрѣ-судьѣ“. Не оставлены авторомъ безъ вниманія и внесенные въ Государственную Думу проекты реформы промысловыхъ присутствій (1909 г.), учрежденія присутствій и совѣта по дѣламъ страхованія рабочихъ (1908 г.), а также труды особаго совѣщанія ст.-секр. Сабурова о реформѣ сената.

Третья часть изслѣдованія С. А. Корфа, наименьшая по объему (т. 2, стр. 391—507), уступаетъ первымъ двумъ частямъ и по цѣн-

ности своего внутренняго содержанія. Въ этой части авторъ даетъ бѣглые очерки развитія и современнаго положенія административной юстиціи на Западѣ, а также теорію административной юстиціи. Въ обширномъ сочиненіи, посвященномъ административной юстиціи *въ Россіи*, эти очерки играютъ роль придатка (Anhang), безъ котораго можно было бы и обойтись. Бѣглость этихъ очерковъ иногда доходитъ до крайности. Англіи посвящено три-четыре страницы, Голландіи, Даніи и Норвегіи—по нѣскольку строкъ. Недостаточно разработана и „теорія административной юстиціи". Сущность института авторъ опредѣляетъ какъ „гарантію субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ отъ посягательствъ на нихъ административныхъ органовъ". Это опредѣленіе кажется намъ не вполнѣ правильнымъ. Административная юстиція можетъ быть и орудіемъ защиты объективнаго публичнаго правопорядка самими гражданами: зачатки actio popularis въ этой области уже извѣстны дѣйствующему праву Западной Европы. Во всякомъ случаѣ, тѣ или иные частные недостатки не обезцѣниваютъ солиднаго труда бар. С. А. Корфа. Въ нашей небогатой литературѣ этотъ трудъ займетъ по достоинству почетное мѣсто одного изъ фундаментальныхъ пособій для догматическаго изученія русскаго административнаго права.—А. Елистратовъ.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алавердянцъ, М. Я.—Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой. Спб., 1911 г.

Андреевъ, Леонидъ.—Собраніе сочиненій. Т. I. Разсказы, очерки, статьи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Океанъ. Трагедія въ 7-ми картинахъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Анучинъ, В.—Разсказы и сказанія. Книга I. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Барановъ, В. О.—Цѣнность жизни и основныя начала міропониманія. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Бернгардъ, Людвигъ.—Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Пер. А. С. Изгоева. Съ предисловіемъ П. Б. Струве и вступительной статьей А. С. Изгоева. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Брусянинъ, В.—Молодежь. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Бутузовъ, В. Н.—Хунгузы восточной Монголіи. Харбинъ, 1911 г.

Бяликъ, Х. Н.—Пѣсни и поэмы. Авторизированный переводъ съ еврейскаго языка и введеніе Вл. Жаботинскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Валишевскій, К.—Полное собраніе сочиненій. Т. II. Царство женщинъ. Пер. съ франц. А. Гретманъ. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Вейнбергъ, Б. П.—Изъ воспоминаній о Д. И. Менделѣевѣ, какъ лекторѣ. Томскъ, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Веригинъ, Н.—Сборникъ примѣровъ и статей для диктанта и разбора. Курсъ синтаксиса. Ярославль, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Виноградовъ, А. И.—Мои стихи. Котельничъ, 1911 г. Цѣна 65 коп.

Владиславлевъ, И. В.—Что читать? Указатель систематическаго домашняго чтенія для учащихся. Вып. I. Цѣна 25 коп. Вып. II. Подъ ред. Н. Рубакина. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Всеволодовъ, Дмитрій.—Сочиненіе влюбленнаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Врангель, Н. А.—Стихотворенія. Спб., 1911 г.

Гагенъ, В.—Обязательное призрѣніе престарѣлыхъ въ Англіи и Франціи. Спб., 1911 г.

Давыдовъ, Сергѣй.—Жизнь одинокой души. (О Станиславѣ Пшибышевскомъ). Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Данилевскій-Александровъ, А. Н.—Въ мірѣ пѣсни. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Покаяніе царей. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Довнаръ-Запольскій, В. Д.—На зарѣ крестьянской свободы. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Достоевская, Л. Ѳ.—Больныя дѣвушки. Современные типы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Дравертъ, П.—Подъ небомъ Якутскаго края. Стихотворенія. Томскъ, 1911 г. Цѣна 45 коп.

Елеонскій, С.—Разсказы. Т. II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ehrlich, P.—Біологическіе этюды. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Жуковскій, Ю. Г.—Крестьянское дѣло и общественная иниціатива. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Зайцевъ, Борисъ.—Разсказы. Книга 3-ья. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Замотинъ, И. И.—Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Варшава, 1911 г. Цѣна 2 р.

Игорь-Сѣверянинъ.—Электрическіе стихи. Брошюра 30-ая. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Измайловъ, Владиміръ.—Духа не угашайте. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Кауфманъ, А. А.—Статистика (лекціи). Москва, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Кашинцевъ, Ѳеодоръ.—Боли сердца. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Кетчеръ, Л. М.—Пробужденіе полового сознанія. Пер. съ нѣм. Р. Певзнеръ и А. Н. Бернштейна. Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Кондратьевъ, Ал.—Улыбка Ашеры. Вторая книга разсказовъ. Спб., 1911 г. Цѣна 85 коп.

Коробковъ, В. А.—Основные законы прибыли. Саратовъ, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Кохановскій, Вл.—Разсказы. Т. I. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кудишъ, А.—Стихотворенія. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Кузнецовъ, П. А.—Обученіе летанію на аэропланѣ. Одесса, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Купчинскій, Ф.—Новая Японія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ламетри (де-).—Человѣкъ-машина. Переводъ со вступительной статьей и примѣчаніями Виктора Константа. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Лапшинъ, И. И.—Проблема „чужого я" въ современной философіи. Спб. Цѣна 1 р. 40 коп.

Лозинскій, Евгеній.—Левъ Толстой объ интеллигенціи и рабочемъ вопросѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 10 коп.

Ломакинъ, Николай.—Разсказы юмористическіе. Книга II. 2-ое изд. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Лондонъ, Джэкъ.—Собраніе сочиненій. Т. II. Законъ жизни. Пер. М. А. Андреевой. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Льдовъ, К. Н.—Безъ рифмъ и созвучій. Поэмы въ прозѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Макаровъ, В. Е.—Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Миличъ, Е.—Легенды, сказанія и вымыслы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Мильтонъ, Джонъ.—Самсонъ. Драматическая поэма. Переводъ въ стихахъ Н. А. Брянскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Михаэлисъ, Каринъ.—Опасный возрастъ. Пер. З. Н. Журавской. Москва, 1911 г. Цѣна 85 коп.

Мопассанъ (де-), Гюи.—Полное собраніе сочиненій. Т. XVI. Монтъ-Оріоль. Романъ. Пер. Ал. Чеботаревской. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Полное собраніе сочиненій. Т. XVII. Пьеръ и Жанъ. Романъ. Пер. Ю. Н. Черносвитовой. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Морозовъ, М.—Очерки новѣйшей литературы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Муйжель, В. В. Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. 2-ое. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Никитинъ, А. Ф.—Способы и пріемы практическихъ наблюденій и изслѣдованій по гигіенѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 4 р. 80 коп.

Новорусскій, М. — Основы современнаго міровоззрѣнія. Спб., 1910 г. Цѣна 85 коп.

Ольнемъ, О. Н.—Безъ иллюзій. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Пантелѣева, С. В.—Изъ пережитаго въ шестидесятыхъ годахъ. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Петровичъ, П.—19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г. Тифлисъ, 1911 г.

Писарева, Л. В., школьный врачъ.—Дѣтскія болѣзни. Съ пред. проф. Г. В. Хлопина. Москва, 1911 г.

Плеханъ, И. С.—Бюджетные законы. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Покровскій, И. П., членъ Госуд. Думы.—Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910). Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Porosz, Moriz.—Половая жизнь, ея физіологія и патологія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Ренанъ, Эрнестъ. — Исторія Израильскаго народа. Томъ 4-ый. Пер. съ франц. Е. П. Смирнова. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Романовскій, В. Е.—Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-ье. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Санжаръ, Надежда.—Заколдованная принцесса. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 к.

——— Записки Анны. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Святополкъ-Мирскій, Д., кн.—Стихотворенія. Спб., 1911 г. Цѣна 80 коп.

Севастьяновъ, Вяч.—Юридическая помощь городскому населенію. Томскъ, 1910 г.

Струве, П. Б.—Понятіе и проблема соціальной политики. Спб., 1910 г.

Тэффи.—Человѣкообразныя. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Уоллесъ, Алфредъ Руссель.—Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ ея приложеній. Пер. проф. М. А. Мензбира, съ приложеніемъ его статьи: „А. Уоллесъ и его научное значеніе". Изд. 2-ое, дополненное. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 40 коп.

Уитманъ, Уольтъ.—Побѣги травъ. Пер. съ англ. К. Д. Бальмонта. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 90 коп.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Т. 12. Предвидѣнія. Пер. В. Засуличъ и Л. Экснера. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Функъ, Фр. Кс.—Исторія христіанской церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней. Пер. съ значительн. измѣненіями, дополненіями и предисловіемъ проф. П. В. Гидулянова. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Хауке, О.—Русское землеустроительное законодательство. Вып. I. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Хвостовъ, В. М.—Нравственная личность и общество. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 35 коп.

Христіансенъ, Б.—Философія искусства. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чулковъ, Георгій. — Сочиненія. Томъ III. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Сочиненія. Т. IV. Стихи и драмы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шамбинаго, О. — Трилогія романтизма (Н. В. Гоголь). Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шарпъ, Франкъ Чапманъ.—Успѣхъ въ жизни. Курсъ нравственнаго совершенствованія старшаго класса Сѣверо-Американскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Перев. А. Ф. Мертваго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Шевченко, Тарасъ.—Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. М. Славинскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 90 коп.

Шеръ, В. В. — Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Матеріалы по исторіи профессіональнаго движенія въ Россіи. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шестовъ, Левъ.— Собраніе сочиненій. Томъ I. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

——— Собраніе сочиненій. Т. VI. Великіе кануны. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Шпицеръ, Семенъ. Повѣсти и разсказы. Томъ II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Эверсъ, Генсъ-Гейнцъ.—Ужасы. Необычайныя исторіи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Юшкевичъ, П.—Новыя вѣянія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Античная библіотека. Томъ III. Эдуардъ Шюрэ. Жрица Изиды. Романъ. Перев. съ франц. К. Жихаревой. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Батумское побережье. Русскіе тропики. Сборникъ статей. Подъ ред. С. А. Анисимова. Батумъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

— Библіотека Л. Н. Толстого. Подъ ред. П. И. Бирюкова. № 2. Жизнепониманіе Льва Николаевича Толстого. Въ письмахъ его секретаря В. Ѳ. Булгакова. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.

— Дѣтскій альманахъ. Хрестоматія для домашняго чтенія. Подъ ред. А. Н. Анненской. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— Журналы Тверского Губернскаго Земскаго Собранія. Съ приложеніями 45-ой очередной сессіи 1909 г. и чрезвычайныхъ собраній 1909 г. Тверь, 1910 г.

— Земля. Сборникъ шестой. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Историческій обзоръ дѣятельности Херсонскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. 1869—1909. XL. Харьковъ, 1911 г.

— Матеріалы по исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ ред. Владиміра Бончъ-Бруевича. Вып. 4-ый. Новый Израиль. Съ пред. и прим. Вл. Бончъ-Бруевича. Спб., 1911 г. Цѣна 5 руб.

— Мущина и женщина. Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое ими въ современной культурной жизни. Авторизированный перев. съ

нѣм. подъ ред. проф. А. С. Догеля, Д. А. Клеменца и А. Н. Шабановой. Вып. I. Цѣна 50 коп. Изд. „Просвѣщенія". Спб., 1911 г.

— Наши дни. Литературный ежемѣсячникъ. Книга I. Спб., 1911 г.

— Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Сборникъ. Изд. „Научнаго Слова". Москва, 1911 г. Цѣна 3 руб.

— Отчетъ о дѣятельности Екатеринославскаго научнаго Общества въ 1909—1910 г. Екатеринославъ, 1911 г.

— Отчетъ о консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1909 годъ. Москва, 1910 г.

— Отчетъ о состояніи крестьянскихъ общественныхъ учрежденій мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1908 г. Спб., 1910 г.

— Отчетъ о состояніи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, кредитныхъ товариществъ и земскихъ кассъ мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1908 г. Спб., 1910 г.

— Отчетъ по мелкому кредиту за 1907 годъ. Спб., 1910 г.

— Отчетъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты за 1910 годъ. Москва, 1911 г.

— Отчетъ Срезневской безплатной народной библіотеки-читальни въ память 19-го февраля 1861 г. въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губ., съ 1 января 1901 г. по 1 января 1911 г. Москва, 1911 г.

— Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель. 19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г. Составилъ М. М. Катаевъ. Спб., 1911 г.

— Положеніе о съѣздахъ представителей промышленности и торговли. Изд. неоффиціальное. Спб., 1911 г.

— Поляки и Евреи. Матеріалы о польско-еврейскомъ спорѣ. Изъ статей и заявленій. Одесса, 1911 г. Цѣна 25 коп.

— „Посредника" изданія: № 1. Л. Н. Толстой: „Чѣмъ люди живы". Изд. 4. № 73. Лабулэ: „Паша-пастухъ". Изд. 5. № 168. О. Федьковичъ: „Какъ родные братья". Изд. 5. № 174. А. Даровъ: „Горячее сердце". Изд. 8. № 210. Лазо-Лазаревичъ: „У колодца". Изд. 6. № 262. М. Конопницкая: „Мендель Гданскій". Изд. 5. № 307. Ч—ва: „Перепелочка". Изд. 4. № 340. „Свѣтъ Азіи". По Эдв. Арнольду сост. А. Пассекъ. Изд. 2. № 428. „Лихой годъ". Изд. 3. № 440. И. Горбуновъ-Посадовъ: „Порука" и др. разсказы. Изд. 3. № 476. Д. Марковичъ: „На Вовчемъ хуторѣ". Авторскій пер. съ украинскаго. Изд. 2. № 556. Н. Наживинъ: „Къ счастью". Изд. 2. № 803. Н. В. Гоголь: „Коляска". № 829. Э. Демольдеръ: „Башмачникъ и его сосѣди". № 830. В. Гюго: „Сказка про льва". № 831. Ф. Коппе: „Чудный даръ". № 832. О. Уайльдъ: „Счастливый принцъ". Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжки 31, 32 и 33. И. Л. Елинъ: „Огородничество и садоводство". Выпускъ 91. Агрономъ А. Измайловъ: „Какъ выбирать хорошій молочный скотъ и какъ лучше ухаживать за нимъ".

— Семейное воспитаніе. Новый журналъ раціональнаго воспитанія. Подъ ред. женщины-врача А. Дерновой-Ярмоленко. № 2. Астрахань, 1911 г.

— Справочный словарь русскаго языка. Словари „Фонолексика". Изд. А. Копельмана. Спб., 1911 г. Цѣна 80 коп.

— Статистическій ежегодникъ Тверской губерніи. Тверь, 1910 г.

— Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1903 годъ. Составилъ А. Д. Педашенко. Спб., 1911 г.

— Успѣхъ въ жизни. Курсъ нравст.

— Универсальная Библіотека. № 506—507. Къ волѣ. Крѣпостное право

въ народной поэзіи. Сборникъ. Составилъ Н. Л. Бродскій. № 508—509. Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. Составилъ Н. Розановъ и Н. Сидоровъ. Москва, 1911 г. Цѣна каждаго сборника 20 коп.

— Энциклопедическій словарь. 7-ое совершенно-переработанное изданіе подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева. Томъ IV. Археологія—Бармы. Изд. Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Москва.

— „Gaudeamus". Литературно-художественный журналъ. Спб., 1911 г. № 2—7.

Коваленко, Олекса.—Срібні роси. У Києві, 1911. Ціна 15 коп.

Осадчій, Т.—На грані XX століття. Роман-бувальщина з життя селянської інтелігенції. Київ, 1911. Ціна 60 коп.

Чупринка, Грицько.—Сон-трава. У Києві, 1911. Ціна 15 коп.

Шевченко, Т.—Твори з малюнками. Т. I. Кобзарь. 2-ое вид. В. Яковенко. Спб., 1911 р. Ціна 1 р. 10 коп.

— Записки наукового товариства ім. Шевченка. Під ред. Михайла Грушевського. Т. XCVIII. Кн. VI, р. 1910. У Львові, 1911.

— Ілюстрована Шевченківська Бібліотека. Выд. В. Яковенка. № 1. Причинна. Ціна 2 коп. № 2. Катерина. Ц. 5 к. № 3. Тополя. Ц. 2 к. № 4. Гайдамаки. Ц. 20 к. № 5. Черниця Марьяна. Ц. 2½ к. № 6. Утоплена. Ц. 2 к. № 7. Гамалія. Ц. 2 к. № 8. Сова. Ц. 2 к. № 9. Еретик, або Іван Гус. Ц. 3 к. № 10. Невольник. Ц. 4 к. № 11. Наймичка. Ц. 4 к. № 12. Відьма. Ц. 4 к. № 13. Княжна. Ц. 3 к. № 14. Москалева криниця. Ц. 4 к. № 15. Варнак. Ц. 2 к. № 16. Титарівна. Ц. 2 к. № 17. Марина. Ц. 2½ к. № 18. Сотник. Ц. 3 к. № 19. Петрусь. Ц. 2 к. № 20. Тарасова ніч. Іван Підкова. Перебендя. Ц. 2 к. № 21. Русалка. Як би тобі довелося. Ц. 2 к. № 22. Назар Стодоля (Малороссійская дія). Ц. 10 к. № 23. Збірник дрібних віршів. Ц. 15 к. № 24. Збірник дрібних віршів про Україну та козацьтво. Ц. 15 к. Спб., 1911 г.

— Матеріяли до української етнольогії. Том. XIII. Мельодії українських народних дум. Серія I. Списав по фонографу і зредагував Філярет Колесса. Выдае этнограф. коміс. наукового товариства ім. Шевченка. У Львові, 1911. Ціна 6 корон.

— Расписъ на лекциитѣ за лѣтното полугодие на 1910—1911 учебна година. София, 1911.

— En marge de la correspondance de Napoléon I. Pièces inédites concernant la Pologne. 1801—1815. Varsovie et Paris, 1911.

Veda. Dvomesečnik za znanost in kulturo. № 1. Gorica, 1911.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Агрономическій съѣздъ. — Защита общины на съѣздѣ. — Казенные и земскіе агрономы. — Хуторяне и отрубники, ожидающіе, когда ихъ „проститъ“ начальство. — Успѣхи женщинъ въ агрономической дѣятельности. — Невольное служеніе правыхъ земствъ прогрессу страны. — Неудачи назначенныхъ лицъ на земской службѣ. — Двойственное отношеніе правительства къ земствамъ. — Земскіе голоса за земскую реформу.

Ближайшими наблюдателями той земельной смуты, въ которую ввержена въ послѣдніе годы крестьянская Россія, являются, конечно, земскіе и казенные агрономы. Никто изъ русской интеллигенціи въ настоящее время не допущенъ такъ близко къ деревнѣ, какъ они. Агрономы работаютъ съ крестьянами рука объ руку по всему пространству Россіи, и поэтому ихъ наблюденія, сужденія и выводы относительно всероссійской земельной перетряски имѣютъ большую цѣнность. Состоявшійся недавно въ Москвѣ агрономическій съѣздъ, на который съѣхалось изъ разныхъ губерній около 400 участниковъ, далъ довольно интересную суммировку нѣкоторыхъ наблюденій изъ области нынѣшняго земельно-крестьянскаго хозяйства. Любопытны, между прочимъ, отзывы агрономовъ объ общинѣ. Казенная отрубно-хуторская реформа доказываетъ свою спасительную необходимость для Россіи тѣмъ главнѣйшимъ положеніемъ, что община чрезвычайно вредна для крестьянскаго хозяйства, что она повсемѣстно тормазитъ деревенскую инициативу, не даетъ хода никакимъ улучшеніямъ хозяйства и т. д. Агрономическій съѣздъ въ значительной мѣрѣ подорвалъ абсолютность этихъ утвержденій. Въ отчетѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ о съѣздѣ читаемъ такія строки: „Докладчикъ М. Е. Шатерниковъ проводитъ мысль, что опытъ уѣздной земской агрономіи показываетъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земельная община жизнеспособна, она является институтомъ, въ высшей степени благопріятствующимъ введенію значительныхъ измѣненій въ строѣ крестьянскаго хозяйства. Общественное травосѣяніе, улучшеніе общественныхъ луговъ, осушка болотъ, проведеніе шоссейныхъ дорогъ, общественныя молотилки, вѣялки, сортировки и др.—все это связано съ земельной общиной. Она способствовала распространенію вводимыхъ мѣропріятій не только вширь, но и вглубь, во всю толщу населенія, служила причиной того, что вводимыя въ общинѣ улучшенія быстро пріобрѣтали симпатіи и интересъ со стороны не только какихъ-либо отдѣльныхъ группъ населенія, а со стороны всѣхъ элементовъ тру-

дового крестьянства. Оппонентомъ выступилъ агрономъ Гольцгауеръ, указавшій изъ своего личнаго опыта въ предѣлахъ Нижегородской губерніи примѣръ труднаго проведенія агрономическихъ мѣропріятій чрезъ общину. Гораздо легче проводить эти мѣропріятія тамъ, гдѣ помимо общинныхъ земель имѣются земли купчія, болѣе общинныхъ пригодныя для производства всякаго рода агрономическихъ опытовъ. Наоборотъ, П. А. Вихляевъ, основываясь на массовыхъ статистическихъ данныхъ по Волоколамскому уѣзду, утверждаетъ, что наиболѣе отсталыми въ травосѣяніи обществами являются тѣ, которыя имѣютъ много купчихъ земель. И это объясняется тѣмъ, что купчую землю составляютъ главнымъ образомъ кормовыя и лѣсныя угодья. Прикупившій кормовой участокъ земли, конечно, меньше или совсѣмъ не нуждается въ травосѣяніи. В. А. Владимірскій говоритъ, что при оцѣнкѣ общины, какъ объекта агрономическаго воздѣйствія, необходимо различать задачи, которыя ставитъ агрономъ. Если имѣется въ виду измѣненіе сѣвооборота, наемъ пастуха для стада, покупка быка и т. п., то приходится работать съ общиной. Но кромѣ сѣвооборота, общей пастьбы скота и проч., агрономъ имѣетъ дѣло со многими другими мѣропріятіями. Въ Пермской, напримѣръ, губерніи агрономы въ теченіе своей многолѣтней практики, несмотря на существованіе тамъ общиннаго землепользованія, съ общиной дѣла не имѣли, такъ какъ передъ агрономами не вставалъ вопросъ о сѣвооборотѣ. Пермскіе агрономы имѣли дѣло съ другими агрономическими мѣропріятіями и, въ частности, съ введеніемъ улучшеннаго инвентаря. И этотъ инвентарь вводится помимо общины. Въ Московской губерніи имѣется немало аналогичныхъ фактовъ. А. И. Угримовъ соглашается съ тѣмъ, что для разныхъ задачъ передъ агрономами стоятъ и разные объекты, но не знаетъ ни одного мѣропріятія, которое, хотя бы и неодинаково скоро, нельзя было бы провести чрезъ общину. Въ результатѣ секція приняла слѣдующую резолюцію, предложенную докладчикомъ: Принимая во вниманіе обширный опытъ дѣятельности уѣздной земской агрономіи, наглядно показавшей, что земельная община является средой, въ высшей степени благопріятной для введенія разнаго рода агрикультурныхъ улучшеній, дѣлающей ихъ, притомъ, достояніемъ всѣхъ хозяевъ, входящихъ въ составъ общины и пользующихся земельнымъ надѣломъ,—необходимо признать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ и тѣхъ случаяхъ, гдѣ и когда имѣются въ наличности жизнеспособныя общины, участковая агрономія, подобно уѣздной, должна избирать объектомъ своей дѣятельности хозяйства этихъ общинъ въ цѣломъ".

Какъ люди живой дѣятельности, агрономы пришли не къ радикальному, крайнему рѣшенію, а къ среднему, жизненному выводу:

они защищаютъ „жизнеспособную“ общину. Несомнѣнно, имѣются среди обширнаго пространства крестьянской Россіи общины отмершія, которыя не облегчаютъ, а связываютъ и пригнетаютъ крестьянское хозяйство. Освобожденіе деревенскаго хозяйства и крестьянской иниціативы отъ такой общины, несомнѣнно, можетъ принести благотворныя послѣдствія. Но, какъ разъ наоборотъ, разрушеніе „жизнеспособной“ общины — а такихъ, разумѣется, сохранилось, немало— и насажденіе на мѣсто ея искусственныхъ единоличныхъ хозяйствъ должно во многихъ случаяхъ приводить къ неизбѣжнымъ печальнымъ результатамъ. Главный грѣхъ казенной земельной реформы въ томъ и заключается, что она стремится во что бы то ни стало разрушить всякую общину и разсадить возможно большее число крестьянъ на хутора и отруба, не считаясь ни съ условіями вѣками складывавшагося быта, ни съ возможными послѣдствіями грубой и неосторожной ломки этого быта.

Не говоря уже о томъ безчисленномъ вредѣ, который причиняютъ крестьянству мелкіе административные пособники казенной реформы, съ необычайнымъ усердіемъ и съ необычайнымъ отсутствіемъ хозяйственныхъ знаній проводящіе реформу на мѣстахъ, упрямая прямолинейность петербургской бюрократіи даже и въ скромную среду истинныхъ работниковъ-агрономовъ вноситъ смуту и разложеніе. На съѣздъ агрономовъ было удѣлено этому вопросу значительное вниманіе. „Гвоздемъ вчерашняго утренняго засѣданія секцій — говорится въ газетномъ отчетѣ—были доклады І-й секціи о правительственной и земской агрономической организаціи. Первымъ докладчикомъ по этому вопросу выступилъ Л. А. Шлыковъ, сказавшій, что какъ агрономія едина, такъ единообразны должны быть и способы ея распространенія въ населеніи. Между тѣмъ и способы проведенія агрономическихъ знаній, и организаціи, проводящія ихъ, различны. Наряду съ существующей почти повсемѣстно земской агрономической организаціей начала усиленно развиваться организація правительственная, что при нашей бѣдности силами и средствами является непроизводительной тратою силъ. Будетъ гораздо раціональнѣе, если правительство всѣ средства, нынѣ расходуемыя на содержаніе своей агрономической организаціи, передастъ въ вѣдѣніе земствъ, не обусловливая, однако, этой передачи тѣмъ, чтобы агрономическій персоналъ, содержимый на совмѣстныя средства земствъ и правительства, обслуживалъ исключительно или даже особливо нужды небольшой сравнительно кучки единоличныхъ владѣльцевъ. Къ такому же заключенію пришелъ и второй докладчикъ, А. И. Манухинъ. Наоборотъ, членъ ярославской губернской земской управы Ошанинъ, инспекторъ сельскаго хозяйства Піотрашко и гу-

бернскій земскій агрономъ Дмитріевъ въ своемъ коллективномъ докладѣ высказались за сохраненіе правительственной агрономической организаціи, но состоящей преимущественно изъ спеціалистовъ-техниковъ по различнымъ узкимъ отраслямъ сельскаго хозяйства. За земской же агрономіей должна быть удержана работа общаго характера. Работа одной организаціи, конечно, должна находиться въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ работой другой. Опытъ Ярославской губерніи, гдѣ работаютъ обѣ организаціи, показываетъ, что такое размежеваніе правительственной и земской организаціи оказывается вполнѣ жизненнымъ. Однако, другія сообщенія мѣстныхъ агрономовъ нарисовали иную картину совмѣстнаго существованія двухъ агрономическихъ институтовъ. Наше земство—разсказываетъ одинъ агрономъ—получило отъ министерства предписаніе продавать хуторянамъ и отрубникамъ изъ земскаго сельско-хозяйственнаго склада товары на особо льготныхъ условіяхъ. Земство отвѣтило, что складу неудобно своимъ кліентамъ-общинникамъ оказывать однѣ льготы, а другимъ, единоличнымъ владѣльцамъ, оказывать гораздо большія льготы. Къ тому же для этихъ льготъ, сводящихся обыкновенно къ величинѣ срока ссуды, у земства нѣтъ достаточныхъ средствъ. Въ концѣ концовъ соглашеніе было достигнуто и закрѣплено особымъ договоромъ, по которому министерство обязано было снабдить земства средствами, а земства обѣщались исполнять порученія землеустроительныхъ коммиссій по отпуску товара изъ земскихъ складовъ на тѣхъ или иныхъ льготныхъ основаніяхъ. Кончилось, однако, дѣло тѣмъ, что министерство часть средствъ перевело, а въ другой, за истощеніемъ кредита, отказало, несмотря на договоръ. Та же исторія имѣла мѣсто и по отношенію къ нѣкоторымъ кредитнымъ товариществамъ, которымъ было предложено выдавать ссуды единоличнымъ владѣльцамъ. Небольшое число имѣющихся въ губерніи инструкторовъ и спеціалистовъ недостаточно, чтобы обслужить нужду всей губерніи—и вотъ, эти спеціалисты выбираютъ для своей работы одинъ уѣздъ, и притомъ тотъ, который отличается „хорошимъ поведеніемъ". Черезъ годъ спеціалиста, только что наладившаго свое дѣло, переводятъ въ другой уѣздъ, и т. д. Однимъ словомъ, какъ выразился одинъ агрономъ, правительство ищетъ сферу для приложенія своей работы и непланомѣрно расходуетъ силы своихъ работниковъ на мѣстахъ. Жестокой критикѣ подверглась и ярославская организація. Правда, правительственная землеустроительная агрономія (ее надо отличать отъ правительственныхъ инструкторовъ и спеціалистовъ) слилась съ земской агрономіей, но только съ внѣшней стороны. Такъ, бывшіе землеустроительные агрономы должны теперь помогать не только единоличнымъ владѣльцамъ, но и общинникамъ; но селятся агрономы въ центрахъ хуторскихъ поселеній,

хотя бы эти поселенія находились и на краю агрономическихъ участковъ. Такъ же относятся и къ опытамъ съ удобреніями и пр. Въ результатѣ агрономъ играетъ двойственную роль. Пріѣзжая, напримѣръ, въ селеніе, гдѣ живутъ общинники и единоличные хозяева, агрономъ послѣднимъ предлагаетъ сѣмена для опытовъ даромъ, а когда къ нему съ тою же просьбой обращаются общинники, онъ имъ говоритъ, что эти сѣмена они могутъ получить лишь въ ссуду и т. д. Въ концѣ концовъ секція пришла къ заключенію, что институтъ землеустроительной агрономіи является излишнимъ. Наряду съ земской агрономіей нужны лишь инструкторы и спеціалисты, но и то не правительственные, а земскіе. Всѣ постановленія, за исключеніемъ послѣдняго, приняты единогласно. Вопросъ же о земскихъ спеціалистахъ и инструкторахъ принятъ большинствомъ 95-ти голосовъ противъ 15-ти воздержавшихся".

Нужно принять во вниманіе, во-первыхъ, то обстоятельство, что па съѣздѣ участвовали, въ числѣ прочихъ делегатовъ, казенные агрономы, а во-вторыхъ, и земскіе агрономы находятся въ большой зависимости отъ уѣздной, губернской и высшей администраціи. Поэтому въ рѣчахъ и выводахъ, касающихся правительственной земельной политики, несомнѣнно должна была проявляться значительная сдержанность. И если при такихъ условіяхъ нѣкоторыя стороны казенной реформы все-же получили суровую оцѣнку, то мнѣніе агрономическаго съѣзда пріобрѣтаетъ сугубую цѣнность. Достаточно краснорѣчивы были и тѣ факты, которые приводились на съѣздѣ для характеристики новаго существованія невольныхъ хуторянъ и отрубниковъ. „Докладчикомъ выступилъ г. Поповъ,—читаемъ мы въ газетномъ отчетѣ,—сообщившій о результатахъ изслѣдованія хуторскихъ хозяйствъ въ Тульской губерніи. Изслѣдованію подверглось 318 хуторовъ, которые статистики сравнили съ окружающими хозяйствами общиннаго владѣнія. Сравненіе это показало, что хуторскія хозяйства ничѣмъ въ существенныхъ чертахъ не отличаются отъ смежныхъ хозяйствъ. Та же бѣдность, то же преобладаніе трехполья, та же необходимость продавать на сторону свою рабочую силу, и т. д., и т. д. Но ко всему этому присоединилось еще и то, что чѣмъ дольше живутъ хуторяне на своихъ новыхъ мѣстахъ, тѣмъ большій процентъ среди нихъ неграмотныхъ. Это пониженіе грамотности, по словамъ докладчика, объясняется трудностью для хуторянъ посылать ребятъ въ школу. Въ плохомъ положеніи у хуторянъ находится и водоснабженіе. Часто единственнымъ водоисточникомъ служитъ небольшой прудъ, въ которомъ купаются люди, купаютъ скотъ, моютъ бѣлье и проч. Для того, чтобы сдѣлать подобную воду пригодной для питья, ее подвергаютъ своеобразной фильтраціи черезъ рѣшето, наполненное

тряпками. Изъ преній, между прочимъ, выяснилось, что хуторяне очень часто не порываютъ связи съ надѣльной землей и съ своимъ прежнимъ хозяйствомъ, а работаютъ на два хозяйства. На хуторахъ живетъ обычно молодежь, а въ деревнѣ—старики. Тѣ и другіе ждутъ, что придетъ время, когда ихъ „простятъ" и позволятъ имъ снова „съѣхаться". Въ результатѣ соединенное собраніе секцій признало чрезвычайно важнымъ всестороннее изученіе хуторского хозяйства и выразило пожеланіе, чтобы статистическія и агрономическія организаціи поставили это изученіе въ кругъ очередныхъ своихъ задачъ.

Конечно, не нужно спѣшить со злораднымъ обобщеніемъ и утверждать, что всѣ созданные въ Россіи хуторяне и отрубники терпятъ горе худшее, чѣмъ общинники, и ждутъ, когда ихъ „простятъ". Но наблюденія ближайшихъ къ деревнѣ интеллигентныхъ работниковъ-агрономовъ никоимъ образомъ нельзя обойти вниманіемъ. Все съ большей и большей несомнѣнностью раскрываются печальныя стороны отрубно-хуторской реформы. Этихъ сторонъ немало, а въ будущемъ, можетъ быть, откроется еще больше. И, разумѣется, агрономическій съѣздъ принялъ житейски-мудрое рѣшеніе, когда постановилъ признать „чрезвычайно важнымъ всестороннее изученіе хуторского хозяйства". Когда-то вопросъ о томъ, быть или не быть общинѣ, обсуждался только на страницахъ народническихъ и марксистскихъ журналовъ. Теперь уже не въ споръ, а въ тяжелое, принудительное рѣшеніе этого вопроса вовлечена милліонная крестьянская масса. И уже нельзя только теоретически рѣшать вопросъ, нельзя только на страницахъ газетъ и журналовъ говорить и спорить о немъ. Камень реформы брошенъ въ озеро жизни. Хочешь не хочешь, а надо его извлекать со дна. Мѣстами уже слышно, какъ захлебывается и тонетъ деревня... И агрономамъ, и земскимъ дѣятелямъ, и многимъ другимъ лицамъ, которымъ судьба дастъ счастливую, но не легкую возможность поработать для русской деревни, придется такъ или иначе вѣдаться съ послѣдствіями пущенной теперь во весь ходъ казенно-земельной реформы. Она ломаетъ, кривитъ и перестраиваетъ деревенскую жизнь. Необходимо слѣдить за ней шагъ за шагомъ, чтобы точно знать всѣ изгибы вновь складывающагося крестьянскаго быта.

Помимо многихъ практическихъ рѣшеній агрономическаго съѣзда, необходимо отмѣтить одинъ знаменательный и многообѣщающій штрихъ. Одна женщина-агрономъ обратилась къ съѣзду съ заявленіемъ, въ которомъ указала, что въ настоящее время женщинамъ-агрономамъ приходится, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ пришлось первымъ женщинамъ-врачамъ, вести трудную борьбу для завоеванія довѣрія общества. Особенно трудно приходится тѣмъ изъ женщинъ-

агрономовъ, которыя избрали себѣ земскую дѣятельность. Приходится встрѣчать недовѣріе со стороны не только управъ, но и лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу агрономіи. Такъ, нѣкоторыя изъ женщинъ-агрономовъ получили отказъ въ пріемѣ на службу какъ со стороны земскихъ управъ, такъ и со стороны губернскихъ земскихъ агрономовъ. Но нѣсколько женщинъ-агрономовъ уже работаютъ въ настоящее время въ земствахъ. „На основаніи чего мы — говоритъ авторъ заявленія — имѣемъ полное право надѣяться, что, по мѣрѣ того, какъ столь рѣдкіе еще ряды наши будутъ пополняться, мы не будемъ уже встрѣчать того недовѣрія, съ которымъ приходится сталкиваться въ настоящее время. Мы будемъ, поэтому, бодро смотрѣть впередъ, надѣясь на свои силы и зная, что всякое начало трудно и никакое право не достигается безъ болѣе или менѣе усиленной борьбы". Видимо, это заявленіе произвело значительное впечатлѣніе, такъ какъ въ заключительномъ общемъ собраніи была принята относительно женщинъ-агрономовъ особая резолюція. „Съѣздъ принялъ не только то, что женщина-агрономъ можетъ наравнѣ съ мужчиною-агрономомъ работать во всѣхъ областяхъ агрономической дѣятельности, но и выразилъ пожеланіе, чтобы земства и другія учрежденія предоставляли женщинамъ-агрономамъ занимать всѣ должности въ этой области".

Женщинамъ-агрономамъ приходится доказывать, что онѣ на новой работѣ могутъ оказаться не хуже мужчинъ-агрономовъ. Между тѣмъ, если взглянуть на суть дѣла поглубже, то окажется, что въ этой области женщина нерѣдко можетъ работать успѣшнѣе мужчины. Недавно пришлось мнѣ провести нѣсколько дней въ деревенской обстановкѣ, въ одномъ изъ уѣздовъ Новгородской губерніи. Здѣсь незадолго до моего пріѣзда закончились трехнедѣльные курсы по молочному хозяйству для крестьянъ. Завѣдывала курсами женщина-агрономъ, а главной помощницей ея была женщина-практикантка. Мѣстные жители съ большимъ удовольствіемъ вспоминали объ исключительной энергіи этихъ женщинъ; но больше всего умиляло ихъ то, что онѣ всколыхнули женскій крестьянскій міръ. Пока пріѣзжали сюда мужчины-агрономы, деревенскія женщины относились къ научнымъ прикладнымъ знаніямъ съ недовѣріемъ, съ испугомъ, вяло и равнодушно. Женщины-лекторы внесли въ женскій міръ неожиданное оживленіе, почти энтузіазмъ. Многія дѣвушки въ деревнѣ уже просятся у старшихъ пустить ихъ поучиться посерьезнѣе хозяйству. И уже мужской деревенскій людъ теперь оказался консервативнѣе своихъ женщинъ; крестьяне смѣются надъ пылкостью дочерей и опасаются отпускать ихъ въ сельско-хозяйственную науку.

На одномъ фактѣ нельзя обосновывать оптимистическіе выводы; но, несомнѣнно, женщины-агрономы сумѣютъ подойти къ женскому

міру деревни ближе и быстрѣе, чѣмъ мужчины-агрономы, точно такъ же, какъ женщины-врачи скорѣе вызываютъ къ себѣ довѣріе среди простыхъ женщинъ, чѣмъ врачи-мужчины. Между тѣмъ, крестьянская женщина, какъ всѣмъ извѣстно, глубоко отличается отъ городскихъ жительницъ, весьма часто ведущихъ праздную или мелкую жизнь. На крестьянской женщинѣ лежитъ почти столько же хозяйственныхъ хлопотъ, сколько и на крестьянинѣ, а иной разъ и больше. Она работаетъ и въ полѣ, и въ огородѣ; на ней почти цѣликомъ лежитъ уходъ за скотомъ. Женскій крестьянскій міръ составляетъ половину деревенскаго міра, и, конечно, немалое дѣло для агрономіи—умѣло подойти къ такому богатому силами слою населенія. А наиболѣе умѣло, несомнѣнно, сумѣютъ сдѣлать это женщины-агрономы.

О дѣятельности нашихъ земствъ въ газетахъ встрѣчаются весьма скудныя свѣдѣнія. Давно уже рѣшено, что земство завоевано правыми дворянами—и, можетъ быть, поэтому общая газетная пресса оставила его почти внѣ круга своего наблюденія. Однако, было бы большой ошибкой думать, что въ этой области воцарился мертвенный застой или продолжается умышленное попятное движеніе, съ цѣлью окончательно разрушить всѣ труды прежнихъ прогрессивныхъ земствъ. Почти всѣ земства, толкнувшись въ какую-то таинственную стѣну, принуждены такъ или иначе, тѣми или другими обходными и непрямыми тропинками, но все же двигать земское дѣло впередъ. Несомнѣнно, значительно развилась въ послѣдніе два-три года земская агрономія. Широко развернулось дѣло начальнаго и средняго образованія. Немало было за послѣдніе два года земскихъ выставокъ и всякаго рода съѣздовъ. Продолжаетъ совершаться то, что земскіе наблюдатели предсказывали съ самаго начала: громадная машина земской организаціи такъ срослась съ народной жизнью, что ее не было возможности остановить, она поневолѣ и правыхъ земцевъ принудила служить ей. Старое земство уже успѣло привить населенію много навыковъ и стремленій. Не прошли безслѣдно въ этомъ смыслѣ и освободительные годы. А когда имѣются на лицо солидныя требованія массъ, трудно, иногда невозможно противостоять имъ. Въ крестьянской массѣ чувствуется смутное, но повальное и внушительное стремленіе вообще „учиться“. Переполнены существующія, открываются все новыя и новыя школы; растетъ кооперація, въ большомъ ходу всякаго рода сельско-хозяйственные краткосрочные курсы для крестьянъ и т. п. Деревня какъ будто готова учиться всему и безъ разбора, лишь бы учиться. Подсчеты такого порыва дѣлать теперь слишкомъ рано, но послѣдствія его могутъ быть очень велики. И бу-

дущее, можетъ-быть недалекое, выяснитъ тогда, какую неожиданную, вынужденно-прогрессивную роль сыграли въ этомъ народномъ движеніи правыя земства.

Въ расправѣ съ нѣкоторыми земствами администрація зашла очень далеко, и весьма интересно, какіе результаты жизнь подноситъ правымъ реформаторамъ. Изъ Вятки, напримѣръ, сообщаютъ „Русскимъ Вѣдомостямъ": „Яркую картину развала представляетъ изъ себя нолинское уѣздное земство, исполнительный органъ котораго весь цѣликомъ состоитъ изъ лицъ по назначенію администраціи. Каковы тѣ порядки, которые царятъ въ нолинской уѣздной земской управѣ, видно изъ слѣдующей любопытной исторіи. Постоянная ревизіонная коммиссія нолинскаго уѣзднаго земскаго собранія обвинила заступающаго мѣсто предсѣдателя уѣздной управы, А. М. Лоскутова, въ неправильной выдачѣ казначею ссудо-сберегательной кассы служащихъ въ нолинскомъ земствѣ, г. Пестрикову, 2.865 р. и предложила собранію взыскать съ г. Лоскутова эти деньги. Въ своемъ объясненіи іюльскому экстренному собранію г. Лоскутовъ находилъ доводы ревизіонной коммиссіи неправильными и объяснилъ, что онъ собственно никакихъ денегъ г. Пестрикову не давалъ, а только при полученіи съ него ссуды, выданной вятскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка въ размѣрѣ 12.000 руб., въ дѣйствительности получилъ 8.134 руб., а на 1.865 руб. учелъ документъ г. Пестрикова, которымъ онъ бралъ эти деньги для выдачи жалованья участникамъ кассы за іюль 1910 г. Этимъ, какъ объяснялъ г. Лоскутовъ, онъ охранилъ земство отъ растраты этихъ денегъ Пестриковымъ. Дѣло это, въ рядѣ другихъ дѣлъ о растратахъ, обсуждалось и въ очередную сессію нолинскаго уѣзднаго земскаго собранія. На этомъ собраніи указано, что выдача денегъ подъ учетъ документа недостаточно оформлена въ записяхъ, сдѣлана безъ коллегіальной санкціи управы. Самая же выдача, произведенная для уплаты жалованья, сдѣлана въ противность постановленію земскаго собранія, не только ранѣе 20-го числа, а за сорокъ дней раньше. Принимая во вниманіе все сказанное, очередное собраніе нолинскаго земства постановило привлечь къ уголовной отвѣтственности: 1) заступающаго мѣсто предсѣдателя А. М. Лоскутова, за неправильную выдачу денегъ г. Пестрикову; 2) бывшаго предсѣдателя Пестрикова и членовъ по назначенію: А. М. Лоскутова, М. Н. Крылова и М. М. Твердымова, за превышеніе власти; 3) бывшаго предсѣдателя управы Пестрикова и членовъ А. М. Лоскутова и М. Н. Крылова, за бездѣйствіе власти и нерадѣніе по службѣ и 4) привлечь весь составъ управы къ гражданской отвѣтственности за имѣющіе быть убытки по уплатѣ процентовъ за пользованіе капиталомъ губернскаго земства, отпущеннымъ въ распоряженіе уѣзднаго земства на хлѣбозалоговыя операціи".

О привлеченіи къ суду лицъ, служащихъ по назначенію въ земскихъ учрежденіяхъ, случается читать въ газетахъ нерѣдко. Очевидно, отсутствіе органической связи съ населеніемъ и ослабленная отвѣтственность дѣйствуютъ на подобныхъ лицъ неблаготворно. Но главная суть не въ этомъ. Назначенныя лица не обречены всѣ поголовно и фатально на неизбѣжныя растраты: они могутъ пройти и мимо этого соблазна. Важно другое: антагонизмъ между назначенными лицами и земскими выборными представителями. Онъ неизбѣженъ, и отъ него неисчислимо больше вреда для земскаго дѣла, чѣмъ отъ случайныхъ растратъ. Даже и въ краткой замѣткѣ о нолинскомъ земствѣ этотъ антагонизмъ двухъ міровъ—земскаго и „назначеннаго", т.-е. пропитаннаго бюрократическимъ духомъ,—чувствуется явственно. Земское собраніе безъ всякаго снисхожденія, съ особой энергіей стремится отдать назначенную управу подъ судъ. Несомнѣнно, что все земское дѣло влачилось жалкимъ образомъ при такихъ фатальныхъ отношеніяхъ двухъ враждебныхъ элементовъ—земскаго и антиземскаго. Силы уходили на внутреннюю междоусобную войну. Надо полагать, что изъ всѣхъ попытокъ правительства вліять на внутреннюю жизнь земства эта система—сажать въ управы назначенныхъ лицъ—терпитъ и будетъ терпѣть наиболѣе рѣзкое крушеніе. Земскіе люди изощреннымъ взоромъ слѣдятъ за ставленниками бюрократіи и не простятъ имъ ни одного кривого дѣянія. И, рано или поздно, правительству придется отказаться отъ неудачнаго смѣшенія двухъ стихій—земской и казенной.

Случайно или неслучайно, но кое-гдѣ правительство уже дѣлаетъ земствамъ нѣкоторыя уступки. Бывшій вятскій губернаторъ кн. Горчаковъ, способствовавшій разгромленію первоклассснаго вятскаго земства, перейдя къ управленію Калужской губерніей, разумѣется и здѣсь предпринялъ такой же походъ противъ земства. Но вотъ что пишутъ теперь изъ Калуги въ „Русскія Вѣдомости": „Въ губернской земской управѣ получено увѣдомленіе о томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣнилъ протестъ губернатора кн. Горчакова на постановленіе минувшаго очередного губернскаго земскаго собранія по вопросу объ участіи губернскаго земства въ расходахъ по содержанію уѣздными земствами агрономовъ, ветеринарныхъ и санитарныхъ врачей, а также на просвѣтительныя и образовательныя учрежденія въ уѣздахъ. За министра внутреннихъ дѣлъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства г. Гербель по телеграфу предложилъ губернатору привести въ исполненіе пріостановленное кн. Горчаковымъ рѣшеніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія относительно признанія правильными постановленій губернскаго собранія. Въ связи съ отмѣной этого протеста на этихъ дняхъ губер-

наторомъ утверждена и смѣта губернскаго земства на 1911-ый годъ, также ранѣе пріостановленная имъ. Такимъ образомъ, попытки нѣкоторыхъ правыхъ гласныхъ, во главѣ съ г. Пасхаловымъ, къ разрушенію многихъ культурныхъ начинаній губернскаго земства, не встрѣтивъ поддержки въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, на этотъ разъ потерпѣли полное фіаско, и калужское губернское земство теперь, наконецъ, вышло изъ затруднительнаго положенія, грозившаго полной земской катастрофой".

Административные дѣятели въ родѣ кн. Горчакова могутъ теперь въ справедливомъ недоумѣніи развести руками. Въ Вяткѣ нравилось, въ Калугѣ не нравится! Въ вятскомъ земствѣ и теперь еще продолжается крушеніе культурныхъ начинаній, а въ Калугѣ разрѣшено, вопреки губернатору, поддерживать такія же начинанія. Такая двойственность петербургскаго начальства показываетъ, что изъ предпринятаго похода противъ земствъ для самого правительства, видимо, особой пользы не получилось. И здѣсь сказывается логика живой жизни, которая своими настойчивыми требованіями даже и упорствующую бюрократію вынуждаетъ на уступки, хотя бы и минимальныя.

Знаменательно также, что въ покоренныхъ правыми элементами земствахъ не смолкаютъ голоса, напоминающіе о необходимости расширенія земскаго избирательнаго права. Нижегородскій корреспондентъ сообщаетъ: „Къ мѣстному губернатору поступило для дальнѣйшаго направленія ходатайство губернскаго земства о скорѣйшей реформѣ земскаго избирательнаго закона. Ходатайство возникло по почину сергачскаго уѣзднаго земства, постановившаго ходатайствовать объ увеличеніи числа гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія и отъ крестьянскихъ обществъ. По произведенному сергачскимъ земствомъ подсчету, въ настоящее время въ его составѣ дворянство имѣетъ одного представителя отъ 2.115 дес., лица разныхъ сословій— отъ 23.760 дес., крестьяне — отъ 18.415 дес. Послѣдствіемъ такой неравномѣрности избирательныхъ правъ является недостаточное удовлетвореніе земскимъ собраніемъ нуждъ крестьянскаго сословія. При обсужденіи этого вопроса въ губернскомъ собраніи было высказано мнѣніе, что земство не погрѣшитъ, а сдѣлаетъ доброе дѣло, постоянно напоминая о необходимости скорѣйшей реформы земскаго избирательнаго закона. „Жизнь показываетъ,—заявилъ одинъ гласный,—что не только въ нашей губерніи, но и повсемѣстно въ Россіи, по первому избирательному собранію гласные не избираются, а просто записываются по недостатку избирателей, и всетаки законнаго числа гласныхъ не получается, а между тѣмъ отъ второго собранія и крестьянскихъ обществъ число ихъ ограничено, вслѣдствіе чего нужды населенія не получаютъ должнаго освѣщенія".

Ни новаго, ни сильнаго, конечно, нижегородское земство не сказало. Уже многіе годы и печать, и общественныя учрежденія доказываютъ несправедливость и вредъ для Россіи отъ съуженнаго земскаго избирательнаго закона. Но изъ этого не вытекаетъ, что теперь говорить объ этомъ не стоитъ и не слѣдуетъ. Наоборотъ, необходимо говорить и вопіять тысячами голосовъ, изъ всѣхъ мѣстъ и по всякому поводу. Только такимъ путемъ и можно добиться неотложной реформы.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Высочайшій указъ 14-го марта. — Можно ли считать чрезвычайными и непредвидимыми обстоятельства, при которыхъ онъ изданъ? — Совпадаетъ ли понятіе о „перерывѣ" съ понятіемъ о „прекращеніи занятій"?—Засѣданіе Государственной Думы 15-го марта.—Увольненіе въ отпускъ двухъ членовъ Государственнаго Совѣта.—Побѣда надъ реакціей или побѣда реакціи?

Еслибы два года или даже годъ тому назадъ кто-нибудь сталъ утверждать, что законопроектъ о введеніи земства въ западномъ краѣ повлечетъ за собою серьезныя политическія усложненія, вызоветъ министерскій кризисъ и новую, еще небывалую экстраординарную мѣру, такое утвержденіе было бы встрѣчено всеобщимъ недовѣріемъ. Когда въ Государственномъ Совѣтѣ, въ началѣ 1909-го года, возникла мысль объ измѣненіи порядка избранія членовъ Совѣта отъ западныхъ губерній, министерство, усвоивъ ее, внесло въ Государственную Думу законопроектъ объ отсрочкѣ выборовъ. Въ представленіи по этому предмету имѣлись слѣдующія характерныя слова: „въ настоящее время выяснилась невозможность ожидать введенія въ западныхъ губерніяхъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ близкомъ будущемъ, такъ какъ вопросъ этотъ долженъ быть, по необходимости, поставленъ въ связь съ общей земской реформой въ Россіи, время осуществленія которой, въ виду сложности ея, трудно опредѣлить въ данный моментъ хотя бы приблизительно". Мы старались показать, въ свое время [1]), до какой степени эта отсрочка sine die земской реформы вообще и введенія земства въ западномъ краѣ въ особенности противорѣчила духу и смыслу указа 12-го декабря 1904 г. и Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1905 г. положенія ко-

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ № 6 „Вѣстн. Европы" за 1909 г.

митета министровъ. Теперь для насъ важно только одно: установить, что еще весьма недавно разрѣшеніе земскаго вопроса въ западномъ краѣ вовсе не считалось, съ правительственной точки зрѣнія, чѣмъ-то неотложнымъ и чрезвычайно важнымъ. И позже, когда, подъ вліяніемъ думскихъ преній, министерство отказалось отъ своего первоначальнаго плана и занялось разработкой вопроса о введеніи земства въ западномъ краѣ, оно не особенно торопилось съ этимъ дѣломъ; въ Государственную Думу соотвѣтствующій законопроектъ былъ внесенъ лишь весною 1910-го года, а Государственный Совѣтъ приступилъ къ его разсмотрѣнію почти годъ спустя. Не было, значитъ, periculum in mora; не было надобности въ пріисканіи экстренныхъ средствъ къ скорѣйшему достиженію цѣли, къ которой еще недавно поспѣшали медленно, очень медленно. Въ „колебаніяхъ", о прекращеніи которыхъ говорится въ Высочайшемъ указѣ 14-го марта, больше всего было повинно министерство, только подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ взявшееся за исполненіе давно поставленной на очередь задачи.

Когда въ намѣреніяхъ правительства совершился только что указанный поворотъ, оно предполагало ввести земскія учрежденія во *всемъ* западномъ краѣ, т.-е. въ *девяти* губерніяхъ. Весьма скоро и по этому вопросу произошло „колебаніе", закончившееся тѣмъ, что реформу рѣшено было ограничить *шестью* губерніями, не распространяя ее на губерніи виленскую, ковенскую и гродненскую. А между тѣмъ въ 1905-мъ году признавалось возможнымъ ввести земскія учрежденія даже въ губерніяхъ царства польскаго [1])—a fortiori, слѣдовательно, и во *всемъ* западномъ краѣ. И чѣмъ объяснить невзгоду, постигшую три губерніи? Судя по недавнимъ газетнымъ сообщеніямъ, въ правительственныхъ сферахъ предрѣшено упраздненіе должности генералъ-губернатора виленскаго, ковенскаго и гродненскаго, другими словами—примѣненіе общаго порядка управленія именно къ тѣмъ тремъ губерніямъ, которыя изъяты изъ дѣйствія реформы. Въ одно и то же время, такимъ образомъ, положеніе дѣлъ въ данной мѣстности оказывается нормальнымъ—и ненормальнымъ, допускающимъ—и не допускающимъ уравненіе ея съ другими, находящимися въ болѣе или менѣе аналогичныхъ условіяхъ. Это было бы до извѣстной степени понятно, еслибы предпринятому преобразованію приписывалось чисто формальное значеніе, еслибы отъ него не ожидалось существенной перемѣны къ лучшему въ положеніи населенія. Но въ данномъ случаѣ мы видимъ совершенно другое. Если, по словамъ самого предсѣда-

---

[1]) См. пун. XII Высочайше утвержденнаго 6-го іюня 1905-го года положенія комитета министровъ.

теля совѣта министровъ, „экономическій подъемъ края, имѣющаго всѣ задатки для широкаго развитія", былъ невозможенъ даже при тѣхъ quasi-земскихъ учрежденіяхъ, которыя дѣйствуютъ въ шести западныхъ губерніяхъ (на основаніи закона 1903-го года), то еще очевиднѣе эта невозможность въ трехъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ и подобія земства, гдѣ существуютъ въ полной силѣ до-реформенные хозяйственные порядки. „Задатковъ для развитія" ковенская губернія, напримѣръ, имѣетъ отнюдь не меньше, чѣмъ витебская или могилевская; ея хозяйство, много заимствовавшее у сосѣдней Курляндіи, и теперь стоитъ на сравнительно высокой ступени—но ей, какъ признаетъ хорошо знакомый съ нею П. А. Столыпинъ, недостаетъ больницъ и школъ, т.-е. именно того, что обычно приноситъ съ собою земство. Безспорно, въ губерніяхъ виленской, ковенской и гродненской элементъ польскій многочисленнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ шести западныхъ губерніяхъ; но вѣдь это не причина отказывать имъ, на неопредѣленное время, въ правѣ на самоуправленіе. Еслибы „колебанія", продолжавшіяся почти полвѣка, захватили еще небольшой промежутокъ времени, но окончились бы привлеченіемъ къ земской жизни, въ достаточно широкихъ размѣрахъ, *всего* западнаго края, то съ такимъ замедленіемъ реформы легко можно было бы примириться.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы показать, что „чрезвычайными обстоятельствами" указъ 14-го марта объясненъ быть не можетъ. Правда, понятіе о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, предусмотрѣнное ст. 87-ою зак. основн., съ самаго начала получило оффиціальное толкованіе, совершенно несогласное съ его смысломъ. Законъ говоритъ о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, *вызывающихъ необходимость* въ извѣстной мѣрѣ, т.-е. объ обстоятельствахъ непредвидѣнныхъ и не подлежавшихъ предвидѣнію—и вмѣстѣ съ тѣмъ на столько важныхъ, что реагировать противъ нихъ нужно, въ интересахъ государства или народа, безъ малѣйшаго замедленія. Такихъ обстоятельствъ не было на лицо, когда издавались указы 5-го октября и 9-го ноября 1906-го года. Первый изъ нихъ не на столько улучшалъ положеніе крестьянства, чтобы можно было ожидать отъ него немедленнаго успокоенія народныхъ массъ, прочнаго прикрѣпленія ихъ къ правительственной колесницѣ; второй затрогивалъ такія глубины народной жизни, которыя не поддаются быстрымъ измѣненіямъ и въ прикосновеніи къ которымъ должна быть соблюдаема величайшая осторожность. Еслибы разсчетъ на „сильныхъ", руководившій составителями указа 9-го ноября, и былъ основателенъ, дѣйствіе его во всякомъ случаѣ могло бы почувствоваться не скоро, и въ обстоятельствахъ данной минуты для него нельзя было найти никакого

основанія. Между обоими указами существовало, однако, одно серьезное различіе. Указъ 5-го октября улучшалъ юридическое положеніе крестьянъ, улучшалъ его въ направленіи давно предрѣшенномъ; противодѣйствія ему не предвидѣлось ни съ чьей стороны. Указомъ 9-го ноября одинъ изъ самыхъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ получалъ совершенно неожиданное разрѣшеніе, шедшее прямо въ разрѣзъ съ долговременною правительственною теоріею и практикою; невозможно было заранѣе предвидѣть, какъ отнесутся къ нему законодательныя учрежденія. Между тѣмъ, чрезвычайными обстоятельствами, даже когда они несомнѣнно имѣются на лицо, могутъ быть оправдываемы лишь такія мѣры, относительно которыхъ можно съ достаточною вѣроятностью разсчитывать на согласіе палатъ—или такія, которыя, въ случаѣ ихъ неутвержденія, могутъ быть отмѣнены безъ всякаго замѣшательства въ государственной или общественной жизни. Только подобныя мѣры и принимаются западно-европейскими правительствами на основаніи конституціонныхъ правилъ, аналогичныхъ съ нашей 87-ой статьей. Приведемъ, въ видѣ примѣра, единственную, кажется, мѣру этого рода, ознаменовавшую собою эпоху конфликта между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ. 1-го іюня 1863-го года, въ промежутокъ между парламентскими сессіями, былъ изданъ указъ, подчинявшій періодическую печать системѣ предостереженій, скопированной съ дѣйствовавшей тогда во Франціи. Стоило только палатѣ депутатовъ, вслѣдъ за возобновленіемъ ея засѣданій, отказать въ утвержденіи указа—и онъ исчезъ безслѣдно; все пришло само собою въ прежнее положеніе. Не такъ легко было бы изгладить послѣдствія указа 9-го ноября, еслибы его не утвердило одно изъ нашихъ законодательныхъ собраній: пришлось бы считаться со многимъ, уже осуществившимся въ дѣйствительности. Указъ 14-го марта можетъ быть поставленъ, съ этой точки зрѣнія, на одну доску съ указомъ 9-го ноября: передъ палатами, когда онѣ приступятъ къ его обсужденію, будутъ стоять, по всей вѣроятности, совершившіеся факты, особенно если министерство использует установленный ст. 87-ою двухмѣсячный срокъ и внесетъ указъ въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ 14-го мая—и непосредственно затѣмъ воспослѣдуетъ закрытіе обоихъ собраній до осени, когда, быть можетъ, будутъ уже въ полномъ ходу засѣданія созданныхъ указомъ земскихъ собраній. О существованіи такой комбинаціи появились уже сообщенія въ газетахъ...

Мы говорили до сихъ поръ о наличности *чрезвычайныхъ обстоятельствъ*, какъ объ одномъ изъ непремѣнныхъ условій примѣненія 87-ой статьи; перейдемъ теперь ко второму, не менѣе важному. На основаніи ст. 87-ой предусмотрѣнныя въ ней мѣры могутъ быть принимаемы лишь *во время прекращенія занятій* Государственной Думы.

И это вполнѣ понятно. Когда занятія не *прерваны* на короткое время, а *прекращены*, т.-е. Дума распущена или наступили продолжительныя ея вакаціи, когда созвать ее въ данный моментъ невозможно или крайне трудно, тогда, при вновь открывшихся чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, наступаетъ та конъюнктура, при которой неизбѣжными, а потому и законными могутъ явиться чрезвычайныя, по существу своему временныя мѣры. Подъ понятіе о *прекращеніи* подходитъ, слѣдовательно, не всякій *перерывъ* занятій, опредѣляемый за силою ст. 99 законовъ основныхъ. Правда, у насъ былъ уже случай распространительнаго примѣненія статьи 87-ой: во время рождественскихъ вакацій 1908—09 г. проведенъ былъ, въ установленномъ ею порядкѣ, указъ, продолжавшій дѣйствіе временного учрежденія и временныхъ штатовъ министерства путей сообщенія. Какія чрезвычайныя обстоятельства вызвали эту мѣру — въ положеніи совѣта министровъ объяснено не было; легальное обоснованіе ея было совершенно невозможно [1]) — но впечатлѣніе, ею произведенное, было ослаблено съ одной стороны сравнительною маловажностью предмета, котораго она касалась, съ другой—пріуроченіемъ ея къ нормальному вакаціонному времени, а не къ созданному спеціально ad hoc перерыву сессіи. Какъ бы то ни было, большой ошибкой со стороны думскаго центра было оставленіе ея безъ протеста. Теперь положеніе дѣлъ совершенно иное. Только оффиціозная и полу-оффиціозная печать можетъ утверждать, замѣняя аргументы самоувѣренностью, что „право правительства прибѣгнуть, въ данномъ случаѣ, къ исключительному порядку проведенія закона представляется безспорнымъ“ [2]). Безспоренъ, на оборотъ, выводъ прямо противоположный. Какъ справедливо замѣтилъ деп. Шидловскій въ засѣданіи 15-го марта, рѣшеніе законодательнаго собранія никогда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться „чрезвычайнымъ обстоятельствомъ“ въ смыслѣ статьи 87-ой—а другого повода для обращенія къ этой статьѣ, кромѣ отклоненія Государственнымъ Совѣтомъ злополучнаго законопроекта, не существовало. Деп. Шульгинъ пытался провести мысль, что чрезвычайнымъ обстоятельствомъ была неопредѣленность положенія земскихъ учрежденій западнаго края, давно уже ожидающихъ и все не могущихъ дождаться своего упраздненія; но вѣдь въ такомъ же положеніи находятся, напримѣръ, земскіе начальники, въ виду предстоящаго введенія мирового суда—и, однако, никому еще не приходило въ голову положить конецъ ихъ тревогѣ путемъ подведенія закона о мѣстномъ судѣ подъ дѣйствіе статьи 87-ой. Говорилось также о побѣдѣ, которую праздновали поляки;

---

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ № 2 „В. Европы“ за 1909 г.

[2]) См. № 1631 „Россіи“.

но если и признать достовѣрность самаго факта, то съ какихъ же поръ и на какомъ основаніи ликованіе—или огорченіе—той или другой части населенія является чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, могущимъ нарушить нормальный ходъ законодательства?.. Не подлежитъ, наконецъ, никакому сомнѣнію, что самый поводъ къ примѣненію ст. 87-ой долженъ возникнуть во время прекращенія занятій законодательныхъ собраній. Въ настоящемъ случаѣ все то, чѣмъ мотивируется изданіе указа 14-го марта, существовало и до 12-го числа, когда объявленъ былъ перерывъ занятій. Совершенно очевидно, наконецъ, что съ помощью перерывовъ, устраиваемыхъ спеціально для принятія мѣръ, которыя не удастся провести въ нормальномъ порядкѣ, можно свести на нѣтъ все значеніе законодательныхъ учрежденій и уничтожать, по желанію, дѣйствіе статьи 86-ой, повторяющее, въ категорической формѣ, важнѣйшую часть манифеста 17-го октября.

До какой степени очевидно и серьезно допущенное, въ данномъ случаѣ, нарушеніе основныхъ законовъ — лучшимъ доказательствомъ этому служитъ все происходившее въ Государственной Думѣ въ засѣданіи 15-го марта. Кромѣ представителей націоналистической партіи, взгляды которой отразились всего яснѣе въ рѣчи деп. Шульгина, защитникомъ указа 14-го марта явился только деп. Марковъ 2-ой, но какимъ защитникомъ! Гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ любой противникъ. Онъ исходилъ не изъ толкованія ст. 87-ой, а изъ много разъ заявленнаго имъ и столько же разъ опровергнутаго мнѣнія о неограниченной, по прежнему, власти Государя, и закончилъ совершенно неприличной угрозой по адресу „несогласно мыслящихъ“ членовъ Думы. „Послѣдствія“—воскликнулъ онъ—„могутъ быть весьма нехорошія, если вы разсердите верховную власть... Если вы не желаете считаться съ основными законами, Государь Императоръ можетъ приказать сдѣлать все, что ему благоугодно, и потому будьте благоразумны, примкните къ правымъ, будьте добрыми, вѣрными подданными“. Такъ, можетъ быть, многіе думали, но мало кто говорилъ даже въ до-конституціонной Россіи... Болѣе сдержанные единомышленники г. Маркова, устами гр. А. А. Бобринскаго, прямо признали указъ 14-го марта несоотвѣтствующимъ точному смыслу ст. 87-ой осн. зак. и не возражали противъ него лишь потому, что видѣли въ немъ „волеизъявленіе верховной самодержавной власти, являющейся источникомъ закона“. Всѣ остальныя фракціи Думы сошлись, на этотъ разъ, въ единогласномъ осужденіи дѣйствій правительства, и всѣ четыре запроса по этому предмету — въ томъ числѣ и запросъ соціалъ-демократовъ—были приняты большинствомъ 174 голосовъ противъ 88, т.-е. почти двумя третями голосовъ. Достаточно рѣшительными и твердыми были на этотъ разъ, вопреки обыкновенію и ожиданію, даже

рѣчи октябристовъ. Деп. Шидловскій, говоря отъ ихъ имени, отклонилъ попытку склонить ихъ на сторону указа ссылкою на то, что имъ проведена мѣра, которую они сами признавали цѣлесообразной. „Разъ, гг. члены Думы",—сказалъ ораторъ,—„вамъ угодно стоять на почвѣ законности, вы не имѣете права отдѣлять себя отъ верхней палаты, ибо нарушеніе ея правъ есть нарушеніе вашихъ правъ, какъ входящихъ въ составъ законодательныхъ палатъ. Дѣйствія правительства можно было бы назвать однимъ очень распространеннымъ словомъ, которое я замѣню словомъ *вызовъ*... Смѣшна или, лучше сказать, трагична неосвѣдомленность, позволяющая думать, что грубѣйшій способъ нарушенія законныхъ правъ можетъ найти у насъ какое-либо одобреніе". „Тяжелая бѣда постигла Россію" — воскликнулъ другой представитель той же партіи, деп. Лерхе, — „и эта бѣда тѣмъ тяжелѣе, что предсѣдатель совѣта министровъ подалъ самъ примѣръ тяжелаго нарушенія основныхъ законовъ... Самое тяжелое — это то, что поднесеніемъ проекта на Высочайшее утвержденіе предсѣдатель совѣта министровъ нанесъ тяжелый ударъ идеѣ монархизма въ Россіи".

Изданіе указа 14-го марта сопровождалось другимъ актомъ, менѣе бросающимся въ глаза, но не менѣе характернымъ: уволены въ отпускъ, безъ прошенія о томъ, по 1-ое января—т.-е. до составленія новаго списка назначенныхъ членовъ Госуд. Совѣта, присутствующихъ въ его засѣданіяхъ, — два члена Совѣта, которымъ приписывается главная роль въ голосованіи противъ національныхъ курій. Этотъ ударъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ, подрываетъ въ корнѣ значеніе учрежденія, игравшаго у насъ — правда, съ весьма малымъ успѣхомъ—роль верхней палаты. Учрежденіе Госуд. Совѣта (ст. 5) предоставляетъ его членамъ—безъ различія между назначенными и выборными—„всю свободу мнѣній". Первое условіе свободы мнѣній—несмѣняемость: при выборѣ — до истеченія срока, при назначеніи—до самой смерти,—и притомъ несмѣняемость, понимаемая не только въ смыслѣ неприкосновенности жалованья и другихъ служебныхъ преимуществъ, но и въ смыслѣ невозбраннаго отправленія принятыхъ на себя функцій. Съ этимъ условіемъ совершенно несовмѣстно практикуемое теперь исключеніе изъ списка присутствующихъ — т.-е. дѣйствующихъ—членовъ Госуд. Совѣта [1]). Ничего подобнаго не установляетъ ст. 9-ая учр. Гос. Сов., говорящая лишь о *пополненіи* списка присутствующихъ, т.-е. о замѣщеніи открывающихся, за смертью или добровольнымъ уходомъ, вакансій. Вопреки ясному смыслу закона, списокъ присутствующихъ ежегодно составляется вновь; это является

---

[1]) О ненормальности этого порядка мы говорили подробно три года тому назадъ, въ февральскомъ внутреннемъ обозрѣніи 1908-го года.

средствомъ удаленія изъ среды законодательнаго собранія неугодныхъ, почему-либо, членовъ—и, конечно, не благопріятствуетъ свободѣ мнѣній, заявляемыхъ остальными. Недавно Госуд. Совѣтъ самъ удалилъ изъ своей среды, по иниціативѣ предсѣдателя совѣта министровъ, выборнаго своего члена (А. А. Мануилова), какъ уволеннаго министромъ народнаго просвѣщенія, безъ его о томъ просьбы, отъ должности профессора — т.-е. поставилъ составъ Совѣта въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи. Увольненіе двухъ членовъ въ продолжительный отпускъ, равносильное исключенію ихъ изъ списка присутствующихъ, наноситъ авторитету Совѣта ущербъ еще болѣе тяжелый. Назначенные члены Совѣта, которымъ, по смыслу ст. 9-ой, должна быть обезпечена независимость, подобающая обладателямъ законодательныхъ функцій, низведены, такимъ образомъ, на степень чиновниковъ, исправляющихъ свою должность пока они угодны начальству—и удаляемыхъ отъ нея, какъ только имъ случилось возбудить его неудовольствіе. Когда Государственный Совѣтъ былъ обращенъ изъ законосовѣщательнаго учрежденія въ законодательное, включеніе въ его составъ назначенныхъ членовъ оправдывалось или объяснялось иногда ссылкою на такія верхнія палаты, какъ испанскій или итальянскій сенатъ, палата господъ въ Пруссіи или Австріи. Мыслимо ли въ любомъ изъ этихъ государствъ суммарное лишеніе „сенатора“ или „господина“ права засѣдать и голосовать въ собраніи, членомъ котораго онъ назначенъ?.. Если и предположить, что П. Н. Дурново и В. Ф. Треповъ пострадали не за голосованіе противъ министерства, а за какія-то закулисныя интриги, то дѣло отъ этого нисколько не измѣняется: остается фактъ удаленія ихъ изъ присутствія Государственнаго Совѣта—фактъ слишкомъ легко могущій стать прецедентомъ... О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго „увольненіемъ въ отпускъ“ гг. Дурново и Трепова, можно судить по рѣчи деп. Пуришкевича, произнесенной въ засѣданіи 15-го марта. Конечно, искренняя горячность этой рѣчи объясняется, отчасти, преклоненіемъ оратора передъ однимъ изъ уволенныхъ членовъ Госуд. Совѣта и передъ Совѣтомъ вообще — преклоненіемъ, которое раздѣляютъ съ нимъ, думается намъ, весьма немногіе; но это не уменьшаетъ значенія оцѣнки, которую онъ даетъ самому факту увольненія. „Въ данный моментъ“ — воскликнулъ ораторъ — „только холопъ можетъ молчать. Предсѣдатель совѣта министровъ низринулъ авторитетъ и значеніе Госуд. Совѣта... Только человѣкъ независимый можетъ быть неподкупнымъ слугой своего долга... [1]) Предсѣдатель совѣта министровъ

[1]) Надъ этимъ изреченіемъ, вообще мало гармонирующимъ съ духомъ рѣчей г. Пуришкевича, не мѣшало бы задуматься его товарищу по партіи, г. Маркову 2-му, старавшемуся, какъ мы видѣли выше, запугать членовъ Думы перспективой вся-

изъ членовъ Совѣта по назначенію желалъ сдѣлать чиновъ своей канцеляріи и, очевидно, своими холопами... Изъ чувства личной— не государственнаго характера, а личной—мести, онъ позволилъ себѣ сосчитаться, крича всюду о закономѣрности, съ предсѣдателемъ правыхъ Госуд. Совѣта... Онъ попралъ основныя понятія права, онъ позволилъ себѣ объединить всю оппозицію, въ смыслѣ недовѣрія къ правительству... Самую печальную страницу русской исторіи за послѣднее время вписалъ предсѣдатель совѣта министровъ... Онъ готовитъ и уже заготовилъ намъ самую печальную перспективу въ будущемъ"... Въ менѣе образныхъ и рѣзкихъ словахъ выразилъ ту же мысль другой представитель крайнихъ правыхъ, деп. Шечковъ. „Люди, голосовавшіе по совѣсти",—читаемъ мы въ его рѣчи—„подвергаются карѣ: несомнѣнно это есть угроза всѣмъ намъ... Право говорить по совѣсти находится въ настоящее время подъ угрозой". Нужно очень много... смѣлости, чтобы, въ виду такихъ рѣчей, идущихъ изъ такого источника, говорить — какъ это дѣлаетъ „Новое Время", — о побѣдѣ надъ реакціей, которую знаменуетъ собою торжество П. А. Столыпина. Не можетъ бороться съ реакціей, еще менѣе—побѣждать ее, тотъ, кого признаютъ нарушителемъ права даже присяжные защитники произвола.

Для правильнаго отвѣта на вопросъ, что выразилось въ событіяхъ 14-го марта—побѣда надъ реакціей или побѣда реакціи,—необходимо припомнить содержаніе рѣчи П. А. Столыпина, произнесенной въ Госуд. Совѣтѣ 4-го марта, передъ голосованіемъ о національныхъ куріяхъ. „Не думайте, господа",—сказалъ предсѣдатель совѣта министровъ,—„что государство можетъ безнаказанно уходить въ теоретическую высь и безразлично, свысока смотрѣть на различныя подпочвенныя и надпочвенныя государственныя теченія. Разумное государство должно каждое такое теченіе распознать, кооптировать и направить въ общее государственное русло. Въ этомъ заключается искусство управленія... Правительство понимаетъ, что необходимо использовать и польское теченіе, но опасно разлить эту струю равномѣрно по всей поверхности будущихъ земскихъ учрежденій. Можно, конечно, дѣйствовать и иначе. Это зависитъ отъ различнаго пониманія идеи государства. Можно понимать государство какъ совокупность отдѣльныхъ лицъ, племенъ, народностей, соединенныхъ однимъ общимъ законодательствомъ, общей администраціей. Такое государство-амальгама блюдетъ и охраняетъ существующее соотношеніе силъ. Но можно понимать государство и иначе. Можно мыслить государство

кихъ каръ за высказываемыя ими мнѣнія. Шкурный страхъ—плохой залогъ независимости.

какъ силу, какъ союзъ, проводящій народно-историческія начала. Такое государство, осуществляя народные завѣты, обладаетъ волею, имѣетъ силу и власть принужденія; такое государство преклоняетъ права отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ группъ къ правамъ цѣлаго. Такимъ цѣлымъ я почитаю Россію, а преемственными носителями такой государственности я почитаю русскихъ законодателей".— Если понимать подъ именемъ реакціонныхъ, въ широкомъ смыслѣ слова, такіе взгляды, которые, упираясь въ прошлое, съуживая горизонтъ, отрицая свободное движеніе, ведутъ къ игнорированію требованій вѣчно мѣняющейся жизни, то болѣе реакціоннаго взгляда, чѣмъ выраженный въ приведенныхъ словахъ П. А. Столыпина, нельзя себѣ и представить. Направлять національныя теченія въ одно общее русло—значитъ стремиться къ ихъ денаціонализаціи, къ ихъ обезличенію, т.-е. хотѣть достигнуть недостижимаго (разъ что экспериментъ производится надъ національностью жизнеспособной, имѣющей прошедшее и будущее), значитъ сѣять раздоръ и недовѣріе тамъ, гдѣ могла бы сложиться непринужденная близость. Задача государства—не въ „использованіи" элементовъ, входящихъ въ его составъ, а въ обезпеченіи каждому изъ нихъ возможности развитія, подъ условіемъ уваженія къ чужому праву. Какъ разольется та или другая національная струя, останется ли она на поверхности учрежденія или проникнетъ въ его глубь, въ какія сочетанія она вступитъ съ другими—все это должно быть предоставлено самой жизни, а не регламентировано съ предвзятой точки зрѣнія. Что государство должно обладать „силою и властью принужденія"—это безспорно: безспорно и то, что при конфликтѣ частное должно уступать общему—но конфликтовъ слѣдуетъ избѣгать, а не вызывать ихъ, ограничивая, въ интересахъ одной національности (интересахъ, можетъ быть, неправильно понятыхъ), всѣ остальныя. Разъ что сила вещей создала „государство-амальгаму", государство, составленное изъ различныхъ народностей, лучшей и достаточной его скрѣпой можетъ служить именно то, къ чему скептически относится П. А. Столыпинъ: единство законодательства и управленія, разумѣется—если и то, и другое преслѣдуетъ реальное благо населенія, *всего* населенія. Класть во главу угла „народные завѣты", „народно-историческія начала" опасно какъ потому, что они измѣняются съ теченіемъ времени и допускаютъ весьма различныя толкованія, такъ и потому, что эти завѣты могутъ не быть *всенародными*. Скажемъ болѣе: въ сложномъ государствѣ они всенародными быть не могутъ—и уже по тому одному не должны служить единственнымъ двигателемъ государственной дѣятельности... Отъ зауряднѣйшей националистической программы profession de foi, изложенная въ вышеприведенной рѣчи П. А. Столыпина, отличается не содержаніемъ, а

только словами. Неудивительно, что и актъ 14-го марта поддержала въ Думѣ одна лишь партія націоналистовъ. Еслибы въ рукахъ этой партіи, самой бѣдной высокими началами и умственными силами, оказалась власть, политика ея была бы, можетъ быть, нѣсколько болѣе мягкой по формѣ, но едва ли менѣе реакціонной по существу, чѣмъ политика крайнихъ правыхъ.

Что кризисъ, начавшійся, послѣ голосованія 4-го марта, подачею П. А. Столыпинымъ просьбы объ отставкѣ, не законченъ изданіемъ указа 14-го марта—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Положеніе дѣлъ и въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ остается крайне натянутымъ и тревожнымъ. Трудно предположить, чтобы октябристы, послѣ всего сказаннаго и сдѣланнаго ими въ засѣданіи 15-го марта, смиренно возвратились къ своей служебной роли. Характернымъ въ этомъ отношеніи симптомомъ является отказъ А. И. Гучкова отъ званія предсѣдателя Думы. Отъ намѣренія коллективно сложить съ себя депутатскія полномочія—намѣренія, о которомъ говорилось подъ вліяніемъ перваго, ошеломляющаго впечатлѣнія,—члены центра, по видимому, отказались, и за это ихъ упрекнуть нельзя, потому что не слѣдуетъ добровольно уходить съ поля битвы, пока опасность не миновала. Вопросъ, однако, въ томъ, долго ли удержится у октябристовъ столь мало свойственное имъ боевое настроеніе. Случай проявить его могъ бы представиться весьма скоро, еслибы указъ, изданный на основаніи ст. 87-ой, теперь же былъ внесенъ на разсмотрѣніе Думы; но мы уже видѣли, что это мало вѣроятно. Министерство, возбудившее противъ себя почти всю Думу и значительную часть Государственнаго Совѣта, едва ли поторопится предстать предъ лицомъ оскорбленныхъ и униженныхъ имъ законодательныхъ собраній. Не случайнымъ же было отсутствіе П. А. Столыпина и его товарищей во время обсужденія Думою запросовъ, вызванныхъ указомъ 14-го марта. Вообще не легко себѣ представить, какое положеніе займетъ кабинетъ при новыхъ, радикально измѣнившихся условіяхъ. Да и останется ли онъ у власти? Незамѣнимыхъ министровъ нѣтъ и быть не можетъ: на это указалъ, между прочимъ, въ своей рѣчи и депутатъ Пуришкевичъ. И не таково прошедшее министерства, чтобы много было пролито слезъ въ случаѣ его ухода... При другихъ обстоятельствахъ возможенъ, даже вѣроятенъ былъ бы роспускъ Думы; но вѣдь къ настоящему кризису причастенъ и Государственный Совѣтъ, да и замѣнить нынѣшнюю Думу, хотя бы и вышедшую изъ повиновенія министерству, другою, не менѣе благонадежною — довольно трудно.

P. S.—Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, можно считать рѣшеннымъ, что въ Государственный Совѣтъ будетъ внесенъ запросъ о нарушеніи совѣтомъ министровъ ст. 87-ой зак. осн., и очень вѣроят-

нымъ — что запросъ этотъ будетъ принятъ большинствомъ Государственнаго Совѣта. Подписали его не только лѣвые, не только многіе члены центра, но и нѣкоторые правые, и притомъ какъ изъ числа выборныхъ, такъ и изъ числа назначенныхъ членовъ Совѣта. По истинѣ чудовищны мнѣнія, высказываемыя, по этому поводу, услужливою печатью. „Монархъ"—читаемъ мы въ „Новомъ Времени"—„предоставилъ себѣ право назначать половину членовъ Государственнаго Совѣта въ качествѣ его представителей-защитниковъ вносимыхъ его именемъ правительствомъ законовъ. И понятно, всякое противодѣйствіе со стороны назначаемыхъ монархомъ членовъ вносимымъ правительствомъ именемъ монарха законамъ должно почитаться революціоннымъ актомъ съ ихъ стороны". „Запросъ подписанъ и поддержанъ"—говорится въ другой статьѣ той же газеты—„многими изъ назначенныхъ членовъ крайней правой группы Государственнаго Совѣта. Тутъ приходится недоумѣвать: вѣдь 87-ая статья является одною изъ тѣхъ прерогативъ монарха, хлопоты объ умаленіи которыхъ, казалось бы, не особенно приличествовали статсъ-секретарямъ и высшимъ чинамъ двора"... На самомъ дѣлѣ запросъ направленъ не противъ прерогативы, установленной ст. 87-ою, а противъ способа пользованія ею, предложеннаго совѣтомъ министровъ—способа, прямо нарушающаго букву и духъ закона. Видѣть въ назначенныхъ членахъ Совѣта обязательныхъ защитниковъ каждаго вносимаго правительствомъ законопроекта—значитъ не только забывать о законахъ, опредѣляющихъ значеніе и назначеніе этого учрежденія въ новомъ государственномъ строѣ: это значитъ обрекать людей, за которыми имѣются—или предполагаются—немаловажныя заслуги, на унизительную роль маріонетокъ, продѣлывающихъ заранѣе предписанный имъ жестъ или произносящихъ заранѣе продиктованное имъ слово. Еслибы все призваніе назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта сводилось къ поддакиванію министрамъ, то не проще ли и не дешевле ли было бы замѣнить ихъ предоставленіемъ министерству такого числа голосовъ, которое равнялось бы числу выборныхъ членовъ? Или еще проще—совершенно устранить и выборныхъ членовъ, т.-е. упразднить Государственный Совѣтъ?...

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Неурожайная полоса выдалась въ нашей литературѣ. Живопись блеснула за эту весну спорнымъ, но все же замѣчательнымъ „Портретомъ“ Малявина, симфоническая музыка порадовала насъ „Поэмой экстаза“ и „Прометеемъ“ Скрябина, уже безспорными. А вотъ литература не радуетъ. Цѣлыми грудами сыплется беллетристика и поэзія въ журналахъ, въ альманахахъ, въ отдѣльныхъ изданіяхъ — и, Боже мой, до чего почти все это сѣро, надумано, ненужно! Изрѣдка попадается бездѣлка занимательная, даже талантливая, но ничто не всколыхнетъ умъ свѣжей мыслью или сердце глубокимъ чувствомъ. Не вѣетъ духомъ истиннаго исканія, творческой силы надъ этими скучными, безплодными равнинами.

И прежде всего томятъ послѣднія произведенія признанныхъ корифеевъ нашей литературы. Леонидъ Андреевъ полтора года тому назадъ огорчился на критиковъ, обвинившихъ его въ грѣхѣ борзописанія, и объявилъ orbi et urbi, что налагаетъ на себя на цѣлый годъ обѣтъ молчанія. Маэстро выполнилъ свое обѣщаніе, и за всю зиму 1909—1910 года не напечаталъ ни одной строки—зато въ нынѣшній сезонъ выступилъ съ нѣсколькими новыми произведеніями заразъ. Осенью была поставлена на сценѣ петербургскаго Новаго театра его пьеса „Gaudeamus“, напечатанная вслѣдъ затѣмъ въ очередномъ выпускѣ альманаха „Шиповника“. Почти одновременно много газетнаго шума надѣлала прочитанная въ тѣсномъ литературномъ кружкѣ трагедія „Океанъ“, нынѣ, наконецъ, выпущенная отдѣльной книгой, съ интересными рисунками талантливаго Анисфельда. Далѣе, фирма „Просвѣщеніе“ издала „свѣженькій“ томъ собранія сочиненій прославленнаго автора съ вступительной диѳирамбической статьей проф. Рейснера. Наконецъ, въ послѣднемъ альманахѣ „Шиповника“ находимъ „Разсказъ змѣи о томъ, какъ у нея появились ядовитые зубы“. Количественно немало. Ну, а качественно? Качественно все это до такой степени плохо, что прямо горькая обида беретъ, когда видишь, что̀ сдѣлалъ съ своимъ талантомъ недюжинно одаренный художникъ, на что̀ размѣнялъ онъ свой заслуженный успѣхъ.

„Gaudeamus“—работа не драматурга, а драмодѣла, разсчитанная на дешевый успѣхъ. Благоволеніе публики снискивается не интересными характерами дѣйствующихъ лицъ, не содержательностью драматической коллизіи, не глубиной психологическаго анализа, а

чисто внѣшними средствами. Есть такое представленіе: „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“, весьма укоренившееся въ репертуарѣ, потому что авторъ возымѣлъ счастливую мысль подобрать любимые цыганскіе романсы и объединить ихъ нѣкоторой сценической фабулой, хотя и нарочито нелѣпой и мелодраматической. Леонидъ Андреевъ примѣнилъ эту счастливую мысль къ старымъ, теперь уже забываемымъ студенческимъ пѣснямъ. На опытѣ „Дней нашей жизни“ онъ, очевидно, убѣдился, какъ тепло принимаетъ зрительный залъ эти пѣсни, а теперь соорудилъ цѣлое попурри, нанизалъ его на убогую въ своей претенціозности фабулу, сдобрилъ „пьесу“ смѣхотворными афоризмами и остротами премудраго пьяницы-студента Онуфрія, тоже имѣвшаго уже успѣхъ въ „Дняхъ нашей жизни“, — и вотъ, публика ходитъ и смотритъ, и долго, вѣроятно, будетъ смотрѣть, находя, что это— „сценично“. Нѣкоторые проницательные люди пресерьезно говорили по поводу этого издѣлія о поворотѣ Андреева къ жизнерадостности, къ реализму и т. п. Но развѣ можно говорить серьезно о попурри для садоваго оркестра?..

„Океанъ“ задуманъ гораздо шире. Въ грандіозныхъ, сильныхъ и яркихъ символахъ авторъ хотѣлъ передать ощущеніе какого-то глубокаго трагическаго противорѣчія. Океанъ — и суша, безпредѣльная стихійная свобода — и стихійная рабская связанность, буйный разгулъ ни съ чѣмъ не считающейся хищной индивидуальной силы—и сковывающія людей въ общество цѣпи труда, любви, созиданія. Но замыселъ такъ и остался въ зачаточной стадіи смутнаго, безформеннаго предчувствія, а стремленіе къ силѣ символовъ породило только шумиху обычныхъ андреевскихъ, давно уже пріѣвшихся громкихъ словъ и антитезъ, которыми самъ авторъ такъ часто злоупотреблялъ, что теперь они подобны стертымъ пятакамъ, походящимъ больше на мѣдную лепешку, чѣмъ на монету. Возьмите хотя бы первую страницу, описаніе декораціи первой картины: „Въ той сторонѣ, гдѣ должно садиться солнце, происходитъ безшумное разрушеніе невѣдомаго города, невѣдомой страны: въ огнѣ и дымѣ рушатся зданія, пышные дворцы съ башнями; цѣлыя горы разсѣдаются безшумно и клонятся медленно, падаютъ долго. Но ни крика, ни стона, ни грохота паденія не доносится на землю—чудовищная игра тѣней совершается безшумно; и безгласно пріемлетъ ее, отражая слабо, къ чему-то готовый, чего-то ждущій великій просторъ океана“...

Въ такомъ цвѣтистомъ, утрированномъ тонѣ, съ пустопорожними намеками на какія-то невѣдомыя тайны и бездны, написана вся „трагедія“. Послѣднее слово ставлю въ кавычки, потому что считать свое недоношенное дѣтище трагедіей — сущее недоразумѣніе со стороны Леонида Андреева. Это не только не трагедія: это даже вообще

совсѣмъ не сценическое произведеніе. Однако, и не романъ, а нѣчто совершенно безформенное. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ сильно шагнулъ впередъ. Уже и прежде онъ въ своихъ сценическихъ опытахъ злоупотреблялъ ремарками—и не случайно: ему никакъ не удавалось выразить въ діалогѣ все, что онъ хотѣлъ дать, и потому онъ въ ремаркахъ добавлялъ непопавшія въ діалогъ существенныя краски и элементы настроенія, т.-е. дѣлалъ то, что естественно для романиста, а для драматурга абсолютно недопустимо. Но прежде это можно было принять за неумѣнье автора, привыкшаго къ повѣствовательной формѣ, справиться съ новой для него формой драматической, и хотѣлось думать, что, совершенствуя свою технику, онъ въ концѣ концовъ сумѣетъ отдѣлаться отъ этого недостатка. Однако Андреевъ пошелъ въ діаметрально противоположную сторону, и теперь даетъ уже не драму съ разросшимися ремарками, а повѣсть съ діалогическими вставками, и почему-то думаетъ, что это—трагедія!

Я очень хорошо знаю, что современный театръ переживаетъ фазу необыкновеннаго обогащенія своихъ средствъ, что пластическая и звуковая стороны получили небывалую мощность развитія и стали уже не второстепеннымъ аксессуаромъ, а существеннымъ элементомъ сценическаго воплощенія и воздѣйствія. Современный авторъ вправѣ не только разсчитывать на эти элементы въ общей концепціи своего замысла какъ на подкрѣпленіе своему слову, но иногда видѣть въ нихъ способъ воздѣйствія на зрителя въ тотъ или другой моментъ развитія драмы. Въ этомъ лежитъ оправданіе и даже неизбѣжность паузъ, которыя играютъ теперь такую роль въ сценическихъ постановкахъ. Но, съ одной стороны, этимъ средствомъ, какъ и всякимъ другимъ, надо пользоваться умѣло и въ мѣру, чтобы не превратить словесную сторону драмы въ рядъ нечленораздѣльныхъ звуковъ и междометій, какъ то было, напримѣръ, у нѣкоторыхъ представителей нѣмецкаго Sturm- und Drangperiode. Съ другой стороны, ожидая содѣйствія отъ режиссера и декоратора, драматургъ долженъ же представить себѣ предѣлы ихъ средствъ и не требовать отъ нихъ, чтобы они изобразили „къ чему-то готовый, чего-то ждущій просторъ океана", или же реализовали такое заданіе: „Беретъ веревку отъ колокола и отбиваетъ часы—семь звонкихъ и долгихъ ударовъ. Вѣтеръ играетъ съ ними: роняетъ на землю, но, не давъ коснуться, подхватываетъ нѣжно, покачиваетъ тихо и съ легкимъ присвистомъ уноситъ въ глубину темнѣющей земли". Я совершенно убѣжденъ, что не только современный, но и всякій мыслимый для насъ театръ будущаго спасуетъ передъ такой ремаркой. Говоря по существу, полагаю, что и въ данномъ случаѣ расплывчатость формы, шатаніе между романомъ и драмой вовсе не знаменуютъ собою

органическаго нарожденія въ творческой фантазіи Андреева такого содержанія, которое, не укладываясь въ обычныя рамки, требовало бы созданія новыхъ формъ, а просто является продуктомъ все той же недоношенности, которая проистекаетъ, быть можетъ, отъ излишней торопливости, а быть можетъ и отъ органическаго порока—отъ неврастенической неспособности дочувствовать настроеніе, додумать мысль, доработать образъ.

„Леонидъ Андреевъ. Собраніе сочиненій. Разсказы, очерки, статьи. Съ портретомъ автора и вступительной статьей проф. М. А. Рейснера“—это, быть можетъ, самая прискорбная книга, выпущенная на рынокъ Андреевымъ въ нынѣшнюю зиму. Тутъ мы имѣемъ новое, весьма расширенное изданіе тѣхъ самыхъ газетныхъ статеекъ, которыя Андреевъ во дни юности своея печаталъ ради заработка въ органахъ московской мелкой прессы, и которыя впервые начала извлекать изъ мрака забвенія два года тому назадъ редакція „Сатирикона“, компонуя изъ нихъ особую премію для своихъ подписчиковъ. Теперь перепечаткой старыхъ газетныхъ фельетоновъ занялось, съ благословенія автора, солидное книгоиздательство „Просвѣщеніе“, при благосклонномъ содѣйствіи проф. Рейснера, который, въ порывѣ восторженнаго изступленія, называетъ сочиненія Леонида Андреева не иначе какъ „твореніями“, приравниваетъ его къ Ничше и Шопенгауеру и даже чуть не ставитъ выше ихъ, видитъ въ немъ перваго и единственнаго „идеолога личности, создателя индивидуальныхъ формъ въ русскомъ общественномъ сознаніи“. „И если русская личность сознаетъ себя, она будетъ въ значительной мѣрѣ обязана тому, кто выстрадалъ ее въ себѣ, далъ всю ея жизнь отъ начала до конца и ея огнемъ ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“. Помилосердствуйте, господинъ профессоръ! Нельзя же про Помпонія, посадившаго одну березку, утверждать, что ему обязаны своимъ существованіемъ всѣ лѣса земного шара и даже нѣкоторыхъ другихъ планетъ. Оставьте хоть что-нибудь и на долю Господа Бога. Неужели и впрямь русскій индивидуализмъ созданъ Андреевымъ, а всякіе тамъ Пушкины, Лермонтовы, Достоевскіе такъ-таки ровно ничего и не „выстрадали отъ начала до конца“? А затѣмъ гдѣ же вы это видѣли, чтобы огнемъ „ударяли“ по чему бы то ни было? Стихомъ—да, можно ударить, особенно, когда это—„желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью“. Но огнемъ жгутъ, палятъ, и отнюдь не ударяютъ. Вотъ до какихъ несообразностей можно договориться, когда приходится взвинчивать себя на восторгъ передъ посредственными „твореніями“ начинающаго фельетониста...

Конечно, и въ фельетонахъ Андреева есть талантливыя строки, есть и любопытные зародыши его художественныхъ произведеній; но

такихъ, хотя бы съ эмбріологической точки зрѣнія, интересныхъ мѣстъ въ цѣломъ томѣ, въ 324 страницы, дай Богъ, чтобы набрались 324 строки. Меня въ этой книгѣ особенно заинтересовали нѣкоторыя фразы, доказывающія, что нѣкогда Леонидъ Андреевъ шире смотрѣлъ на Божій міръ, чѣмъ теперь, и понималъ кое-что, чего теперь, какъ будто, уже и не понимаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ фразъ:

„Сѣрая жизнь, скучная жизнь—сѣрая съ пятнами крови на ней... Лживая это фраза и дурная, хотя поэзіи и красоты отъ нея хоть отбавляй. Лжива она, прежде всего, потому, что въ дурное, вѣроятно, катарральное настроеніе одного человѣка она окрашиваетъ безконечно пеструю, яркую и интересную жизнь, и, что хуже всего, на нее же, на оклеветанную жизнь, взваливаетъ вину за собственную дряблость и никчемность“...

„Скверное положеніе. Въ душѣ пустота, на языкѣ дребедень; и хочется бодраго, а силушки на него нѣтъ. А тутъ, бокъ-о-бокъ, выростаетъ молодое, зеленое, шумное и бодрое, и проситъ жизни и работы. Скверное положеніе!“

„Возлѣ него, возлѣ самыхъ ушей его раздаются призывные голоса: людей, людей давайте, потому что вотъ оно, есть хорошее дѣло, да дѣлать-то некому,—а онъ, обратившись лицомъ къ печальнѣйшему Ивану Ивановичу, тоскливѣйшимъ голосомъ нудитъ:

— И зачѣмъ мы! И къ чему мы!

„А внизу—далеко внизу—пропастью цѣлой отдѣленная отъ этой безталанной своей головушки, живетъ и могуче дышитъ народная масса. Для насъ — она спитъ; для насъ дыханіе ея лишь признакъ безсмысленной силы. Но развѣ мы знаемъ, о чемъ грезитъ она? А узнай—не нашлось ли бы кой-чего веселаго и бодраго въ этихъ грезахъ, менѣе туманныхъ, чѣмъ это кажется сверху“...

„На тысячу языковъ разбился его языкъ, и самъ не знаетъ онъ, когда лжетъ и когда говоритъ правду — этотъ несчастный сфинксъ, тщетно пытающій (sic!) разгадать самого себя и гибнущій, не разгадавъ!..“

„Сейчасъ пѣсенка пессимизма спѣта, и какіе бы новые мотивы для нея ни придумывать, они даже въ исполненіи величайшаго артиста прозвучатъ фальшью. Беллетристу или драматургу, улавливающему въ свои сѣти современность, я рекомендовалъ бы обратить вниманіе на одну фигурку, довольно распространенную. Искони онъ былъ человѣкомъ тѣневой стороны и въ свое время имѣлъ успѣхъ: его слушали, и когда онъ приходилъ въ гости, кормили пирожными; теперь онъ остается за штатомъ и занимается тѣмъ, что мефистофельствуетъ... Да, много теперь заштатныхъ россіянъ“...

Если собраніе сочиненій съ портретомъ автора и вступительной

статьей профессора Рейснера поможетъ Леониду Андрееву вспомнить эти строки, вдуматься въ нихъ и сдѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы по отношенію къ послѣдней фазѣ своего писательства, то можно будетъ и примириться съ этой книжкой, успокоившись на афоризмѣ Козьмы Пруткова: „И терпентинъ на что-нибудь полезенъ". А то очень ужъ грустно было бы, если бы и Леонидъ Андреевъ умножилъ собою ряды „заштатныхъ россіянъ". Ибо вѣдь такія вещи, какъ „Разсказъ змѣи", несомнѣнно принадлежатъ къ разряду „заштатныхъ". Вотъ послушайте: „Подвинься ближе. Дай мнѣ тепла немного, погладь перстами мой мудрый лобъ: въ его прекрасныхъ очертаньяхъ найдешь ты образъ чаши, въ которую стекаетъ мудрость, роса ночныхъ цвѣтовъ. Когда извивами черчу я воздухъ, въ немъ остается слѣдъ, узоръ тончайшей паутины, сплетенье сонныхъ чаръ, очарованіе безшумнаго движенья, неслышный свистъ скользящихъ линій. Молчу и качаюсь, смотрю и качаюсь — что за странную тяжесть ношу я на шеѣ? Я люблю тебя". Вы чувствуете, въ чемъ тутъ кунстштюкъ, къ чему весь этотъ наборъ словъ? Это—щедрость таланта, который даже прозу пишетъ такъ, что она размѣрена, какъ стихи. Это—метрическая проза, такая же вопіющая безвкусица въ литературѣ, какъ мелодекламація въ музыкѣ. Это—такое же роковое стремленіе къ изысканности въ прозѣ, какъ бываетъ роковое стремленіе къ простотѣ въ бѣлыхъ стихахъ, которому одно время поддался Жуковскій, и тѣмъ вызвалъ шутливую пародію Пушкина:

> Послушай, дядя, каждый разъ, какъ я
> Смотрю на этотъ замокъ Ретлеръ, мнѣ
> На умъ приходитъ: что, какъ это—проза,
> Да и плохая...

Немного утѣшительнаго и въ послѣднихъ вещахъ другого недавняго властителя думъ, Максима Горькаго, который вмѣсто создавшихъ ему европейскую славу яркихъ этюдовъ свободнаго индивидуализма, то буйнаго, то тоскующаго, но всегда и неизмѣнно искренняго и непосредственнаго, теперь пишетъ нравоучительные разсказики для иллюстраціи и популяризаціи идей соціализма, съ оттѣнкомъ всенароднаго богостроительства. Напримѣръ, въ первой книгѣ новаго журнала „Современникъ", издаваемаго А. В. Амфитеатровымъ, помѣщенъ разсказъ Горькаго „Жалобы". Суть его въ томъ, что малокультурный простой русскій офицеръ, не вѣрящій въ соціализмъ и полагающій, что его „выдумали евреи", вошелъ въ соприкосновеніе съ запасными изъ мужиковъ во время японской войны и, наблюдая ихъ, мучась своей отчужденностью отъ нихъ, пришелъ вотъ къ какимъ выводамъ: „Вѣра требуетъ дисциплины; если я вѣрю: такъ надо!—я подчиняюсь, сознательно и свободно ввожу мою волю въ общій потокъ воль, оди-

наково направленныхъ, имѣющихъ одну со мною цѣль... Я говорю о необходимости повиновенія идеѣ... о скрѣпленіи своей личной воли съ волею всей націи... Дисциплина—не за страхъ, поймите, а за совѣсть! Общая работа — общая сознательная отвѣтственность... А мы потому и не культурны, что органически неспособны къ дисциплинѣ. Мы — подчиняемся, пряча свою волю куда-то, въ темный, глубокій уголокъ души"... Это ли не тѣ самыя идеи, которыя лежатъ въ основѣ соціализма, какъ понимаетъ его Горькій? И конечно, весь разсказъ имѣетъ цѣлью доказать, что всякій человѣкъ—въ глубинѣ души соціалистъ, и стоитъ только заработать его сознанію, какъ онъ непремѣнно окажется соціалистомъ, хотя бы даже и самъ того не подозрѣвалъ. Соціалистическая пропаганда есть только раскрытіе человѣку глазъ на его собственную природу: вотъ отчего пропаганда эта непреоборима. Такъ вѣруетъ сейчасъ Горькій и хочетъ и насъ заставить вѣровать такъ же, а для того пишетъ разсказики, весьма благонамѣренные, но наивные, лишенные всякой художественной цѣнности, какъ все узко-тенденціозное и догматическое.

По тѣмъ же причинамъ плохъ и другой разсказъ Горькаго „Омутъ", напечатанный въ Сборникѣ Товарищества „Прогрессъ". Передъ нами деревенская учительница Нина, которая вызвала въ лѣсную трущобу солдатъ изъ карательнаго отряда, чтобы пропагандировать ихъ, и солдаты пришли, но для того, чтобы изнасиловать дѣвушку. Однако она такъ прекрасно и горячо развивала передъ ними свои любимыя идеи, что солдаты забыли про свое гнусное намѣреніе и стали склоняться къ соціализму. Опять, значитъ, благонамѣренная тенденція, наивно скользящая по поверхности жизни и заставляющая автора видѣть не то, что есть, а то, что ему хочется видѣть. Изъ всей проповѣди Нины приведена одна только фраза: „Въ народѣ—всѣ начала, въ его силѣ — всѣ возможности, его трудомъ кормится вся жизнь, и ему принадлежитъ право распредѣлять трудъ свой по справедливости! И мы до той поры будемъ несчастны, пока народъ не почувствуетъ свое право быть владыкою труда своего"... Да будетъ позволено усумниться, чтобы такими вялыми, заѣзженными фразами можно было добиться такихъ чудодѣйственныхъ результатовъ, о какихъ повѣствуетъ Горькій въ „Омутѣ".

Гораздо жизненнѣе разсказъ Горькаго въ январьской книжкѣ „Современнаго Міра" — „Мордовка". Герой разсказа — рабочій-соціалистъ Павелъ. Правдивыми штрихами, опираясь, очевидно, на старыя, привычныя воспоминанія, очерчиваетъ Горькій семейную обстановку Павла, — его жену, красивую, грубую, эгоистичную мѣщанку, его тестя, сапожника-пропойцу. Правдиво столкновеніе мечтательнаго идеализма Павла съ узкимъ практическимъ реализмомъ жены

и глубокій семейный разладъ на почвѣ этой коллизіи, чувство сердечнаго одиночества у Павла, исканіе ласки и участія и невозможность найти это участіе у товарищей. Любопытно, что стоило Горькому войти въ атмосферу настоящей художественной работы, какъ въ немъ заколебалась вѣра въ всеобъемлющую, всеисчерпывающую и всеразрѣшающую силу соціализма. „Пробовалъ я говорить съ товарищами,—жалуется Павелъ,—отвѣчаютъ по книжкѣ; книжку я самъ прочитаю! Люди стыдятся говорить откровенно о себѣ... многіе, навѣрно, тѣмъ же болятъ, что и я... тѣмъ, что нигдѣ не написано... Только въ сердцѣ написано"... Любопытно и то, что утоленіе, хотя и временное, этой боли, книжкою непредусмотрѣнной, даетъ Павлу дѣвушка, не только чуждая соціалистическимъ идеямъ, но прямо даже отрицающая ихъ основу, вѣрующая въ спасительную силу не классовой ненависти и борьбы, а всеобщаго мира и любовности, являющаяся, слѣдовательно, представительницей того „консервативнаго, глубоко-любовнаго застоя", о которомъ Горькій говоритъ въ своей статьѣ „О писателяхъ-самоучкахъ" („Современный Міръ", февраль), и который онъ приравниваетъ къ чумѣ. При такой квалификаціи этихъ настроеній немудрено, что, подойдя къ этой интересной темѣ, Горькій не сумѣлъ ничего изъ нея сдѣлать и оборвалъ разсказъ искусственной, психологически необоснованной и художественно неразработанной развязкой.

Упомянутая статья „О писателяхъ-самоучкахъ" весьма интересна во многихъ отношеніяхъ. Эта статья—сводка матеріала, извлеченнаго изъ 429 произведеній „писателей изъ народа", присылавшихъ Горькому свои опыты за послѣднія пять лѣтъ, т.-е. какъ разъ за то время когда Горькій, къ великому ущербу русской литературы, вынужденъ жить вдали отъ русской дѣйствительности. Эти рукописи, идущія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ отъ крестьянъ и рабочихъ, участниковъ революціоннаго движенія, повидимому сыграли серьезную роль въ писательствѣ Горькаго послѣдняго періода. Они поддержали въ Горькомъ убѣжденіе, что массы въ Россіи до сихъ поръ живутъ тѣми же интересами, лозунгами и идеями, которые получили столь широкое распространеніе въ 1904-5 гг. Они, какъ кажется, подсказали Горькому сюжеты и заданія многихъ его разсказовъ, они помогли этимъ разсказамъ принять ту печать односторонности и доктринерства, которая дѣлаетъ ихъ такими чужими, ненужными въ обстановкѣ реальной русской современности.

Замѣчательно, однако, что и въ этомъ специфическомъ матеріалѣ довольно много чертъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ поворотѣ въ настроеніяхъ даже среди недавнихъ адептовъ соціалистическаго міропониманія. Горькій отмѣчаетъ эти черты въ своей статьѣ, но недостаточно оцѣниваетъ ихъ настоящее значеніе. Таковы, на-

примѣръ, ноты, подсказавшія, повидимому, Горькому типъ „Мордовки". Вотъ что пишетъ капрейскому изгнаннику „группа читателей ссыльныхъ крестьянъ и рабочихъ": „Мы думаемъ, что злобу жизни слѣдуетъ вскрывать *не для возбужденія вражды*, а для стыда. Конечно, пристыженные могутъ и обозлиться, но это уже не ваше дѣло, *вы только сами-то не разжигайте злость*, о чемъ и просимъ". Въ другомъ письмѣ читаемъ: „Всѣ виноваты, *всѣхъ жалко*, напуганъ народъ, такъ что если бы мы трое были судьями, то оправдывали бы всѣхъ людей. Не смѣйтесь, такъ многіе думаютъ, *очень ужъ устали, а отдохнуть не на чемъ*". Неужели и эти вопли душъ, замученныхъ доктринерскимъ культомъ злобы, кажутся Горькому чумой или, въ лучшемъ случаѣ, вредоноснымъ благодушіемъ? У него эти глубоко поучительныя слова приведены мимоходомъ и оставлены безъ того внимательнаго анализа, котораго они заслуживали бы.

Быть можетъ, не безъ связи съ этимъ психологическимъ поворотомъ стоитъ и крутая перемѣна въ отношеніи корреспондентовъ Горькаго къ интеллигенту вообще и интеллигенту-пропагандисту въ частности. Прежде, до 1905-го года, собесѣдники изъ народа неоднократно пеняли Горькому за его отрицательный взглядъ на интеллигента; теперь рабочій-лѣсникъ пишетъ ему: „Перемѣнились наши роли, товарищъ: когда-то я васъ упрекалъ за несправедливое отношеніе къ людямъ, стоящимъ во главѣ угла, а теперь вы же мнѣ нотаціи читаете. Что сей сонъ значитъ?" Въ то же время и беллетристы-самоучки, посылающіе на Капри свои опыты, часто рисуютъ типъ интеллигента, „какъ типъ барина, *привыкшаго командовать*, слабовольнаго, всегда *плохо знакомаго съ дѣйствительностью* и трусливаго въ моментъ опасности". Подчеркнутыя опредѣленія вполнѣ точно формулируютъ основные грѣхи всякаго доктринерства, между прочимъ — и того, влюбленнымъ въ которое остается до сихъ поръ Горькій, хотя всякое доктринерство такъ же мало ему кстати, какъ ломовая упряжка кровному скакуну.

Обанкротилась среди товарищей Горькаго и интеллигентская литература, какъ спеціальная, такъ и беллетристическая новой формаціи. „Съ трудомъ достанешь растрепанный журналъ, — пишетъ одинъ,—придешь съ работы и читаешь до свѣта. Вотъ—свистокъ, и въ головѣ свистокъ, а на душѣ — тоска; что вынесъ я изъ книги? Мутное что-то". Другой пишетъ: „Книгъ прочитано много, а взять изъ нихъ оказалось нечего, остался самъ по себѣ. Говорятъ — *надо читать старыхъ писателей*, тѣ лучше; такъ пришлите старыхъ". А вотъ чрезвычайно драгоцѣнный отзывъ крестьянина, дорвавшагося и до „старыхъ" писателей: „Сборники мнѣ не понравились, похабщины у насъ и своей довольно, этимъ насъ не удивишь. А вотъ досталъ я

у священника *Лѣскова*, приложеніе къ „Нивѣ“ — Господи помилуй, какъ хорошо! Такое родное и грустное все, такое близкое душѣ. *Чехова*, тоже приложеніе, прочиталъ двѣ книжки, хохоталъ, какъ чортъ. Матери съ женой читалъ, то же самое, разливаются-хохочутъ. Вотъ— и смѣшно, а мило!“ Къ этой поразительной цитатѣ Горькій дѣлаетъ весьма цѣнное примѣчаніе: „Въ спискахъ требованій на книги, получаемыхъ отъ разныхъ группъ и лицъ, *имена старыхъ писателей встрѣчаются все чаще*, изъ современныхъ же спрашиваютъ почти одного Андреева, при чемъ замѣтно, что наиболѣе читаются и нравятся *первые три его тома*“, т.-е. какъ разъ наименѣе вычурные.

Подобныя явленія ясно показываютъ, какъ много вѣрнаго вкуса и вообще душевнаго здоровья остается въ нашихъ такъ называемыхъ некультурныхъ массахъ и въ тѣхъ представителяхъ ихъ, которые уже прошли черезъ весьма нелегкое горнило. Да и вообще статья Горькаго въ высокой степени цѣнна для познанія настроеній, распространяющихся нынѣ среди нашихъ низовъ. Въ этомъ смыслѣ за этюдъ „О писателяхъ самоучкахъ“ стоитъ сказать Горькому большое спасибо.

Кстати отмѣчу, что въ той же книжкѣ „Современнаго Міра“ есть прелестный маленькій разсказъ Сергѣева-Цепскаго: „Испугъ“, съ умилительной чуткостью передающій психику и языкъ трехлѣтняго мальчугана. Просто и задушевно написанъ и другой разсказикъ этого же автора: „Снѣгъ“ (двѣ странички въ февральскомъ номерѣ „Всеобщаго Журнала“).

С. Адріановъ.

ЛОЖНЫЙ ПАТРІОТИЗМЪ

Великая Россія. Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Кн. I. Москва, 1911.

Многіе думаютъ, что русское общество и русскій народъ страдаютъ отъ недостатка патріотическихъ и національныхъ чувствъ и что эти спасительныя чувства нуждаются въ искусственномъ возбужденіи при помощи разныхъ наркотическихъ средствъ. Роль наркоза призваны играть громкія слова и фразы объ опасности распаденія государства, объ ужасахъ инородческаго засилья, объ угрозахъ непріятельскаго нашествія и о необходимости оказать отпоръ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ россійской націи. На почвѣ этихъ громкихъ

словъ и фразъ создаются особыя политическія партіи, имѣющія цѣлью возрожденіе мнимо-патріархальной старины, съ ея воинственнымъ духомъ и самоотверженною преданностью властямъ предержащимъ. Странѣ хотятъ привить микробы національнаго эгоизма, самомнѣнія и войнолюбія, для того, чтобы могла существовать и развиваться „Великая Россія". Заманчивый лозунгъ „Великой Россіи", понимаемый въ такомъ смыслѣ, предполагаетъ соединеніе двухъ началъ—внутренняго холопскаго безправія и внѣшней боевой предпріимчивости. Составители вышедшаго недавно въ Москвѣ сборника подъ заглавіемъ „Великая Россія" нѣсколько иначе представляютъ себѣ задачи русскаго имперіализма: они желали бы развить и поддержать въ народѣ чуждое ему „героическое міросозерцаніе", по образцу японскаго, безъ ущерба для внутренняго національнаго роста и процвѣтанія, не только экономическаго и культурнаго, но и правового, и государственно-политическаго. Совмѣстить шаблонный, первобытный, слѣпо проявляющійся воинственный патріотизмъ съ интересами сознательнаго и свободнаго внутренняго развитія страны—это одна изъ тѣхъ иллюзій, которыми могутъ соблазняться только наивные люди, не привыкшіе отдавать себѣ отчетъ въ реальныхъ потребностяхъ и условіяхъ политической жизни.

Основная идея указаннаго сборника выражена довольно ясно въ руководящей вступительной статьѣ, въ которой проводится параллель между Японіей и Россіей по отношенію къ чувствамъ обѣихъ націй во время послѣдней войны на Дальнемъ Востокѣ. Японцы съ радостнымъ самоотверженіемъ шли на войну, при восторженномъ сочувствіи всего населенія; ихъ офицеры при малѣйшей неудачѣ совершали надъ собою харакири. Русскіе солдаты „ѣхали въ Манчжурію весьма неохотно: въ мѣстностяхъ, гдѣ производилась мобилизація, стоялъ сплошной вой бабъ, а при посадкѣ запасныхъ въ вагоны слышались даже ругательства и проклятія по адресу виновниковъ войны". Вообще „вся Россія, за исключеніемъ людей непосредственно заинтересованныхъ, относилась къ борьбѣ на Дальнемъ Востокѣ съ удивительнымъ безразличіемъ. Между арміей и страной не было необходимой духовной связи. Въ тяжелые дни войны наши войска не находили на родинѣ столь важной для нихъ нравственной поддержки". Авторъ статьи видитъ въ этомъ фактѣ печальный результатъ пропаганды у насъ идей о вѣчномъ мирѣ, о всеобщемъ разоруженіи, о братствѣ народовъ и о вредѣ войны. Гораздо проще было бы вспомнить, что для Японіи война съ Россіею была великимъ національнымъ дѣломъ, связаннымъ съ жизненными интересами государства и народа, а для русскихъ походъ въ Манчжурію и Корею былъ съ самаго начала и до конца совершенно ненужнымъ разорительнымъ

предпріятіемъ, придуманнымъ кучкою безотвѣтственныхъ аферистовъ. Нельзя же требовать, чтобы люди привѣтствовали всякую войну, затѣянную почему бы то ни было и противъ кого бы то ни было, безъ достаточныхъ разумныхъ основаній. Даже самые прямолинейные патріоты вѣроятно признаютъ за собою право имѣть свое сужденіе о выгодахъ или опасностяхъ наступательной внѣшней политики, направляемой произвольно по невѣдомымъ путямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что международное положеніе Россіи сильно пострадало послѣ испытанныхъ ею неудачъ на Дальнемъ Востокѣ; но съ этимъ приходится поневолѣ мириться, и авторъ разбираемой статьи напрасно возмущается уступчивостью нашей дипломатіи относительно Германіи. Онъ находитъ, что для возстановленія нашего военнаго могущества необходимо прежде всего воскресить въ народѣ „воинскій духъ"; нужно „образовать всероссійскій патріотическій союзъ", съ цѣлью подготовки народа къ войнѣ и въ видахъ „борьбы съ вредными идеями пасифизма путемъ изданія газетъ, книгъ и брошюръ и чтенія лекцій". Къ сожалѣнію, какъ признается авторъ, „у насъ самое слово „патріотизмъ" давно уже узурпировано черносотенцами, сдѣлавшими изъ него синонимъ реакціи; между тѣмъ высокая идея любви къ отечеству совсѣмъ не составляетъ монополіи одного крайняго абсолютизма, а должна быть присуща всякому, безъ исключенія, государственному строю. Обновленная Россія нуждается въ созданіи героическаго міросозерцанія, но не на почвѣ реакціи, а тѣсно связаннаго съ насажденіемъ культуры и развитіемъ народнаго представительства" (стр. 20).

Однако, исходныя посылки этихъ разсужденій явно ошибочны. Истинная любовь къ отечеству не можетъ выражаться въ поощреніи предпріятій, составляющихъ величайшее бѣдствіе для народа; она требуетъ твердаго миролюбія, а не воинственности, вовлекающей страну въ опасныя внѣшнія столкновенія. Къ какой войнѣ должна подготовляться Россія, если мы сами никому не угрожаемъ и никто на насъ напасть не собирается? Земельныя завоеванія намъ давно уже не нужны: пространство русской территоріи болѣе чѣмъ достаточно для русскаго народа. Намъ нечего искать внѣ нашихъ границъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ. Ни одна изъ великихъ державъ не имѣетъ разсчета возстановлять противъ себя Россію или затѣвать съ нею ссору. Союзъ съ Франціею и прочное соглашеніе съ Англіею, какъ и съ ея союзницею Японіею, безусловно ограждаютъ насъ отъ какого бы то ни было враждебнаго посягательства въ Европѣ и Азіи. Странно было бы усматривать подобное посягательство въ боснійской аннексіи, которую наша дипломатія заранѣе санкціонировала болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Если мы въ этомъ вопросѣ попали въ неловкое положеніе, то только вслѣдствіе крайней неумѣлости и не-

послѣдовательности нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Намъ предстоятъ, быть можетъ, тягостныя осложненія съ Китаемъ, но, разумѣется, не по иниціативѣ злосчастной Небесной имперіи, которая считается пока совершенно безсильною въ военномъ отношеніи. Сохраняя и поддерживая свои оборонительныя силы, насколько онѣ необходимы для внѣшней безопасности государства при существующихъ условіяхъ международнаго положенія, Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна стремиться или готовиться къ военнымъ предпріятіямъ и конфликтамъ, истощать народныя средства въ погонѣ за военной славой и подавлять умы кошмаромъ героическаго міросозерцанія. Русскій народъ достоинъ лучшей участи, чѣмъ превращеніе въ пушечное мясо для удовольствія мечтательныхъ честолюбцевъ. Видѣть свой идеалъ въ безцѣльной и безпочвенной политикѣ крови и желѣза, не справляясь съ нуждами и желаніями народныхъ массъ, и проявлять такимъ образомъ полное равнодушіе къ реальной судьбѣ собственной націи — значитъ, въ сущности, быть врагомъ отечества, а вовсе не патріотомъ. Россія нуждается не въ искусственномъ подъемѣ героическихъ чувствъ, не въ порывахъ воинственной энергіи, а въ чемъ-то несравненно болѣе элементарномъ и существенномъ.

„На поляхъ Манчжуріи — говоритъ одинъ изъ участниковъ сборника, князь Григорій Трубецкой—наши солдаты показали, какъ и въ старину, свою способность умирать; отъ насъ требуется теперь другая способность—умѣнье жить и устраивать жизнь нашего отечества. Въ этомъ умѣніи заключается разгадка всѣхъ нашихъ проблемъ—подъема просвѣщенія и производительности, внутренней и внѣшней политики, государственной обороны, словомъ всего того, что для насъ опредѣляется однимъ общимъ лозунгомъ: Великая Россія“ (стр. 137). Именно въ упорномъ, систематическомъ неумѣніи или, вѣрнѣе, нежеланіи устраивать жизнь страны для пользы населенія сказывается отсутствіе истиннаго патріотизма, на мѣсто котораго у насъ давно водворился и господствуетъ патріотизмъ поддѣльный, льстивый и корыстный. Въ Владивостокѣ, — какъ свидѣтельствуетъ князь А. М. Волконскій, цитируемый княземъ Трубецкимъ,—нѣтъ флота и не видно заботъ объ его возсозданіи, но тратятъ милліоны на роскошь: строятъ новый желѣзнодорожный вокзалъ, морской штабъ и морское собраніе, провели желѣзную дорогу подъ улицею (что въ пору Лондону), а не собрались провести вѣтку къ восточному концу города, чтобы разгрузить главный вокзалъ и облегчить снабженіе фортовъ большого крѣпостного района. „Имѣются морскія мастерскія—послѣднее слово великолѣпія въ этой области, но въ нихъ нечего работать. Флотъ уменьшился разъ въ десять, а штатъ береговыхъ канцелярій остался тотъ же“. Отдѣльныя вѣдомства находятъ милліоны, что-то дѣлаютъ, соперни-

чаютъ и воюютъ между собою, нерѣдко въ ущербъ общему дѣлу. „Сухопутное вѣдомство выгрузило восьмидюймовую пушку на пристань, морское — отказалось дать свой кранъ, чтобы довести ее къ тому мѣсту, гдѣ будетъ батарея. Это батарея для защиты послѣдней нашей твердыни на Тихомъ океанѣ, которая должна быть вооружена до зубовъ!" (стр. 124). Нѣтъ простого чувства служебнаго долга, нѣтъ зауряднои честности въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей предъ страною и отечествомъ, и героизмъ хищеній составляетъ до сихъ поръ единственную общедоступную форму того героическаго міросозерцанія, о которомъ толкуютъ наши имперіалисты. Морское вѣдомство, напримѣръ, не интересуется сооруженіемъ необходимыхъ въ Черномъ морѣ подводныхъ лодокъ и требуетъ многомилліонной ассигновки на постройку абсолютно ненужныхъ тамъ дреднаутовъ, — ибо „наши слишкомъ многочисленные адмиралы никакъ не могутъ себѣ представить оборону государства безъ такихъ кораблей, на которыхъ имѣются роскошные адмиральскіе апартаменты и высокія мачты для подъема адмиральскихъ флаговъ—знакъ власти и права на полученіе усиленнаго морского содержанія, съ суммами на представительство и пр." (стр. 142). Программы нашего судостроенія составлялись обыкновенно на основаніи нѣмецкихъ программъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы по прошествіи извѣстнаго срока сравняться въ силѣ съ Германіею или не отстать отъ нея къ данному сроку,—какъ будто намъ придется непремѣнно воевать съ нѣмцами на морѣ. Такая программа, спеціально разсчитанная на войну съ Германіею, была утверждена и передъ послѣднею нашей войною съ Японіею. Для защиты Финскаго залива придумано нѣчто прямо невѣроятное: весь заливъ отъ Ревеля до мѣстности къ западу отъ Гельсингфорса предполагается „перегородить цѣлымъ рядомъ укрѣпленій на насыпныхъ даже островахъ и линіями минныхъ загражденій между ними". Непріятельскій флотъ будетъ лишенъ возможности перейти черезъ эту перегородку и проникнуть въ Финскій заливъ, такъ что столица окажется въ безопасности,—если только непріятель воздержится отъ занятія Ревеля съ сухого пути и отъ посылки подводныхъ лодокъ и миноносцевъ для уничтоженія нашихъ загородокъ. „И вотъ на осуществленіе такого химерическаго плана — замѣчаетъ извѣстный знатокъ морского дѣла, г. Брутъ, — морское министерство проситъ не то семьсотъ милліоновъ рублей, не то — сколько дадутъ..." По этому поводу припоминается „грубая до наглости исторія съ Либавскимъ военнымъ портомъ". Говорятъ, что тамъ „самая идея устройства порта возникла изъ желанія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ сбыть въ казну по дорогой цѣнѣ принадлежащія имъ совершенно бездоходныя земли. Затѣмъ къ этимъ аферистамъ примкнула кучка строителей, съумѣв-

шихъ вытянуть у казны на разныя сооруженія свыше 60 милліоновъ рублей, а затѣмъ, когда дальше тянуть уже было не на что, объявили, что портъ этотъ надо бросить, что защитить его никакъ нельзя, ни съ моря, ни главнымъ образомъ съ суши, и что въ случаѣ войны нѣмцы могутъ захватить его голыми руками черезъ двѣнадцать часовъ послѣ перехода нашей границы. Въ прошломъ году эта „крѣпость" спустила свой флагъ, не дождавшись даже намека на появленіе внѣшняго врага, и отъ всей этой авантюры морского министерства ничего не осталось... Нѣтъ ли чего подобнаго и въ нынѣшней затѣѣ съ устройствомъ Ревельскаго порта: вѣдь если дѣйствительно его не хотятъ или не могутъ обезпечить отъ захвата съ суши, то вся разсматриваемая затѣя получаетъ очень странный и подозрительный характеръ" (стр. 146). Съ точки зрѣнія техники военнаго дѣла нельзя серьезно относиться къ намѣренію „такъ отгородиться отъ непріятеля, чтобы уже и совсѣмъ съ нимъ не драться"; но, получивъ требуемые милліоны, морское вѣдомство можетъ дать имъ и другое назначеніе, какъ это дѣлалось неоднократно за послѣдніе годы. При составленіи смѣты судостроенія на 1911-ый годъ въ Государственную Думу, министерство вынуждено было сознаться, что суммы, полученныя имъ въ теченіе 1908-го и 1909-го годовъ на постройку четырехъ броненосцевъ, „вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ денежнаго характера, истрачены заводами не по прямому ихъ назначенію, а обращались также и на покрытіе другихъ, не терпящихъ отлагательства нуждъ" (стр. 152). Въ мартѣ 1908-го года заявлялось категорически, что для подготовки морскихъ заводовъ къ возсозданію флота понадобится около 2.800.000 рублей и что при этой предварительной затратѣ наши первые четыре дреднаута будутъ готовы черезъ четыре года, а два года спустя оказалось уже, что для приведенія заводовъ въ удовлетворительное состояніе будетъ недостаточно и 52 милліоновъ. Будутъ ли когда-нибудь сооружены новые русскіе броненосцы при такихъ условіяхъ и окажутся ли они пригодными для военныхъ цѣлей—это вопросъ, относительно котораго возможны только прискорбныя предположенія и догадки. На этой почвѣ параллель между нашими порядками и японскими напрашивается сама собою.

Въ борьбѣ съ хищеніями и беззаконіями нисколько не поможетъ намъ то „героическое міросозерцаніе", о которомъ хлопочутъ проповѣдники лозунга „Великая Россія"; напротивъ, оно только сбиваетъ съ толку наивныхъ патріотовъ, направляя ихъ тревожныя мысли въ сферу фантастическихъ заботъ, крайне далекихъ отъ печальной русской дѣйствительности.

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Опять русско-китайскій конфликтъ. — Новыя вызывающія ноты и мирное окончаніе спора. — Странныя особенности этой дипломатической кампаніи. — Роспускъ парламента въ Австріи.—Министерскіе кризисы во Франціи и въ Италіи.

Рѣзкій дипломатическій споръ съ Китаемъ, столь некстати возбужденный нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, казался уже законченнымъ послѣ отвѣтной китайской ноты отъ 6-го марта, которая, какъ сообщалось въ свое время, удовлетворила будто бы нашихъ дипломатовъ; однако успокоительныя свѣдѣнія оффиціозныхъ газетъ на этотъ разъ не подтвердились, и воинственная полемика продолжалась въ еще болѣе категорическомъ тонѣ. Въ виду важности этой полемики для интересовъ общаго мира на Дальнемъ Востокѣ, мы считаемъ необходимымъ привести относящіеся къ ней документы безъ всякихъ сокращеній.

Русскій посланникъ въ Пекинѣ передалъ китайскому правительству, 11-го марта, ноту слѣдующаго содержанія:

„Происходившіе въ теченіе послѣдняго мѣсяца переговоры убѣдили Императорское правительство, что китайское правительство, путемъ умолчаній и уклончивыхъ отвѣтовъ, стремится отвергнуть положенія, изложенныя въ русской нотѣ 3-го февраля. Такъ, въ памятной запискѣ, переданной Императорскому посланнику 6-го марта, китайское правительство, уступая, съ одной стороны, нашимъ повторнымъ настояніямъ и соглашаясь съ тѣмъ, что учрежденіе россійскаго консульства въ округѣ Кобдо не должно быть поставлено въ зависимость отъ введенія таможенныхъ пошлинъ, съ другой стороны, умалчиваетъ о другихъ консульствахъ, учрежденіе которыхъ предусмотрѣно 10-ой статьей с.-петербургскаго договора, и о монополіяхъ, которыя вводятся въ Син-Цзянской провинціи, вопреки трактатамъ съ державами, и говоритъ, что въ дѣлѣ торговли мѣстными произведеніями русскіе торговцы будутъ поставлены въ одинаковыя условія съ китайскими, при чемъ оставляетъ безъ вниманія договорное право русскихъ торговать въ Монголіи и Западномъ Китаѣ безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ или налоговъ.

„Сознавая всю безплодность такого рода переговоровъ, въ которыхъ китайское правительство ищетъ лишь поводовъ ограничить русскія договорныя права путемъ доводовъ, отъ которыхъ оно само принуждено затѣмъ отказаться, Императорское правительство видитъ себя

вынужденнымъ нынѣ положить конецъ этимъ ничѣмъ не оправдываемымъ затяжкамъ и просить китайское правительство формально подтвердить правильность и согласованность съ договорами всѣхъ положенiй русской ноты 3-го февраля. Только послѣ такого подтвержденiя, Императорское правительство можетъ согласиться войти въ обсужденiе вопросовъ о введенiи пошлиннаго обложенiя, о созданiи особаго режима для торговли чаемъ или какихъ-либо иныхъ частичныхъ измѣненiй договора 1881-го года.

„Императорское правительство согласно ждать отвѣта на настоящую ноту до 15-го марта ст. стиля, но предупреждаетъ, что, въ случаѣ неполученiя къ этому сроку исчерпывающаго удовлетворительнаго отвѣта по всѣмъ шести пунктамъ ноты 3-го февраля, оно вернетъ себѣ свободу дѣйствiй и возлагаетъ на китайское правительство отвѣтственность за проявляемое послѣднимъ упорство“.

Это обращенiе къ Китаю имѣло несомнѣнный характеръ ультиматума, предвѣщающаго начало военныхъ дѣйствiй по истеченiи назначеннаго срока — въ данномъ случаѣ весьма короткаго, при дальности разстоянiй. Отъ китайскаго правительства потребованъ былъ исчерпывающiй удовлетворительный отвѣтъ въ трехдневный срокъ, подъ угрозою отвѣтственности за „упорство“. Мирный отвѣтъ Китая на грозную русскую ноту не заставилъ себя ждать. Черезъ три дня, 14-го марта, руководитель внѣшней политики пекинскаго кабинета передалъ русскому посланнику при дворѣ богдыхана, г. Коростовцу, слѣдующую ноту:

„Я имѣлъ честь получить сообщенiе ваше отъ 11-го марта сего года, въ коемъ значилось, что отвѣтъ ввѣреннаго мнѣ министерства отъ 5-го сего марта умалчиваетъ объ учрежденiи другихъ россiйскихъ консульствъ, предусмотрѣнныхъ петербургскимъ договоромъ 1881-го года, и о монополiяхъ, которыя вводятся въ Син-Цзянской провинцiи, вопреки трактатамъ съ державами, и оставляетъ безъ всякаго вниманiя договорныя права русскихъ подданныхъ торговать безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ или налоговъ. Только послѣ формальнаго подтвержденiя,—значится далѣе въ сообщенiи,—россiйское правительство можетъ войти въ обсужденiе вопроса о введенiи пошлиннаго обложенiя и другихъ. Ввѣренное мнѣ министерство считаетъ долгомъ, въ отвѣтъ на вышеизложенное, заявить, что оно уже подробно высказало свою точку зрѣнiя на затронутые нынѣ вопросы въ сообщенiяхъ своихъ отъ 6-го февраля и 5-го марта сего года, каковые, въ сущности говоря, не требуютъ какихъ-либо подтвержденiй. Нынѣ, въ виду требованiя вашего превосходительства, министерство приступитъ къ желаемому подтвержденiю, дабы удалить искусственныя недоразумѣнiя. Касательно учрежденiя консульствъ въ Кобдо, Хами

и Гученѣ, ввѣренное мнѣ министерство въ первомъ отвѣтѣ своемъ, ссылаясь на статью 10-ую договора, выразило свое полное желаніе на посылку консуловъ въ указанные пункты. Во второмъ отвѣтѣ своемъ оно соглашалось на учрежденіе консульства въ Кобдо, имѣя въ виду ваши заявленія, изложенныя во второй нотѣ, касавшейся исключительно Кобдо, и отнюдь не отрицало права учреждать консульства въ другихъ, помимо Кобдо, пунктахъ, предусмотрѣнныхъ договоромъ. По вопросу о монополіяхъ въ Син-Цзянской провинціи ввѣренное мнѣ министерство имѣло честь объяснить во второмъ отвѣтѣ своемъ, что русско-подданные, торгующіе во всѣхъ пунктахъ, расположенныхъ къ югу и къ сѣверу отъ Тянь-Шаньскаго хребта въ застѣнномъ Китаѣ, будутъ поставлены въ одинаковыя, безъ всякихъ дальнѣйшихъ ограниченій, условія съ китайцами, при чемъ заявленіе: „одинаковыя условія безъ дальнѣйшихъ ограниченій" свидѣтельствуетъ о томъ, что Китай не стремится къ какимъ-либо монополіямъ. Разсматривая въ первомъ своемъ отвѣтномъ сообщеніи вопросъ о безпошлинной торговлѣ русско-подданныхъ въ Монголіи и въ Западномъ Китаѣ, ввѣренное мнѣ министерство заявляло, что Китай строго руководствуется постановленіемъ статьи 12-й договора 1881 года, чѣмъ и ясно признало права временной безпошлинной торговли русскихъ подданныхъ въ Монголіи и Западномъ Китаѣ; таковое признаніе отнюдь не можетъ быть названо „оставленіемъ безъ вниманія договорныхъ правъ". Въ общемъ, дружескія отношенія между Китаемъ и Россіей установились съ давнихъ поръ; во всѣхъ дѣлахъ, возникающихъ на границѣ, обѣ стороны всецѣло руководствуются договорными постановленіями и скрѣпляютъ взаимную дружбу. Исходя изъ этой точки зрѣнія, китайское правительство и не выставило никакихъ возраженій противъ всѣхъ пунктовъ, изложенныхъ въ русской нотѣ 3-го февраля сего года, желая согласоваться съ дѣйствіями россійскаго правительства, основанными на договорныхъ статьяхъ. Подтверждая, такимъ образомъ, формально правильность и согласованность русскихъ требованій съ договоромъ, я имѣю честь просить ваше превосходительство о вышеизложенномъ довести до свѣдѣнія россійскаго правительства".

Такимъ образомъ китайское правительство въ сущности вновь подтвердило все содержаніе своего перваго отвѣта и въ то же время исполнило желаніе русской дипломатіи — формально признать „правильность и согласованность русскихъ требованій съ договоромъ" 1881-го года. Съ своей стороны Китай, ради сохраненія взаимныхъ дружескихъ отношеній, высказываетъ готовность „согласоваться съ дѣйствіями русскаго правительства, основанными на договорныхъ статьяхъ". Дѣло только въ томъ, что каждая изъ сторонъ толкуетъ договоръ по своему, а съ нашей стороны выставляется требованіе,

чтобы Китай безусловно подчинился нашему толкованію. Пекинскій кабинетъ заявляетъ о своемъ подчиненіи, оставаясь при своихъ прежнихъ взглядахъ, которые, будто бы, вполнѣ соотвѣтствуютъ русскимъ желаніямъ. Намъ оставалось одно изъ двухъ: или идти на проломъ и приступить къ осуществленію своихъ угрозъ, или же удовлетвориться принципіальнымъ признаніемъ нашихъ договорныхъ правъ. Русская дипломатія благоразумно выбрала послѣднее. „Ознакомившись съ содержаніемъ изложенной ноты, — какъ сказано въ сообщеніи, напечатанномъ въ газетахъ,—министерство иностранныхъ дѣлъ отправило посланнику въ Пекинѣ нижеслѣдующую програму: „Его Императорское Величество выражаетъ вамъ Высочайшее благоволеніе за благополучное завершеніе настоящихъ переговоровъ и изъявляетъ удовольствіе по поводу принятаго богдыханскимъ правительствомъ мудраго рѣшенія подтвердить правильность и согласованность съ договорными постановленіями положеній нашей ноты 3-го февраля. Передавая о вышеизложенномъ китайскимъ министрамъ, благоволите отъ имени Императорскаго правительства высказать убѣжденіе, что богдыханское правительство будетъ свято блюсти эти договорныя постановленія и что сказанное рѣшеніе послужитъ, такимъ образомъ, залогомъ дальнѣйшаго укрѣпленія искони существующихъ между Россіей и Китаемъ дружескихъ связей“.

Оффиціально конфликтъ улаженъ, или, вѣрнѣе, объявленъ улаженнымъ; но онъ можетъ вновь возникнуть въ каждый данный моментъ, такъ какъ предметъ разногласій не устраненъ, и наши ультиматумы должны были неизбѣжно оставить извѣстный слѣдъ въ настроеніи китайскаго народа и его правителей. Относительно торговыхъ интересовъ въ Монголіи и Западномъ Китаѣ не трудно было бы въ концѣ концовъ достигнуть прочнаго обоюднаго соглашенія, тѣмъ болѣе, что они не затрогиваютъ жизненныхъ потребностей и нуждъ обѣихъ имперій; но, какъ мы указывали уже въ прошломъ нашемъ обозрѣніи, вся практическая важность спора заключается въ отрицаніи формальной равноправности Китая съ другими независимыми державами при пересмотрѣ существующихъ договоровъ. Имѣетъ ли Китай самостоятельное право голоса при возобновленіи дѣйствія международныхъ трактатовъ, заключенныхъ на извѣстный срокъ, или онъ обязанъ безпрекословно руководствоваться взглядами и желаніями того государства, съ которымъ ведутся переговоры о пересмотрѣ? Русская дипломатія настаиваетъ какъ будто на томъ, что только отъ ея доброй воли зависитъ допустить какія-либо „частичныя измѣненія“ въ договорѣ 1881-го года и что Китай самъ по себѣ не можетъ выставлять свои собственныя предположенія, несогласныя съ желаніями Россіи. Фактически, конечно, современное китайское правительство, при заклю-

ченіи торговыхъ и иныхъ договоровъ, должно поневолѣ сообразоваться съ настойчивыми односторонними требованіями такихъ могущественныхъ державъ, какъ Россія, Англія или Японія; но возводить это безправіе Китая въ принципъ и открыто навязывать его пекинскому кабинету — по меньшей мѣрѣ нецѣлесообразно и неразсчетливо. Въ оффиціальномъ обращеніи къ правителямъ Китайской имперіи не слѣдовало бы употреблять выраженія, имѣющія оттѣнокъ презрительнаго высокомѣрія—говорить, напр., объ упорствѣ Китая, подобно тому какъ въ свое время говорилось о дерзости Японіи. Упорная защита своихъ интересовъ составляетъ прямую обязанность всякаго независимаго государства; грозить Китаю отвѣтственностью за такое упорство—значитъ задѣвать самыя чувствительныя струны національнаго патріотизма. Нынѣшняя слабость Китая пройдетъ, но удары, нанесенные національному чувству многомилліоннаго народа, не скоро имъ забудутся. Наши отношенія съ сосѣдними великими націями, и въ томъ числѣ съ китайцами, не могутъ и не должны строиться на зыбкой почвѣ временныхъ, преходящихъ соображеній; надо имѣть въ виду и будущее, когда Китай успѣетъ организоваться по японскому образцу и доведетъ свои вооруженныя силы до надлежащаго уровня, соотвѣтствующаго численности и средствамъ его населенія. По духу своей древней культуры и по всему своему міросозерцанію китайцы никогда не стремились къ военному могуществу и къ военной предпріимчивости; но великія державы христіанской Европы настойчиво заставляютъ ихъ думать о вооруженіяхъ для защиты отъ иноземныхъ посягательствъ, и Китай вынужденъ будетъ противъ воли создать многочисленную армію, при чемъ больше всего должна пострадать безопасность нашей азіатской границы. Можетъ ли Россія сознательно участвовать въ такой близорукой политикѣ, которая толкаетъ миролюбивый Китай на путь постепеннаго превращенія въ грозную военную державу?

Предпринятая у насъ дипломатическая кампанія противъ Китая является въ высшей степени странною и даже загадочною съ различныхъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, она ведется отъ имени министерства иностранныхъ дѣлъ во время серьезной болѣзни министра, и остается неизвѣстнымъ, кто собственно отвѣчаетъ за эту рискованную политику. Во-вторыхъ, наше внутреннее положеніе, неустойчивость нашихъ финансовъ, недочеты военной организаціи, отсутствіе флота и далеко не зажившія еще раны, причиненныя японской войною — все это должно рѣшительно удерживать насъ отъ новыхъ попытокъ военной предпріимчивости. Въ-третьихъ, Франція и Англія, связанныя съ нами тройственнымъ соглашеніемъ, ясно даютъ намъ понять, что русско-китайскій конфликтъ для нихъ крайне не-

желателенъ, а пренебрегать мнѣніемъ союзныхъ съ нами кабинетовъ мы не имѣемъ основанія.

„Times", въ передовой статьѣ отъ 17-го марта, напоминаетъ, что Китай находится въ періодѣ преобразованія и можетъ легко подвергнуться опаснѣйшему внутреннему потрясенію подъ вліяніемъ какого-нибудь внѣшняго толчка; послѣдствія же такого потрясенія были бы чрезвычайно серьезны для интересовъ общаго мира. „Въ этомъ заключается причина — говоритъ „Times" — почему такія державы, какъ Россія, Англія и Японія, ближайшимъ образомъ заинтересованныя въ дѣлахъ Дальняго Востока, чувствуютъ на себѣ спеціальную обязанность быть осторожными въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Въ газетахъ сообщались слухи, что Японія не была чужда предполагаемымъ планамъ Россіи и поддерживала ихъ ради своихъ особыхъ цѣлей; но эти слухи не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Японія, безъ сомнѣнія, слишкомъ ясно сознаетъ послѣдствія кризиса на Дальнемъ Востокѣ, чтобы предпринимать что-нибудь для возбужденія или ускоренія подобной катастрофы. Россія, какъ мы увѣрены, не менѣе ясно понимаетъ опасности такого бѣдствія и легкость, съ какою оно можетъ быть вызвано, и въ этомъ, по нашему убѣжденію, слѣдуетъ видѣть лучшую гарантію того, что она не доведетъ спора съ Китаемъ до крайности безъ сильнѣйшихъ къ тому побужденій".

Въ такомъ же духѣ высказывается и парижскій „Temps", отъ 31-го марта (нов. ст.), по поводу благополучнаго окончанія непріятнаго инцидента. „Французское общественное мнѣніе—по словамъ газеты—можетъ только поздравить себя съ этой мирной развязкою. Интересы Россіи требуютъ поддержанія хорошихъ отношеній съ Китаемъ. Въ прошломъ Россія всегда получала въ этой области лучшіе результаты отъ мягкихъ способовъ дѣйствія, чѣмъ отъ крутыхъ: она имѣетъ столько козырей въ своихъ рукахъ—сосѣдство, пространство, пути сообщенія,—что, при общемъ признаніи принципа неприкосновенности китайской территоріи, русскимъ обезпечено постоянное экономическое проникновеніе въ пограничныя земли. Послѣднія требованія русской дипломатіи могли облегчить дѣйствіе этого закона проникновенія, устранивъ нѣкоторыя мѣшавшія ему затрудненія. Можно думать, что этого достаточно и больше ничего не потребуется".

Сдержанные намеки и косвенные совѣты сочувствующей намъ заграничной печати краснорѣчиво показываютъ намъ, что внѣшняя политика Россіи не сообразуется съ политикою ея союзниковъ и что упорныя попытки нашей дипломатіи обострить незначительный по существу споръ съ Китаемъ вызываютъ недоумѣніе въ Европѣ. Кому и для чего нужно вовлечь насъ въ новую монгольскую затѣю послѣ злосчастной исторіи съ Манчжуріею? Неужели у насъ найдутся люди,

готовые съ легкимъ сердцемъ повторить по отношенію къ Китаю то, что дѣлалось относительно Японіи? Къ сожалѣнію, у насъ все возможно, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ, — ибо чувство отвѣтственности предъ государствомъ и народомъ свойственно лишь очень немногимъ представителямъ нашего правящаго класса.

Въ Австріи произошелъ серьезный парламентскій кризисъ: первый австрійскій парламентъ, избранный на основѣ всеобщаго избирательнаго права, распущенъ декретомъ 30-го марта, съ назначеніемъ новыхъ выборовъ въ іюнѣ текущаго года.

Роспускъ палаты мотивируется систематическою обструкціею со стороны славянскихъ и особенно чешскихъ депутатовъ, задерживавшихъ обсужденіе необходимѣйшихъ законовъ не только въ засѣданіяхъ палаты, но и въ коммиссіяхъ. Министерство Бинерта предупреждало партійныхъ дѣятелей, что дальнѣйшая проволочка въ разсмотрѣніи финансовыхъ и военныхъ законопроектовъ заставитъ правительство прибѣгнуть къ установленнымъ конституціею мѣрамъ; но эти предупрежденія не могли повліять на оппозиціонныя парламентскія группы, поглощенныя борьбою за свои національныя права. Министерство, состоящее преимущественно изъ нѣмцевъ, заслужило ненависть чешскихъ прогрессистовъ своимъ явнымъ невниманіемъ къ историческимъ правамъ и требованіямъ чешской народности. Баронъ Бинертъ упорно продолжалъ вѣрить въ возможность добровольнаго раздѣла отдѣльныхъ чешскихъ округовъ между чехами и нѣмцами и настаивалъ на давно испробованныхъ и неосуществимыхъ компромиссахъ, съ которыми никто уже не связывалъ никакихъ надеждъ. Эта безплодная прямолинейная политика называлась почему-то „объективною“, свободною отъ всякихъ партійныхъ и племенныхъ пристрастій. Чешскіе радикальные депутаты хотѣли на дѣлѣ убѣдить правительство, что безъ нихъ и противъ нихъ оно управлять не можетъ; а доказать это при помощи обструкціи не трудно, когда значительная часть палаты относится къ министерству равнодушно. Передовые элементы чешской національности отлично сознавали, что доводами логики и справедливости они ничего не добьются—а примириться съ своимъ безсиліемъ они не могли. Чехи стали изводить министерство и солидарныя съ нимъ партіи безконечнымъ количествомъ рѣчей; по каждому вопросу записывалось множество ораторовъ, и текущіе законопроекты ни на шагъ не подвигались впередъ среди этихъ потоковъ безсодержательнаго краснорѣчія. Правительство рисковало остаться безъ бюджета, безъ нужнаго займа на военныя надобности и безъ закона о военномъ контингентѣ на текущій годъ.

Роспускъ давалъ коронѣ поводъ воспользоваться знаменитою 14-ою статьею конституціи и издать требуемыя постановленія въ видѣ временныхъ императорскихъ указовъ, подъ коллективною отвѣтственностью всего министерства.

При пестромъ племенномъ составѣ австрійскихъ избирателей взаимная рознь различныхъ національныхъ группъ составляетъ хроническое зло австрійскаго парламентаризма, и это зло можетъ исчезнуть или потерять значеніе только послѣ того какъ будутъ удовлетворены существенныя національныя требованія главныхъ народностей, входящихъ въ составъ Австріи. Однако, не смотря на хроническіе парламентскіе кризисы, право роспуска примѣняется довольно рѣдко: всего, кажется, два раза съ 1867-го года—въ 1871-мъ году, при министерствѣ графа Гогенварта, и въ 1900-мъ году, при министерствѣ фонъ-Кербера. Особенность настоящаго роспуска состоитъ лишь въ томъ, что, какъ замѣчено уже выше, онъ касается первой австрійской палаты, избранной всеобщимъ народнымъ голосованіемъ. По общему мнѣнію, эта палата не оправдала тѣхъ широкихъ ожиданій и надеждъ, которыя воодушевляли австрійскую демократію во время майскихъ выборовъ 1907-го года. Изъ общей цифры 5.540.728 избирателей воспользовались своимъ правомъ 4.676.636 гражданъ, что составляетъ болѣе 84 процентовъ; изъ 4.617.905 голосовъ, признанныхъ дѣйствительными, выпадало на долю нѣмцевъ 1.775.554, чеховъ — 1.075.574, поляковъ — 658.686, русинъ — 596.090, словинцевъ — 161.196, итальянцевъ — 123.353, румынъ — 51.422, хорватовъ — 81.275 голосовъ. Предстояло выбрать 516 депутатовъ; всѣ 516 избирательныхъ округовъ были по новому закону распредѣлены такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ образовалъ по возможности однородную національную единицу, и слѣдовательно численность представителей каждой народности въ палатѣ была заранѣе установлена. Нѣмцамъ принадлежало 233 округа, изъ которыхъ, однако, въ двухъ выбраны были депутаты другихъ національностей; чехи получили 107 мандатовъ, поляки—80, русины—32, словинцы—24, сербы и хорваты—13, итальянцы—19, румыны—6. Славянскія народности, кромѣ поляковъ, имѣли всего 176 депутатовъ, при общей цифрѣ 1.914.136 избирателей. Въ палату впервые вступила новая крупная партія—соціалъ-демократическая, въ составѣ 72 депутатовъ: 49 нѣмцевъ и 23 чеховъ. Изъ нѣмецкихъ парламентскихъ партій наибольшее значеніе по численности и вліянію имѣли нѣмецко-либеральныя группы, въ числѣ 85 представителей, и христіанскіе соціалисты, которыхъ насчитывалось 96. Элементовъ прочнаго большинства не было въ этой палатѣ; правительство могло опираться только на нѣмецкихъ либераловъ и поляковъ. Новые выборы едва ли во многомъ измѣ-

нять существующее распредѣленіе національныхъ и политическихъ силъ въ парламентѣ. Никто не надѣется на благополучное окончаніе кризиса послѣ избирательной борьбы, которая въ Австріи по прежнему сводится къ безплодной борьбѣ національностей.

Перемѣна министерства во Франціи подготовлялась уже довольно давно. Аристидъ Бріанъ совершилъ свою „эволюцію" отъ соціализма до умѣреннаго либерализма и мало-по-малу потерялъ точку опоры въ республиканскомъ большинствѣ палаты; не только соціалисты, съ Жоресомъ во главѣ, но и радикалы жестоко нападали на него, и въ заключеніе вѣрнѣйшими его приверженцами оказались недавніе его враги, сторонники „успокоительной" внутренней политики въ буржуазномъ духѣ. Онъ постепенно ослабилъ борьбу противъ клерикаловъ и пытался создать новую партію, которая совмѣщала бы всѣ передовыя республиканскія группы, кромѣ крайнихъ лѣвыхъ, на почвѣ идеи успокоенія. Будучи прекраснымъ ораторомъ, Бріанъ пользовался въ то же время репутаціею трезваго и дальновиднаго государственнаго человѣка; онъ сдѣлался проповѣдникомъ реальной политики, и многіе предсказывали ему крупную роль въ будущихъ судьбахъ республики. Но поклонники его должны были вскорѣ разочароваться. Хорошія слова объ успокоеніи и объединеніи оставались словами безъ опредѣленнаго содержанія; практическія мѣры, предлагаемыя правительствомъ, не заключали въ себѣ ничего новаго или оригинальнаго и большею частью повторяли старые пріемы и способы дѣйствія. То, что успокаивало и удовлетворяло однихъ, раздражало и ожесточало другихъ, и вмѣсто желаннаго объединенія получалось еще большее усиленіе внутренняго раздора въ лагерѣ республиканцевъ. Если умѣренные были довольны, то радикалы негодовали, а крайніе лѣвые все чаще выставляли Бріана безпринципнымъ честолюбцемъ. Его уличали въ противорѣчіяхъ, напоминали ему прежнія его соціалистическія убѣжденія, его выдающееся участіе въ преслѣдованіи духовныхъ конгрегацій, и дѣлали соотвѣтственные выводы.

Неоднократно предпринимались противъ Бріана энергическія атаки въ парламентѣ. Онъ ставилъ вопросъ о довѣріи, и каждый разъ находилось въ его пользу болѣе или менѣе значительное республиканское большинство, при участіи умѣренныхъ либеральныхъ группъ. Большинство это замѣтно сокращалось, и въ засѣданіи 24-го (11-го) февраля дошло до 26 человѣкъ. Другихъ голосовъ, кромѣ республиканскихъ, Бріанъ не принималъ въ разсчетъ, такъ какъ не хотѣлъ сохранять свой постъ при поддержкѣ сомнительныхъ или двусмысленныхъ партійныхъ элементовъ; республиканскими онъ признавалъ, при-

томъ, только четыре группы—лѣвую демократическую, лѣвую радикальную, радикаловъ-соціалистовъ и республиканцевъ-соціалистовъ,—исключая, такимъ образомъ, изъ своего большинства на правой сторонѣ прогрессистовъ, на лѣвой—объединенныхъ соціалистовъ. „Лѣвая демократическая" группа осталась вѣрною Бріану; другія группы отдавали ему только часть своихъ голосовъ. При голосованіи 24-го февраля высказалось за него изъ всѣхъ четырехъ группъ 177 депутатовъ, противъ него — 151. Пренія были вызваны запросомъ депутатовъ Мальви и Менье о недостаточно строгомъ примѣненіи законовъ о духовныхъ конгрегаціяхъ. Депутатъ Мальви произнесъ рѣзкую обвинительную рѣчь противъ министерства, указывая на многочисленныя послабленія, дѣлаемыя, будто бы, іезуитамъ и разнымъ монашескимъ коллегіямъ; консерваторы и клерикалы прерывали его замѣчаніями, имѣвшими видъ защиты или оправданія министерской уступчивости, и это обстоятельство дѣлало положеніе Бріана крайне затруднительнымъ. Нападки Мальви были явно несправедливы и односторонни, и результатъ голосованія палаты показался Бріану слишкомъ недостаточнымъ. Онъ рѣшилъ выйти въ отставку. Въ письмѣ на имя президента республики, объясняя мотивы своего рѣшенія, онъ ссылается на возростающую вражду и систематическое противодѣйствіе отдѣльныхъ республиканскихъ группъ. „Воззваніе, обращенное мною ко всѣмъ республиканцамъ,—говоритъ Бріанъ,—съ цѣлью осуществить, для пользы страны и республики, политику умиротворенія, проводить, при режимѣ отдѣленія церкви отъ государства, систему разумной духовной свободы, терпимой и относящейся съ уваженіемъ ко всѣмъ вѣрованіямъ, и наконецъ обезпечить для всѣхъ гражданъ равную и строгую административную юстицію,—это воззваніе, неправильно понятое одними и извращенное другими, произвело на часть парламентскаго большинства впечатлѣніе противоположное тому, на которое я разсчитывалъ". Возникшая на этой почвѣ политическая непріязнь, по словамъ Бріана, „дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе представленной имъ программы политическихъ, фискальныхъ, экономическихъ и соціальныхъ реформъ", — программы „самой обширной и смѣлой, какая когда-либо предлагалась парламенту". Впрочемъ, обширность и смѣлость политическихъ программъ также иногда мѣшаютъ осуществленію ихъ, и даже въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ непріязнь отдѣльныхъ парламентскихъ кружковъ.

Новое министерство образовалось въ началѣ марта. Составъ его не можетъ быть названъ блестящимъ. Во главѣ стоитъ бывшій нѣкогда министромъ юстиціи богатый землевладѣлецъ, винокуренный заводчикъ и адвокатъ Мони; затѣмъ наиболѣе выдающіеся члены кабинета—морской министръ Делькассе, министръ иностранныхъ дѣлъ Жанъ

Крюппи, военный министръ Бертò, министръ финансовъ Кальо. Делькассé хорошо извѣстенъ какъ бывшій руководитель французской дипломатіи; въ послѣднее время онъ много занимался вопросами морской обороны, въ качествѣ предсѣдателя и докладчика парламентскихъ коммиссій по дѣламъ объ улучшеніи и усиленіи французскаго флота. Въ засѣданіи палаты 6-го марта (нов. ст.), министръ-президентъ Мони прочелъ обычную широковѣщательную декларацію, которая вслѣдъ затѣмъ послужила предметомъ горячихъ и оживленныхъ преній. Министерское большинство опять передвинулось влѣво, и палата выразила свое сочувствіе новымъ министрамъ. Кабинетъ не обѣщаетъ быть долговѣчнымъ, такъ какъ самъ глава его, шестидесятипятилѣтній Мони, не имѣетъ шансовъ пріобрѣсти теперь популярность, которой раньше у него не было.

Въ Италіи разыгрался министерскій кризисъ безъ прямого участія парламентскаго большинства, вслѣдствіе случайнаго разлада между отдѣльными партійными группами, поддержкою которыхъ особенно дорожилъ министръ-президентъ Луццати. Въ засѣданіи 18-го марта коммиссія по законопроекту о расширеніи избирательнаго права предложила отсрочить внесеніе этого проекта въ палату, противъ чего протестовали радикалы и соціалисты; затѣмъ это предложеніе было измѣнено согласно желанію правительственной партіи и принято къ свѣдѣнію большинствомъ 365 противъ 70 голосовъ. Кабинетъ не только не былъ задѣтъ этимъ голосованіемъ, но, напротивъ, долженъ былъ видѣть въ немъ подтвержденіе своей прочности и своего авторитета; тѣмъ не менѣе два радикальныхъ министра тотчасъ заявили Луццати о своей отставкѣ, такъ какъ меньшинство, подавшее свои голоса противъ предложенія, состояло главнымъ образомъ изъ радикаловъ.

Въ преніяхъ участвовалъ и вождь большинства, Джолитти, который держался вообще въ сторонѣ отъ текущихъ парламентскихъ дѣлъ, чтобы не затруднять положенія министерства; на этотъ разъ онъ вынужденъ былъ вмѣшаться вслѣдствіе прямыхъ обращеній къ нему нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ ораторовъ. Депутатъ Барцилаи открыто поставилъ вопросъ объ истинной закулисной роли Джолитти. „Страна — воскликнулъ онъ — желаетъ имѣть самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ правителей, а не подставныхъ, зависящихъ отъ чьей-либо милости. Пора положить конецъ этому унизительному положенію; пусть Джолитти броситъ свою игру и возьметъ на себя власть, или пусть отправится за границу". Министръ-президентъ Луццати оставилъ безъ вниманія этотъ странный вызовъ по адресу Джолитти и пытался

объяснить отношеніе правительства къ спорному законопроекту; затѣмъ говорили еще другіе, и наконецъ среди общаго шума поднялся Джолитти. Шумъ тотчасъ прекратился. Джолитти ясно и точно высказался въ пользу политики министерства, не упомянувъ о немъ, однако, ни однимъ словомъ. „Я думаю,—заявилъ онъ,—что расширеніе существующаго двадцать лѣтъ избирательнаго права не можетъ быть болѣе откладываемо. Народъ пережилъ за это время глубокія хозяйственныя, политическія и культурныя перемѣны; онъ пріобрѣлъ уже право на болѣе дѣятельное участіе въ политической жизни. Нельзя отказывать ему въ этомъ законномъ правѣ. Когда извѣстныя проблемы разъ поставлены, онѣ должны быть такъ или иначе разрѣшены безъ промедленія. Я стою, поэтому, за скорѣйшее разсмотрѣніе проекта и за предоставленіе коммиссіи требуемой ею свободы дѣйствій". Выступленіе Джолитти наглядно показало палатѣ, что онъ готовъ послѣдовать обращенному къ нему призыву и принять на себя отвѣтственность, связанную съ властью. Никто не возбуждалъ вопроса о довѣріи къ данному министерству, но Луццати почувствовалъ, что палата своимъ голосованіемъ выразила одобреніе не ему, а Джолитти. Въ тотъ же день стало извѣстно, что кабинетъ рѣшилъ выйти въ отставку. Джолитти принялъ предложеніе образовать новое министерство и вступилъ въ обычные переговоры съ наиболѣе вліятельными представителями парламентскаго большинства; между прочимъ, онъ пытался привлечь въ составъ кабинета соціалиста Биссолати, который съ этою цѣлью былъ даже лично приглашенъ королемъ во дворецъ, но Биссолати вѣжливо отказался отъ предложенной ему чести. Соціалистическая партія въ Италіи пока еще „не созрѣла" для власти; для этого нужны были бы еще другія соціальныя и политическія перемѣны, кромѣ тѣхъ, о которыхъ говорилъ въ палатѣ Джолитти.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ 87-й СТАТЬИ

У насъ весьма обычны ссылки на прецеденты, и когда недостаетъ фактовъ изъ русскаго прошлаго, не обходятся безъ того, чтобы отослать къ практикѣ Австріи и Пруссіи, точно эти двѣ державы и являются лучшими образцами представительныхъ порядковъ. Мнѣ не разъ приходилось настаивать на той мысли, что прецедентомъ въ Англіи, этой колыбели конституціоннаго строя, считается лишь дѣйствіе закономѣр-

ное, почему и прилагается къ слову „прецедентъ" эпитетъ „легальный". Это равнозначительно признанію, что нарушенія конституціонныхъ порядковъ и общеобязательныхъ нормъ права никогда не могутъ быть приводимы въ доказательство тому, что такая практика обязательна и на будущее время. На нихъ нельзя ссылаться, какъ на установляющихъ правила для рѣшенія однохарактерныхъ вопросовъ въ будущемъ. Ссылки на то, что въ Австріи не разъ нарушалась конституція неправильнымъ примѣненіемъ 14-ой статьи закона 21-го декабря 1867-го года, близкой къ нашей 87-ой, съ этой точки зрѣнія ничего не доказываютъ: откройте одинъ изъ новѣйшихъ трактатовъ по австрійскому государственному праву, написанный членомъ верховнаго административнаго суда въ Вѣнѣ, профессоромъ Гернритъ—и вы прочтете въ немъ слѣдующее. Говоря о тѣхъ участившихся за послѣднее время въ Австріи случаяхъ изданія такъ называемыхъ Nothverordnungen, которыя приводятся намъ въ образецъ лицами, поддерживающими политику нашего премьера и недавній роспускъ имъ палатъ на три дня, для введенія въ силу закона, только-что отвергнутаго Государственнымъ Совѣтомъ, Гернритъ, въ примѣчаніи къ страницѣ 217-ой, пишетъ: „нерѣдко весьма сомнительное (höchstbedenklich) примѣненіе права обнародывать указы въ чрезвычайныхъ случаяхъ въ теченіе періода парламентскихъ обструкцій, т.-е. съ 1897-го по 1904-ый годъ, какъ способное поколебать довѣріе къ австрійской конституціи, встрѣтило весьма строгую критику въ интересномъ докладѣ конституціоннаго комитета палаты представителей (сессія 17-ая, 1906-го года, № 2668). Злоупотребленіе этимъ правомъ изданія чрезвычайныхъ указовъ вызывало неоднократныя предложенія насчетъ упраздненія самой 14-ой статьи (см. докладъ конституціоннаго комитета отъ 1903-го года, за № 1752-мъ)". Если сторонники того пониманія 87-ой статьи нашихъ основныхъ законовъ, на которомъ остановился предсѣдатель совѣта министровъ, ссылаются на 75 (надо было бы сказать—76) случаевъ примѣненія въ Австріи 14-ой статьи съ 1897-го по 1904-ый годъ, то имъ слѣдовало бы также признать, что они вызывались обструкціей, созданной борьбою національностей въ рейхсратѣ. Эта борьба сдѣлалась въ Австріи хроническимъ зломъ съ тѣхъ поръ, какъ допущено было отступленіе отъ правила, что съ равенствомъ всѣхъ гражданъ передъ лицомъ закона несовмѣстимо созданіе національныхъ средостѣній и выдѣленіе въ особыя группы подданныхъ и гражданъ одного и того же государства, на томъ основаніи, что они говорятъ разными языками.

Разсматривая самые случаи изданія общихъ и обязательныхъ нормъ помимо рейхсрата, въ порядкѣ статьи 14-ой, мы находимъ, что обыкновенно поводомъ къ ея примѣненію была задержка въ

вотированіи бюджета и въ установленіи контингента новобранцевъ. Указаннымъ правомъ въ Австріи часто пользовались, такимъ образомъ, съ тѣми цѣлями, съ какими въ другихъ странахъ обращаются къ сбору налоговъ на основаніи стараго бюджета, разъ не вотированъ новый, и къ установленію на ближайшій годъ того же числа новобранцевъ, что и въ предыдущіе. Во многихъ юристахъ, истолкователяхъ конституціоннаго права—въ томъ числѣ въ Гнейстѣ,—вызывало и вызываетъ сомнѣніе право палатъ отказывать въ утвержденіи всего бюджета, а не однихъ только новыхъ налоговъ. Ссылаясь на англійскую практику, они настаиваютъ на томъ, что необходимо проводить различіе между обычными и чрезвычайными расходами, расходами вновь возникающими, и что палаты должны ограничить свое противодѣйствіе привительственной политикѣ однимъ неутвержденіемъ этихъ послѣднихъ расходовъ. Чтобы сломить незаконную оппозицію народнаго представительства всему бюджету, совѣтъ министровъ Цислейтаніи не имѣетъ другого средства, кромѣ обращенія къ статьѣ 14-ой. Однохарактерными причинами вызванъ и теперешній конфликтъ: сегодня (я пишу 20-го марта) телеграфъ сообщаетъ, что, распустивъ парламентъ, австрійскій императоръ, указомъ въ порядкѣ статьи 14-ой, утвердилъ девятимѣсячный бюджетъ и предоставилъ министерству заключить заемъ. Очевидно, что случаи вродѣ настоящаго не даютъ никакихъ указаній насчетъ того, какъ должна быть примѣняема 87-ая статья: у насъ указанъ иной порядокъ взиманія налоговъ въ случаѣ неутвержденія бюджета, чѣмъ тотъ, какой дѣйствуетъ въ Цислейтаніи. Ссылки на Австрію и на недавнее пользованіе ея министрами 14-ой статьей нимало, такимъ образомъ, не выясняютъ дѣйствительной природы такъ называемаго „чрезвычайно-указнаго права"; оно имѣетъ глубокіе корни въ прошломъ, и раскрытіе причинъ, впервые вызвавшихъ его къ жизни, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на его правовой характеръ. А такъ какъ съ нимъ связано и толкованіе нашей 87-ой статьи, то я считаю полезнымъ представить этотъ историческій экскурсъ на столбцахъ „Вѣстника Европы", въ руководство тѣмъ, кого интересуетъ недавно возникшій конфликтъ между нашими палатами и кабинетомъ г-на Столыпина.

Чрезвычайно-указное право извѣстно англичанамъ еще съ XV-го столѣтія, какъ часть удержавшейся отъ эпохи самовластія королевской прерогативы. Въ сочиненіяхъ сэра Джона Фортескью, канцлера королевства и современника Генриха VI-го, упоминается о правѣ короля издавать указы, служащіе къ восполненію законовъ. У него можно найти и тотъ не разъ повторяемый примѣръ, согласно которому король исправляетъ несправедливость закона, запрещающаго гражданамъ, подъ страхомъ наказанія, взбираться на городскія стѣны,

путемъ изданія указа или „прокламаціи", ставящей имъ въ обязанность обратное поведеніе при осадѣ города внутреннимъ и внѣшнимъ врагомъ. Этотъ примѣръ свидѣтельствуетъ о томъ, что нужно наступленіе чрезвычайныхъ, непредвидѣнныхъ закономъ обстоятельствъ для того, чтобы король счелъ возможнымъ прибѣгнуть къ чрезвычайному также средству: обнародованію указа или такъ называемой въ Англіи „прокламаціи". Локкъ, въ своемъ трактатѣ о „гражданскомъ правительствѣ", повторяетъ Фортескью и считаетъ обращеніе короля къ изданію указа, въ силу принадлежащей ему прерогативы, возможнымъ въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда законъ молчитъ и нельзя найти для возникшаго случая готоваго рѣшенія въ мѣрахъ уже изданныхъ при участіи парламента; во-вторыхъ тогда, когда буква закона идетъ противъ требованій справедливости и общественной пользы, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ выдвинутому жизнью явленію. И Блакстонъ, въ своихъ извѣстныхъ „Комментаріяхъ къ англійскимъ законамъ", признаетъ за королемъ право изданія „прокламацій" или указовъ не только въ силу спеціальныхъ полномочій, данныхъ ему парламентскимъ статутомъ, но и въ силу его королевской прерогативы въ ранѣе указанныхъ двухъ случаяхъ: молчанія закона и невозможности примѣнить его буквально, не нарушая требованій справедливости.

Во Франціи указное право короля стояло подъ контролемъ верховныхъ судовъ, признававшихъ для себя обязательными только тѣ „эдикты", которые не противорѣчили законамъ или „ордонансамъ". Съ этимъ ограниченіемъ верховные суды вносили въ свои реестры вновь издаваемые королемъ „эдикты" и „постановленія совѣта"; послѣ такого внесенія суды должны были придерживаться ихъ при постановкѣ приговоровъ. Но король могъ сломить противодѣйствіе парламентовъ личнымъ приказомъ внести въ реестры новыя нормы, признанныя неподлежащими регистраціи въ виду ихъ незакономѣрности. Это достигалось съ помощью такъ называемаго „lit de justice". Въ торжественной обстановкѣ король самъ являлся въ парламентъ и объявлялъ ему о своемъ желаніи. Если члены его продолжали упорствовать и не подчинялись отданному имъ приказу, имъ нерѣдко приходилось испытать на себѣ силу королевскаго гнѣва. Не имѣя возможности отставить ихъ отъ должности, такъ какъ послѣдняя пріобрѣталась покупкой и считалась, поэтому, своего рода неотъемлемымъ имуществомъ, король лишалъ членовъ того или другого судебнаго мѣста, его ослушавшагося, возможности получать обычный доходъ отъ тяжущихся въ формѣ судебныхъ издержекъ (épices), и для этого приказывалъ имъ переѣхать въ другой, болѣе или менѣе отдаленный городъ, куда сторонамъ нелегко было слѣдовать за ними.

Это право короля принуждать къ исполненію его указовъ даже въ случаѣ ихъ несогласія съ законами ожило вновь въ 14-ой статьѣ конституціонной хартіи 1814-го года. Статья эта гласила: „король издаетъ (fait) регламенты и ордонансы, необходимые для исполненія законовъ и для безопасности государства“. Широкое толкованіе этого права короля обезпечивать своими указами безопасность государства повело къ изданію при Карлѣ X, въ министерство Полиньяка, извѣстныхъ ордонансовъ, ограничивавшихъ, между прочимъ, свободу печати. Недовольство ими вызвало іюльскую революцію 1830-го года.

И въ другихъ странахъ Европы, всюду, гдѣ имѣлись сословныя представительныя палаты, будетъ ли то въ Даніи, германскихъ королевствахъ и княжествахъ—въ томъ числѣ въ Пруссіи и тѣхъ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбургскаго дома, которыя входили въ составъ Священной Римской Имперіи—мы встрѣчаемся съ существованіемъ „чрезвычайно-указнаго права“ въ рукахъ верховнаго правителя государства. Говоря о правахъ Landesherren, писатель XVIII-го вѣка Пюттеръ, въ своемъ извѣстномъ трактатѣ о германскомъ государственномъ правѣ, пишетъ: „правитель можетъ въ случаѣ неотложной необходимости (im Nothfalle) издавать временныя распоряженія (provisorische Verfügungen)“ [1].

Въ стародавней германской практикѣ, вполнѣ установившейся еще въ эпоху сословныхъ земскихъ палатъ (Landstände), а не въ подражаніи конституціонной хартіи Людовика XVIII-го, надо искать источникъ тѣхъ статей баденской, вюртембергской, гессенской, баварской, саксенъ-альтенбургской, саксонской, саксенъ-веймарской и прусской конституцій, которыя въ періодъ времени съ 1818-го до 1850-го года обезпечивали германскимъ правителямъ возможность издавать „указы“ (Verordnungen) „въ случаяхъ чрезвычайной нужды“. (Ungewöhnlicher Nothstand, по выраженію прусскаго конституціоннаго акта отъ 31 января 1850 года), и притомъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы „палаты въ это время не были въ сборѣ“ (ст. 63).

Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ статей. На основаніи первыхъ по времени нѣмецкихъ конституцій, издаваемые монархомъ чрезвычайные указы должны отвѣчать слѣдующему требованію: „они вынуждаются заботой о государственномъ благѣ (Staatswohl) и всякое замедленіе въ ихъ обнародованіи (Verzögerung) необходимо явится препятствіемъ къ обезпеченію этого блага“ (баденская конституція 22-го августа 1818 г., ст. 66; вюртембергская 25 сентября 1819-го года, ст. 88; гессенская 17 декабря 1820 г., ст. 73).

[1]) „Handbuch des Deutschen Staatsrechts nach dem System des Herrn Justizrath Pütter“, т. 2-ой, стр. 164.

Въ позднѣйшихъ по времени „основныхъ законахъ“ Пруссіи, Баваріи и Австріи особенно оттѣняется необходимость „устранить изданіемъ чрезвычайнаго указа необычное состояніе крайней нужды“.

Весьма рѣзко это выражено въ баварской конституціи 10-го ноября 1861-го года. 38-ая статья ея гласитъ:

„За исключеніемъ случаевъ, когда законы прямо отсылаютъ къ полицейскимъ правиламъ и постановленіямъ, одни только королевскіе указы могутъ содержать въ себѣ полицейскія предписанія, снабженныя карательной санкціей. Эти указы могутъ быть изданы лишь при томъ условіи: 1) что ландтагъ не въ сборѣ; 2) что такой указъ нуженъ для устраненія крайней опасности, угрожающей государству, либо жизни, здоровью или имуществу подданныхъ; 3) что ни въ одномъ законѣ нѣтъ ни правилъ для подобныхъ случаевъ, ни полномочія на изданіе такихъ правилъ“.

Во всѣхъ рѣшительно конституціяхъ необходимыми условіями для изданія чрезвычайнаго указа признаются: 1) неотложная нужда, 2) непротиворѣчіе указа основнымъ законамъ, и 3) то обстоятельство, что палаты не собраны.

Такъ, въ датской конституціи отъ 5-го іюня 1849-го года значится (ст. 25): „въ крайне неотложныхъ случаяхъ король въ правѣ, если риксдагъ не въ сборѣ, создавать временные законы, которые однако не могутъ противорѣчить основному закону и всегда должны быть предложены на разсмотрѣніе послѣдующему риксдагу“.

Къ числу законовъ, которымъ не можетъ противорѣчить такой чрезвычайный указъ, нѣкоторыя конституціи, напримѣръ саксенъ-веймарская 15-го октября 1850-го года, относятъ, кромѣ основныхъ, еще избирательные законы [1]). 14-ая статья австрійской конституціи, 21-го декабря 1867-го года, говоритъ еще о томъ, что чрезвычайные указы не должны имѣть послѣдствіемъ длящееся обремененіе государственной казны или отчужденіе государственнаго имущества.

Позднѣйшія по времени конституціи Европы и Азіи (въ томъ числѣ и японская), говоря о правѣ монарха или князя издавать снабженныя силой закона указы, также настаиваютъ на мысли объ ихъ временномъ значеніи, объ устраненіи ими неминуемой опасности и сохраненіи общественнаго спокойствія, о крайней нуждѣ, ихъ вызывающей, и отсутствіи въ моментъ изданія палатъ или парламента [2]).

---

[1]) То же постановляютъ конституціи княжествъ Рейсъ младшей линіи и Вальдекъ, обѣ отъ 1852 г.

[2]) См. 8 ст. японской конституціи 11-го февраля 1889 г. и 75 ст. черногорской конституціи 1905 г., гласящую: „если въ промежутокъ между сессіями парламента безопасность государства подвергнется угрозѣ изнутри или извнѣ“ и т. д. См. также

Я полагаю, что бѣглый обзоръ всѣхъ европейскихъ конституцій, допускающихъ обнародованіе указовъ, имѣющихъ силу закона, убѣдительно доказываетъ одно: что къ этому средству прибѣгать позволено лишь для устраненія временныхъ, внезапно наступившихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, угрожающихъ внѣшней и внутренней безопасности государства, а отнюдь не для введенія постоянныхъ порядковъ, не вызываемыхъ чрезвычайной нуждою, наступившею въ перерывъ между сессіями палатъ, и отнюдь не съ цѣлью ввести въ жизнь общеобязательную норму, только что отвергнутую законодательными палатами.

Ни въ одной изъ приведенныхъ нами конституцій невозможно найти ни единаго слова, которое оправдывало бы поведеніе министровъ, распускающихъ палаты для того, чтобы навязать странѣ реформу, противъ которой высказались палаты или одна изъ палатъ, надѣленныхъ законодательными функціями.

Основные законы многихъ государствъ, которымъ представительныя палаты были извѣстны еще ранѣе эры конституціонныхъ хартій второй четверти XIX-го вѣка, уже считали несомнѣннымъ и общеобязательнымъ правиломъ, что при существованіи двухъ или болѣе палатъ, монархъ не можетъ довольствоваться согласіемъ только одной изъ нихъ. Комментируя дѣйствовавшіе въ Германской имперіи государственные порядки, Пюттеръ (въ XVIII вѣкѣ), высказывается въ томъ смыслѣ, что со времени Вестфальскаго мира требуется согласіе всѣхъ палатъ имперіи для того, чтобы законъ, издаваемый рейхстагомъ, имѣлъ обязательную силу.

Англійская исторія представляетъ намъ рядъ случаевъ, въ которыхъ палаты отказывались давать согласіе и на сборъ налоговъ, и на созывъ милиціи, если монархъ обращался съ такимъ требованіемъ только къ одной изъ палатъ, минуя другую. Всѣ конституціи и основные законы, не исключая и нашихъ, сходятся въ утвержденіи, что законодательная власть осуществляется главой государства при соучастіи и верхней, и нижней палаты; а слѣдовательно, если палаты распускаются на три дня для того, чтобы за это время издать въ порядкѣ 87-ой ст. тотъ самый законъ, который нашелъ одобреніе со стороны одной лишь Думы, то въ этомъ трудно не увидѣть прямого посягательства на принципъ соучастія обѣихъ палатъ въ законодательствѣ, принципъ, признанный 86-ою статьею нашихъ основныхъ законовъ.

нынѣ дѣйствующую турецкую конституцію 23-го дек. 1876 г., статья 36-ая которой говоритъ о наступленіи безспорной необходимости охранить государство отъ опасности или угрозъ общественному спокойствію и о невозможности, въ виду переживаемыхъ страною обстоятельствъ, созвать парламентъ. То же повторяютъ ст. 47 и 48 болгарской конституціи 1879-го года.

Ничего подобнаго послѣднему примѣненію 87-ой ст. мы не найдемъ и въ длинномъ спискѣ пользованія чрезвычайно-указнымъ правомъ и на Западѣ Европы, и у насъ.

Датскій министръ Эструпъ распустилъ риксдагъ въ 1875-мъ году, но только для проведенія, на основаніи 25 статьи датской конституціи, временныхъ мѣръ, а не разсчитанной на постоянное дѣйствіе реформы провинціальнаго управленія, какою является введеніе земства въ шести западныхъ губерніяхъ на началахъ, только-что признанныхъ негодными громаднымъ большинствомъ одной изъ законодательныхъ палатъ.

Бисмаркъ, какъ указано выше, въ внутреннемъ обозрѣніи, счелъ возможнымъ издать въ порядкѣ чрезвычайно-указномъ, 1-го іюня 1863-го года, въ промежутокъ между парламентскими сессіями, временныя мѣры противъ печати, подчинившія ее въ Пруссіи той же системѣ предостереженій, какая дѣйствовала во Франціи; но эта мѣра не была проведеніемъ въ жизнь только-что отвергнутаго закона и ее вызвали обстоятельства, наступившія не до роспуска палатъ, а именно въ промежутокъ между ихъ сессіями. Созванная вслѣдъ затѣмъ палата депутатовъ отказала въ утвержденіи этого указа, и онъ исчезъ безслѣдно.

Изданіе чрезвычайныхъ указовъ на основаніи 14-ой статьи основного закона Австріи вызвано было, какъ признаетъ вѣнскій профессоръ фонъ Визеръ, „чешской обструкціей“ [1]) и направлено было къ тому, чтобы не оставить государственную казну (прибавимъ отъ себя—и оборонительныя силы страны) безъ нужныхъ средствъ. Русскому правительству нечего прибѣгать съ этой цѣлью къ пользованію однохарактерной съ австрійской 87-ою статьею. Въ „Правилахъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи“ на случай неутвержденія бюджета палатами установлены мѣры, избавляющія совѣтъ министровъ отъ обращенія къ тому средству, къ какому по неволѣ прибѣгло австрійское (точнѣе—цислейтанское) правительство—т.-е. къ изданію чрезвычайнаго указа. „Если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода,—гласитъ 14 статья этихъ правилъ,—то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись“. Не можетъ также возникнуть у насъ того повода къ примѣненію 87-ой статьи, какимъ въ Цислейтаніи являлся и является отказъ рейхсрата въ согласіи на производство набора, такъ какъ ст. 119 нашихъ основныхъ законовъ снабжаетъ правительство инымъ средствомъ борьбы съ нежеланіемъ палатъ утвер-

---

[1]) „Ueber Vergangenheit und Zukunft der österreichischen Verfassung“, 1905 г., стр. 127.

дить требуемый министерствомъ контингентъ новобранцевъ. Въ силу 119 статьи, „если по заблаговременномъ внесеніи въ Государственную Думу предположеній о числѣ людей, потребныхъ для пополненія арміи и флота, законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1-му мая, то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначеннаго въ предшествующемъ году".

Въ замѣткѣ, напечатанной въ № 12577 „Новаго Времени" и подписанной буквой Б, значится, что „въ порядкѣ 14 ст. издавались въ Цислейтаніи 13 разъ провизорные бюджеты и три раза опредѣлялся контингентъ новобранцевъ". Ни одинъ изъ этихъ случаевъ не нуждался бы у насъ въ примѣненіи скопированной съ 14 ст. австрійской конституціи 87-ой статьи, какъ не вызвалъ бы ея къ жизни и вновь возникшій конфликтъ министерства Бинерта съ палатами, уже поведшій къ принятію бюджетныхъ мѣръ въ чрезвычайно-указномъ порядкѣ.

Мы не отрицаемъ, разумѣется, того, что въ Цислейтаніи прибѣгали къ помощи 14-ой статьи и для созданія постоянныхъ нормъ, какъ напр. для организаціи счетной части, для введенія кроны въ качествѣ общей монетной единицы или для продолженія привилегій австро-венгерскаго банка. Но такое расширительное и потому неправильное толкованіе чрезвычайно-указнаго права не разъ справедливо вызывало и вызываетъ протестъ, ставя на карту самое его существованіе въ будущемъ, въ виду усиливающагося требованія отмѣнить 14-ую статью конституціи.

Перейдемъ теперь къ нашей практикѣ. Профессоръ Паліенко характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: „87-ая статья дала право правительству путемъ чрезвычайныхъ указовъ широко вторгаться въ сферу, отмежеванную законодательству. При этомъ статью эту примѣняютъ, вопреки смыслу ея, не только въ періодъ прекращенія занятій Думы, т.-е. въ между-сессіонный періодъ, но и во время перерывовъ засѣданій. При этомъ вносятся столь глубокія и длящіяся послѣдствія въ той правовой сферѣ, которая регулируется закономъ, что законодательные органы, при разсмотрѣніи затѣмъ внесеннаго правительствомъ законопроекта, соотвѣтствующаго мѣрѣ, принятой имъ въ порядкѣ 87-ой статьи, вынуждены уже считаться съ происшедшими измѣненіями въ правовой сферѣ и стѣснены въ свободной оцѣнкѣ правильности предлагаемой мѣры" [1]).

Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ злоупотребленій въ пользованіи 87-ой

---

[1]) „Основные законы и форма правленія въ Россіи". Юридическое изслѣдованіе. Ярославль, 1910, стр. 57.

статьей я своевременно старался удержать правительство, но каждый разъ тщетно. Не одна статья была написана мною въ газетѣ „Страна" съ цѣлью доказать, что законъ, измѣняющій земельный строй русской деревни, не можетъ быть проведенъ въ порядкѣ „чрезвычайно-указномъ".

Г-нъ Магазинеръ, въ своемъ недавнемъ сочиненіи о 87-ой статьѣ [1]), указываетъ и на другія мои выступленія по тому же вопросу въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ Совѣтѣ обсуждался вопросъ о штатахъ министерства путей сообщенія. Въ принятой Думой редакціи законъ предлагалъ упразднить нѣкоторые предлагаемые правительствомъ добавочные оклады чиновникамъ, не принадлежащимъ къ министерству путей сообщенія, но приглашаемымъ въ его совѣты изъ другихъ вѣдомствъ. Правительство не желало пойти на такое сокращеніе. Ходили слухи, что оно будетъ противиться ему всѣми средствами. Чтобы отвратить его отъ пути, который мнѣ казался незаконнымъ, я сказалъ буквально слѣдующее: „Совѣтъ министровъ, вѣроятно, подобно мнѣ сознаетъ невозможность примѣненія въ данномъ случаѣ ст. 87-ой основныхъ законовъ, такъ какъ она говоритъ о „неотложной необходимости". А вѣдь никакой неотложной необходимости въ томъ, чтобы тотъ или другой чиновникъ министерства получалъ добавочное жалованье, нѣтъ. Значило бы смѣяться надъ самымъ понятіемъ „вынужденнаго необходимостью указа", еслибы стали пользоваться ст. 87-ой осн. зак. для того, чтобы дать чиновникамъ эти добавочные оклады" [2]).

Не скажу: вопреки моимъ ожиданіямъ, а наоборотъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ предсказаніями, мною сдѣланными и опиравшимися на томъ представленіи, какое я имѣлъ и имѣю о характерѣ главнаго руководителя нашей внутренней политики, предсѣдателя совѣта министровъ, 87-я статья была примѣнена въ рождественскій перерывъ сессіи палатъ, длившійся всего десять дней, и чиновники получили свои добавочные оклады.

Я опасался новаго примѣненія ст. 87-ой, на этотъ разъ къ Финляндіи, вслѣдъ за утвержденіемъ нами думскаго законопроекта объ общемъ законодательствѣ для имперіи и княжества. Но спрошенный мною членъ правительства успокоилъ меня, сказавъ, что этого нельзя ждать ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ, такъ какъ министры сами сознаютъ всѣ неудобства частаго обращенія къ „чрезвычайнымъ указамъ".

И вотъ оказывается, что они снова рѣшились прибѣгнуть къ

---

[1]) „Чрезвычайно-указное право въ Россіи", Спб., 1911, стр. 82.

[2]) Стеногр. Отчетъ IV сессіи Гос. Сов., стр. 437—38.

87-ой статьѣ, и притомъ для изданія не временной, а постоянной мѣры, мѣры только-что отвергнутой одною изъ палатъ. Они сдѣлали это при полномъ отсутствіи какихъ-либо неожиданныхъ и исключительныхъ обстоятельствъ, наступившихъ въ трехдневный перерывъ въ занятіяхъ Думы и Государственнаго Совѣта—перерывъ, искусственно вызванный самимъ правительствомъ. Совѣтъ министровъ прибѣгъ къ 87-ой статьѣ, имѣя полную возможность созвать палаты, такъ какъ члены ихъ находились на лицо и потому только не засѣдали въ Таврическомъ и Маріинскомъ дворцахъ, что имъ такъ было повелѣно.

Какой же, въ такихъ условіяхъ, логически мыслящій человѣкъ скажетъ, что на лицо имѣются всѣ нужныя условія для того, чтобы отступить отъ нормальной практики, предусмотрѣнной 86-ой статьей, гласящей:

„Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы“.

Максимъ Ковалевскій.

ПЕТРЪ ФИЛИППОВИЧЪ ЯКУБОВИЧЪ †

Рядомъ съ поэтами-модернистами, мастерами стиха, искателями новыхъ формъ, часто достигающими изящества и красоты, рѣдко поражающими внутренней силой, сравнительно мало заставлялъ говорить о себѣ поэтъ старой школы, поклонникъ простоты и правды, близкій къ дѣйствительной жизни, чуткій къ ея запросамъ, проникнутый идеями вѣка, усвоившій ихъ не только умомъ, но и горячимъ, глубокимъ чувствомъ. Его знали и любили, хотя около его имени не слышалось шума. Тяжкія испытанія, которыя онъ перенесъ, создали ему ореолъ, ярко освѣщенный лучами его поэзіи. Для широкихъ круговъ общества онъ былъ одинаково дорогъ и какъ Мельшинъ, бытописатель „міра отверженныхъ“, и какъ П. Я., пѣвецъ, твердо переносимыхъ мукъ и никогда не угасающей надежды. Въ его стихотвореніяхъ отразилась вся его жизнь: ихъ отдѣлы соотвѣтствуютъ ея этапамъ—короткому періоду свободы, подслѣдственному одиночеству, каторгѣ, поселенію „въ странѣ сопокъ“ и возвращенію на родину, съ надорванными силами, но вѣчно-юной душой. И не было такихъ условій, въ которыхъ онъ не находилъ бы источника чистыхъ, высокихъ вдохно-

веній. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ предчувствуетъ свою судьбу—и заранѣе закаляетъ свою рѣшимость. „Остановись!“—говоритъ онъ „своей мечтѣ“ („Къ свѣту“, 1880)—„Хоть на одно мгновенье остановись! О, дай еще хоть разъ взглянуть назадъ: я знаю, въ этотъ часъ тамъ плачутъ обо мнѣ... Напрасное моленье!“ Его мечта обѣщаетъ замѣнить ему все что онъ теряетъ, отъ чего, быть можетъ, навсегда отказывается... „Братья гордые, свободные“—говоритъ онъ два года спустя („Одолѣли думы мрачныя“, 1882),—„научите, какъ стоять подъ грозою въ ночи темныя, не робѣть и не дрожать!“ И онъ не робѣлъ и не дрожалъ, когда очутился въ крѣпости, имѣя передъ собою по меньшей мѣрѣ неопредѣленно продолжительное лишеніе свободы. Вотъ что онъ пишетъ въ 1885 г. („Обрядъ окончился позорный“):

— „О, здравствуй, гробъ и вмѣстѣ храмъ
И колыбель родной свободы,
Живой укоръ ея врагамъ!
Молчанье тайны, тишь могилы...
Съ тройной рѣшеткою окно
Кидаетъ полусвѣтъ унылый...
Но нѣтъ! не все погребено!
О, сколькихъ блѣдныхъ, скорбныхъ тѣней
Я тихій шелестъ узнаю,—
Борцовъ минувшихъ поколѣній,
Здѣсь чашу выпившихъ свою!
Чу! словно стонъ, иль крикъ угрозы
Еще не смолкъ и по-сейчасъ...
Сырыя стѣны, будто, слезы
Роняютъ изъ закрытыхъ глазъ“.

„Передъ отъѣздомъ“ (на каторгу, 1887) онъ утѣшаетъ себя и другихъ мыслью, что изъ двухъ дубовъ крѣпче тотъ, который росъ не въ лѣсу, а въ полѣ, подъ грозою.

„Какъ въ царствѣ тлѣнья, на кладбищѣ,
Пышнѣе розъ душистыхъ кустъ,
Такъ пѣснь полнѣй, свѣтлѣй и чище
Выходитъ изъ страдавшихъ устъ“.

На каторгѣ („Здравствуй, забытый рудникъ“, 1890) онъ признаетъ одной семьей всѣхъ „собратьевъ по мученьямъ“, не различая, въ эту минуту, „святыхъ страдальцевъ свободы“ отъ „темныхъ жертвъ нужды и страстей“.

„Братскій привѣтъ одинаково шлю
Вашимъ бездомнымъ, замученнымъ тѣнямъ!
Нѣтъ, не безслѣдно въ могилѣ живой
Вы, надрываясь, мозолили руки:
Васъ уже нѣтъ, но живутъ ваши муки,
Тайно витаютъ вокругъ надо мной“.

И если въ холодной, безотрадной „странѣ сопокъ“ у него иногда вырывается отчаянный крикъ: „О, неужель предвѣчными судьбами мы лишь одни обречены скорбямъ, и не дано изсохшими устами на мигъ прильнуть къ завѣтной чашѣ намъ?“ („Молитва“, 1894), если онъ взываетъ къ Богу правды, моля объ утѣшеніи „почивать въ родимой землѣ“, а не въ „краѣ забвенія“, гдѣ „и мертвымъ холодно спать“ („Семьею крестовъ дорогихъ заселенная“, 1894), то вслѣдъ затѣмъ онъ опять бодро отвѣчаетъ на вопросъ: „Кто одолѣетъ—свѣтъ, иль мракъ?“ („Въ долины тѣнь съ вершинъ сползаетъ“, 1895):

„Тотъ трепетъ радостный и бурный,
Какимъ полны сердца людей,
Когда восходитъ день лазурный,—
Порукой намъ, что свѣтъ сильнѣй!“

Когда съ него „сброшены тяжелыя цѣпи“, онъ спрашиваетъ себя: „сбросишь ли тяжесть годовъ? Скроешь ли волосы бѣлые, силу воротишь ли вновь?“ („Поздняя радость“, 1895). Ему кажется, что его поколѣнье не увидитъ „краснаго дня“; онъ сравниваетъ его съ Моисеемъ, который, „скорбя глядѣлъ съ горы въ долину Ханаана, войти въ которую не могъ“ („Долга, упорна ночь“, 1895). И всетаки онъ вновь чувствуетъ себя молодымъ, когда думаетъ о поколѣніи, идущемъ на смѣну усталымъ или погибшимъ: „о молодость, я вѣрую въ тебя!“ („Къ молодости“, 1899). „Возвращеніе“ не порываетъ въ немъ связи съ прошлымъ, какъ бы оно ни было печально. Озаренная свѣтомъ поэзіи, ему дорога „могила его весны“, дорога „страна полночныхъ вьюгъ“, гдѣ „лучшіе друзья въ чужихъ снѣгахъ зарыты, а пѣсни лучшія сгубилъ угрюмый сводъ“ („На родинѣ“, 1900). Въ минуту скорби, при видѣ того, что онъ засталъ на родинѣ, онъ восклицаетъ:

„Нѣтъ, легче жить въ тюрьмѣ рабомъ,
Чѣмъ быть свободнымъ человѣкомъ
И упираться въ стѣну лбомъ,
Не смѣя спорить съ рабскимъ вѣкомъ!“

И всетаки господствующей нотой его поэзіи остается „ожиданье зари“ („Я жду, упорно жду“, 1903), увѣренность въ восходѣ солнца („Грядущаго счастья далекіе дни“, 1907). „Слѣпцу ли, узрѣвшему свѣтъ, съ царящею тьмой примириться?“ —этими словами знаменательно заканчивается его послѣднее стихотвореніе...

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Разрѣшившійся министерскій кризисъ.—„Ударъ по оглоблѣ" и недоумѣніе „Россіи".—Одна изъ легальныхъ возможностей.—Кризисъ высшей школы.—Обращеніе избирателей Москвы.—Сенаторская ревизія въ Петербургѣ.—Городскіе „порядки" и „навыки".—Политическій смыслъ ревизіи.—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ) †.

Министерскій кризисъ, внезапно возникшій и неожиданно разрѣшившійся въ безпримѣрныхъ формахъ, затмилъ собою всѣ очередные общественные вопросы и злобы. Въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы" мы писали: „на грани наступающаго года что-то произошло. Что именно—съ точностью формулировать пока невозможно. Но что въ воздухѣ потянулись какія-то струи вѣтра, заколебавшія какъ будто атмосферу—это чувствуется достаточно опредѣленно". Мы воздержались тогда отъ предсказаній и не гадали, кого и какъ захватитъ это неясное „что-то",—гдѣ и откуда появятся воздушныя теченія, которыя заколеблютъ атмосферу. Напрашивались сами собою мысли о молодежи, о рабочихъ, пожалуй объ „успокоенныхъ" отрубами крестьянахъ. Но, сознаемся, намъ и въ голову не могло придти, что „что-то" долетитъ — и такъ скоро — до „объединеннаго" правительства, коснется его, и едва замѣтныя струи вѣтра оттуда получатъ то отраженіе, которое сдѣлаетъ ихъ если не бурными, то волнующими умы и шумными. А именно это и случилось. Уже скоро минетъ мѣсяцъ, какъ въ обществѣ снова возродился страстный интересъ къ политикѣ. Раздвинулись искусственно сотканныя рамки партійныхъ перегородокъ. Газеты читаются на расхватъ. Всѣ ждутъ извѣстій, спрашиваютъ другъ друга, говорятъ. Въ самый острый періодъ студенческой забастовки не наблюдалось ничего подобнаго. О дняхъ, когда готовъ былъ разгорѣться конфликтъ съ Китаемъ, нечего и говорить: насъ, русскихъ, внѣшнія осложненія, пока не вспыхиваетъ война, никогда особенно не волнуютъ. И признаковъ пониженія тона общественнаго настроенія еще не наблюдается. Напротивъ, оно все болѣе и болѣе наростаетъ. Нервность П. А. Столыпина—чѣмъ, кромѣ высшей степени нервности, можно объяснить условія, на которыхъ онъ согласился сохранить за собою постъ главы правительства?—передалась Думѣ и Государственному Совѣту, октябристамъ, кадетамъ, крайнимъ правымъ и отъ нихъ докатилась до обывателей. Способъ, которымъ П. А. Столыпинъ разрѣшилъ вопросъ о своей отставкѣ, больно ударилъ неожиданностью и сверхзаконностью

даже по привыкшимъ къ „неограниченнымъ возможностямъ" нервамъ недавнихъ русскихъ гражданъ.

Въ теченіе недѣли, пока вопросъ объ отставкѣ П. А. Столыпина стоялъ открытымъ, газетныя передовицы въ насъ вызывали улыбку. Министерскій кризисъ трактовался такъ, какъ будто онъ произошелъ въ истинно конституціонной странѣ—т.-е. на почвѣ принципіальнаго разномыслія, не допускающаго дальнѣйшей совмѣстной дѣятельности министерства и представительныхъ учрежденій. Такъ какъ конфликтъ возникъ между министерствомъ и верхней палатой, роспускъ которой, по ея составу, невозможенъ, то этотъ способъ его разрѣшенія не дебатировался. Дебатировался одинъ вопросъ: останется у власти министерство, сформированное въ день роспуска первой Думы, или нѣтъ? Подъ утвердительнымъ отвѣтомъ, тоже „по-конституціонному", разумѣлся отказъ министерства отъ куріальной системы въ земствѣ для шести западныхъ губерній или, какъ самое бо̀льшее, представленіе коронѣ о неутвержденіи закона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ Государственнаго Совѣта,—на случай, если Дума согласится съ Совѣтомъ. И тутъ же, однако, въ газетныя разсужденія вливалась уже совсѣмъ неконституціонная струя. Замѣстителемъ П. А. Столыпина газеты въ одинъ голосъ называли В. Н. Коковцова, члена того самаго кабинета,—„объединеннаго правительства",—у котораго возникъ конфликтъ съ Государственнымъ Совѣтомъ. Правда, и на Западѣ бываютъ частичныя смѣны въ составѣ кабинета, не исключая единичной отставки главы правительства. Но въ той постановкѣ, въ какой вопросъ стоялъ у насъ, это не былъ кризисъ частичный. Напротивъ, П. А. Столыпинымъ ему былъ приданъ, казалось, характеръ принципіальнаго отказа всего кабинета работать съ Государственнымъ Совѣтомъ. А, между тѣмъ, на случай, если бы отставка П. А. Столыпина была принята, никто и не предполагалъ, что уйдутъ гг. Коковцовъ, Щегловитовъ, словомъ—всѣ члены кабинета. И они, конечно, остались бы при своихъ портфеляхъ. Таково оффиціальное пониманіе и примѣненіе русской конституціи!

П. А. Столыпинъ остался. Случай для демонстрированія съ этой стороны русской конституціи въ ея настоящемъ видѣ былъ устраненъ. Но за то имѣлъ мѣсто другой случай, который далъ еще болѣе яркую демонстрацію. Занятія Совѣта и Думы были прерваны на три дня. Законъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ получилъ силу въ порядкѣ пресловутой 87 ст. основныхъ законовъ. Два члена Государственнаго Совѣта по назначенію, П. Н. Дурново и В. Ф. Треповъ, получили отпускъ. Исполнительная власть вышла полной побѣдительницей. Она „сосчиталась" съ голосованіемъ правой фракціи Совѣта „по совѣсти"... „Будь я отцомъ П. А. Столыпина, мнѣ до слезъ было бы

за него обидно"—записалъ въ свой дневникъ кн. Мещерскій въ тотъ день, когда узналъ объ этой побѣдѣ. „Этимъ шагомъ, въ которомъ нѣтъ ни государственнаго смысла, ни государственнаго разума,—говорилъ въ Думѣ по поводу побѣды П. А. Столыпина г. Пуришкевичъ,—а только личная месть уѣзднаго администратора, онъ нанесъ сильнѣйшій ударъ не только престижу тѣхъ учрежденій, въ которыхъ мы работаемъ, но и тому, чѣмъ мы живомъ и во что вѣримъ". Вышедшій изъ-за „побѣды" министерства изъ фракціи націоналистовъ, В. Н. Львовъ закончилъ свою рѣчь слѣдующей исторической справкой: „Когда у Карамзина спросили, что онъ думаетъ объ Аракчеевѣ, то онъ отвѣтилъ: священнымъ именемъ монарха играетъ временщикъ"...

П. А. Столыпину принадлежитъ немало крылатыхъ словъ и удачныхъ ораторскихъ отвѣтовъ противникамъ. Надолго сохранится въ памяти его: „не запугаете!" — сказанное во второй Думѣ. Тоже во второй Думѣ, парируя одинъ изъ слабо обоснованныхъ запросовъ о незакономѣрной дѣятельности правительства, онъ насмѣшливо сказалъ: „ударъ пришелся не по коню, а по оглоблѣ". На кого имъ самимъ теперь былъ занесенъ ударъ и по чему или по кому ударъ пришелся? По коню ли или по оглобѣ? „Россія" въ недоумѣніи. „Всѣ эти дни, — писалъ оффиціозъ 14 марта, — въ связи съ вопросомъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ и въ частности о національныхъ куріяхъ, создавались впечатлѣнія, изъ которыхъ можно было вывести, что дѣятельность правительства подверглась обсужденію съ высоты престола и что создавшееся такимъ образомъ положеніе, по существу своему, является какъ бы рѣшеніемъ верховной власти измѣнить основныя черты національной политики правительства или, во всякомъ случаѣ, видоизмѣнить эту политику въ духѣ рѣчей, раздававшихся въ Государственномъ Совѣтѣ при голосованіи вопроса о куріяхъ. Такія впечатлѣнія составляли главнѣйшее содержаніе всего, что писалось и говорилось въ теченіе ряда послѣднихъ дней. Между тѣмъ, именно это безусловно невѣрно". Въ дальнѣйшемъ газета задавала себѣ вопросъ: почему волнуются привычно-послушное большинство Думы и вѣрный правительству центръ Государственнаго Совѣта?—и не находила отвѣта. Она разсуждала: „Возвѣщенный въ занятіяхъ законодательныхъ учрежденій перерывъ дастъ возможность прибѣгнуть къ проведенію законопроекта о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ"... „Закономѣрность возвѣщеннаго перерыва, а также и право правительства прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ исключительному порядку проведенія закона являются безспорными"... „Не слѣдуетъ забывать, что законопроектъ уже прошелъ черезъ Государственную Думу, собралъ большинство и въ коммиссіи Государственнаго Совѣта"... „Послѣ того какъ проектъ

былъ отвергнутъ Совѣтомъ, члены Думы, въ числѣ до 200, немедленно же внесли соотвѣтствующее заявленіе"... Въ чемъ же можетъ быть малѣйшій поводъ для упрека по адресу П. А. Столыпина?

И „Россія", а вмѣстѣ съ нею „Новое Время" и „Свѣтъ", продолжаютъ стоять передъ этимъ „неразрѣшимымъ" вопросомъ. Ихъ изумляютъ запросы Государственной Думы и Совѣта, сложеніе А. И. Гучковымъ предсѣдательскихъ полномочій, единеніе, создавшееся вдругъ между непримиримыми политическими врагами. Они неумолчно повторяютъ, что увольненіе въ отпускъ П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова есть ударъ „по реакціи" и по „шептунамъ", и отказываются понять, почему этотъ ударъ не привѣтствуютъ тѣ, кто такъ много говорилъ о „придворномъ шепотѣ", кто желалъ „посчитаться" съ реакціей и на чьемъ знамени написана дата: „17-ое октября"... „Цѣль оправдываетъ средства!" Этотъ принципъ не со вчерашняго дня твердо усвоенъ націоналистической прессой. Министерство П. А. Столыпина тоже не разъ свидѣтельствовало, что ему онъ не чуждъ. И оно встрѣчало одобреніе—когда вводило военно-полевые суды, когда создавало „разъясненія", когда допускало казнь за поджогъ стога сѣна, когда отмѣнило выборный законъ. 3-го іюня 1907-го года въ октябристскомъ клубѣ общественныхъ дѣятелей пили шампанское. Почему же теперь бундируютъ „послушные" члены Думы? Законъ изданъ даже съ тѣми внесенными Думою измѣненіями, противъ которыхъ правительство возражало. Почему они въ тревогѣ—какъ будто ударъ пришелся по нимъ? Весь шумъ—„плутня" кадетовъ, „политическій шантажъ", на всемъ происшедшемъ и происходящемъ лежитъ марка: „вышло изъ кадетской лабораторіи". На этомъ „Россія" рекомендуетъ успокоиться „думскому центру" и той „иной сферѣ", „гдѣ, казалось бы, кадетскія хлопоты органически невозможны".

Ударъ по свободѣ голосованія Государственнаго Совѣта и лично по гг. Трепову и Дурново пришелся всего больнѣе по тому, изъ-за чего люди типа А. И. Гучкова раньше времени побѣлѣли, во имя чего они жертвовали порою даже личнымъ достоинствомъ. Для нихъ П. А. Столыпинъ создалъ трагическое положеніе. Они прозрѣли и не могутъ не сознавать, что исторія имъ скажетъ: „вы виноваты!" Мы не удивимся, если окажутся вѣрными газетные слухи о намѣреніи А. И. Гучкова отойти въ сторону отъ политической дѣятельности и уѣхать на Дальній Востокъ. „Рѣчь" сообщала, что П. А. Столыпинъ 20-го марта приглашалъ А. И. Гучкова къ себѣ, оправдывалъ „недоразумѣніемъ" то, что предполагавшееся примѣненіе 87 ст. не было ему предварительно сообщено, убѣждалъ остаться на посту предсѣдателя Думы. Потомъ послѣднее было опровергнуто, но фактъ приглашенія и бесѣды, кажется, вѣренъ. Легко представить себѣ, что

испытывалъ А. И. Гучковъ, если онъ въ словахъ П. А. Столыпина чувствовалъ искреннія ноты непониманія его личнаго рѣшенія и волненія, охватившаго думскихъ октябристовъ. Въ этомъ непониманіи А. И. Гучковъ долженъ былъ увидѣть отраженіе своего „я“, своей тактики, своихъ уступокъ—и, конечно, увидѣлъ. Сколько было жертвъ и, въ ихъ результатѣ, историческая справка о словахъ Карамзина!..

Октябристы тоже не всѣ „понимаютъ“. И въ этомъ опять трагизмъ А. И. Гучкова. Первымъ возвысилъ голосъ нѣкій Владиміръ Гольмстремъ, письмомъ въ „Новое Время“ заявившій о своемъ выходѣ изъ союза 17 октября. Какъ и подобаетъ русскому патріоту изъ нѣмцевъ, г. Гольмстремъ возмущенъ „партійнымъ малодушіемъ“, въ которомъ онъ видитъ „отсутствіе вѣры въ Русь“, „забвеніе интересовъ Россіи, какъ цѣлаго, требующаго объединенія, въ важныхъ случаяхъ національной жизни, монарха, его правительства и народныхъ представителей“, и которое онъ считаетъ „преступнымъ въ настоящую минуту, когда верховная власть и правительство дали столь яркое, непререкаемое доказательство стремленія къ благу Россіи, независимо отъ партійныхъ счетовъ и единичныхъ самолюбій“. На митингѣ, устроенномъ октябристами 20-го марта, въ защиту проведенія закона о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ выступали гг. Табурно и Никаноровъ. И даже „Голосъ Москвы“ далъ мѣсто на своихъ столбцахъ г. Локотю, горячо убѣждающему октябристовъ вернуться къ „послушанію“. „Пусть этотъ крупный политическій эпизодъ—пишетъ бывшій трудовикъ первой Государственной Думы—еще разъ, и довольно чувствительно, подчеркнулъ слабость власти законодательной по сравненію съ властью исполнительной; но развѣ это неожиданное открытіе для центра? Развѣ сознаніе этого безспорнаго факта, созданнаго величественно-безстрастной исторіей, не лежитъ въ основѣ политическаго міровоззрѣнія центра? Развѣ необходимость дружной солидарности центра съ умѣренно-прогрессивной національной исполнительной властью не является главнѣйшимъ практическимъ постулатомъ и пріемомъ политической тактики нашего центра? Вѣдь только эта солидарность двухъ силъ, хотя бы и явно неравныхъ въ данный моментъ, гарантируетъ нормальный, наиболѣе выгодный для страны, ходъ нашей политической эволюціи! Какіе же могутъ быть счеты этихъ двухъ силъ, и въ особенности, конечно, слабѣйшей изъ нихъ, тогда, когда на политическомъ фонѣ выплываютъ такіе крупные факты, какъ нынѣ переживаемый конфликтъ?“... „Только космополитически-радикальная оппозиція — продолжаетъ г. Локоть,—безспорно руководимая и диктуемая въ значительной степени интересами сильныхъ инородческихъ національныхъ группъ Россіи, сознательно и упорно проводитъ взглядъ на правительство, какъ на силу, враждеб-

ную странѣ, враждебную всему здоровому и свѣтлому въ странѣ. Только эта оппозиція никакъ не можетъ простить правительству, и въ особенности Столыпину, его опредѣленно національной, точнѣе—русско-националистической политики".

„Ударъ по оглоблѣ" такъ запуталъ узелъ, что его едва ли удастся развязать. Пожалуй, придется разрубать. Стоитъ себѣ представить одну возможность, даже не изъ числа „неограниченныхъ", а вполнѣ легальную. Законъ, изданный въ порядкѣ 87-й ст., долженъ быть внесенъ въ Думу въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія ея занятій. Для закона 14 марта этотъ срокъ истекаетъ 15-го мая. Если ко дню истеченія срока Дума будетъ распущена на лѣтнія вакаціи—а почему нѣтъ?—то законодательныя учрежденія будутъ фактически не въ состояніи осуществить право лишить законъ силы, и онъ останется дѣйствующимъ закономъ на все время до конца вакацій. Останется въ дѣйствіи въ теченіе этого времени и отдѣлъ VII-й, предоставившій министру внутреннихъ дѣлъ „установить для избранія земскихъ гласныхъ перваго трехлѣтія сокращенные сроки опубликованія избирательныхъ списковъ, подачи заявленій объ ихъ исправленіи, принесенія жалобъ и окончательнаго распубликованія списковъ", а равно „опредѣлить сроки и порядокъ передачи во вновь образуемыя земскія учрежденія поступающихъ въ вѣдѣніе ихъ дѣлъ, имуществъ и заведеній". Слѣдовательно, до осени, на точномъ основаніи закона, новыя учрежденія могутъ быть образованы, могутъ получить „дѣла, имущества и заведенія", а старыя учрежденія могутъ быть упразднены. Въ какомъ положеніи, при этой возможности, очутятся, съ одной стороны, Дума и Государственный Совѣтъ, съ ихъ несомнѣннымъ правомъ лишить принятую чрезвычайную мѣру силы закона, а съ другой—дороги, больницы, словомъ, все сложное земское хозяйство въ шести губерніяхъ?

Или, быть можетъ, ранѣе истеченія двухмѣсячнаго срока П. А. Столыпинъ „пойметъ". Или, быть можетъ, ему скажутъ, чтобы онъ „понялъ"... Когда исходъ его прошенія объ отставкѣ еще не былъ извѣстенъ, „Vossische Zeitung" писала: „Россія хотя и получила представительныя учрежденія, но все же осталась старой Россіей. Столыпинъ подавилъ революцію, но, уходя съ своего поста, онъ, можетъ быть, и самъ предвидитъ въ неособенно отдаленномъ времени новую революцію. Онъ сдѣлалъ все для подавленія минувшей революціи, но очень мало для предотвращенія революціи будущей". Разрѣшившійся кризисъ подтвердилъ вѣрность обѣихъ частей этой цитаты...

Кризисъ высшей школы, поскольку его выраженіемъ служитъ студенческая забастовка, вступилъ въ полосу затяжного конфликта. Полиція изъ петербургскаго университета и выведена, и не выведена. Полицейскихъ отрядовъ въ полной боевой готовности не видно. Ихъ болѣе въ университетъ не приводятъ. Но въ корридорахъ и на лѣстницахъ нѣтъ-нѣтъ и мелькнетъ фигура то полицейскаго офицера, то околоточнаго надзирателя, то городового. Лекціи тоже—и читаются, и не читаются. Изъ ста назначенныхъ по дневному расписанію лекцій, когда состоится сорокъ, когда тридцать, когда двадцать. Въ аудиторіи, обычно насчитывающія двѣсти-триста студентовъ, приходятъ десять или двадцать. Въ аудиторіи, собиравшія двадцать-тридцать — одинъ или два, а большей частью ни одного. Еще съ утра въ безконечно длинномъ верхнемъ корридорѣ университета, во время лекціонныхъ перерывовъ, видны студенческія группы. Но послѣ двухъ часовъ дня жизнь замираетъ. Запись на экзамены, однако, идетъ. Студенты постоянно спрашиваютъ профессоровъ, будетъ ли зачтено полугодіе, будутъ ли экзамены. Немногіе посѣтители аудиторій ходятъ не столько для того, чтобы выслушать лекцію, сколько дабы имѣть случай навести справку объ экзаменѣ и объ учебникѣ. Академисты какъ-то вдругъ исчезли. По крайней мѣрѣ, они ничѣмъ не напоминаютъ о себѣ и о своей миссіи—противодѣйствовать забастовкѣ и бороться съ лѣвымъ студенчествомъ. Приблизительно въ одинаковомъ положеніи обстоитъ дѣло въ спеціальныхъ высшихъ школахъ, въ политехникумѣ, на бестужевскихъ и другихъ женскихъ курсахъ. Какъ рѣдкій отзвукъ остраго періода забастовки, появляются газетныя извѣстія о попыткахъ, то тутъ, то тамъ, произвести химическую обструкцію,—о разбитой склянкѣ съ ѣдкой жидкостью.

Изъ училища правовѣдѣнія исключено 25 воспитанниковъ (по другой версіи 38). Конечно, этотъ фактъ нельзя ставить ни въ какую связь съ студенческимъ движеніемъ. Но онъ, все-таки, характеренъ и, главнымъ образомъ, потому, что причиною исключенія послужило столкновеніе между воспитанниками и пользующимся слишкомъ опредѣленной политической репутаціей г. Б. Никольскимъ, читающимъ въ училищѣ курсъ римскаго права. Однѣ газеты передаютъ, что правовѣды были недовольны „своеобразными лекторскими пріемами г. Никольскаго“. Другія—что недовольство было вызвано „невоздержностью г. Никольскаго, употреблявшаго въ бесѣдахъ съ воспитанниками некорректныя выраженія“. Оба эти объясненія настолько уклончиво-широки, что могутъ вмѣстить самое разнообразное содержаніе. Во всякомъ случаѣ, правовѣды были „недовольны“ г. Никольскимъ, который никогда не устаетъ заявлять, что онъ гордится званіемъ

черносотенца и „истинно-русскими“ заслугами, и выразили недовольство скопомъ. Для училища правовѣдѣнія это не меньше, чѣмъ, скажемъ, для университета—химическая обструкція. Исключеніе правовѣдовъ состоялось по телеграммѣ попечителя училища, принца Ольденбургскаго. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ мы прочли, что хотя распоряженіе объ исключеніи объявлено, но есть основаніе думать, что оно будетъ измѣнено. „Говорятъ—сообщаетъ газета—окончательному увольненію будутъ подвергнуты только три воспитанника, остальные же понесутъ наказаніе въ видѣ заключенія въ карцеръ и оставленія безъ отпуска“.

Будетъ ли и когда измѣнено рѣшеніе о многихъ сотняхъ — пожалуй, по всей Россіи, тысячахъ! — студентовъ, исключенныхъ, сосланныхъ и посаженныхъ въ тюрьмы за послѣдніе три мѣсяца? О нихъ неустанно ходатайствуютъ совѣты высшей школы и хлопочутъ отцы и матери. Но что значатъ эти ходатайства и хлопоты, — хлопоты отцовъ и матерей и ходатайства „автономныхъ“ совѣтовъ! Совѣты автономны—и этого достаточно, чтобы ихъ ходатайства не имѣли никакой цѣны въ глазахъ тѣхъ, кто взялъ себѣ ихъ права. Эксцессы студенческаго движенія замерли, а обыски и аресты среди студентовъ все продолжаются. За арестомъ слѣдуетъ если не всегда ссылка, то всегда—исключеніе. На виноватаго оно падетъ или на праваго—за недосугомъ не разбираютъ. Недавно мы видѣли отца двухъ сыновей-студентовъ. Еще въ декабрѣ они оба были арестованы. Отецъ, какъ только получилъ извѣстіе, пріѣхалъ въ Петербургъ. Добрался онъ до охраннаго отдѣленія. Спрашиваетъ: гдѣ сыновья, за что арестованы? Ему отвѣтили: арестованъ одинъ, за что—сказать нельзя: государственная тайна. А второй? Навели справку: сидитъ въ полицейской части. Сказали: ошибка. Черезъ часъ выпустили. Отецъ остался ждать, что будетъ съ первымъ. Ходитъ въ университетъ, въ департаментъ полиціи. Вездѣ одинъ отвѣтъ: неизвѣстно. Черезъ двѣ недѣли выпустили и перваго. Отецъ идетъ въ охранное отдѣленіе. Говорятъ: „противъ вашего сына ничего нѣтъ“. Отецъ въ радости, забылъ волненія, тревогу,—беретъ сына и уѣзжаетъ съ нимъ. Черезъ мѣсяцъ бумага: распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія сынъ исключенъ изъ университета безъ права поступленія въ высшія учебныя заведенія. Отецъ—опять въ Петербургъ. Опять хлопочетъ, обиваетъ пороги, проситъ. Свѣдѣнія изъ университета: безукоризненнаго поведенія, блестяще сдавалъ экзамены. Изъ охраннаго отдѣленія: ничего преступнаго, никакихъ уликъ. Отвѣтъ въ министерствѣ: исключены сотни—можно ли разбираться въ „дѣлѣ“ каждаго!..

Такъ вырываются изъ высшей школы корни крамолы! А на будущее время уже готовъ принятый совѣтомъ министровъ проектъ новаго кара-

тельнаго закона: „Виновный въ воспрепятствованіи занятіямъ въ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ установленіяхъ, учебныхъ заведеніяхъ и ученыхъ обществахъ, а равно публичнымъ собраніямъ и зрѣлищамъ, угрозами, насиліемъ надъ личностью, злоупотребленіемъ властью, поврежденіемъ помѣщенія, предназначеннаго для сихъ занятій, собраній или зрѣлищъ, а также искусственнымъ зараженіемъ въ немъ воздуха, если не подлежитъ за совершенныя имъ дѣйствія болѣе строгому наказанію, наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ или же лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія по пятой степени статьи 31 сего уложенія". Мысль, высказанная г. Боровитиновымъ на послѣднемъ дворянскомъ съѣздѣ и вызвавшая одобреніе со стороны г. Маркова 2-го, который выражалъ надежду, что „бывшій приватъ-доцентъ скоро станетъ профессоромъ",—уже нашла откликъ въ правительствѣ.

А думскіе запросы, внесенные по поводу только что пережитыхъ и переживаемыхъ событій въ высшей школѣ? Гдѣ они и что съ ними? Дума не усмотрѣла въ нихъ спѣшности. Они переданы въ коммиссію, войдутъ въ очередь запросовъ и будутъ обсуждаться черезъ годъ, быть можетъ черезъ два. Дума обсуждаетъ теперь тоже запросъ, касающійся высшей школы,—тотъ, иниціаторомъ котораго былъ г. Пуришкевичъ; его основою послужили инсинуаціи о профессорахъ и студентахъ, цѣлью онъ имѣлъ лишить высшую школу автономіи, студентовъ обратить въ академистовъ, а для профессоровъ, взамѣнъ научнаго ценза, установить цензъ полицейской благонадежности. Въ теченіе пяти засѣданій Думы авторы запроса давали полную волю своимъ инстинктамъ, мѣшая съ грязью ненавистное имъ лѣвое студенчество и возглашая грозное „слово и дѣло!" по адресу профессоровъ. Всѣхъ превзошелъ членъ Думы Образцовъ, забывшій послѣдніе предѣлы приличія и терпимой свободы въ клеветничествѣ. Его рѣчь—по аттестаціи „Россіи" „очень оригинальную и своеобразную"—не только противно приводить, но изъ уваженія къ трибунѣ, съ которой она была сказана, ее хочется скорѣе забыть.

Поскольку кризисъ высшей школы выразился въ массовомъ уходѣ профессоровъ и преподавателей московскаго университета и кіевскаго политехникума, онъ тоже пріобрѣлъ затяжной характеръ. Каѳедры пустуютъ, и надежды на скорый возвратъ уволенныхъ и добровольно ушедшихъ—нѣтъ. Правительство не проявляетъ видимой заботы о создавшемся положеніи. Оно его какъ будто вовсе не угнетаетъ. Кто ушелъ—не все ли равно! Одни ушли—другіе придутъ. Принесутъ ли съ собою эти другіе научный багажъ, замѣнятъ ли они ушедшихъ въ

существѣ профессорскаго служенія—правительство хочетъ показать, что стоитъ выше такихъ вопросовъ. Но общество живо и болѣзненно на нихъ реагируетъ. На имя г. Мануилова продолжаютъ отовсюду поступать привѣтствія и сочувственныя резолюціи. Учреждаются въ честь его и вмѣстѣ съ нимъ уволенныхъ помощника ректора и проректора московскаго университета стипендіи. 2.752 избирателя Москвы прислали московскимъ депутатамъ въ Государственной Думѣ протестующее обращеніе. Беремъ изъ него нѣсколько выдержекъ: „Тяжелый ударъ постигъ Москву: почти разрушенъ ея университетъ, старѣйшій русскій университетъ, дѣятельность котораго неизгладимо вписана въ исторію родного просвѣщенія. Университетъ потерялъ не только крупныя научныя силы, но въ немъ создается обстановка, при которой на долгое время невозможна правильная работа и на много лѣтъ не будетъ онъ въ состояніи выполнять своего назначенія“... „Населеніе Москвы не можетъ смотрѣть на это равнодушно“... „Намъ, какъ русскимъ людямъ и какъ жителямъ Москвы, московскій университетъ дорогъ вдвойнѣ. Мы сроднились съ тѣми памятниками національной духовной мощи, которые среди другихъ городовъ Россіи такъ отличаютъ Москву—мы сроднились съ кремлевскими святынями, собраніемъ плодовъ русскаго художественнаго генія, мы сроднились и съ университетомъ—этимъ полутора-вѣковымъ свѣточемъ родной земли. Съ его судьбами связана участь нашихъ дѣтей и нашихъ близкихъ, и тѣмъ опредѣленнѣе и недвусмысленнѣе должны мы осуждать мѣры, которыми подготовляется на долгое время благопріятная почва для всякаго рода безпорядковъ и для разрушенія мирной академической работы“... „Необходимъ пересмотръ того правительственнаго рѣшенія, въ силу котораго были устранены изъ среды московскаго университета руководители его академической жизни. Необходимъ и пересмотръ каръ, жертвой которыхъ оказались столь многіе изъ учащихся въ московскомъ университетѣ“.

Какъ громъ ударила по заправиламъ петербургскаго городского хозяйства ревизія сенатора Нейдгардта. Сенаторскому ревизіонному обслѣдованію пока подвергнута одна сторона дѣятельности исполнительныхъ органовъ городского самоуправленія—мостостроительство. Но едва ли ревизіи не придется расширить рамки поставленной ей задачи. Какъ ревизія интендантства отъ поставки сапогъ неизбѣжно перешла къ разслѣдованію всѣхъ операцій по заготовленію предметовъ вещевого и пищевого довольствія войскъ, такъ неизбѣжно же ревизія петербургскаго городского хозяйства должна будетъ перейти отъ мостостроительства къ трамваямъ, къ больницамъ, къ водопровод-

нымъ сооруженіямъ, къ оцѣночнымъ работамъ и т. д., и т. д. Въ сложномъ хозяйствѣ государственнаго или общественнаго учрежденія всѣ отрасли тѣсно связаны между собою не только въ смѣтномъ или кассовомъ отношеніи. Онѣ связаны организаціоннымъ единствомъ и, что еще важнѣе, единствомъ пріемовъ, навыковъ, традицій, словомъ—того, что составляетъ общій тонъ дѣятельности учрежденія въ его цѣломъ. Множественность лицъ, входящихъ въ составъ распорядительныхъ органовъ общественныхъ учрежденій—земскихъ собраній и городскихъ думъ,—и условія дѣятельности этихъ учрежденій въ значительной мѣрѣ, правда, способствуютъ разрушенію единства въ порочныхъ пріемахъ и навыкахъ. Здѣсь болѣе вѣроятно, въ общемъ, взяточничество лишь какъ индивидуальное исключеніе. Но для петербургскаго городского самоуправленія такая вѣроятность столь же мала, какъ и для учрежденій бюрократическихъ,—разъ обнаружено, что въ одной отрасли дѣятельности даннаго учрежденія взяточничество пустило глубокіе и прочные корни.

Въ Петербургѣ множественность состава городской думы и гласный общественный контроль парализованы. Множественность состава—партійностью. Общественный контроль—той непроницаемой бронею молчанія и игнорированія требованій, указаній и даже насмѣшекъ общественнаго мнѣнія, за которою укрылась главенствующая партія. Эта партія скрѣплена не единствомъ политическихъ и вообще какихъ бы то ни было принципіальныхъ воззрѣній. Она спаяна раздачею другъ другу платныхъ мѣстъ. Въ ней есть только кормящіе за счетъ города—и кормящіеся, покупающіе чужіе шары руководители—и руководимые, продающіе свои шары за управское или коммиссіонное жалованье и за разъѣздныя деньги. Такая партія естественно не можетъ раскрывать дверей исполнительныхъ органовъ передъ гласными, къ ней не принадлежащими. И, пользуясь численнымъ превосходствомъ, она забаррикадировала для гласныхъ меньшинства двери какъ управы, такъ равно и безчисленныхъ коммиссій, не исключая ревизіонной. На всѣхъ платныхъ исполнительныхъ должностяхъ петербургскаго городского самоуправленія—„свои“ люди, люди одного типа и одной спайки. И такой порядокъ завелся уже давно. Уже давно сложились вездѣ однородныя традиціи и создался общій тонъ. Какъ ни больно сказать—тонъ нечистоплотнаго отношенія къ городскимъ интересамъ и къ городскому служенію.

Толки и разсказы о пирогѣ—обычные предметы разговоровъ въ кругахъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ городскимъ дѣламъ. „Пирогъ“, „кормленіе“—были главной темой дебатовъ на предвыборныхъ собраніяхъ въ 1909-мъ году. Чуть удастся кому-либо изъ гласныхъ-обновленцевъ болѣе или менѣе детально заглянуть въ подряд-

ные тайники—сейчасъ окажется если не панама, то нѣчто такое, что помимо воли наводитъ на мысль о панамѣ. У стародумцевъ, конечно, всегда готово объясненіе: устраненные отъ исполнительныхъ дѣйствій обновленцы видятъ то, чего нѣтъ, и ощущаютъ запахъ тамъ, гдѣ воздухъ безупречно чистъ. Но факты говорятъ, что подозрительность въ отношеніи петербургскихъ городскихъ дѣлъ имѣетъ реальныя основанія. Эти факты, само собою разумѣется, обыкновенно вырисовываются въ условныхъ и покрытыхъ туманомъ очертаніяхъ: въ атмосферѣ стяжанія все бываетъ условно и ничто не блещетъ свѣтомъ. Однако, они таковы, что не видѣть изъ-за нихъ той атмосферы, которою плотно охвачено многомилліонное хозяйство Петербурга—нельзя.

Самое крупное и самое выгодное изъ муниципальныхъ предпріятій Петербурга—трамваи. Если не самая важная, то одна изъ наиболѣе неотложныхъ работъ по санитарному упорядоченію—засыпка Екатерининскаго канала. Трамваи первой очереди даютъ около трехъ милліоновъ въ годъ чистаго дохода. Предстоитъ постройка трамваевъ второй очереди, на что предположено истратить 24 милліона. Въ маѣ прошлаго года городская дума чуть не въ десятый разъ обсуждала вопросъ: сооружать ли вторую очередь трамваевъ непосредственнымъ распоряженіемъ города или передать все трамвайное дѣло въ концессію? Подавляющимъ большинствомъ голосовъ было подтверждено многократно принимавшееся рѣшеніе: всякіе переговоры съ концессіонерами и всякіе разговоры о концессіи прекратить. Тогда же дума поручила управѣ и трамвайной коммиссіи къ осени заготовить докладъ и вообще принять мѣры къ тому, чтобы въ строительный сезонъ 1911 г. возможно было приступить къ сооруженію трамваевъ второй очереди. Прошла осень, прошла зима; наступила весна. Ни доклада, ни проекта строительной смѣты въ думу не поступало. О займѣ на трамваи второй очереди никакихъ предположеній не представлялось. Уже полтора года на повѣстки думскихъ засѣданій г. Унковскій то ставитъ докладъ „о заключеніи VIII облигаціоннаго займа", то снимаетъ его. Но въ этотъ заемъ деньги на сооруженіе трамваевъ второй очереди не включены, также точно какъ не включены въ него деньги (два милліона рублей), необходимыя для засыпки Екатерининскаго канала—на дѣло, давно думою рѣшенное и прошедшее черезъ всѣ инстанціи. Такимъ образомъ, и для трамваевъ второй очереди, и для засыпки Екатерининскаго канала строительный сезонъ 1911 г. потерянъ. Тайна второго дѣла—не въ промессахъ, не во взяточническихъ навыкахъ и вообще не въ томъ, что относится къ области уголовно-правовой. Она—въ области гражданско-правовыхъ интересовъ, но такихъ, которые съ общественно-этической точки зрѣнія равноцѣнны

взяточничеству. Эта тайна вскрыта, съ одной стороны, министерскимъ представленіемъ о принудительномъ оздоровленіи Петербурга, отмѣтившимъ, что городскіе каналы суть клоаки, въ которыя, „безъ всякаго расхода для домовладѣльцевъ“, спускаются нечистоты изъ домовъ, выходящихъ на набережныя каналовъ. А съ другой — ее вскрываетъ простая справка по адресной книгѣ. Кто заглянетъ въ „Весь Петербургъ“, тотъ увидитъ фамиліи гласныхъ думы, владѣющихъ домами по Екатерининскому каналу, и среди нихъ ему не разъ бросится въ глаза фамилія городского головы, г. Глазунова. Что же касается трамвайнаго дѣла, то о его тайнѣ, независимо отъ разоблаченій иностранной прессы, свидѣтельствуетъ слѣдующее.

Въ сравнительно недавнее время многіе гласные-обновленцы были осчастливлены визитами двухъ представителей капиталистовъ: одного—парижскихъ и другого—лондонскихъ. Оба рекомендовали себя избирателями Петербурга и либеральными общественными дѣятелями, радѣющими объ интересахъ населенія, которое не можетъ дождаться сооруженія трамваевъ второй очереди. Оба длинно разсказывали о своей безупречной честности и о честности представляемыхъ ими капиталистовъ, которые никогда и никому взятокъ не даютъ. Но, конечно, каждый относилъ это только къ себѣ и къ своей фирмѣ, болѣе чѣмъ прозрачно намекая на неблаговидные пріемы конкуррента. Въ существенныхъ чертахъ предложенія обоихъ одинаковы и состоятъ въ желаніи получить долгосрочную концессію на сооруженіе трамваевъ второй очереди и на эксплоатацію всего трамвайнаго дѣла въ Петербургѣ. За это они предлагаютъ: уплатить городу безвозвратно 30 милліоновъ рублей, уплачивать ежегодно опредѣленный процентъ съ валового дохода и, во всякомъ случаѣ, не менѣе трехъ милліоновъ въ годъ, и по истеченіи срока концессіи (39 лѣтъ) передать все дѣло городу безвозмездно. На замѣчаніе, что городская дума окончательно рѣшила никому трамваевъ въ концессію не отдавать, оба выразительно пожимали плечами и приводили на справку, когда такое рѣшеніе состоялось и что̀ во исполненіе его сдѣлано. Приходилось краснѣть и замолкать. Также точно приходилось краснѣть и замолкать, когда почтенные общественные дѣятели, съ возмущеніемъ отвергая мысль о взяткахъ, ловко вставляли въ разговоръ, что такими пустяками, какъ нѣсколько сотъ тысячъ на представительство, они, конечно, располагаютъ. Красокъ для характеристики стародумскихъ главарей оба не жалѣли. Если сопоставить эти визиты съ требованіемъ закона, что для передачи городского предпріятія въ концессію требуется рѣшеніе, принятое въ собраніи думы большинствомъ двухъ третей голосовъ, и съ тѣмъ, что стародумцы такимъ большинствомъ не располагаютъ, то для тайны, полагаемъ, не останется мѣста.

При такихъ порядкахъ и „навыкахъ" и въ виду того позора, которымъ окружило себя петербургское городское самоуправленіе,—какъ должно относиться къ ревизіи сенатора Нейдгардта? Должно ли ее привѣтствовать,—вѣрнѣе: только привѣтствовать? Если смотрѣть на уголовное преслѣдованіе городскихъ избранниковъ, совершившихъ и совершающихъ преступное посягательство на городскіе интересы, какъ на единственное дѣйствительное средство насажденія добрыхъ нравовъ и борьбы со взяточничествомъ, то, конечно, ревизія сенатора Нейдгардта можетъ вызывать одно чувство удовлетворенія. Не ревизія — позоръ для городского самоуправленія, а то, что ревизію вызвало и что ревизіею обнаружено. Но если оцѣнивать смыслъ и значеніе общественнаго самоуправленія не только съ уголовно-правовой точки зрѣнія, то приходится надъ ревизіей сильно призадуматься. Ревизія ударила не столько по взяточникамъ, сколько по основамъ городского самоуправленія. Конечно, для взяточниковъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Но развѣ самоуправленіе не могло и безъ содѣйствія сенаторской ревизіи посадить ихъ на эту скамью? Развѣ не было общественнаго воздѣйствія на порядки веденія петербургскаго городского хозяйства? Развѣ въ городской думѣ изъ устъ гласныхъ меньшинства не раздавались постоянные крики о панамахъ?

И общественное мнѣніе, и гласные меньшинства стремились всѣми силами произвести полное всестороннее разслѣдованіе городскихъ дѣлъ. Они встрѣчали неодолимое къ тому препятствіе. Только ли, однако— въ сплоченности партіи „кормленія", сцементированной платными мѣстами? Не менѣе сплоченности думскаго большинства, препятствія систематически воздвигала опекающая самоуправленіе правительственная власть. Обывательскія общества, показавшія на выборахъ 1909 г., что они представляютъ грозную общественную силу противъ стародумцевъ, она закрыла. Если стародумцы и г. Унковскій въ засѣданіяхъ думы нарушатъ законъ себѣ во вредъ—какъ было въ вопросѣ о безплатности исполнительныхъ коммиссій, — постановленіе немедленно отмѣняется. Если же нарушеніе закона было имъ на пользу— какъ въ вопросѣ объ избраніи предсѣдателемъ училищной коммиссіи г. Бельгарда или объ участіи членовъ исполнительныхъ коммиссій въ баллотировкѣ размѣра собственнаго ихъ содержанія,—постановленіе оставляется въ силѣ. Даже теперь, когда производится сенаторская ревизія, правительственная власть не лишаетъ своего покровительства партію, видными и особенно вліятельными членами которой были гг. Дандре и Романовъ. На 19-ое марта въ отдѣлѣ городского и земскаго хозяйства петербургскаго техническаго общества былъ назначенъ докладъ гласнаго А. А. Пиленко. Имя докладчика ясно говорило, что предметомъ доклада будетъ критика дѣятельности дум-

скаго большинства,—быть можетъ рѣзкая, но безъ всякой примѣси обще-политическихъ соображеній. Градоначальникъ, безъ объясненія причинъ, засѣданія отдѣла „не допустилъ". Вмѣсто того, чтобы не мѣшать общественнымъ силамъ самостоятельно вывести на свѣтъ взяточничество петербургскихъ городскихъ заправилъ, правительственная власть тщательно оберегала ихъ покой—и вдругъ функціи этихъ силъ возложила на сенатора Нейдгардта. Чѣмъ закончится его ревизія, сказать еще нельзя. Но общественное разслѣдованіе несомнѣнно шире охватило бы вопросъ. Можетъ быть, оно не такъ быстро посадило бы г. Дандре въ тюрьму; можетъ быть, оно не такъ больно ударило бы по отдѣльнымъ лицамъ. За то общественное разслѣдованіе—т.-е. разслѣдованіе думской коммиссіей изъ независимыхъ гласныхъ—вѣрнѣе достигло бы главной цѣли: искоренить такое явленіе, напримѣръ, какъ визиты къ гласнымъ представителей капиталистовъ.

Ревизія сенатора Нейдгардта заставляетъ лишній разъ призадуматься и надъ судьбою мѣстнаго самоуправленія вообще. Данныя, послужившія основаніемъ для обыска въ дѣлахъ петербургскихъ городскихъ коммиссій—ревизіонной и по постройкѣ охтенскаго моста—и для привлеченія къ уголовной отвѣтственности гг. Дандре и Романова, были обнаружены еще лѣтомъ, при ревизіи въ Варшавѣ. Почему же власть, имѣвшая въ своемъ распоряженіи эти данныя, такъ долго медлила? Этотъ фактъ самъ собою напрашивается на сопоставленіе съ отказомъ Государственной Думы принять законопроектъ о принудительномъ оздоровленіи Петербурга, далѣе—съ рѣчью П. А. Столыпина въ защиту этого законопроекта и особенно съ тѣми немногими словами, которыя, въ засѣданіи Государственной Думы 9 февраля, сказалъ отъ имени правительства начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, г. Гербель. И результатомъ сопоставленія тоже самъ собою является выводъ: ревизія мостостроительства, по крайней мѣрѣ поскольку она касается Петербурга, есть шагъ политическій. А какія за нимъ открываются перспективы — объ этомъ, послѣ трехдневнаго перерыва въ занятіяхъ законодательныхъ учрежденій и послѣ проведенія закона о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ въ порядкѣ 87 ст., едва ли есть необходимость долго распространяться.

„Правительство—говорилъ г. Гербель при окончательномъ установленія редакціи принятой Государственной Думою части проекта объ оздоровленіи Петербурга,—внося на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій законопроектъ объ оздоровленіи Петербурга, стремилось, въ интересахъ охраны народнаго здравія, всѣми силами государственнаго аппарата обезпечить безусловное и успѣшное исполненіе, независимо отъ городского самоуправленія и, иначе говоря,

независимо отъ усмотрѣнія города. Но коммиссіи Государственной Думы не согласились и нашли возможнымъ дать городу еще извѣстные сроки для исполненія этого порученія, при чемъ городу давались нѣкоторыя льготы въ техническомъ отношеніи, а также право обязательнаго присоединенія къ канализаціи всѣхъ недвижимостей не только частныхъ, но и казенныхъ, и устанавливался особый канализаціонный сборъ. Съ этими поправками правительство согласилось, не смотря на нѣкоторую нерѣшительность въ отсрочкѣ дѣла, и полагало, что въ такомъ видѣ законопроектъ въ Государственной Думѣ будетъ принятъ. Но Дума, принявши первую часть законопроекта, вторую часть отвергла; были предложены нѣкоторыя поправки, которыя были представлены въ коммиссіи, въ томъ числѣ была поправка правительства, которое настаивало на томъ, чтобы вторая часть законопроекта была принята. Въ коммиссіи эта поправка правительства была отвергнута. Отвергнувъ такимъ образомъ вторую часть законопроекта, коммиссія придала ему совершенно новую конструкцію, съ которой правительство согласиться не можетъ *и считаетъ законопроектъ совершенно непріемлемымъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ коммиссіи Государственной Думы*" (см. „Россія", № 1605).

Если бы у насъ конституціонный строй примѣнялся на самомъ дѣлѣ и существовала и независимая отъ министерства законодательная власть палатъ, то приведенныя слова и особенно подчеркнутая фраза свидѣтельствовали бы только о томъ, что, въ виду отказа Государственной Думы принять вторую часть проекта, — первая также силы закона не получитъ. Теперь ихъ смыслъ идетъ гораздо дальше. Въ нихъ ясно читается, что физическое принужденіе къ петербургскому городскому самоуправленію въ формѣ, требуемой министерствомъ, примѣнено будетъ, т.-е. что рѣшеніе Думы не только въ отрицательномъ отношеніи, но и въ положительномъ, во всякомъ случаѣ, будетъ аннулировано. Но правительство имѣетъ противъ себя— противъ требованія изъять сооруженіе канализаціи и переустройство водоснабженія изъ рукъ города, съ передачею производства работъ за городской счетъ въ руки правительственной коммиссіи—такой уничтожающій аргументъ, какъ завѣренное хищничество чиновниковъ, и въ интендантствѣ, и въ вѣдомствѣ путей сообщенія, и въ варшавскомъ магистратѣ. На этотъ аргументъ П. А. Столыпинъ отвѣчалъ общими мѣстами. Онъ говорилъ: „Дѣло, господа, не въ чиновникахъ. Чиновникъ можетъ быть и плохъ, можетъ быть и хорошъ; а я думаю, что чиновникъ часто не меньше, а можетъ быть и больше другихъ трудится на пользу и на славу Россіи. И право, горько и больно слышать, когда рисуютъ по обычному шаблонному трафарету образъ чиновника, стремящагося исключительно захватывать чины, ордена,

оклады, и лишеннаго всякаго нравственнаго чувства". Ревизія сенатора Нейдгардта есть отвѣтъ конкретный. Если же такъ, то чѣмъ можно опровергнуть ея политическую цѣль: дать конкретный и фактическій отвѣтъ на противопоставленіе служенія общественнаго—служенію въ порядкѣ государственной службы, органовъ самоуправленія—органамъ бюрократіи? А дальше вырисовываются мысли проекта Д. С. Сипягина 1901 г. о единствѣ источника полномочій у назначенныхъ чиновниковъ и избранныхъ населеніемъ гласныхъ, о гласныхъ по назначенію и о мѣрахъ органическаго включенія мѣстнаго самоуправленія въ общую систему бюрократическаго строя...

Не стало хорошаго, идейно чистаго и честнаго человѣка! На долю Петра Филипповича Якубовича выпала тяжелая школа жизни. Въ его жизненномъ пути были три года предварительнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, смертный приговоръ и затѣмъ многіе годы каторги и ссылки. Съ 1884 г. до 1899 г. онъ былъ человѣкомъ, лишеннымъ свободы. Памятью его каторги остался „Міръ отверженныхъ", впервые напечатанный имъ въ „Русскомъ Богатствѣ" подъ псевдонимомъ Л. Мельшина. Въ этихъ очеркахъ, написанныхъ исключительно тепло и правдиво, ярко отразился литературный талантъ П. Ф., его наблюдательность и любовь къ людямъ,—даже къ тѣмъ уголовнымъ каторжникамъ, съ которыми онъ вынужденъ былъ не разставаться ни днемъ, ни ночью въ карійской и акатуйской тюрьмахъ и отъ которыхъ ему некуда и никогда нельзя было отгородиться. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи очерки П. Я. замѣтно отличаются отъ „Мертваго дома" Достоевскаго. Вернувшись въ Петербургъ, П. Ф. вошелъ въ дружную семью редакціи „Русскаго Богатства". Въ теченіе одного трехлѣтія онъ былъ членомъ комитета литературнаго фонда. „Дни революціи" не захватили его и не вернули къ активной роли—какъ они не вернули къ прошлому ни Г. Лопатина и никого другого изъ шлиссельбуржцевъ. Израненный въ борьбѣ ветеранъ, онъ слѣдилъ за развитіемъ революціоннаго процесса, волновался, наблюдалъ, но самъ оставался въ сторонѣ... Въ молодые годы П. Ф., его стихи печатались, между прочимъ, въ „Вѣстникѣ Европы".

Письмо въ редакцію.

Только на дняхъ пришлось мнѣ прочесть въ „Вѣстникѣ Европы" за февраль 1910 г. статью г. Вырубова о Московскомъ университетѣ, содержащую въ себѣ рѣзко-неблагопріятный отзывъ о моемъ покойномъ мужѣ, проф. М. А. Толстопятовѣ. Ему, между прочимъ, авторъ приписываетъ затрудненія, встрѣченныя его диссертаціею со стороны физико-математическаго факультета. На самомъ дѣлѣ медленность въ разсмотрѣніи диссертаціи г. Вырубова объясняется слѣдующимъ образомъ. Старшимъ профессоромъ по каѳедрѣ геологіи былъ тогда Г. Е. Щуровскій. Диссертація г. Вырубова была написана такимъ неразборчивымъ почеркомъ, что Щуровскій, человѣкъ пожилой, долженъ былъ разбирать ее съ лупой. Когда онъ прочелъ ее, надлежало обсудить ее въ факультетѣ. На очередное засѣданіе собралось недостаточное число членовъ. На слѣдующее засѣданіе не явился, по болѣзни, самъ Щуровскій. По неволѣ приходилось дѣло отложить еще на двѣ недѣли. Авторъ увидѣлъ въ этомъ интригу и, не смотря на увѣренія Мих. Алекс., что диссертація будетъ принята, взялъ ее обратно и уѣхалъ въ Парижъ. Профессоръ Лясковскій и Мих. Алекс. не помышляли даже отклонять отъ себя обязанности оппонировать г. Вырубову. Подтвержденіемъ моихъ словъ могутъ служить протоколы факультета.

Г. Вырубовъ называетъ М. А. Толстопятова человѣкомъ безконечно лѣнивымъ. О работахъ М. А. г. Вырубовъ не можетъ имѣть полнаго представленія, такъ какъ только немногія изъ нихъ были напечатаны. Такъ, ему повидимому неизвѣстна работа „о причинахъ гетероморфизма углекислой извести", неизвѣстны изслѣдованія „объ организаціи минераловъ", „о топазахъ"; сообщенія въ Обществѣ Испытателей Природы, работы надъ общими задачами ученія о кристаллогенезисѣ.

Какъ лекторъ, Мих. Алекс. пользовался большой популярностью. Изложеніе даже самыхъ спеціальныхъ отдѣловъ науки онъ всегда умѣлъ сдѣлать живымъ и интереснымъ, и лекціи его посѣщались студентами даже другихъ факультетовъ [1]).

По смерти его на гробъ былъ возложенъ студентами серебряный вѣнокъ, съ надписью: „дорогому наставнику и учителю отъ студентовъ естественниковъ и медиковъ". Большая университетская церковь

---

[1]) См. „Университетскія Извѣстія" за 1890 г.

была переполнена студентами и почитателями покойнаго. Студенты пожелали сами пѣть при отпѣваніи. Гробъ они несли на рукахъ, какъ изъ квартиры покойнаго въ университетскую церковь, такъ и изъ церкви въ Новодѣвичій монастырь.

Прибавлю, что два послѣдніе года жизни Мих. Алекс. состоялъ вице-президентомъ Общества Испытателей Природы и былъ деканомъ физико-математическаго факультета. Замѣчу, въ заключеніе, что самъ г. Вырубовъ прислалъ Мих. Алекс., въ 1886 г., свою работу, представленную въ Парижскій университетъ, съ надписью: „не злопамятное воспоминаніе о когда-то въ Москвѣ не защищенной магистерской диссертаціи и изъ далекихъ странъ искренній привѣтъ". Когда я въ 1893 г. послала г-ну Вырубову изданіе посмертныхъ записокъ мужа, я получила отъ него письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „je regrette bien sincèrement, croyez le, madame, que le professeur Tolstopjatoff n'ait pas cru devoir renouer avec moi les anciennes et amicales relations, toujours agréables et souvent utiles entre savants s'adonnant à une même spécialité".

Вдова заслуженнаго профессора Московскаго университета
Е. Д. Толстопятова.

ПОПРАВКА.

Въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы" подъ статьей: „Религіозныя исканія Л. Н. Толстого"—по ошибкѣ поставлена подпись: *М. Юшкевичъ*. Нужно читать: *П. Юшкевичъ*.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

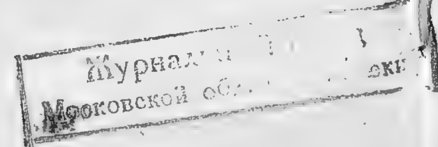
ИЗВѢЩЕНІЕ.

Отъ Ярославской Городской Управы.

Постановленіемъ отъ 3-го декабря 1908-го года, Ярославская Городская Дума признала необходимымъ издать исторію города Ярославля ко времени его 900-лѣтія, имѣющаго быть въ 1924-мъ году, и приступить теперь же къ собиранію и подготовкѣ матеріаловъ по этому изданію, которое поручено члену Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи, хранителю ея музея и историческаго архива, Илларіону Александровичу Тихомирову. Въ виду чего и принимая во вниманіе, что предпринятое дѣло не подъ силу одному человѣку, какъ бы добросовѣстно онъ къ нему ни отнесся, Ярославская Городская Управа, въ видахъ наиболѣе совершеннаго осуществленія начатаго мѣропріятія, обращается не только къ ярославскому обществу и всѣмъ ярославцамъ, разсѣяннымъ по Россіи и за границею, но и вообще ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ настоящему начинанію Городской Думы, съ просьбою оказать ей посильное содѣйствіе свое сообщеніемъ и присылкою въ Ярославскую Городскую Управу или на имя И. А. Тихомирова (Ярославль, Ильинская площадь, домъ 21 — древлехранилище) всякихъ имѣющихся у нихъ данныхъ о минувшей жизни Ярославля, хотя бы по виду и незначительныхъ.

Сообщенія и указанія могутъ касаться не только болѣе крупныхъ источниковъ, но и журнальныхъ статей и рисунковъ, газетныхъ корреспонденцій и т. п. Очень желательны дневники, всякія памятныя записи (встрѣчаются и въ календаряхъ), переписка знакомыхъ о злобахъ дня и о всякихъ иныхъ событіяхъ въ Ярославлѣ, виды города, планы его и планы и фасады домовъ, церквей и другихъ зданій города, особенно въ ихъ прежнемъ, нынѣ уже утраченномъ видѣ, фотографическіе снимки, портреты административныхъ, общественныхъ и другихъ дѣятелей, ихъ жизнеописанія, переписка, неизданныя сочиненія, работы мѣстныхъ художниковъ, мастеровъ и любителей, а равно и промышленныхъ заведеній и т. д. Все присланное во временное пользованіе, по снятіи копій, будетъ возвращено приславшимъ съ глубокой благодарностью и въ полной сохранности; присланное же въ распоряженіе Ярославской Городской Думы будетъ передаваться въ древлехранилище Ярославской Архивной Коммиссіи на вѣчное храненіе, съ занесеніемъ въ списки пожертвованій отъ имени приславшаго. Кое-что можетъ быть пріобрѣтено и за деньги, но въ виду незначительности отпускаемыхъ средствъ разсчитывать на большія цѣны не слѣдуетъ.

Просятъ всѣ періодическія изданія перепечатать.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.—АПРѢЛЬ.

Изданія книгоиздательства А. Ф. ДЕВРІЕНЪ

въ С.-Петербургѣ: Вас. Остр., Румянцевская площ., 1—3. || **въ Москвѣ:** Калашный пер., домъ Чистяковой.

ПОСТУПИЛА ТЕПЕРЬ ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНОСТЬЮ:

ФЛОРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

Иллюстрированный опредѣлитель дикорастущихъ растеній Европейской Россіи и Крыма.

СОСТАВИЛИ

Б. А. ФЕДЧЕНКО и А. Ѳ. ФЛЕРОВЪ,

Главный ботаникъ — Консерваторъ

Императорскаго Спб. Ботаническаго сада.

Въ 3-хъ частяхъ. 1201 страницы съ 1084 рисунк. и подробнымъ алфавитнымъ указателемъ. Въ коленкоровомъ переплетѣ. Ц. 4 р. 50 к.

ЧУВСТВУЮТЪ ЛИ РАСТЕНІЯ. Соч. Р. Г. Франсэ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. академика И. П. Бородина. Съ 18 рис. Цѣна 60 коп.

КАКЪ СОСТАВЛЯТЬ КОЛЛЕКЦІИ ГРИБОВЪ. Сост. А. Подшиваловъ. Съ 4 таблицами рисунковъ. Цѣна 25 коп.

ТЕРМИТЫ, ИЛИ БѢЛЫЕ МУРАВЬИ. Біологическій этюдъ К. Эшериха, проф. зоологіи Лѣсной академіи въ Тарантѣ. Съ прилож. „Системы термитовъ", сост. М. Гольмгреномъ и другими дополненіями автора къ русскому изданію. Перев. съ нѣм. Ю. А. Филипченко. Съ 57 рис. въ текстѣ и 1 табл. въ краск. Цѣна 3 руб.

КОМАРЪ, КАКЪ НОСИТЕЛЬ НАШИХЪ ЛИХОРАДОКЪ. Популярный очеркъ (по І. А. Порчинскому). А. А. Умнова. Съ 24 рис. Цѣна 40 коп.

Книги эти продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, какъ и въ складахъ книгоиздательства А. Ф. Девріена въ С.-Петербургѣ (Вас. Остр., Румянцевская площ., № 1—3) и въ Москвѣ (Калашный пер., д. Чистяковой).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Поляки и евреи. Матеріалы о польско-еврейскомъ спорѣ по поводу законопроекта о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ. Изъ статей и заявленій деп. Грабскаго, Р. Дмовскаго, И. Дубровскаго, В. Жаботинскаго, И. Петрункевича и А. Свѣнтоховскаго. Одесса. Ц. 25 коп.

Эта небольшая книжка представляетъ глубокій интересъ. Вопросъ, которому она посвящена, затрогиваетъ прямо—поляковъ и евреевъ, живущихъ въ царствѣ польскомъ, косвенно—все населеніе имперіи, для котораго больше чѣмъ когда-нибудь важно установленіе правильныхъ междунаціональныхъ отношеній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о роли, которую сыграли національныя „куріи“ въ судьбѣ законопроекта о земствѣ въ западномъ краѣ—и о борьбѣ между поляками и евреями изъ-за предположеннаго устройства еврейской куріи въ городахъ царства польскаго. Въ статьѣ г. Медема: „Еврейскій вопросъ“, напечатанной въ настоящей книжкѣ нашего журнала, показано значеніе попытокъ „ассимиляціи“ евреевъ съ русскими; въ статьяхъ гг. Жаботинскаго, Свѣнтоховскаго и другихъ идетъ рѣчь объ ассимиляціи евреевъ съ поляками — ассимиляціи, которой требуютъ послѣдніе и все меньше и меньше желаютъ первые. Издателями брошюры соблюдено требованіе: audiatur et altera pars; читателямъ дана возможность ознакомиться съ доводами обѣихъ спорящихъ сторонъ. Мы постараемся возвратиться къ предмету спора; теперь скажемъ только, что наше сочувствіе всецѣло на сторонѣ защитниковъ еврейской равноправности — гг. Дубровскаго, Жаботинскаго и Петрункевича.

Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Томъ III. Подъ редакціею Э. Л. Радлова. Спб., 1911. Ц. 2 рубля. Чистый доходъ предназначается на стипендію имени В. С. Соловьева.

Этимъ томомъ заканчивается прекрасное изданіе, предпринятое Э. Л. Радловымъ. Въ его составъ, кромѣ писемъ В. С. Соловьева къ разнымъ лицамъ, вошли нѣкоторыя вовсе до сихъ поръ ненапечатанныя или мало извѣстныя его произведенія, весьма различныя по содержанію и характеру; здѣсь есть и небольшая повѣсть, и юмористическая „мистерія“, и рѣчь, произнесенная передъ магистерскимъ диспутомъ, и рецензіи, и отрывки изъ воспоминаній. Между письмами особенное вниманіе обращаетъ на себя обширная переписка съ Е. К. Селевиною, женихомъ которой два года считалъ себя совсѣмъ еще юный Соловьевъ. Очень интересны и важны письма къ Л. Н. Толстому, о. П. Пирлингу и о. архимандриту Антонію (нынѣшнему митрополиту с.-петербургскому), а также нѣкоторыя письма къ А. А. Фету и Л. Я. Гуревичъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма къ Фету отъ 21-го августа 1888-го года, изъ Вирофле (въ окрестностяхъ Парижа): „полученныя мною недавно изъ Россіи извѣстія заставляютъ меня предполагать, что въ Москвѣ меня оставятъ не надолго, а препроводятъ гораздо дальше... Чѣмъ менѣе разумны такія опасенія, тѣмъ болѣе они правдоподобны. Какъ справедливо во всѣхъ языкахъ различается мудрость отъ разума! Настоящая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы, признавая права разума въ теоріи, какъ можно менѣе довѣрять ему на практикѣ“. Опасенія Владиміра Сергѣевича объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что именно въ 1888 г. стали появляться въ свѣтъ статьи его, возбудившія не только негодованіе нѣкоторыхъ изъ числа прежнихъ друзей его, но и неудовольствіе оффиціальныхъ сферъ.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Т. V. Москва, 1911.

Новый томъ быстро приближающагося къ концу изданія посвященъ дѣятелямъ великой реформы и первому періоду ея осуществленія. Главное мѣсто отведено участникамъ и двигателямъ освободительной работы; но не забыты и тѣ, кто былъ привлеченъ къ ней помимо воли—гр. В. Н. Панинъ и митрополитъ Филаретъ. Особенно обширны и интересны статьи о вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и вел. князѣ Константинѣ Николаевичѣ (А. Ѳ. Кони), о Н. А. Милютинѣ (А. К. Дживелегова), о Ю. Ѳ. Самаринѣ (В. Н. Бочкарева), о К. Д. Кавелинѣ (Б. И. Сыромятникова). Очень много любопытныхъ данныхъ собрано въ статьѣ А. З. Попельницкаго: „Первые шаги крестьянской реформы“. Изъ среды исполнителей на мѣстахъ справедливо выдвинуты на первый планъ К. К. Гротъ и В. А. Арцимовичъ (статья А. Ѳ. Кони), а также А. Н. Муравьевъ и другіе декабристы (статья А. А. Корнилова). Въ концѣ тома помѣщена особая статья (А. А. Корнилова) о реформѣ 19-го февраля 1884-го года въ Царствѣ Польскомъ.

П. Сергѣичъ. Искусство рѣчи на судѣ. С.-Петербургъ. 1910 г. Ц. 3 р.

По разнообразію матеріала, богатству житейскихъ наблюденій и психологическихъ замѣчаній и, наконецъ, по стремленію выяснить и обосновать практическіе пріемы состязанія сторонъ въ уголовномъ процессѣ, книга г. Сергѣича заслуживаетъ и вниманія, и подробнаго изученія. Въ легкой и въ то же время изобличающей большую начитанность формѣ авторъ касается главныхъ элементовъ судебной рѣчи: ея схемы, предварительной и художественной обработки, искусства спора, паѳоса и импровизаціи. Наша литература очень небогата трудами этого рода, а между тѣмъ потребность въ нихъ несомнѣнна: скоро наступитъ пятидесятилѣтіе публичнаго судоговоренія въ Россіи и пора приступить къ синтезу и анализу того, что имъ выработано. — Авторъ очевидно прошелъ длинный путь вдумчиваго опыта и пристальнаго изученія, благодаря чему имѣлъ возможность установить общія начала правильной и цѣлесообразной судебной рѣчи и указать достойные подражанія примѣры — и въ то же время щедро разсыпать въ своей книгѣ указанія на то, какъ *не надо* говорить на судѣ, обращая *искусство* въ непродуманное *ремесло* и достигая иногда совершенно неожиданныхъ результатовъ.

